

Журнал входит в Перечень ВАК России ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Прежние названия: «Научный коммунизм» (1973–1990); «Социально-политические науки» (1990–1993); Социально-политический журнал» (1993–1998); «Социально-гуманитарные знания» (с 1999)

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА. СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Михайлова О.В., Горева О.М., Айдарова З.Х. Основные функции конфликтов в образовательной среде	5
Карманов М.В., Кузнецов В.И. Актуальные вопросы прикладного анализа и проблемы интерпретации развития бейсджампинга	8
Мамаева Ю.А. Современные молодежные ценности в условиях трансформации мирового порядка	12
Московская А.С. ИИ в образовании и искусстве: соавтор или инструмент?	16
Парфенова Э.Л. Результаты социологического исследования по специфике медиакommunikации российских благотворительных организаций.....	19

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ. СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Алиев Д.Ф. Корпоративные практики поддержки молодой семьи.....	24
Гусакова О.С. Управленческие механизмы реализации потенциала имиджа государства: теоретико-методологические аспекты	28
Дидушко М.М. Развитие инструментов управления в условиях удаленной работы	34
Иванов С.Ю., Иванова Д.В., Чвякин В.А. Трудовой потенциал и конкурентные преимущества современного поколения выпускников вузов.....	40
Измеров А.А. Исследование степени влияния традиционных СМИ и доверия к ним в Европейском Союзе	48
Кирьянов А.Ю., Спасский Е.Н. Рекламная деятельность в городских поселениях Центральной России: институциональный аспект	53
Лоскутова И.М., Кокорева М.Е., Панич Н.А., Синяев М.В., Тарченко В.С. Удовлетворенность практикой студентов медицинского вуза как индикатор профессионального самоопределения.....	57
Мурзина И.А., Ретинская В.Н. Общество и государство в цифровой реальности современной России.....	62
Ушаков Е.В. Структуры умного управления (smart governance): функциональные области как составляющие интеллектуальной управленческой деятельности	67
Митрошкин К.В., Фомичева Т.В. Модели формирования экологического сознания молодежи в современных реалиях России: управленческий аспект	72

Учредитель: ООО «Издательство «КноРус»

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-83076

Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 26.04.2022 г.
ISSN 0869-8120

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

E-mail: shk_journal@mail.ru

Сайт: <http://socgum-journal.ru>

Журнал представлен в Научной электронной библиотеке eLibrary.ru и зарегистрирован в наукометрической базе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Мионов Анатолий Васильевич – доктор социологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник ВПО РФ, профессор Московского педагогического университета, академик РАСН, РАЕН, Международной академии наук (русская секция)

Ответственный секретарь:

Мионова Елена Витальевна (Москва)

Аванесова Галина Алексеевна – доктор философских наук, профессор действительный член РАЕН; **Балбеко Анатолий Михайлович** – доктор педагогических наук, профессор, почетный работник ВПО РФ; **Владимирова Татьяна Николаевна** – доктор педагогических наук, проректор МПГУ, директор Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования, член Союза журналистов России; **Волков Юрий Григорьевич** – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, директор Института социологии и регионалистики, ЮФУ; **Иванов Вилен Николаевич** – доктор философских наук, профессор, действительный член Академии литературы, почетный доктор Института социологии РАН; **Капицын Владимир Михайлович** – доктор политических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой по научной работе, МГУ им. М.В. Ломоносова; **Кара-Мурза Сергей Георгиевич** – доктор химических наук, профессор, главный научный сотрудник, ИСПИ РАН; **Карпухин Олег Иванович** – доктор социологических наук, профессор Московского гуманитарного университета, Заслуженный деятель науки РФ; **Кефели Игорь Федорович** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и социологии Балтийского государственного технического университета; **Козлова Оксана Николаевна** – доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии (Польша); **Криволюков Виктор Владимирович** – доктор социологических наук, профессор Государственного университета управления; **Макаров Анатолий Васильевич** – кандидат философских наук, профессор, зав. кафедрой проектирования образовательных систем Республиканского института Высшей школы (Беларусь); **Матюхин Андрей Викторович** – доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой философии и истории Московского финансово-промышленного университета; **Михайленок Олег Михайлович** – доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии Института социологии РАН; **Ореховская Наталья Анатольевна** – доктор философских наук, заведующий кафедрой гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве РФ (Москва); **Панферова Валентина Васильевна** – зам. главного редактора, кандидат философских наук, профессор, член международной федерации журналистов, профессор Московского педагогического государственного университета, почетный работник Высшего профессионального образования РФ; **Пуляев Вячеслав Тихонович** – доктор экономических наук, профессор, Президент Академии гуманитарных наук, профессор Санкт-Петербургского университета; **Субочев Николай Сергеевич** – доктор социологических наук, профессор кафедры Корпоративного управления РАНХиГС, почетный работник ВПО; **Скворцов Николай Генрихович** – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой сравнительной социологии факультета социологии, декан Факультета социологии СПбГУ, директор Центра изучения Германии и Европы; **Хазиев Валерий Семенович** – доктор философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, директор научно-исследовательского центра развития исламского образования БГПУ им. М. Акмуллы.

Отпечатано в типографии ООО «Стромьнка Принт», Москва, ул. Стромьнка, д. 18

Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 30.09.2024 Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

Хуторянский В.Е., Кохан Ж.С. Роль социальных медиа в формировании общественной дискуссии о политике и социальных вопросах 77

Цыганкова А.Н. Поляризация занятости и инновации: развитие социально-экономических последствий 80

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ. ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Артемьев А.А. Новые медиа в контексте духовной безопасности личности 84

Васильев В.А., Аветисян А.А. Концепция слова (имени) в творчестве античных философов 89

Воронина О.А. Феминность и маскулинность в культуре: архетипы, символы, метафоры, стереотипы 92

Захаров А.В. Трансформация системы духовных ценностей в экономической сфере российского общества в историческом контексте: социально-философский анализ 100

Кемеров В.Е. Театр одного актора 105

Лустин Ю.М. Цифровизация как концептуальный фактор профессионализации высшего образования 108

Мичурин А.В. Понятия толерантность и интолерантность с позиции социальной философии 113

Мышко Е.Ф., Захаров М.Ю. Социокультурные особенности самоубийств в современной Японии 117

Пань Сянчэн. Влияние конфуцианства на развитие идеи национального единства в китайском марксизме 121

Зимовец Л.Г., Походенко О.С. Проблема поиска общественного идеала в отечественной и западной религиозно-философской мысли 126

Мичурин А.В. Социально-философский анализ вариативности сущностных характеристик понятия терпимости 133

Рогатин В.Н. Структурно-организационные трансформации в неоязыческой организации «Родная украинская национальная вера» 136

Серегина Т.Н. Рецепция феномена «герой» в историко-философской традиции 140

Сироткин А.В. Фриланс в условиях информационного общества: социокультурные изменения 144

Тихвинский П.Н., Шишов В.Е., Тихомиров Е.А. Эволюция русской и советской философской мысли с конца XIX века до постсоветского периода: аспекты влияния на общество 150

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

Аторин Р.Ю., Колчин А.А. Теоретические основы религиоведения как университетской дисциплины 155

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ

Маслюк Д.С. Теоретические подходы к определению содержания понятия избирательной кампании 159

Соловей А.А. Направления развития институтов контроля публичной политики структурами гражданского общества 165

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Ли Лин. Переосмысление марксизма в постсоветский период и его идеологическое влияние на международные отношения 170

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Арешев В.В., Бдоян Д.Г. Нейронные языковые GPT-модели как инструменты глобального информационно-психологического противоборства (на примере освещения ChatGPT конфликта на Украине) ... 173

Панова Т.В., Бедненко А.С. Потенциал интеграционного развития БРИКС в системе международных отношений 183

Грибанова Г.И. Трансформация приоритетов геополитики Бразилии в отношении Антарктики в условиях интеграции в БРИКС 187

Калакутский А.В. Эволюция внешнеполитической стратегии Российской Федерации в отношении государств Центральной Азии в начале XXI века 192

Лю Юша. Динамика отношений между Азербайджаном и Китаем в контексте «Щелкового пути» 198

Осман Текин. Статус-кво, ревизионизм и реформизм в исследованиях западных и незападных ученых 202

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ежов Д.А. Технология блокчейн в системах электронного голосования и процессе принятия государственных решений 208

Крутько Е.А. Использование свободно-конструируемой ролевой игры при обучении языку специальности (на примере метода «шести шляп») 213

Сайсанова Г.Д., Сайсанова М.Ю. Культурные аспекты, детерминирующие репрезентацию концепта ВОДА в русском и марийском языках 217

Ян Цзинцзин. Исследование влияния и проблем применения больших данных на образовательное сотрудничество между Китаем и Россией 220

Сюй Хан. Глобальные цепочки поставок и геополитика: влияние санкций США на торговую динамику между Китаем и Россией 227

Соколова А.Г. Специфика понятия иноязычной коммуникативной компетенции у студентов нефилологических университетов 231

Чжан Вань. Последнее сотрудничество между Китаем и Россией в рамках «Ледового Шелкового пути» 238

СОЦИОЛОГИЯ ПРОФЕССИЙ

Кравченко А.И. Отечественная социология профессий: основные представители 243

TABLE OF CONTENTS

SOCIAL PROBLEMS OF SOCIETY DEVELOPMENT. SOCIOLOGY OF CULTURE

<i>Mikhailova O.V., Goreva O.M., Aidarova Z.Kh.</i> Main functions of conflicts in the educational environment	5
<i>Karmanov M.V., Kuznetsov V.I.</i> Topical issues of applied analysis and problems of interpretation of base jumping development	8
<i>Mamaeva Y.A.</i> Contemporary youth values in the context of the transformation of the world order	12
<i>Moskovskaya A.S.</i> AI in education and the arts: a co-author or a tool?	16
<i>Parfenova E.L.</i> Results of a sociological study on the specifics of media communications of Russian charitable organizations	19

SOCIAL STRUCTURE. SOCIOLOGY OF MANAGEMENT. SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

<i>Aliiev D.F.</i> Corporate practices to support young families	24
<i>Gusakova O.S.</i> Management mechanisms for realizing the potential of the state's image: theoretical and methodological aspects	28
<i>Didushko M.M.</i> Development of management tools in the remote working environment	34
<i>Ivanov S.Yu., Ivanova D.V., Chvyakin V.A.</i> Labor potential and competitive advantages of the modern generation of university graduates	40
<i>Izmerov A.A.</i> The study of the degree of influence of traditional media and trust in them in the European Union at the present stage	48
<i>Kiryakov A.Yu., Spassky E.N.</i> Advertising activities in urban settlements of Central Russia: institutional aspect	53
<i>Loskutova I.M., Kokoreva M.E., Panich N.A., Sinyayev M.V., Tarchenko V.S.</i> Satisfaction with medical school students' practice as an indicator of professional self-determination	57
<i>Murzina I.A., Retinskaya V.N.</i> Society and the State in the Digital Reality of Modern Russia	62
<i>Ushakov E.V.</i> Smart governance structures: functional areas as components of intelligent governing activities	67
<i>Mitroshkin K.V., Fomicheva T.V.</i> Models for forming ecological consciousness of youth in modern realities of Russia: managerial aspect	72
<i>Khutoryansky V.E., Kokhan Zh.S.</i> The role of social media in shaping public discourse on politics and social issues	77
<i>Tsygankova A.N.</i> Employment polarization and innovation: developing socio-economic consequences	80

Founder: LLC Publishing House «KnoRus»

Mass media registration certificate PI No. FS 77-83076 Issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media on April 26, 2022.

ISSN 0869-8120

Editorial address: 117218, Moscow, st. Kedrova, d. 14, bldg. 2

E-mail: shk_journal@mail.ru

Website: <http://socgum-journal.ru>

The journal is presented in the Scientific Electronic Library elibrary.ru and registered in the scientometric database RSCI (Russian Science Citation Index)

EDITORIAL TEAM:

Chief Editor:

Mironov Anatoly Vasilievich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Moscow Pedagogical University, Academician of the Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Natural Sciences, International Academy of Sciences (Russian section)

Secretary of the editorial staff:

Mironova Elena Vitalievna

Mironov Anatoly Vasilievich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Moscow Pedagogical University, Academician of the Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Natural Sciences, International Academy of Sciences (Russian section)

Avanesova Galina Alekseevna – Doctor of Philosophy, Professor, Full Member of the Russian Academy of Natural Sciences; **Balbeko Anatoly Mikhailovich** – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation; **Vladimirova Tatyana Nikolaevna** – Doctor of Pedagogical Sciences, Vice-Rector of Moscow State Pedagogical University, Director of the Institute of Journalism, Communications and Media Education, member of the Union of Journalists of Russia; **Volkov Yuri Grigorievich** – Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Director of the Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University; **Ivanov Vilen Nikolaevich** – Doctor of Philosophy, Professor, Full Member of the Academy of Literature, Honorary Doctor Institute of Sociology RAS; **Kapitsyn Vladimir Mikhailovich** – Doctor of Political Sciences, Professor, Deputy Head of the Department for Scientific Work, Moscow State University. M.V. Lomonosov; **Kara-Murza Sergey Georgievich** – Doctor of Chemical Sciences, Professor, Chief Researcher, ISPI RAS; **Karpukhin Oleg Ivanovich** – Doctor of Sociological Sciences, Professor of Moscow University for the Humanities, Honored Scientist of the Russian Federation; **Kefeli Igor Fedorovich** – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Cultural Studies and Sociology, Baltic State Technical University; **Kozlova Oksana Nikolaevna** – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of the Institute of Sociology (Poland); **Krivosukhov Viktor Vladimirovich** – Doctor of Sociological Sciences, Professor at the State University of Management; **Makarov Anatoly Vasilievich** – Candidate of Philosophical Sciences, Professor, Head. Department of Design of Educational Systems of the Republican Institute of Higher School (Belarus); **Matyukhin Andrey Viktorovich** – Doctor of Political Sciences, Professor, Head. Department of Philosophy and History of Moscow Financial and Industrial University; **Mikhailenok Oleg Mikhailovich** – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department for the Study of Socio-Political Relations of the Center for Political Science and Political Sociology of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; **Orehovskaya Natalya Anatolyevna** – Doctor of Philosophy, Head of the Department of Humanities, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow); **Panterova Valentina Vasilievna** – deputy editor-in-chief, candidate of philosophical sciences, professor, member of the International Federation of Journalists, professor of Moscow Pedagogical State University, honorary worker of Higher Professional Education of the Russian Federation; **Pulyaev Vyacheslav Tikhonovich** – Doctor of Economics, Professor, President of the Academy of Humanities, Professor of St. Petersburg University; **Subochev Nikolay Sergeevich** – Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Corporate Governance at RANEPa, Honorary Worker of Higher Professional Education; **Skvortsov Nikolay Genrikhovich** – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Comparative Sociology of the Faculty of Sociology, Dean of the Faculty of Sociology of St. Petersburg State University, Director of the Center for the Study of Germany and Europe; **Khaziev Valery Semenovich** – Doctor of Philosophy, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Director of the Research Center for the Development of Islamic Education of the BSPU named after M. Akhmedov.

Former titles: «Scientific Communism» (1973–1990); «Socio-Political Sciences» (1990–1993); «Socio-Political Journal» (1993–1998); «Social and Humanitarian Knowledge» (since 1999)

Printed in the printing house of Stromynka Print LLC, Moscow, st. Stromynka, 18
Circulation 300 copies. A4 format. Signed in print: 30.08.2024. Free price

All materials published in the journal are subject to internal and external peer review.

The publication is not subject to labeling in accordance with paragraph 2 of Art. 1 of the Federal Law of December 29, 2010 No. 436-FZ: "On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development".

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY. PHILOSOPHY OF CULTURE. SOCIAL PHILOSOPHY. PHILOSOPHY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

<i>Artemyev A.A.</i> New media in the context of personal spiritual security	84
<i>Vasiliev V.A., Avetisyan A.A.</i> The concept of a word (name) in the work of ancient philosophers	89
<i>Voronina O.A.</i> Femininity and masculinity in culture: archetypes, symbols, metaphors, stereotypes.....	92
<i>Zakharov A.V.</i> Transformation of the system of spiritual values in the economic sphere of Russian society in a historical context: socio-philosophical analysis.....	100
<i>Kemerov V.E.</i> One-Actor Theater	105
<i>Lustin Yu.M.</i> Digitalization as a conceptual factor in the professionalization of higher education	108
<i>Michurin A.V.</i> The concepts of tolerance and intolerance from the position of social philosophy	113
<i>Myshko E.F., Zakharov M.Yu.</i> Sociocultural features of suicide in contemporary Japan	117
<i>Pan Xiangcheng.</i> The influence of confucianism on the development of the idea of national unity in chinese marxism.....	121
<i>Zimovets L.G., Pokhodenko O.S.</i> The problem of the search for a social ideal in Russian and Western religious and philosophical thought.....	126
<i>Michurin A.V.</i> Social-philosophical analysis of the variability of essential characteristics of the concept of tolerance	133
<i>Rogatin Vladimir Nikolaevich;</i> Structural and organizational transformations in the neo-pagan organization "Native ukrainian national faith"	136
<i>Seregina T.N.</i> Reception of the phenomenon "hero" in the historical and philosophical tradition	140
<i>Sirotkin A.V.</i> Freelance work in the information society: sociocultural changes	144
<i>Tikhvinskiy P.N., Shishov V.E., Tikhomirov E.A.</i> The evolution of russian and soviet philosophical thought from the end of the 19th century to the post-soviet period: aspects of influence on society.....	150

PHILOSOPHY OF RELIGION AND RELIGIOUS STUDIES

<i>Atorin R.Yu., Kolchin A.A.</i> Theoretical foundations of religious studies as a university discipline.....	155
--	-----

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNOLOGIES

<i>Maslyuk D.S.</i> Theoretical approaches to determining the content of the concept of an election campaign	159
<i>Solovey A.A.</i> Directions for the development of institutions for control of public policy by civil society structures.....	165

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

<i>Li Ling.</i> Rethinking marxism in the post-soviet period and its ideological influence on international relations	170
---	-----

INTERNATIONAL RELATIONSHIPS

<i>Areshv V.V., Bdoyan D.G.</i> Neural Language GPT Models as Tools of Global Information and Psychological Warfare (the Case of ChatGPT's Coverage of the Conflict in Ukraine)	173
<i>Panova T.V., Bednenko A.S.</i> Potential for BRICS integration development in the system of international relations.....	183
<i>Gribanova G.I.</i> Transformation of Brazil's geopolitical priorities regarding Antarctica in the context of integration into BRICS.....	187
<i>Kalakutsky A.V.</i> The evolution of the russian federation's foreign policy strategy towards the central Asian states at the beginning of the 21st century	192
<i>Liu Yousha.</i> Dynamics of relations between Azerbaijan and china in the context of the Silk Roads.....	198
<i>Osman Tekin.</i> Status quo, revisionism and reformism in the studies of western and non-western scholars	202

INTERDISCIPLINARY AND APPLIED RESEARCH

<i>Ezhov D.A.</i> Blockchain technology in electronic voting systems and government decision-making	208
<i>Krutko E.A.</i> Utilizing free-constructed role plays in teaching managers the language of speciality (on the basis of "six thinking hats").....	213
<i>Saisanova G.D., Saisanova M.Yu.</i> Cultural aspects determining the representation of the concept WATER in Russian and Mari languages.....	217
<i>Yan Jingjing.</i> Research on the Impact and Challenges of Big Data Application on Educational Cooperation between China and Russia.....	220
<i>Xu Hang.</i> Global supply chains and geopolitics: impact of us sanctions on trade dynamics between China and Russia.....	227
<i>Sokolova A.G.</i> Specifics of the concept of foreign language communicative competence of students of non-philological universities	231
<i>Zhang Wanyi.</i> Latest China-Russia Cooperation on the Ice Silk Road.....	238

<i>Kravchenko A.I.</i> Foreign and domestic sociology of professions: basic approaches	243
--	-----

SOCIOLOGY OF PROFESSIONS

Основные функции конфликтов в образовательной среде

Михайлова Ольга Викторовна,

ст. преподаватель, Тюменский индустриальный университет
E-mail: Mihajlovaov@tyuiu.ru

Горева Ольга Михайловна,

доцент, к., Тюменский индустриальный университет
E-mail: gorevaom@tyuiu.ru

Айдарова Земфира Хамзовна,

ассистент, Тюменский индустриальный университет
E-mail: ajdarovazh@tyuiu.ru

Статья нацелена на обсуждение следующих ключевых областей: выявление основных функций конфликтов в образовательной среде: как негативных, так и позитивных, определение этапов развития конфликтов, а так же факторов, влияющих на усугубление и затухание конфликтов.

Актуальность обеспечивается рассмотрением ключевых функций конфликтов в высшей школе.

Целью статьи является выявление основных функций конфликтов в образовательной среде.

Метод исследования проблемы: клинический и исследовательский подходы, ориентированные на нахождение оптимального результата в процессе решения проблемы.

Авторские результаты: в процессе изучения конфликтов в образовательной среде выявлено, что конфликт не всегда отрицательное явление, зачастую он помогает искоренить серьёзную проблему, а так же привнести определённые улучшения в образовательный процесс или методику преподавания дисциплин. В статье рассмотрены основные функции конфликтов: как негативные, так и позитивные, этапы развития конфликтов, а так же определены основные факторы, влияющие на усугубление и затухание конфликтов.

Ключевые слова: конфликт, высшая школа, образовательная среда, функции.

В представлениях большинства людей конфликты ассоциируются строго с отрицательными явлениями, поэтому конфликт представляется как явление нежелательное и вредное, однако это далеко не так. Зачастую конфликт, особенно в высшей школе помогает искоренить серьёзную проблему, а так же привнести определённые улучшения в образовательный процесс или в методику преподавания дисциплин. Все зависит от роли, которую выполняет конфликт.

Рассмотрим более подробно основные функции, возлагаемые на конфликт, как элемент социального взаимодействия.

Основные функции, возлагаемые на конфликт, как элемент социального взаимодействия

В современном обществе конфликт является неотъемлемой частью социального взаимодействия. Он играет важную роль в формировании отношений, разрешении противоречий и определении целей и задач группы или организации. Конфликты могут возникать на разных уровнях – от межличностных до международных, и выполнять различные функции, которые оказывают значительное влияние на наше поведение и окружающую среду.

Основная функция конфликта заключается в выявлении проблем и несоответствий, которые требуют решения. Конфликты позволяют выразить свои интересы и потребности, а также привлечь внимание к проблемам, которые нуждаются в изменениях или улучшениях. Они стимулируют поиск новых решений и инноваций, способствуя развитию общества и организаций. Без конфликтов было бы трудно достичь перемен и прогресса.

Однако конфликты также могут иметь негативные последствия. Они могут вызывать напряжение, стресс и деструктивное поведение участников конфликта. Конфликты могут разрушать отношения, создавать неприятности для всех сторон и затруднять достижение соглашений. Поэтому осознание основных функций конфликта поможет эффективно управлять ими и использовать его положительный потенциал для достижения гармонии и справедливости в обществе.

Консолидирующая функция конфликта

Конфликт, как элемент социального взаимодействия, выполняет ряд важных функций, в том числе консолидирующую. В ситуациях конфликта возникает необходимость разрешения противоречий и поиска компромиссов, что способствует укреплению и улучшению взаимоотношений между людьми или группами в обществе. Кроме того, конфликт является механизмом для выявления проблемных моментов внутри сообщества и их последующего решения. При этом происходит активизация социального взаимодействия, поскольку участники конфликта вынуждены общаться и искать общие точки зрения, что способствует укреплению общности и групповой идентичности. Таким образом, консолидирующая функция конфликта обеспечивает сближение и объединение людей в процессе решения проблем и преодоления разногласий.

Дифференцирующая функция конфликта

Дифференцирующая функция конфликта заключается в возможности выявления противоречий и проблем в об-

ществе или внутри группы. Конфликт способствует выявлению различных точек зрения, интересов и потребностей участников, что позволяет выработать более глубокое понимание ситуации. В результате конфликт может послужить стимулом для создания новых решений и поиска компромиссов. Дифференцирующая функция конфликта способствует выявлению уязвимых мест в социальных отношениях и помогает улучшить взаимодействие между людьми. В случае разрешения конфликта эффективно, его дифференцирующая функция может привести к укреплению социальной солидарности и повышению эффективности социальных структур.

Инновационно-конструктивная функция конфликта

Инновационно-конструктивная функция конфликта предполагает его способность стимулировать изменения и развитие в социальном взаимодействии. Конфликт может обозначать несогласие с существующими порядками и способствовать поиску новых, более эффективных решений. Путем выявления различий и противоречий взглядов сторон, конфликт может стимулировать появление инноваций и развитие креативных подходов к решению проблем. В процессе разрешения конфликта могут быть предложены и протестированы новые идеи, что способствует обновлению и улучшению существующих структур и процессов в социальном взаимодействии. Таким образом, конфликт, вместо простого разрушения, может служить источником для инноваций, стимулируя прогресс и развитие в обществе.

Диагностическая функция конфликта

Диагностическая функция конфликта заключается в том, что конфликт является индикатором проблем в отношениях между людьми. Через проявление конфликта становится возможным обнаружить скрытые разногласия, недовольства или недоразумения, которые могут возникнуть в ходе социального взаимодействия. Как правило, конфликт выступает в качестве сигнала о том, что взаимодействие между людьми нарушено, и требуется дополнительное внимание и регулирование. Поэтому диагностика конфликта позволяет выявить и проанализировать причины возникновения проблем, что в свою очередь способствует разрешению конфликта и улучшению общения между участниками.

Рекреационная функция конфликта

Рекреационная функция конфликта представляет собой возможность для людей выразить свои эмоции и удовлетворить потребность в самовыражении. В процессе конфликта участвующие стороны могут найти способы проявить свои мнения, чувства и установки, что способствует освобождению от негативных эмоций и накопленного стресса. Конфликт позволяет людям научиться конструктивно решать разногласия, развивать навыки коммуникации и умение находить компромиссы. Таким образом, рекреационная функция конфликта способствует не только физическому и эмоциональному разгрузке, но и развитию личности и улучшению взаимоотношений между людьми.

Деструктивная функция конфликта

Деструктивная функция конфликта заключается в его способности вызывать разрушение и ущерб в социальном взаимодействии. Конфликт может привести к нарушению отношений между людьми, а также к распаду сообществ и организаций. В деструктивных конфликтах возникает напряженная обстановка, обостряются противоречия и негативные эмоции, что отрицательно влияет на общий климат в коллективе. Кроме того, деструктивные кон-

фликты могут привести к потере доверия, ухудшению сотрудничества и инновационной активности, а также вызывать негативные психологические и эмоциональные последствия, такие как стресс, тревога и депрессия. Таким образом, деструктивная функция конфликта приводит к возможным разрушительным последствиям, которые могут сильно повлиять на социальное взаимодействие и эффективность работы коллектива.

Конечно, надо отдавать себе отчет в том, что один конфликт не может выполнить все вышеперечисленные функции одновременно. Реализация той или иной функции зависит от большого количества внешних и внутренних факторов, обеспечивающих конфликтный фон. В этом смысле основной задачей конфликтологической теории является осмысление механизмов, способствующих трансформации конфликтных отношений в отношения сотрудничества, которые в свою очередь, обеспечили бы устойчивое развитие отдельных социальных институтов и общества в целом

Конфликты в высшей школе – это неизбежная часть образовательной среды, где студенты и преподаватели ежедневно сталкиваются с различиями во мнениях, ценностях и подходах. Однако для эффективного управления конфликтами необходимо понимать их стадии развития, чтобы найти оптимальное решение.

Именно поэтому матрица выхода из конфликтной ситуации становится важным инструментом для всех участников образовательного процесса. В данной статье мы рассмотрим основные этапы развития конфликта в высшей школе и предложим практические рекомендации по использованию матрицы для успешного разрешения конфликтов и создания гармоничной обучающей среды.

Этапы развития конфликта среди студентов

Конфликты среди студентов в высшей школе проходят через несколько этапов развития. Начальным этапом является накопление недовольства и непонимания между студентами, что может привести к возникновению разногласий и агрессии. Затем происходит эскалация конфликта, когда студенты начинают открыто выражать свои претензии друг к другу, что может привести к конфронтации и усилению напряженности в отношениях. Наконец, конфликт переходит в стадию кризиса, когда студенты оказываются в тупиковой ситуации, не видя выхода из конфликтной ситуации. Для решения подобных ситуаций применяется матрица выхода из конфликта, которая включает в себя шаги по разрешению проблемы, обсуждению точек зрения и поиску компромисса. Ключевым моментом является готовность студентов искать совместное решение и прийти к конструктивному диалогу для успешного выхода из конфликта.

Динамика конфликтных ситуаций в высшей школе

В высшей школе конфликтные ситуации могут проходить через несколько стадий развития. Начальная стадия чаще всего начинается с недоразумений или незначительных конфликтов, которые могут накапливаться из-за недостаточной коммуникации или разногласий. Затем конфликт может эскалироваться до более серьезных стадий, таких как открытое столкновение и конфронтация. Важно осознать, что избегание разрешения конфликта может привести к ухудшению отношений среди участников. Для преодоления конфликтной ситуации можно использовать матрицу выхода, включающую шаги по анализу, обсуждению, поиску компромисса и совместному решению проблемы. Это позволит сторонам найти конструктивное решение и сделать урок из конфликтной ситуации.

Факторы, влияющие на развитие конфликтов среди студентов

Факторы, влияющие на развитие конфликтов среди студентов в высшей школе могут быть разнообразными. Важными факторами являются различия во взглядах и ценностях, соревновательная атмосфера, ограниченные ресурсы, недопонимание, конфликты интересов и ролей, а также личностные характеристики участников. Эти факторы могут способствовать нарастанию напряженности и конфликтов между студентами, особенно если не уделять должного внимания их разрешению. Применение матрицы выхода из конфликтной ситуации может помочь студентам и администрации школы найти оптимальные пути решения проблем и урегулирования конфликтов на ранней стадии, способствуя созданию благоприятной среды для обучения и взаимодействия.

Литература

1. Лисовская, Н.Б. Особенности конфликтов в педагогическом коллективе школы / Н.Б. Лисовская, Г.Ю. Иконникова // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. – 2020. – № 3. – С. 421–428. – Elibrary.ru: научная электронная библиотека: сайт. -URL: <https://elibrary.ru/> (дата обращения: 14.11.2022). – Режим доступа: для зарегистрированных пользователей. – Текст: электронный.
2. Магдеев, А.М. Предупреждение и разрешение педагогического конфликта: традиции и новации / А.М. Магдеев, В.Р. Мухадинов // Интеграция образования. – 2009. – № 1 (54). – С. 86–90. – Elibrary.ru: научная электронная библиотека: сайт. -URL: <https://elibrary.ru/> (дата обращения: 14.11.2022). – Режим доступа: для зарегистрированных пользователей. – Текст: электронный.
3. Нехороших, Н.А. Современная педагогическая наука о педагогическом конфликте / Н.А. Нехороших // Мир образования – образование в мире. – 2019. – № 2 (74). – С. 188–195. – Elibrary.ru: научная электронная библиотека: сайт. -URL: <https://elibrary.ru/> (дата обращения: 14.11.2022). – Режим доступа: для зарегистрированных пользователей. – Текст: электронный.
4. Полищук, В.М. Проблематика конфликтологии в педагогической и психологической литературе / В.М. Полищук // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. – 2016. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problematika-konfliktologii-v-pedagogicheskoy-i-psihologicheskoy-literature> (дата обращения: 15.11.2022). – Текст: электронный.

MAIN FUNCTIONS OF CONFLICTS IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT

Mikhailova O.V., Goreva O.M., Aidarova Z.Kh.
Tyumen Industrial University

The article aims to discuss the following key areas: identifying the main functions of conflicts in the educational environment: both negative and positive, determining the stages of conflict development, as well as factors influencing the aggravation and attenuation of conflicts.

Relevance is ensured by considering the key functions of conflicts in higher education.

The purpose of the article is to identify the main functions of conflicts in the educational environment.

Method of problem research: clinical and research approaches aimed at finding the optimal result in the process of solving the problem.

Author's results: In the process of studying conflicts in the educational environment, it was revealed that conflict is not always a negative phenomenon, it often helps to eradicate a serious problem, as well as bring certain improvements to the educational process or teaching methods of disciplines. The article considers the main functions of conflicts: both negative and positive, stages of conflict development, and also identifies the main factors influencing the aggravation and attenuation of conflicts.

Keywords: conflict, higher education, educational environment, functions.

References

1. Lisovskaya, N.B. Features of conflicts in the teaching staff of the school / N.B. Lisovskaya, G. Yu. Ikonnikova // Herzen Readings: psychological research in education. – 2020. – No. 3. – P. 421–428. – Elibrary.ru: scientific electronic library: website. – URL: <https://elibrary.ru/> (date of access: 11/14/2022). – Access mode: for registered users. – Text: electronic.
2. Magdeev, A.M. Prevention and resolution of pedagogical conflict: traditions and innovations / A.M. Magdeev, V.R. Mukhadinov // Integration of education. – 2009. – No. 1 (54). – P. 86–90. – Elibrary.ru: scientific electronic library: website. – URL: <https://elibrary.ru/> (date of access: 14.11.2022). – Access mode: for registered users. – Text: electronic.
3. Nekhoroshikh, N.A. Modern pedagogical science about pedagogical conflict / N.A. Nekhoroshikh // The world of education – education in the world. – 2019. – No. 2 (74). – P. 188–195. – Elibrary.ru: scientific electronic library: website. – URL: <https://elibrary.ru/> (date of access: 14.11.2022). – Access mode: for registered users. – Text: electronic.
4. Polischuk, V.M. Problems of conflictology in pedagogical and psychological literature / V.M. Polischuk // Bulletin of the Taganrog Institute named after A.P. Chekhov. – 2016. – No. 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problematika-konfliktologii-v-pedagogicheskoy-i-psihologicheskoy-literature> (date of access: 11/15/2022). – Text: electronic.

Актуальные вопросы прикладного анализа и проблемы интерпретации развития бейсджампинга

Карманов Михаил Владимирович,

д.э.н., профессор, профессор кафедры статистики ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В.Плеханова»
E-mail: Karmanov.MV@rea.ru

Кузнецов Владимир Иванович,

д.э.н., профессор, профессор кафедры статистики ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»
E-mail: Kuznetsov.VI@rea.ru

Тема. В настоящее время среди экстремальных видов спорта распространение получил бейсджампинг, который в обществе не имеет однозначной оценки. В связи с этим интерес представляют прикладные исследования данного явления. При этом информационное обеспечение прикладных исследований бейсджампинга в настоящее время носит весьма проблематичный характер. В статье приводятся исследования, связанные с количественной оценкой различных параметров бейсджампинга и их последующей интерпретацией.

Цель. Рассмотреть и выявить проблемы информационного обеспечения прикладных исследований бейсджампинга (отсутствии унифицированных международных принципов учета различных параметров бейсджампинга; непрерывного системного мониторинга за бейсджампингом; системы показателей статистики бейсджампинга), дать рекомендации для формирования информационной базы статистики бейсджампинга.

Методология. Применяются методы теоретического исследования в форме обобщения, сравнения и специальных аналитических процедур.

Область применения полученных результатов. Материал может быть полезен при проведении исследований развития бейсджампинга.

Результаты. В статье приводится обзор литературы, посвященный проблемам бейсджампинга. Отмечается, что практически невозможно получить его комплексную количественную характеристику по всей цепочке развития процесса: оценка масштабов и массовости распространения бейсджампинга среди населения, особенностей состава его участников, результатов развития этого вида спорта. Даны рекомендации по формированию системы статистических показателей бейсджампинга, которая должна включать: 1.показатели численности, структуры и динамики контингента бейсджамперов; 2.показатели распространенности и интенсивности бейсджампинга; 3.показатели результатов развития бейсджампинга.

Выводы. Существующие проблемы, рассмотренные в статье, серьезно сдерживают совершенствование статистики бейсджампинга с позиций ее превращения в инструмент познания объекта исследования. В настоящее время возможно проводить лишь фрагментарный анализ развития бейсджампинга, что накладывает ограничения на возможности интерпретации имеющейся статистической информации.

Ключевые слова: бейсджампинг, система статистических показателей бейсджампинга, интерпретация статистической информации.

В XXI веке широкое распространение среди населения стали получать самые разнообразные экстремальные занятия, увлечения и виды спорта. Среди них, несомненно, достаточно заметное место занимает бейсджампинг, представители которого настойчиво и систематически заставляют не забывать о своем существовании средства массовой информации. В результате обыкновенные граждане время от времени получают информацию с налетом сенсационности о прыжках парашютистов с различных высотных объектов, заканчивающихся в отдельных случаях даже летальным исходом.

Сразу следует отметить, что подобные сообщения вызывают неоднозначные и нередко противоречивые оценки происходящего. Одна часть общества воспринимает бейсджампинг с восторгом, как нечто неординарное, связанное с победой над собой, достижением спортивной мечты, осуществлением того, что еще мало кто делал или не делал вообще. Другая часть общества видит в бейсджампинге глупость, неоправданный риск, противопоставление себя обществу, нарушение установленных правил и законов.

Представляется, чтобы разобраться в правомерности и обоснованности тех или мнений, касающихся места и роли бейсджампинга в современном обществе, обязательно требуются всесторонние прикладные исследования данного явления, позволяющие отбросить в сторону элементы предвзятости и субъективизма.

Стартом подобных исследований, особенно сопряженных с количественной оценкой различных параметров бейсджампинга и их последующей интерпретацией, следует признать более подробное проникновение в содержание и фактические формы проявления объекта познания.

С исторической точки зрения принято считать, что первый практический бейсджампинг был связан с парашютным прыжком Луи Себастьяна Ленормана в 1783 году с башни обсерватории во французском городе Монпелье [1].

Это событие в последующем предопределило современное понимание бейсджампинга, в котором присутствуют два принципиально важных составных элемента. Подобными элементами столь экстремального действия стали, с одной стороны, обязательное использование парашюта (в дальнейшем парашюта специального назначения особой формы и конструкции), а, с другой стороны, прыжки исключительно со стационарных объектов. В итоге бейсджампинг стал трактоваться как прыжки со специальным парашютом с фиксированных объектов, в качестве которых чаще используются крыши зданий, мосты, вышки антенн, трубы промышленных предприятий, скалы и т.п. [2].

Как любое необычное явление бейсджампинг, несомненно, не может не вызывать определенную реакцию со стороны социума. В условиях демократии и толерантности в формировании общественного мнения по отношению к бейсджампингу большое значение имеют два обстоятельства:

- экстремальный характер явления;
- достаточно высокая летальность.

Что касается первого обстоятельства, то можно признавать или не признавать бейсджампинг как отдельный и самостоятельный вид спорта, но нельзя не видеть и не осознавать повышенную степень экстремальности при совершении прыжков на парашюте со стационарных объектов. Ведь кратковременность полета, имеющиеся препятствия и иные факторы объективно гарантируют высочайшую степень опасности и риска, которые на практике нередко приводят к печальным последствиям [3].

Второе обстоятельство не существует само по себе, а вытекает из первого, так как при самом неблагоприятном варианте стечения событий парашютные прыжки подобного рода заканчиваются смертью бейсджамперов, о чем свидетельствуют статистические данные, имеющиеся в свободном доступе. Они, конечно, в ряде случаев несут противоречивый характер, но просто вынуждают более подробно остановиться на своем содержании.

Чтобы понять и прочувствовать высокую летальность бейсджампинга вполне достаточно посетить несколько специализированных сайтов, где говорится:

- бейсджампинг – это самый опасный вид спорта, в котором ежегодно погибают порядка 10 человек [2];
- возрастающая популярность бейсджампинга увеличивает процент смертности в этом виде спорта, где каждый год погибает от 15 до 25 человек [4];
- сочетание экстремальности и растущей популярности бейсджампинга приводят к тому, что в этом виде спорта погибает примерно 1 человек из 30 участников [5].

Некоторые расхождения в величине (абсолютная ежегодная смертность) и содержании (абсолютная ежегодная смертность и частота смертности) приводимых индикаторов не могут завуалировать пугающе высокую летальность бейсджампинга. Ведь смерть 10-ти (минимальная оценка) или 25-ти (максимальная оценка) бейсджамперов в год мало что меняет. Люди гибнут вследствие своего опасного увлечения и смерть даже одного человека всегда вызывает серьезную озабоченность. И если из каждой тридцатки бейсджамперов один погибает, то летальность составляет 3,3%. Это внушительная величина причем не только для традиционных, но и для экстремальных видов спорта.

Поэтому вне зависимости от субъективного отношения к бейсджампингу на поверхности всегда лежит один простой и весомый аргумент. Спорт или спортивное увлечение всегда должны нести пользу и радость, а не приводить к потере человеческих жизней. И простая трактовка бейсджампинга как занятия, позволяющего научиться управлять своим телом, побеждать страх и т.п. обязательно требует корректировки на реальную возможность получения травмы или даже гибели участника столь рискованного мероприятия, требующего серьезной специальной подготовки [6].

Если говорить о доминирующих причинах смертности при занятиях бейсджампингом, то почти три четверти погибших разбиваются при прыжках со скал, а почти 40% из-за не раскрытия парашюта или крыльев костюма [4].

Столь печальная статистика, по нашему мнению, вряд ли может считаться абсолютно точной, исчерпывающей, достоверной и т.д. Все дело заключается в том, что информационное обеспечение прикладных исследований бейсджампинга в настоящее время носит весьма проблематичный характер. Это предопределяется целым рядом специфических практических моментов.

Во-первых, достаточно часто бейсджамперы совершают свои прыжки в нарушение многих существующих

правил и законов. А поэтому они не всегда заинтересованы в анонсе или афишировании собственных достижений, которые попадают в поле зрения правоохранительных органов и средств массовой информации с некоторой задержкой или не попадают вообще [7].

Во-вторых, по уже указанной выше причине наиболее известными становятся как раз случаи бейсджампинга, связанные с травмами или гибелью участников, что вольно или не вольно попадает СМИ и активно там обсуждается, будоража общественное мнение [8].

В-третьих, определенная часть сведений о скрытых достижениях бейсджамперов, связанных с нарушениями существующих правил и законов, по понятным причинам размещается в социальных сетях, где приводятся видео и фото доказательства совершенного прыжка. Однако по таким материалам не всегда удастся проверить сам факт совершенного прыжка, место, время и иные параметры произошедшего события, так как отдельные люди в целях собственного пиара заведомо идут на обман или частичное искажение действительности [9].

В-четвертых, во многих странах мира не сложилась сколь либо надежная система учета бейсджампинга, где-то он вообще полностью находится вне закона, что объективно не позволяет свести воедино все материалы и, хотя бы приблизительно ответить на вопрос о распространенности данного экстремального вида спорта в масштабах всей планеты.

В совокупности подобная ситуация заставляет сталкиваться с целым рядом проблем информационной базы статистики бейсджампинга, среди которых обязательно требуется выделить:

- отсутствие унифицированных международных принципов учета различных параметров бейсджампинга;
- отсутствие непрерывного системного мониторинга за подавляющей частью событий, связанных с бейсджампингом;
- отсутствие системы показателей статистики бейсджампинга.

Особенно нелицеприятным служит тот факт, что до настоящего времени не разработана система показателей статистики бейсджампинга. Поэтому практически невозможно получить его комплексную количественную характеристику по всей цепочке развития процесса. То есть, начиная с масштабов и массовости распространения бейсджампинга среди населения, через структурные особенности состава его участников, и, заканчивая результатами развития столь экстремального вида спорта.

Можно по-разному относиться к бейсджампингу как общественному явлению (позитивно либо негативно), но нельзя не понимать, что окончательный вывод всегда зависит от понимания сложившейся ситуации, которая преобразуется в реальную картину бытия только на основе анализа достоверной информации, облаченной в форму конкретных показателей, раскрывающих те или иные грани объекта исследования.

В этой связи объективная социальная интерпретация бейсджампинга напрямую упирается в необходимость разработки и обоснования некоторой системы индикаторов, позволяющих не только количественно отразить положительные и отрицательные стороны исследуемого явления, но и в конечном счете выйти на интегральную оценку состояния и результатов его развития [10].

С нашей точки зрения, хочется того или не хочется, но придется заниматься рассмотрением параметров самой совокупности бейсджамперов, так как без этого действия не получится разобраться со всеми остальными характеристиками бейсджампинга [11]. Поэтому исходный раздел системы индикаторов статистики

бейсджампинга возможно начать именно с показателей численности, структуры и динамики контингента бейсджамперов. В этом разделе, видимо, как минимум, требуется включить следующие достаточно очевидные индикаторы:

- численность лиц, занимающихся бейсджампингом;
- численность фактических бейсджамперов;
- структура фактических бейсджамперов по полу, возрасту, месту жительства, образованию, уровню специальной подготовки, количеству совершенных прыжков и иным демографическим и социально-экономическим признакам;
- динамика общей численности фактических бейсджамперов, а также их важнейших составных сегментов;
- структурные сдвиги в составе контингента фактических бейсджамперов.

Необходимость разграничения между численностью занимающихся и фактическим контингентом бейсджамперов вызвана тем, что бейсджампинг представляет собой весьма экстремальный вид спорта и поэтому серьезная и сознательная подготовка к первому желателю удачному прыжку занимает определенное время. С другой стороны, потенциальная аудитория занимающихся бейсджампингом позволяет ближе подойти к оценке и объективной интерпретации размеров фактической совокупности бейсджамперов, то есть лиц уже совершавших хотя бы один экстремальный прыжок.

Важность подробной идентификации структурных характеристик контингента фактических бейсджамперов связана с тем, чтобы попытаться установить какие именно факторы в большей степени предопределяют выбор людей в пользу занятий столь экстремальным видом спорта, приносящим не только удовлетворение, но и достаточно ощутимые летальные потери.

Ну а динамика размеров любой совокупности, а также структурные сдвиги в ее составе практически всегда служат серьезными помощниками для понимания происходящих временных изменений применительно абсолютно ко всем общественным явлениям, в том числе и по отношению к бейсджампингу.

Другим не менее важным разделом системы индикаторов статистики бейсджампинга могут стать показатели распространенности и интенсивности бейсджампинга. Они призваны ответить на вопросы о том, как часто встречаются бейсджамперы в той или иной совокупности населения, а также насколько часто они занимаются бейсджампингом. К подобным индикаторам, видимо, относятся:

- число фактических бейсджамперов в расчете на 100000 человек населения;
- число фактических бейсджамперов в расчете на 100000 человек в возрасте 18 лет и старше (от 18 до 50 лет и т.п.);
- количество прыжков, совершенных бейсджамперами за год;
- совокупное количество прыжков, совершенных бейсджамперами за определенный период времени (как накопленная результативная величина);
- среднее количество прыжков в расчете на одного фактического бейсджампера.

Попытка разграничения всего населения и лиц совершеннолетнего возраста (либо контингента от 18 до 50 лет и т.п.) связана с двумя обстоятельствами. Прежде всего, многие социальные явления и процессы с позиций своего распространения рассматриваются в такой среде как все население, то есть в расчете на 100000 жителей. Однако экстремальный характер бейсджампинга, сопряженный с его повышенной опасностью и летально-

стью, вынуждает выделять возрастные границы людей, которые способны им заниматься. Нижней чертой данного контингента, видимо, может быть рубеж совершеннолетия, то есть 18 лет. А вот верхняя возрастная граница может либо отсутствовать, либо фиксироваться на некотором пределе (скажем в 50 лет), после которого экстремальные прыжки или не совершаются, или совершаются крайне редко в силу повышенных требований к физическим кондициям участников бейсджампинга.

Частота бейсджампинга может рассматриваться в абсолютном и в относительном аспектах. В первом случае чем больше прыжков было совершено за конкретный период времени, либо в целом накопленным итогом, тем чаще в обществе встречается подобное явление. Во втором случае, то есть в расчете на одного фактического бейсджампера, упор делается на участников рассматриваемого процесса. Чем больше прыжков в среднем совершал один бейсджампер, тем более высокой была интенсивность бейсджампинга.

Завершающим звеном системы индикаторов статистики бейсджампинга вполне могут послужить показатели результатов развития бейсджампинга, которые как раз способны объединить как позитивные, так и негативные достижения одного из самых экстремальных видов спорта [12]. К ним могут относиться следующие показатели:

- удельный вес удачных прыжков, совершенных бейсджамперами;
- удельный вес прыжков, совершенных бейсджамперами и закончившихся получением травм различной тяжести;
- удельный вес прыжков, совершенных бейсджамперами со смертельным исходом;
- число погибших в расчете на 1000 фактических бейсджамперов;
- число привлеченных к ответственности (административной, уголовной) в расчете на 1000 бейсджамперов.

Подразделение результатов бейсджампинга на позитивные и негативные объективно связано с существующей дифференциацией общественного мнения. Естественно, что в данном контексте большее внимание привлекают травматизм и летальность бейсджамперов, так как удачные прыжки должны считаться нормой, даже несмотря на экстремальность занятий подобного рода. В определенной степени результаты бейсджампинга приоткрывают индикаторы, связанные с характеристикой соответствия совершенных прыжков действующему законодательству, так как в ряде случаев для достижения своих целей бейсджамперы умышленно идут на нарушение закона.

В настоящее время, к большому сожалению, невозможно не только собрать информацию в разрезе всех основных показателей, обозначенных в предлагаемой выше системе индикаторов статистики бейсджампинга, но и получить данные за более или менее длительный период времени. По этим причинам комплексный прикладной анализ состояния и развития бейсджампинга как своеобразного общественного явления проблематичен не только в динамике за ряд лет, но даже и в статике, то есть за один год или по какому-либо региону.

В целом, необходимо отметить, что существующие проблемы, рассмотренные в данной статье, серьезно сдерживают совершенствование статистики бейсджампинга с позиций ее превращения в инструмент познания объекта исследования, а поэтому позволяют пока проводить лишь фрагментарный анализ развития столь экстремального вида спорта, что накладывает серьезные

ограничения на возможности интерпретации фактически имеющейся статистической информации.

Литература

1. Электронный ресурс: <https://sportsgroup.ru/raznyie-vidyi-sporta/istoriya-beysdzhampinga.html> (Дата обращения 02.08.2024).
2. Электронный ресурс: <https://www.championat.com/lifestyle/article-4432619-chto-takoe-bejsdzhamping-i-kto-takie-bejsdzhampery-chem-opasny-bejs-pryzhki-s-parashyutom-s-fiksirovannyh-obektov.html> (Дата обращения 02.08.2024).
3. Кулакова С.С. Развитие экстремального спорта. На примере таких видов как: скалолазание, бейсджампинг, вmx, кейв-дайвинг, серфинг, стритладинг. В сборнике: Инновационные процессы в современной науке, тенденции развития. Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции. 2019, С. 121–125.
4. Электронный ресурс: <https://4sport.ua/news?id=22325> (Дата обращения 02.08.2024).
5. Электронный ресурс: <https://h-i.su/content/statistika-smertnosti-v-ekstremalnom-sporte.php> (Дата обращения 02.08.2024).
6. Ситникова Н.Е., Овчинников Ю.Д. Бейсджампинг: возможности управления своим телом // Вопросы педагогики. 2019, № 12–1, С. 231–235.
7. Якшамина В.С. Бейсджампинг. В сборнике: В мире научных открытий. Материалы 5-й Международной студенческой конференции. Ульяновск. 2021, С. 334–337.
8. Ситникова Н.Е., Овчинников Ю.Д. Бейсджампинг: история развития с современным восприятием экстрима // Вестник спортивной истории. 2019, № 4, С. 80–85.
9. Новикова Д.О., Байковский Ю.В. Аварийность в бейсджампинге // Экстремальная деятельность человека. 2019, № 1, С. 12–15.
10. Тимофеев А.И., Кузнецова В.В. Экстремальный спорт: проблема критериев // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2015, № 7, С. 220–224.
11. Тимофеев А.И., Кузнецова В.В., Чудаев М.Е. Экстрим и проблема «Кризиса смысла» // Общество. Среда. Развитие. 2017, № 4, С. 110–115.
12. Батяев Г.Ю., Мартын И.А., Мелихов Я.П. Самые необычные виды спорта // Бюллетень науки и практики. 2018, Т. 4, № 7, С. 535–538.

TOPICAL ISSUES OF APPLIED ANALYSIS AND PROBLEMS OF INTERPRETATION OF BASE JUMPING DEVELOPMENT

Karmanov M.V., Kuznetsov V.I.
REU named after G.V. Plekhanov

Subject. Currently, base jumping has become widespread among extreme sports, which has no unambiguous assessment in society. In this regard, applied research of this phenomenon is of interest. At the same time, information support for applied research of base jumping is currently very problematic. The article presents studies related to the quantitative assessment of various parameters of base jumping and their subsequent interpretation.

Objective. To consider and identify problems of information support for applied research of base jumping (lack of unified international principles for accounting for various parameters of base jumping; continuous system monitoring of base jumping; system of indicators of base jumping statistics), to give recommendations for the formation of an information base for base jumping statistics.

Methodology. Theoretical research methods are used in the form of generalization, comparison and special analytical procedures. Scope of application of the obtained results. The material can be useful in conducting research on the development of base jumping. Results. The article provides a literature review devoted to the problems of base jumping. It is noted that it is almost impossible to obtain its comprehensive quantitative characteristics along the entire chain of development of the process: assessment of the scale and mass distribution of base jumping among the population, features of the composition of its participants, results of the development of this sport. Recommendations are given for the formation of a system of statistical indicators of base jumping, which should include: 1. indicators of the number, structure and dynamics of the contingent of base jumpers; 2. indicators of the prevalence and intensity of base jumping; 3. indicators of the results of the development of base jumping. Conclusions. The existing problems considered in the article seriously hinder the improvement of base jumping statistics from the standpoint of its transformation into a tool for understanding the object of study. At present, it is possible to conduct only a fragmentary analysis of the development of base jumping, which imposes restrictions on the possibilities of interpreting the available statistical information.

Keywords: base jumping, base jumping statistical indicators system, interpretation of statistical information.

References

1. Electronic resource: <https://sportsgroup.ru/raznyie-vidyi-sporta/istoriya-beysdzhampinga.html> (Accessed 08/02/2024).
2. Electronic resource: <https://www.championat.com/lifestyle/article-4432619-chto-takoe-bejsdzhamping-i-kto-takie-bejsdzhampery-chem-opasny-bejs-pryzhki-s-parashyutom-s-fiksirovannyh-obektov.html> (Accessed 08/02/2024).
3. Kulakova S.S. Development of extreme sports. Using the example of such sports as: rock climbing, base jumping, BMX, cave diving, surfing, street jumping. In the collection: Innovative processes in modern science, development trends. Collection of articles based on the materials of the international scientific and practical conference. 2019, pp. 121–125.
4. Electronic resource: <https://4sport.ua/news?id=22325> (Accessed 08/02/2024).
5. Electronic resource: <https://h-i.su/content/statistika-smertnosti-v-ekstremalnom-sporte.php> (Accessed 08/02/2024).
6. Sitnikova N.E., Ovchinnikov Yu.D. Base jumping: the possibilities of controlling your body // Issues of pedagogy. 2019, No. 12–1, pp. 231–235.
7. Yakshamina V.S. Base jumping. In the collection: In the world of scientific discoveries. Proceedings of the 5th International Student Conference. Ulyanovsk. 2021, pp. 334–337.
8. Sitnikova N.E., Ovchinnikov Yu.D. BASE jumping: history of development with modern perception of extreme // Bulletin of sports history. 2019, no. 4, pp. 80–85.
9. Novikova D.O., Baykovsky Yu.V. Accidents in base jumping // Extreme human activity. 2019, no. 1, pp. 12–15.
10. Timofeev A.I., Kuznetsova V.V. Extreme sports: the problem of criteria // Scientific notes of the University named after P.F. Lesgaft. 2015, no. 7, pp. 220–224.
11. Timofeev A.I., Kuznetsova V.V., Chudayev M.E. Extreme and the Problem of the “Crisis of Meaning” // Society. Environment. Development. 2017, No. 4, pp. 110–115.
12. Batiyaev G.Yu., Martyn I.A., Melikhov Ya.P. The Most Unusual Sports // Bulletin of Science and Practice. 2018, Vol. 4, No. 7, pp. 535–538.

Современные молодежные ценности в условиях трансформации мирового порядка

Мамаева Юлия Александровна,

к.и.н., доцент, доцент кафедры политологии, младший научный сотрудник Центра политических исследований Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: yamamaeva@fa.ru

В настоящей публикации предпринимается попытка описания и характеристики ценностей современной российской молодежи в условиях трансформации мирового порядка и качественных сдвигов во внутривнутриполитическом ландшафте Российской Федерации. Обосновывается вневременное значение аксиологической сферы в политико-социальных отношениях, рассматриваются позитивные черты идеологизации отечественной политической системы в разрезе регламентации традиционных ценностей. Отмечается оркеструющей и охранительный функционал актуального ценностного предложения для молодежи, основанного на идеалах коммуитаризма, жертвенности, государственничества и беззаветного патриотизма. Выделяются основные угрозы для ценностно выверенного молодежного курса, такие, как насаждение деструктивных идеологем либерального содержания, недостаточность позитивного отклика на патриотические настроения среди студенчества, критические интенции молодежи, обусловленные межпоколенческим ценностным разрывом, трансформация информационного обмена, повлекшая за собой снижение сопротивляемости к неблагонадежной информации. В заключении делается вывод о том, что обоснованное очерчивание оформленного абриса ценностей современной российской молодежи в текущий момент не представляется возможным по причине высокой турбулентности внутри- и внешнеполитической обстановки, в которую инкорпорирована российская полития.

Ключевые слова: Ценности, молодежь, духовность, патриотизм, ценностная политика, идеология, традиционные ценности, коллективизм.

Важность аксиологического измерения российской молодежи имеет непреходящее значение для актуальных социальных исследований ввиду особого положения ценностной сферы в структуре любых социальных отношений. Ценности выполняют целый корпус эксклюзивных задач в контексте приобретения и укрепления индивидными общественного состояния.

Основное предназначение ценностей – оркестровка процесса приобретения социально полезных навыков, привычек и стереотипов или, иначе говоря, задание базисного вектора социализации. Следом идут регуляция потенциальных форм девиантного поведения путем установления заложенных в ценностный каркас ограничений, введение коммуникативного поля на основе общности взглядов с другими людьми, нарождение смыслообразующего фундамента индивидуальной экзистенции, позволяющего реализовывать потребности духовного порядка и воспроизводить состояние субъектности.

Ценностный микрокосм также крайне важен для завершения здоровой психической конституции, так как помогает закрыть один из локусов конгруэнтного состояния, в котором выделяются чувственная сфера, мыслительная компонента и поведенческая составляющая. Ценности, лежащие в основу поведенческих практик, становятся своего рода мерой последних, способом определения гармонии между тем, что индивид думает и чувствует, и тем, насколько его поступки соотносятся с внутренним миром.

Кроме всего прочего, ценности в преломлении к миру политического рассматриваются как одна из форм инкорпорации молодежи в политическое пространство. По справедливому замечанию В.В. Зубова, «вовлечение молодежи в политическую жизнь посредством ценностного инструментария позволит продолжить совершенствование демократических механизмов принятия ключевых решений общенационального характера, станет активным подспорьем для развития чувства ответственности за свою страну, гражданственности и патриотизма, наконец, выступит базисом для расширения стойких партиципативных начал политической культуры» [2, с. 109].

Вместе с тем проблематизация ценностной составляющей отечественной молодежи необходимым образом расширяется до качественной характеристики тех идей, которые оказывают влияние на поведение рассматриваемой демографической группы. Причем особый интерес составляет раскрытие стремительного преобразования ценностной структуры молодого поколения, наметившегося в связи с установлением ценностно ориентированного курса в Российской Федерации, описываемого в контексте ценностной политики как «артикуляция, юридическое обрамление государством социально значимых идей и смыслов непреходящего толка, а также разработка и имплементация юридических, организационно-распорядительных и коммуникативных механизмов соблюдения ценностей» [3, с. 40].

Закрепление адресованного государством в том числе к молодому поколению ценностного предложения, получившего наименование традиционных российских духовно-нравственных ценностей, де-факто наметило

курс на идеологизацию отношений между личностью, обществом и государством.

Однако, невзирая на стереотипное представление о неприятии идеологизации, навеянном советским опытом насаждения марксистско-ленинской догматики, огосударствление идейной сферы получило позитивную оценку в ряде российских политологических исследований. По замечанию Я.А. Пляйса, «отрицание и отсутствие системы идейного воспитания молодежи и населения в целом неизбежно приводит к весьма негативным последствиям», тогда как «идеологическое образование и воспитание – мощный инструмент формирования мировоззрения – одной из важнейших скреп любого государства» [7, с. 7]. Близкую позицию отстаивает А.Б. Шатилов, по мнению которого «в условиях глобального противостояния с Западом возникает потребность в идеологическом сопровождении деятельности власти, разъяснении ее ценностных приоритетов и проводимой политики» [12, 25].

Тем не менее нельзя отрицать, что в научной печати также имеется генерализованное представление о феномене идеологизации критического характера, по которому она предстает в виде одной из форм манипуляций – «скрытого воздействия на общественное мнение» [4, с. 94]. Сторонником данного взгляда является А.Р. Филиппов, считающий, что «идеологический прозелитизм, вытекающий из имманентного стремления любой идеологии охватить как можно большее число симпатизантов, заранее предполагает применение манипуляции» [10, с. 136]. К данному выводу автор приходит на основе выведения таких признаков политической идеологии, как «внутренняя и непреодолимая дефицитность ее познавательного потенциала» [10, с. 135], замкнутость понятийного аппарата, ограниченное исследовательское поле (например, расовая проблематика, вопросы отношений между трудом и капиталом, механизмы ограничения государственной власти), которые делают идеологию непригодным инструментом всестороннего познания окружающего мира и социума.

Российское государство, будучи адресантом ценностного предложения для молодого поколения, сообразно со складывающейся геополитической обстановкой, переходом к многополярному миру на основе разветвленного баланса сил и укреплением внутренней вертикали власти предлагает в Указе Президента РФ от 09 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» базисные идейные ориентации общечеловеческого измерения. [9] Изложенные Президентом духовно-нравственные нарративы призваны задать тон благонадежному поведению молодежи во исполнение священных интересов общества и государства, среди которых особое место занимает бесспорное мировое признание за нашей страной статуса хранителя вневременных идей и идеалов сакраментального свойства. Вместе с тем нормирование ценностного багажа нацелено на блокировку дальнейшей пенетрации западноевропейских бездуховных нарративов, имеющих форму, но лишенных содержания – маниакальной тяги к материальным благам и комфорту, эгоизма, гипертрофированного страха за телесную и психоэмоциональную самодостаточность.

В более общем разрезе речь идет об отстранении от индивидуализма и сакрализации коммунитаристских принципов, приоритизирующих коллективное перед личным, атомизированным. Аксиологическое наполнение молодежной политики с точки зрения духовности должно строиться на том допущении, что отдельный индивид, замкнувшись в себе и признав свою исключитель-

ность, неизбежно потеряет метафизическую ценность, в то время как в лоне коллективного единства и самоотречения он приобретет подлинное значение.

Вместе с тем, несмотря на непрерываемую витальную энергию и органичность традиционных идей для гармонизации социальных связей, перед распространением современных молодежных ценностей государственнической ориентации стоят серьезные вызовы, которые надлежит обозначить в настоящей публикации.

В первую очередь, основной угрозой в свете противостояния коллективного Запада с Россией видится насильственное насаждение идеологическим противником нигилистических взглядов, нацеленных на расшатывание основ законного политического порядка. В политической науке корпус подобных взглядов получил наименование деструктивной идеологии, которую П.А. Шашкин и А.Б. Рудаков определяют как идеологию, направленную на «разрушение традиционных духовно-нравственных ценностей, формирующих самосознание народа и определяющих национальные интересы страны как историко-культурной и гражданской общности, и их замещение исторически чуждыми российскому народу ценностями, несущими в себе угрозу саморазрушения общества, дискредитации его государство-образующих публичных институтов, присваивания функций государства альтернативными структурами, в том числе криминальными» [13, с. 9].

Определение деструктивной идеологии закрепляется в пункте 14 Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Как следует из данного акта, под деструктивной идеологией подразумеваются разрушительные идеи и ценности, посягающие на сакральный статус института государства в целом и главы государства в частности, на высокие идеалы патриотизма и безответного служения Родине, на традиционные брачно-семейные установления и поощрение многодетности, на непрерываемое почитание уникального исторического пути многонациональной российской цивилизации.

Вместе с тем следует понимать, что, помимо метафизического, у борьбы с экспансией деструктивной идеологии в сознание молодого поколения имеется сугубо утилитарное измерение. В условиях конфронтации блока НАТО с Российской Федерацией противник насаждает чуждые духовно-нравственному стержню русского человека идеологемы на фронте культурного противостояния, что в перспективе может привести к резкому ухудшению демографической ситуации. Как показывает практика, недружественные силы ведут противостояние самым примитивным механистическим способом. Их расчет делается на то, что в России в ближайшее время попросту не останется людей, готовых давать действенный отпор моральному разложению либеральной тональности.

Основными каналами трансляции деструктивной идеологии являются те способы коммуникации, которыми пользуются, прежде всего, представители молодого поколения: мессенджеры, зарубежные видео-хостинги и платформы, интернет-сайты, размещающие информацию в нарушение действующего российского законодательства. Несмотря на предпринимаемые контрольно-надзорными органами попытки ограничения доступа российских граждан к глобальному сетевому обмену, часть оппозиционно настроенной молодежи продолжает подкреплять свои антигосударственные настроения путем потребления неблагонадежной информации.

Впрочем, не без удовлетворения должны отметить, что потенциал проникновения и пандемического распространения деструктивной идеологии сдерживается гене-

тической имплантацией традиционных ценностей в архетипические структуры наших граждан и в том числе сегмента подрастающего поколения. Как было замечено нашим национальным лидером, «все больше эмигрировавших россиян хотят вернуться на родину, в том числе из-за гендерно-нейтральных туалетов, рядом с которыми не могут жить «люди с традиционными ценностями»¹.

Однако, несмотря на небывалый уровень консолидации общества в свете проведения специальной военной операции, наблюдающийся с весны 2022 года, учеными-политологами констатируется недостаточность позитивного отклика на патриотические настроения среди студенчества. Согласно результатам исследования, проведенного Р.В. Пармой, «среди молодежи студенческого возраста патриотизм менее выражен [в сравнении с людьми старших поколений – Ю.М.], что диктуется приоритетом индивидуалистических ценностей по отношению к коллективным интересам государства» [6, с. 23].

К отмеченному в предыдущем абзаце вызову тесно примыкают психозомональные особенности современной молодежи, сопряженные с критическим мировосприятием вследствие доступа к плюральным каналам получения информации. В этой связи С.Ю. Белоконев и С.Н. Гавров делают вывод о том, что «молодые люди критичны в силу возраста, они, скорее всего, склонны ниспровергать, чем поддерживать, и привыкли проверять информацию в разных источниках, рассматривая аргументы «за» и «против» [1, с. 26].

Наконец, нельзя не обратить внимание на фундаментальную смену когнитивной парадигмы в условиях массивификации политических отношений, которая началась в связи с глобальной индустриализацией и которая подкрепляется актуальными трендами цифрового общества. Данный процесс не без оснований был назван Х. Ортега-и-Гассетом как «полный захват массами общественной власти» [5, с. 15]. Демократизация политики распространялась сообразно с возникновением адаптированной под запросы «массового человека» культуры, которую Э. Тоффлер определял, как клип-культуру. Как замечал мыслитель, «на личностном уровне нас осаждают и ослепляют противоречивыми и не относящимися к нам фрагментами образного ряда, которые выбивают почву из-под ног наших старых идей, и обстреливают нас разорванными и лишеными смысла «клипами», мгновенными кадрами» [8, с. 277]. Особенностью клипового мышления является фрагментарность, калейдоскопичность, поверхностная и несистемная осведомленность о множестве проблем без глубокого погружения.

Более того, тенденция фрагментации сознания эффективно усиливается экспоненциальным ускорением современного коммуникационного обмена, стремительным ростом информационного поля, что обуславливает снижение информационной резистентности – сопротивляемости к вредоносному и деструктивному контенту. Как отмечено в одном из профильных междисциплинарных исследований, в основе падения информационной резистентности «лежат такие факторы, как инерционность (консерватизм) восприятия, пандемическая дисперсия цифровой зависимости, избыточное давление беспрецедентного количества информации на ограниченные способности психики к обработке и усвоению данных из внешней среды» [11, с. 41]. Следовательно, современная молодежь, являясь основным потребителем сетевой информационной продукции, находится в приоритетной группе риска в части потребления и не-

¹ «Прыгающие без штанов», гендерно-нейтральные туалеты и придурки в Киеве: главное из выступления Путина [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.gazeta.ru/politics/2024/01/16/18137293.shtml> (дата обращения: 06.09.2024).

критического усвоения деструктивного идеологического продукта, инспирированного на Западе с целью разложения основ российской государственности, правового и культурного порядка.

Таким образом, в завершение статьи можем сделать вывод о том, что обоснованное очерчивание оформленного абриса ценностей современной российской молодежи в текущий момент не представляется возможным по причине высокой турбулентности внутри- и внешне-политической обстановки, в которую инкорпорирована российская полития. Здесь и сейчас наблюдается стремительная бифуркация аксиологического пространства, переход от глобалистской, индивидуалистической и атомистической парадигмы в плоскость коммунитаризма, жертвенности и безусловного почитания героического исторического пути Отчизны.

Патриотическая повестка, нацеленная на консолидацию молодого поколения вокруг личности Президента и традиционных идей, наталкивается на реактивные интенции отринутого либерального курса, являющегося в текущих реалиях синонимом нигилизма и посягательства на сами устои политического порядка, что тормозит продуманную и осмысленную идеологизацию молодежного дискурса на базе уважения ориентиров самоограничения, сострадания и героизма.

Кроме того, препоной углубления нормированной системы ценностей в молодежной среде выступают объективные закономерности складывающегося цифрового уклада, связанные с падением общей сопротивляемости к вредоносным непатриотическим идеологиям вследствие прессинга информационной перегрузки.

Литература

1. Белоконев С. Ю., Гавров С.Н. Идеологемы постмодерна vs национально ориентированное мировоззрение: к пониманию политической картины мира российской молодежи. Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2023. № 13 (1). С. 21–29.
2. Зубов В.В. Молодежная политика современной России сквозь призму ценностного измерения // Власть. 2024. № 2. С. 105–110.
3. Зубов В.В. Ценностная политика в Российской Федерации: правовой аспект // Пробелы в российском законодательстве. 2024. Т. 17. № 1. С. 38–47.
4. Новиков О. Г., Филиппов А.Р. Механизмы манипуляции общественным сознанием // Власть. 2024. № 3. С. 94–100.
5. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. – М.: АСТ, 2002. – 509 с.
6. Парма Р.В. Патриотические настроения студенческой молодежи в современной России // Власть. 2023. № 3. С. 17–24.
7. Пляйс Я.А. Система духовно-нравственных ценностей как национальная идеология и основа отечественного гуманитарного образования и воспитания // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2023. № 13 (6). С. 6–14.
8. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: АСТ, 1999. – 784 с.
9. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Президент России [Электронный ресурс]. – URL: www.kremlin.ru/acts/bank/48502
10. Филиппов А.Р. Политическая идеология как разновидность манипулирования // Власть. 2024. № 3. С. 133–139.

11. Филиппов А.Р. Падение информационной резистентности как предпосылка практик политического манипулирования // Социально-политические науки. 2024. Т. 14. № 2. С. 38–44.
12. Шатилов А.Б. Курс «Основы российской государственности» как составная часть государственной политики по формированию национальной идентичности и патриотизма у студенческой молодежи Российской Федерации // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2024. № 14 (2). С. 24–29.
13. Шашкин П.А., Рудаков А.Б. Деструктивная идеология: понятие и смысловые границы // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2024. № 14 (2). С. 6–12.

CONTEMPORARY YOUTH VALUES IN THE CONTEXT OF THE TRANSFORMATION OF THE WORLD ORDER¹

Mamaeva Y.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation

This publication attempts to describe and characterise the values of contemporary Russian youth in the context of the transformation of the world order and qualitative shifts in the domestic political landscape of the Russian Federation. It substantiates the timeless significance of the axiological sphere in political and social relations, considers the positive features of ideologisation of the domestic political system in the context of the regulation of traditional values. The orchestrating and protective function of the current value proposition for young people based on the ideals of communitarianism, sacrifice, statehood and selfless patriotism is noted. The main threats to the value-corrected youth course are highlighted, such as the imposition of destructive ideologemes of liberal content, the lack of positive response to patriotic sentiments among students, the critical intentions of young people due to the intergenerational value gap, the transformation of information exchange, which entailed a decrease in resistance to unreliable information. The conclusion is that it is not possible at the moment to outline a well-founded outline of the values of contemporary Russian youth due to the high turbulence of the internal and external political environment in which Russian politics is embedded

Keywords: Values, youth, spirituality, patriotism, value policy, ideology, traditional values, collectivism.

References

1. Belokonev S. Yu., Gavrov S.N. Postmodern ideologemes vs. nationally oriented worldview: towards understanding the political picture of the world of Russian youth. *Humanities. Bulletin of the Financial University*. 2023. No. 13 (1). P. 21–29.
2. Zubov V.V. Youth policy of modern Russia through the prism of the value dimension // *Power*. 2024. No. 2. P. 105–110.
3. Zubov V.V. Value policy in the Russian Federation: legal aspect // *Gaps in Russian legislation*. 2024. Vol. 17. No. 1. P. 38–47.
4. Novikov O. G., Filippov A.R. Mechanisms for manipulating public consciousness // *Power*. 2024. No. 3. P. 94–100.
5. Ortega y Gasset H. *Revolt of the Masses*. – M.: AST, 2002. – 509 p.
6. Parma R.V. Patriotic Sentiments of Student Youth in Modern Russia // *Power*. 2023. No. 3. P. 17–24.
7. Plyays Ya.A. The System of Spiritual and Moral Values as a National Ideology and the Basis of Domestic Humanitarian Education and Upbringing // *Humanities. Bulletin of the Financial University*. 2023. No. 13 (6). P. 6–14.
8. Toffler E. *The Third Wave*. – M.: AST, 1999. – 784 p.
9. Decree of the President of the Russian Federation of 09.11.2022 No. 809 “On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values” // President of Russia [Electronic resource]. – URL: www.kremlin.ru/acts/bank/48502
10. Filippov A.R. Political ideology as a type of manipulation // *Power*. 2024. No. 3. Pp. 133–139.
11. Filippov A.R. The decline in information resistance as a prerequisite for political manipulation practices // *Social and political sciences*. 2024. Vol. 14. No. 2. Pp. 38–44.
12. Shatilov A.B. The course “Fundamentals of Russian statehood” as an integral part of the state policy on the formation of national identity and patriotism among student youth of the Russian Federation // *Humanities. Bulletin of the Financial University*. 2024. No. 14 (2). P. 24–29.
13. Shashkin P.A., Rudakov A.B. Destructive ideology: concept and semantic boundaries // *Humanities. Bulletin of the Financial University*. 2024. No. 14 (2). P. 6–12.

¹ The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under a state assignment for the Financial University.

ИИ в образовании и искусстве: соавтор или инструмент?

Московская Александра Сергеевна,

младший научный сотрудник, сектор эстетики, Института философии РАН
E-mail: amoskovskaya@bk.ru

Творчество традиционно считалось исключительной прерогативой человека, позволяющей ему занимать уникальное положение в мире. Эта идея, берущая свое начало в религиозных (священных писаниях) и философских концепциях, была неотъемлемой частью понимания человеческой сущности. Однако в XXI веке, с развитием технологий и появлением искусственного интеллекта (далее – ИИ), ставятся под сомнение прежние представления об авторстве и творчестве. ИИ, особенно в форме нейросетей, становится активным участником создания художественных произведений, будь то литература, музыка или визуальное искусство.

В статье рассматривается проблема авторства в контексте развития искусственного интеллекта и нейронных сетей. Эта проблема в настоящее время осмысливается в философии, праве и теории художественного творчества. Актуальность ей придает тот факт, что творчество всегда считалось священной прерогативой человека, но развитие искусственного интеллекта ставит на повестку дня вопрос о главенстве человека как единственного творца на планете. Автор приходит к выводу, что, несмотря на успехи, которые делает нейросеть в процессе создания различных образцов искусства, говорить о том, что доминирование человека в области творчества, подошло к концу, пока рано.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейросети, проблема авторства, этика искусственного интеллекта, трансформация авторства.

Долгое время творчество воспринималось как нечто сакральное, что тесно связывало человека с божественным. В религиозной традиции эта способность считалась проявлением «образа и подобия» Бога, который наделил человека уникальной возможностью творить. Даже в секулярных концепциях творчество оставалось важнейшей чертой человеческой природы, отличающей его от остальных существ: «Способность творчества есть великий дар природы; акт творчества, в душе творящей, есть великое таинство; минута творчества есть минута великого священнодействия» (В.Г. Белинский) [2, с. 86]. В первой четверти XX века в философии появилась концепция *Homo faber* (лат. «человек творящий»), принадлежащая Х. Арендт и М. Шелеру (независимо друг от друга). Французский философ А. Бергсон также использовал это понятие в работе «Творческая Эволюция» (1907), определяя интеллект как «способность создавать искусственные объекты, в особенности инструменты для создания инструментов, и бесконечно разнообразить их производство» [3, с. 37].

Тем не менее, с приходом эры искусственного интеллекта и нейронных сетей представления о творческом акте начинают меняться. Современные алгоритмы способны генерировать оригинальные сценарии, музыкальные произведения и даже картины, что ставит под вопрос уникальность человеческого творчества. Можно ли считать ИИ автором? Или же он остается лишь инструментом, посредством которого человек расширяет свои возможности? Эти вопросы поднимают фундаментальные проблемы авторства и художественного процесса в эпоху технологий. И хотя успехи ИИ в сфере искусства очевидны, важно понять, где проходит грань между его ролью как инструмента и потенциального соавтора в творческом процессе.

Философ Ролан Барт в своем эссе «Смерть автора» (1967) предложил радикальное изменение в понимании роли автора в процессе создания и интерпретации текста. Он утверждает, что традиционное представление об авторе как единственном источнике смысла и контроллере интерпретаций должно быть пересмотрено. Вместо этого, Барт предлагает акцентировать внимание на читателе, который создает смысл текста в контексте своего опыта и культурных конвенций. По его мнению, авторское намерение становится несущественным, так как окончательное значение текста формируется в процессе его восприятия [1]. Таким образом, концепция авторства заменяется идеей «текста» как многомерного пространства, где различные стили и интерпретации существуют без единого исходного смысла.

В контексте современных технологий, тексты, созданные нейросетями, отражают эти философские идеи. Нейросеть, как «идеальный автор», не претендует на авторство и создает тексты на основе культурного опыта предшественников, не ожидая активного отклика от читателя. Это соответствует бартовской концепции, где текст сам по себе не имеет фиксированного смысла и зависит от восприятия и интерпретации.

Создание нейросетей основывается на нескольких ключевых философских предпосылках. Во-первых, нейросети были разработаны на основе идеи о человеческом мозге как универсальном компьютере, который способен обрабатывать информацию в реальном времени. Это представление позволило создать технологии,

моделирующие познавательные процессы, происходящие в человеческом мозге.

Во-вторых, концепция эмпиризма, согласно которой знание формируется через опыт и наблюдения, также легла в основу нейросетей. Как и человеческий мозг, нейросети обучаются на основе накопленного опыта, что позволяет им адаптироваться и эволюционировать в ответ на новые условия.

Третья важная философская основа – теория кибернетики, которая утверждает, что системы могут самоорганизовываться и решать проблемы посредством обработки информации. Эта идея послужила базой для разработки нейронных сетей, которые могут самостоятельно адаптироваться без вмешательства человека.

Таким образом, возникновение нейросетей связано с философскими концепциями, такими как теория познания, эмпиризм и кибернетика. Однако эти предпосылки также создают трудности в вопросе авторства, поскольку нейросети, следуя этим концепциям, не имеют традиционного авторства в его привычном смысле.

Как мы отметили в начале, с наступлением эры высоких технологий свершилось невероятное – априорная истина все чаще стала подвергаться сомнению из-за развития ИИ. И если в самом начале своего развития нейросети выглядели как своего рода маргинальная попытка посягнуть на священную прерогативу человека, то в последнее десятилетие их развитие достигло успеха. Одним из поражающих воображение примеров является британский научно-фантастический фильм 2016 года «Солнечный прилив», сценарий к которому полностью написан искусственным интеллектом. Он повествует о трех людях, оказавшихся в любовном треугольнике на космической станции. Рекуррентная нейронная сеть с долговременной памятью (*LSTM*), которая сгенерировала сценарий, была обучена на основе набора данных из десятков научно-фантастических сценариев 1980-х и 1990-х годов, чтобы воссоздать научно-фантастические сюжеты и язык. Интересно, что эта нейронная сеть впоследствии самостоятельно выбрала себе имя, назвав себя «*Benjamin*» [8].

Сейчас искусственный интеллект стал способен имитировать структуру сценария, включая режиссуру и линии диалога. Хотя в «Солнечном приливе» на удивление хорошая сюжетная линия и есть несколько замечательных фраз («Что ж, я должен пойти к черепу», – после чего актеру приказывают светить зелеными лазерами себе в глаза), некоторые из его сценических решений вызывают некоторое недоумение («Он стоит среди звезд и сидя на полу»). В фильме даже есть своя музыкальная интерлюдия с песней, которую Бенджамин сочинил, изучив 30 000 других популярных песен. Фильм «Солнечный прилив» вошел в десятку лучших на ежегодном фестивале научно-фантастических фильмов в Лондоне, опередив сотни других работ, созданных людьми.

В области художественного творчества современный ИИ создает абстрактные изображения, которые также поднимают вопросы о природе искусства и авторстве. В этой связи можно вспомнить работу канадского художника и композитора-экспериментатора Адама Басанты «Все, что нам когда-либо было нужно, – это мы сами» – «инсталляцию в смешанной технике, которая создает изображения автономно с помощью самогенерирующихся технологий: непрерывно работающая «арт-фабрика» (*art-factory*), работающая независимо от участия человека» [6]. Этот перформанс вызвал скандал с авторскими правами: Амель Шаманди, монреальская художница и владелица *Galerie NuEdge*, заявила, что одна из работ *art-factory* нарушает ее авторские права. Ее иск основан на бесспорном существенном сходстве результатов с ее собственной работой – и, как следствие, требовании о со-

блюдении ее авторских прав. Но более интересно другое – ее иск был отклонен, поскольку было доказано, что изображения были созданы нейросетью не путем копирования других работ, а спонтанно, с помощью двух взаимозависимых настольных сканеров, направленных друг на друга, чтобы улавливать свет, падающий на стеклянную поверхность другого. Судом было выявлено, что полученные изображения просто отражали условия освещения в помещении, в котором были установлены машины; это была их идентификация как достойного «художественного продукта», а не как оригинального творения [7].

25 октября 2018 года, всего через три недели после того, как арт-фабрика Басанты дебютировала в СМИ, созданный искусственным интеллектом портрет Эдмонда Белами ушел с молотка на аукционе *Prints & Multiples* аукционного дома *Christie's*. Картина была продана за невероятные 432 500 долларов, что почти в 30 раз превышает средний годовой доход британского художника, что, по словам *Christie's*, свидетельствует о «появлении искусства, созданного с помощью искусственного интеллекта, на мировой аукционной арене» [5].

В отличие от инсталляции Басанты, *GAN (generative adversarial network)*, создавшая это произведение, проданное на аукционе *Christie's*, была предназначена для создания коммерческих портретов путем изучения и копирования различных стилей, полученных из ее обучающего набора из более чем 15 000 портретов, написанных в период с XIV по XX века.

Эти факты ставят на повестку дня вопрос о том, кого можно считать творцом и не потеряет ли человек свою ключевую характеристику *Homo faber* в новых условиях. Нет никаких сомнений в том, что произведения, созданные с помощью искусственного интеллекта, становятся все более неотличимыми от своих аналогов, созданных человеком: «По мере дальнейшего развития технологий искусственного интеллекта и смежных областей... мы медленно, но верно вступаем в эпоху цифрового авторства, в которой цифровые произведения (т.е. программное обеспечение) будут относительно автономно создавать другие произведения, неотличимые от произведений человеческого авторства» [4]. Это неизбежно вызывает некоторые целый комплекс вопросов о пороговых значениях творчества, как философского направления, так и юридического – на данный момент все больше юристов констатируют, что традиционная система авторского права должна трансформироваться в новых реалиях. Юристы и политики в области интеллектуальной собственности размышляют о законности компьютерных произведений почти столько же времени, сколько современные авторы научной фантастики пишут о них.

Подход философа науки Маттео Пасквинелли представляется нам близким, поскольку он рассматривает ИИ не как потенциальный «сверхразум», а как продолжение процесса автоматизации труда. С его точки зрения, искусственный интеллект – это инструмент, созданный для оптимизации производственных процессов, и его способности ограничены рамками технологической эволюции. Однако этот взгляд на ИИ поднимает важные социальные вопросы. Пасквинелли отмечает, что главной проблемой становится не сам ИИ, а новое разделение труда, которое он порождает. Произведенные знания и технологии оказываются сосредоточены в руках небольшой элиты, находящейся на вершине цифровой экономики, что усиливает социальное неравенство и концентрацию власти [4].

Основой философии искусственного интеллекта была вычислительная теория разума. Согласно этой теории, человеческий разум – это вычислительная машина, так что все его действия могут быть формально запрограммированы и что каждая деятельность сознания

может быть дедуктивно выведена из заданного набора входных данных. Это наводит нас на мысль о том, что человеческий разум синтаксически организован и что его действия могут быть отображены с помощью алгоритмов и правил логического вывода.

Эта идея была решительно опровергнута многими мыслителями, такими как Джон Сёрл, Хилари Патнэм, Роджер Пенроуз и многими другими. Их контраргумент заключается в том, что человеческий разум – это нечто большее, чем просто синтаксическая система, так как он открыт для творческих функций, которые трудно предсказать, и которые недоступны для машины. Кроме того, человеческий разум обладает способностью понимать значение и использование языка в коммуникативной ситуации, которую чисто синтаксический ум не может объяснить. Таким образом, следует заключить, что идея вычислительного разума – это ограниченный и очень узко понятый разум, которая должна быть отвергнута в целях постижения истинной природы разума.

В добавление к этому современные авторы отмечают и проблемы, связанные с ИИ – его чрезвычайную зависимость от человека и его произведений, предсказуемость его решений, шаблонность сценарных ходов (если речь идет о фильмах), неспособность к созданию уникальных персонажей литературных произведений.

На современном этапе развития нейросетей и ИИ концепция «самостоятельности мышления», необходимая для полноценного творчества, не может быть применена к этим системам. Нейросети, несмотря на свои достижения в создании художественных произведений и образовательных материалов, функционируют как инструменты, а не как автономные авторы. Это свидетельствует о том, что идея «авторства ИИ» в её нынешнем виде является оксюмороном.

Тем не менее, с развитием технологий следует учитывать ключевые этические и социальные аспекты. Этическая проблематика касается необходимости пересмотра традиционных понятий авторства и креативности, а также вопросов ответственности за произведения, созданные ИИ. Социальный аспект включает влияние ИИ на творческие профессии и образовательные практики, что может привести к значительным изменениям в этих областях, а также на рынке труда в целом.

Таким образом, хотя в данный момент преждевременно рассматривать нейросети как автономных авторов, будущее может принести значительные изменения в эту область. Необходимо продолжать пристальное наблюдение за развитием технологий и активно анализировать их влияние на общественные структуры, чтобы адекватно реагировать на новые вызовы и возможности, связанные с авторством и творчеством.

Литература

1. Барт Р. Смерть автора / Пер. с франц. С.Н. Зенкина // Р. Барт. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 252–334.
2. Белинский В.Г. О русской повести и повестях Г. Гоголя. (Арабески и Миргород) // Полное собрание сочинений В.Г. Белинского Текст: в 12 томах. М., Флинта, Наука, 2011. С. 85–97.
3. Бергсон А. Творческая эволюция / пер с фр. В.А. Флеровой. М., КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998.
4. Пасквинелли М. Измерять и навязывать. Социальная история искусственного интеллекта. М., Individuum, 2024. 352 с.
5. Artist Salary Research. [Электронный ресурс]: DESIGN & ARTISTS COPYRIGHT SOC'Y. URL: <https://www.dacs.org.uk/latest-news/artist-salary-research?category=For+Artists&title=N> (дата обращения 01.09.2024).

www.dacs.org.uk/latest-news/artist-salary-research?category=For+Artists&title=N (дата обращения 01.09.2024).

6. Basanta A. [Электронный ресурс]: All We'd Ever Need Is One Another: About, ALL WE'D EVER NEED IS ONE ANOTHER (2018). URL: <http://allwedeveryneed.com/about.html> (дата обращения 01.09.2024).
7. Hannay C. [Электронный ресурс]: Artist Faces Lawsuit over Computer System that Creates Randomly Generated Images, GLOBE & MAIL (Oct. 4, 2018). URL: <https://www.theglobeandmail.com/arts/art-and-architecture/article-artist-faces-lawsuit-over-computer-system-that-creates-ra> (дата обращения 01.09.2024).
8. Oscar Sharp. [Электронный ресурс]: Sunspring, YOUTUBE. URL: <https://youtu.be/LY7x2lhqjmc> (дата обращения 01.09.2024).

AI IN EDUCATION AND THE ARTS: A CO-AUTHOR OR A TOOL?

Moskovskaya A.S.

Institute of philosophy Russian academy of sciences

Creativity has traditionally been considered an exclusive prerogative of humans, allowing them to occupy a unique position in the world. This idea, originating in religious (sacred scriptures) and philosophical concepts, has been an integral part of the understanding of human nature. However, in the 21st century, with the development of technology and the emergence of artificial intelligence (hereinafter referred to as AI), previous ideas about authorship and creativity are being questioned. AI, especially in the form of neural networks, is becoming an active participant in the creation of artistic works, be it literature, music or visual art.

The article examines the problem of authorship in the context of the development of artificial intelligence and neural networks. This problem is currently being comprehended in philosophy, law and theory of artistic creation. Its relevance is given by the fact that creativity has always been considered the sacred prerogative of man, but the development of artificial intelligence puts on the agenda the question of the primacy of man as the only creator on the planet. The author concludes that, despite the successes that the neural network makes in the process of creating various art samples, it is too early to say that human dominance in the field of creativity has come to an end.

Keywords: artificial intelligence, neural networks, the problem of authorship, ethics of artificial intelligence, transformation of authorship.

References

1. Barthes R. The Death of the Author / Translated from French by S.N. Zenkin // R. Barthes. Selected Works: Semiotics. Poetics. Moscow, 1994. Pp. 252–334.
2. Belinsky V.G. On the Russian Novel and the Novelties of G. Gogol. (Arabesques and Mirgorod) // Complete Works of V.G. Belinsky Text: in 12 volumes. Moscow, Flint, Nauka, 2011. Pp. 85–97.
3. Bergson A. Creative Evolution / translated from French by V.A. Flerova. Moscow, CANON-press, Kuchkovo Pole, 1998.
4. Pasquinelli M. Measure and Impose. Social History of Artificial Intelligence. M., Individuum, 2024. 352 p.
5. Artist Salary Research. [Electronic resource]: DESIGN & ARTISTS COPYRIGHT SOC'Y. URL: <https://www.dacs.org.uk/latest-news/artist-salary-research?category=For+Artists&title=N> (accessed 09/01/2024).
6. Basanta A. [Electronic resource]: All We'd Ever Need Is One Another: About, ALL WE'D EVER NEED IS ONE ANOTHER (2018). URL: <http://allwedeveryneed.com/about.html> (accessed 09/01/2024).
7. Hannay C. [Electronic resource]: Artist Faces Lawsuit over Computer System that Creates Randomly Generated Images, GLOBE & MAIL (Oct. 4, 2018). URL: <https://www.theglobeandmail.com/arts/art-and-architecture/article-artist-faces-lawsuit-over-computer-system-that-creates-ra> (accessed 09/01/2024).
8. Oscar Sharp. [Electronic resource]: Sunspring, YOUTUBE. URL: <https://youtu.be/LY7x2lhqjmc> (accessed 09/01/2024).

Результаты социологического исследования по специфике медиакоммуникации российских благотворительных организаций

Парфенова Эльвира Львовна,

аспирант кафедры массовых коммуникаций, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
E-mail: 1142220155@pfur.ru

В статье представлены результаты исследования каналов медиакоммуникации, которые используют российские благотворительные организации в своей деятельности, а также исследование мотивации к благотворительности со стороны жертвователей и представителей СМИ.

Ключевые слова: благотворительный фонд, медиакоммуникации, благотворительность.

В широком смысле под благотворительностью мы понимаем добровольную деятельность граждан и юридических лиц по оказанию помощи нуждающимся.[1] Благотворительная деятельность как социальный феномен имеет многовековую историю и сопровождает человечество на всем протяжении его существования.

По результатам исследования ВЦИОМ за 2022 год касательно участия россиян в благотворительной деятельности, было выявлено что большинству своем россияне предпочитают помогать тем, кого знают лично (53% от общего числа респондентов). Всего лишь 20% от числа опрошенных переводили деньги в благотворительную организацию.[3]

Между тем, по нашему мнению, именно официально зарегистрированные благотворительные организации являются оптимальными проводниками благотворительной деятельности. Они имеют строгую систему отчетности и отслеживания эффективности работы. Помощь оказывается том виде, которая способствует оптимальному решению проблем нуждающихся целевых аудиторий.

Благотворительные организации не только в России, но и в Европе сталкиваются с проблемами меняющейся финансовой обстановки, находясь в более слабом положении, чем в середине прошлого десятилетия, когда пожертвования имели высокие показатели. На этом фоне сотрудничество со СМИ является критически важным для благотворительных организаций в плане их финансовой, организационной и репутационной устойчивости.[4, 5]

Мы считаем, что существует прямая корреляция между устойчивостью благотворительной организацией и ее медиаактивностью. Под устойчивостью мы понимаем способность организации оптимально вести деятельность в рамках своей миссии, обеспечивая стабильную и качественную реализацию поставленных целей и задач. Активная коммуникационная деятельность влияет на все показатели устойчивости благотворительной организации.

Для того, чтобы глубже понять проблематику и специфику современной медиакоммуникации в благотворительной сфере, а также выявить предпочтения аудитории и целевых групп касательно тематики посланий со стороны благотворительных организаций, нами было организовано социологическое исследование представителей благотворительных организаций России, журналистов, а также действующих и потенциальных жертвователей российских благотворительных фондов. Проблемой социологического исследования мы отметили недостаточное освещение деятельности благотворительных фондов в медиа пространстве, как в новых, так и традиционных СМИ. Вследствие этого благотворительные фонды имеют затруднения в реализации основных целей своей коммуникационной деятельности (прежде всего, улучшение репутации и фандрайзинг). Гипотеза исследования – благотворительным организациям для улучшения репутации и фандрайзинга необходимо вести активную медиакоммуникационную деятельность преимущественно в новых медиа. Цель исследования – выяснить, какие каналы медиакоммуникации наиболее активно используют благотворительные организации в современных условиях, а также понять предпочтения

потенциальных жертвователей и представителей СМИ касательно содержания посланий от благотворительных организаций. Объектом исследования стали российские негосударственные некоммерческие благотворительные организации. Предметом исследования является медиакommunikации благотворительных НКО, в том числе применяемые подходы, инструменты, модели и практики коммуникации с аудиторией.

Методы сбора информации включали в себя количественный анкетный опрос представителей российских НКО (объем выборки 30 человек), анкетный опрос жертвователей благотворительного фонда «Дом слепоглухих» (объем выборки 669 человек), анкетный опрос жителей России, заинтересованных в участии в благотворительности (объем выборки 467 человек). Опрос проводился посредством рассылки анкеты на электронную почту и через социальные сети и мессенджеры. Кроме этого в рамках исследования были проведены глубинные интервью журналистов электронных и традиционных российских СМИ посредством личной встречи и телефонного опроса (объем выборки 8 человек).

Актуальность исследования обусловлена тем, что в данный момент отсутствует понимание со стороны многих представителей российских благотворительных организаций касательно того, как повысить эффективность медиа-коммуникационной деятельности, какие инструменты использовать, какой характер посланий интересен аудитории, жертвователям и представителям СМИ.

Озвучим основные результаты исследования. В рамках исследования мы опросили 30 представителей российских благотворительных организаций из различных регионов страны. 53,3% опрошенных представителей благотворительных фондов оценивают свою организацию как среднюю, 43,3% – как малую, оставшиеся 3,4% причисляют себя к крупным благотворительным организациям. Выборка в целом отражает тенденцию по России, где большая часть благотворительных организаций являются малыми или средними.

Опрос представителей российских благотворительных организаций показал, что для общения со своими аудиториями социальные сети используют 100% организаций. Большая часть организаций используют электронные СМИ и мессенджеры (66,7% и 63,3% соответственно). При этом печатные СМИ для коммуникации используют только 43,3% опрошенных, радио – 30%, а телевидение всего 10%. Это подтверждает наше высказывание, озвученное в предыдущем параграфе о том, что основная коммуникация перешла в цифровую среду, и благотворительные организации здесь не являются исключением. При этом, рассылку по электронной почте используют всего 36,7%, в этой зоне мы видим потенциал для роста (рис. 1).

Отметьте, какие медиаканалы коммуникации с аудиторией (не благополучатели) ваша организация использует в продвижении информации о фонде?

30 ответов

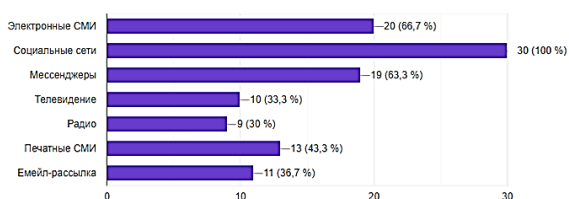

Рис. 1. Шкала ответов представителей благотворительных организаций об используемых медиаканалах коммуникации

Если говорить о частоте общения с аудиторией через различные каналы медиа коммуникации, то половина опрошенных представителей благотворительных организаций ежедневно общаются со своей аудиторией, 26,7% опрошенных общаются с аудиторией два-три раза в неделю, 10% опрошенных общаются с аудиторией несколько раз в месяц. Большая часть представителей благотворительных организаций предпочитают отправлять аудитории мотивирующую информацию (43,3% опрошенных), 20% отправляют аудитории познавательную информацию, 10% опрошенных отправляют информацию о достижениях фонда. Также среди ответов о характере отправляемой информации встречались и такие варианты как «информация о сборе средств», «информация о том, как подписчики помогают», «информация, формирующая доверия», «информация о важности работы фонда и о благотворительности», «информация о пользе благотворительности». Однако все эти ответы набрали менее 5%.

Интересно отметить, что половина опрошенных представителей фондов (50%) считают, что коммуникация с аудиторией очень сильно влияет на репутацию фонда, а также на фандрайзинг фонда. При этом 70% опрошенных считают, что внимание со стороны СМИ к деятельности их организации не является достаточным. Мы проанализировали ответы на открытый вопрос о том, какие самые эффективные способы продвижения в СМИ и интернете следует использовать благотворительным организациям, чтобы получать больше средств от жертвователей и улучшать репутацию. Респонденты отвечали, что следует использовать в обязательном порядке социальные сети, нестандартные коллаборации с блогерами, видео контент с юмором, контент познавательного плана, личные истории подопечных, использовать каналы социальной рекламы, а также через СМИ доносить информацию о проблеме, который фонд занимается. Были ответы респондентов о том, что необходимо использовать рекламу в традиционных СМИ, а также публиковать результаты своей деятельности на сайте и в поисковых сетях. Проанализировав ответы, мы отметили, что большая часть представителей благотворительных организаций считает, что именно электронные СМИ являются наиболее эффективными каналами по донесению информации о своем фонде для различных аудиторий.

При проведении опроса людей, которые жертвуют или готовы жертвовать на благотворительность, респонденты были поделены на две категории. Для каждой категории была создана своя анкета. Первая категория респондентов-уже действующие жертвователи благотворительного фонда «Дом слепоглухих», то есть люди, которые уже являются участниками благотворительного процесса. Вторая категория – потенциальные жертвователи благотворительных организаций, люди, выбранные случайным образом методом «снежного кома». Опрашивая их, нам важно было выявить факторы, которые в процессе коммуникации могут поспособствовать превращению потенциальных жертвователей в реальных жертвователей благотворительных фондов. В процессе опроса уже действующих жертвователей благотворительного фонда «Дом слепоглухих» важно было понять, какие методы и средства медиа коммуникации наиболее удобны и интересны для них.

Рассмотрим сначала потенциальных жертвователей благотворительных организаций. Выборка этой категории составила 467 человек. Демографические параметры опроса показали, что это люди, относящиеся к следующим возрастным категориям: 45–60 лет (31,7%), 35–44 года (26,6%) а также 18–25 лет (25,9%). Большая часть респондентов относят себя к служащим, ра-

бочим, и учащимся (32,8%, 22, 5%, 19,1% соответственно) и причисляют себя к людям со средним доходом (68,7%). Опрошенные респонденты на вопрос о том, как часто они занимаются благотворительной деятельностью ответили, что «время от времени» (54,8%), а также «по возможности» (20,3%). Вообще не занимаются благотворительностью только 10,5% процента опрошенных, а «хотели бы заниматься, но не имеют возможности» – 13,3% процента респондентов. Результаты говорят нам о том, что люди в целом положительно относятся к участию в благотворительной деятельности.

В ходе опроса мы выяснили, что респонденты предпочитают получать информацию о деятельности благотворительных фондов из интернета (68,1% опрошенных), социальных сетей и мессенджерах (51,2%).

По телевидению предпочитают получать информацию предпочитают только 22,3% а по радио- 4,1% опрошенных. Респондентам интереснее всего получать информацию о достижениях фонда и познавательную информацию (54,6% и 54, 8%). Информацию о сборе средств предпочитают получать 50, 5% опрошенных, а мотивирующую информацию только 37, 9% опрошенных (рис. 2).

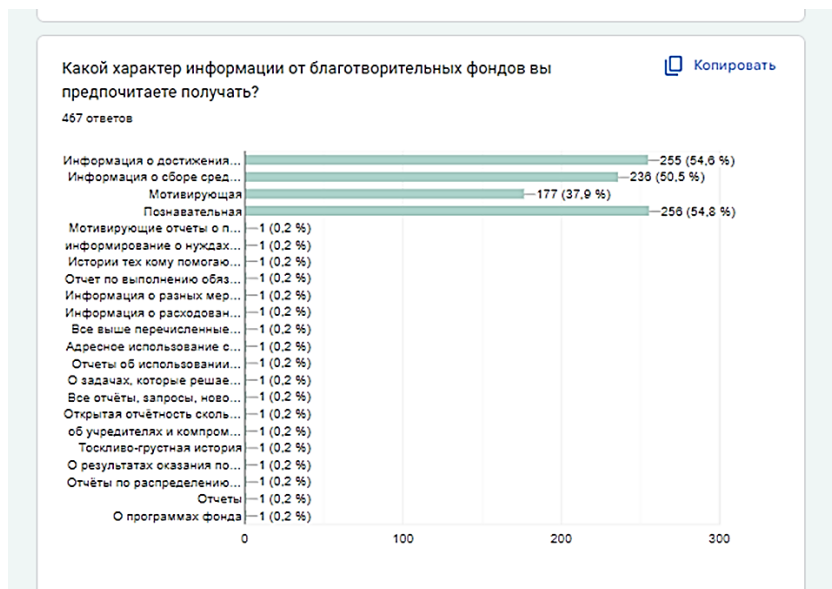

Рис. 2. Ответы потенциальных жертвователей об используемых медиаканалах коммуникации

Стоит отметить, что мы видим явное расхождение между той информацией, которую представители благотворительных организаций предоставляют своей аудитории и той информацией, которую аудитория предпочитает получать. Так, в ходе опроса мы выяснили, что представители благотворительных фондов предпочитают отправлять мотивирующую информацию, а это интересно меньшему числу респондентов. Если говорить о том, что мотивирует людей на пожертвования, респонденты отмечают, что это «личная история благополучателя» (52%), а также «репутация благотворительной организации» (68,5%), «близкая по духу миссия благотворительной организации» (43, 5%), «простой и безопасный способ внесения пожертвований» (46,9%). Большинство респондентов отмечает, что им комфортнее получать информацию о деятельности благотворительного фонда в формате личных сообщений не чаще одного раза в месяц (30, 4%). Не чаще одного раза в неделю информацию готовы получать всего 19,7% опрошенных. При этом не хотят получать информацию от благотворительных фондов всего 5% опрошенных. Это говорит нам о том, что фонды обязательно должны использовать формат электронной почтовой рассылки для донесения информации до своих аудиторий. В ходе опроса мы выяснили, что же мотивирует людей на оформление регулярного (то есть ежемесячного) пожертвования в пользу благотворительного фонда. Прежде всего это уверенность в том, что пожертвования действительно принесёт пользу – 71, 5% респондентов отметили этот пункт. Также для жертвователей важна информация о достигнутых результатах, 46, 9% опрошенных отметили этот пункт. Важна отчётность о том, как используются пожертвованные средства, этот пункт отметили 38,3% опрошенных.

Таким образом фондам при взаимодействии со своей аудиторией важно понимать, что этот характер информации очень важен для жертвователей, и крайне необходимо предоставлять им информацию данного рода.

Интересный факт, что в ходе опроса почти 40% респондентов отметили что они не доверяют просьбам о пожертвованиях в социальных сетях и интернете. При этом, как отмечали выше, большая часть опрошенных считают, что именно социальные сети и интернет являются приоритетными каналами коммуникации с благотворительными фондами. Фондам можно рекомендовать работать над своей репутацией в различных каналах коммуникации (не только электронных), в том числе задействовать традиционные СМИ.

Также мы задавали респондентам открытый вопрос и просили назвать необходимые условия, при которых они бы сделали благотворительный взнос. Интересные ответы звучали так: «я должен быть уверен, что моя помощь действительно принесёт пользу», «мне важен душевный порыв», «я точно должен доверять фонду», «я пожертвую, если буду знать лично человека, который просит», «я пожертвую, если у меня будет более высокий доход», «я пожертвую, если поверю фонду», «важна интересная история человека, которому нужна помощь», «мне важно доверять организации, видеть её отчётность и понимать куда конкретно идут средства». Мы видим, что респондентам важны такие параметры, как сформированное доверие к организации, прозрачная работа организации, надёжность организации и наличие отчетности. Все это подтверждает наш тезис о том, что благотворительным организациям крайне важно работать над собственной репутацией.

Проанализируем ответы другой категории респондентов – действующих жертвователей благотворитель-

ного фонда «Дом слепоглухих».[2] Рассылка анкет жертвователям проводилась на электронную почту и через социальные сети. В опросе приняли участие 669 человек. Большая часть респондентов относят себя к служащим и рабочим (40,2% и 32,3%), большинство жертвователей-люди возраста 35–40 и 45–60 лет (36,2% и 35,9% соответственно). Интересно, что процент людей моложе 25 лет составил всего 1,9 пунктов. Это позволяет нам выдвинуть гипотезу, что среди текущих жертвователей фондов преобладают люди более старшего возраста. Женщины составляют основную часть респондентов (84,2%). Большая часть респондентов относят себя к среднему уровню (70,6%), кроме благотворительного фонда «Дом слепоглухих» большая часть опрошенных являются также жертвователями в других фондах (79,4%). Это позволяет выдвинуть еще одну гипотезу – если человек начинает заниматься благотворительностью, он выбирает несколько благотворительных фондов для осуществления своей потребности помогать другим. Касательно размера пожертвований отметим, что большая часть опрошенных предпочитает жертвовать небольшие суммы до 500 руб. (58,1%). Более 1000 рублей готовы жертвовать всего лишь 9,4% опрошенных. Более половины опрошенных жертвуют не чаще раза в месяц, 2,6% жертвуют от случая к случаю. На ежемесячный платёж в пользу «Дома слепоглухих» подписаны лишь 54% опрошенных.

Касательно частоты получения информации от благотворительных организаций, действующие жертвователи ответили, что им комфортнее получать такую информацию не чаще одного раза в месяц, (39,6%). При этом 23,8% респондентов ответили, что их не волнует частота получения информации. Всего лишь 3,1% респондентов вообще не готовы получать информацию от благотворительных фондов. Респонденты отметили, что им интересно получать информацию о достижениях фонда (62,2%), а также познавательную информацию (61,4%). Мотивирующая информация интересна 39,8% респондентов, а информация о сборе средств – 28,7% опрошенных. На вопрос почему выбрали для пожертвования определенный фонд, многие респонденты ответили, что их «зацепили проблемы и трудности той категории, которым помогает фонд» (75,2%). 28,1% ответили, что они любят благотворительность. Если проанализировать открытые ответы на этот вопрос, отметим, что встречаются интересные варианты, например, «восхитило то, как слепоглухие справляются продолжают действовать», «понравились люди Дома слепоглухих», «понравилось искреннее описание работы фонда», «почувствовал доверие к фонду», «получила трогательное письмо-рассылку с новостями». Проанализировав открытые ответы отметим, что именно эмоционально окрашенные личные истории и позитивный характер сообщений мотивируют людей на совершение пожертвования. Репутация фонда также важна для того, чтобы человек принял решение с ним сотрудничать. Большая часть респондентов узнала о фонде «Дом слепоглухих» из интернета (64,6% респондентов) и социальных сетей (30% респондентов).

При проведении опроса журналистов нам важно было выяснить их экспертное мнение о характере коммуникации между благотворительными фондами и СМИ. Большая часть журналистов (6 из 8 человек) ответили, что им интересно получать сообщения от благотворительных организаций и они заинтересованы в такого рода сообщениях, готовы их публиковать. Все опрошенные ответили, что сообщения должны быть эмоционально-окрашенными, соответствовать формату издания. «Интересны яркие инфоповоды, проекты благотворительных организаций, интересные истории людей и помощи

им, результаты опросов, исследований по социальной тематике», – отметил один из журналистов-новостников в ходе опроса. Все остальные опрошенные также говорили о том, что важен характер предоставления информации от представителей благотворительной организации. Она должна быть «цепляющей», интересуют личные истории, проекты, мероприятия. О том, как часто предпочтительнее получать, 3 опрошенных отметили, что раз в месяц. Один опрошенный отметил, что раз в неделю, остальные отметили, что частота не важна, важна яркость события. Все опрошенные ответили, что информация им удобнее получать в электронном виде-электронная почта, мессенджеры, социальные сети. Один журналист просил отправлять информацию в виде дайджеста за месяц, отчета с цифрами, личными историями людей, значимыми событиями или с описанием проблемы, которая сейчас актуальна для организации.

Таким образом, опрос подтвердил гипотезу, что существует проблема недостаточного освещения деятельности благотворительных организаций в СМИ. Между тем, аудитория (жертвователи и журналисты) в целом положительно относятся к получению информации от благотворительных организаций и заинтересованы в получении такой информации. Формат новостей должен быть познавательным и мотивирующим, важно также озвучивать результат деятельности благотворительных организаций. В то время, когда благотворительные организации страдают от большого негативного внимания средств массовой информации, важно, чтобы они не стеснялись связываться с журналистами с позитивными историями об их работе и о влиянии, которое они оказывают.[6]

Большая часть опрошенной аудитории узнаёт новости о благотворительности и благотворительных организаций через электронные СМИ и социальные сети. Представители благотворительных организаций также считают электронные СМИ и социальные сети своим основным каналом медиакоммуникации. Между тем, роль традиционных СМИ в освещении деятельности благотворителей организаций крайне важна, так как именно через них возможно формировать положительный имидж благотворительной организации и повышать ее репутацию. Более половины опрошенных потенциальных жертвователей не доверяют призывам к пожертвованию через интернет, для того, чтобы жертвовать благотворительной организации, они должны быть уверены в ее надежности и прозрачности. Журналисты ждут от представителей благотворительных организаций информацию о ярких инфоповодах, мероприятиях, их интересуют личные истории и результаты благотворительных проектов. Журналистам удобнее коммуницировать с благотворительными фондами через электронную почту, мессенджеры, социальные сети. Таким образом, вопрос освещения деятельности благотворительных организаций в СМИ и успешная деятельность в сфере медиакоммуникации зависит непосредственно от их активности и готовности предоставлять информацию своей аудитории регулярно и в интересном ключе.

Литература

1. Плотникова, А.М. Язык добрых дел. Словарь благотворительности. / А.М. Плотникова – Екатеринбург- Москва: Кабинетный ученый, 2022. – 132 с. – ISBN 978-5-604025804. – Текст: непосредственный.
2. Благотворительный фонд «Дом слепоглухих». – URL: <https://www.domsg.ru/> (дата обращения: 25.10.2023) – Текст: электронный.

3. Что мотивирует людей помогать – исследование ВЦИОМ. – <https://www.asi.org.ru/2022/09/12/chto-motiviruet-lyudej-pomogat-issledovanie-vcziom/>.
4. Data analysis: an overview of recent charity fundraising trends. – URL: <https://www.charitychoice.co.uk/the-fundraiser/data-analysis-an-overview-of-recent-charity-fundraising-tren/327> (дата обращения: 20.09.2023) – Текст: электронный.
5. Минаков А.В. Фандрайзинг как инструмент привлечения средств в некоммерческие организации: особенности применения в сфере культуры и искусства / А.В. Минаков, О.Е. Ивлева // Вестник Академии права и управления. – 2017. – № 4(49). – С. 117–123
6. How to get positive press coverage. The Premier Guide and List of Charities in the UK. – URL: <https://www.charitychoice.co.uk/the-fundraiser/how-to-get-positive-press-coverage/618> (дата обращения: 20.09.2023) – Текст: электронный.

RESULTS OF A SOCIOLOGICAL STUDY ON THE SPECIFICS OF MEDIA COMMUNICATIONS OF RUSSIAN CHARITABLE ORGANIZATIONS

Parfenova E.L.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

The article presents the results of a study of media communication channels used by Russian charitable organizations in their activities, as well as a study of motivation for charity on the part of donors and media representatives.

Keywords: charitable foundation, media communications, charity.

References

1. Plotnikova, A.M. The Language of Good Deeds. A Dictionary of Charity. / A.M. Plotnikova – Yekaterinburg-Moscow: Cabinet Scientist, 2022. – 132 p. – ISBN 978-5-604025804. – Text: direct.
2. Charity Fund “House of the Deaf-Blind”. – URL: <https://www.domsg.ru/> (accessed: 10/25/2023) – Text: electronic.
3. What Motivates People to Help – a VTsIOM Study. – <https://www.asi.org.ru/2022/09/12/chto-motiviruet-lyudej-pomogat-issledovanie-vcziom/>.
4. Data analysis: an overview of recent charity fundraising trends. – URL: <https://www.charitychoice.co.uk/the-fundraiser/data-analysis-an-overview-of-recent-charity-fundraising-tren/327> (date of access: 20.09.2023) – Text: electronic.
5. Minakov AV Fundraising as a tool for raising funds for non-profit organizations: features of application in the field of culture and art / AV Minakov, OE Ivleva // Bulletin of the Academy of Law and Management. – 2017. – No. 4 (49). – P. 117–123
6. How to get positive press coverage. The Premier Guide and List of Charities in the UK. – URL: <https://www.charitychoice.co.uk/the-fundraiser/how-to-get-positive-press-coverage/618> (date of access: 20.09.2023) – Text: electronic.

Корпоративные практики поддержки молодой семьи

Алиев Джомарт Фазылович,

к.э.н., первый проректор Российского государственного социального университета
E-mail: KharchenkoDD@rgsu.net

Поддержка семьи в настоящий момент имеет приоритетное значение и осуществляется на федеральном, региональном, а также корпоративном уровнях. Корпоративная поддержка сотрудников и их семей представляет собой хоть и дополнительный, но не менее важный вектор демографической политики государства. Основываясь на данных социологических исследований, проведенных ВЦИОМ (2023 г., 2024 г.) автор обнаруживает противоречие, заключающееся в необходимости поддержки молодых людей, в формировании традиционных семейных ценностей, предоставлении возможности быть включенным в дела семьи, воспитания детей и неготовностью руководителей к реализации данного права работников. Изучение и анализ корпоративных практик поддержки молодой семьи, реализуемых как крупными компаниями и холдингами, так и небольшими организациями актуализирует вопрос о необходимости популяризации имеющихся практик и включенности все большего количества организаций различного уровня в реализацию корпоративных мер поддержки молодых семей.

Ключевые слова: молодая семья, сотрудников «с семейными обязательствами», меры поддержки молодой семьи, корпоративная социальная ответственность, традиционные семейные ценности.

Актуальные социально-экономические и демографические процессы в Российской Федерации актуализируют внимание к вопросам популяризации семьи и традиционных семейных ценностей, повышению престижа семьи, выстраиванию гармоничных семейных отношений, повышению рождаемости и т.д. Согласно Указу «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» В.В. Путин определил национальные цели развития Российской Федерации до 2036 года, в числе которых сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи [13].

Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года «направлена на поддержку, укрепление и защиту семьи как фундаментальной основы российского общества, сохранение традиционных семейных ценностей, повышение роли семьи в жизни общества, повышение авторитета родительства в семье и обществе, профилактику и преодоление семейного неблагополучия, улучшение условий и повышение качества жизни семей. Приоритетами государственной семейной политики являются:

- утверждение традиционных семейных ценностей и семейного образа жизни;
- возрождение и сохранение духовно-нравственных традиций в семейных отношениях и семейном воспитании;
- создание условий для обеспечения семейного благополучия, ответственного родительства, повышения авторитета родителей в семье и обществе;
- поддержание социальной устойчивости каждой семьи» [8].

Поддержка семьи, в том числе молодой семьи, в нашей стране имеет приоритетное значение и осуществляется на различных уровнях: федеральном, региональном, а также корпоративном.

Корпоративная поддержка сотрудников и их семей представляет собой хоть и дополнительный, но не менее важный вектор демографической политики государства. Как показывают результаты опроса ВЦИОМ о мерах поддержки россиян, имеющих семьи, со стороны работодателей, проведенного в сентябре 2023 г., «собственная семья есть у восьми из десяти россиян (80%). Но, ту или иную поддержку со стороны работодателя сегодня получает только каждый третий «семейный» россиянин (33%). При этом, 58% респондентов высоко оценивают важность получения различных видов помощи со стороны работодателей, а в группе 18–24 года в помощи и поддержки работодателей нуждаются 73% опрошенных [6]. Таким образом, очевидным является запрос на создание условий все большей реализации «семейной» социальной ответственности бизнес-структур, особенно в вопросах поддержки членов молодой семьи.

При возрастании роли бизнес-структур в реализации «семейной социальной ответственности» и поддержке молодых семей, а также приоритетности концепции work-life balance, «58% россиян, по данным опроса ВЦИОМ от 25 марта 2024 г. «Семейное счастье – в руках работодателя?», в последние годы сталкивались с неготовностью начальства пойти навстречу при необходимости взять отпуск в конкретные даты или принять уча-

стие в важном семейном событии, причем у 28% такого рода проблемы возникают регулярно. Наиболее часто в подобных ситуациях оказывается молодежь в возрасте до 35 лет (75%)» [9].

По данным Росстата за 2021 г. как раз самым детородным возрастом для женщин является возрастной период от 25 до 34 лет (рис. 1). Данный возраст характерен для рождения как первого, так и второго ребенка, и последующих детей. Если речь идет о первом ребенке, то, безусловно, трендом современности является «отложенная рождаемость» [1]. Если говорить о рождении второго ребенка, то это как раз самое благоприятное время для его рождения. Но в данном случае, перед женщиной встает явный выбор между семьей, рождением детей и работой, выполнением профессиональных обязанностей.

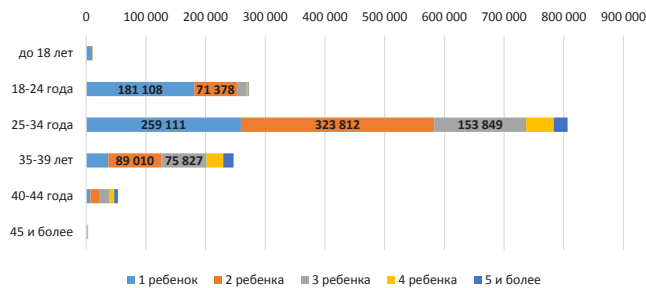

Рис. 1. Возраст матери и очередности рождения в 2021 г. [3]

Таким образом, очевидно некое социальное противоречие, заключающееся, с одной стороны, в необходимости поддержки молодых людей, в формировании традиционных семейных ценностей, предоставлении возможности быть включенным в дела семьи, воспитания детей, а с другой стороны, неготовностью руководителей к реализации данного права работников. Отсюда, как следует из данных опроса ВЦИОМ (март, 2024 г.), «у россиян сформировано определенное неверие к работодателю и воплощению концепции work-life balance в реальной трудовой деятельности. Только 18% россиян ощущают позитивные изменения от добровольного включения работодателей в процесс реализации демографической и семейной политики носит поступательный характер. В то время как 52% не видят каких-либо значимых перемен. Наиболее ощутимы эти изменения для россиян с высоким уровнем дохода (26%) – как правило, они работают в крупных компаниях, выступающих драйверами развития семейной корпоративной политики» [9].

Ощутимы различия между реальными и ожидаемыми мерами поддержки работников со стороны руководства. В качестве конкретных мер поддержки от работодателя «семейные» сотрудники называют те, которые связаны с «важными жизненными событиями, а именно: дополнительная материальная помощь при рождении детей (15%), дополнительные оплачиваемые выходные дни сотрудникам при рождении ребенка, заключении брака и т.п. (10%), материальная помощь сотрудницам или женам сотрудников в период беременности (9%), дополнительная доплата сотрудникам, находящимся в отпуске по уходу за ребенком (8%). Оплату полностью или частичную компенсацию расходов на детский отдых (в детских лагерях, санаториях и т.п.) отметили еще 9% в этой группе» [6]. Достаточно острым стоит вопрос помощи работодателей в решении жилищного вопроса через участие в жилищных программах, направленных на обеспечение сотрудников собственным жильем. Так, согласно данным опроса ВЦИОМ (сентябрь, 2023 г.),

«только 6% россиян с семьями получали указанную помощь» [6].

К числу ожидаемых и необходимых мер поддержки со стороны руководства опрошенных отнесли следующие.

1. Материальная помощь (финансовая поддержка, повышение заработной платы – по 10%, увеличение премий – 1%).
2. Помощь в улучшении жилищных условий (помощь с жильем – 6%, понижение ставки по кредиту/ипотеке – 3%, компенсация за ремонт – 1%).
3. Помощь с организацией отдыха (компенсация отдыха, досуга – 5%, увеличение числа выходных дней – 2%, бесплатный проезд, оплата выходных дней / оплачиваемый отпуск – 1%).
4. Помощь, связанная с детьми (путевки, детский лагерь – 4%, финансовая помощь к 1 сентября, дополнительные выплаты по беременности / рождению ребенка – по 1%).
5. Помощь с лечением и поддержанием здоровья (здоровоохранение – 4%, оплачиваемый больничный, ДМС – по 1%).
6. Социальная поддержка (бесплатное образование, социальные выплаты, индексация пенсий / снижение пенсионного возраста – по 3%, компенсация затрат на оплату услуг ЖКХ – 1%).
7. Удобный график работы (гибкий график работы – 1%) [6].

Согласно представленным вариантам реальных и ожидаемых мер поддержки работников со стороны руководства ощутимо смещение вектора поддержки. Так, если реальные меры поддержки направлены исключительно на ребенка сотрудника, то ожидаемые меры поддержки направлены непосредственно на самого сотрудника, где в приоритете оказание материальной помощи и решение жилищных вопросов, организация отдыха и лечения.

Осознавая важность корпоративной поддержки молодых людей, молодых семей, семей, имеющих детей, а также для минимизации разрыва между декларируемыми и реальными целями и возможностями «семейной» корпоративной ответственности бизнес структур, заместитель полномочного представителя Президента РФ в Центральном федеральном округе Артур Ниязметов отметил, что «в 2023 году был внедрен рейтинг ответственного бизнеса – ЭКГ-рейтинг. Он уже охватывает 100 тысяч компаний со всей страны, число участников постоянно расширяется. Этому будет способствовать принятый в декабре 2023 года национальный стандарт оценки деловой репутации предпринимателей (ГОСТ Р 71198–2023)» [7]. В свою очередь, в 2023 г. Государственная Дума внесла предложение по подготовке специального законопроекта, направленного на содействие и поддержку сотрудников «с семейными обязательствами» с учетом представленных Министерством труда лучших практик корпоративных обязательств и социальной ответственности при содействии общероссийских объединений профсоюзов и общероссийских объединений работодателей [2].

Лидирующие позиции по трансляции корпоративных практик поддержки молодым семьям занимает ОАО «РЖД», где реализуется проект корпоративной поддержки в рамках содействия улучшения жилищных условий указанной категории работников, ключевые аспекты которого отражены в локальных актах ОАО «РЖД». Основными направлениями проекта являются:

- 1) корпоративная ипотека (предоставляется субсидия на часть процентов по ипотеке в размере 2% для молодого специалиста);

- 2) поддержка молодых родителей (представляется субсидия при рождении или усыновлении ребенка. Субсидирование осуществляется в рамках погашения части в период выплаты корпоративной ипотеки);
- 3) обеспечение корпоративным жильем на период работы в занимаемой должности;
- 4) компенсация найма жилья (для молодых семей в размере до 70% при самостоятельном найме жилья у сторонних собственников) [4].

Также, ОАО «РЖД» имеет опыт предоставления безвозмездных субсидий для одиноких родителей, воспитывающих несовершеннолетнего ребенка (детей) [5].

ПАО «ГМК Норильский никель» также реализует корпоративную поддержку молодым семьям и семьям с детьми, содействуя улучшению жилищных условий своих работников. В корпорации реализуется жилищная программа «Твой Дом», где 50% стоимости квартиры покрывает работодатель, а вторые 50% сотрудник выплачивает в течение 7–10 лет, причем без процентов [10].

Компания «Металлоинвест» значительно расширила меры дополнительных социальных гарантий и корпоративной поддержки молодым семьям и семьям с детьми. Так, в Коллективном договоре (п. 2.3.4) Компания «Металлоинвест» закрепила приоритетное право для женщин, имеющих 2-х и более детей, при составлении графиков отпусков. Также в 2.3.9 Коллективного договора прописана возможность получения дополнительных дней отпуска, в том числе 3 дня при регистрации брака (впервые) и 1 при рождении ребенка или выписки супруги из роддома и т.д. [11].

ПАО «Газпром» занимает лидирующие позиции в рамках поддержки молодых семей и семей, имеющих несовершеннолетних детей. Так, «за рождение каждого ребёнка счастливым родителям выплачивают до 10–15 минимальных тарифных ставок. А если работник уходит в декрет, то также предусмотрена ежемесячная выплата в 1–2 минимальных тарифных ставок, в дополнение к выплатам, установленным государством» [12].

Между тем не только крупные компании и холдинги оказывают существенную поддержку молодым семьям и семьям, имеющих детей. Здесь интересен опыт воронежской животноводческой компании «Селекционно-гибридный центр», в которой «многодетным сотрудникам, отработавшим на предприятии не менее года, предусмотрены на содержание третьего, четвертого и пятого ребенка ежемесячные выплаты в размере 10 тысяч рублей на каждого до достижения 18 лет» [7].

Есть и нестандартные решения по организации поддержки молодых семей и семей с детьми. Например, «участие «Совкомбанка» в подготовке детей своих сотрудников к выпускным экзаменам, когда сам банк компенсирует от 10 до 90% стоимости этой подготовки. В свою очередь, ДОМ.РФ предоставляет бесплатное обучение сотрудникам и их детям на корпоративной кафедре в Воронежском государственном университете. Но в то же время есть и совершенно финансово незатратные решения, которые также очень эффективны. Например, ежегодный «День детей» проводит Курский электроаппаратный завод, а ХК «СДС-Энерго» – конкурс для детей сотрудников «Дневник пятерок» [7].

Приведенные примеры корпоративных практик поддержки молодых семей действительно могут представлять собой лучшие практики реализации семейной социальной ответственности бизнес структур. Актуальным является вопрос о все большем распространении данных практик и включенности все большего количества корпораций, организаций различного уровня в реализацию корпоративных мер поддержки молодых семей.

Не менее важным является вопрос просвещения и информированности молодых людей о реализуемых направлениях социальной поддержки молодых семей в конкретных организациях. И интерес в данном направлении представляют не только и не столько уже созданные молодые семьи, а та часть молодых сотрудников, которая еще не вступила в брак, молодежь в возрасте 18–24 лет, так как неведение, незнание о предоставляемых возможностях как раз и формирует чувство страха перед рождением ребенка, укрепление мысли об отсутствии конкретной помощи со стороны работодателя и руководства и т.д. А осознаваемая и реальная корпоративная поддержка молодой семьи не только важным фактором формирования индивидуальных репродуктивных стратегий, но и одной из составляющих бренда компании как работодателя.

Литература

1. Алиев Д.Ф. Социологический мониторинг семейного благополучия и репродуктивных установок российского населения: Научно-практическое пособие / Д.Ф. Алиев, Д.К. Танатова, И.В. Королев. – Москва: РГСУ, 2024. – 116 с.
2. Для работодателей разработают рекомендации по поддержке семей. Ведомости [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2023/08/10/989380-dlya-rabotodatelei-razrabotayut-rekomendatsii-po-podderzhke-semei> (дата обращения: 21.05.2024).
3. ЕМИСС [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59992> (дата обращения: 30.06.2024).
4. Жилищная политика. Забота о сотрудниках. Работа в РЖД [Электронный ресурс]. – URL: <https://social.rzd.ru/ru/9863/page/103290?id=17959> (дата обращения: 21.06.2024).
5. Забота о сотрудниках. Работа в РЖД [Электронный ресурс]. – URL: <https://social.rzd.ru/ru/9863/page/103290?id=10435> (дата обращения: 23.06.2024).
6. Не только зарплата, или о социальной поддержке работников и их семей со стороны работодателей. ВЦИОМ. Новости [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor-ne-tolko-zarplata-ili-o-socialnoi-podderzhke-rabotnikov-i-ikh-semei-so-storony-rabotodatelei> (дата обращения: 29.06.2024).
7. Работодатели как субъекты реализации демографической политики. Лучшие практики корпоративной семейной политики российского бизнеса [Электронный ресурс]. – URL: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/presentations/2024/client_newsletter_for_the_year_of_family_issue_1.pdf (дата обращения: 27.06.2024).
8. Распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р Об утверждении Концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70627660/> (дата обращения: 25.06.2024).
9. Семейное счастье – в руках работодателя? ВЦИОМ. Новости [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semeinoe-schaste-v-rukakh-rabotatelja> (дата обращения: 30.05.2024).
10. «Семейные» сотрудники: как помочь, удержать и повысить лояльность к работодателю [Электронный ресурс]. – URL: <https://amr.ru/press/news/>

gr/semeynye-sotrudniki-kak-pomoch-uderzhat-i-povysit-loyalnost-k-rabotodatelyu/ (дата обращения: 23.06.2024).

11. Социальная политика Metalloinvest [Электронный ресурс]. – URL: https://rspp.ru/upload/uf/698/906kfm-3f4vqfu8a5pott6q818ifew00/Metalloinvest_2023_God.semi.pdf (дата обращения: 23.06.2024).
12. ТОП-5 социальных льгот, гарантий и компенсаций в Газпроме. Новая энергия [Электронный ресурс]. – URL: <https://dzen.ru/a/X5czDE3MXGE8Cwsk> (дата обращения: 23.06.2024).
13. Указ о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года. Президент России [Электронный ресурс]. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73986> (дата обращения: 15.05.2024).

CORPORATE PRACTICES TO SUPPORT YOUNG FAMILIES

Aliev D.F.

Russian State Social University

Family support is currently a priority and is implemented at the federal, regional and corporate levels. Corporate support for employees and their families is an additional, but no less important vector of the state demographic policy. Based on the data of sociological research conducted by VCIOM (2023, 2024), the author finds a contradiction consisting in the need to support young people, in the formation of traditional family values, providing an opportunity to be involved in family affairs, raising children and the unwillingness of managers to implement this right of employees. The study and analysis of corporate practices of supporting young families, implemented by both large companies and holdings, and small organizations, actualizes the issue of the need to popularize existing practices and the involvement of an increasing number of organizations at various levels in the implementation of corporate measures to support young families.

Keywords: young family, employees “with family obligations”, measures to support young families, corporate social responsibility, traditional family values.

References

1. Aliev D.F. Sociological monitoring of family well-being and reproductive attitudes of the Russian population: Scientific and

practical manual / D.F. Aliev, D.K. Tanatova, I.V. Korolev. – Moscow: RSSU, 2024. – 116 p.

2. Recommendations for supporting families will be developed for employers. Vedomosti [Electronic resource]. – URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2023/08/10/989380-dlya-rabotodatelei-razrabotayut-rekomendatsii-po-podderzhke-semei> (date of access: 21.05.2024).
3. EMISS [Electronic resource]. – URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59992> (date of access: 30.06.2024).
4. Housing policy. Caring for employees. Working at Russian Railways [Electronic resource]. – URL: <https://social.rzd.ru/ru/9863/page/103290?id=17959> (accessed: 21.06.2024).
5. Caring for employees. Working at Russian Railways [Electronic resource]. – URL: <https://social.rzd.ru/ru/9863/page/103290?id=10435> (accessed: 23.06.2024).
6. Not just wages, or about social support for employees and their families from employers. VTsIOM. News [Electronic resource]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ne-tolko-zarplata-ili-o-socialnoi-podderzhke-rabotnikov-i-ikh-semei-so-storony-rabotodatelei> (date of access: 29.06.2024).
7. Employers as subjects of demographic policy implementation. Best practices of corporate family policy of Russian business [Electronic resource]. – URL: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/presentations/2024/client_newsletter_for_the_year_of_family_issue_1.pdf (date of access: 27.06.2024).
8. Order of the Government of the Russian Federation of August 25, 2014 No. 1618-r On Approval of the Concept of State Family Policy in the Russian Federation for the Period up to 2025 [Electronic resource]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70627660/> (date of access: 25.06.2024).
9. Family Happiness – in the Hands of the Employer? VTsIOM. News [Electronic resource]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semeinoe-schaste-v-rukakh-rabotodatelja> (date of access: 30.05.2024).
10. “Family” Employees: How to Help, Retain and Increase Loyalty to the Employer [Electronic resource]. – URL: <https://amr.ru/press/news/gr/semeynye-sotrudniki-kak-pomoch-uderzhat-i-povysit-loyalnost-k-rabotodatelyu/> (date of access: 23.06.2024).
11. Social policy of Metalloinvest [Electronic resource]. – URL: https://rspp.ru/upload/uf/698/906kfm3f4vqfu8a5pott6q818ifew00/Metalloinvest_2023_God.semi.pdf (date of access: 23.06.2024).
12. TOP-5 social benefits, guarantees and compensations in Gazprom. New Energy [Electronic resource]. – URL: <https://dzen.ru/a/X5czDE3MXGE8Cwsk> (date of access: 23.06.2024).
13. Decree on the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the perspective up to 2036. President of Russia [Electronic resource]. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73986> (date of access: 15.05.2024).

Управленческие механизмы реализации потенциала имиджа государства: теоретико-методологические аспекты

Гусакова Ольга Сергеевна,

Аспирант, Высшая школа современных социальных наук (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: halvesaintolga@gmail.com

В статье проводится компаративный анализ дефиниций понятия «имидж государства». Автор интегрирует знания, накопленные в таких областях науки как социология, политология, история, культурология и маркетинг. Это способствует более глубокому и всестороннему пониманию многоаспектной природы данного явления, а также управленческих стратегий, направленных на использование его потенциала в интересах государства. В результате исследования автором было раскрыто несколько важных аспектов заявленной темы: во-первых, описаны различия в подходах к изучению имиджа государства в разных научных контекстах; во-вторых, выявлены общие теоретические основы, объединяющие различные подходы и трактовки понятия «имидж государства»; в-третьих, определены два фундаментальных подхода к пониманию изучаемого понятия. Результаты исследования углубляют теоретическое понимание имиджа государства и его ключевых аспектов как инструмента управления.

Ключевые слова: имидж государства, имидж страны, образ государства, образ страны, внешнеполитические стереотипы, географические образы, медиаобраз, маркетинг территорий, маркетинг мест, брендинг страны.

Введение

В условиях глобализации и информационного общества имидж государства влияет на политические, экономические и культурные взаимодействия между странами, а также на восприятие гражданами собственной страны и её места в мире. Понятие «имидж государства» является важной категорией в современном гуманитарном знании, оно активно изучается в таких дисциплинах как социология, политология, история, культурология и маркетинг.

Каждая из перечисленных дисциплин использует свои уникальные подходы к изучению имиджа государства. Это разнообразие подходов позволяет провести детальный анализ и сравнение существующих научных взглядов на данный концепт, что способствует углублению и развитию знания в этой области.

Целью предлагаемой статьи является проведение компаративного анализа дефиниций понятия «имидж государства» в гуманитарных науках. Мы стремимся выявить общие черты и различия в трактовке этого концепта. Кроме того, через различные научные подходы мы рассчитываем достичь более всестороннего понимания изучаемого понятия. В рамках исследования будут рассмотрены основные направления в изучении имиджа государства в таких областях, как социология, политология, историко-культурологические исследования и маркетинг.

Настоящая работа представляет собой вклад в теоретическое осмысление понятия «имидж государства» и предлагает новые перспективы для его дальнейшего изучения и практического применения в различных гуманитарных и социальных науках.

Материалы и методы

Для проведения исследования был выбран компаративный (сравнительный) метод, который позволил проанализировать дефиниции понятия «имидж государства» в различных научных контекстах. Этот метод дал возможность выявить как сходства, так и различия в понимании и интерпретации данного концепта, а также понять причины этих различий, что существенно углубило наше понимание его различных аспектов.

Сравнительный анализ дефиниций также способствовал выявлению общих теоретических оснований и двух фундаментальных подходов в трактовке этого понятия. В ходе исследования для анализа подходов к определению «имидж государства» были использованы научные работы, включая статьи, учебные пособия, диссертации, монографии и книги, в которых подробно разбирается тема имиджа страны в каждом выбранном направлении гуманитарного знания.

Литературный обзор

Понятие «имидж государства» активно исследуется в различных гуманитарных науках, включая социологию, политологию, теорию международных отношений, политическую географию, политическую психологию, политический менеджмент, историко-культурные исследования и маркетинг.

В социологии тема имиджа государства исследуется на эмпирическом и теоретическом уровнях, в рамках социокультурного и конструктивистского подходов. Среди крупных исследовательских проектов в рамках социокультурного подхода можно выделить проект социокультурной компаративистики регионов России Института философии РАН Российской Федерации и проект World Values Survey американского социолога и политолога Рональда Инглхарта. В рамках конструктивистского подхода имидж государства рассмотрен в работах Осипова Г.В., Шульца В.Л., Орловой И.Б., Гребенюка А.А., Шмыгина В.А., Репьевой А.В. [12].

В политологии имидж государства рассматривают как в узком, так и в широком смысле. В работе Фролова Е.В. понятие имиджа государства определено в узком смысле политического образования, управляющего территорией [19]. В противоположность этому, Галумов Э.А. в своей работе предлагает более широкое понимание имиджа государства, которое включает в себя не только восприятие его политических институтов, но и такие аспекты, как культурные и исторические особенности, социальные нормы и ценности, экономические достижения и международные связи [2]. В статье Лябухова И.В. представлен анализ соотношения этих двух подходов [10].

В истории политических учений имидж государства предстает как веха в генезисе и эволюции подходов к феномену государства. Теория международных отношений смотрит на имидж страны как на явление, охватывающее наиболее важные черты государства. В работах по политической географии Д.Н. Замятиним предложена концепция географических образов [7]. В работах по политической психологии Е.Б. Шестопал помимо дефиниций понятий имидж и образ государства подробно анализирует структуру политического образа [20]. В работах по политическому менеджменту имидж государства рассматривается как политическая технология. В рамках политической коммуникативистики изучается понятие медиаобраза [5]. В историко-культурных исследованиях подчеркивается комплексность явления «образ страны» [15]. Маркетинг рассматривает положительный имидж как ресурс, способствующий повышению доверия, привлечению иностранных инвестиций, развитию экспортного потенциала, в том числе внешнеторговой активности мелких и средних предприятий, оживлению региональных экономик, развитию экономически прибыльного туризма, укреплению культурных и образовательных связей и т.д. [4].

Результаты

Понятие имиджа в социологии в рамках социокультурного подхода определяется как 1) совокупность эмоциональных и рациональных представлений об объекте в общественном сознании; в рамках конструктивистского 2) как социальная технология, применяемая с целью воздействия на общественное мнение, или как образ, целенаправленно формируемый социальным институтом, организацией, транслируемый на общественное сознание и артикулируемый общественным мнением для достижения политических, экономических, социальных результатов.

В политологии принято трактовать понятие «имидж государства» в более узком и более широком смысле. В узком смысле эта фраза обычно относится к коллективным представлениям о государственном аппарате, которых придерживаются граждане, социальные группы и общество в целом. Эти впечатления формируются под влиянием различных социально-экономических мер

государства, как внутри страны, так и на международном уровне, а также эффективности действующей политической системы. Имидж государства в этом смысле связан с политическими, правовыми и дипломатическими аспектами и может также оценивать такие атрибуты, как стабильность, безопасность и международное влияние [19].

В более широком смысле, принято говорить об имидже государства как об имидже страны. Эта более широкая перспектива включает в себя представление о стране как о географическом объекте, обладающем собственной культурой, историей, природной средой, экономикой и образом жизни. Э.А. Галумов определяет имидж страны как «комплекс объективных, взаимосвязанных между собой характеристик государственной системы (экономических, географических, национальных, культурных, демографических и др.), сформировавшихся в процессе эволюционного развития государственности как сложной многофакторной подсистемы мирового устройства, эффективность взаимодействия звеньев которой определяет тенденции социально-экономических, общественно-политических, национально-конфессиональных и иных процессов в стране» [2]. То есть, имидж страны – это комплекс характеристик государственной системы, предопределяющий ее характерные черты во всех остальных областях: социальной, экономической, общественной и т.д.

В рамках истории политических учений образ государства исследуется как веха в генезисе и эволюции подходов к феномену государства, проблемам его восприятия как собственным населением, так и акторами внешнеполитической сцены в исторической ретроспективе и перспективе. Так, на рубеже XV–XVI веков, с формированием административного ядра Российского государства, органы власти существенно влияли на развитие международных отношений России. В результате одной из ключевых особенностей ее международного имиджа стала заметная роль власти в восприятии страны.

Теория международных отношений подчеркивает необходимость создания и поддержания благоприятного имиджа государства. Советский ученый Л. Зак выразил эту идею в 1970-х годах, заметив: «Важно не только, кто ты есть, но и каким ты кажешься». Он углубился в изучение внешних политических стереотипов, которые включают в себя ключевые атрибуты государства, такие как признанные границы, национальная мощь, динамика взаимоотношений с другими странами, внешнеполитические подходы, системы ценностей, процессы принятия решений и общественное мнение [1]. Л.А. Зак утверждал, что такие стереотипы разнообразны и, как правило, представляют собой смесь исторического наследия, текущих внешнеполитических реалий и ожидаемых действий в будущем. Он назвал средства массовой информации и общественное мнение ключевыми факторами, влияющими на формирование этих внешнеполитических стереотипов.

Среди современных российских исследователей международного имиджа государства, Э.А. Галумов главной функцией имиджа страны считает формирование положительного отношения к ней в мире. Структура имиджа страны включает имиджи: власти, информационной политики, экономики, вооруженных сил, политического лидера и образ государственного устройства [3].

Таким образом, накопленные в теории международных отношений знания и опыт говорят о том, что имидж – «это не только то, чем государство является, но и то, чем оно кажется другим», то есть это результат оценки субъектами международных отношений доступных восприя-

тию характеристик данного государства, определяющий поведение по отношению к нему вышеуказанных субъектов [1].

В *политической географии* географическая среда является основным фактором, формирующим имидж государства. Географические атрибуты страны, включая ее местоположение и пространственные характеристики, служат не только определяющими элементами государства, но и важнейшими политическими ресурсами. Эти географические особенности поддерживают устойчивость государства и рост его социального, экономического и культурного потенциала. По словам Д.Н. Замятина, концепция географических образов – это устойчивые пространственные представления, формирующиеся в результате человеческой деятельности, часто воплощаемые в виде символических представлений о различных географических областях. Например, Санкт-Петербург часто называют «Северной Пальмирой» или «Северной Венецией», что иллюстрирует, как географические образы могут в концентрированном виде отражать основные аспекты места [7].

В *политической психологии*, которая «имеет своим предметом субъективные механизмы политического поведения, влияния на него сознания и подсознания, эмоций и воли человека, его убеждений, ценностных ориентаций и установок», принято отличать понятия «имидж» и «образ» [18]. В отличие от остальных рассмотренных дисциплин, в которых эти термины зачастую употребляются как синонимы, здесь они рассматриваются как разные категории. Образ страны включает в себя комплекс представлений, восприятий и ассоциаций, которые люди имеют о конкретной стране. Эти представления формируются в основном стихийно посредством различных источников, таких как СМИ, культурные обмены, путешествия и другие. Образ страны включает в себя такие характеристики страны как её история, политика, экономика и культура. Имидж страны – это результат более активного и целенаправленного процесса по созданию и управлению образом страны с использованием социальных, маркетинговых и коммуникационных технологий. Имидж страны предполагает осуществление усилий по формированию определенных ассоциаций и восприятий о стране с разными целями: геополитическими, экономическими, социальными и т.д. На практике, когда речь заходит об исследовании, имидж довольно проблематично отличить от образа, хотя с теоретической и терминологической точек зрения указанная разница значима.

Помимо этого, политическая психология предлагает свой особый взгляд на структуру политического образа. Во-первых, эти образы содержат как рациональные, так и бессознательные элементы. Рациональные компоненты связаны с сознательным распознаванием и пониманием характеристик политического объекта, такого как, например, страна, где человек может выразить свои симпатии или антипатии. Это происходит в основном на когнитивном уровне, где задействованы рациональные мыслительные процессы. И наоборот, на бессознательном уровне эмоции доминируют и не осознаются человеком в полной мере. Часто человеку бывает трудно выразить свои чувства по отношению к стране или ее власти даже самому себе, не говоря уже о других людях. Когда предпринимается попытка объяснения, оно может отражать недостоверность из-за влияния рационализации [20].

Во-вторых, в политическом образе можно выделить такие элементы, как привлекательность, сила и активность, а точнее, шкалы: привлекательность–непривлекательность, сила–слабость и активность–пассивность.

Каким бы ни был набор привлекательных качеств того или иного объекта по содержанию, эти качества необходимо также оценить с точки зрения двух других психологических измерений: силы и активности. Присутствие параметра силы, несомненно, укрепляет привлекательность политического образа. Оценивая все ответы респондентов по этому показателю, мы получаем дополнительный инструмент, отсеивающий многие, казалось бы, бесспорно привлекательные черты, которые без силы не много дают для оценки и прогноза.

В-третьих, полезно различать и исследовать визуальные и вербальные структурные элементы политических образов по отдельности.

Таким образом, в политической психологии имидж и образ страны рассматриваются как две взаимосвязанные, но различные категории. Важной особенностью подхода политической психологии является акцент на двойственной природе восприятия – сочетании рациональных и бессознательных компонентов. Кроме этого, политическая психология предлагает специализированные методы исследования политических образов, включая использование дополнительных шкал оценивания и анализ отдельных визуальных и вербальных структурных элементов образа [20].

В *политическом менеджменте* имидж государства рассматривается как политическая технология, которая манипулирует мотивацией, сознанием и подсознанием человека [18]. Эта политическая технология поощряет действия в соответствии с интересами политического субъекта, поддерживая иллюзию свободы выбора и естественности этих действий [14].

Исследования в области *политической коммуникативистики* направлены на продвижение имиджа государства в соответствии с государственной информационной политикой. Ключевое значение имеет понятие «медиаобраз», в широком смысле определяемое Е.Н. Богдан как репрезентация реальности, представленная массовой аудитории средствами массовой информации [5]. Т.Н. Галинская различает «медиаобраз» в узком смысле, который включает фрагменты реальности, полученные от профессиональных журналистов, и в более широком смысле, который охватывает все тексты, созданные в медиaprостранстве различными создателями контента [8]. Политическая коммуникативистика, таким образом, склонна рассматривать образ не как репрезентацию объективной реальности, а в феноменологическом ключе, когда любая реальность и мир в целом, который мы воспринимаем как существующий, существуют преимущественно в качестве содержания наших собственных представлений и суждений [6].

Изучение *историко-культурологических работ* показывает сложную природу имиджа страны. Культурное восприятие имиджа страны – это многогранный феномен, на который влияют доминирующие представления, сформированные культурными факторами у разных народов, а также ощутимые изменения внутри самой страны в сочетании с целенаправленными усилиями по созданию определенного имиджа [15]. Культурный анализ рассматривает нерациональные элементы имиджа страны, такие как стереотипы и клише, подчеркивая их устойчивость. Эти иррациональные компоненты, укоренившиеся в культуре, постоянно проявляются в представлениях о государстве в различных текстах, эпохах и жанрах, независимо от происходящих внутри нации трансформаций [15].

Более того, в культурологии при изучении имиджа нации возникает целый ряд концепций, включая «образ другого», который развивается из представлений об отличии в политической, религиозной и социальной сфе-

рах. Концепция «образа врага» рассматривается как стратегический инструмент, используемый властью. Этот образ служит методом манипулирования, когда политические соперники используют пропаганду для формирования восприятия, эмоций и поведения как врагов, так и союзников [17].

В области *маркетинга*, который представляет собой социальный и управленческий процесс, направленный на удовлетворение нужд и потребностей как индивидуумов, так и групп посредством создания, предложения и обмена товарами, имидж страны рассматривается как ключевой элемент успешной экономической деятельности. Под имиджем страны в маркетинге понимается совокупность убеждений, идей и впечатлений, которые люди имеют о данной стране [9].

Положительный имидж способствует повышению доверия, привлечению иностранных инвестиций, развитию экспортного потенциала, включая внешнеэкономическую активность мелких и средних предприятий, оживлению региональных экономик, развитию прибыльного туризма, а также укреплению культурных и образовательных связей. В этом контексте имидж страны становится важным инструментом для увеличения привлекательности и повышения ценности продуктов и услуг.

Имидж страны тесно взаимодействует с имиджами национальных компаний, ведущих отраслей и торговых марок, а также с имиджем власти, армии и внешнеполитическим имиджем [11]. Формирование и поддержание этих имиджей может быть частью общего курса государства на поддержку экспортного потенциала малого и среднего бизнеса и развитие внешнеэкономической активности [16].

Эта функция может быть реализована в рамках национальной стратегии по развитию брендов. Такая стратегия определяет конкурентоспособное стратегическое видение страны, которое укрепляется при каждом ее взаимодействии с остальным миром. Национальные бренды становятся важными векторами имиджа государства и его репутации.

Из всех направлений маркетинга понятие имиджа страны наиболее подробно рассматривается в *маркетинге территорий* (другие названия: маркетинг мест, территориальный маркетинг). Маркетинг территории в значительной мере направлен на формирование имиджа территории, ассоциаций, связанных с определенным местом и выступающих как притягательная сила для потенциальных потребителей. Известные маркетингологи Ф. Котлер и А. Даян утверждают, что маркетинг территорий «призван улучшить ее имидж, привлечь промышленников, заставить говорить о себе» [11]. Маркетинговый подход к территории означает создание таких условий, которые повышали бы привлекательность территории как объекта инвестирования, среды жизнедеятельности, направления туризма, приобретения товаров, связанных с данным местом и т.д. Объектом внимания маркетинга территорий выступает территория в целом с позиции ее соответствия специфическим потребностям различных целевых групп потребителей территории (как внутренних, так и внешних).

Потребители территории в самом общем виде могут быть классифицированы по критерию территориальной принадлежности, постоянного проживания «резиденты – нерезиденты», по критерию юридического статуса «физические лица – юридические лица» и т.д. Реальные и потенциальные потребители территории заинтересованы в наиболее эффективном использовании конкурентных преимуществ территории: для жизни, для бизнеса, в туристических целях, пребывание с целью лечения или оздоровления (разновидность туризма).

Ведущей целью субъектов или инициаторов маркетинга территорий является создание, поддержание или изменение мнений, намерений и/или поведения субъектов-потребителей относительно территории, ее и собственных возможностей на этой территории.

Для выявления имиджа страны на уровне бытового сознания в маркетинге используется ряд характеристик, параметров: символы, особенности менталитета нации, ее культуры, негативные аспекты жизнеобеспечения, коммуникативные препятствия. К примеру, имидж Великобритании в общественном сознании французских граждан выглядит следующим образом:

Символы королевства: «breakfast», остров, Лондон.

Менталитет: традиционализм, чопорность.

Культура: современная музыка, английская мода.

Негативные аспекты, коммуникативные препятствия: гастрономия, климат, политика изоляционизма, расписание работы магазинов, левостороннее движение, пересечение Ла-Манша, финансы, язык [11].

Позиционирование территорий является ключевым практическим инструментом территориального маркетинга и представляет собой стратегическое решение, основанное на SWOT-анализе, исследовании целевого рынка и других инструментах обработки маркетинговой информации о рыночной среде и факторах, влияющих на перспективы развития территории. Позиционирование напрямую влияет на имидж страны, поскольку частично определяет ее основные атрибуты, ассоциируя, к примеру, Францию с вином, камамбером и высокой модой, Японию – с высококачественной электроникой, Турцию – с отдыхом на море, а Китай – с мировым производственным центром. Реализация позиционирования включает в себя различные маркетинговые стратегии, такие как маркетинг имиджа, маркетинг привлекательности, маркетинг инфраструктуры и маркетинг, ориентированный на население и персонал. Эти стратегии направлены на привлечение и удержание гостей и местных жителей, одновременно стимулируя производство или экспорт региональной продукции. Стратегия имиджевого маркетинга для страны направлена на создание, развитие и распространение позитивного имиджа территории, улучшение коммуникации и продвижение уже существующих преимуществ.

В сфере территориального маркетинга особое внимание уделяется концепции *брендинга территории* или брендинга места. Бренд характеризуется как отличительный товарный знак, узнаваемый потребителями благодаря уникальному идентификатору, который несет дополнительную рациональную или эмоциональную ценность. Согласно определению А. Шестопалова, бренд территории – это ее способность выделяться на фоне других территорий. С другой стороны, его можно рассматривать как совокупность ценностей, эмоций и ассоциаций потребителей, связанных с конкретным географическим местоположением, его материальными и нематериальными качествами, местной культурой, способствующих восприятию привлекательности, качества и стоимости местных товаров и услуг, отличающих его от других территорий и создающих символический капитал бренда, как отмечает Т.В. Мещерякова. Известный специалист по национальному брендингу С. Энхольт предлагает оценивать национальный бренд на основе восприятия людьми следующих сфер: туризма, экспорта, населения, государственного управления, культуры и наследия, инвестиций и иммиграции [11].

Появлению бренда всегда предшествует долговременная, системная деятельность, требующая концептуального подхода, координации и мониторинга результатов. Для конечных потребителей бренд (тут уместно

повторить дословный перевод этого термина «клеймо») служит опознавательным знаком некой сущности, которая является для пользователя привлекательной с точки зрения его взглядов, ценностей, вкусов и т.д., символизирует воплощенные в жизнь самые различные ожидания от конкретных товаров. Поэтому у бренда всегда есть узнаваемые внешние атрибуты (цвета, шрифты, логотип, аудиоряд и т.д.). Бренд всегда характеризуется наличием устойчивых положительных эмоциональных связей с целевой аудиторией потребителей (в т.ч. потенциальных), должен вызывать их гордость, обладать притягательной и объединяющей силой.

Таким образом, маркетинг расширяет наше понимание функций имиджа страны, акцентируя внимание на повышении привлекательности и востребованности территории, ее экономическом и хозяйственном благополучии.

Заключение

В результате работы были проанализированы взгляды и подходы к изучению, а также трактовки понятия «имидж государства» в различных областях гуманитарного знания:

- социология (в рамках социокультурного и конструктивистского подходов);
- политология (в рамках истории политических учений, теории международных отношений, политической географии, политической психологии, политического менеджмента и политической коммуникативистики);
- историко-культурологические исследования;
- маркетинг (в рамках общего маркетинга, маркетинга территорий и национального брендинга).

Во всех рассмотренных дисциплинах имидж государства, так или иначе, определяется как совокупность эмоциональных и рациональных представлений о стране в общественном сознании. Однако, дефиниции и предлагаемые структуры понятия «имидж государства» варьируются в зависимости от области гуманитарного знания, что связано с особенностями предмета исследования каждой дисциплины. Общим для всех рассмотренных дисциплин является понимание имиджа/образа как ключевого элемента процесса познания.

На теоретическом уровне познания выделяются два доминирующих взгляда на природу имиджа: «реалистичный», где имидж воспринимается как сумма представлений, репрезентирующих реальный объект, и «конструктивистский», где имидж рассматривается как продукт усилий по его созданию заинтересованных акторов. На эмпирическом уровне познания, соответственно, имидж понимается либо как методологический инструмент для получения представлений о стране/государстве, либо как технология (социальная, политическая, маркетинговая), позволяющая достигать определённых целей.

Литература

1. Боголюбова Н.М. Межкультурная коммуникация и международный культурный обмен: учебное пособие. Электронный ресурс. URL: <https://www.livelib.ru/book/147726/readpart-mezhkulturnaya-kommunikatsiya-i-mezhdunarodnyj-kulturnyj-obmen-uchebnoe-posobie/~18> (дата обращения: 09.09.2024).
2. Галумов Э.А. Имидж против имиджа. – М., 2005.
3. Галумов Э.А. Международный имидж России: стратегия формирования. – М., 2003. – Т. 2.
4. Гравер А.А. Образ, имидж и бренд страны: понятия и направления исследования // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2012. – № 3 (19). – С. 29–45.
5. Гуреева А. Н., Киреева П.А. Формирование медиа-образа государства в контексте медиатизации политической коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2022. – № 6. – С. 28–56.
6. Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. – М.: АСТ, 2000. – 752 с.
7. Замятин Д.Н. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. – Издательство «Аграф», 2004.
8. Ковач О.А. Принципы конструирования медиа-образа государства // Медиасреда. – 2019. – № 1. – С. 57–62.
9. Кузьменко Н. И., Райымбаев Ч.К. Значение маркетинга в различных сферах экономики в современных условиях хозяйствования // Синергия. – 2016. – № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-marketinga-v-razlichnyh-sferah-ekonomiki-v-sovremennyh-usloviyah-hozyaystvovaniya> (дата обращения: 09.09.2024).
10. Лябухов И. В. О соотношении понятий «Имидж государства» и «Имидж страны» (к постановке проблемы) // Известия АлтГ У. 2011. № 4–1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sootnoshenii-ponyatij-imidzh-gosudarstva-i-imidzh-strany-k-postanovke-problemy> (дата обращения: 09.09.2024).
11. Панкрухин А.П. Маркетинг территорий. – СПб.: Питер, 2006. – 416 с.
12. Политические коммуникации: Уч. пособие / Под ред. А.И. Соловьева. – М., 2004.
13. Проблемы истории социально-политических учений: Уч.-метод. комплекс / рук. авт. колл. Е.Н. Моцелков. – М., 2003. – С. 13.
14. Пушкарева Г.В. Политический менеджмент: Учебное пособие. – М., 2002. – С. 21.
15. Соколов В.М. Формирование образа «новой» России в общественном сознании Великобритании в начале 1990-х гг.: дис. ... канд. культур. – М., 2010. – 183 с.
16. Стрельцов Д. В., Сильницкий А.А. Политика Японии по продвижению национального и региональных брендов // Корпоративная имиджеология. – 2008. – № 1 (02). – С. 7–12.
17. Федоров А.В. Трансформация образа России на западном экране: от эпохи идеологической конфронтации (1946–1991) до современного этапа (1992–2010). – М.: Изд-во МОО «Информация для всех», 2010. – 202 с.
18. Федякин А.В. Образ государства как исследовательская задача современной политологии // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2005. – № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-gosudarstva-kak-issledovatel'skaya-zadacha-sovremennoy-politologii> (дата обращения: 09.09.2024).
19. Фролов Е.В. Политический имидж институтов государственной власти России: современное состояние и перспективы совершенствования: дис. ... канд. полит. наук. – М., 2006.
20. Шестопал Е.Б. Политическая психология. 5-е издание // Аспект Пресс. М. – 2018

MANAGEMENT MECHANISMS FOR REALIZING THE POTENTIAL OF THE STATE'S IMAGE: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS

Gusakova O.S.

Moscow State University named after M.V. Lomonosov

The article presents an interdisciplinary comparative analysis of the definitions of the concept «national image.» The author integrates knowledge accumulated in fields such as sociology, political science, history, cultural studies, and marketing, facilitating a deeper and more comprehensive understanding of the complex and multifaceted nature of the «national image» phenomenon. The study reveals several key aspects of the topic: first, it describes the differences in approaches to studying the national image across various academic contexts; second, it identifies common theoretical foundations that unify different approaches and interpretations of the «national image» concept; third, it defines two fundamental approaches to understanding the studied concept. The results of the research deepen the theoretical understanding of the national image and open new perspectives for its further study.

Keywords: State Image, Country Image, State Representation, Country Representation, Foreign Policy Stereotypes, Geographical Images, Media Image, Territory Marketing, Place Marketing, Country Branding.

References

1. Bogolyubova, N.M. Intercultural Communication and International Cultural Exchange: A Textbook. Electronic resource. URL: <https://www.livelib.ru/book/147726/readpart-mezhkulturnaya-kommunikatsiya-i-mezhdunarodnyj-kulturnyj-obmen-uchebnoe-posobie/~18> (accessed: 09.09.2024).
2. Galumov, E.A. Image versus Image. Moscow, 2005.
3. Galumov, E.A. Russia's International Image: Strategy of Formation. Moscow, 2003. Vol.2.
4. Graver, A.A. The Concept of Country Image, Image, and Brand: Definitions and Research Directions. Tomsk State University Bulletin. Philosophy. Sociology. Political Science, 2012, No. 3 (19), pp. 29–45.
5. Gureeva, A. N., Kireeva, P.A. The Formation of the Media Image of the State in the Context of the Mediatization of Political Communication. Moscow University Bulletin. Series 10. Journalism, 2022, No. 6, pp. 28–56.
6. Husserl, E. Logical Investigations. Cartesian Meditations. The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology. The Crisis of European Humanity and Philosophy. Philosophy as a Rigorous Science. Moscow: ACT, 2000. 752 p.
7. Zamyatin, D.N. Metageography: The Space of Images and the Images of Space. Agraph Publishing House, 2004.
8. Kovach, O.A. Principles of Constructing the Media Image of the State. Media Environment, 2019, No. 1, pp. 57–62.
9. Kuzmenko, N. I., Rayymbaev, Ch.K. The Importance of Marketing in Various Spheres of the Economy in Modern Economic Conditions. Synergy, 2016, No. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-marketinga-v-razlichnyh-sferah-ekonomiki-v-sovremennyh-usloviyah-hozyaystvovaniya> (accessed: 09.09.2024).
10. Lyabukhov, I.V. On the Correlation of the Concepts «State Image» and «Country Image» (Problem Statement). Bulletin of Altai State University, 2011, No. 4–1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sootnoshenii-ponyatiy-imidzh-gosudarstva-i-imidzh-strany-k-postanovke-problemy> (accessed: 09.09.2024).
11. Pankrukhin, A.P. Territory Marketing. St. Petersburg: Peter, 2006. 416 p.
12. Political Communications: Textbook. Edited by A.I. Soloviev. Moscow, 2004.
13. Problems of the History of Socio-Political Doctrines: Educational-Methodical Complex. Head of the author team: E.N. Moshelkov. Moscow, 2003. p. 13.
14. Pushkareva, G.V. Political Management: A Textbook. Moscow, 2002. p. 21.
15. Sokolov, V.M. The Formation of the Image of «New» Russia in the Public Consciousness of Great Britain in the Early 1990s: Dissertation ... Candidate of Cultural Studies. Moscow, 2010. 183 p.
16. Streltsov, D. V., Silnitsky, A.A. Japan's Policy on Promoting National and Regional Brands. Corporate Imidzhology, 2008, No. 1 (02), pp. 7–12.
17. Fedorov, A.V. The Transformation of Russia's Image on the Western Screen: From the Era of Ideological Confrontation (1946–1991) to the Modern Stage (1992–2010). Moscow: Publishing House «Information for All», 2010. 202 p.
18. Fedyakin, A.V. The Image of the State as a Research Task of Modern Political Science. Moscow University Bulletin. Series 12. Political Sciences, 2005, No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-gosudarstva-kak-issledovatel'skaya-zadacha-sovremennoy-politologii> (accessed: 09.09.2024).
19. Frolov, E.V. The Political Image of Russia's State Institutions: Current Status and Prospects for Improvement: Dissertation ... Candidate of Political Sciences. Moscow, 2006.
20. Shestopal, E.B. Political Psychology. 5th Edition. Aspect Press, Moscow, 2018.

Дидушко Максим Максимович,

аспирант кафедры социологии и управления персоналом,
Институт подготовки и аттестации научно-педагогических
кадров, Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
E-mail: maks.didushko@yandex.ru

В статье рассматриваются основные проблемы, связанные с поддержанием командной динамики при удаленном управлении, что представляется особенно актуальным в условиях цифровой экономики. Исследование проведено с использованием фокус-групп, состоящих из сотрудников IT-организаций различных ролей и уровней опыта, осуществляющих рабочую деятельность в удаленном формате. В ходе обсуждений были предложены несколько популярных решений, таких как стандартизация каналов коммуникации, переход к асинхронным методам взаимодействия, использование интерактивных онлайн-инструментов для совместной работы, внедрение прозрачных метрик результативности, гибкий график работы, регулярные неформальные встречи и частые ретроспективы. В заключении подчеркивается, что успешное преодоление проблем удаленного управления в современных организациях требует комплексного подхода, направленного на улучшение коммуникации, повышение гибкости и поддержку благополучия сотрудников в условиях удаленной работы.

Ключевые слова: удаленная работа, цифровизация, лидерство, командная динамика, удаленное сотрудничество.

Введение

За последние годы характер осуществления рабочей деятельности значительно изменился благодаря технологическому прогрессу и меняющимся предпочтениям сотрудников и работодателей. Значительным сдвигом в этой эволюции стало широкое распространение удаленной работы, при которой люди выполняют свои обязанности вне традиционной офисной среды, часто полагаясь на цифровые средства связи и подключение к сети Интернет. Этот переход ведет к значительным последствиям для организационных структур, рабочих процессов и, что особенно важно, для динамики коллектива.

В современном мире, где удаленная работа все чаще становится стандартом, нежели исключением, понимание ее влияния на взаимодействие в коллективе, привычки общения и продуктивность имеет решающее значение. Переход к удаленной работе создает сложные проблемы и возможности для поддержания эффективной командной динамики. Традиционная офисная среда, которая естественным образом способствует спонтанному взаимодействию, общению лицом к лицу и совместному физическому присутствию, давно стала основой для создания сплоченности и продуктивности. Однако удаленная работа нарушает эти традиционные модели взаимодействия, требуя от команд адаптации к новым способам виртуального общения и сотрудничества. Подобное нарушение может привести к значительным вызовам в контексте функционирования команд.

Удаленная работа все чаще становится предметом научного и практического интереса в связи с ее растущей распространенностью и глубоким влиянием на организационную динамику. Этот растущий интерес подогревается необходимостью понять, как именно удаленная работа влияет на различные аспекты функциональности коллектива, включая коммуникацию, сотрудничество, сплоченность и производительность.

Литературный обзор

Исследования удаленной работы показывают сложное взаимодействие между технологическими возможностями, организационными стратегиями и индивидуальным опытом, а также другими факторами, определяющими динамику удаленной команды. В научной литературе, как правило, выделяются такие преимущества удаленной работы, как экономия издержек, экономия времени, отсутствие территориальных и социально-демографических ограничений (Малышев [5, с. 35], Федченко [7, с. 381], Шульгина и др. [8, с. 99]). Между тем некоторые исследователи отмечают, что переход к практике удаленной работы может повлечь за собой ряд вызовов (Буянкина, Нефедов, Балакирева [1, с. 412], Исмаилова [12, с. 42], Кустова, Лымарева [3, с. 102]), которые усложняют массовый переход работодателей на подобную модель организации труда.

Обобщая работы отечественных и зарубежных ученых, можно выделить ряд вызовов удаленного управления:

- усложненная коммуникация в сравнении с «офисной» моделью работы;
- появление у сотрудников ощущения социальной изоляции, снижение их мотивации;

- отсутствие контроля над сотрудниками, работающими в удаленной среде;
- отсутствие необходимой для работы инфраструктуры в удаленной среде, технологические вызовы;
- наличие отвлекающих факторов вне офисной среды, влекущих к снижению концентрации работников;
- нехватка личного взаимодействия, и вследствие, нарушение командной динамики.

Вышеупомянутые вызовы, как правило, существуют в едином комплексе, и так или иначе обуславливают друг друга. Рассматривая проблему снижения командной динамики, важно понимать, что эффективность работы команды зависит от таких факторов, как частота общения, поддержка руководства и индивидуальный баланс между работой и личной жизнью. Удаленное управление требует более целенаправленных усилий по поддержанию и повышению командной динамики, поскольку отсутствие физического присутствия и личного взаимодействия может привести к ощущению изоляции или разобщенности. Ряд исследователей рассматривает вопросы лидерства в условиях удаленной среды (Кожевникова, Старовойтова [2, с. 69], Бокколи [10, с. 1244]), отмечая, что руководители нового типа (или трансформационные лидеры) играют центральную роль в поддержании мотивации команды, ставя перед ней четкие задачи, обеспечивая постоянную коммуникацию и способствуя формированию чувства общей цели.

В условиях удаленного управления задачи, требующие высокого уровня взаимозависимости и координации, могут создавать дополнительные проблемы. Команды вынуждены полагаться на цифровые средства коммуникации, которые могут ограничивать спонтанное взаимодействие и препятствовать немедленной обратной связи, тем самым влияя на то, как члены команды сотрудничают и решают поставленные задачи. Ряд отечественных и зарубежных исследователей видит в качестве решения этой проблемы применение гибких подходов (agile) к управлению. Самайбекова [6, с. 107] и Хейдт [11, с. 2147] подчеркивают глубокое влияние адаптивных методов управления персоналом на эффективность работы удаленных сотрудников, а также обосновывают критическую роль технологий, улучшающих коммуникацию и возможности для командного взаимодействия. Лисай [4, с. 23] рассматривает вопросы применения гибкой методологии в противовес традиционным методам управления с целью поддержания командной динамики.

Организационный контекст, включая культуру, структуру и доступные ресурсы, является еще одним важнейшим фактором, влияющим на динамику команды. В условиях удаленного управления организации должны активно разрабатывать и внедрять практики, способствующие налаживанию социальных связей, чтобы команды не работали изолированно друг от друга. Асатиани и др. [9, с. 65] отмечают особую важность культуры организации в контексте функционирования удаленных команд – от того, насколько она способствует открытому общению, приверженности и благоприятной обстановке, напрямую зависит моральный дух и мотивация членов команды.

Состав команды также является важнейшим фактором, определяющим динамику развития коллектива, особенно в удаленных условиях. Разнообразный состав команды, включающий в себя различные наборы навыков, опыт и культурные корни, может обогатить взаимодействие в команде, привнося различные точки зрения и подходы к решению проблем. Однако управление таким разнообразием в удаленном режиме требует сильного руководства. Руководители должны уметь обеспечивать психологическую безопасность в виртуальном

пространстве, где легко может возникнуть недопонимание или отчуждение. Состав команды – это не только демографический или профессиональный состав группы, но и черты характера и межличностная динамика, которые могут усиливаться в удаленной среде из-за зависимости от цифровых коммуникаций.

Несмотря на наличие большого количества исследований, вносящих вклад в понимание возможностей оптимизации удаленной работы, в литературе по-прежнему остается значительный пробел, касающийся преодоления основных сложностей, возникающих в ее процессе. В контексте удаленной работы видится важным рассмотрение опыта организаций IT-отрасли, где удаленная работа уже стала привычной, с целью последующей адаптации методов удаленного управления в организациях иного типа. Весьма вероятно, что уже в ближайшее время, в условиях цифровизации все больше и больше организаций будет переходить на удаленный формат работы, как показывают постковидные тренды развития.

Материалы и методы

В рамках исследования была проведена серия из трех фокус-групп для выявления ключевых проблем, касающихся непосредственно командной динамики. Состав участников был отобран с помощью анкеты-фильтра из числа работников IT индустрии, работающих вне офиса. Участие приняли 16 человек, представляющие разные роли в команде: менеджеры по работе с клиентами, менеджеры проектов, маркетинговые менеджеры, разработчики, тестировщики, дизайнеры. Участники имели разный уровень опыта работы в удаленных командах (от 1 месяца до 6 лет) и работали в разных часовых поясах (восточная Европа (UTC +3), западная Европа (UTC +1) и Азия (UTC +7)). Для исследования использовалась методология Agile с акцентом на ретроспективы и сбор данных через анкетирование и обсуждения. Обсуждение проводилось в формате видеоконференций на платформе Zoom.

Участники представляли разные возрастные группы (18–45 лет), что позволило изучить различия в восприятии удаленной работы. Младшая группа (18–30 лет) быстрее адаптировалась к цифровым инструментам, тогда как старшая группа (30–45 лет) проявляла склонность к более традиционным методам работы. Всего в фокус-группах было 10 мужчин и 6 женщин. Мужчины чаще жаловались на нехватку времени для личной жизни, а женщины больше внимания уделяли качеству взаимодействия и поддержке в команде. Семейное положение также повлияло на восприятие удаленной работы: участники с детьми (4 человека) чаще жаловались на трудности с поддержанием баланса между работой и личной жизнью.

Результаты

Исследование проводилось в два этапа. На первом этапе участники заполнили анкеты, в которых рассказали о своем опыте работы, трудностях и проблемах, с которыми сталкиваются в удаленной среде. На втором этапе проводились три сессии фокус-группы, каждая продолжительностью по два часа. Участники обсуждали свои проблемы, касающиеся коммуникации, сотрудничества, доверия, баланса между работой и личной жизнью, а также используемых технологий, а затем предлагали возможные варианты решений исходя из личного опыта. Модератор направлял дискуссию и собирал данные для дальнейшего анализа. После проведения фокус-групп были организованы ретроспективы внутри команд, чтобы

оценить эффективность предложенных решений. В финальной стадии исследования был проведен повторный опрос для сбора отзывов об изменениях, внесенных после сессий.

Таблица 1. Наблюдения, полученные в ходе исследования

Категория	Вызовы
Коммуникация	Трудности с реальной коммуникацией в условиях разных часовых поясов
Сотрудничество	Снижение спонтанного сотрудничества из-за удаленного характера работы
Технологии и инструменты	Первоначальные технические проблемы (ПО, подключение) влияли на производительность участников фокус-группы
Баланс между работой и личной жизнью	Размытые границы между работой и личной жизнью привели к выгоранию некоторых участников фокус-группы
Моральный дух команды	Удаленная работа приводит к недостатку социального взаимодействия, что снижает моральный дух команды
Лидерство и управление	Удаленное управление привело к ощущению недостатка присутствия лидера
Контроль производительности	Сложности с точным отслеживанием производительности команды без личного взаимодействия
Гибкость процессов	Адаптация к agile-процессам удаленно проходила медленнее из-за отсутствия физического взаимодействия
Автономность команды	Работники с большей автономией чаще добились успеха в решении задач, в то время как другие нуждались в постоянном вмешательстве руководителя

Анализ собранных материалов показал, что основными препятствиями командной работы являются сложности с коммуникацией и сотрудничеством, технические трудности, социальная изоляция, низкий уровень доверия и ответственности в команде, низкий уровень мотивации и автономности, а также нарушение баланса между работой и личной жизнью (табл. 1). Например, многие участники отмечали, что асинхронная коммуникация в разных часовых поясах часто вызывает задержки в работе, а также ведет к недопониманию. Проблемы с взаимодействием особенно остро проявляются в недостатке спонтанных обсуждений, что снижает креативность команды. Кроме того, выявились случаи микроменеджмента, когда руководители слишком активно вмешивались в рабочие процессы, снижая мотивацию участников команды. Наконец, более половины опрошенных жаловались на выгорание и размытие границ рабочего и личного времени, особенно в условиях работы в ночное время для синхронизации с коллегами из других часовых поясов.

В ходе повторного обсуждения были выявлены возможные пути преодоления ранее упомянутых вызовов (табл. 2). Участники дискуссии обменивались своим личным опытом и предлагали свои варианты решения проблем. Одним из самых востребованных решений стало упорядочивание каналов коммуникации. Участники указали, что использование множества платформ, таких как Slack, Zoom, Microsoft Teams и Jira, создает информационную перегрузку и усложняет взаимодействие. Было

предложено стандартизировать каналы, выделив их для различных типов общения, что позволило бы сократить путаницу и повысить эффективность обмена информацией. Также популярным стало предложение акцентировать внимание на асинхронной коммуникации, особенно для команд, работающих в разных часовых поясах. Асинхронные методы (например, обсуждение через чаты) позволяют гибко управлять временем, что снижает нагрузку и предотвращает необходимость работы в неудобное время.

Таблица 2. Возможные пути решения проблем

Выявленные проблемы	Пути решения, предложенные участниками дискуссии
Недопонимание, задержки в ответах	Установить четкие протоколы общения (например, время ответа, выделенные каналы), эффективно использовать синхронные/асинхронные встречи
Отсутствие творческого синергизма	Проводить более частые виртуальные сессии мозгового штурма. Использовать цифровые инструменты (Miro, Jamboard, Slack Canvas) для более интерактивного сотрудничества
Задержки в работе, разочарование от использования инструментов	Обучение инструментам, проведение регулярных технических проверок и оптимизация платформ для коммуникации – Slack, YouTrack, рабочие чаты
Увеличение стресса, выгорание, снижение производительности	Внедрить более гибкий график работы, поощрять перерывы и проводить регулярные проверки благополучия команды
Чувство изоляции, снижение мотивации	Проводить виртуальные социальные мероприятия (дайджесты, командообразующие активности), чтобы поддерживать командный дух и чувство принадлежности
Снижение связи с руководством, нечеткие ожидания	Организовывать более частые неформальные встречи с руководителями, учащение встреч в формате 1x1
Избыточный микроменеджмент, потеря доверия	Внедрить прозрачные метрики и дашборды для мониторинга производительности (с использованием ПО, из числа предложенных участниками фокус-группы – YouTrack), которые будут регулярно обсуждаться
Замедление циклов итераций, сложности с передачей задач	Увеличить количество ретроспектив для более раннего выявления препятствий, поощрять кросс-функциональные встречи для обеспечения гибкости и адаптивности рабочих процессов
Недостаток полномочий, низкая автономия	Поощрять децентрализованное принятие решений, где это возможно, предоставить командам больше автономии для принятия быстрых и самостоятельных решений

Для улучшения сотрудничества участники предложили использовать интерактивные инструменты для совместной работы, такие как Miro и Jamboard. Эти инструменты помогают визуализировать идеи и проводить мозговые штурмы, несмотря на отсутствие личных встреч. Такое решение позволило бы усилить креативность и взаимодействие внутри команды.

Одной из ключевых проблем был недостаток доверия. В этой связи было предложено внедрить прозрачные метрики результативности, которые позволили бы оценивать сотрудников по их результатам, а не по количеству часов работы. Это повысило бы уровень автономии и ответственности, а также снизило бы необходимость постоянного контроля со стороны менеджеров.

Проблема выгорания и нарушения баланса между работой и личной жизнью нашла свое решение через внедрение гибкого графика работы. Участники предложили четко разграничивать рабочие часы и время для отдыха, а также проводить регулярные встречи, направленные на обсуждение благополучия сотрудников и методов борьбы со стрессом.

Низкий моральный дух команды также являлся значительной проблемой, по мнению участников фокус-групп, и для её решения предложили проведение регулярных неформальных встреч, таких как виртуальные кофе-паузы или командные игры. По мнению участников дискуссии, это помогло бы поддерживать социальное взаимодействие, несмотря на удаленный формат работы, и способствовало бы улучшению настроения и мотивации команды.

Обсуждение

В ходе исследования мы пришли к ряду выводов. Так, был определен ряд ключевых аспектов, влияющих на развитие команды: личностный рост членов команды, изменения в мотивации, динамика морального духа и общая трансформация команды. Личностный рост – важнейший аспект удаленной работы, поскольку в менее структурированной среде люди часто берут на себя большую ответственность за самоуправление и профессиональное развитие. Такой рост может улучшить динамику команды, позволяя ее членам вносить более эффективный вклад, хотя для этого необходима благоприятная организационная среда, поощряющая непрерывное обучение и развитие.

Мотивация в удаленных командах может меняться в зависимости от таких факторов, как частота общения, поддержка руководства и индивидуальный баланс между работой и личной жизнью. Удаленное управление требует более целенаправленных усилий по поддержанию и повышению мотивации, поскольку отсутствие физического присутствия и личного взаимодействия может привести к ощущению изоляции или разобщенности. Руководители играют центральную роль в поддержании мотивации команды, ставя перед ней четкие задачи, признавая достижения и способствуя формированию чувства общей цели.

Динамика морального духа тесно связана со сплоченностью и удовлетворенностью команды. В удаленных командах моральный дух может быть неустойчивым из-за отсутствия регулярного личного общения, которое обычно способствует укреплению товарищества и доверия. Виртуальные встречи и коммуникационные платформы необходимо использовать не только для выполнения задач, но и для укрепления социальных связей. Коллективный моральный дух команды имеет решающее значение для поддержания высокого уровня производительности и вовлеченности, а когда моральный дух снижается, это может привести к отстранению от работы, повышению текучести кадров и снижению уровня сотрудничества.

Общая трансформация команды в удаленном контексте отражает то, насколько хорошо команда адаптируется к изменяющимся обстоятельствам, включая меняющиеся требования к работе и внешние вызовы. Уда-

ленные команды, демонстрирующие устойчивость и гибкость, имеют больше возможностей для процветания в виртуальной среде. Такая трансформация часто является отражением способности команды использовать индивидуальные сильные стороны, компенсируя слабые стороны коллективными усилиями. Способность адаптироваться и трансформироваться как единое целое свидетельствует о зрелой командной динамике, когда члены команды поддерживают друг друга и согласуют свои цели, несмотря на трудности, возникающие из-за физического расстояния.

Эффективные удаленные команды требуют сильного руководства, гибких структур и внимания к личностному росту, мотивации, моральному состоянию и адаптации. По мере того как команды преодолевают все тонкости удаленной работы, понимание и учет этих факторов необходимы для того, чтобы команды оставались сплоченными, мотивированными и продуктивными в долгосрочной перспективе. Этот комплексный подход к динамике удаленных команд поможет организациям оптимизировать свои стратегии удаленного управления, что в конечном итоге приведет к индивидуальному и коллективному успеху.

Эффективное поддержание динамики коллектива в условиях удаленного управления требует всесторонней переоценки и адаптации стратегий управления для решения уникальных задач. В этом контексте гибкость становится важнейшим компонентом современного управления. Удаленная работа требует отказа от жесткой, универсальной политики в пользу более адаптивных рамок, учитывающих различные потребности и обстоятельства сотрудников. Такая гибкость не ограничивается простым изменением графика работы или местоположения; она включает в себя целостное понимание различных требований к времени, энергии и концентрации внимания сотрудников, признавая размывание границ между личной и профессиональной жизнью, которое часто сопровождает удаленную работу. Внедряя гибкий график работы, организации могут поддержать сотрудников в достижении более здорового баланса между работой и личной жизнью, что имеет решающее значение для поддержания мотивации, вовлеченности и общей сплоченности коллектива.

Внимание к благополучию сотрудников – еще один краеугольный камень успешной командной динамики в удаленной среде. Физические и психологические проблемы, связанные с удаленной работой, такие как изоляция, повышенный стресс и возможность выгорания. Более того, создание благоприятной среды, в которой приоритет отдается психическому и эмоциональному здоровью, может значительно повысить удовлетворенность работой и лояльность, что, в свою очередь, укрепляет сплоченность коллектива.

Укрепление корпоративной культуры в удаленных условиях также играет важную роль в поддержании эффективной командной динамики. В отсутствие физических офисных помещений, где культура часто органично передается через ежедневное взаимодействие, организации должны целенаправленно культивировать и укреплять свои корпоративные ценности и идентичность. Этого можно достичь с помощью регулярных виртуальных мероприятий, использования цифровых платформ для признания и празднования достижений, а также последовательной коммуникации, которая соответствует основным ценностям организации. Сильная корпоративная культура не только объединяет удаленных сотрудников под общей целью, но и служит руководством для поведения и принятия решений, улучшая тем

самым сотрудничеством и снижая риск рассогласования в командах.

Цифровизация рабочих процессов требует, чтобы стратегии управления включали технологические инструменты, облегчающие сотрудничество и коммуникацию между разрозненными командами. Эффективное использование цифровых платформ – от программного обеспечения для управления проектами до средств обмена мгновенными сообщениями и видеоконференций – позволяет преодолеть разрыв, возникающий из-за физического расстояния, обеспечивая сотрудничество в режиме реального времени и способствуя возникновению чувства общности между членами команды. Однако для успешного внедрения этих технологий необходимо тщательно продумать их влияние на динамику общения и взаимодействие в команде, чтобы они способствовали, а не мешали процессу совместной работы.

Заключение

Следует отметить, что поддержание динамики коллектива в условиях удаленного управления требует многогранного подхода, который включает в себя адаптацию управленческих стратегий с учетом гибкости, приоритета благополучия сотрудников, укрепления корпоративной культуры и эффективного использования цифровых инструментов. Эти элементы взаимосвязаны и в совокупности способствуют созданию эффективной удаленной рабочей среды. В условиях все большей цифровизации общества эти стратегии будут играть важную роль в обеспечении сплоченности и вовлеченности, что в конечном итоге будет способствовать долгосрочному успеху организации в цифровую эпоху.

Литература

1. Буйанкина А. С., Неведов Д.А., Балакирева С.М. Специфика управления человеческими ресурсами в международных компаниях в условиях развития цифровой среды // Проблемы управления внешнеэкономической деятельностью в цифровой экономике. – 2022. – С. 407–416.
2. Кожевникова Л. В., Старовойтова И.Е. Формирование виртуальных команд: удаленный тимбилдинг и лидерство // Вестник университета. – 2022. – № 4. – С. 64–71.
3. Кустова В. А., Лымарева О.А. Мотивация и стимулирование в условиях удаленной работы: вызовы и решения // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2023. – № 12–1 (106). – С. 101–103.
4. Лисай В.Э. Современные методики управления командами разработчиков: от AGILE к HOLACRACY // Актуальные исследования. – 2023. – № 42 (172). – С. 18–25.
5. Малышев А.А. Эволюция практики удаленной работы в России и за рубежом // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2018. – № 3 (27). – С. 33–40.
6. Самайбекова З. К. «Доковидные» и «постковидные» тренды развития стратегического управления персоналом в инновационных предпринимательских структурах // *π-Economy*. 2024. № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dokovidnye-i-postkovidnye-trendy-razvitiya-strategicheskogo-upravleniya-personalom-v-innovatsionnyh-predprinimatelskih-strukturah> (дата обращения: 13.07.2024).
7. Федченко А.А. Удаленная работа в условиях использования цифровых технологий: перспективы транс-

формации // Экономика труда. – 2021. – Т. 8. – № 4. – С. 377–390.

8. Шульгина Ю. В. и др. Трансформация организации труда и социально-трудового мониторинга в условиях перехода на удаленную работу // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2020. – № 11. – С. 97–102.
9. Asatiani A. et al. Constructing continuity across the organisational culture boundary in a highly virtual work environment // *Information systems journal*. – 2021. – Т. 31. – No. 1. – pp. 62–93.
10. Boccoli G., Gastaldi L., Corso M. Transformational leadership and work engagement in remote work settings: the moderating role of the supervisor's digital communication skills // *Leadership & Organization Development Journal*. – 2024. – No. 7. – pp. 1240–1257.
11. Heidt L., Gauger F., Pfnür A. Work from Home Success: Agile work characteristics and the Mediating Effect of supportive HRM // *Review of Managerial Science*. – 2023. – Т. 17. – No. 6. – pp. 2139–2164.
12. Ismailova N. et al. Exploring Challenges and Strategies in Managing Remote and Distributed Teams amidst the Rise of Digital Nomadism // *Journal of Sustainable Development and Green Technology*. – 2024. – No. 1. – pp. 41–46.

DEVELOPMENT OF MANAGEMENT TOOLS IN THE REMOTE WORKING ENVIRONMENT

Didushko M.M.

Saint Petersburg State University of Economics

The article examines the main challenges associated with maintaining team dynamics in remote management, which seems particularly relevant in the digital economy. The study was conducted using focus groups consisting of employees of IT organizations of different roles and experience levels who perform their work activities remotely. The discussions suggested several popular solutions such as standardizing communication channels, moving towards asynchronous collaboration methods, using interactive online collaboration tools, implementing transparent performance metrics, flexible working hours, regular informal meetings and frequent retrospectives. The conclusion highlights that successfully overcoming the challenges of remote management in today's organizations requires an integrated approach to improve communication, increase flexibility and support employee wellbeing in remote working environments.

Keywords: remote working, digitalization, leadership, team dynamics, remote collaboration.

References

1. Buyankina A. S., Nefedov D.A., Balakireva S.M. The specifics of human resource management in international companies in the context of the development of the digital environment // *Problems of managing foreign economic activity in the digital economy*. – 2022. – pp. 407–416.
2. Kozhevnikova L. V., Starovoitova I.E. Formation of virtual teams: remote team building and leadership // *Bulletin of the University*. – 2022. – No. 4. – pp. 64–71.
3. Kustova V. A., Lymareva O.A. Motivation and stimulation in remote work: challenges and solutions // *Economics and Business: theory and practice*. – 2023. – № 12–1 (106). – Pp. 101–103.
4. Lisai V.E. Modern methods of managing development teams: from AGILE to HOLACRACY // *Actual research*. – 2023. – № 42 (172). – Pp. 18–25.
5. Malyshev A.A. Evolution of remote work practice in Russia and abroad // *Bulletin of the Siberian Institute of Business and Information Technology*. – 2018. – № 3 (27). – Pp. 33–40.
6. Samaibekova Z. K. "Pre-shaped" and "post-shaped" trends in the development of strategic personnel management in innovative business structures // *π-Economy*. 2024. No.1. – URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/dokovidnye-i-postkovidnye-trendy-razvitiya-strategicheskogo-upravleniya-personalom-v-innovatsionnyh-predprinimatelskih-strukturah> (date of reference: 07/13/2024).

7. Fedchenko A.A. Remote work in the context of using digital technologies: prospects for transformation // *Labor economics*. – 2021. – vol. 8. – No. 4. – pp. 377–390.
8. Shulgina Yu. V. et al. Transformation of labor organization and social and labor monitoring in the context of the transition to remote work // *Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Economics and Law*. – 2020. – № . 11. – Pp. 97–102.
9. Asatiani A. et al. Constructing continuity across the organizational culture boundary in a highly virtual work environment // *Information systems journal*. – 2021. – Vol. 31. – No. 1. – pp. 62–93.
10. Boccoli G., Gastaldi L., Corso M. Transformational leadership and work engagement in remote work settings: the moderating role of the supervisor's digital communication skills // *Leadership & Organization Development Journal*. – 2024. – No. 7. – pp. 1240–1257.
11. Heidt L., Gauger F., Pfnür A. Work from Home Success: Agile work characteristics and the Mediating Effect of supportive HRM // *Review of Managerial Science*. – 2023. – Vol. 17. – No. 6. – pp. 2139–2164.
12. Ismailova N. et al. Exploring Challenges and Strategies in Managing Remote and Distributed Teams amidst the Rise of Digital Nomadism // *Journal of Sustainable Development and Green Technology*. – 2024. – No. 1. – pp. 41–1–46.

Трудовой потенциал и конкурентные преимущества современного поколения выпускников вузов

Иванов Сергей Юрьевич,

д.с.н., профессор, заведующий кафедрой теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой Института социально-гуманитарного образования, Московский педагогический государственный университет
E-mail: soc-lab@yandex.ru

Иванова Дарья Вячеславовна,

к.с.н., доцент, доцент кафедры теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой Института социально-гуманитарного образования, Московский педагогический государственный университет
E-mail: soc-lab@yandex.ru

Чвякин Владимир Алексеевич,

д.ф.н., профессор кафедры теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой Института социально-гуманитарного образования, Московский педагогический государственный университет
E-mail: 195805@mail.ru

Трудовая адаптация и получение реального профессионального опыта выпускников зачастую происходит в отрыве от приобретаемой специальности. Вполне очевидной является проблема рационального использования своего свободного времени в рамках формирования будущими выпускниками своего профессионального капитала, который будет обеспечивать их конкурентную позицию на рынке труда. В контексте общества потребления у студенческой молодежи формируется установка на обеспечение необходимого уровня и качества жизни. Наиболее важным аспектом выбора ими будущей работы становятся зарплатные ожидания, содержание работы и карьерное продвижение. Выпускники педагогических вузов не всегда ориентируются на поддержку социальных партнеров. Необходимо более конкретное взаимодействие социальных партнеров и студентов по вовлечению их в решение проблем рынков труда. Требуется усиление активности вузов в профориентационной работе с целевыми группами. Выявлены факторы профессиональной мобильности современных выпускников вузов, определяющие успешность их адаптации на рынке труда.

Ключевые слова: выпускники вузов, рынок труда, трудовая адаптация, социальные партнеры, трудоустройство, ценностные ориентации молодежи.

Введение

Труд молодежи и ее занятость является одной из ключевых проблем, которой уделяют особое внимание как на национальном, так и на международном уровнях. В разработанных на рубеже веков Генеральной ассамблеей ООН «Целях тысячелетия» в области устойчивого развития поставлена задача по определению стратегии, позволяющей молодым людям найти достойную и продуктивную работу. Исследования МОТ свидетельствуют о том, что сегодня отмечается драматическая ситуация с молодежной безработицей. Множественный кризис привел к беспрецедентному росту безработицы во всем мире, отмечается рост уровня безработицы среди молодежи. Показатели доли молодежной безработицы значительно выше, чем среди населения в целом. Только в 2021 году число безработных среди молодежи в мире составило 75,1 млн человек, что почти на 8 млн человек больше, чем в 2019 году, и на 4,1 млн – чем в 2020 году. Уровень молодежной безработицы за 2021–2019 гг. увеличился – с 13,5% до 15,6%. Это почти втрое превышает аналогичный показатель для всего экономически активного населения. Рост молодежной безработицы происходит на фоне увеличения социального неравенства, снижения производительности труда, падения уровня и качества жизни. Общая численность работников, относящихся к группе умеренно бедных (зарплата менее 3,65 доллара на человека в день по паритету покупательной способности) в мире увеличилась на 8,4 млн человек [1].

Обеспечение экономики молодыми специалистами самым непосредственным образом зависит от потребности организаций в кадрах, объемов и структуры выпуска вузов, сложившейся экономической конъюнктуры, экономической динамикой развития страны и т.д. Текущая ситуация на российском рынке труда в отношении спроса и предложения по некоторым отраслям экономики по определенным возрастным группам далека от оптимальной. Нельзя не отметить определенный дефицит молодых кадров по ряду направлений подготовки с востребованными компетенциями. В силу невысокого уровня профессиональной подготовки работодателя не спешат брать на работу молодежь. Все это не может не сказаться на профессиональных планах молодежи.

Результаты научно-теоретического анализа и их обсуждение

Методология и эмпирическая база исследования

Научно-методологической базой исследования являются фундаментальные положения разрабатываемого социально ориентированного подхода о влиянии социально значимой среды на субъект-объектные отношения (М.А. Буданова, Ю.С. Коноплин и др. [2]). Данный подход акцентирует внимание на объекте социального управления, комплексном развитии социального партнерства в социально-трудовой сфере, социально значимых характеристиках трудовой деятельности. Для более глубокого анализа конкретных возможностей повышения профессиональной лояльности молодых специалистов были ис-

пользованы методологические принципы, разработанные А. Этциони, определившие социально-экономические особенности оценки поведения человека и обеспечившие соединение методов системного подхода с идеями эволюционизма [3].

Результаты исследования строятся на социологическом опросе «Мониторинг оценки удовлетворенности выпускников качеством подготовки в МПГУ», который проводился Центром социологических исследований и лабораторией социальных технологий кафедры теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой ИСГО МПГУ в период 2021–2024 гг. Для выявления факторов эффективного трудоустройства молодых выпускников был использован метод онлайн-опроса. Данный метод позволяет собрать большой объем эмпирических данных. Его достоинством является высокий уровень стандартизации и возможность статистического анализа данных. Для опроса в Google Forms была разработана анкета, на основе которой была получена актуальная информация по оценке факторов профессиональной среды и их влияния на лояльность молодых преподавателей. В качестве респондентов онлайн-опроса выступили выпускники МПГУ в возрасте до 26 лет разных годов выпуска. Всего было опрошено в 2021 году – 407 выпускников, в 2024 году – 117 выпускников.

Основной целью данного исследования является оценка качества подготовки в университете, а также определение системы эффективных мер содействия их эффективному трудоустройству.

География исследования: г. Москва.

Обработка анкетных данных проводилась с использованием программных возможностей MS Excel 2003 и SPSS 25.0. Достоверность результатов выборочного опроса не более 95%, ошибка данных выборочного опроса не превышает 1%.

Анализ эмпирических данных осуществлялся на основе методов описательной статистики и систематизации сведений о запросах выпускников вуза в рамках выбора места работы, а также структуры их профессиональных предпочтений. Полученные данные демонстрировали распределение ответов на вопросы анкеты в зависимости от различных социально значимых характеристик.

Использован анализ вторичных данных ВЦИОМ (2024), данные социальной статистики ФСГС (2021–2023), Министерства науки и высшего образования РФ. Изучены научные публикации профильных специалистов, проведен обзор основных отечественных и зарубежных работ по проблеме занятости и безработицы среди молодежи.

Обзор источников

Обеспеченность экономики кадрами с высшим образованием исследовалась рядом отечественных специалистов. В этой связи студенческая молодежь выступает в качестве отдельного объекта исследования, в частности рассматриваются аспекты ее профессиональной подготовки и адаптации, включенность в трудовую деятельность и др.

Так, в статье Т.Н. Блинова, А.В. Федотова, А.А. Коваленко рассматриваются мероприятия по обеспечению российских отраслей выпускниками вузов [4, с. 8]. Результаты проведенного авторского исследования выявили значимую корреляцию между обеспеченностью высококвалифицированными специалистами и структурной перестройкой отраслей экономики. В исследовании Д.Л. Бакусовой определены социально-экономические условия оптимизации объемов и структуры подготовки высококвалифицированными кадрами в соответствии с запросами региональных рынка труда [5]. В публика-

ции О.П. Осиповой на примере г. Москвы говорится о необходимости использования инструментов долговременной мотивации обучающихся [6]. Автор делает справедливый вывод о фокусировке внимание на интеграцию вузом трудовых, материальных, финансовых ресурсов для выстраивания маркетинговой стратегии инновационного менеджмента по сопровождению будущих студентов и их последующей адаптации на рынке труда.

Ряд исследований (Клячко Т.Л., Логинов Д.М., Ломтева Е.В., Семионова Е.А. и др.) посвящен трудоустройству молодежи, а также профессиональной адаптации молодежи на рынке труда. Предметом отдельного рассмотрения выступают трудовая мотивация и практики успешного профессионального поведения выпускников вузов [7, 8].

Приоритеты дальнейшего развития страны поставили во главу угла вопрос о повышении престижа ряда профессий, их привлекательности для молодежи. Немногочисленные исследования содержательных аспектов процессов трудовой адаптации современного поколения молодежи были сфокусированы на эволюцию ценностных приоритетов и притязаний молодых работников. Согласно результатам исследования ученых Института социологии РАН, у представителей современной молодежи фиксируется существенный рост значимости достойной оплаты труда и стабильности рабочего места, усиливаются ценности конкурентоспособности и самостоятельного принятия решений [9].

Изменения траекторий трудовой адаптации молодежи

Предоставляемая информационным обществом «свобода выбора» приводит к увеличению личностной ответственности молодых людей за свою судьбу. Однако координаты такой ответственности не всегда согласуются с реальностью. Исследователи отмечают ситуацию ценностных диспозиций, связанной с максимизацией инструментальных ценностей в ущерб терминальным. После получения диплома для многих молодых людей возможность реализовать себя в профессии отходит на второй план. Ориентир получения максимальных заработков нередко приуменьшают значимость ценностей, связанных с ответственностью и содержанием трудовой деятельности. В то же время социально значимые работы не всегда гарантируют высокую оплату труда. Поэтому многие молодые люди ориентируются на попадание, прежде всего, в высокодоходные экономические ниши, которые гарантируют комфортные условия жизнедеятельности.

Известный специалист Андре Горцу, формирующий дефицит работы предлагает переосмысливать через появление новой ценности – «свободное время» [10]. Общество, сориентированное на экономическую активность, требует от молодых сделать свой выбор между работой, свободным временем («досугом») и общественной активностью. Привязка к определенной сбалансированной организации жизни теперь подвергается сомнению. Изменилась ценность труда и его оценка. Свободное время теперь рассматривается как инклюзивный ресурс, который имеется у человека. Другое дело, как им можно распорядиться и насколько эффективно. Традиционные механизмы социальной адаптации молодежи сегодня перестали функционировать с присущей им ранее четкостью. Вне привычных каналов трудоустройства оказывается все больше и больше молодежи. По мнению социолога У. Бэка, современное общество целиком сориентировано на социальные риски [11]. Не исключением является социально-трудовая сфера, где риски приобретают конкретные формы и очертания, связанные со складывающейся рациональной занятостью.

Перемены на рынке труда существенно изменили требования и к качеству подготовки молодежи. У молодежи невысокой квалификации оказывается все меньше шансов адаптироваться и найти достойные рабочие места. Принцип «здесь и сейчас» нередко ориентирует молодежь на использование менее ресурсозатратных путей своего профессионального развития. Новое поколение в условиях рынка навряд ли может осуществить широкий выбор интересной работы. Неудовлетворительная профессиональная подготовка рабочей силы увеличивает риск перейти в группу безработных. Отмечается несоответствие незанятой молодежи по профессиональному и квалификационному составу имеющимся вакансиям, что также определяет дисбаланс на рынке труда.

Система потребительских ценностей и навязываемые рекламой стандарты жизни не позволяют определенной доли молодежи успешно адаптироваться к реальным профессиональным условиям. Рост отчужденности образования и труда зачастую формируют «потребительское» отношение молодых людей к тому потенциалу, который был создан предшествующими поколениями и подлежал развитию.

Удовлетворение потребности экономики в молодых кадрах

Возможности общества в обеспечении развития трудового потенциала зависят от многих обстоятельств, в их числе: численный состав активного населения; располагаемое среднее число человеко-лет трудовой жизни, которое предстоит прожить данному поколению; необходимого уровня располагаемых и соответствующих требованиям современного производства общих и профессиональных знаний; территориальные особенности регионов и т.д. [12, с. 567]. Заметим, что трудовой потенциал самым непосредственным образом формирует и тех представителей молодежи, которые способны трудиться, но по ряду причин, в том числе вследствие получения образования, не задействованы в производстве. Профильные учебные заведения имеют свой коэффициент полезного действия и также влияют на обеспечение экономики трудовыми ресурсами – квалифицированными кадрами. Однако объем и структура выпуска специалистов далека от идеальной и не всегда соответствует прогнозной потребности предприятий и учреждений в кадрах.

Какова же текущая и прогнозная ситуация, связанная с воспроизводством у нас в стране трудовых ресурсов? Расчеты профильных специалистов свидетельствуют об обострении проблем, обусловленных как формированием, так и использованием трудовых ресурсов. Численность населения трудоспособного возраста продолжает уменьшаться. Согласно данным ФСГС, в 2024 году численность трудоспособного населения составила 84,7 млн чел., что на 15,3% меньше, чем в 2010 году. На 8% возросла демографическая нагрузка, рассчитываемая как соотношение трудоспособного населения к нетрудоспособному населению, и составила 58%. В то же время численность молодежи не претерпела существенных изменений. Так, по сравнению с 2011 годом численность населения в возрасте 15–34 лет возросла на 0,2% и составила в 2023 г. – 11035 тыс. человек [13].

По данным Министерства науки и высшего образования РФ, за период 2018–2022 гг. численность выпускников программ бакалавриата, специалитета, магистратуры уменьшилась на 12,5% и составила 816315 тыс. человек [14]. При этом прогнозы профильных специалистов оптимистичны. Численность молодежи, заканчивающей школу в возрасте 18 лет, в 2024 г. – 150000 человек, а к 2027 году – 170000 человек. Следовательно, может возрасти нагрузка на систему среднего профессионального и высшего образования. Однако многое будет за-

висеть от проводимой социальной политики и разрабатываемых государственных мер поддержки. В условиях экономической нестабильности образовательные учреждения будут вынуждены повышать плату за обучение, сокращать объемы денежных ссуд для студентов. Возможным выходом может стать экономия на образовательных услугах и, как следствие, ослабление требований к качеству подготовки выпускников.

В этой связи эффективное формирование и использование трудового потенциала современного поколения молодежи играет существенную роль во взаимодействии социальных партнеров. При этом сводная социально-экономическая характеристика профессиональной активности молодежи позволяет определить перспективную структуру занятости молодых специалистов и работников. Не исключаем того, что системная работа институтов трудоустройства молодежи позволяет активно воздействовать на процесс формирования молодых кадров, пропорционально распределять их по сферам занятости и отраслям экономики, обеспечивать их рациональное использование.

По оценкам специалистов, поколение молодежи, выходящей сегодня на рынок труда, несмотря на более высокий уровень образования, по сравнению с предыдущим, не только не улучшилось, как того ожидалось, а по некоторым показателям даже ухудшилось. Современное поколение молодежи, по сравнению с предыдущими поколениями позднее начинает свою самостоятельную трудовую жизнь, их занятость менее стабильна, и оно не защищено перед структурными преобразованиями на рынке труда. По мере нарастания экономической нестабильности молодежь все больше стала ориентироваться на неполную занятость. Существенно расширилась доля молодых лиц свободного труда. Одна из тенденций связана с тем, что увеличивается доля молодых людей, которые теряют надежду найти высокооплачиваемую работу. Безусловно, низкооплачиваемый труд способствует уменьшению издержек и повышению эффективности функционирования ряда отраслей. Однако такой труд снижает уровень социальной защищенности в обществе и повышает нагрузку на систему социального страхования.

Также в последние годы во всем мире, не исключая и Россию, наблюдается такое явление, которое в научной среде получило название Neet (nottoemployment, education, ortraining). Все чаще современное молодое поколение вовсе отказывается не только работать, но даже учиться или получать хоть какую-то квалификацию, передавая эти социальные обязанности родителям. Именно этот тренд, все чаще фиксируется как наиболее встречающийся фактор безработице во всем мире. Так, согласно данным МОТ за 2023 год около пятой части молодых людей в возрасте от 15 до 24 лет относят себя именно к такой социальной группе как Neet. В то же время, согласно данной международной организации Neet эта группа неоднородна и ее классифицируют на безработных и неактивных.

Причин появления такой группы несколько и это не только возрастание инфантильности и не желание уходить из родительского дома, среди экономических причин все чаще звучит невозможность в условиях современных кризисов по всему миру, иметь такие доходы, которые бы позволили как покупку собственного жилья, так и вообще возможность вести самостоятельный образ жизни, а карьерные устремления несколько не помогают приобрести необходимую в этом возрасте самостоятельность. Также многие 20-летние ссылаются на слабое здоровье и поколение работающих зуммеров, по утверждению исследователей аналитического цен-

тра Resolution Foundation, берут чаще больничные, чем 40-летние. Одна из серьезных причин появления такой группы молодежи ученые связывают с резким снижением ценности образования как ресурса для последующей карьеры. А социальное иждивение и помощь родителей усугубляют это явление.

Само понятие появилось достаточно давно в 1999 году в Докладе Правительства Великобритании, который был посвящен молодому поколению в возрасте от 16 до 18 лет. Но уже в 2010 году в нашей стране Росстат принимает стандартизированное определение «Neet» и предлагается метод расчета уровня «Neet-безработицы» [20].

Исследователи НИУ ВШЭ считают, что причиной этого феномена в нашей стране в первую очередь выступают такие серьезные факторы социального неравенства как низкий уровень образования у родителей и их безработица, плохие жилищные условия и многодетность семьи, а также отсутствие или трудности с поиском работы и качественного образования в отдельных российских регионах [19, с. 21].

Примечательно, что сегодня у молодежи наблюдается высокий интерес к получению среднего профессионального образования. Так, в целом по стране, только за период 2017–2022 гг. доля выпускников 11-х классов, ориентирующихся на получение среднего профессионального образования (СПО) составила 20,6%, высшего образования – 48,9%. Как можно заметить на перспективу, интерес абитуриентов к системе СПО не ослабевает [15]. Другое дело, каковы будут шансы молодежи на получение достойного рабочего места.

Особое значение сегодня для социальных партнеров приобретает организация планомерного перераспределения молодых кадров из старых предприятий и организаций традиционных отраслей – в новые, обеспечивающие активное инновационное развитие, в также в территории инновационного социально-экономического освоения с недостатком притока рабочей силы. Но не следует забывать, что регионы страны располагают неодинаковым потенциалом для использования молодых кадров. К тому же для молодежи с учетом территориальной специфики факторы доступности и независимости при выборе высшего образования во многом перевешивают реальные потребности рыночной экономики. Причем данные факторы начинают играть существенную роль и при выборе молодыми людьми места работы. Иными словами, речь идет, как справедливо замечают профильные специалисты, об обострении противоречий между потребностями рынка труда и подготовкой квалифицированных специалистов. Ценности образования и труда не всегда обеспечивают форматирование траектории личностного развития молодых людей. Механизмы, обеспечивающие формирование и согласование профессиональных приоритетов молодежи, оказываются малоэффективными.

Как же оценивает свои профессиональные шансы молодежь и чем они предопределяются? Многие зависят от выбираемого молодыми людьми направления подготовки, а также востребованного обществом вида профессиональной деятельности. Например, высоким спросом у общества пользуются специалисты социально сферы, в том числе образования. Обратимся к результатам онлайн-опроса ВЦИОМ «Социально-психологическое самочувствие студентов», проведенного в 2024 году. В качестве участников опроса выступали студенты российских государственных педагогических вузов, подведомственных Минпросвещения России. Объем выборки составил 10624 человека [16].

Как показал опрос, в целом по выборке 60% молодых педагогов оценивают высоко свои шансы на трудоу-

стройство (7–10 баллов, по 10-ти балльной шкале). Причем приблизительно каждый второй респондент (48%) готов переехать в другой регион, если поступит предложения по трудоустройству. Альтернативной позиции «не перееду точно» придерживаются 34%. Еще 18% отнеслись нейтрально к поступившему предложению о переезде в другой регион. Подтверждается допущение о том, что чем сильнее молодежь реагирует на состояние рынка труда, тем больше вероятность того, что она будет предпринимать активные действия.

Представленные данные фиксируют, что у студентов наблюдается умеренная позиция в отношении возможного переезда. Участники опроса заинтересованы в достойном и эффективном труде, который отвечает их запросам. В определенной степени они ориентируются на саморазвитие, обеспечение высокого качества жизни и безопасность в своей стране.

В целом российская студенческая молодежь значительно отличается своими ожиданиями в отношении перспектив трудоустройства и трудовой мобильности. Подтверждается и то, что не всегда запросы молодежи соответствуют потребностям экономики. Существенной представляется проблема согласования запросов молодых людей в отношении уровня дохода на начальном этапе карьерного развития и поддержанием приемлемого уровня и качества жизни.

Центральным пунктом в сбалансированной модели регулирования спроса и предложения на молодежном рынке является государственная политика в области обеспечения эффективности высшего образования. Государственную политику в сфере образования профильные эксперты (В.В. Воронин, Б.И. Кочуров Ю.В, Поросенков, А.Г. Мытарев) относят к группе внешних факторов, влияющих на уровень конкуренции на рынке образовательных услуг и дополняют такими факторами как: состояние рынка труда, уровень доходов населения, потенциальные возможности развития системы образования [17, с. 313].

Международная практика регулирования занятости и поддержки групп социального риска разнообразна. Проводимая государством политика в области занятости населения и групп социального риска эволюционирует от сравнительно простых вариантов социального вспомоществования к более сложным, основанных на разнообразных критериях для группировки социального страхования.

Так, например, в США, используют государственные социальные программы, ориентированных на молодежь, отдельно финансируются программы профессиональной подготовки и содействия трудоустройству молодежи из числа бедных семей с несовершеннолетними детьми. Высокая занятость молодежи, например, в Швеции, достигается активной селективной политикой государства на рынке труда по поддержанию в первую очередь слабых социальных групп, регионов и отраслей, а также финансовой компенсацией сдерживания общего спроса на рабочую силу в период высокой конъюнктуры и дисбаланса на отдельных рынках. Основное внимание уделяется стимулированию экономического роста – мерам, поощряющим профессиональную мобильность – услугам по размещению, переподготовке на рынке труда, субсидиям к переезду, помощи безработным. Напротив, в подавляющем большинстве стран Латинской Америки, прослеживается тенденция к ограничению программ льготного финансирования и кредитования. На первое место выходит поддержка малых и средних предприятий, постепенное расширение внутреннего спроса, и ограничение неформального сектора.

В Южной Корее приоритет отдают внедрению в структуре общественного производства государственного регулирования через создание управления экономического планирования, на которое возложена задача по координации действия государственного аппарата, занятого модернизацией экономики. Чрезвычайно привлекательна разработанная в Германии система социальных гарантий для групп социального риска. Однако у нее имеется существенный недостаток, связанный с удорожанием труда из-за необходимости делать платежи в социальные фонды. Симптоматично, что Германия страдает от достаточно высокой долговременной безработицы.

Приведенные примеры не охватывают всех вариантов политики занятости. Очевидно, что используемые модели работы с группами социального риска имеют свои достоинства и недостатки. Симптоматичным является достаточно низкая приверженность полной занятости и сравнительно узкие пределы обеспечения социальных прав различных категорий населения. Подобное положение предполагает необходимость поиска более совершенных вариантов с учетом специфики социально-экономического развития [18]. С точки зрения адаптации к российским условиям рынка труда несомненный интерес представляют превентивные меры по наиболее полной поддержке молодежи еще до вступления ее на рынок труда через систему наставничества и ученичества. Также важно рассмотреть вопрос о снижении издержек работодателей, нанимающих молодежь после окончания профильных учебных заведений. Вместе с тем, нельзя допускать чрезмерную зарегулированность трудовых отношений при найме работодателем молодых кадров.

Основные факторы успешного трудоустройства выпускников вуза

Основными факторами успешного трудоустройства выпускников вуза будем называть те факторы, которые вытекают из требований рынка труда, которые могут дать им существенные конкурентные преимущества. Действие данных факторов определяет траектории формирования профессионального развития молодежи и во многом зависит от самоидентификации личности, ее социальной значимой среды (социального окружения). Социальная среда самым непосредственным образом определяет жизненные планы личности, определяет ресурсный потенциал молодого человека, который способствует вхождению в наиболее востребованные сегменты рынка труда. В нашем исследовании была предпринята попытка определения уровня значимости факторов социальной среды для выпускников вуза в контексте оценки их профессиональной адаптации.

Обратимся к результатам упомянутого выше исследования «Мониторинг оценки удовлетворенности выпускников качеством подготовки в МПГУ» ИСГО МПГУ. Напомним, что онлайн-опрос проводился среди выпускников – молодых педагогов. Выбор выпускников педагогического профиля не случаен и был обусловлен тем, что педагогическая профессия одна из наиболее социально значимых. Однако существенных преимуществ в оплате труда для молодого человека она не обещает. Нам важно было проследить то, какими факторами руководствуются данная группа выпускников при выборе места работы и каковы их профессиональные планы.

Согласно полученным результатам, молодые педагоги при принятии решений о трудоустройстве достаточно часто ориентируются на различные стратегии самоидентификации. Значимая часть ориентируется на социальную солидарность и доверие, установление с коллегами по возможной работе более равных социальных отношений.

Как показал опрос, каждый четвертый участник опроса стабильно рассчитывает на помощи социального окружения при трудоустройстве. При этом большинство респондентов считают, что полученное образование позволяет реализовать свой потенциал в регионе постоянного проживания (табл. 1).

В целом в 2024 году доля тех, кто считает, что полученное образование позволяет реализовать свой потенциал в регионе постоянного проживания, уменьшилась на 11% и составила 63%. Наблюдается небольшое изменение доли тех, кто считает, что профессия востребованная, но малооплачиваемая, для трудоустройства нужен переезд: в 2024 году – 12%, в 2021 году – 11%.

В текущем году по сравнению с 2021 годом доля тех, кто не будет работать по профессии, увеличилась на 3% и составила 7%.

Таблица 1. Востребованность в регионе полученных выпускником образования, навыков и наличия возможности профессиональной реализации без смены места жительства за период 2021–2024 гг., %

Оценочные позиции	2021 г.	2024 г.
Да, полученное образование позволяет реализовать свой потенциал в регионе постоянного проживания	74	63
Профессия востребованная, но малооплачиваемая, для трудоустройства нужен переезд	11	12
В нашем регионе переизбыток таких специалистов	9	9
Не буду работать по профессии	4	7
Другое	2	9

Очевидно, что столичный рынок труда, как сегмент современного молодежного рынка труда, находится под влиянием целого ряда социально-экономических процессов. Установки студенческой молодежи самым непосредственным образом коррелируют с типичными зарплатными ожиданиями для определенной сферы деятельности. Полученные данные в определенной степени свидетельствуют о влиянии как субъективных, так и объективных социально-экономических условий. В целом же большинство из числа опрошенных молодых выпускников делают осознанный выбор при поиске места работы, оптимистично оценивают свою востребованность в регионе получения образования и навыков и наличия возможности профессиональной реализации без смены места жительства.

В ходе опроса важно было определить и то, от чего зависит успешное трудоустройство выпускников. Показательно, что молодежь демонстрирует различные стратегии своей профессиональной идентичности – от активной до пассивной. Аналогично наблюдаются неоднородные «весовые» индексы трудовых ценностей. Тем не менее, в целом по выборке можно определить согласованную позицию по ряду ключевых вопросов профессиональной адаптации лиц, закончивших вуз.

Рейтинг факторов успешного трудоустройства распределен следующим образом (табл. 2). Так, значимая доля опрошенных, считают, что успешность трудоустройства зависит от целого ряда факторов, в их числе: умения проявить себя, свои профессиональные компетенции (1 место, 20%); желания найти работу (2 место, 19%). На третьем месте оказывается востребованность профессии на рынке труда (16%). Далее в оценочном ря-

ду фиксируется наличие личных связей (14%, 4 место). Социально-экономическая ситуация в стране, как влияющий фактор, занимает 5 место – 12%. Небольшая доля отмечается среди тех, кто считает, что успешность трудоустройства выпускников вуза зависит от работодателя (6 место, 7%). Завершает оценочный ряд позиция «от предпринимаемых мер администрацией вуза по трудоустройству» (3%).

Таблица 2. Факторы успешного трудоустройства выпускников вуза, %

Оценочные позиции	Всего
От умения проявить себя, свои профессиональные компетенции	20
От желания выпускника найти работу	19
От востребованности на рынке труда профессии	16
От наличия личных связей у выпускника	14
От социально-экономической ситуации в стране	12
От работодателя	7
От престижности вуза	5
От государства	4
От предпринимаемых мер администрацией вуза по трудоустройству	3
Другое	1

Меры, предпринимаемые социальными партнерами (государством, вузами, работодателями) по трудоустройству выпускников, не выделяются выпускниками в числе приоритетных. Невысокая значимость данных мер обусловлена тем, что выпускники не всегда могут на них рассчитывать. Фиксируемая среди выпускников педагогов работа не по специальности (до 20%) свидетельствует о том, что происходит отток молодежи в другие непрофильные сферы. К тому же с позиции доступности высшего образования регионы имеют значительные отличия, не всегда связанные с особенностями сложившейся у них структуры рынка труда.

Симптоматично, что ранний выход на рынок труда еще в процессе обучения рассматривается молодыми людьми как естественный процесс. Не секрет, что лишь менее 30% студентов имеют соответствующий опыт связанный со специальностью, по которой они обучаются в вузе.

Более «адаптивные» выпускники, имеющий начальный опыт, характеризуются более четкими ориентирами в отношении налаживания связей с представителями рабочих групп.

Резюмируя сказанное, отметим, что для сохранения и повышения лояльности со стороны различных целевых групп системе образования необходимо в первую очередь четко определять их образовательные запросы, а также проводить измерение уровня востребованности профессиональных компетенций и оценивать возможность их профессиональной реализации.

Получение устойчивых конкурентных преимуществ во многом связано как со структурой предлагаемых вузами направлений образовательных программ, их полнотой, так и с их соответствием запросам отраслевых рынков труда. Эффективное управление формированием и использованием трудового потенциала молодежи предполагает сбалансированное регулирование ее экономической активности, а также создание дополнитель-

ных рабочих мест с учетом потребностей инновационной экономики.

Заключение

Высокая значимость социально-экономических результатов обеспечения конкурентных преимуществ современного поколения выпускников вуза предопределяется целой системой как объективных, так и субъективных факторов, которые связаны с обеспечением молодежной занятости и сокращением безработицы среди молодежи. Это обусловливается тем, что последние отражают институциональный подход к регулированию социально-трудовых отношений, повышение роли социальных партнеров в обеспечении социальных гарантий представителям молодежи.

В современных условиях экономической нестабильности надежды на естественное решение проблем повышения конкурентоспособности выпускников вузов не оправдались, поскольку по-прежнему наблюдается высокая доля выпускников, которые потенциально могут остаться без работы. Достаточно остро стоит проблема соответствия структуры подготовки высококвалифицированных кадров потребностям организаций в отраслевом разрезе. Пути ее решения достаточно разнообразные, в том числе уменьшение количества времени на подготовку квалифицированных кадров, подмена одного уровня образования другим и т.д. Однако не всегда данные меры соответствуют требованиям по качеству образования.

Значительная часть выпускников вузов при поиске места работы чаще всего надеются только на себя. Вместе с тем лидирующие позиции в ценностной структуре «адаптированной» молодежи занимает как оплата труда, так и стабильное место работы, моральное удовлетворение от трудовой деятельности. В то же время прослеживается доминанта индивидуалистической установки профессиональной самоидентификации молодежи. Это свидетельствует о том, что значимые институциональные субъекты зачастую находятся «вне поля зрения» молодых людей. Ситуацию обостряет и тот факт, что по ряду невостребованных на рынке труда направлений подготовки большая часть выпускников при своем первом трудоустройстве работает не по полученной специальности.

Складывается практика, что предпринимаемые социальными партнерами меры по регулированию занятости молодежи являются следствием слабо защищенного положение молодежи на рынке труда.

Ключевое значение имеют предпринимаемые социальными партнерами меры по закреплению молодежи на рабочих местах. Кроме того, со стороны спроса на труд, необходимо реализовать меры по повышению оплаты труда молодыми специалистами на основе установления фиксированного минимального заработка, а также субсидирования заработной платы. Соответственно, необходимо расширить меры и по более активной трудовой адаптации молодежи. Приоритетное место отводится федеральным и региональным вузам, которые должны наиболее активно вовлекаться в решение рассматриваемой проблемы. Развитие системы высшего образования не должно становится фактом увеличения региональной дифференциации. Особенности региона и рейтинговая группа, к которой относится вуз, зачастую не всегда согласуются в рамках реализуемой образовательной политики. Учет региональной составляющей в деятельности вузов предполагает реальный учет потребностей отраслевых рынков труда.

Дефицит квалифицированных специалистов может потребовать из региональных и местных бюджетов дополнительных финансовых средств в отношении увеличения объемов и перераспределения бюджетных мест, повышения профессиональной мобильности на основе использования развития системы профессиональной переподготовки.

Литература

1. Доклад МОТ: в 2024 году уровень безработицы в мире будет расти, озабоченность вызывает и рост социального неравенства (ilo.org). – URL: <https://www.ilo.org/ru/resource>.
2. Коноплин Ю.С. Становление системы государственного социально-ориентированного управления рисками в современном трансформирующемся обществе / М.А. Буданова, Ю.С. Коноплин, А.Е. Горин. – М., 2013.
3. Этциони А. Социоэкономика: дальнейшие шаги // Экономическая социология [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ecsoc.msses.ru/pdf/eco_t3_nl.pdf (дата обращения: 30.07.2024).
4. Блинова Т.Н., Федотов А.В., Коваленко А.А. Механизмы и ограничения ликвидации дефицита кадров с высшим образованием – региональный и отраслевой аспект // Университетское управление: практика и анализ. – 2023. – Т. 23. – № 4. – С. 7–22.
5. Бакусова Д.Л. Организационно-экономические условия ориентации высшего образования на региональный рынок труда: автореф. дисс. канд. экон. наук: 08.00.05. Мос. Гос. Ун-т им. М.В. Ломоносова. – М., 2006. – 27 с.
6. Осипова О.П. Инновационно-маркетинговая деятельность в условиях приемной кампании педагогического вуза // Преподаватель 21 век. 2017. – Ч. 1. – № 3. – С. 45–58.
7. Гудков Л., Дубинин Б., Зоркая Н. Молодежь России. – М.: Московская школа политических исследований, 2011.
8. Клячко Т.Л., Логинов Д.М., Ломтева Е.В., Семiono-ва Е.А. Трудоустройство и особенности занятости молодежи в период пандемии // Экономическое развитие России. – 2020. – Т. 27. – № 12. – С. 70–73.
9. Молодежь новой России: образ и ценности приоритеты. Институт социологии РАН, 2007. – URL: https://www.perspektivy.info/book/molodezh_novoj_rossii_obraz_zhizni_i_cennostnyje_prioritety_2009-04-30.htm (дата обращения: 31.07.2024).
10. Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал / пер. с нем. и фр. М.М. Сокольской; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 208 с.
11. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
12. Территориальное управление экономикой: Словарь-справочник / под ред. В.П. Колесова, В.М. Шупыро. – М.: Экономический факультет, 2021. – С. 567.
13. Распределение населения по возрастным группам // Федеральная служба государственной статистики (Росстат): [сайт]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 16.06.2024).
14. Министерства науки и высшего образования РФ. – URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/>
15. Бедарева Л.Ю., Ломтева Е.В., Пооушкина А.О. Выбор выпусков одиннадцатых классов: колледж, вуз или ... // Университетское управление: практика и анализ. – 2023. – Т. 2. – № 4. – С. 130–140.
16. Сводный аналитический отчет по социально-психологическому самочувствию студентов. Онлайн-опрос на платформе «Неравнодушный человек». – М.: ВЦИОМ, 2023. – С. 16.
17. Воронин В.В., Кочуров Б.И., Поросенков Ю.В., Мытарев А.Г. Трудоресурсный потенциал России: размещение и управление. – М., 2015. – С. 313.
18. Социально-экономические модели в современном мире и путь России: в 2-х кн. / Под ред. К.И. Миккульского. – М.: Экономика, 2005. – 911 с.
19. Зудина А.А. «Не работают не учатся»: Неет-молодежь на рынке труда в России. М.: Изд-во Высшая школа экономики, 2017.
20. Bridging the gap: New opportunities for 16–18 years olds not in education, employment or training. Report by the Social Exclusion Unit. July 1999. – URL: <http://dera.ioe.ac.uk/15119/2/bridging-the-gap.pdf>.

LABOR POTENTIAL AND COMPETITIVE ADVANTAGES OF THE MODERN GENERATION OF UNIVERSITY GRADUATES

Ivanov S.Yu., Ivanova D.V., Chvyakin V.A.
Moscow Pedagogical State University

Labor adaptation and obtaining real professional experience of graduates often takes place in isolation from the acquired specialty. The problem of rational use of their free time is quite obvious as part of the formation by future graduates of their professional capital, which will ensure their competitive position in the labor market. In the context of consumer society, students have an attitude towards ensuring the necessary level and quality of life. The most important aspect of their future job choice is salary expectations, job content and career advancement. Graduates of pedagogical universities do not always focus on the support of social partners. There is a need for more concrete interaction between social partners and students to involve them in solving labor market problems. It is necessary to strengthen the activity of universities in career guidance work with target groups. The factors of professional mobility of modern university graduates that determine the success of their adaptation to the labor market have been identified.

Keywords: university graduates, labor market, labor adaptation, social partners, employment, value orientations of youth.

References

1. ILO report: Global unemployment to rise in 2024, growing social inequality also a concern (ilo.org). – URL: <https://www.ilo.org/ru/resource>.
2. Konoplin Yu.S. Formation of a system of state socially-oriented risk management in a modern transforming society / M.A. Budanova, Yu.S. Konoplin, A.E. Gorin. – M., 2013.
3. Etzioni A. Socioeconomics: Next Steps // Economic Sociology [Electronic resource]. – URL: http://www.ecsoc.msses.ru/pdf/eco_t3_nl.pdf (date of access: 30.07.2024).
4. Blinova T.N., Fedotov A.V., Kovalenko A.A. Mechanisms and limitations for eliminating the deficit of personnel with higher education – regional and industry aspect // University management: practice and analysis. – 2023. – Vol. 23. – No. 4. – P. 7–22.
5. Bakusova D.L. Organizational and economic conditions for the orientation of higher education to the regional labor market: author's abstract. diss. candidate of economic sciences: 08.00.05. Moscow State University named after M.V. Lomonosov. – Moscow, 2006. – 27 p.
6. Osipova O.P. Innovative marketing activities in the context of the admissions campaign of a pedagogical university // Teacher 21st century. 2017. – Part 1. – No. 3. – P. 45–58.
7. Gudkov L., Dubinin B., Zorkaya N. Youth of Russia. – M.: Moscow School of Political Studies, 2011.
8. Klyachko T.L., Loginov D.M., Lomteva E.V., Semionova E.A. Employment and Features of Youth Employment during the Pandemic // Economic Development of Russia. – 2020. – Vol. 27. – No. 12. – P. 70–73.

9. Youth of the New Russia: Image and Value Priorities. Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2007. – URL: https://www.perspektivy.info/book/molodezh_novoj_rossii_obraz_zhizni_i_cennostnyje_prioritety_2009-04-30.htm (accessed: 31.07.2024).
10. Gorts A. Intangible. Knowledge, Value, and Capital / trans. from Germ. and French by M.M. Sokolskaya; State University – Higher School of Economics. – Moscow: Publishing House of the State University – Higher School of Economics, 2010. – 208 p.
11. Beck U. Risk Society. Towards a Different Modernity. – Moscow: Progress-Tradition, 2000. – 384 p.
12. Territorial Management of the Economy: Dictionary and Handbook / edited by V.P. Kolesov, V.M. Shupyro. – Moscow: Faculty of Economics, 2021. – P. 567.
13. Distribution of the Population by Age Groups//Federal State Statistics Service (Rosstat): [website]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (date of access: 16.06.2024).
14. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. – URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/>
15. Bedareva L.Yu., Lomteva E.V., Poushkina A.O. The choice of eleventh-grade graduates: college, university or ... // University management: practice and analysis. – 2023. – Vol. 2. – No. 4. – P. 130–140.
16. Consolidated analytical report on the socio-psychological well-being of students. Online survey on the “Caring Person” platform. – M.: VTsIOM, 2023. – P. 16.
17. Voronin V.V., Kochurov B.I., Porosenkov Yu.V., Mytarev A.G. Labor resource potential of Russia: placement and management. – M., 2015. – P. 313.
18. Socio-economic models in the modern world and the path of Russia: in 2 books. / Ed. K.I. Mikulsky. – M.: Economica, 2005. – 911 p.
19. Zudina A.A. “They don’t work, they don’t study”: Neet-youth in the labor market in Russia. M.: Publishing house Higher School of Economics, 2017.
20. Bridging the gap: New opportunities for 16–18 years olds not in education, employment or training. Report by the Social Exclusion Unit. July 1999. – URL: <http://dera.ioe.ac.uk/15119/2/bridging-the-gap.pdf>.

Исследование степени влияния традиционных СМИ и доверия к ним в Европейском Союзе

Измеров Антон Анатольевич,
аспирант ВШССН МГУ им. М.В. Ломоносова
E-mail: antonizm@inbox.ru

В статье исследуется, по-прежнему ли и в какой степени традиционные СМИ, а именно телевидение, радио и печатная пресса, более популярны, чем современные СМИ (социальные сети, видеохостинги, блоги, новостные сайты и др.), когда речь заходит о потреблении новостей в Европейском союзе (ЕС). В статье также рассматривается уровень доверия к различным источникам новостей в странах-членах ЕС. Статья основана на результатах соответствующего опроса «Eurobarometer» и исследования «Института изучения журналистики Reuters». Согласно этим источникам, телевидение является одной из форм СМИ, наиболее часто используемых для доступа к новостям, за ним следуют новостные онлайн-платформы и радио. Доверие к основным вещательным и печатным СМИ также выше, чем к онлайн-новостным платформам и каналам социальных сетей. Полученные результаты призваны поддержать как общественную дискуссию, так и академический диалог о развитии СМИ, их эффективном использовании и доверии к ним в рамках взаимодействия с органами государственного управления, в том числе и российскими.

Ключевые слова: СМИ, Европейский союз, традиционные СМИ, доверие к СМИ.

Средства массовой информации имеют первостепенное значение для распространения информации, передачи знаний и формирования представлений и идеологий в современном обществе [5, с. 1]. Соответствующие исследования показали, что доверие граждан к новостным СМИ, в том числе и государственным, кажется, по меньшей мере, достаточно неустойчивым и имеет определенные негативные тенденции [14]. Финляндия – страна с самым высоким уровнем доверия к новостным СМИ – 69%, в то время как в Греции самый низкий показатель – 19% [13], причём в среднем показатель колеблется в районе 30–40% по всем странам (рис. 1).

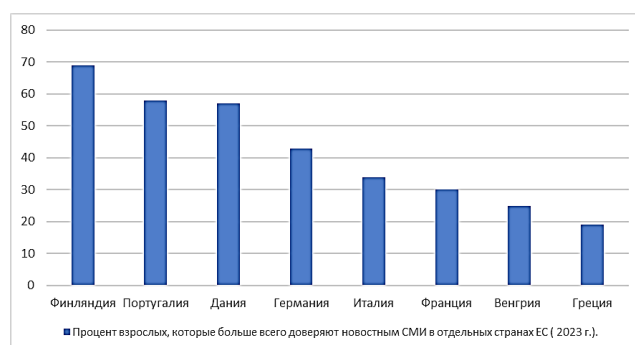

Рис. 1. Процент взрослых, которые больше всего доверяют новостным СМИ в отдельных странах ЕС (февраль 2023 г.), в % [13]

Между тем, постоянно расширяющийся процесс цифровизации открыл новые возможности для СМИ, сделав информацию более доступной для конечного потребителя. Новые интернет-СМИ, включая социальные сети, проникли в повседневную жизнь людей и постепенно стали полноценными источниками новостей. Тем не менее, несмотря на постоянный процесс диверсификации медиа [3, с. 5], для большинства людей телевидение является основным источником информации.

На этом фоне в этой статье исследуется, по-прежнему ли и в какой степени традиционные СМИ в Европейском Союзе, а именно телевидение, радио и печатная пресса, более популярны с точки зрения потребления новостей, чем новые источники. В то же время анализируется уровень доверия людей к различным информационным источникам в странах-членах ЕС, в том числе и государственным.

В последние годы с подъемом новой волны, так называемых альтернативных СМИ и популистских партий, наблюдается растущее разочарование граждан и снижение их доверия к средствам массовой информации по всему миру [11, с. 46]. На сегодняшний день многие отмечают негативное воздействие популизма на демократию, политические институты и СМИ. Несмотря на это, текущая статья призвана поддержать как общественную дискуссию, так и академический диалог о доверии граждан к социальным институтам. В этом отношении в ней приводятся некоторые эмпирические данные и анализ в сочетании с лежащими в их основе теоретическими предположениями.

Сохраняющиеся высокие темпы инфляции по всему миру, различные кризисы и угрозы, ухудшение эколо-

гической и демографической ситуации создают новые риски и вызовы для общества. Восприятие граждан формируется на основе того, что они видят, слышат и читают в средствах массовой информации. В период неопределенности, быстрого развития медиа-технологий, обилия дезинформации и фейковых новостей люди имеют потребность в доступе к ясной, точной и достоверной информации.

Согласно недавнему исследованию «Eurobarometer» [4] 75% респондентов заявили, что телевидение является одним из наиболее используемых средств массовой информации для доступа к новостям. За ним следуют новостные онлайн-платформы (43%) и радио (39%). Социальные сети и блоги упомянули 26% участников, а 21% ответивших респондентов используют печатную прессу в качестве основного источника новостной информации.

Отмечаются различия и в социально-демографическом плане в разных странах (рис. 2). Например, респонденты старшего возраста, больше полагаются на традиционные СМИ, такие как телевидение и печатная пресса. Со своей стороны, молодые участники опроса чаще пользуются платформами социальных сетей и блогами (46% среди 15–24-летних по сравнению с 15% среди 55+-летних) или YouTube и другими видеоплатформами (34% по сравнению с 8%).

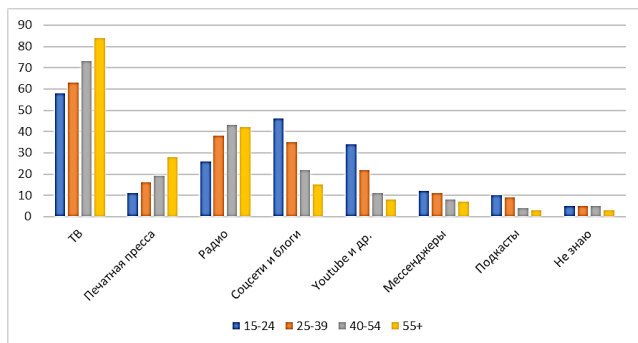

Рис. 2. Самые популярные источники новостей в зависимости от возраста в 27 странах ЕС (2022), в % [4]

При ближайшем рассмотрении становится ясно, что существующие варианты не могут быть сгруппированы в соответствии с географическим расположением государств-членов (по осям север-юг или восток-запад) или типом их медиа-модели [7, с. 22]. Что касается последнего аспекта, то нет четкой закономерности для тех стран, которые имеют поляризованную плюралистическую модель СМИ (Франция, Греция, Италия, Португалия, Испания), демократическую корпоративистскую модель СМИ (Австрия, Бельгия, Дания, Финляндия, Германия, Нидерланды и Швеция) или либеральную модель СМИ (Ирландия).

Аналогичные тенденции можно наблюдать в лонгитудном исследовании «Института изучения журналистики Reuters» (рис. 3). В период с 2015 по 2023 г. потребление новостных СМИ на телевидении в ЕС сократилось на 20% (80% в 2015 г., 60% в 2023 г.), а социальные сети, в свою очередь, наоборот увеличили аудиторию. С точки зрения потребления новостей, рост их популярности стабилизировался с 2016 года и составляет около 50%. В этом отношении социальные медиа, похоже, не извлекают выгоду из упадка телевидения. Что касается онлайн-новостных платформ, то они за последнее десятилетие опередили печатные СМИ. С 2015 года читательская аудитория печатных изданий, составляющая 19,4%, сократилась более чем вдвое. Однако считается, что радикальная трансформация в потреблении

СМИ, упомянутая некоторыми учеными и экспертами, еще впереди [10].

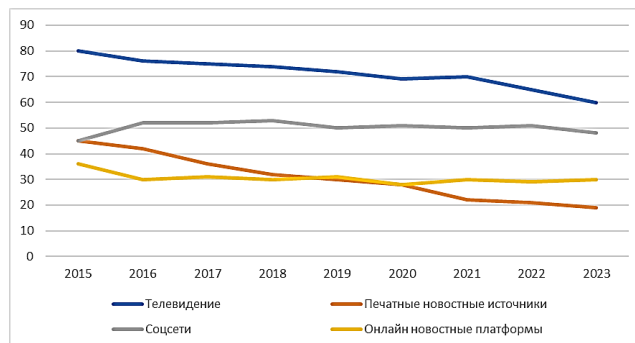

Рис. 3. Источники новостей в ЕС, в % [12, с. 57]

Когда дело касается доверия к новостным СМИ, граждане больше доверяют традиционным вещательным и печатным СМИ (включая наличие их интернет-изданий и платформ), чем онлайн-новостным каналам социальных сетей (например, YouTube). 49% респондентов в ЕС заявили, что государственные теле- и радиостанции, включая их онлайн-версии, представляют собой надежные источники новостей. За ними следуют печатные издания, которые выбрали 39% опрошенных респондентов. Тем временем 27% участников назвали частные теле- и радиостанции источниками, которым доверяют. Отмечается, что молодые респонденты отдали предпочтение новостным онлайн-платформам и каналам социальных сетей, считая их более надежными источниками, чем обычные вещательные и печатные СМИ. На рисунке 4 можно пронаблюдать тенденцию доверия к СМИ по ответам респондентов на вопрос: «Каким источникам новостей вы доверяете больше всего?».

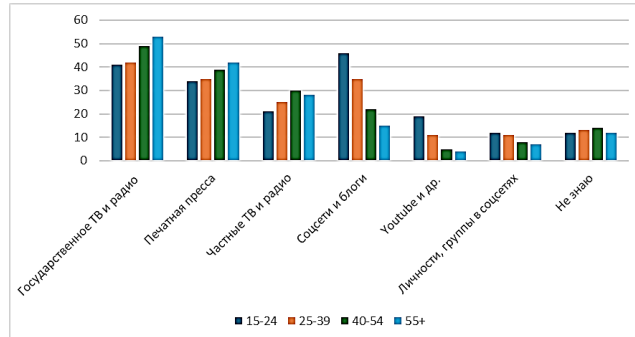

Рис. 4. Доверие к источнику новостей в разбивке по возрасту в ЕС, в %

Уровни доверия также заметно различались по всему ЕС. Например, в Финляндии 73% респондентов выразили свое доверие общественным теле- и радиостанциям, в то время как наблюдается очень низкий уровень доверия к данным представителям СМИ в Венгрии и Польше (22% и 23% соответственно) [4]. В большинстве стран ЕС (за исключением Польши) отмечается наиболее высокий уровень доверия к аудиовизуальным медиа-сервисам, находящимся в государственной собственности. Данная тенденция характерна для стран-членов Северной, Центральной и Восточной Европы. В южных регионах, где страны чаще классифицируются [7, с. 39], как страны с поляризованными плюралистическими медиа-системами ситуация не такая однозначная. Например, Польша является единственной страной, где доверие к частным медиа перевешивает доверие к источникам, находящимся в государственной собственности.

Еще одним интересным аспектом является то, что в некоторых странах, включая Болгарию, Латвию, Лит-

ву, Венгрию и Польшу, респонденты выражают больше доверия к тем источникам информации, на которые они подписаны в социальных сетях, чем к теле- и радиостанциям или печатным изданиям.

Таким образом, целью данного анализа было понять, в какой степени традиционные СМИ, а именно телевидение, радио и печатная пресса, по-прежнему являются наиболее предпочтительными в качестве основного источника информации в ЕС по сравнению с современными источниками СМИ. Результаты опроса «Eurobarometer» и исследования «Института изучения журналистики Reuters» подтверждают предположение о том, что с точки зрения потребления новостей, традиционные СМИ по-прежнему пользуются большей популярностью, чем остальные. Независимо от географического расположения или типа медиа-системы государств членов ЕС [7, с. 122], телевидение является одной из наиболее часто используемых форм СМИ для доступа к новостям. За ним по популярности следуют новостные онлайн-платформы и радио. Потенциальный динамизм социальных сетей в качестве источников новостной информации, сформировавшийся в первые годы их существования, похоже, стабилизировался и даже пошел на убыль. Тем не менее, существуют определенные различия между поколениями, поскольку для доступа к новостной информации молодые люди чаще используют платформы социальных сетей, блоги, YouTube или другие сервисы в сети Интернет, чем телевидение или печатные СМИ.

Также в статье рассматривался уровень доверия к различным источникам новостей в странах-членах ЕС. Результаты опроса «Eurobarometer» показали, что большинство респондентов в ЕС выразили большее доверие традиционным вещательным и печатным СМИ, чем онлайн-платформам новостей и каналам социальных сетей. Таким образом, подтверждается аргумент о том, что традиционные СМИ все еще остаются наиболее предпочтительными в качестве основного источника новостной информации, поскольку они обычно воспринимаются как более правдивые, чем современные виды СМИ [8, с. 5], такие как новостные блоги, соцсети, мессенджеры и др. Кроме того, недавние исследования показывают, что социальные сети более часто используются для распространения дезинформации, чем традиционные новостные каналы [2, с. 608]. Однако необходимо отметить то, что согласно опросу «Eurobarometer» [4] большинство респондентов уверены в том, что они способны отличить настоящие, достоверные новости от сфабрикованных. Эта уверенность в выявлении «фейковых» новостей возростала с уровнем образования и снижалась с возрастом.

Хотя эта статья является узконаправленной и посвящена всего двум вопросам, благодаря ей предполагается внести существенный вклад в литературу по медиа-исследованиям за счет ссылок на некоторые подробные эмпирические данные и анализ. Чтобы получить более полную картину, необходимо провести дальнейшие исследования, чтобы выяснить, по-прежнему ли традиционные СМИ более популярны и им больше доверяют, чем новым СМИ, и в какой степени с точки зрения потребления новостей в лонгитюдном разрезе. Кроме того, интерпретация данных каждого государства-члена могла бы послужить отдельным тематическим исследованием. В дополнение к этим результатам, интервью с журналистами и другими представителями СМИ могли бы стать частью будущего исследования. Также можно рассмотреть проблему растущего социального неравенства в потреблении новостей, о котором упоминается некоторых источниках [9, с. 5].

Стоит отметить, что данные и выводы, представленные в данной статье, носят практический характер и могут быть полезны в том числе и для органов государственного управления с целью эффективного использования СМИ для передачи необходимой информации населению и повышения уровня доверия. На примере данного исследования актуальным представляется проведение подобных опросов и анализа на территории Российской Федерации. В данной статье мы пришли к выводу, что в ЕС преобладают и имеют наибольшее влияние традиционные СМИ. Похожие тенденции наблюдаются и в России. Согласно опросу ВЦИОМ [1], около половины россиян доверяют центральному и местному телевидению (53 и 47% соответственно). Примерно в равной степени россияне доверяют следующим СМИ:

- новостным, аналитическим, официальным сайтам (35%);
- центральной и региональной прессе (33%);
- Telegram-каналам (31%).

У каждого пятого опрошенного доверие вызывает региональное и центральное радио (25 и 24%).

В группе аутсайдеров – мессенджеры (WhatsApp, Viber и др.) и социальные сети, блоги в интернете. Доля тех, кто не доверяет им (35 и 43%), превышает долю доверяющих (27 и 23%).

Таким образом, несмотря на высокие темпы трансформации общего медиа-ландшафта под воздействием цифровых технологий, общество продолжает доверять наиболее привычному формату получения информации. В этой связи представляется значимым исследование усиления влияния и присутствия государственных СМИ на альтернативных площадках, таких как видеохостинги, соцсети, блоги и т.д., т.к. за счёт данных каналов можно повысить доверие более молодого населения.

На протяжении многих лет СМИ играли ключевую роль в различных общественных сферах, будучи идентифицированными как «четвертая ветвь власти» [6, с. 376]. Их деятельность варьируется от распространения информации, знаний, конструирования идеологий и представлений до осуществления контроля над национальными правительствами. Однако, в последнее время наблюдается тенденция снижения интереса к новостям. На сегодняшний день, с точки зрения потребления новостей и доверия, доподлинно неизвестно, будут ли в будущем традиционные СМИ занимать более высокие позиции, чем новостные онлайн-платформы и каналы социальных сетей.

Литература

1. ВЦИОМ. «Доверие СМИ в России». – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-smi-v-rossii> (дата обращения: 20.05.2024).
2. Benaissa Pedriza S. (2021). Sources, channels and strategies of disinformation in the 2020 US election: Social networks, traditional media and political candidates. – URL: https://www.researchgate.net/publication/355385105_Sources_Channels_and_Strategies_of_Disinformation_in_the_2020_US_Election_Social_Networks_Traditional_Media_and_Political_Candidates (дата обращения: 20.05.2024).
3. Couldry N., Livingstone S., Markham T. (2007). Media consumption and public engagement beyond the presumption of attention. London: Palgrave Macmillan. – URL: https://www.researchgate.net/publication/41308858_Media_Consumption_and_Public_Engagement_Beyond_the_Presumption_of_Attention / (дата обращения: 12.05.2024).

4. Eurobarometer. (2022). Media & news survey 2022. – URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2832> (дата обращения: 20.05.2024).
5. Fotopoulos N., Masini A., Fotopoulos S. (2022). The refugee issue in the Greek, German, and British press during the Covid-19 pandemic. Media and Communication. – URL: https://www.researchgate.net/publication/360576885_The_Refugee_Issue_in_the_Greek_German_and_British_Press_During_the_Covid-19_Pandemic (дата обращения: 10.05.2024).
6. Habermas J. (1996). Between facts and norms: Contributions to a discourse theory of law and democracy. Cambridge, MA: The MIT Press. – С. 376.
7. Hallin D. C., Mancini P. (2004). Comparing media systems: Three models of media and politics. Cambridge: Cambridge University Press. – URL: https://is.muni.cz/el/fss/podzim2019/ZURb1602/um/Hallin_Mancini_Comparing-Media-Systems.pdf (дата обращения: 22.05.2024).
8. Johnson T.J., Kaye B.K. (2015). Reasons to believe: Influence of credibility on motivations for using social networks. – URL: https://www.researchgate.net/publication/277918211_Reasons_to_believe_Influence_of_credibility_on_motivations_for_using_social_networks (дата обращения: 20.05.2024).
9. Kalogeropoulos A.K., Nielsen R.K. (2017). Social inequalities in news consumption. Factsheet. Reuters Institute, University of Oxford. – URL: <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/our-research/social-inequalities-news-consumption>. (дата обращения: 19.05.2024).
10. Langner T., Klinke T. (2022). Managing brands in an ever-changing media environment. In M. Karmasin, S. Diehl & I. Koinig (eds.), Media and change management: Creating a path for new content formats, business models, consumer roles, and business responsibility. Cham: Springer International Publishing. – URL: https://www.researchgate.net/publication/358626977_Managing_Brands_in_an_Ever-Changing_Media_Environment (дата обращения: 23.05.2024).
11. Mauk M. (2020). Rebuilding trust in broken systems? Populist party success and citizens' trust in democratic institutions. Politics and Governance. – URL: https://www.researchgate.net/publication/343007791_Rebuilding_Trust_in_Broken_Systems_Populist_Party_Success_and_Citizens'_Trust_in_Democratic_Institutions (дата обращения: 20.05.2024).
12. Newman N., Fletcher R., Eddy K., Andi S., Robertson C.T., Nielsen R.K. (2023). Reuters Institute digital news report 2023. Reuters Institute for the Study of Journalism. – URL: https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/sites/default/files/2023-06/Digital_News_Report_2023.pdf (дата обращения: 23.05.2024).
13. Statista. (2023). Share of adults who trust news media most of the time in selected countries worldwide as of February 2023. – URL: <https://www.statista.com/statistics/308468/importance-brand-journalist-creating-trust-news/> (дата обращения: 15.05.2024).
14. Strömbäck J., Tsifti Y., Boomgaarden H., Damstra A., Lindgren E., Vliegenthart R., Lindholm T. (2020). News media trust and its impact on media use: Toward a framework for future research. Annals of the International Communication Association. – URL: https://www.researchgate.net/publication/340898009_News_media_trust_and_its_impact_on_media_use_toward_a_framework_for_future_research (дата обращения: 10.05.2024).

THE STUDY OF THE DEGREE OF INFLUENCE OF TRADITIONAL MEDIA AND TRUST IN THEM IN THE EUROPEAN UNION AT THE PRESENT STAGE

Izmerov A.A.

Moscow State University named after M.V. Lomonosova

The article examines whether and to what extent traditional media, namely television, radio and print media, are still more popular than modern media (social networks, video hosting, blogs, news sites, etc.) when it comes to news consumption in the European Union (EU). The article also examines the level of trust in various news sources in the EU member states. The article is based on the results of a corresponding Eurobarometer survey and a study by the Reuters Institute for the Study of Journalism. According to these sources, television is one of the forms of media most commonly used to access news, followed by online news platforms and radio. Trust in mainstream broadcast and print media is also higher than in online news platforms and social media channels. The results obtained are intended to support both public discussion and academic dialogue on the development of mass media, their effective use and trust in them in the framework of interaction with public authorities, including Russian ones.

Keywords: mass media, the European Union, traditional media, trust in the media.

References

1. VTsIOM. "Trust in the Media in Russia". – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-smi-v-russii> (accessed: 20.05.2024).
2. Benaissa Pedriza S. (2021). Sources, channels and strategies of disinformation in the 2020 US election: Social networks, traditional media and political candidates. – URL: https://www.researchgate.net/publication/355385105_Sources_Channels_and_Strategies_of_Disinformation_in_the_2020_US_Election_Social_Networks_Traditional_Media_and_Political_Candidates (accessed: 20.05.2024).
3. Couldry N., Livingstone S., Markham T. (2007). Media consumption and public engagement beyond the presumption of attention. London: Palgrave Macmillan. – URL: https://www.researchgate.net/publication/41308858_Media_Consumption_and_Public_Engagement_Beyond_the_Presumption_of_Attention / (access date: 05/12/2024).
4. Eurobarometer. (2022). Media & news survey 2022. – URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2832> (access date: 05.20.2024).
5. Fotopoulos N., Masini A., Fotopoulos S. (2022). The refugee issue in the Greek, German, and British press during the Covid-19 pandemic. Media and Communication. – URL: https://www.researchgate.net/publication/360576885_The_Refugee_Issue_in_the_Greek_German_and_British_Press_During_the_Covid-19_Pandemic (accessed 05/10/2024).
6. Habermas J. (1996). Between facts and norms: Contributions to a discourse theory of law and democracy. Cambridge, MA: The MIT Press. – P. 376.
7. Hallin D. C., Mancini P. (2004). Comparing media systems: Three models of media and politics. Cambridge: Cambridge University Press. – URL: https://is.muni.cz/el/fss/podzim2019/ZURb1602/um/Hallin_Mancini_Comparing-Media-Systems.pdf (access date: 05/22/2024).
8. Johnson T.J., Kaye B.K. (2015). Reasons to believe: Influence of credibility on motivations for using social networks. – URL: https://www.researchgate.net/publication/277918211_Reasons_to_believe_Influence_of_credibility_on_motivations_for_using_social_networks (access date: 05/20/2024).
9. Kalogeropoulos A.K., Nielsen R.K. (2017). Social inequalities in news consumption. Factsheet. Reuters Institute, University of Oxford. – URL: <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/our-research/social-inequalities-news-consumption>. (access date: 05/19/2024).
10. Langner T., Klinke T. (2022). Managing brands in an ever-changing media environment. In M. Karmasin, S. Diehl & I. Koinig (eds.), Media and change management: Creating a path for new content formats, business models, consumer roles, and business responsibility. Cham: Springer International Publishing. – URL: <https://www.researchgate.net/publication/358626977>

Managing_Brands_in_an_Ever-Changing_Media_Environment (access date: 05.23.2024).

11. Mauk M. (2020). Rebuilding trust in broken systems? Populist party success and citizens' trust in democratic institutions. Politics and Governance. – URL: https://www.researchgate.net/publication/343007791_Rebuilding_Trust_in_Broken_Systems_Populist_Party_Success_and_Citizens'_Trust_in_Democratic_Institutions (accessed 05/20/2024).
12. Newman N., Fletcher R., Eddy K., Andi S., Robertson C.T., Nielsen R.K. (2023). Reuters Institute digital news report 2023. Reuters Institute for the Study of Journalism. – URL: https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/sites/default/files/2023-06/Digital_News_Report_2023.pdf (accessed 23.05.2024).
13. Statista. (2023). Share of adults who trust news media most of the time in selected countries worldwide as of February 2023. – URL: <https://www.statista.com/statistics/308468/importance-brand-journalist-creating-trust-news/> (access date: 05.15.2024).
14. Strömbäck J., Tsfati Y., Boomgaarden H., Damstra A., Lindgren E., Vliegenthart R., Lindholm T. (2020). News media trust and its impact on media use: Toward a framework for future research. Annals of the International Communication Association. – URL: https://www.researchgate.net/publication/340898009_News_media_trust_and_its_impact_on_media_use_toward_a_framework_for_future_research (access date: 05/10/2024).

Рекламная деятельность в городских поселениях Центральной России: институциональный аспект

Кириянов Алексей Юрьевич,

Аспирант 2го года обучения, кафедра «Философия, социология и право», Дальневосточный государственный университет путей сообщения
E-mail: Kau2511@mail.ru

Спасский Евгений Новомирович,

доктор политических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой «Философия, социология и право», Дальневосточный государственный университет путей сообщения
E-mail: srs2@festu.khv.ru

В работе предпринимается попытка комплексного анализа проблемы рекламной деятельности в городских поселениях Центральной России в фокусе институционального аспекта. Под институциональным аспектом понимается функционирование рекламных организаций, прежде всего коммерческого толка. Исследование основывается на данных по крупнейшим из подобных организаций, представленных в центральном регионе современной Российской Федерации. Кроме того, мы предпринимаем попытку выделения ключевых аспектов рекламной деятельности в городских поселениях в контексте институционального подхода. Среди таких аспектов можно выделить особенности городских поселений (в частности, экономические и особенности населения городов), специфику региональных рынков рекламных услуг, а также характеристику локального законодательства, которое может повлиять на становление, функционирование и развитие рекламной деятельности в рамках городских поселений центральных областей Российской Федерации.

Ключевые слова: рынок рекламы; рекламные институты; центральная Россия; городские поселения; рекламные стратегии; рекламная деятельность; экономические процессы.

В статье предпринимается попытка исследования рекламной деятельности в городских поселениях Центральной России в фокусе институционального аспекта. Иными словами, мы анализируем институциональные факторы и аспекты рекламы в городах центральных областей России, устанавливая специфику и характерные черты данных явлений.

Рекламную деятельность можно назвать известным способом привлечения потребителей к некоторому продукту. Кл. Хопкинск указывал на то, что ключевая задача рекламы заключается в том, чтобы в конечном итоге подвести потребителя к покупке товара или услуге, а следовательно, увеличить продажи и усилить капитализацию фирмы или предприятия [5, с. 11]. Между тем, реклама может выступать и в качестве меры поддержки социальных проектов. В виде примера можно привести рекламное общество общественных инициатив или благотворительных акций.

С.Н. Бердышев отмечал, что реклама сегодня является собой важнейший элемент социальных пространств, коммуникации в общественных отношениях, а следовательно, важным каналом передачи информации. Кроме того, отмечается, что одной из целей рекламы является донесение информации, информационное сообщение. При этом исследователь полагает, что в городских пространствах реклама приобретает большую эффективность. Такое положение дел связано с тем, что город обладает существенными социально-коммуникативными ресурсами, а информация здесь распространяется быстрее, чем, к примеру, в сельской местности. Так, в городе проживает большое число людей, что, следовательно, влияет на циркуляцию информации и дает многообразные возможности для развития рекламы [1, с. 88–97]

Как указывают А. Хомутова и М.В. Панькина, реклама в современной ситуации – это неотъемлемый элемент городской жизни. Город, пространство, в котором развиваются социальные отношения, происходит экономическое и культурное производство, не может обойтись без рекламы: в частности, мы полагаем, что рекламе в городском пространстве возможно рассматривать как ориентир его жителей (к примеру, постоянно покупающих те или иные товары или пользующихся теми или иными услугами) [3, с. 197].

Однако В.Б. Устин в своей работе «Искусство наружной рекламы» отмечает, что реклама – это не только коммуникативный канал, но и форма художественного творчества. Данный аспект особо актуализируется в контексте изучения рекламной деятельности в городских пространствах: реклама в городе чаще оказывается средством художественной изобразительности, чем, например, реклама в деревне или сельской местности [4, с. 115].

Исследование рекламной деятельности в городских пространствах в рамках институционального аспекта на материалах центральной России имеет несколько специфических характеристик. Во-первых, такого рода изучение должно опираться на анализ рекламных организаций, или рекламные институты, которые можно наблюдать в городах центральной России. Во-вторых,

подобного характера анализа не возможен без указания специфики данных организаций.

Центральная Россия – это макрорегион, которые географически формируются на пространствах Центрального федерального округа. Центр этого локуса – город Москва, столица Российской Федерации. Области, которые включает регион центральной России, следующие: Московская область; Брянская область; Владимирская область; Ивановская область; Калужская область; Костромская область; Орловская область; Рязанская область; Смоленская область; Тверская область; Тульская область; Ярославская область.

В центральной России сосредоточены крупнейшие рекламные институты, среди которых представлены масштабные рекламные агентства и организации.

Отметим, что под институциональным аспектом рекламы следует понимать рекламные организации, какими могут быть рекламные агентства, фирмы, компании, девелоперские коллаборации и т.д.

Как отметил в 2001 г. А.П. Грицук, рекламный рынок в на момент его исследований находился в состоянии динамичного и системного развития, успешного функционирования. Это, в частности, включало различные опции, например, такие как развитие рекламных институтов и особой экономической рекламной среды со своей структурой и организацией. [2, с. 4]

Следует отметить, что процесс институционализации рекламы в современное время активно продолжается и приобретает все более интенсивные черты. В частности, такое положение дел можно связать с развитием информационных технологий, а также разнообразных средств связи и циркуляции информации. Кроме того, в данном аспекте не последнюю роль можно отвести формированию рынка рекламы, а также подготовку квалифицированных специалистов в данной области.

Таким образом, рекламные институты в современных условиях, в том числе и рекламные институты центра России, функционируют в рамках динамично развивающегося рынка рекламных услуг.

Отметим, что изучая рекламную деятельность в рамках институционального аспекта, необходимо, несомненно, остановиться на определении сущностных характеристик рекламных организации, или тех специфических особенностей, которыми они обладают. Рекламная деятельность в городских поселениях Центральной России, несомненно, имеет свои институциональные особенности. Данные особенности тесно связаны с законодательством, регулирующим рекламную деятельность, а также с особенностями рынка и потребительского поведения в регионе.

В частности, к таким особенностям можно отнести относительно лояльное законодательство субъектов Российской Федерации центрального округа, а также развитость рынка рекламных услуг. Статистически не будет преувеличением заметить, что большая часть оборота рекламной продукции, в следовательно, наиболее интенсивная рекламная деятельность, протекают именно в регионе Центральной России.

Укажем ключевых акторов рекламной деятельности в центральной России, т.е. ключевые рекламные институты. Это как ассоциация рекламных агентств, так и ключевые игроки рынка рекламы в пространстве Центральной России: Ассоциация коммуникационных агентств России (АКАР); «Игроник»; ADCONSULT; Media Instinct Group.

Ассоциация коммуникационных агентств России (АКАР) – это ведущее профессиональное объединение более чем 200 участников рынка рекламы и маркетинговых коммуникаций. АКАР представляет интересы отрас-

ли в органах государственной власти, профессиональных сообществах и международных организациях. Более того, ассоциация имеет развернутую коммерческую, собственно рекламную и исследовательскую деятельность, представляя широкий спектр рекламных и коммуникационных услуг. Основной целью данной организации является развитие рынка рекламы, маркетинговых коммуникаций и исследований, а также консолидация рекламных организаций в регионе Центральной России.

АКАР активно участвует в разработке законодательных инициатив, касающихся регулирования рекламной деятельности, а также в формировании стандартов качества и этики в рекламе. Ассоциация проводит исследования рынка, анализирует его тенденции и публикует статистические данные.

В состав АКАР входят различные сегменты рекламного рынка: телевидение, радио, пресса, интернет, наружная реклама, digital-маркетинг и другие. Это позволяет ассоциации представлять интересы всей отрасли и выработать общие подходы к решению возникающих проблем [6].

«Игроник» – рекламно-производственное агентство полного цикла, которое занимается разработкой и реализацией рекламных кампаний, изготовлением световых букв и вывесок, брендингом и дизайном интерьеров. Данный рекламный институт имеет свою специфику: «Игроник» консолидирует лучших специалистов в области рекламы, которые проходят значительные отбор при трудоустройстве в компанию.

«Игроник» имеет существенный опыт работы с различными клиентами, от малого бизнеса до крупных корпораций. Компания предлагает значительные рекламные решения, которые имеют высокую степень эффективности. Таким образом, рекламная деятельность компании «Игроник» представлена многообразными аспектами [7].

ADCONSULT – агентство полного цикла с фокусом на performance-маркетинге и рекламных стратегиях. Данная организация предоставляет услуги по широкому спектру рекламной деятельности, например, стратегическому планированию, медиабаунгу, управлению данными и маркетинговой и рекламной аналитике. ADCONSULT работает с различными каналами продвижения, включая контекстную рекламу, таргетированную рекламу, партнерский маркетинг, email-маркетинг и некоторые другие. Кроме того, компания предлагает услуги по анализу данных, оптимизации рекламных бюджетов и разработке персонализированных предложений для клиентов, потребителей рекламной продукции. Данная компания относится к крупным. В частности, в ADCONSULT множество как штатных, так и приглашенных специалистов [8].

Media Instinct Group – организация, которая предоставляет широкий спектр рекламных услуг с фокусировкой на разработке креативных стратегий. В перечень видов деятельности компании относится разработка рекламных планов, стратегий и маркетинговых траекторий, а также разнообразные типы рекламной аналитики. Не будет преувеличением отметить, что Media Instinct Group – компания рекламной деятельности полного цикла, которая производит разнохарактерный рекламный продукт и услуги. Стоит также отметить, что штат сотрудников компании насчитывает несколько десятков человек [9].

Отметим, что штаб-квартиры, или генеральные офисы указанных рекламных организаций, или рекламных институтов, находятся в крупных городах центрального региона России, преимущественно в городе Москве. Это накладывает определенную специфику на деятельность

данных компаний, в частности, связанную с необходимостью конкурировать на рынке рекламных услуг.

Остановимся далее на специфике рекламной деятельности в рамках городов Центральной России, рассматривая данный аспект в контексте рекламных институций.

Так, можно выделить две ключевых аспекта деятельности рекламной компании в рамках институционального аспекта.

1) Наличие разработанной корпоративной программы предоставляемых услуг. Корпоративные элементы в контексте производственной деятельности предприятия имеют важное значение. В частности, это позволяет маркировать специфику бренда организации. Все перечисленные выше организации рекламной деятельности имеют собственные бренды, в том числе и официально зарегистрированные как корпоративные марки. В рамках институционального аспекта корпоративный бренд имеет первоочередное значение, поскольку в контексте развитого рынка рекламных услуг рекламные институты находятся в условиях повышенной конкуренции, и корпоративный бренд позволяет преодолевать препятствия этой конкуренции через формирования своеобразного имиджа, а следовательно, через брендинг собственных услуг и коммерческих мероприятий.

2) Наличие сильного состава профессионалов, работающих в организации. Наличие сильного состава профессионалов, работающих в организации, является одним из ключевых аспектов успешной рекламной деятельности. Профессионалы в области рекламы и маркетинга обладают необходимыми навыками и опытом для разработки и реализации эффективных рекламных кампаний. Штат квалифицированных служащих и привлеченных специалистов будет способствовать развитию услуг компании, а следовательно, наращивания прибыли. Данный аспект имеет институциональное предопределение, связанное с первой, указанной выше характеристикой. Так, брендинг компании тесным образом коррелирует с качеством профессионального состава, помогая рекламным институтам коммуницировать на рынке труда и развивать собственный перечень услуг и коммерческих предложений.

При этом, отметим, что рекламная деятельность в городских поселениях Центральной России в институциональном аспекте связана со следующими факторами:

- 1) Особенности городской среды и состава населения городов центральной России;
- 2) Специфика законодательства субъекта Российской Федерации центрального региона;
- 3) Характеристика регионального рынка рекламных услуг в регионах Центральной России.

Так, спецификой городской среды и состава населения городов центральной России, что непосредственное влияет на развитие рекламных институций и потребление рекламных услуг, является, с одной стороны, многообразие населения, а с другой стороны, наличие множества культурных, экономических и социальных объектов, что формирует конкурентную среду для рекламных организаций.

Особенности регионального законодательства также влияют на рекламную деятельность рекламных институтов в поселениях Центральной России. Хотя реклама в Российской Федерации регулируется Федеральным законом «О рекламе», субъекты федерации имеют собственное экономическое, социальное и культурное законодательство, которое влияет на деятельность рекламных институтов в регионе Центральной России. К при-

меру, в Москве особое значение уделяется сохранению культурного наследия, поэтому не представляется возможным размещать объемную рекламу на объектах, представляющих собой памятники культуры.

При этом, другим важнейшим аспектом рекламной деятельности указанных институтов является специфика регионального рынка рекламных услуг. Как мы отметили, рекламные институты находятся в состоянии достаточно жесткой конкуренции. В центральной России рынок рекламных услуг отмечен высоким уровнем потребительских притязаний, а также многообразием рекламных институтов. Это формирует стратегии на развитие собственных брендов для рекламных институтов и формирование эффективных коммерческих стратегий. Данные аспекты особенно характерны для городских поселений в Центральной России.

Таким образом, рекламная деятельность в городских поселениях Центральной России представлена несколькими аспектами, среди которых специфика регионального рынка, городских сред и законодательства. Указанные рекламные институты представляют собой ключевых акторов рекламной деятельности в регионе Центральной России, осуществляя эффективную рекламную деятельность.

Литература

1. Бердышев, С.Н. Эффективная наружная реклама / С.Н. Бердышев. – Москва: Куб, 2010. – 275 с.
2. Грицук А.П. Институционализация рынка рекламы: Региональный аспект: диссертация кандидата социологических наук: 22.00.03 / А.П. Грицук. – М., 2006. – 159 с.
3. Панкина, М.В. Реклама в городском пространстве / М.В. Панкина, А. Хомутова // Наука и школа. 2021. № 4. С. 193–200.
4. Устин, В.Б. Искусство наружной рекламы / В.Б. Устин. – Москва: АСТ, 2009. – 304 с.
5. Хопкинс, К. Научная реклама / К. Хопкинс; пер. с англ. А. Гордеева. – Москва: Эксмо, 2007. – 126 с.
6. Ассоциация коммуникационных агентств России (АКАР) // Интернет-Сайт. – URL: <https://www.akarusia.ru/> (дата обращения: 16.09.2024)
7. Игроник // Интернет-Сайт. – URL: <https://igronik.ru/> (дата обращения: 15.09.2024)
8. ADCONSULT // Интернет-Сайт. – URL: <https://adconsult.ru/> (дата обращения: 15.09.2024)
9. Media Instinct Group // Интернет-Сайт. – URL: <https://mediainstinctgroup.ru/> (дата обращения: 16.09.2024)

ADVERTISING ACTIVITIES IN URBAN SETTLEMENTS OF CENTRAL RUSSIA: INSTITUTIONAL ASPECT

Kiryarov A.Yu., Spassky E.N.

Far Eastern State University of Communications

This article undertakes a comprehensive analysis of the problem of advertising activities in urban settlements of Central Russia in the focus of the institutional aspect. The institutional aspect is understood as the functioning of advertising organizations, primarily of a commercial nature. The study is based on data on the largest of such organizations represented in the central region of the modern Russian Federation. In addition, we attempt to identify key aspects of advertising activities in urban settlements in the context of the institutional approach. Among such aspects, we can highlight the features of urban settlements (in particular, economic and population characteristics of cities), the specifics of regional advertising services markets, as well as the characteristics of local legislation that can affect the formation, functioning and development of advertising activities within the urban settlements of the central regions of the Russian Federation.

Keywords: advertising market; advertising institutions; central Russia; urban settlements; advertising strategies; advertising activities; economic processes.

References

1. Berdyshev, S.N. Effective outdoor advertising / S.N. Berdyshev. – Moscow: Kub, 2010. – 275 p.
2. Gritsuk, A.P. Institutionalization of the advertising market: Regional aspect: dissertation of the candidate of sociological sciences: 22.00.03 / A.P. Gritsuk. – Moscow, 2006. – 159 p.
3. Pankina, M.V. Advertising in the urban space / M.V. Pankina, A. Khomutova // Science and school. 2021. No. 4. P. 193–200.
4. Ustin, V.B. Art of outdoor advertising / V.B. Ustin. – Moscow: AST, 2009. – 304 p.
5. Hopkins, K. Scientific advertising / K. Hopkins; trans. from English by A. Gordeev. – Moscow: Eksmo, 2007. – 126 p.
6. Association of Communication Agencies of Russia (ACAR) // Internet Site. – URL: <https://www.akarussia.ru/> (date of access: 09/16/2024)
7. Igronik // Internet Site. – URL: <https://igronik.ru/> (date of access: 09/15/2024)
8. ADCONSULT // Internet Site. – URL: <https://adconsult.ru/> (date of access: 09/15/2024)
9. Media Instinct Group // Internet Site. – URL: <https://mediainstinctgroup.ru/> (date of access: 09/16/2024)

Удовлетворенность практикой студентов медицинского вуза как индикатор профессионального самоопределения

Лоскутова Ирина Мироновна,

д.с.н., доцент, профессор кафедры социальной работы ФГАОУ ВО «Российский национальный исследовательский университет имени Н.И. Пирогова», профессор кафедры теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»
E-mail: loskutova07@yandex.ru

Кокорева Марина Евгеньевна,

к.с.н., доцент кафедры социальной работы ФГАОУ ВО «Российский национальный исследовательский университет имени Н.И. Пирогова»
E-mail: malinka7171@mail.ru

Панич Наталья Александровна,

к.и.н., старший преподаватель кафедры государственного администрирования, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: napanich@anspa.ru

Синяев Максим Викторович,

к.п.н., доцент кафедры социальной работы ФГАОУ ВО «Российский национальный исследовательский университет имени Н.И. Пирогова»
E-mail: sinyaevmax1@rambler.ru

Тарченко Вера Сергеевна,

старший преподаватель кафедры социальной работы ФГАОУ ВО «Российский национальный исследовательский университет имени Н.И. Пирогова»
E-mail: dthfn@rambler.ru

Статья посвящена проблемам профессионального самоопределения студентов медицинского вуза, индикатором которого является степень удовлетворенности пройденной практикой. В статье отмечается, что успешное профессиональное самоопределение способствует снижению вероятности быстрого развития эмоционального и профессионального выгорания. Проводится сравнительный анализ удовлетворенности практикой для студентов двух групп специальностей – специалитет клинической психологии и бакалавриат социальной работы.

Ключевые слова: учебная практика, удовлетворенность, профессиональное самоопределение, эмоциональное выгорание.

Современный мир предъявляет особые требования к уровню профессиональной мотивации и профессиональной подготовки как отдельных индивидов, так и социальных групп. Связано это, в значительной мере, с усложнением процесса труда, формированием новых профессий, отмиранием ряда старых профессий. Переход от традиционного общества к индустриальному, а затем и начало перехода к постиндустриальной фазе привели к заметному усложнению социальных практик. Появившаяся в XVII веке европейская опытная наука привела к технологическому прорыву. Технологии стали изобретаться целенаправленно, в рамках последовательных и рациональных научных процедур, они стали результатом деятельности сотен людей, занятых выполнением регулярных научных исследований в каких-либо частных областях знания, а не результатом интеллектуальных прорывов гениальных одиночек. Это, в свою очередь, привело к титаническим сдвигам в экономике, изменению профессиональной структуры общества, формированию новой системы социальной дифференциации. Технологическое усложнение экономики требовало роста образовательного уровня и профессиональных компетенций.

Технологический прогресс все в большей и большей мере понижал ценность человека как носителя физической силы, способного к выполнению простейшей орудийной деятельности (подобного рода виды труда быстро замещались простейшими механизмами), но он же все больше и больше повышал его ценность как носителя интеллектуальных и творческих возможностей. Связано это было с тем же самым технологическим прогрессом, который постоянно приводил к появлению новых технологий, что в значительной мере затрудняло возможность оперировать с ними, исходя из предшествующего опыта, традиции. Решения надо было принимать в конкретном времени и в конкретном месте, опираясь на самостоятельно проведенный анализ сложившейся ситуации. Отсюда возникала проблема эмоциональной и интеллектуальной нагрузки на людей, постоянного роста ответственности, что, в свою очередь, приводило к ранее не фиксируемым феноменам, таким как эмоциональное выгорание, которое резко снижало эффективность работы. Особую остроту проблема приняла по мере перехода экономики от производства товаров к производству услуг. Эмоциональное выгорание инженеров и рабочих не сильно влияло на работу промышленного оборудования, но оно же приводило к очень серьезным проблемам в области взаимодействия по линии «человек – человек», в работе учителей, врачей, психологов, социальных работников и т.д.

Отсюда в науке и практике появляется интерес к усилению мотивации, совокупности внутренних мотивов, которые направляют деятельность человека на достижение определенных целей. Наличие мотивации позволяет не только снижать внешний контроль над человеком и его трудовой деятельностью, тем более что в такой сфере как «человек-человек» этот контроль, как правило, малоэффективен, но и снимает ряд проблем, связанных с эмоциональным и профессиональным выгоранием.

Под эмоциональным выгоранием мы будем понимать состояние психического истощения, которое возникает в силу эмоционального перенапряжения при работе с людьми [2, с. 18–27]. Профессиональное выгорание –

это частный случай эмоционального выгорания, возникающий в силу хронического стресса на рабочем месте, который в свою очередь формируется из-за несоответствия между требованиями рабочей среды и реальными возможностями человека [4; 1].

Здравый смысл показывает, что люди различаются как своими ценностями, способами обработки информации, так и сформированными моделями поведения, структурой мотивов своей деятельности. Ряд из них обладает устойчивой профессиональной мотивацией, понимает, почему и зачем он пришел в профессию, в то же время другие оказались в профессии в силу случайного стечения обстоятельств. Надо заметить, что представители этой второй группы далеко не всегда испытывают проблемы в учебе, в ряде случаев за счет наличия хороших интеллектуальных способностей они не испытывают проблем с усвоением образовательной программы. Проблемы начинаются позже, когда они сталкиваются с необходимостью каждодневного выполнения своих обязанностей в условиях, которые в ряде случаев можно назвать стрессогенными. Отсюда понятен интерес к вопросам повышения мотивации или хотя бы сохранения мотивации будущего специалиста в его профессиональной сфере. Особую роль в этом процессе всегда играла такая форма знакомства с профессией как учебная практика, когда будущие специалисты впервые пытаются выполнять определенные профессиональные функции в рамках своего профессионального выбора. Практика важна и для студентов, и для их будущих коллег, потому что степень мотивации студентов заметно различается. Возможность оказать влияние на решение сегодняшнего студента работать по специальности в будущем – это, прежде всего, организация производственной практики во время прохождения обучения. Если не брать крайности – тех, кто сознательно выбрал себе профессию, и тех, кто оказался в ВУЗе случайно и ни в коем случае не планирует работать по специальности, то основная масса студентов еще не сформировала свое представление о будущем профессиональном пути. Удачно проведенная практика может увлечь и мотивировать, неудачно проведенная практика может вызвать отторжение будущей профессиональной деятельности. Особенно важна практика в ВУЗах, дающих более практическую, чем научно-исследовательскую ориентацию.

В нашей статье мы попытаемся проанализировать удовлетворенность практикой студентов медицинского вуза (на примере ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова, ИКПСР). Почему? В основе нашей концепции лежит предположение о том, что удовлетворенность практикой можно рассматривать как своего рода индикатор. В социологии под индикатором обычно понимают показатель, доступный непосредственному измерению, который позволяет нам судить о тех характеристиках объекта, которые в силу тех или иных причин не доступны измерению [3]. Как, предположим, в музеях о степени популярности тех или иных экспонатов судят по степени истертости напольных покрытий возле них: если люди там толпятся, значит, это им интересно. В нашем случае удовлетворенность практикой должна продемонстрировать степень готовности к будущей профессиональной деятельности. Здесь, конечно, есть ряд допущений – очень может быть, что практика не дает полного представления о профессии, и удовлетворенность ею не показывает реальной готовности к профессии; или что сбои в ее организации или конфликты в ходе нее привели к неудовлетворенности у тех студентов, кто на самом деле вполне готов к профессии. Но мы исходили из того, что эти отклонения не могли иметь массового характера и так или иначе сглаживались на большой статистической последовательности.

В центре нашего внимания будут две группы студентов института клинической психологии и социальной работы, разделенных на два потока по своей будущей профессии – клинические психологи и специалисты по социальной работе. Социологическое исследование удовлетворенности прошедшей практики выполнялось лабораторией социальных технологий ИКПСР осенью 2023 года, исследование касалось практики, прошедшей в 2022–2023 учебном году. В нем приняло участие 230 студентов – 178 клинических психологов и 52 социальных работника. Опрос проводился по сплошной выборке, то есть были опрошены более 75% всех студентов, проходивших практику со второго курса бакалавриата по второй курс магистратуры.

При подготовке к исследованию нами были сформулированы ряд гипотез.

1. Удовлетворенность студентов практикой растет к 3 курсу, а далее у части студентов она продолжает расти, а у другой части падает.
2. Удовлетворенность практикой прямо пропорциональна удовлетворенности взаимоотношениями с руководителем практики от РНИМУ им. Н.И. Пирогова.
3. Удовлетворенность практикой прямо пропорциональна удовлетворенности взаимоотношениями с руководителем практики от учреждения.
4. Удовлетворенность практикой прямо пропорциональна удовлетворенности практическими навыками и умениями, приобретенными во время практики (рис. 1).

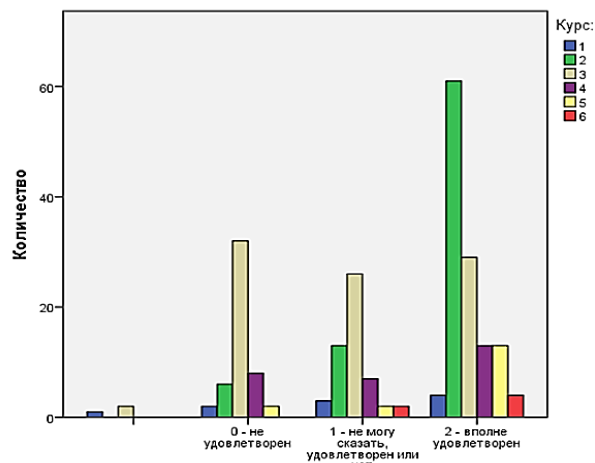

Рис. 1. Гистограмма частот показателей удовлетворенности в целом производственной практикой

Рассматривая вопросы удовлетворенности практикой в целом, надо отметить, что существует заметная разница между специальностями как в вопросах удовлетворенности, так и в вопросах неудовлетворенности. Применительно к конкретным цифрам, это 25% неудовлетворенных на клинической психологии и всего 12% неудовлетворенных на социальной работе. Удовлетворенность составляет 51% на клинической психологии и 69% на социальной работе. То есть можно говорить о том, что либо ожидания студентов направления клиническая психология были завышены и требуется определенная разъяснительная работа перед практикой, либо мы сталкиваемся с проблемами в проведении практики в конкретных учреждениях применительно именно к клиническим психологам.

Если говорить о том, как различные курсы удовлетворены практикой в целом, то общая картина не меняется: все курсы кроме третьего курса клинических психологов практикой в целом удовлетворены. Таким образом, частично подтвердилась наша первая гипотеза о том, что

удовлетворенность практикой растет до третьего курса, третий курс оказывается достаточно проблемным с этой точки зрения, а затем ситуация стабилизируется. Можно объяснить данный факт тем, что к третьему курсу студенты окончательно понимают свою профессию, свои профессиональные функции, кто-то из них может разочароваться в выбранной специальности, а кто-то осознает, что это «дело всей его жизни».

Другая достаточно важная для нас гипотеза связывает другие показатели: удовлетворенность практикой находится в прямой связи с удовлетворенностью теми практическими навыками, которые студенты смогли/не смогли получить в ходе практики (рис. 2).

Общая удовлетворенность	Удовлетворенность практическими навыками и умениями, приобретенными в процессе прохождения практики			Всего
	не удовлетворен	затрудняюсь ответить	удовлетворен	
Не удовлетворен	43	5	2	50
Затрудняюсь ответить	15	30	8	53
Удовлетворен	1	24	99	124
Всего	59	62	109	230

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос об удовлетворенности практикой и удовлетворенности практическими навыками, приобретенными в процессе прохождения практики

Тех, кто удовлетворен, насчитывается 109 студентов (47%), в то время как неудовлетворенных 59 (26%) и 62 (27%) затруднившихся ответить, что в сумме даст 121 (53%) человека, то есть больше половины. Таблица явно показывает наличие связи между общей удовлетворенностью прохождением практики и удовлетворенностью приобретенными в ходе прохождения практики навыками. Очевидно, что вопрос развития тех навыков, которые студенты считают нужными, требует более тщательного изучения: студенты испытывают завышенные ожидания от практики; студенты не понимают, какие реально навыки им нужны в их будущей практической деятельности: не в полной мере решен вопрос совершенствования процесса передачи практических навыков в принимающих организациях. Но в любом случае эти результаты требуют осмысления и проработки.

Как раз на базах прохождения производственной практики студенты знакомятся с будущей профессией, опытные коллеги вводят их в курс специальности, знакомят с «подводными» камнями при работе с пациентами и клиентами. Опять же, если студенту не нравится база прохождения практики, он может быть в целом недоволен и самой практикой в целом. Дело в том, что специальности клиническая психология и социальная работа предполагают широкий спектр охвата того контингента, с которым в будущем можно работать. В рамках же прохождения практики во время обучения в ВУЗе такую возможность предоставить не получается. ВУЗ лишь знакомит с теми сферами деятельности, с которыми будущему специалисту предстоит иметь дело.

Другой не менее важный аспект практики – это взаимоотношения с руководителями практики от ВУЗа и их влияние на общую удовлетворенность практикой. Приведенная таблица (рис. 3) свидетельствует, что по этому вопросу картина складывается достаточно благоприятная.

Курс	Направление подготовки		Всего
	клиническая психология	социальная работа	
Взаимоотношения с преподавателем РНИМУ им. Н.И. Пирогова, ответственным за производственную практику:			
Первый курс			
не удовлетворен	0	2	2
не могу сказать, удовлетворен или нет	0	1	1
вполне удовлетворен	4	3	7
Всего	4	6	10
Второй курс			
не удовлетворен	2	2	4
не могу сказать, удовлетворен или нет	6	1	7
вполне удовлетворен	43	26	69
Всего	51	29	80
Третий курс			
не удовлетворен	22	0	22
не могу сказать, удовлетворен или нет	21	2	23
вполне удовлетворен	38	6	44
Всего	81	8	89
Четвертый курс			
не удовлетворен	2	0	2
не могу сказать, удовлетворен или нет	3	1	4
вполне удовлетворен	14	8	22
Всего	19	9	28
Пятый курс			
не удовлетворен			
не могу сказать, удовлетворен или нет	4		4
вполне удовлетворен	13		13
Всего	17		17
Шестой курс			
не удовлетворен			
не могу сказать, удовлетворен или нет	2		2
вполне удовлетворен	4		4
Всего	6		6
В целом			
не удовлетворен	26	4	30
не могу сказать, удовлетворен или нет	36	5	41
вполне удовлетворен	116	43	159
Всего	178	52	230

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос об удовлетворенности взаимоотношениями с преподавателем РНИМУ им. Н.И. Пирогова, ответственным за производственную практику

Курс	Направление подготовки		Всего
	клиническая психология	социальная работа	
Взаимоотношениями с руководителем практики от учреждения, в котором проходили производственную практику:			
Первый курс			
не удовлетворен			
не могу сказать, удовлетворен или нет	4	6	10
вполне удовлетворен			
Всего	4	6	10
Второй курс			
не удовлетворен	1	0	1
не могу сказать, удовлетворен или нет	6	3	9
вполне удовлетворен	44	26	70
Всего	51	29	80
Третий курс			
не удовлетворен	4	0	4
не могу сказать, удовлетворен или нет	18	0	18
вполне удовлетворен	59	8	67
Всего	81	8	89
Четвертый курс			
не удовлетворен	1	0	3
не могу сказать, удовлетворен или нет	5	1	6
вполне удовлетворен	11	8	19
Всего	19	9	28
Пятый курс			
не удовлетворен			
не могу сказать, удовлетворен или нет	4		4
вполне удовлетворен	13		13
Всего	17		17
Шестой курс			
не удовлетворен			
не могу сказать, удовлетворен или нет	2		2
вполне удовлетворен	4		4
Всего	6		6
Всего			
не удовлетворен	26	4	30
не могу сказать, удовлетворен или нет	36	5	41
вполне удовлетворен	116	43	159
Всего	178	52	230

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос об удовлетворенности взаимоотношениями с руководителем практики от учреждения, в котором проходили производственную практику

Мы видим, что – 159 (69%) человек полностью удовлетворены этими взаимоотношениями, недовольство высказали 30 (13%) студентов, затруднились ответить 41 (18%). Таким образом складывается картина, когда практически две трети студентов удовлетворены этим аспектом практики.

В целом студенты удовлетворены взаимоотношениями с преподавателем РНИМУ им. Н.И. Пирогова, ответственным за производственную практику. Есть специфика восприятия студентами преподавателей на различных направлениях: так, на клинической психологии недовольных практически в два раза больше, чем на социальной работе – 14% против 7%. Этот разрыв несколько сглаживается в случае с удовлетворенными студентами – 65% направление клиническая психология и 82% – направление социальная работа, но все равно он остается заметным.

Если обратить внимание на то, как различные курсы удовлетворены взаимоотношениями с преподавателем РНИМУ им. Н.И. Пирогова, ответственным за производственную практику, то здесь на общем благоприятном фоне опять выделяется третий курс клинических психологов: 38 (47%) удовлетворенных соседствуют с 21 (26%) не удовлетворенных и 22 (27%) затруднившихся ответить.

Если говорить о таком важном аспекте как зависимость удовлетворенности практикой от степени удовлетворенности взаимоотношениями с руководителем практики от учреждения в котором студенты проходили практику, то Большая часть студентов удовлетворена взаимоотношениями с руководителем практики от учреждения, в котором проходили производственную практику. Если говорить о неудовлетворенных студентах, то необходимо отметить, что таких больше среди клинических психологов – 15% против 8% среди специалистов по социальной работе. Необходимо отметить, что среди студентов направления Социальная работа удовлетворенных несколько больше, чем среди студентов направления Клиническая психология – 65% против 83%.

Если обратить внимание на то, как различные курсы удовлетворены взаимоотношениями с руководителем практики от учреждения, то здесь мы можем наблюдать единодушную картину высокой удовлетворенности на всех курсах, даже наиболее скептически настроенный третий курс клинических психологов дает 59 (73%) удовлетворенных против 14 (17%) и 8 (10%) не удовлетворенных и затрудняющихся ответить (рис. 4).

Выводы

1. Удовлетворенность практикой – один из индикаторов профессионального самоопределения студентов.
2. По результатам исследования мы фиксируем «кризис третьего курса». Наибольшее число недовольных практикой студентов приходилось именно на третий курс. С одной стороны, можно сказать, что это связано с ошибками в проведении практики, но в реальности надо учитывать контексты. Именно к третьему курсу студенты подходят к кризису третьего курса, когда осознают, что имеющиеся цели и средства их достижения требуют некоторого пересмотра, просто в силу полученного жизненного опыта. В тот момент, когда выясняется весь комплекс будущих профессиональных трудностей, перед студентом стоит альтернатива – либо разочароваться в себе, своих возможностях решения имеющихся проблем, либо разочароваться в профессии и учебном заведении.

Этот кризис описывался десятки раз, и сам факт его наличия еще не говорит о невозможности будущего профессионального успеха, бесполезности дальнейшего обучения, ненужности практики и т.д. Но этот кризис приводит к особенностям оценки практики студентами третьего курса.

3. Нами был выделен целый ряд факторов, которые в той или иной степени способствовали либо благоприятному прохождению практики, либо обострению уже имеющегося кризиса профессионального самоопределения, который так или иначе формируется к третьему курсу у большей части студентов. В числе таких факторов мы выделяем: удовлетворенность взаимоотношениями с руководителем практики от РНИМУ, удовлетворенность взаимоотношениями с руководителем практики от учреждения, удовлетворенность практическими навыками и умениями, приобретенными во время практики.
4. Принципиально важным моментом, определяющим отношение к практике, является удовлетворенность практическими навыками. Если студент удовлетворен полученными навыками, то как правило, он удовлетворен и практикой в целом и не испытывает серьезных проблем с дальнейшим профессиональным самоопределением.

Литература

1. Водопьянова Н.Е. Синдром выгорания. Диагностика и профилактика: практическое пособие / Н.Е. Водопьянова. – Москва: Юрайт, 2018. – 299 с. – Текст: непосредственный
2. Козлова К.В., Муравьева О.И., Корытова Г.С. (2019) Понятие «выгорание» в психологии: анализ и обобщение подходов. Научно-педагогическое обозрение, № 1 (23), с. 18–27. DOI: 10.23951/2307-6127-2019-1-18-27 EDN: YTFYXB.
3. Семенов В.Е. Анализ и интерпретация данных в социологии: учеб. пособие / В.Е. Семенов; Владимир.

гос. ун-т. – Владимир: Изд-во Владим. гос. ун-та, 2009. – 132 с.

4. Специфика профессиональной деятельности социальных работников / под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой. – Н. Новгород: издательство НИ-СОЦ, 2015. – 732 с.

SATISFACTION WITH MEDICAL SCHOOL STUDENTS' PRACTICE AS AN INDICATOR OF PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION

Loskutova I.M., Kokoreva M.E., Panich N.A., Sinyaev M.V., Tarchenko V.S.

Russian National Research University named after N.I. Pirogov, Moscow State Pedagogical University, Lomonosov Moscow State University

The article is devoted to the problems of professional self-determination of medical university students, the indicator of which is the degree of satisfaction with the internship. The article notes that successful professional self-determination helps reduce the likelihood of rapid development of emotional and professional burnout. A comparative analysis of satisfaction with practice is carried out for students of two groups of specialties – a specialty in clinical psychology and a bachelor's degree in social work.

Keywords: educational practice, satisfaction, professional self-determination, emotional burnout.

References

1. Vodopyanova N.E. Burnout syndrome. Diagnostics and prevention: a practical guide / N.E. Vodopyanova. – Moscow: Yurayt, 2018. – 299 p. – Text: immediate
2. Kozlova K.V., Muravyova O.I., Korytova G.S. (2019) The concept of "burnout" in psychology: analysis and generalization of approaches. Scientific and Pedagogical Review, No. 1 (23), p. 18–27. DOI: 10.23951/2307-6127-2019-1-18-27 EDN: YTFYXB.
3. Semenov V.E. Analysis and interpretation of data in sociology: textbook, manual / V.E. Semenov; Vladim. state univ. – Vladimir: Vladim Publishing House. state University, 2009. – 132 p.
4. Specifics of professional activities of social workers / Under the general editorship of prof. Z.H. Saraliev. – N. Novgorod: publishing house NISOTS, 2015. – 732 p.

Мурзина Ирина Александровна,

к.с.н., доцент кафедры менеджмента и государственного управления, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»

E-mail: mirial11@mail.ru

Ретинская Вера Николаевна,

к.с.н., доцент кафедры менеджмента и государственного управления, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»

E-mail: bvnp@mail.ru

Как известно, развитие любых технологий влечет за собой и изменения в государственном, экономическом и общественном укладе. Цифровые технологии не являются исключением. И сегодня мы говорим не просто о внедрении и использовании цифровых технологий, а о смене цивилизационных эпох: цифровой трансформации всех сфер жизнедеятельности, о создании новой реальности – цифровой. Цифровая трансформация оказывает существенное влияние на способы социокоммуникативного взаимодействия, предполагает в целом институциональные изменения государства и общества.

Представленный анализ показал, что роль интернета в жизни людей значительно выросла и количество пользователей Сети с каждым годом увеличивается. Это проявляется как в создании глобальных экосистем, новых цифровых продуктов, так и в элементарном использовании услуг посредством новых информационно-коммуникационных технологий. Можно констатировать, что в результате развития интернета и новых технологий цифровой мир становится неотъемлемой частью реального.

Несмотря на вовлеченность населения в цифровую среду, качество и быстрота цифровой трансформации во многом будет зависеть от уровня цифровой грамотности всех ее участников, которая все еще остается недостаточно высокой в силу ряда цифровых разрывов. Таким образом, вопросы содержательной стороны цифровизации общества и государства и последствий этого процесса остаются весьма неоднозначными и нуждаются в тщательной, вдумчивой проработке учеными, экспертами, представителями органов власти всех уровней.

Ключевые слова: цифровая реальность, цифровая трансформация общества, цифровизация государства, цифровые госуслуги, цифровые навыки, цифровая грамотность.

На сегодняшний день цифровизация рассматривается не просто как теоретическая концепция, но и как феномен, реально существующий в практике и оказывающий свое влияние на общественно-политические процессы. В этой связи, необходимо подробнее остановиться на характеристиках цифровизации, определяя ее основные признаки и выделяя существенные ее последствия [3, с. 7].

Существующие различные точки зрения и подходы в понимании феномена цифровизации актуализируют задачу его уточнения. Как пишет А.Г Чернышов, «современное «цифровое» общество развивается хаотично и несистемно» [14, с. 324].

В настоящее время в научных кругах дискуссия относительно феномена цифровизации усиливается и существует достаточно много подходов к пониманию этого феномена, в которых акцент сделан на всестороннее рассмотрение процесса проникновения цифровых технологий во все ключевые сферы жизнедеятельности современного государства и общества. Проведенный анализ показал, что в большинстве научных концепций цифровизация обуславливает появление такой цифровой реальности, которую составляют всевозможные коммуникационные связи и взаимодействия нового уровня, инновационные продукты, нейронные сети искусственный интеллект и т.п. Такое сочетание и набор элементов данного инструментария существенным образом отличают распространение и проникновение информационно-коммуникационных технологий на современном этапе от динамики прошлых лет.

При этом важно понимать и учитывать, что цифровизация представляет собой не просто процессы внедрения в публичную сферу различных цифровых методик, нейросетевых алгоритмов, платформенных решений. Цифровизация предполагает большее, а именно, возникновение новых цифровых решений и практик функционирования общественно-политической сферы в технологически развитых государствах, в том числе и нашей стране [3, с. 7].

На сегодняшний день эксперты выделяют ряд тенденций присущих современным процессам развития информационно-коммуникационных технологий:

- постоянно нарастающий темп процесса цифровизации;
- расширение возможностей использования цифровых технологий, которые могут выступать как ресурс общественного развития (к примеру, цифровые платформенные решения, искусственный интеллект и т.п.);
- формирование жесткой зависимости развития социально-общественной жизни, в том числе и темпов ее роста от уровня развития цифровизации этой сферы;
- появление вследствие цифровых инноваций достаточно широкомасштабных социально-экономических и политических последствий, влекущих за собой с изменения в социальной структуре общества и трансформацию общественного взаимодействия;
- перестроение традиционных взаимоотношений государство – общество – бизнес, включая вопросы управления и структурирования информационных потоков;

– появление новых угроз и вызовов при использовании современных цифровых решений (среди них можно выделить проблемы информационной безопасности, возникновения цифрового неравенства в обществе, угроза появления новых видов правонарушений в виртуальном пространстве и др.) [5, с. 24].

Стремительность процесса цифровизации демонстрирует внушительный рост числа людей, пользующихся Интернетом. Согласно данным отчета «Цифровые технологии 2024» по итогам 2023 года в мире насчитывалось 5,35 млрд пользователей Интернета, а это означает, что более 66% всего населения мира являются пользователями сети. Примечательно, что общее количество пользователей Интернета во всем мире увеличилось на 1,9% за последние 12 месяцев за счет 97 млн. новых пользователей с начала 2023 года. И задержки с представлением данных означают, что фактический рост, вероятно, будет выше, чем предполагает эта цифра. В начале 2024 года мобильными телефонами пользовались в общей сложности 5,61 млрд. человек, что составляет 69,4% всего населения мира. Заметим, что увеличение количества пользователей составило 2,5% (прирост с начала 2023 года составил 138 млн. человек). Кроме того, в мире насчитывается свыше 5 млрд. пользователей социальных сетей, что составляет 62,3% от общей численности населения мира [1].

Что касается Российской Федерации, то на начало 2024 года в стране насчитывалось 130,4 млн интернет-пользователей, когда проникновение интернета составляло 90,4%. В начале 2024 года в России было 106,0 млн. пользователей социальных сетей, что составляет 73,5% от общей численности населения. Между тем данные, опубликованные в инструментах планирования рекламы ведущих социальных сетей, показывают, что на начало 2024 года в России насчитывалось 91,50 млн. пользователей в возрасте 18 лет и старше, использующих социальные сети, что эквивалентно 80,1% от общей численности населения в возрасте 18 лет и старше. Среди пользователей социальных сетей 54,8% были женщины, а 45,2% – мужчины [11].

Результаты исследований Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ также свидетельствуют о ежегодном увеличении интернет-пользователей в России (рис. 1). Если в 2010 году те, кто пользовались интернетом каждый день составляли лишь 26% респондентов, то к концу 2022 года этот показатель достиг 84,9%. Динамика роста наблюдается и среди тех, кто пользовался интернетом «когда-либо» [7, с. 171].

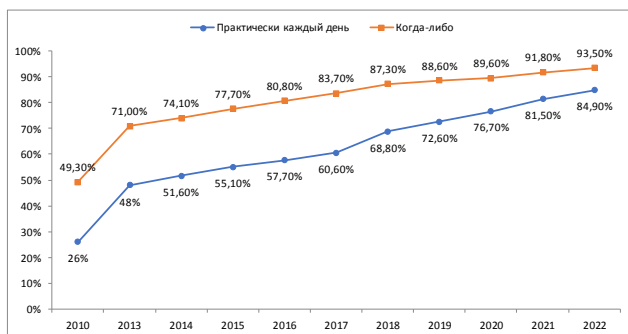

Рис. 1. Использование интернета населением, в % от общей численности населения в возрасте 15–74 лет

Как мы уже упоминали ранее, широкое и активное использование передовых технологий формирует новое цифровое пространство, при этом значительно видоизменяя уже существующее, создавая обширные возмож-

ности для развития нового экономического уклада, международного сотрудничества и конкуренции [12, с. 3].

Становится очевидным, что с одной стороны, цифровая трансформация раскрывает потенциал, способствующий быстрому экономическому росту и социальному развитию. Использование и развитие современных цифровых технологий способствует появлению новых форм организации труда, росту производительности, открывает возможности использования инноваций в области образования, здравоохранения, коммуникативного взаимодействия и социальной активности [9].

На наш взгляд, в условиях внешнеполитического и экономического западного давления, а также ускоренного процесса импортозамещения, данный аспект является стратегическим приоритетом, поскольку выступает частью цифрового государственного суверенитета.

По мнению ряда зарубежных экспертов, критерием эффективности цифровой трансформации публичного управления является создание дополнительной общественной ценности (либо ее изменение) в результате реализации государственных инициатив по цифровизации. Иными словами, о цифровой трансформации в государственном управлении можно говорить только в том случае, если те или иные инициативы по цифровизации привели к качественным изменениям в результативности – в характеристиках общественно значимого результата либо в составе получаемых результатов. При этом использование категории общественной ценности (public value) предполагает использование в том числе субъективных оценок для измерения таких изменений [13, с. 17]. В этой связи необходимо говорить об оценке цифровой зрелости публичного управления. Между тем, ряд отечественных экспертов считает, что «...в России внедрение новых цифровых технологий происходит хаотично, без должных обоснований, зачастую принудительно, методом «ковровой бомбёжки» [12, с. 4].

С каждым годом наибольшую популярность и востребованность набирает единый портал государственных услуг (ЕПГУ) как базовый способ взаимодействия граждан и государства. Согласно данным официальной статистики за по итогам 2023 года на портале было 109,7 млн подтвержденных учётных записей физлиц [15]. Портал Госуслуг входит в пятерку крупнейших российских экосистем по масштабу трафика, по числу активных пользователей. Поэтому крайне целесообразно усиливать работу по развитию электронных услуг и использованию таких передовых цифровых технологий как блокчейн, Smart-ID, технологии искусственного интеллекта. Вместе с тем, одним из главных направлений работы должно стать создание и внедрение электронных сервисов, «которые не только интегрируют наиболее важные и востребованные населением федеральные, региональные и муниципальные услуги, но и превращают услуги в проактивные и комплексные [2]. Еще одним приоритетом сегодняшнего дня в этой области, выступает необходимость подключения новых регионов РФ к российским государственным информационным системам и порталу «Госуслуги» на основе имеющихся готовых IT-решений и IT-технологий.

Усиливающаяся роль цифрового взаимодействия органов власти и населения подтверждается и данными Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. Данное исследование свидетельствует о том, что информационно-коммуникационные технологии и цифровые решения выступают, на сегодняшний день, уже базисом социального взаимодействия между гражданами и органами публичной власти (рис. 2) [7, с. 232].

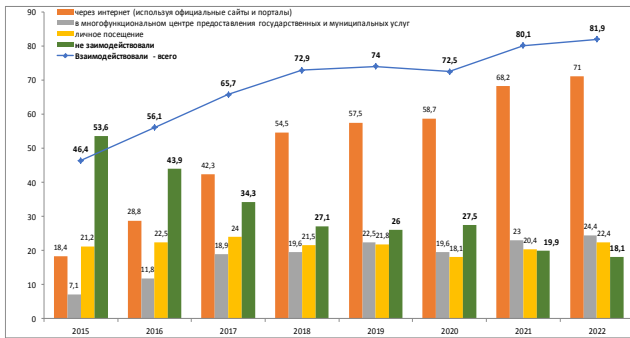

Рис. 2. Способы взаимодействия населения с органами публичной власти, в % от общей численности населения в возрасте 15–72 лет

Между тем, более детальный анализ показывает возрастные отличия среди получателей государственных и муниципальных услуг в электронной форме (табл. 1) [7, с. 236].

Таблица 1. Возрастные группы получателей государственных и муниципальных услуг в электронном виде, в %

Возраст, лет	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
15–19	82,0	88,6	89,9	92,4
20–24	86,8	88,7	92,9	94,5
25–29	88,5	91,0	93,6	94,4
30–34	86,4	91,5	93,5	94,9
35–39	88,0	90,9	93,0	94,4
40–44	85,5	88,7	92,4	92,9
45–49	83,0	86,8	89,9	91,5
50–54	77,8	79,8	85,8	88,7
55–59	69,3	72,1	80,2	83,0
60–72	48,1	50,8	60,7	62,6

Безусловно, лидирующие позиции принадлежат гражданам-получателям услуг в возрасте 20–44 лет. Данный факт вполне логичен и объясняется цифровой активностью данной группы, зачастую обладающей высоким уровнем цифровых компетенций. Самый низкий показатель у населения в возрасте 60–72 лет: лишь 62,6% граждан пожилого возраста являются получателями электронных государственных и муниципальных услуг. Зачастую это связано со снижением социальной активности, а также недостаточной цифровой грамотностью пожилых людей.

Данная тенденция находит отражение не только в направлении пользования государственными и муниципальными услугами в электронной форме, но и в целом в освоении других цифровых навыков. Если базовый уровень владения цифровыми навыками у представителей молодого поколения составляет по таким возрастным категориям как от 15 до 24, от 25 до 34, от 35 до 44 соответственно 39,5%, 37,8%, 35,7%, то после 45 лет этот показатель существенно снижается (в возрасте от 24 до 54–30,7%; от 55 до 54–20,0%; от 65 до 74–7,6%; от 75 и старше – 1,3%). Что касается молодого поколения, здесь можно смело констатировать тот факт, что для них цифровые технологии являются органической частью их жизни, в силу чего их уровень цифровой грамотности находится на профессиональной отметке, что коррелирует с ростом популярности IT-профессий.

Оценивая в целом уровень цифровой грамотности населения следует отметить, что по данным Аналити-

ческого центра НАФИ, за последний год в России стало на 4 п.п. больше людей с продвинутым уровнем цифровой грамотности. Общий же показатель цифровой грамотности в 2023 году остался аналогичным по сравнению с 2022 годом и составил 71 п.п. из 100 возможных [6].

Исследование показало, что высокие цифровые навыки у россиян проявляются в умении работать с онлайн-информацией и обработке данных. В сфере коммуникативной грамотности лучше всего граждане нашей страны справляются с использованием мобильных устройств для общения. Более того, проведенное исследование показало, что соотечественники достаточно неплохо владеют навыками настройки антивирусной защиты. А наибольшие трудности у россиян вызывает умение самостоятельно настраивать программное обеспечение, что вполне закономерно, т.к. эти навыки населения может получить только в рамках профессионального обучения. Однако, вопросы цифровой безопасности, в т.ч. защиты персональных данных, вкуче с низкой финансовой грамотностью, по-прежнему остаются открытыми и актуальными: здесь отчетливо прослеживается самый низкий уровень цифровой грамотности населения, особенно в вопросах цифровой безопасности. Несмотря на все предпринимаемые усилия со стороны государственных структур, недостаток достоверной и проверенной информации об эффективных методах защиты от цифровых угроз свидетельствует о явной недоработке в данном направлении, в т.ч. через средства массовой коммуникации.

Также нельзя не отметить ряд цифровых разрывов которые, несмотря на то, что Правительство РФ уделяет этой проблеме значительное внимание, по-прежнему сдерживают темпы цифровой технологической трансформации. Так, в ежегодных отчетах Правительства РФ Государственной Думе РФ М. Мишустин неоднократно подчеркивал необходимость работы по преодолению цифрового неравенства: «возможность пользоваться интернетом сегодня должна быть у каждого, независимо от того, где он проживает» [4]. Тем не менее, несмотря на всю проделанную Правительством РФ работу, по мнению аналитиков, уровень цифровой грамотности во многом определяется местом проживания. Этот факт подтверждается результатами исследований, где наглядно видно, что жители периферийных городов и сельских поселений обладают пониженным уровнем цифровой грамотности (на уровне 71 п.п.), а у жителей мегаполисов (Москва, Санкт-Петербург и другие города-миллионники) среднее значение индекса находится на уровне не ниже 75 п.п. Здесь приходится констатировать тот факт, что эта проблема остается актуальной, т.к. это связано с технологической доступностью сети Интернет в той или иной местности [6].

Безусловно, цифровая инклюзия в обществе несет в себе ряд рисков и выступает в качестве одной из угроз эффективного социального взаимодействия государства и общества в условиях цифровой трансформации. На наш взгляд, вопрос цифрового неравенства должен быть решен с возможностью сохранения аналоговых альтернатив цифровых сервисов и услуг до тех пор, пока в этом остается потребность у населения. А траектории цифрового обучения должны выстраиваться в соответствии с вызовами и актуализированными тенденциями цифровой трансформации социальной реальности и государственного управления [8, с. 65].

Таким образом, цифровая трансформация выступает основой для изменений институционального характера и возникновения возможностей для общества и государства, но и несет с собой новые, очень серьезные риски

и угрозы, как для прав и интересов человека и гражданина, так и для технологического суверенитета страны. В настоящее время до сих пор не сложилось однозначного понимания теоретико-методологических основ цифровизации публичного управления как общественно-правового явления, в связи с чем идет поиск научной концепции оптимальной модели взаимодействия общества и государства, делаются попытки прогнозировать изменение механизма правообразования и модели цифрового социального регулирования в условиях новой цифровой реальности.

Литература

1. DIGITAL 2024: глобальный обзорный отчет [Электронный ресурс]. – URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-global-overview-report> (дата обращения: 05.06.2024)
2. Василенко Л.А., Зотов В.В. Цифровизация публичного управления в России: риски, казусы, проблемы // Цифровая социология. – 2020. – № 2. – С. 4–16
3. Володенков С.В. Трансформация современных политических процессов в условиях цифровизации общества: ключевые сценарии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2020. – Т. 13. – № 2. – С. 6–24
4. Ежегодный отчет Правительства в Государственной Думе. [Электронный ресурс]. – URL: <http://government.ru/news/45073/> (дата обращения: 05.06.2024).
5. Ильичева М.В. Государство и институты гражданского общества: цифровая доминанта: монография. – М.: Издательство «Проспект», 2022. – 176 с.
6. Индекс цифровой грамотности-2023: в России стало немного больше людей с продвинутым уровнем цифровых компетенций [Электронный ресурс]. – URL: <https://nafi.ru/analytics/v-rossii-vyrosla-dolya-lyudey-s-prodvinutym-urovнем-tsirovoy-gramotnosti/> (дата обращения: 03.06.2024).
7. Индикаторы цифровой экономики: 2024: статистический сборник / В.Л. Абашкин, Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишнеvский, Л.М. Гохберг и др.; Нац. иссл. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: ИСИ-ЭЗ ВШЭ, 2024. – 276 с.
8. Мурзина И. А., Ретинская В.Н. Использование цифровых технологий в социальном взаимодействии государства и общества: проблемы и перспективы // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 4. – С. 64–66.
9. Ретинская В.Н., Мурзина И.А. Цифровая трансформация государственного управления в условиях изменяющейся социальной реальности: основные тренды и оценка эффективности. // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2022. – Т. 13. – № 1. – URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/47SCSK122.pdf> (дата обращения: 04.06.2024).
10. Российское общество и государство в условиях глобальной многополярности. Социально-политическое положение России в 2022 году: [монография] / Н.В. Березина, И.Я. Богданов, Н.М. Великая [и др.]; отв. ред. В.К. Левашов; ФНИСЦ РАН. – М.: ФНИСЦ РАН, 2023. – 549 с.
11. Состояние цифровизации в РФ в 2023 году [Электронный ресурс]. – URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-russian-federation> (дата обращения: 01.06.2024).
12. Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве. Доклад Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека. – Москва, 2021. – 124 с.
13. Цифровое будущее государственного управления по результатам / Е.И. Добролюбова, В.Н. Южаков, А.А. Ефремов, Е.Н. Клочкова, Э.В. Талапина, Я.Ю. Старцев. – М.: Издательский дом «Дело» РАН-ХиГС, 2019. – 119 с.
14. Чернышов А.Г. Цифровизация и технологизация общественной жизни как социально-политическая проблема: сохранение идентичности и роль государства в условиях развития глобальных сетей // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2017. – № 40. – С. 319–328
15. Число зарегистрированных на Госуслугах человек достигло 109,7 млн. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/945545> (дата обращения: 03.06.2024).

SOCIETY AND THE STATE IN THE DIGITAL REALITY OF MODERN RUSSIA

Murzina I.A., Retinskaya V.N.
Penza State University

As you know, the development of any technology entails changes in the state, economic and social structure. Digital technologies are no exception. And today we are talking not just about the introduction and use of digital technologies, but about the change of civilizational eras: the digital transformation of all spheres of life, the creation of a new reality – digital. Digital transformation has a significant impact on the methods of sociocommunicative interaction and generally implies institutional changes in the state and society.

The presented analysis showed that the role of the Internet in people's lives has grown significantly and the number of Internet users is increasing every year. This is manifested both in the creation of global ecosystems, new digital products, and in the elementary use of services through new information and communication technologies. It can be stated that as a result of the development of the Internet and new technologies, the digital world is becoming an integral part of the real one.

Despite the involvement of the population in the digital environment, the quality and speed of digital transformation will largely depend on the level of digital literacy of all its participants, which still remains insufficiently high due to a number of digital divides.

Thus, the issues of the substantive side of the digitalization of society and the state and the consequences of this process remain very ambiguous and require careful, thoughtful study by scientists, experts, and representatives of government bodies at all levels.

Keywords: digital reality, digital transformation of society, digitalization of the state, digital public services, digital skills, digital literacy.

References

1. DIGITAL 2024: global overview report [Electronic resource]. – URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-global-overview-report> (date of access: 05.06.2024)
2. Vasilenko L.A., Zotov V.V. Digitalization of public administration in Russia: risks, cases, problems // Digital sociology. – 2020. – No. 2. – P. 4–16
3. Volodenkov S.V. Transformation of modern political processes in the context of digitalization of society: key scenarios // Contours of global transformations: politics, economics, law. – 2020. – Vol. 13. – No. 2. – P. 6–24
4. Annual report of the Government to the State Duma. [Electronic resource]. – URL: <http://government.ru/news/45073/> (date of access: 06/05/2024).
5. Ilyicheva M.V. The state and institutions of civil society: digital dominant: monograph. Moscow: Prospect Publishing House, 2022. – 176 p.
6. Digital Literacy Index-2023: there are slightly more people with an advanced level of digital competencies in Russia [Electronic resource]. – URL: <https://nafi.ru/analytics/v-rossii-vyrosla-dolya-lyudey-s-prodvinutym-urovнем-tsirovoy-gramotnosti/> (date of access: 06/03/2024).
7. Digital economy indicators: 2024: statistical collection / V.L. Abashkin, G.I. Abdrakhmanova, K.O. Vishnevsky,

- L.M. Gokhberg et al.; Nat. res. un-t "Higher School of Economics". – M.: ISSEK HSE, 2024. – 276 p.
8. Murzina I. A., Retinskaya V.N. Use of digital technologies in social interaction of the state and society: problems and prospects // Humanities, socio-economic and social sciences. – 2022. – No. 4. – P. 64–66.
 9. Retinskaya V. N., Murzina I.A. Digital transformation of public administration in the context of changing social reality: main trends and assessment of effectiveness. // World of science. Sociology, philology, cultural studies. – 2022. – V. 13. – No. 1. – URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/47SCSK122.pdf> (date of access: 04.06.2024).
 10. Russian society and state in the context of global multipolarity. Socio-political situation of Russia in 2022: [monograph] / N.V. Berezina, I. Ya. Bogdanov, N.M. Velikaya [et al.]; ed. V.K. Levashov; FNISC RAS. – M.: FNISC RAS, 2023. – 549 p.
 11. State of digitalization in the Russian Federation in 2023 [Electronic resource]. – URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-russian-federation> (date accessed: 01.06.2024).
 12. Digital transformation and protection of citizens' rights in the digital space. Report of the Presidential Council of the Russian Federation for the Development of Civil Society and Human Rights. – Moscow, 2021. – 124 p.
 13. Digital future of public administration based on the results / E.I. Dobrolyubova, V.N. Yuzhakov, A.A. Efremov, E.N. Klochkova, E.V. Talapina, Ya.Yu. Startsev. – M.: Publishing house "Delo" RANEPА, 2019. – 119 p.
 14. Chernyshov A.G. Digitalization and technologization of public life as a socio-political problem: preserving identity and the role of the state in the context of the development of global networks // Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science. – 2017. – No. 40. – P. 319–328
 15. The number of people registered on State Services has reached 109.7 million. [Electronic resource]. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/945545> (date of access: 03.06.2024).

Структуры умного управления (smart governance): функциональные области как составляющие интеллектуальной управленческой деятельности

Ушаков Евгений Владимирович,

к.ф.н., доцент кафедры государственного и муниципального управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС Санкт-Петербург)
E-mail: e_uszakow@mail.ru

Статья посвящена становящейся научно-практической парадигме умного, или разумного управления (smart governance). Умное управление представляет собой подход к управленческой деятельности, широко использующий современные технологические средства. В настоящее время формирование систем смарт-управления происходит на различных уровнях, но наиболее активно – на уровне городского управления (что выражается прежде всего в движении умных городов). Важнейшей научно-практической задачей является определение основных структур умного управления. В статье предлагается подход к структуризации умного управления посредством выделения основных функциональных областей, или полей: интеллектуального (аналитического), технологического, организационного. Данная структуризация может быть полезна как для планирования и развития систем умного управления, так и для дальнейшего продвижения smart governance как новой управленческой парадигмы.

Ключевые слова: публичное управление, интеллектуальные системы, цифровизация управления, парадигмы управления, умные города, хорошее управление

В настоящее время во многих странах оживленно обсуждается идея умного, или разумного управления (smart governance). Данное понятие рассматривается в контексте поиска новых моделей, форм, теорий управления, адекватных реалиям XXI века. В некотором смысле уже можно говорить о новой возникающей *научно-практической парадигме*, которая включает в себя и теоретические обсуждения, и разнообразные практические разработки, предложения, инициативы и проекты.

С теоретической стороны эта парадигма вбирает в себя множество концепций (во многом пересекающихся), которые должны обеспечить ей разностороннюю концептуальную поддержку. К теоретическим основаниям парадигмы смарт-управления можно отнести, в частности, теории правления, или руководства (governance) (в том числе хорошего управления, good governance), политических сетей, делиберативной демократии (Дж. Драйзека и др.), политического процесса (policy process), общества знаний, экономики знаний, сетевого общества, электронного правительства, электронной демократии и др. Однако в целом теоретические основания умного управления еще подлежат полноценной разработке.

Что представляет собой концепт умного управления? В наиболее свободном (и одновременно осторожном) смысле под smart governance можно понимать широкую совокупность предпринимаемых мер по достижению более совершенного уровня управления – прежде всего, за счет повышения его интеллектуальной составляющей (что бы под этим ни понималось). Это, собственно говоря, и отражается в термине «смарт» (умный, разумный, интеллектуальный и т.п.).

На современном этапе отчетливо оформились два течения в разработке и развитии концепции умного управления: социально-гуманитарное и информационно-технологическое [1].

Социально-гуманитарный подход к умному управлению ориентирован в большей степени на понимание smart governance как сложной совокупности тенденций в области развития политики, управления, демократии, организационных форм, различных общественных институтов и секторов, а также общества в целом.

Второй подход (который является пока намного более развитым) акцентирует внимание на бурном развитии передовых технологий, в связи с которым появляется множество новых возможностей, а также возникают разнообразные благоприятные следствия (политические, социальные, культурные и др.). В этом течении речь идет прежде всего о высоких технологиях, которые включают такие новейшие достижения (взаимодействующие и пересекающиеся), как облачные вычисления, интернет вещей, высокоскоростная мобильная связь, беспроводные сенсорные сети, большие данные, нейронные сети, системы поддержки решений и т.п. Эти технологии служат основой для создания интеллектуальных (или «смарт») инфраструктур.

Имеется немало определений разумного управления. Известный немецкий исследователь Х. Вильке определяет smart governance как комплекс принципов, факторов и возможностей, которые образуют форму управле-

ния, способную соответствовать условиям и требованиям становящегося общества знаний [2, p. 165]. В его концепции разумное управление представляет собой некий коллективный, распределенный интеллект, обладающий высокой системной организацией и способный обучаться, находить новые решения, обеспечивать жизнестойкость социальных систем.

Согласно еще одному определению, разумное управление – это умные, открытые и гибкие государственные институты, а также участие заинтересованных сторон и сотрудничество на всех уровнях и во всех ветвях процесса управления [3], [4, p.800–801].

Определения smart governance в ракурсе информационно-технического подхода подчеркивают прежде всего технологическую составляющую умного управления. Например, согласно Н. Уолрейвенсу, smart governance можно понимать как процесс принятия решений и процесс, посредством которого решения реализуются (или не реализуются), с использованием сетевых технологий [5, p. 125].

В статье [6] приведено множество определений разумного управления, которые проанализированы согласно нескольким основным характеристикам: опора на ICT, на внешнее сотрудничество и участие, на внутреннюю координацию, на принятие решений, на e-администрацию и на ожидаемые результаты.

Два подхода к интерпретации умного управления вполне совместимы с точки зрения стремления к ожидаемым социальным последствиям [1], так что различия между ними состоят в основном в расстановке определенных акцентов.

Формирование систем smart governance происходит (и должно происходить) на различных уровнях управления. Наиболее развитым в этом отношении сегодня является уровень городов (муниципального управления), что проявляется в широкомасштабном движении умных городов (Smart City). В обширной литературе по умным городам smart governance рассматривается как один из ключевых элементов собственно проекта умного города [7]. В этой связи умное управление часто отождествляется с управлением умным городом и обозначается термином smart urban governance.

Как указывается в литературе, «разумность» (smartness) городского управления означает такие качества, как прогрессивность, готовность к будущему, инновации, преобразования, качество жизни и ориентированные на устойчивое развитие подходы к управлению с использованием современных информационно-коммуникационных технологий в самой их основе [8, p.22].

При этом следует отметить, что масштабный проект по развертыванию умных городов сегодня начинает приобретать более обширные формы: речь идет уже о создании в перспективе умных территорий и целых регионов [9].

Умное управление может также выстраиваться на государственном и надгосударственном уровне. Так, в концепции Х. Вильке рассматриваются формы разумного управления глобального предназначения [2].

С нашей точки зрения, smart governance характеризуется прежде всего способностью использовать адекватные управленческие средства для решения различных проблем. При этом разумное управление само обладает «необходимым разнообразием» (согласно классическим идеям У. Эшби). Это управление гибкое, способное комбинировать ресурсы и формировать работающие управленческие комплексы. Данные свойства позволяют управляющим структурам решать задачи высокой степени сложности.

Разумное управление обладает таким качеством, как умение осуществлять внутренние настройки, корректировки управленческой деятельности, т.е. является высоко адаптивным.

Таким образом, smart governance означает выход на более высокий уровень (с точки зрения уровневой организации), или *мета-уровень* управления, на котором осуществляется «управление управлением», т.е. происходит руководство внутренними управленческими процессами, формами, технологиями и т.п. Точнее, разумное управление охватывает как уровень текущего управления (непосредственная обработка данных, принятие решений, решение задач и т.п.), так и более высокий (мета-уровень).

Для примера можно отметить (хотя это немного другая тема), что понимание «разумности» (smartness) как умения комбинировать применяемые инструменты было сформулировано также и по отношению к внешней политике. Так, американским политологом Джозефом Наем (J.S. Nye) был предложен термин «умная сила» (smart power), означающий комбинацию «жесткой силы» и «мягкой силы» [10]. В этой связи американский исследователь Э. Вильсон дает определение умной силы как способности субъекта сочетать элементы жесткой и мягкой силы таким образом, чтобы они взаимно усиливали друг друга и способствовали эффективному достижению целей субъекта [11, p. 115].

Разумеется, термин «smart governance» можно использовать в различных контекстах. Однако, с нашей точки зрения, формирование систем умного управления в полноценном смысле (т.е. использующих современные технологические средства и т.п.) возможно и необходимо при наличии двух условий. Во-первых, это присутствие сложных проблем, которые в зарубежной литературе обозначаются как высоко комплексные (messy) и порочные, резистентные (wicked); собственно, наличие таких высоко сложных проблем и вынуждает создавать адекватные для их решения управляющие системы. Во-вторых, это наличие достаточного количества ресурсов различной природы, которые позволяют выстроить эффективно функционирующие адаптивные структуры и формы разумного управления.

Фундаментальной целью структур smart governance является не только обеспечение жизнестойкости управляемых (или руководимых) социальных систем, но также их социальное, экономическое, политическое, культурное развитие, обладающее необходимыми качествами сбалансированности, устойчивости и т.п.

Важнейшей задачей (имеющей и теоретическое, и практическое значение) становящейся парадигмы разумного управления является выделение и характеристика основных структур smart governance. Например, в работе Э. Джонстона и Д. Хансена было введено понятие инфраструктур разумного управления. Под этим понимается совокупность технологий, людей, политик, практик, ресурсов, норм и информации, которые взаимодействуют для обеспечения управленческой деятельности [12]. Данное понятие приобрело широкую популярность и часто цитируется в литературе.

Мы предлагаем концептуализировать возникающие системы умного управления в ракурсе *функциональных областей* (или полей) по аналогии с функциональными областями (или областями знаний) в проект-менеджменте.

Данные области участвуют в управленческой деятельности одновременно, при этом каждая обладает собственной спецификой. Благодаря их взаимодействию порождается необходимое разнообразие управленческих конфигураций, позволяющее производить

надлежащие выборы средств и эффективную коррекцию управленческой деятельности.

Итак, к основным функциональным полям разумного управления можно отнести: интеллектуальное (аналитическое), технологическое и организационное.

В зависимости от конкретного уровня управления и стоящих перед ним задач, тем или иным функциональным полям может придаваться большее значение, т.к. умное управление представляет собой в известной степени управление конфигурационное, т.е. способное формировать определенные комплексы целей и средств. Так, на уровне городов и территорий приоритетное значение могут приобретать такие вопросы, как вовлечение общественности для решения вопросов местного значения, совместная разработка политики, формы участия в осуществлении крупных инфраструктурных проектов и т.п.

На национальном уровне умное управление может концентрироваться прежде всего на решении высокоуровневых задач, для чего, в частности, требуется развитое предвидение, а также стратегически ориентированное, опережающее мышление (и основанная на нем государственная политика). С технической стороны разумное управление государственного уровня должно эффективно управлять огромным количеством информации.

Согласно определению J.R. Gil-Garcia, умное государство (smart state) – это новая форма электронного управления, в которой используются передовые информационные технологии для объединения и интеграции информации, процессов, институтов и физической инфраструктуры для лучшего обслуживания граждан и обществ [13, p. 274].

Интеллектуальная составляющая разумного управления (которая является/должна являться основной) может быть широко определена как совокупность интеллектуальных ресурсов (способностей), подсистем, процессов, отвечающих за основополагающие концептуально-аналитические действия и результаты (решения, оценки, суждения, выводы, прогнозы, политики, стратегии и т.п.).

Возможности для повышения степени «разумности» управления сегодня формируются в возрастающей степени благодаря широкому продвижению науки, технологии, практического опыта.

Само по себе концептуальное поле разумного управления включает множество составляющих, что оставляет пространство для его дальнейшей структуризации (структуризации).

В частности, в рамках данной функциональной области можно выделить следующие способности / процессы: понимание природы проблем, предвидение, формирование стратегий и тактик действия в условиях неопределенности и рисков. В идеале данные компоненты должны взаимно усиливать друг друга.

1. Так, фундаментальное значение имеет глубина понимания социальных проблем, подлежащих решению; эта тема сама по себе остается недостаточно разработанной с теоретической точки зрения. Проблема, например, может относиться к классу скрытых (латентных) проблем, что может быть вызвано различными факторами. В частности, латентная проблема может иметь низкие (субпороговые) темпы развития и проявления. Еще одним примером сложных для решения проблем являются проблемы (и их следствия) высоко контингентные, т.е. имеющие мало предсказуемый характер. Однако, как правило, у высоко случайных событий (и порождающих их проблем) всегда имеется предшествующие системные предпосылки, из чего вытекают интеллектуальные

задачи по выявлению этих предпосылок и распознаванию ранних признаков нарастания риска.

2. Предвидение – эта способность отличается от создания прогнозов (которые имеют более структурированный и уточненный характер); предвидение можно предварительно определить как общее понимание того, что может произойти или «к чему все ведет» (распознавание общей тенденции, ситуационной логики и т.п.). Разумно предположить, что, чем лучше понимание природы проблемы, тем лучше и степень предвидения ее развития и проявлений.

3. К данному функциональному полю относится также способность разрабатывать стратегии и тактики совладания с неопределенностями и рисками, а также проектировать многозадачные комплексы управленческой деятельности, поскольку «прямые» цели могут быть недостижимы в отношении высоко сложных проблем. Как правило, такие проблемы могут быть лишь «смягчены» (mitigation – термин, часто использующийся в зарубежной литературе), или уменьшены с точки зрения их масштаба и последствий.

Организационная функциональная область разумного управления отвечает за создание, выбор, изменение и т.п. организационных форм, входящих в ту или иную конфигурацию управленческой деятельности и реализующих определенные стратегии, программы и т.п., а также участвующих в интеллектуальной деятельности самого smart governance. Иными словами, ответственность данного функционального поля состоит в решении вопросов о том, кто конкретно из организационных акторов будет решать данную проблему, и каковы будут связи и взаимодействия между организационными структурами. Следует отметить, что данное поле функционирует не только посредством решений управляющего центра (если он есть), но, как правило, может обладать существенным потенциалом самоорганизации.

Данная область включает обширную совокупность процессов, решений, событий и т.п. В частности, здесь решаются такие задачи, как организационное проектирование и перепланирование, установление и изменение межорганизационных связей (и даже создание целых организационных кластеров) и т.п.

Технологическая функциональная область разумного управления основана на динамично развивающейся совокупности новых технических достижений. Для удовлетворения потребностей данной области на сегодняшний день имеется огромное количество технологических инноваций, примерами которых могут служить различные средства искусственного интеллекта, программы обработки больших данных, распознавания закономерностей в массивах данных (Data mining), интегрированные базы микроданных, а также платформы е-правительства, краудсорсинговые платформы, новые системы поддержки партисипаторного планирования и многое другое.

Данная область представляет собой совокупность инфраструктур для обеспечения мощной поддержки интеллектуальной и организационной областей, а также для решения других задач. Именно на технологической составляющей в основном фокусируется сегодня внимание в массиве литературы по умному управлению (особенно в связи с темой умных городов).

Новые технологии позволяют решать обширный спектр задач – от таких усложненных, как прогнозы и предсказания (предсказательная аналитика), выявление паттернов в данных, непрерывный мониторинг среды (например, в сенсорных системах умных городов) до таких, как обеспечение активного участия граждан в разработке политик, принятии решений, планировании и т.д.

Например, в одной статье описан потенциал решения напряженных социальных проблем (в частности,

проблем интеграции деревенских мигрантов в жизнь городов Китая) посредством веб-систем поддержки планирования (на основе геоинформационных систем, Soft-GIS), что расценивается авторами как применение умного управления [14].

Выбор определенных технических средств из обширного многообразия, их объединение в определенные комбинации или системы, а также интеграция этих технологий с общим управленческим контекстом зависят от уровня управления, конкретных задач, степени сложности решаемых проблем и других факторов.

Помимо основных функциональных областей умного управления, можно выделять и дополнительные, которым в определенных ситуациях тоже может придаваться существенное значение. Мы кратко рассмотрим два дополнительных поля – политическое и административное; однако список дополнительных полей при необходимости может быть расширен.

Политическое функциональное поле в одних ситуациях может неявно присутствовать как общий рамочный или «фоновый» контекст; в других – может быть задействовано эксплицитным образом.

В первом приближении под политическим полем можно понимать двустороннее взаимодействие структур управления с более широким общественным контекстом. Это взаимодействие может иметь различные проявления. На фундаментальном уровне происходит соотнесение и согласование управленческой деятельности с основополагающими политическими ценностями и нормами, в том числе осуществляется базисное целеполагание на их основе. Кроме того (это уже более тактически ориентированный уровень), это может быть общественная поддержка управленческой деятельности, ее программ и проектов. В определенных обстоятельствах могут понадобиться активные действия для получения необходимой политической поддержки (для чего могут применяться стратегии адвокации, информационная политика и т.п.).

Для нужд управления могут потребоваться также привлечение граждан и структур гражданского общества к участию в определенных процессах, организация целенаправленной совместной деятельности и т.п. Действительно, во многих случаях потенциал участия общественности необходим для успешной реализации тех или иных стратегий или программ.

Работу разумного управления в данном поле можно широко (и с достаточной степенью условности) охарактеризовать как *политику управления*.

Административная функциональная область включает совокупность административных процессов, форм, правил, решений и т.п. Прежде всего, они могут играть конститутивную роль, т.е. закреплять и регулировать определенные аспекты деятельности разумного управления, его конкретные конфигурации. Кроме того, административная область может поддерживать реализацию тех или иных стратегий, программ, проектов и т.д., обеспечивать для них необходимые процедуры и механизмы: например, регулярной отчетности и подотчетности, транспарентности, обмена информацией, проведения рабочих сессий, принятия решений и т.п.

Итак, деятельность разумного управления можно структурировать посредством трех основных функциональных областей (интеллектуальной, организационной, технологической) и, при необходимости, путем введения дополнительных полей (например, политического, административного и др.). Данная концептуализация может использоваться для разработки различных инициатив, программ, конкретных проектов, направленных на совершенствование структур управления. Технологиче-

ская поддержка, интеллектуальные способности и процессы, а также организационное обеспечение – триада основных вопросов, рассматриваемых и решаемых при планировании, оценке и развитии структур и процессов smart governance.

Кроме того, данная структуризация может быть полезной для прояснения самой сущности разумного управления и его основных компонентов, что немаловажно для дальнейшего развития smart governance как становящейся новой научно-практической управленческой парадигмы.

Литература

1. Ушаков Е.В. Умное управление (smart governance): поиск эффективных структур современного публичного управления // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 6. С. 222–225.
2. Willke H. Smart governance: governing the global knowledge society. Frankfurt, Campus Verlag, 2007
3. Scholl H. J., Scholl M.C. Smart Governance: A Roadmap for Research and Practice // iConference 2014 Proceedings, 2014 (p. 163–176). doi:10.9776/14060
4. Lin Y. A comparison of selected Western and Chinese smart governance: The application of ICT in governmental management, participation and collaboration. Telecommunications Policy, 2018, 42(10), 800–809.
5. Walravens N. Mobile business and the smart city: Developing a business model framework to include public design parameters for mobile city services // Journal of Theoretical and Applied Electronic Commerce Research, 2012, 7, 121–135.
6. Bolivar M. P. R., Mejer A.J. Smart Governance: Using a Literature Review and Empirical Analysis to Build a Research Model // Social Science Computer Review, 2016, 34 (6), 673–692
7. Giffinger R., Fertner C., Kramar H., Kalasek R., Pichler-Milanovic N., Meijers E. Smart Cities – Ranking of European medium-sized cities. Vienna University of Technology, 2007
8. Scholl H. J., AlAwadhi S. Creating Smart Governance: The Key to Radical ICT Overhaul at the City of Munich // Information Polity, 2016, 21(1), pp. 21–42
9. Morandi C., Rolando A., Vita S. Di. From Smart City to Smart Region: Digital Services for an Internet of Places. Springer Cham, 2016
10. Nye J.S. The Powers to Lead. Oxford, Oxford University Press, 2008
11. Wilson E. J. III. Hard Power, Soft Power, Smart Power // The Annals of the American Academy of Political and Social Science, 2008. Vol. 616, Public Diplomacy in a Changing World (Mar., 2008), pp. 110–124
12. Johnston E.W., Hansen D.L. Design lessons for smart governance infrastructures // Transforming American governance: Rebooting the public square. Routledge, 2011. Pp.197–212.
13. Gil-Garcia J. Towards a smart state? Inter-agency collaboration, information integration and beyond // Information Polity, 2012, 17, 269–280.
14. Lin Y., Zhang X., Geertman S. Toward smart governance and social sustainability for Chinese migrant communities. Journal of Cleaner Production, 2015, 107, 389–399.

SMART GOVERNANCE STRUCTURES: FUNCTIONAL AREAS AS COMPONENTS OF INTELLIGENT GOVERNING ACTIVITIES

Ushakov E.V.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA St. Petersburg)

The article is devoted to the emerging scientific and practical paradigm of smart governance. Smart governance is an approach to governance activities that makes extensive use of modern technological resources. Currently, the formation of smart governance systems takes place at various levels, but most actively at the level of urban governance (which is expressed primarily in the movement of smart cities). The important scientific and practical task is to determine the basic structures of smart governance. The article proposes a framework for structuring smart governance by distinguishing the main functional areas or fields: intellectual (analytical), technological, organizational. This conceptualization can be useful both for planning and developing smart governance systems, and for further advancement smart governance as a new governance paradigm.

Keywords: public administration, intelligent systems, digitalization of governance, governance paradigms, smart cities, good governance

References

1. Ushakov E.V. Smart governance: search of effective structures of modern public administration // *Social and humanitarian knowledge*. 2024. № 6. P. 222–225.
2. Willke H. Smart governance: governing the global knowledge society. Frankfurt, Campus Verlag, 2007
3. Scholl H. J., Scholl M.C. Smart Governance: A Roadmap for Research and Practice. // *iConference 2014 Proceedings*, 2014 (p. 163–176). doi:10.9776/14060
4. Lin Y. A comparison of selected Western and Chinese smart governance: The application of ICT in governmental management, participation and collaboration // *Telecommunications Policy*, 2018, 42(10), 800–809.
5. Walravens N. Mobile business and the smart city: Developing a business model framework to include public design parameters for mobile city services // *Journal of Theoretical and Applied Electronic Commerce Research*, 2012, 7, 121–135.
6. Bolivar M. P. R., Mejer A.J. Smart Governance: Using a Literature Review and Empirical Analysis to Build a Research Model // *Social Science Computer Review*, 2016, 34 (6), 673–692
7. Giffinger R., Fertner C., Kramar H., Kalasek R., Pichler-Milanovic N., Meijers E. Smart Cities – Ranking of European medium-sized cities. Vienna University of Technology, 2007
8. Scholl H. J., AlAwadhi S. Creating Smart Governance: The Key to Radical ICT Overhaul at the City of Munich // *Information Polity*, 2016, 21(1), pp. 21–42
9. Morandi C., Rolando A., Vita S. Di. From Smart City to Smart Region: Digital Services for an Internet of Places. Springer Cham, 2016
10. Nye J.S. The Powers to Lead. Oxford, Oxford University Press, 2008
11. Wilson E. J. III. Hard Power, Soft Power, Smart Power // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 2008. Vol. 616, Public Diplomacy in a Changing World (Mar., 2008), pp. 110–124
12. Johnston E.W., Hansen D.L. Design lessons for smart governance infrastructures // *Transforming American governance: Rebooting the public square*. Routledge, 2011. Pp.197–212.
13. Gil-Garcia J. Towards a smart state? Inter-agency collaboration, information integration and beyond // *Information Polity*, 2012, 17, 269–280.
14. Lin Y., Zhang X., Geertman S. Toward smart governance and social sustainability for Chinese migrant communities // *Journal of Cleaner Production*, 2015, 107, 389–399.

Модели формирования экологического сознания молодежи в современных реалиях России: управленческий аспект

Митрошкин Константин Викторович,

Аспирант Российского государственного социального университета
E-mail: mitrosh@mail.ru

Фомичева Татьяна Владимировна,

Канд. социол. наук, доцент кафедры современного государственного и муниципального управления Российского государственного социального университета
E-mail: fomitchevatv@mail.ru

В статье рассматриваются результаты исследований относительно восприятия экологической проблематики молодежью, в том числе актуальные данные «Национального экологического рейтинга» регионов РФ. Проведенное исследование позволяет говорить об «антропоцентричности» экологического сознания современной молодежи в условиях формирующейся экологической культуры. В статье также описаны перспективы формирования гражданского самосознания и этико-экологической позиции в рамках возможных моделей формирования экологического образования и стратегии формирования экологической культуры молодежи РФ для обеспечения устойчивого развития страны. По итогам анализа предложены три модели формирования экологического сознания. Превалирующий акцент в публикации сделан на тенденциях в развитии экологического сознания молодежи в современном мире и аспектах экологического сознания, которые наиболее важно развивать у молодого поколения.

Ключевые слова: экологическое сознание молодежи, экологические движения, формирование экологической культуры, ценностные ориентации молодежи, глобализация.

Введение

На настоящем этапе развития общественных отношений экономика, политика и другие подсистемы социума тесно зависят от экологии. Множественные эмпирические исследования показывают, что проблемы экологии легко выносятся наружу в контексте социальных и экономических изменений даже при условии наличия негативного воздействия на экологию. При этом бытовые вопросы «перекрывают» вопросы экологии, которые ориентированы на дальнюю перспективу. Многие опросы показывают, что современная молодежь понимает, что условия существования человека в природе должны быть согласованы с потребностями самой природы. Но, к сожалению, далеко не самый высокий процент респондентов готов рационально и глубоко задумываться над экологическими проблемами. Исследование центра «Фидбэк», проведенное в конце 2022 года на онлайн-ресурсах показало, что порядка 83% респондентов выражают свою обеспокоенность проблемами экологии в контексте прагматизма, отдавая предпочтение в анализе состоянию воды и воздуха, а также окружающей среды в целом [4]. Среди молодежи наблюдается растущая обеспокоенность экологическими проблемами, такими как загрязнение воздуха, накопление мусора, ухудшение состояния водоемов, при этом менее заметной остается обеспокоенность о сохранении редких животных и охране растений. Это свидетельствует о доминировании антропоцентрического подхода в экологической повестке молодого поколения, т.к. вышеуказанные исследования доказывают, что современную молодежь интересуют вопросы качества жизни, а не экологической повестки в целом. Важно расширять экологическое сознание молодежи, показывая важность сохранения биоразнообразия и экосистем для устойчивого развития планеты. [9, с. 1818–1822]. Нетрудно отметить тот факт, что современная молодежь знает и положительно относится к отдельной утилизации мусора, но при качественных опросах также выясняется, что сами они редко прибегают к этому способу утилизации. Инициативные действия молодежи базируются на организуемых различными вузами или другими площадками мероприятиями, при этом множество людей считает, что немаловажен и законодательный путь в процессе преодоления экологического кризиса, в том числе объединение усилий всех государств для решения экологических проблем. Угроза здоровью, связанная с экологическими проблемами, становится важным фактором, способствующим осознанию молодежи значимости охраны окружающей среды. Многие вопросы экологии, такие как загрязнение воздуха и воды, изменение климата, напрямую влияют на физическое и психическое состояние людей. Поэтому крайне важно развивать экоцентрическое сознание и этикоэкологическую позицию среди молодых людей. Это не только поможет сформировать ответственный подход к природе, но и станет основой для активного участия в охране окружающей среды. Регулярное экологическое просвещение в учебных заведениях и через средства массовой информации, акцентирующее внимание на рисках для здоровья, способно вдохновить новые поколения россиян на активные действия в поль-

зу планеты. Понимание взаимосвязи между здоровьем и экологической ситуацией побуждает молодых людей к активным действиям. Для более глубокого вовлечения молодежи в охрану окружающей среды необходимо создать специальные условия. Это можно сделать через образовательные учреждения, организуя экологические программы и инициативы, которые помогут сформировать у молодежи ответственное отношение к природе [11, с. 82–85].

Методы

Контент-анализ, анализ документов, компаративный метод.

Результаты

27 декабря 2023 года Общероссийской общественной организацией «Зеленый патруль» был опубликован «Национальный экологический рейтинг» регионов РФ по итогам осени 2023 г [6]. Этот рейтинг издается ежегодно с 2007 года, является своего рода «маркером» экологической ситуации в стране и выделяет основные проблемы и достижения в данной сфере. Составление рейтинга основывается на информации от МЧС, данных региональных средств массовой информации, а также материалах, подготовленных Гидрометцентром России. В этом квартале особенно отмечен вклад Челябинской и Московской областей, где были успешно ликвидированы объекты, наносящие вред экологии. В Красноярском крае власти запустили два новых проекта, цель которых – улучшение состояния окружающей среды. «Серная программа» должна помочь в решении проблемы загрязнения, а проект «Чистый воздух» направлен на снижение уровня загрязняющих веществ в атмосферном воздухе. Топ-10 лидеров рейтинга представлены в таблице ниже (см. таблицу 1).

Таблица 1. Экологический рейтинг субъектов РФ. Расчетный период 01.09.2023–30.11.2023 [6]

№	Регион РФ	Природоохранный индекс	Сводный индекс
1	Тамбовская область	78/22	81/19
2	Белгородская область	72/28	81/19
3	Республика Алтай	77/23	79/21
4	Курская область	74/26	79/21
5	Москва	40/60	77/23
6	Чувашская Республика	67/33	77/23
7	Чеченская Республика	69/31	77/23
8	Чукотский АО	57/43	76/24
9	Калужская область	67/33	76/24
10	Ненецкий АО	67/33	76/24

В соответствии с Концепцией национальной безопасности РФ низкий уровень экологической культуры общества является одной из причин постоянного ухудшения экологической ситуации в стране. Эколого-

ответственное мировоззрение должно формироваться прежде всего в воспитании экологической культуры молодежи.

Несмотря на предпринятые усилия со стороны государственных и общественных организаций (Совета Федерации и Государственной Думы РФ), целевые региональные программы для улучшения ситуации, реальное состояние окружающей среды продолжает вызывать серьезные опасения. Молодежь становится не только свидетелем экологического кризиса, но и его непосредственным участником. В то время как предыдущие поколения уже упустили множество возможностей для изменения ситуации, именно молодые люди имеют шанс изменить курс, если они будут хорошо информированы и активны в области экологии. Знания, полученные в образовательных учреждениях, должны поддерживаться практическим опытом – волонтерскими проектами, акциями по очистке территорий, а также участием в экологических движениях. Ответственность за образование молодежи лежит на взрослых, и они должны поддерживать инициативы, исходящие от молодежи, создавая условия для их реализации. Однако многие сталкиваются с трудностями, связанными с безразличием и сопротивлением со стороны общества.

Среди основных моделей формирования экологического сознания можно выделить три следующие модели:

- модель экологической культуры через экологическое просвещение молодежи
- модель, в которой экологическое образование является элементом устойчивого развития в рамках единства социально-экономических проблем: образа и стиля жизни человека, его здоровья, качества жизни и др.
- модель, в рамках которой экологическая компетентность является основополагающим компонентом профессиональной деятельности специалиста. Экологическая грамотность молодежи и любого молодого специалиста – основа для становления экологически грамотных людей, где на законодательном уровне не только внедряются различные нормативно-правовые документы, но и реализуются полноценно на практике [8].

Наряду с антропоцентричностью молодежи в вопросах экологии важно отметить, что экологическое сознание у молодежи в основном детерминировано эмоциями – тревогой и беспокойством за будущее планеты. Однако, несмотря на наличие этих чувств, зачастую отсутствует конкретная готовность к действиям или достаточные знания о том, как именно можно помочь решить экологические проблемы. Это свидетельствует о слабом развитии когнитивных и социально-нормативных компонентов экологического сознания. Молодежь может чувствовать ответственность, но не понимать, как ее реализовать на практике. Необходимо выяснить, насколько молодежь готова активно участвовать в экологических мероприятиях. Оценка поведенческого компонента экологического сознания станет важным шагом на пути к более активному вовлечению молодого поколения в решение экологических вопросов.

Несмотря на общий антропоцентрический подход к восприятию окружающей среды, молодое поколение проявляет активный интерес к экологическим вопросам, участвуя в акциях, протестах и образовательных инициативах, основываясь именно на эмоциональной компоненте, на стремлении к изменениям, что подчеркивает важность общественного мнения, которое влияет на социальные и политические процессы. Активность молодежи может стать катализатором для принятия необходимых законов и программ, сопоставимых по значимости с экономическими и бизнес-решениями. Общество спо-

собою изменить мир к лучшему, если объединит усилия для защиты природы. Выделение молодежи в контексте проблем экологического сознания позволяет говорить о выраженности активной жизненной позиции и готовности к инициированию решения острых проблем и самовольному участию в них. Говоря о молодежи в возрасте от 14 до 35 лет, можно сказать об особой мировоззренческой адаптивности и гибкости, времени, когда происходит переоценка ценностей, о нравственных и духовных ориентирах и приоритетах, что формирует общую позицию молодежи [5, с. 127–135].

Гражданское самосознание последних 5–10 лет свидетельствует о том, что молодежные экологические движения стали очень популярными, люди объединяются для достижения общих целей, таких как защита природы, деятельность различных организаций набирает обороты, энтузиазм охватывает не только Москву и Санкт-Петербург, но и другие регионы России. При этом природоохранное движение общества прошло различные исторические этапы: от возникновения Дружины по охране природы (ДОП) в МГУ им. М.В. Ломоносова в 1960-х годах до отсутствия информационной поддержки и низкого уровня жизни граждан после распада Советского Союза, а также до современного периода, когда экологическое движение вышло на новую политическую арену и переживает мощный виток в развитии наряду с некоторыми скептическими настроениями в обществе [2, с. 165].

Положительная динамика взаимодействия общества и природы позволила развивать молодежные экологические движения, становится своеобразной лакмусовой бумажкой для развития экологической культуры и решения актуальных проблем экологии. Современная молодежь стремится к демократии, личной ответственности и осознанности процессов в современном обществе. Появилось очень много экологических групп с выработанными экологическими привычками, которые ежедневно внедряются в информационное и медийное пространство. Среди ведущих вузов Москвы яркими примерами являются МГУ им. М.В. Ломоносова, МАРХИ (Студенческое экологическое движение), ВШЭ (Зеленая Вышка), РЭУ им. Г.В. Плеханова (Экоактив РЭУ), Эко-МИФИ и др. [3]. При поддержке Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации успешно функционирует проект по самореализации молодежи в современной экологической политике ЭКОМОЛОДЕЖКА. РФ. Проект нацелен на активное вовлечение молодого поколения в экологическую сферу и создание условий для реализации их инициатив. Он предоставляет молодежи платформу для участия в проектах, направленных на улучшение состояния окружающей среды в разных уголках России. Участники смогут развивать свои идеи, участвовать в системных экологических программах и совместно решать актуальные проблемы региона. Таким образом, проект не только способствует укреплению чувства ответственности за природу, но и формирует активную гражданскую позицию среди молодежи. В 2018 году была создана независимая экологическая организация «Собиратор», задающая тренды на экологичность и осознанность в жизни и бизнесе. Компания сотрудничает со многими организациями в сфере бизнеса, развивает переработку, поддерживает благотворительные проекты и корпоративное волонтерство, объединяет людей в экопросвещении. Ведущий производитель фандоматов и оборудования для дезинфекции в России Escoplatform помогает компаниям внедрять инновационные технологии для реализации целей устойчивого развития и сохранения экологии.

Экологические движения, которые на сегодняшний день громко заявляют о себе – это и общенациональные проекты, и неформальные, независимые и автономные инициативные группы. Результаты деятельности таких движений позволяют говорить о том, что зачастую низовые инициативы способствуют изменению общественного климата. Благодаря им создаются общественные советы в государственных структурах, осуществляется всеобъемлющая поддержка правительственных решений в области экологических проблем [1, с. 96–101].

Социальная среда играет ключевую роль в формировании потребностей и подходов к решению проблем, особенно среди молодежи. Быстрые изменения, происходящие в обществе, влияют на интересы и потребности людей. Институциональное влияние все больше уступает место механизмам саморегуляции, где молодые люди самостоятельно находят способы решения актуальных вопросов. Одним из ярких примеров такого подхода является современное добровольчество, охватывающее различные экологические инициативы. Эти инициативы не только способствуют решению конкретных проблем, но и играют важную роль в укреплении социальных связей и сплоченности общества. Молодежь становится активным участником изменений, создавая новые модели взаимодействия и ответственности перед окружающим миром. Молодые люди активно участвуют в социальных проектах, стремясь решить сложные проблемы, такие как загрязнение окружающей среды, неравенство и недостаток ресурсов. Устойчивое развитие волонтерства стало приоритетом государства, что свидетельствует о позитивных изменениях в обществе. Эти перемены указывают на новый этап духовного развития, где гражданская активность и ответственность становятся основополагающими ценностями [12].

Также сегодня можно выделить новый формат комьюнити-площадок, где молодежь может в формате непринужденной обстановки обсудить различную проблематику и найти пути практического решения. Среди известных сообществ можно выделить Клуб проекта МосЭко/РосЭко, группу Экополис, Зеленую Школу Парка Горького. Комфортная коммуникационная среда всегда будет способствовать поддержке природоохранных инициатив молодежи. Поддержка интеллектуального досуга молодежи осуществляется в библиотеках, музеях и других просветительских организациях, что активно развивается в региональном сообществе. Современная молодежь демонстрирует значительные изменения в своих ценностях и мировоззрении, что положительно сказывается на экономическом развитии общества. Молодые люди активно стремятся к социальной ответственности, нередко участвуя в волонтерских проектах и инициативах, направленных на решение актуальных проблем. Они стремятся к образованию и просвещению, комбинируя эти цели с активной жизненной позицией. Такое стремление к личностному и общественному развитию способствует формированию новых подходов в бизнесе и социальной сфере.

Обсуждение

Экологически осознанная деятельность играет ключевую роль в социальной идентификации молодежи, позволяя ей находить единомышленников и присоединяться к экологическим движениям. Участие в таких инициативах помогает молодым людям осознать свою роль в обществе, укрепляя чувство принадлежности к группе, которая разделяет общие ценности и интересы. В условиях России экологическая активность становится важным инструментом для формирования гражданского обще-

ства, в отличие от Запада, где эта сфера развивалась параллельно с созданием среднего класса. Молодежь, вовлеченная в экологическую повестку, не только реагирует на современные вызовы, но и вносит свой вклад в устойчивое развитие страны. В Российской Федерации сегодня общественные движения и инициативы молодежи в сфере экологии позволяют изменять окружающую среду благодаря собственной социальной ответственности, затрагивая вокруг себя государственные влияния и общественную, публичную сферу [10].

Кроме того, необходимо оценить существующую нормативно-правовую базу, направленную на решение экологических проблем в регионе. Важно понять, достаточно ли этого законодательства для поддержки молодежных инициатив и активностей. Экологическое сознание может быть эффективно развито только при наличии необходимых инструментов и правовой среды, способствующей настоящему участию молодежи в охране окружающей среды. В современных условиях участие молодежи в государственных программах и экологических инициативах становится все более актуальным. Для успешного вовлечения молодых людей в такие проекты необходимо провести дополнительные исследования, которые помогут понять их мотивацию и готовность к активным действиям [7].

Экологическая безопасность и качество жизни граждан – ключевые аспекты современного общества, однако они часто оказываются на заднем плане политических решений. Несмотря на признание их значимости, в условиях социально-экономического развития вопросы экологии недооцениваются. Это может привести не только к ухудшению состояния окружающей среды. Для достижения устойчивого развития важно найти баланс между экономическими интересами и экологической безопасностью. Это предполагает активное формирование экологической культуры, начиная с образовательных учреждений. Общественное сознание должно осознать значимость охраны природы для будущих поколений.

Приоритетные направления и механизмы реализации формирования экологической культуры молодежи представлены на рисунке ниже (рис. 1).

Рис. 1. Основные направления развития экологической культуры молодежи

В пропаганду экологической и культуры можно включить социальную рекламу, разработку национальных стандартов и патриотизм. Социальная реклама играет важную роль в повышении осведомленности населения о экологических проблемах. Разработка национальных стандартов поведения в отношении экологии поможет установить четкие правила для граждан. Патриотизм может стать движущей силой для защиты природы.

Формирование экокультуры и гражданского общества призвано обеспечить поддержку инициатив различных бизнесов, молодежных движений, экологических неправительственных организаций, экоактивность молодежи.

Необходимо акцентировать необходимость интеграции различных государственных органов, таких как Министерство культуры, Министерство образования и Министерство природных ресурсов, в управление, координацию и финансирование экологического образования. Это сотрудничество должно включать информационно-методические центры на всех уровнях, содействуя формированию единой стратегии.

Важно также разработать стандарты экологии, которые помогут установить необходимые требования к качеству образовательных программ. Система профессиональной аттестации для управленческих кадров обеспечит квалифицированный подход в этой области. Дополнительное экологическое образование станет важным элементом для повышения осведомленности и вовлечения граждан в экологические инициативы (национальная система экообразования).

Пятый элемент рисунка, представленного выше – эффективная национальная система экологического просвещения молодежи: развитие деятельности не только по линии ведомств и министерств с использованием природных ресурсов, науки, образования, муниципальных и региональных образований, но и поддержка формирования экокультуры со стороны СМИ, а также создание особо охраняемых природных территорий в интеграции с просветительской деятельностью.

Выводы

В заключение хотелось бы отметить, что понимание того, насколько осведомлены молодые люди о проблемах экологии и насколько они обеспокоены экологической ситуацией, поможет создать более эффективные и привлекательные инициативы. Исследования должны быть направлены на выявление мнений и предпочтений молодежи, что позволит лучше адаптировать программы. В конечном счете, осознанное участие молодежи в экологических делах может стать залогом устойчивого развития общества и сохранения природных ресурсов для будущих поколений.

Литература

1. Ангеловская, С. К. О применении проектного подхода в системе экологического воспитания обучающихся профессиональной образовательной организации / С.К. Ангеловская // Инновационное развитие профессионального образования. 2020. № : 2. С. 96–101.
2. Горшков, М.К. и др. «Идеальное общество» в мечтах людей в России и в Китае / отв. ред. М.К. Горшков, П.М. Козырева, Ли Пэйлинь, Н.Е. Тихонова. Институт социологии РАН. М., 2020. С. 165.
3. Захарова, В.А. Экологическое поведение современной молодежи: общероссийские и региональные тенденции / В.А. Захарова. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Русайнс», 2022. 280 с.
4. Исследование: 83% молодых людей интересуются экологической повесткой. Исследование центра Фидбэк. [Электронный ресурс] URL: <https://asi.org.ru/news/2023/01/10/issledovateli-vyyasnili-kakie-emocziionalnye-triggery-stimuliruyut-u-molodezhi->

interes-k-obshhestvenno-politicheskim-temam/ (Дата обращения: 01.09.2024).

5. Лещинская, В.В. Развитие экологической активности молодежи как фактор формирования экологической культуры // *Философские науки*. 2017. № 3. С. 127–135.
6. Национальный экологический рейтинг регионов РФ по итогам осени 2023 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ogbu.green.tsu.ru/wp-content/uploads/2024/01/Приложение-1.-Экологический-рейтинг-Регионов.-Осень-2023.pdf> (Дата обращения: 10.09.2024)
7. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года. [Электронный ресурс] URL: <http://government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf> (Дата обращения: 01.09.2024).
8. Полева, М.П. Концептуальные подходы в формировании экологической культуры личности / М.П. Полева // *Вестник ГУУ*. 2018. № 7. С. 74–75.
9. Филипенко, В.Ю. Экологическое сознание: антропоцентризм и экоцентризм / В.Ю. Филипенко. // *Молодой ученый*. 2016. № 11 (115). С. 1818–1822.
10. Чумаков А.Н., Махаматова Т.М. Меняющиеся ценности в современном мире: сборник научных трудов / под ред. А.Н. Чумакова, Т.М. Махаматова. М.: Вузовский учебник; ИНФРА-М, 2016.
11. Шеломенцев, В.Н. Экологическое просвещение в Российской Федерации / В.Н. Шеломенцев // *Черные дыры в Российском законодательстве*. 2020. № 1. С. 82–85.
12. Юшкова, С.С. От экологического просвещения к экологическому образованию / С.С. Юшкова // *Мониторинг состояния природных комплексов и многолетние исследования на особо охраняемых природных территориях*. 2020. № 4. С. 100–103.

MODELS FOR FORMING ECOLOGICAL CONSCIOUSNESS OF YOUTH IN MODERN REALITIES OF RUSSIA: MANAGERIAL ASPECT

Mitroshkin K.V., Fomicheva T.V.,
Russian State Social University

The article examines the results of research on environmental issues among young people, including current data from the National Environmental Rating of Russian regions. The study allows us to talk about the “anthropocentricity” of environmental consciousness among modern youth in the context of the emerging environmental culture. The article also describes the prospects for the formation of civic self-awareness and an ethical and environmental position within the framework of possible models for the development of environmental education and the strategy for the formation of environmental culture among young people in the Russian Federation to ensure sustainable development of the country. Based on the

analysis, three models for the development of environmental education are proposed. The prevailing emphasis in the publication is on trends in the development of environmental consciousness among young people in the modern world and the aspects of environmental consciousness that are most important to develop in the younger generation.

Keywords: environmental awareness of youth, environmental movements, formation of environmental culture, value orientations of youth, globalization.

References

1. Angelovskaya, S.K. On the application of the project approach in the system of environmental education of students of a professional educational organization / S.K. Angelovskaya // *Innovative development of professional education*. 2020. No.: 2. P. 96–101.
2. Gorshkov, M.K. et al. “Ideal society” in the dreams of people in Russia and China / ed. M.K. Gorshkov, P.M. Kozyreva, Li Peilin, N.E. Tikhonova. Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. Moscow, 2020. P. 165.
3. Zakharova, V.A. Environmental behavior of modern youth: all-Russian and regional trends / V.A. Zakharova. Moscow: Limited Liability Company “Rusains”, 2022. 280 p.
4. Research: 83% of young people are interested in the environmental agenda. Feedback Center Research. [Electronic resource] URL: <https://asi.org.ru/news/2023/01/10/issledovatelivyyasnili-kakie-emocionalnye-triggerystimuliruyut-umolodezhi-interes-k-obshhestvenno-politicheskim-temam/> (Accessed: 09/01/2024).
5. Leshchinskaya, V.V. Development of environmental activity of young people as a factor in the formation of environmental culture // *Philosophical sciences*. 2017. No. 3. P. 127–135.
6. National environmental rating of regions of the Russian Federation based on the results of autumn 2023 [Electronic resource]. Access mode: <https://ogbu.green.tsu.ru/wp-content/uploads/2024/01/Приложение-1.-Экологии-рейтинг-Регионов.-Осен-2023.pdf> (Accessed: 10.09.2024)
7. Fundamentals of the state youth policy of the Russian Federation for the period up to 2025. [Electronic resource] URL: <http://government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf> (Accessed: 01.09.2024).
8. Poleva, M.P. Conceptual approaches to the formation of the ecological culture of the individual / M.P. Poleva // *Bulletin of the State University of Management*. 2018. No. 7. P. 74–75.
9. Filipenko, V. Yu. Environmental consciousness: anthropocentrism and ecocentrism / V. Yu. Filipenko. // *Young scientist*. 2016. No. 11 (115). P. 1818–1822.
10. Chumakov A.N., Makhmatova T.M. Changing Values in the Modern World: Collection of Scientific Papers / edited by A.N. Chumakov, T.M. Makhmatova. Moscow: University Textbook; INFRA-M, 2016.
11. Shelomentsev, V.N. Environmental Education in the Russian Federation / V.N. Shelomentsev // *Black Holes in Russian Legislation*. 2020. No. 1. P. 82–85.
12. Yushkova, S.S. From Environmental Education to Environmental Education / S.S. Yushkova // *Monitoring the State of Natural Complexes and Long-Term Research in Specially Protected Natural Areas*. 2020. No. 4. P. 100–103.

Роль социальных медиа в формировании общественной дискуссии о политике и социальных вопросах

Хуторянский Вадим Евгеньевич,

аспирант кафедры гуманитарных и социальных дисциплин,
Белгородский университет кооперации, экономики и права
E-mail: tog777@yandex.ru

Кохан Жанна Сергеевна,

к.ф.н, доцент кафедры гуманитарных и социальных
дисциплин, Белгородский университет кооперации, экономики
и права
E-mail: kaf-gsp@buket.ru

В данной статье осуществляется анализ роли социальных медиа в формировании общественной дискуссии о политике и социальных вопросах. Отдельное внимание было уделено демонстрации того, как информационные ресурсы способны влиять на общественное сознание (в том числе и для злых целей). Процесс формирования общественного мнения был продемонстрирован на различных примерах, что позволяет наглядно проследить процессы воздействия социальных медиа на разум человека. Помимо вышесказанного, автором была продемонстрирована важность социальных медиа для государства и политической власти. Именно с влиянием социальных медиа были связаны инициативы властей разных государств (как Европейского Союза, так и Российской Федерации) взять под более жёсткий контроль распространение информации в сети Интернет.

Ключевые слова: социальные медиа, информация, распространение, дезинформация, влияние, политика, социальные вопросы.

Средства массовой информации прошли через крайне заметную трансформацию в течение XX–XXI века. Ещё в начале прошлого века по всему миру активно распространялось радио, составляя конкуренцию печатным СМИ, а уже сегодня мы можем ознакомиться с актуальными новостями при помощи ряда специальных устройств, которые имеют доступ в сеть Интернет – смартфон, компьютер, телевизор, голосовой помощник и т.д. Информация – это главный ресурс современности, и она окружает нас повсеместно. С информацией связано множество научных теорий, которые объясняют её роль для современного мира.

Так, социолог и футуролог Э. Тоффлер считает, что история человеческого вида делится на три периода, которые характеризуются типом войны. Первый тип войны – аграрный. Такая война велась для расширения собственной территории ради того, чтобы иметь большую площадь для посадки культур и выживания. Индустриальная война велась ради получения средств производства. Современный тип войны характеризуется тем, что войны, во многом, ведутся за владение средствами создания и обработки информации и знаний [4, с. 93].

Анализируя теорию Э. Тоффлера, мы отметим, что не в полной мере с ней согласны. Мы считаем, что современные войны ведутся по-прежнему для расширения производственных возможностей, политического влияния и т.д. Пока что не вспоминается ни одна война, которая велась из-за информационных ресурсов. Пока что мы ещё не увидели той страны, которая объявила бы войну США из-за деятельности YouTube. Надеемся, что такой ситуации никогда и не случится.

Однако, мы должны признать, что информация и социальные медиа, в которых сконцентрированы её огромные количества, являются крайне важными инструментами гибридной войны (или же прокси-войны). Социальные сети, видеохостинги, мессенджеры являются непосредственными помощниками государств в продвижении собственной политики и интересов во всём мире. В социальные медиа вовлечено большинство населения планеты, что делает эти инструменты невероятно важными. При помощи социальных медиа можно влиять на людей, а уже при помощи людей – на государства. Собственно, о роли социальных медиа и их воздействии на общественное мнение в сфере политики и социальных вопросов мы и поговорим далее.

Социальные медиа оказывают колоссальное влияние на сознание населения, и это очевидно для любого государства. Как следствие, руководство стран предпринимает различные попытки поставить под собственный контроль происходящее в социальных медиа. Например, летом 2020 г. Евросоюз выдвинул инициативу о разработке Закона о цифровых услугах (DSA). 15 декабря 2020 г. Европейская комиссия опубликовала пакет законодательных инициатив, включая Закон о цифровых рынках (DMA). Главная цель – модернизация контроля за электронной торговлей и разработка правил, регулирующих контент, прозрачность рекламы и правдивость информации. В ходе обсуждения законопроект периодически сталкивался с критикой (например, с требованием установить четкие определения вредоносного

контента), в связи с чем его отправляли на доработку. В то же время в феврале 2021 г. члены Европейского парламента (ЕП) призвали ускорить принятие законодательства, касающегося «новых медиа», объясняя это необходимостью контроля за интернет-пространством со стороны демократических институтов. В результате, указанные законы были окончательно приняты только в июле 2022 года [5, с. 186].

Каждому государству очень важно, чтобы информационные ресурсы распространяли только правду и ничего кроме правды. В противном случае, возрастёт градус дезинформации в обществе, которая может повлечь за собой различные волнения и беспорядки. Очень часто эта дезинформация основана на политическом мнении конкретной группы населения. Давайте проиллюстрируем это на примере.

Наверняка ещё довольно свежа память об антисемитских беспорядках в аэропорту г. Махачкалы, которые произошли вечером 29-го октября 2023 года. Кратко опишем предысторию: 7 октября 2023 года, между Израилем и группировкой ХАМАС (которая базируется в Секторе Газа) начались боевые действия. Конфликт между сторонами тлеет уже довольно давно и является одним из самых неоднозначных. В Секторе Газа, в подавляющем большинстве, проживают мусульмане, которым соболезнуют жители других мусульманских общин по всему миру (в том числе и в г. Махачкале, Республика Дагестан). Соответственно, мусульманское сообщество относится к действиям Израиля крайне негативно и никоим образом их не поддерживает.

Беспорядки были спровоцированы массовым распространением в социальных медиа информации о том, что в аэропорт города скоро прилетит самолёт, на котором находятся беженцы из Израиля и их, якобы, собираются расположить в городе. Безусловно, информация сопровождалась призывами к недопущению того, чтобы израильские беженцы находились на территории мусульманской республики. В итоге, в беспорядках на территории аэропорта приняли участие более 1200 человек и пострадало более 20 человек. 18 из них получили травмы лёгкой степени, двое получили тяжёлые черепно-мозговые травмы. В заключение, стоит сказать, что распространяемая информация оказалась ложной – никаких израильских беженцев в аэропорту не было.

Случившаяся ситуация является ярким примером того, как держатели крупных информационных ресурсов в социальных медиа пользуются политическим мнением населения для того, чтобы провоцировать беспорядки, которые наносят репутационный ущерб российскому государству и физический – населению Республики Дагестан. Тем не менее, данный пример не совсем подходит для нашего исследования, ведь здесь речь шла об уже сформировавшемся политическом мнении в отношении граждан Израиля. Поэтому, целесообразно проанализировать процесс формирования общественного мнения в теории. Благо, что российской науке этой теме посвящено довольно много работ.

Главным, что позволяет влиять на общественное мнение в политической или социальной сфере является объект обсуждения. Именно в объекте заключается основной триггер, к которому привязываются моральные оценки пользователей социальных медиа. Например, если в авторитетных источниках будет активно распространяться информация о грядущем запрете абортв в Российской Федерации, то это может вызвать широкий резонанс в обществе и формирование массовой дискуссии на этот счёт [3, с. 347]. Тут же появятся противоборствующие стороны – те, кто за запрет абортв и те, кто такой запрет не поддерживает. Каждая из сторон

уверена в своей полной правоте. Давайте рассмотрим механизм воздействия на участников данного конфликта сквозь призму этапов формирования общественного мнения посредством социальных сетей.

1-ый этап – создание информационной базы, с помощью которой можно влиять на сознание общественных масс. В зависимости от направленности информационного ресурса, в нём будет распространяться различная информация, поддерживающая собственную правоту. Это могут быть публикации интервью с экспертами, которые очень логично объясняют, почему абортв следует запретить или же публикации информации о том, сколько женщин пожалели о когда-то сделанном абортв и т.п. Создание информационного поля является важным этапом формирования общественного мнения, так как каждый человек приходит на ресурс именно за информацией. И если сделать эту информацию приемлемой для большего количества людей, то можно получить значительные преференции со стороны пользователей, что позволит влиять на их сознание в дальнейшем.

2-ой этап – формирование ситуации, которая может выступить провокатором тех или иных общественных масс. На данном этапе, информационные ресурсы выискивают резонансные случаи, которые позволят спровоцировать собственное сообщество на активные действия. Например, когда Государственная Дума начнёт принимать закон об абортв, социальные медиа могут начать распространять информацию о том, что демократические права женщин нарушаются и они должны выйти на улицы г. Москвы, чтобы заявить о своём несогласии. Безусловно, такие призывы должны распространяться отовсюду, чтобы действительно вызвать резонансную реакцию в обществе и обеспечить массовую явку, которой можно будет воспользоваться в дальнейшем.

3-ий этап – привлечение к этой ситуации внимания общественности. Данный этап очень важен по той причине, что он может сменить мнение противоборствующей стороны. Тысячи женщин, которые вышли на улицы Москвы в знак протеста действительно могут повлиять на мнение тех, кто раньше считал, что абортв не нужны женщинам и даже они их не поддерживают. Качественное освещение протестов на информационных ресурсах является залогом успеха третьего этапа.

4-ый этап – управление сознанием. Данный этап следует называть конечным результатом воздействия социальных медиа и конкретного информационного ресурса. В данном состоянии пользователь полностью доверяет конкретному ресурсу, его мнение, по большей части, совпадает с мнением редакции и противоречия становятся минимальными. Именно такого состояния добивается каждый информационный ресурс, так как это обеспечивает максимальный охват зрителей (читателей) [2, с. 51].

На приведённом примере мы можем увидеть, как социальные медиа могут повлиять на характер и тон обсуждения политических и социальных вопросов в стране. Пожалуй, после подобной демонстрации становится очевидным, почему в России стремятся к борьбе с информационными ресурсами по типу YouTube, так как на данном ресурсе содержится большое количество информации, с которой не согласна действующая власть. Как следствие, мы можем наблюдать увеличение бюджетирования российских аналогов Rutube и VK видео. Мы не будем давать оценку успешности данных проектов или говорить о необходимости блокировки иностранных социальных медиа, так как здесь важно совершенно другое – государство всё более глубоко входит в сеть Интернет для осуществления собственного контроля за об-

щественными настроениями и политическими взглядами [1, с. 89].

Таким образом, социальные медиа выступают существенным фактором информационного пространства, обуславливающим процессы формирования общественного мнения. При этом общественное мнение может формироваться как на основе достоверной, так и искаженной информации. Выступая принципиально новым каналом коммуникации, социальные медиа ускоряют процесс зарождения и формирования общественного мнения, а также значительно расширяют коммуникационное пространство, вовлекая в процесс формирования общего мнения широкие массы. Мнения, публикуемые в социальных сетях и форумах, не всегда обладают достоверным и объективным знанием, что может существенно влиять на компетентность сетевого общественного мнения. Социальные медиа воздействуют на функционирование общественного мнения, трансформируя его оценочную, контрольную, защитную и имиджеформирующую функции.

Литература

1. Волосников Р. А., Влияние социальных медиа на формирование и функционирование общественного мнения //Социологический альманах. – 2019. – № . 10. – С. 82–90. – Текст: непосредственный.
2. Дидаева Т. А., Потенциал социальных сетей в формировании общественного мнения //Коммуникология: электронный научный журнал. – 2021. – Т. 6. – № . 3. – С. 48–57. – Текст: непосредственный.
3. Ключников, Д. Д., Влияние социальных медиа на современный политический процесс в России / Д.Д. Ключников, Д.Г. Балувев // Филологический аспект. – 2018. – № 4(36). – С. 340–350. – Текст: непосредственный.
4. Прокопенко Т. В., Роль социальных сетей в российской системе политической коммуникации: 23.00.02 – диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Прокопенко Тимур Валентинович. – Москва, 2020. – 166 с. – Текст: непосредственный.
5. Скрипка И. Р., Электронные СМИ и социальные сети в политике: европейский опыт //Современная Европа. – 2021. – № . 4. – С. 184–193. – Текст: непосредственный.

THE ROLE OF SOCIAL MEDIA IN SHAPING PUBLIC DISCOURSE ON POLITICS AND SOCIAL ISSUES

Khutoryansky V.E., Kokhan Zh.S.

Belgorod University of Cooperation, Economics and Law

This article analyzes the role of social media in shaping public discourse about politics and social issues. Special attention has been paid to demonstrating how information resources can influence public consciousness (including for evil purposes). The process of public opinion formation was demonstrated on various examples, which allows us to visually trace the processes of social media influence on the human mind. In addition to the above, the author demonstrated the importance of social media for the state and political power. It is with the influence of social media that the initiatives of the authorities of different states (both the European Union and the Russian Federation) to take under stricter control the dissemination of information on the Internet were connected.

Keywords: social media, information, dissemination, misinformation, influence, politics, social issues.

References

1. Volosnikov R.A. The influence of social media on the formation and functioning of public opinion //Sociological Almanac. – 2019. – № . 10. – С. 82–90.
2. Didayeva T.A. The potential of social networks in the formation of public opinion //Communicology: electronic scientific journal. – 2021. – Т. 6. – № . 3. – С. 48–57.
3. Klyuchnikov, D.D. The influence of social media on the modern political process in Russia / D.D. Klyuchnikov, D.G. Baluev // Philological Aspect. – 2018. – № 4(36). – С. 340–350.
4. Prokopenko, T.V. The role of social networks in the Russian system of political communication: 23.00.02 – dissertation for the degree of candidate of political sciences / Prokopenko Timur Valentinovich. – Moscow, 2020. – 166 s.
5. Skripka I.R. Electronic media and social networks in politics: European experience // Modern Europe. – 2021. – № . 4. – С. 184–193.

Поляризация занятости и инновации: развитие социально-экономических последствий

Цыганкова Алина Николаевна,

аспирант ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
E-mail: rbk32r@gmail.com

Инновации традиционно рассматриваются как ключевой двигатель социально-экономического прогресса с акцентом на их положительное влияние в исторической перспективе. Тем не менее, инновации не только приносят пользу, но и создают проблемы, распределяющиеся неравномерно среди различных социальных групп. Рост требований к квалификации в современной экономике усиливает разрыв между социальными слоями с разным уровнем образования и доходов, что ведет к явлению, известному как «поляризация» труда и занятости. Этот процесс ускоряется автоматизацией, роботизацией и цифровизацией, а переход корпораций от постоянных контрактов к аутсорсингу усиливает негативные последствия инноваций. В результате наблюдается рост безработицы, увеличение разрыва в доходах между различными группами населения и формирование нового социального слоя – прекариата.

Ключевые слова: поляризация, занятость, неравенство, инновации, бедность.

Технологические инновации ускорили замену неквалифицированной рабочей силы автоматизацией и робототехникой, что особенно затронуло беднейшие слои населения. Профессии, в которых люди пока не могут быть заменены роботами и цифровыми интерфейсами, остаются за такими группами населения. Эти изменения затрагивают не только беднейшие слои, но и средний класс, доля которого сокращается. Этот процесс называется «поляризацией рабочих мест» [12].

Данные Международной организации труда по 118 странам показывают рост доли временной занятости с 1990-х годов. К 2000 году временно занятых было 14,6%, к 2010 году – 22,2%, а к 2019 году – 27,8%. В богатых странах этот показатель составляет 15%, а в остальных – 34–35%. В строительстве и сельском хозяйстве половина работников имеет временные трудовые договоры, в промышленности и сфере услуг – более четверти [3]. По данным «Российского мониторинга» Высшей школы экономики, 5,3% работников имеют случайную занятость. Временные контракты могут давать некоторую свободу, но часто это связано с ухудшением условий труда. По отчетам МОТ, средняя заработная плата временных работников на 18–26% ниже, чем у постоянных сотрудников. Во многих странах временные контракты означают сокращение социальных выплат, отсутствие инвестиций в обучение сотрудников, постоянные проблемы с поиском работы, снижение сбережений и рост долгов, а также меньшую удовлетворенность работой и жизнью в целом [1].

Экономист Стэндинг Г., разработавший концепцию «прекариата», приводит пример японских корпораций, где сотрудников переводили на временные контракты под угрозой увольнения, не изменяя штатную структуру [18]. В докладе МОТ «Перспективы мировой занятости и социальной сферы на 2022 год» рост временной занятости связывается с фундаментальными изменениями в организации бизнеса. Авторы доклада утверждают, что официальные данные занижают масштабы проблемы. В 2020 и 2021 годах доля временных работников оставалась стабильной, но 68% работников по срочным контрактам в 2020 году стали самозанятыми, безработными или полностью покинули рынок труда. Их места заняли уволенные постоянные сотрудники [3].

Пандемия привела к отказу бизнеса от чрезмерно распределенных цепочек поставок и производства, сосредоточив внимание на гибкости. Ранее бизнес полагался на аутсорсинг, но теперь акцент смещается на гиг-экономику, где предпочтение отдается выполнению разовых задач самозанятыми работниками, желательными близкими к клиентам. Примером такого подхода являются интернет-платформы для поиска ремонтников, репетиторов и копирайтеров [23].

Авторы доклада указывают на негативные последствия такого подхода, как снижение роста производительности, недостаток инвестиций в образование и навыки, а также ограниченные возможности для использования опыта сотрудников. Увеличение текучести кадров приводит к росту временных и финансовых затрат на управление персоналом.

Информационные технологии способствуют гибкости, что объясняет рост прибыли мировых IT-гигантов

во время пандемии. Социологи Деханова Н.Г., Сушко В.А. и Холоденко Ю.А. в своем обзоре социальных и экономических последствий пандемии в России подчеркивают, что реорганизация бизнеса усилила концентрацию власти у технологических корпораций. Внедрение информационных систем и автоматизация особенно перспективны в сельском хозяйстве, где высокая доля временных работников. Однако это также усиливает поляризацию рынка труда и фрагментацию трудовых отношений, снижая спрос на рабочую силу и увеличивая депрофессионализацию занятости [2].

В докладе МОТ о социальном диалоге отмечает рост интереса к коллективным переговорам в ответ на отсутствие гарантий занятости во время пандемии. В некоторых странах рабочие добились улучшения условий труда, например, во Вьетнаме пособия при увольнении были увеличены, а во Франции созданы страховые фонды на случай потери рабочих мест. В России в 2021 году был принят закон, регулирующий удаленную работу, который включает положения о запрете снижения зарплат при переходе на удаленную работу и компенсации за оборудование и интернет [3].

Профессор социологии Мичиганского университета Инглхарт Р. в своей книге «Культурная эволюция» описал следующий процесс: «с 1979 по 1999 год общий уровень квалификации рабочей силы увеличивался благодаря замене низкооплачиваемых рабочих мест на хорошо оплачиваемые должности, требующие более высокой квалификации. Это отражало долгосрочную тенденцию, при которой каждое поколение ожидало, что их жизненный уровень будет выше, чем у родителей. Однако после 1999 года начались экономические трудности: с 1999 по 2012 год количество рабочих мест среднего класса уменьшилось, а число низкооплачиваемых и нестабильных рабочих мест значительно выросло. В то время как число высокооплачиваемых и высококвалифицированных рабочих мест немного увеличилось, их было значительно меньше по сравнению с предыдущим ростом таких должностей. Согласно оценкам, шансы 30-летних зарабатывать больше, чем их родители в том же возрасте, сократились до 51% по сравнению с 86% 40 лет назад» [14].

Четвертая промышленная революция и социальное неравенство

Анализируя результаты внедрения инноваций, важно учитывать распределение доходов. Преимущества от использования мобильных телефонов и других технологий затрагивают всех, однако настоящими выгодоприобретателями становятся акционеры компаний, таких как Apple, Samsung и Nokia. Большинство людей остаются на прежнем уровне благосостояния, что подтверждает гипотезу о том, что технологические инновации усиливают иущественное неравенство в обществе [13].

В действительности, основные выгоды от Четвертой промышленной революции получают те, кто вкладывает в нее свой интеллектуальный или физический капитал – новаторы, инвесторы и акционеры. Это объясняет растущий разрыв между теми, кто зарабатывает своим трудом, и теми, кто владеет капиталом, что вызывает разочарование у тех, кто надеется на лучшее будущее для своих детей [17].

Необходимо признать, что система образования в США перестала быть двигателем социальной мобильности. Для беднейших слоев населения вырваться из нищеты становится практически невозможно. По мнению Бернштейна Дж., старшего научного сотрудника Центра

по бюджетным и политическим приоритетам и главного экономического советника Джозефа Байдена, экономический рост все больше становится зрелищем, где бедные и средний класс остаются наблюдателями [16].

С 2000 года лишь 0,25% домохозяйств в США смогли подняться по социальной лестнице из среднего класса в высший, в то время как 3% домохозяйств среднего класса перешли в более бедные слои. Это представляет собой радикальное изменение по сравнению с тенденцией, наблюдаемой с 1970-х до 2000 года, когда многие семьи среднего класса становились богаче. В сочетании с падением реальных доходов такая поляризация негативно влияет на экономику США, особенно на потребление, которое является важным фактором экономического роста. По данным Международного валютного фонда, из-за этой поляризации экономика США потеряла сумму, эквивалентную годовым потребительским расходам. В целом доля среднего класса в США снизилась с 58% в 1970 году до 47% в 2014 году [9].

Длительное сохранение бедности через поколения оказывает влияние на биологию человека. Недавние исследования показали, что социально-экономический статус является важным фактором подверженности болезням. Неравенство создает постоянный стресс для населения, а бедность оставляет след на уровне около 10% человеческого генома [6]. Эта динамика формировалась со временем под воздействием различных факторов в экономической теории и политической практике. На уровне государств доминирование неолиберальной доктрины привело к минимизации государственного вмешательства в экономику, особенно в качестве арбитра. Это относится и к сфере трудового законодательства, где современные государства устанавливают лишь «рамочные» условия для организации труда через законы и нормативные акты, не вмешиваясь в регулирование трудовых отношений внутри корпораций, оправдывая это необходимостью сохранения «гибкости» на рынке труда [4].

На уровне корпораций принцип экономической эффективности приводит к стремлению сохранить капитальные вложения и рабочие места, что приводит к отказу от долгосрочных контрактов и упрощению условий трудовых отношений: отказ от оплачиваемых отпусков и больничных, использование временных договоров вместо трудовых, введение «гоночной» заработной платы, а также перевод части работников в статус индивидуальных предпринимателей [18].

Господствующая парадигма труда теперь представляет собой модель, в которой взаимоотношения между предприятием и работником осуществляются через серию транзакций, а не через долгосрочные отношения. Это приводит к трудностям в нормативном регулировании и статистическом анализе трудовых отношений, поскольку традиционные формы связи между работодателем и работником утрачивают свою актуальность [15].

Люди, состоящие в прекариате, часто заняты несколькими работами из-за падения заработной платы и желания снизить риски. Многие из них занимаются «работой ради работы» – занятиями, которые не приносят дохода, но считаются необходимыми или желательными для поддержания деловых связей, чтения отчетов в свободное время и т.д. Это приводит к созданию «нулевых контрактов», где не определены минимальные часы работы в неделю, и работник приглашается на работу только по мере необходимости работодателя.

Такие условия вызывают постоянный стресс у работников, связанный с неожиданными звонками в любое время или ожиданием, когда они смогут начать работу, чтобы заработать на жизнь. Прекариат представляет со-

бой чрезвычайно разобщенную социальную группу, где его члены часто находятся в состоянии конкуренции друг с другом [18].

Уже в 2013 году почти половина ведущих мировых брендов по совокупной рыночной стоимости стала ориентироваться на платформенный формат. Этот формат подразумевает, что корпорации владеют лишь сетевыми приложениями и не несут значительной ответственности за своих сотрудников. В то же время платформенные компании активно собирают и монетизируют персональные данные, полученные в результате взаимодействия людей между собой или с различными элементами цифровой экономики и управления. Как указывает Томин Л.В, такая инфраструктура создает потенциальную угрозу усиления государственного и корпоративного контроля над гражданами. Деятельность платформенных компаний также способствует усилению процесса прекаризации трудовых отношений, создавая «цифровой тейлоризм», который ограничивает автономию и конфиденциальность работников на рабочем месте [5].

Влияние цифровизации, подчиненное технократической логике нелиберальной модели управления в демократических странах, углубляет деполитизацию отношений между гражданином и государством и дисбаланс в отношениях между трудом и капиталом в пользу последнего. Распространение контент- и медиакорпораций вызывает угрозу для прав личности и гражданских ценностей [17]. Новые технологии создают значительно меньше новых рабочих мест в новых отраслях по сравнению с предыдущими промышленными революциями, что усиливает поляризацию труда и увеличивает неравенство между различными социальными группами.

Литература

1. Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. – URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=11078 (дата обращения: 16.04.2024).
2. Деханова Н.Г., Сушко В.А., Холоденко Ю.А. Россия: социально-экономические последствия пандемии COVID-19. Журнал «Социология». № 2. 2022. С. 120.
3. Международная организация труда. – URL: <https://www.ilo.org/> (дата обращения: 16.04.2024).
4. Розанваллон П. Утопический капитализм. История идеи рынка. Научная редакция, редакция перевода и предисловие В. Каплуна. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – С. 256.
5. Томин Л.В. Социально-экономические конфликты в рамках «капитализма платформ». Общие аспекты конфликтологии. 2019. С. 33–43.
6. Anyaso H. Poverty leaves a mark on our genes. – URL: <https://news.northwestern.edu/stories/2019/04/poverty-leaves-a-mark-on-our-genes/> (дата обращения: 02.03.2024).
7. Autor D.H. Why Are There Still So Many Jobs. The History and Future of Workplace Automation. *Journal of Economic Perspectives*. 2015. P. 3–30.
8. Bussemer T, Christian K., Henning M. Social Democratic Values in the Digital Society. *Challenges of the Fourth Industrial Revolution*. Social Europe Occasional Papers. № 10. 2016.
9. Butt, R. The shrinking class that is killing the US economy. – URL: <https://www.weforum.org/agenda/2016/07/the-shrinking-class-that-is-killing-the-us-economy/> (дата обращения: 12.03.2024).
10. Frey, Carl Benedikt, Osborne, Michael. *Technology at Work – The Future of Innovation and Employment*. 2015.

11. Gielen, P. *The Murmuring of the Artistic Multitude: Global Art, Memory and Post-Formalism*, Valiz, Amsterdam. 2009. P. 368.
12. Goos, M., and Manning, A. *Lousy and Lovely Jobs: The Rising Polarization of Work in Britain*. Center for Economic Performance Discussion Paper DP0604, December. 2003.
13. Hawking S. *Technology seems to drive inequality*. – URL: <https://www.weforum.org/agenda/2015/10/stephen-hawking-technology-seems-to-drive-ever-increasing-inequality/> (дата обращения: 02.03.2024).
14. Inglehart, Ronald F. *Cambridge University Press*. 2018.
15. Pink D. *Free Agent Nation – The Future of Working for Yourself*, Grand Central Publishing. 2001.
16. Reeves R.V. *Saving Horatio Alger. Equality, Opportunity, and the American Dream*. The Brookings Institution. 2014.
17. Schwab K. *The Fourth Industrial Revolution*. World Economic Forum. 2016.
18. Standing G. *The Precariat. The New Dangerous Class*. Bloomsbury Academics, Bloomsbury Publishing Plc. 2011.
19. Sussman A.L. *Burden of Health-Care Costs Moves to the Middle Class*. – URL: <http://www.wsj.com/articles/burden-of-health-care-costs-moves-to-the-middle-class-1472166246> (дата обращения: 06.03.2024).
20. *The Economics of Rising Inequalities*. Edited by Daniel Cohen, Thomas Piketty, Gilles Saint-Paul. Oxford University Press. 2002.
21. *The Future of Jobs. Employment, Skills and Workforce Strategy for the Fourth Industrial Revolution*. World Economic Forum. 2016.
22. Thomson S. *The digital revolution could destroy the middle class, warns Joe Biden*. 2016.
23. Van der Weide, R., Milanovic B. *Inequality Is Bad for Growth of the Poor*. Development Research Group. Poverty and Inequality Team. 2014.

EMPLOYMENT POLARIZATION AND INNOVATION: DEVELOPING SOCIO-ECONOMIC CONSEQUENCES

Tsygankova A.N.

Lomonosov Moscow State University

Innovation has traditionally been viewed as a key driver of socio-economic progress, with an emphasis on its positive impact in historical perspective. However, innovation not only brings benefits, but also creates problems that are distributed unevenly among different social groups. Rising skill requirements in the modern economy are widening the gap between social strata with different levels of education and income, leading to a phenomenon known as the “polarization” of work and employment. This process is accelerated by automation, robotization and digitalization, and the transition of corporations from permanent contracts to outsourcing increases the negative consequences of innovation. As a result, there is an increase in unemployment, an increase in the income gap between different groups of the population and the formation of a new social stratum – the precariat.

Keywords: polarization, employment, inequality, innovation, poverty.

References

1. Bulletin of the Russian Monitoring of the Economic Situation and Population Health of the National Research University Higher School of Economics. – URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=11078 (date of access: 16.04.2024).
2. Dekhanova N.G., Sushko V.A., Kholodenko Yu.A. Russia: socio-economic consequences of the COVID-19 pandemic. *Journal “Sociology”*. No. 2. 2022. P. 120.
3. International Labor Organization. – URL: <https://www.ilo.org/> (date of access: 16.04.2024).

4. Rosanvallon P. Utopian Capitalism. History of the Idea of the Market. Scientific editing, translation editing and foreword by V. Kaplun. – M.: Novoye Literaturnoye Obozreniye, 2007. – P. 256.
5. Tomin L.V. Socio-economic conflicts in the framework of “platform capitalism”. General aspects of conflictology. 2019. P. 33–43.
6. Anyaso H. Poverty leaves a mark on our genes. – URL: <https://news.northwestern.edu/stories/2019/04/poverty-leaves-a-mark-on-our-genes/> (date of access: 02.03.2024).
7. Autor D.H. Why Are There Still So Many Jobs. The History and Future of Workplace Automation. Journal of Economic Perspectives. 2015. P. 3–30.
8. Bussemer T, Christian K., Henning M. Social Democratic Values in the Digital Society. Challenges of the Fourth Industrial Revolution. Social Europe Occasional Papers. No. 10. 2016.
9. Butt, R. The shrinking class that is killing the US economy. – URL: <https://www.weforum.org/agenda/2016/07/the-shrinking-class-that-is-killing-the-us-economy/> (access date: 03/12/2024).
10. Frey, Carl Benedikt, Osborne, Michael. Technology at Work – The Future of Innovation and Employment. 2015.
11. Gielen, P. The Murmuring of the Artistic Multitude: Global Art, Memory and Post-Fordism, Valiz, Amsterdam. 2009. P. 368.
12. Goos, M., and Manning, A. Lousy and Lovely Jobs: The Rising Polarization of Work in Britain. Center for Economic Performance Discussion Paper DP0604, December. 2003.
13. Hawking S. Technology seems to drive inequality. – URL: <https://www.weforum.org/agenda/2015/10/stephen-hawking-technology-seems-to-drive-ever-increasing-inequality/> (accessed 03/02/2024).
14. Inglehart, Ronald F. Cambridge University Press. 2018.
15. Pink D. Free Agent Nation – The Future of Working for Yourself, Grand Central Publishing. 2001.
16. Reeves R.V. Saving Horatio Alger. Equality, Opportunity, and the American Dream. The Brookings Institution. 2014.
17. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. World Economic Forum. 2016.
18. Standing G. The Precariat. The New Dangerous Class. Bloomsbury Academics, Bloomsbury Publishing Plc. 2011.
19. Sussman A.L. Burden of Health-Care Costs Moves to the Middle Class. – URL: <http://www.wsj.com/articles/burden-of-health-care-costs-moves-to-the-middle-class-1472166246> (access date: 03/06/2024).
20. The Economics of Rising Inequalities. Edited by Daniel Cohen, Thomas Piketty, Gilles Saint-Paul. Oxford University Press. 2002.
21. The Future of Jobs. Employment, Skills and Workforce Strategy for the Fourth Industrial Revolution. World Economic Forum. 2016.
22. Thomson S. The digital revolution could destroy the middle class, warns Joe Biden. 2016.
23. Van der Weide, R., Milanovic B. Inequality Is Bad for Growth of the Poor Development Research Group. Poverty and Inequality Team. 2014.

Новые медиа в контексте духовной безопасности личности

Артемьев Алексей Александрович,

к.ф.н., доцент кафедры СГНЗ, МГТУ им. Н.Э. Баумана

E-mail: aleksey-artemev@bk.ru

Развитие цифровых технологий, а именно новых медиа вызывает много дискуссий по поводу безопасности их применения и регулярного использования современным человеком. Человеческое поклонение перед новыми медиа привело к тому, что фактически, современное общество стало добровольным пленником новых информационно-коммуникационных технологий, которые осуществляют руководство человеческими поступками и действиями. Необходимо задуматься о вмешательстве информационных технологий в природу человека, которое будет только усиливаться. В настоящий момент, по мнению автора, в пространстве новых медиа формируется идеология деконструкции человеческого бытия.

Ключевые слова: духовная безопасность, духовность, новые медиа, социальные сети, информационное общество, информационно-коммуникационные технологии.

Духовная безопасность личности непосредственно связано с информационными потребностями в современном обществе. Социальные сети, мессенджеры, цифровые игры и другие «новые медиа»¹ стали неотъемлемой частью жизни практически каждого современного человека. Преимущество новых медиа в информационно-коммуникационной области невозможно оспаривать, современный человек активно использует информационные технологии в различных сферах жизнедеятельности. В настоящее время существует достаточно много научных работ в области информационных технологий и средств массовых коммуникаций, где исследователи аргументируют ценность и позитивное использование новых медиа в информационном обществе. В то же время в современной науке недостаточно социально-гуманитарных исследований, где бы рассматривалось использование новых медиа в контексте трансформации духовного состояния личности и оценки негативного влияния новых медиа на формирование социокультурных ценностей и устоявшихся социальных коммуникаций в рамках духовной безопасности. В настоящий момент все эти вышеперечисленные аспекты остаются малоизученными. Современное общество в большей степени подвержено комфорту, накопительству и материалистическим потребностям, а определенная часть социума отвергает духовную ипостась человека.

Все же новые средства информации и коммуникации или так называемые новые медиа, по мнению большинства общества, стали важным и необходимым устройством создания, передачи и получения социальной информации, главным ресурсом межличностных и групповых коммуникаций, механизмом интеграции социума, а также инструментом самореализации и самовыражения личности.

Так ли это на самом деле?

В информационном обществе новые медиа кардинально изменили жизнь современного человека. Еще никогда человек не тратил столько своего времени и не был так активно вовлечен в виртуальный мир в ущерб своей частной, семейной и личной жизни. Никогда еще за всю историю человек, используя различные орудия труда и инструменты, не менял своего отношения к пространству и времени, мировосприятию, межличностным коммуникациям, сопричастности к своему бытию, к природе и в целом к духовной жизни. Еще не было ранее у человечества таких технологий, которые по своим масштабам оказывали бы воздействие на все сферы жизнедеятельности общества и, по сути, создавали фундамент нашего бытия.

Лоббисты продвижения цифровых технологий пытаются внедрять новые медиа во все сферы жизнедеятельности современного человека, особенно это касается ду-

¹ Под «новыми медиа» можно понимать различные информационно-коммуникационные площадки в сети Интернет. Это высокотехнологичные интернет-ресурсы, обладающие конвергентностью, к ним в первую очередь относятся различные Интернет-СМИ, социальные сети, мессенджеры, блоги, видеоигры и другие онлайн-ресурсы, которые являются техническими средствами создания, передачи и обмена социальной информацией.

ховной сферы, преимущественно в культуру, науку, образование, области социального и политического управления. Даже в такой традиционной сфере, как религия, активно используются социальные сети и другие современные средства информации и коммуникации.

«Быстрое развитие информационно-коммуникационных технологий сопровождается повышением вероятности возникновения угроз безопасности граждан, общества и государства» [1].

Стремительное развитие индустрии информационных технологий в сфере новых медиа оказывает воздействие на духовную безопасность личности, возникает потребность в проведении научных исследований по данной проблематике. Необходимость критически осмыслить использование новых медиа в современном обществе достаточно актуальна, по причине вероятности возникновения экзистенциальных угроз для личности.

Духовная безопасность личности как составляющая личностного уровня национальной безопасности включают элементы социокультурной, духовно-нравственной, идеологической, психологической и религиозной безопасности. Под духовностью личности можно понимать нацеленность и ориентацию личности на общечеловеческие ценности и национальные традиции, многогранное саморазвитие и образование, активную социальную позицию, устремленную к общественно-полезной деятельности по созданию материальных и духовных ценностей. Духовность личности регламентируется в первую очередь ролью традиционных ценностей, которые преобладают в обществе.

Духовные аспекты безопасности личности характеризуется стабильностью и устойчивостью духовного состояния человека при воздействии на него деструктивной информации. Такое состояние защищенности должно гарантировать личностное саморазвитие, построенное на основе традиционных ценностей и национальной культуры, морально-нравственных качеств личности и приоритета духовного над материальным. Неуязвимость личности от информационных угроз в духовной сфере определяется общим состоянием национальной безопасности общества и государства. В современном мире «медиа» уже давно превратились в информационное оружие, которое воздействует на безопасность личности, общества и государства.

Существует точка зрения, что нет плохих новых медиа, все зависит от того, как человек использует современные цифровые технологии в информационном пространстве. В то же время активный пользователь социальных сетей и мессенджеров со временем становится зависим от информационных технологий. Так, попадая в пространство новых медиа и оказываясь в цифровом мире, человек в конечном счете параллельно становится виртуальной личностью, порой даже с другими жизненными интересами и ценностями, чем в реальном мире.

В настоящий момент новые медиа стали выполнять функции посредника для реализации определенных целей и задач. Так, в связи с активным развитием онлайн-бизнеса теперь уже стало невозможно заниматься покупками или продажами определенных товаров и услуг вне сети Интернет, а именно, торговля происходит преимущественно на площадках новых медиа, где существует привлекательная среда для мошенничества. В сфере трудовых отношений корпоративные правила некоторых организаций обязывают сотрудника круглосуточно находиться на связи с работодателем, используя технологии социальных сетей и мессенджеров. Такой вид непрерывной коммуникации может оказывать психологическое давление на работника, который постоянно находится в ожидании служебного информационного

сообщения. В сфере оказания разного рода административных услуг действует обязательная регистрация на информационных Интернет-порталах. В сфере среднего и высшего образования существует принудительная регистрация в социальных сетях и сообществах мессенджеров каждого учебного заведения. Вопросы внедрения геймификации, такой как использование цифровых игр в процессе обучения, также вызывают много дискуссий о возможных негативных последствиях, влияющих на интеллектуальное развитие обучающихся, что препятствует формированию логического и критического мышления школьников и студентов.

Таким образом, уже само общество добровольно принимает такие «коммуникационные нормы и правила», и сам человек в активном режиме и с большим удовольствием использует новые средства коммуникации и информации во всех сферах жизни. Тотальная цифровая коммуникация в первую очередь выгодна предпринимателям бизнеса, которые занимаются разработкой и реализацией новых информационных технологий или получают материальную прибыль от производимого контента. Власть и работодатели тоже заинтересованы в эффективном управлении социумом и активно внедряют новые медиа-технологии в сферы государственного и социального регулирования. Различные институты гражданского общества, продвигая свои интересы, используют социальные сети и мессенджеры, распространяют социально-политический контент с целью влияния не только на общество, но и на такие подконтрольные государству сферы, как образование, медицина, наука и культура. Все это происходит якобы в целях модернизации и сокращения так называемого цифрового неравенства под предлогом, что каждый гражданин имеет равный доступ к информации. Каждый человек теперь считает своим долгом и обязанностью иметь доступ ко всем медиаресурсам и средствам информации и коммуникации, которые его интересуют. Уже практически не существует в России граждан, не имеющих доступ к глобальному информационному пространству, где, к сожалению, доминирует в большей части западный контент, продвигающий антироссийские идеи и «новые либеральные ценности».

«По политическим причинам пользователям сети Интернет навязывается искаженный взгляд на исторические факты, а также на события, происходящие в Российской Федерации и в мире» [1].

Можно предположить, что такое цифровое господство западных площадок и доминирование англосаксонского контента в глобальном информационном пространстве ведет к разрушению традиционных устоев российского общества в целях управления мировоззрением граждан России.

Цифровое господство выражается и в форме постоянного сбора, обработки и анализа данных, с помощью которых можно контролировать и управлять человеком и социумом. Так, определенная часть пользователей современных гаджетов интуитивно поддается якобы оздоровительным цифровым программам, которые собирают и анализируют данные о здоровье и физическом состоянии человека. Теперь современный гаджет со своими приложениями владеет практически всей личной информацией о своем пользователе, включая биометрические данные. Дети и подростки в настоящее время находятся под регулярным цифровым контролем, в результате по мере взросления возникает снижение самостоятельности, теряется ощущение независимости, все это влияет на духовное становление и развитие личности. Определить географическое или физическое местоположение человека в данный момент не составляет труда,

с помощью GPS и различных топографических приложений существует возможность отслеживать человека, его маршрут практически в любой точке мира.

В связи с этим активно развивается такое информационно-аналитическое направление, как OSINT (Open Source Intelligence Methods and Tools). Министерство обороны США определяет OSINT следующим образом: «Разведка с открытым исходным кодом (OSINT) – это разведка, которая производится на основе общедоступной информации и собирается, эксплуатируется и распространяется своевременно для соответствующей аудитории с целью решения конкретной задачи». 90 процентов полезной информации, получаемой разведывательными службами, поступает из открытых источников. Сайты социальных сетей, мессенджеры и другие средства массовой информации и коммуникации открывают многочисленные возможности для сбора информации о человеке [2].

Активно развиваются и негосударственные информационно-аналитические структуры, которые занимаются разведкой данных из социальных сетей, мессенджеров и других новых медиа.

Коммуникативное пространство современного человека все больше насыщено виртуальными отношениями в социальных сетях и мессенджерах. Все меньше контент традиционных СМИ оказывает влияние на человека, так как значительную часть своего времени он проводит в социальных сетях, где получает огромные массивы информации, как правило, некачественной и недостоверной. Все это происходит в ущерб реальному межличностному общению и потере времени. Складывается парадоксальная ситуация: человек, выстраивая свои отношения на площадках социальных сетей, имеет много виртуальных друзей, но в реальной жизни он оказывается в одиночестве. В социальных сетях для определенной категории людей существует возможность якобы самоутвердиться в глазах своего сообщества, подписчиков, публично высказывать свое мнение на определенные социально-политические, экономические и бытовые проблемы, не стесняясь рассказывать частные подробности из своей личной жизни, афишировать мнимые достижения, рекламировать свои негативные поступки и заявлять о своей успешности.

Все чаще в пространстве социальных сетей правоохранительные органы отмечают радикальную и деструктивную информационную деятельность, которая продвигает идеологию насилия и радикализма, пропагандирует идеи экстремизма и терроризма. На площадках социальных сетей структуры правопорядка регулярно выявляют преступные интернет-сообщества, где рекламируются идеи массовых и серийных убийств, влечение к смерти, популяризируется сатанизм и различные псевдорелигиозные секты. В пространстве новых медиа активно продвигаются деструктивные идеи и смыслы, обесценивающие традиционные ценности, формирующие у общества порочные представления о человеческом бытии. Под действием такого деструктивного контента у пользователей социальных сетей, особенно молодежи, происходит переоценка традиционных ценностей и смысла человеческого бытия, складываются впечатления опасности и угрозы для собственной жизни, формируется недоверие к государству, органам власти и обществу. На площадках новых медиа заинтересованные зарубежные антироссийские структуры отслеживают и вербуют людей с уже сформировавшимися деструктивными взглядами с целью дальнейшего их использования в объективной реальности для дезорганизации российского общества и государства. Анонимность и обезличивание

в социальных сетях приводят к росту противозаконных действий в реальном мире.

«Анонимность, которая обеспечивается за счет использования информационно-коммуникационных технологий, облегчает совершение преступлений, расширяет возможности для легализации доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма, распространения наркотических средств и психотропных веществ» [1].

Социальные сети, мессенджеры, цифровые видеоигры, различные видеохостинги могут представлять собой новый тип мощного информационного оружия, направленного против духовной безопасности личности, общества и государства. Стоит отметить тот факт, что самые авторитетные и популярные в мире социальные медиа, часть из которых признана экстремистскими и их деятельность запрещена на территории РФ по решению суда, полностью контролируются западными антироссийскими корпорациями. По заявлению Павла Дурова, владельца мессенджера Telegram, западные корпорации, такие как Apple, Google, ограничивают контент телеграм-каналов и регулярно угрожают блокировкой приложений.

«Когда дело доходит до свободы слова, эти две платформы могут, по сути, подвергать цензуре все, что вы можете прочитать на своем смартфоне», – сказал Дуров. По его словам, Apple и Google «ясно дают понять», что в случае если мессенджер не будет соблюдать правила, которые установили корпорации, то его могут удалить из магазинов приложений. В результате доступ к нему потеряет большая часть населения мира» [3].

Пространство новых медиа превратилось в поле битвы, где проводятся информационно-психологические операции за человеческие души. Так, на платформах «Meta»¹ и «свободной» энциклопедии Wikipedia.org в отношении России развязана крупномасштабная информационная война, где происходит дискредитация политического и военно-политического руководства России, ее Вооруженных сил, осуществляется фальсификация российской истории, продвигаются нетрадиционные ценности, постоянно акцентируется внимание на «диктаторский» политический режим в России. На площадках западных социальных сетей происходит блокировка пользователей, если их политическая и гражданская позиция имеет пророссийскую точку зрения.

Особо стоит выделить зарубежные цифровые видеоигры, которые можно отнести к новым медиа, технически они связаны со смартфонами и сетью Интернет. Существует статистика, где показано, что видеоигры занимают много времени в жизни современного человека. Сами разработчики получают огромную прибыль, распространяя видеоигры по всему миру. Современные цифровые видеоигры – это уже новые средства массовой информации и коммуникации, объединяющие целые сообщества игроков со своими ценностями и идеологией, которые продвигают разработчики игр.

«Видеоигры давно используются странами НАТО для военной пропаганды. Этот инструмент позволяет привить многим людям (в основном молодежи), что убивать русских – это увлекательно» [4].

«Русским предложили сыграть в дьявола: Самая русофобская компьютерная игра «Индика» позиционирована не просто как игра, выпущенная врагами России, а как игра, открыто проповедующая ненависть к России и Православию, причем именно в связи с СВО» [5].

¹ Признана экстремистской организацией в России, ее деятельность запрещена на территории РФ по решению суда.

Новые медиа стали площадками для проведения как информационных, так и когнитивных операций, являющихся частью гибридной войны, которую Запад связал против России. Когнитивные и информационные операции имеют существенные временные различия. Так, когнитивные операции тождественны получению образования и просвещения общества, которое требует длительного времени, чтобы добиться определенного результата в сознании личности. Примером служит признание частью современного общества нетрадиционных ценностей, экологических движений, культуры потребления, полной свободы и независимости от морали, дисциплины и гендерной идентичности. Информационные операции, которые проводятся через социальные сети и другие новые медиа, действуют краткосрочно, в форме периодических инфоатак, возможна и волна в виде периодических информационных сообщений. Технологии пропаганды, дезинформации, рекламы и связей с общественностью являются основными методами и способами воздействия на общество в пространстве новых медиа. Информационные операции на площадках социальных сетей в большей части проводятся с привлечением лидеров общественного мнения, что дает возможность манипулировать массами, управлять эмоциями и чувствами подписчиков.

В информационном обществе человек, используя новые медиа и современные цифровые технологии, кардинально изменил свое отношение к пространству и времени. Новые медиа уменьшили пространственные и временные интервалы. Если мы находимся на удалении от людей или вещей, у нас появилась возможность сразу лицезреть или выполнить определенное действие, не перемещаясь в пространстве и не теряя свое время. Такое отношение к пространству и времени, ощущение которого в некоторой степени не регулирует и не ограничивает человека, создает у него искаженное восприятие действительности в отношении его прав и свобод, всемогущества, господства и могущества. У человека появляется чувство вседесуцности, то что он может присутствовать везде и всегда. Так, например, виртуальная межличностная коммуникация на самом деле не исключает пространство, цифровое межличностное контактирование, создает расстояния другого типа. Отсутствие движения в пространстве не устраняет фактическое пространство, такие виртуальные контакты повышают ощущение изоляции личности от общества. Да и недостаток ожидания отнимает у человека как радостные ощущения будущей встречи, так и терпение, и выдержку.

По мнению многих исследователей, технический прогресс, особенно в области информационных технологий, способствует повышению качества жизни современного человека, а время, которое в жизни человека играет важную роль, будет освобождаться исключительно в интересах человека. Получается обратный эффект, чем сильнее развиваются и быстрее работают новые средства информации и коммуникации, тем больше человеку не хватает времени как при выполнении своих функциональных обязанностей на работе, так и в домашней обстановке. Новые медиа выстраивают новую структуру образа жизни для современного человека, который постоянно находится в состоянии нехватки времени и не может регулировать жизненный ритм и контроль своего бытия.

В пространстве новых медиа параллельно сформировалось виртуальное общество, где личность интегрирована в цифровой мир, постоянно находится в состоянии включенности и является неким человеческим приложением, но для духовного развития личности необходимо уединение и спокойствие. К сожалению, со-

циальные коммуникации в пространстве новых медиа стали для современного человека его продолжением, его частью, его вторым организмом, большинство людей уже не представляют своей жизни без общения в социальных сетях и мессенджерах. Человек в информационном обществе находится в зависимости от получаемой информации: сообщений, «лайков» в социальных сетях и мессенджерах, интуитивно и регулярно проверяя свой гаджет. Поглощенная в цифровые коммуникации личность находится под воздействием образов и смыслов, которые ей навязывают в интернет-пространстве, расценивая свое виртуальное нахождение как естественную среду жизни. В глобальном информационном пространстве ценности становятся неделимыми, а идентичность, к сожалению, разрушается. Складывается ситуация, что для активного пользователя социальных сетей и мессенджеров важна в первую очередь коммуникация, потребность и зависимость от общения, а потом уже содержание. У активного пользователя новыми медиа возникают тревожность и беспокойство, если у него по каким-то причинам нет возможности участвовать в коммуникации.

Новые медиа ограничивают и личную жизнь, часто в семьях существуют конфликты из-за невнимания к членам своей семьи и недостаточного реального, традиционного человеческого общения, особенно это касается пользователей различных цифровых игр в Интернете, где человек, погружаясь в игровой процесс, отключается от всего окружающего мира. Такой человек все реже общается в реальном мире, создает свой собственный виртуальный мир со своими потребностями и желаниями, где для него не существует требований и ограничений в социальных коммуникациях, в своем мире он ощущает себя властелином и хозяином. Пространство новых медиа не является «глобальной деревней», о которой писал исследователь Маршал Маклюэн [6]. Это всего лишь совокупность собственных воображаемых миров, которые сформировали для себя активные пользователи современных цифровых медиа. В результате такие социальные коммуникации в цифровом пространстве могут носить разрушительный характер для духовного состояния личности.

Таким образом, развитие цифровых технологий, а именно новых медиа вызывает много дискуссий по поводу безопасности их применения и регулярного использования современным человеком. Рассуждая о человеке как о властителе природы, можно предполагать, что в реальности мы не можем влиять на нее, и чем больше человек создает новых информационных технологий, тем сильнее техника доминирует над личностью, подавляя ее саму и принуждая использовать современные технологии, особенно в информационно-коммуникационной сфере. Человеческое поклонение перед новыми медиа привело к тому, что фактически, современное общество стало добровольным пленником новых информационно-коммуникационных технологий, которые осуществляют руководство человеческими поступками и действиями. Новые медиа создают ложное представление о том, что права и свобода человека и гражданина расширились, ведь на самом деле информационные технологии лишают свободы современного человека, если он находится от них в зависимости.

Трансформация и модернизация современного цифрового общества в связи с развитием новых информационных технологий будут продолжаться, но несмотря на это, необходимо разумно контролировать и ограничивать потребность личности и общества в неконтролируемом использовании новых средств информации и коммуникации, особенно если существуют угрозы воз-

никновения негативных последствий в духовной сфере. Свободный, неконтролируемый доступ к деструктивной информации на площадках различных социальных медиа создает угрозу духовной безопасности личности и понижению интеллектуальных способностей человека. Социальная информация, которая формируется и распространяется на площадках социальных сетей и других новых медиа, к сожалению, имеет низкий уровень духовности. Такое неконтролируемое использование новых медиа со временем может изменить саму природу бытия человека.

В целях духовной безопасности и недопущения влияния деструктивного контента на сознание граждан России необходимо системно заниматься исследованиями в области применения новых средств информации и коммуникации, где должно учитываться стимулирование междисциплинарных научных работ в сотрудничестве гуманитарных и технических специалистов. Целями таких совместных научных исследований должно стать безопасное информационное пространство, формируемое на площадках новых медиа, культура использования современных гаджетов и новых информационных технологий в интересах духовного развития личности. Необходимо выявление и диагностирование угроз, связанных с новыми информационными технологиями в области массовой информации и коммуникации с целью их демонстрации тем, кто необдуманно продвигает и внедряет новые медиа во все сферы жизнедеятельности человека. Обеспечение духовной безопасности в пространстве новых медиа должно быть направлено на сохранение и укрепление духовно-нравственных ценностей, выявление и купирование современных концентрированных внутренних и внешних угроз в духовной сфере.

В современных условиях, учитывая информационные потребности общества, новая цифровая среда обитания человека достаточно сложна и противоречива, она оказывает сильное влияние на духовное становление личности, способствуя не только ее развитию, но и разрушению. Неконтролируемое использование человеком новых медиа привело к тому, что они стали частью его анатомии и инструментом мышления. Здесь уже необходимо задуматься о вмешательстве информационных технологий в природу человека, которое будет только усиливаться. В настоящий момент в пространстве новых медиа формируется идеология деконструкции человеческого бытия.

Литература

1. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».
2. N. A. Hassan and R. Hijazi, *Open Source Intelligence Methods and Tools*, 2018. – URL: https://doi.org/10.1007/978-1-4842-3213-2_9
3. Российская газета. Павел Дуров пожаловался Карлсону на Apple и Google. – URL: <https://rg.ru/2024/04/17/durov-v-interviu-karlsonu-apple-i-google-okazyvaiut-bolshoe-davlenie-na-telegram.html>

ru/2024/04/17/durov-v-interviu-karlsonu-apple-i-google-okazyvaiut-bolshoe-davlenie-na-telegram.html

4. Федеральный информационный портал Russia News. – URL: <https://russia-news.ru/ru/8-news/5831-propaganda-nato-v-dejstvii-ukrainskuyu-molodezh-priuchayut-k-mysli-chto-ubivat-russkikh-uvlekatelno>
5. Сетевое издание «Царьград/Tsargrad». – URL: https://tsargrad.tv/articles/russkim-predlozhili-sygrat-v-djavola-samaja-rusofobskaja-kompjuternaja-igra_1001524
6. Маклюэн М. Война и мир в глобальной деревне / Маршалл Маклюэн, Квентин Фиоре; пер. с англ. И. Летберга. – М.: АСТ: Астрель, 2012.
7. Обратная сторона новых медиа / Жан-Клод Ларше; пер. с фр. С.А. Кузнецовой. – Москва: Изд-во Сретенского монастыря, 2023. – 304 с.

NEW MEDIA IN THE CONTEXT OF PERSONAL SPIRITUAL SECURITY

Artemyev A.A.

Bauman Moscow State Technical University

The development of digital technologies, namely new media, causes many discussions about the safety of their application and regular use by modern man. Human worship of new media has led to the fact that, in fact, modern society has become a voluntary captive of new information and communication technologies that guide human actions and deeds. It is necessary to think about the interference of information technologies in human nature, which will only increase. At the moment, according to the author, in the space of new media, an ideology of deconstruction of human existence is being formed.

Keywords: spiritual security, spirituality, new media, social networks, information society, information and communication technologies.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 No. 400 “On the National Security Strategy of the Russian Federation”.
2. N. A. Hassan and R. Hijazi, *Open Source Intelligence Methods and Tools*, 2018. – URL: https://doi.org/10.1007/978-1-4842-3213-2_9
3. Rossiyskaya Gazeta. Pavel Durov complained to Carlson about Apple and Google. – URL: <https://rg.ru/2024/04/17/durov-v-interviu-karlsonu-apple-i-google-okazyvaiut-bolshoe-davlenie-na-telegram.html>
4. Federal information portal Russia News. – URL: <https://russia-news.ru/ru/8-news/5831-propaganda-nato-v-dejstvii-ukrainskuyu-molodezh-priuchayut-k-mysli-chto-ubivat-russkikh-uvlekatelno>
5. Online publication “Tsargrad/Tsargrad”. – URL: https://tsargrad.tv/articles/russkim-predlozhili-sygrat-v-djavola-samaja-rusofobskaja-kompjuternaja-igra_1001524
6. McLuhan M. *War and Peace in the Global Village* / Marshall McLuhan, Quentin Fiore; trans. from English by I. Letberg. – М.: АСТ: Астрель, 2012.
7. *The Other Side of New Media* / Jean-Claude Larcher; trans. from French by S.A. Kuznetsova. – Moscow: Sretensky Monastery Publishing House, 2023. – 304 p.

Концепция слова (имени) в творчестве античных философов

Васильев Вячеслав Александрович,

д.ф.н., профессор, профессор кафедры философских наук
МГЛУ

E-mail: prof.Vasiliev@ro.ru

Аветисян Ашот Альбертович,

преподаватель кафедры философских наук МГЛУ

E-mail: ashotavetisyana@yandex.ru

Слова имеют сакральную власть над нами, их часто принимаем на веру и оказываем безграничный кредит доверия. С их помощью можно написать и произнести неограниченное количество фраз, выразить истину или ложь. В статье осуществляется философско-лингвистический анализ слова, как части знаковой системы языка, несущего определенную информацию. Выделяется генезис, возникшей в рамках античной философии лингвистической проблематики языка, слова. Для одних философов слова выступали отражением конкретных предметов и содержали определенное значение, смысл, а для других (лингвистов) слова использовались как языковые игры.

Ключевые слова: язык, слово (имя), именование, значение, смысл, софист, лингвистика, философия.

Актуальность темы вызвано тем, что мы живем в «мире языка». Без него человек не может обойтись ни в повседневном бытовом общении, ни в научном поиске истины. Интерес к языку активизируется в условиях постнеклассической науки. Вводятся новые понятия, требующие обоснования своего значения. Усиливаются межнациональные и межгосударственные связи, что значительно повышает роль лингвистической культуры. Язык становится самостоятельным предметом исследования многих дисциплин. Его анализируют лингвисты и логики, психологи и семиотики, культурологи и философы. Пристальное внимание стало обращаться на выявление значений, смысловых выражений слова, его возможные интерпретации. Практическое использование языка потребовало обратиться к генезису философско-лингвистического анализа слова, который осуществили античные мыслители.

Каждый из нас испытывал состояние, когда высказанное суждение не в полной мере отвечало нашей мысли. Не всегда нас понимают, и мы не раз находились в ситуации, когда не могли уловить смысл речи своего оппонента. Подобные сложности вербального выражения были подмечены еще античными философами. Сложилось философское направление – софисты. Это были первые лингвисты, обратившие внимание на тонкости использования слова. Увлекаясь риторикой, софисты не могли не обнаружить, что сложность оформления мысли в нужную словесную форму может привести к парадоксальным выводам. Парадоксы (от греч. *paradoxos* – неожиданность, странность) – это противоречия, возникающие в вербальных формах выражения суждений. Парадоксальные предложения одновременно нечто утверждают и отрицают, содержат в себе правду и ложь, что приводит к заблуждению. Как можно прокомментировать следующее утверждение: «Я всегда лгу». Что здесь истина, а что ложь? Известен парадокс «Брадобрей»: Парикмахер бреет всех, кто не бреется сам. Может ли он брить самого себя?

Философ Протагор один из первых в истории языкознания обратился к анализу грамматического строя слова, выделил категорию рода, четыре вида высказывания: вопрос, ответ, поручение, просьба. В то же время, будучи софистом, не признавал сложившуюся в античный период концепцию «именований», согласно которой в мышлении возникает словесный образ обозначенной вещи. Его известный афоризм гласит: «Человек есть мера всем вещам». Из подобного тезиса следовали определенные выводы. Поскольку люди индивидуальны, отличаются мировоззренческим, культурным уровнем, то не может быть для всех объективного знания. Как каждый нечто чувствует, так оно и есть на самом деле. Все есть таким, каким оно нам кажется. Об одном и том же можно сказать что-то одно, и одновременно – нечто иное, противоречащее первому утверждению.

Важные для лингвистики грамматические проблемы софистами стали подменяться чисто прагматическими соображениями: любыми аргументами обосновать правоту своего высказывания, добиться превосходства над своим противником. В этих целях в дискуссиях широко использовались так называемые софизмы (от греч. *sophisma* – хитрая выдумка, уловка). Софизмы имеют внешне правильную форму построения слов, но содер-

жат заведомо неверный вывод. До нас дошли некоторые софизмы. Например: «Вор не испытывает желания воровать что-то дурное; приобретение чего-либо хорошего – благое дело; стало быть, вор занимается благом делом» Первоначальное уважительное отношение со стороны граждан к софистам как учителям «мудрости» падало. Неблаговидные приемы показывали, что софист ищет корысти от мнимой, а не действительной мудрости. Для него важно казаться исполняющим дело мудрого, чем действительно его исполнять. Позиция человека знающего состоит в том, чтобы четко выстраивать свои доводы и выслушивать аргументы других, говорить правду и уметь уличать лжеца [1, с. 535].

Подвергая критике некорректные софистические приемы, Платон творчески анализировал лингвистическую тематику, которая зародилась в рамках философских систем, но стала представлять свой самостоятельный предмет исследования – слово, язык. Более существенные словесные нарушения происходят в ходе обоснования суждений и выдвижения умозаключений. Их причины определяются онтологическими, гносеологическими, семантическими, грамматическими и другими ошибками использования языка, его соотношения с мышлением. Онтологические основания заключаются в том, что слова имеют свою зависимость от объективно существующих вещей, которые фиксируются в языке.

В работах Платона «Федон», «Кратил» рассматриваются вопросы о грамматическом значении слова, критически анализируются разные позиции использования имен. Так, с точки зрения софиста «нет иной правильности имен, кроме этой: я могу называть любую вещь одним именем, какое я установил, ты же – другим, какое дал ты. То же самое я наблюдаю и в городах – иногда одни и те же вещи в каждом городе называются особо, у одних эллинов не так, как у других, и у эллинов не так, как у варваров» [3, с. 615]. В таком случае, иронизирует Сократ, я могу называть лошадь человеком, а человека – лошадью.

Иную позицию соотношения между предметом и именем выдвигали сторонники договорной концепции. Я общался со многими людьми, отмечает философ Гермоген, но они «ни разу меня не убедили, будто правильность имени есть что-то другое, нежели договор и соглашение... Ведь мне кажется, какое имя кто чему-либо установит, такое и будет правильным... Ни одно имя никому не врождено от природы, оно зависит от закона и обычая тех, кто привык что-либо так называть» [3, с. 614].

Сократ, принимая обе позиции, отмечает, что между словами и обозначаемыми предметами следует найти внутреннюю связь. Давать имена нужно в соответствии с природой вещей, а не так, как нам заблагорассудится. Сами вещи имеют некую собственную устойчивую сущность безотносительно к нам и независимо от нас [3, с. 618]. С точки зрения Сократа, имя дается тому, чему подражают. Если художник использует краски, то человек использует звуки, слоги и примеряет их к вещам: то к одной вещи, то к другой. Мы соединяем слоги, из которых уже будут состоять слова и выражения. Нужно также различать гласные, безгласные и беззвучные. Посмотреть сколько есть различных видов гласных. «Хорошенько все это рассмотрев, нужно уметь найти для каждой [вещи] наиболее соответствующее ей [имя]: либо одно слово связать с одной вещью, либо отнести к этой вещи смесь из многих слов» [3, с. 662]. По мысли Платона, одни имена составлены из более первичных, а другие являются первыми. Первичные имена образуются по моделям мира, чувственного его восприятия. Образование производных имен происходит с соблюдением ряда правил: добавлением, вставкой или изъятием звука

или тона, сокращением до слова целого предложения, словосочетанием, описательным именованием и т.д.

Важный вклад в философско-лингвистическую проблематику языка вносит Аристотель. У каждого разумного человека не вызывает сомнения, отмечает Стагирит, что в ходе наших размышлений мы используем не сами вещи, а их идеальные копии – слова. Слово – это вербальный знак языка, определяющий данный предмет и несущий о нем информацию. Слова выступают «заменителями» вещей, их названием (именем). Благодаря именам мы постигаем суть вещей. В результате субъективного использования слов, одни высказывания могут претендовать на правдивость, а другие, не будучи ими, лишь кажутся таковыми. Подобное заблуждение, рассуждает Аристотель, можно наблюдать и в повседневной жизни. Ведь поведение одних людей действительно безукоризненное, у других – это только видимость. Одни люди красивы своей красотой, а другие только кажутся красивыми, потому что прихорашиваются. Таким же образом одни словесные утверждения и опровержения действительно выверены, а другие нет, но кажутся такими, не будучи ими [1, с. 535–536].

Критическое отношение к софистике сопровождается у Аристотеля анализом языка, как с философской точки зрения, так и с лингвистической. С философских позиций анализа языка им создается наука о законах правильных форм мышления. Они позволяют выявлять возможные парадоксы, софизмы и иные приемы, нарушающие доказательную логику высказывания. Философ указывает на закон тождества, согласно которому размышление невозможно, если не мыслить каждый раз что-нибудь одно. Закон непротиворечивости основывается на доводе, что два несовместимых друг с другом суждений не могут быть одновременно истинными; как минимум одно из них ложно. Согласно закону исключенного третьего, если в одном из двух выражений что-либо о предмете утверждается, а во втором отрицается – одно из них обязательно истинно. Законы мышления выступают предпосылкой к объективной правильности рассуждений, которые становятся возможными при условии, если предметы, их взаимосвязи более или менее адекватно отражаются в мыслительной деятельности и фиксируются словом в логике понятий. Конечно, люди неосознанно использовали логические законы задолго до того, как их Стагирит выделил, обосновав возможность рационального применения в процессе построения доказательств. Мыслительная деятельность дана человеку разумному в виде его способности. Однако, усвоенная стихийно, она и в простых ситуациях может показать свою несостоятельность.

Аристотель показывает определенную языковую последовательность действий: слово – предложение – речь. Слово-имя и речь не произносятся произвольно, а вызывают к жизни какую-либо операцию с реальными или воображаемыми вещами. Речь предполагает не просто констатацию отдельных слов, их взаимосвязь, но духовную деятельность живого языка, который выступает мировидением, связкой между внешним миром и внутренним – миром субъекта. Речевая деятельность включает в себя отношение людей к природе и друг к другу, и предстаёт как соединение индивидуальных восприятий с общей человеческой лингвистической культурой. Значение слова должно быть по содержанию одинаковой для всех людей. Однако в вербальном языке слово может иметь несколько значений, что во многом вызвано несоответствием между вещами и их именами. Это несоответствие, поясняет Аристотель, состоит в том, что количество вещей множество, а число имен-слов в чело-

веческом арсенале ограниченно. Поэтому одно и то же слово может иметь разное значение [1, с. 536].

С точки зрения лингвиста, Аристотель использовал логику в исследованиях языкознания, заложил основы греко-латинского грамматического искусства. Им рассматривается слово как знак, обладающий значением, обращается внимание на основные грамматические единицы в системе предложений. Речь в целом имеет следующие части: букву, слог, связку, член, имя, глагол, отклонение, высказывание. Буква (*stoukheion*) есть неделимый звук, но не всякий, а такой, из которого может явиться звук осмысленный (*rhōnē synetē*): ведь и у животных есть неделимые звуки, но ни одного из них невозможно называть буквою. Буквы, с точки зрения Аристотеля, делятся на гласные, полугласные и безгласные. Устанавливаются общие значения слов, по которым они соединяются, и с точки зрения логики образуют правильные или неправильные суждения. Аристотелем выделяются слова (имена) простые, сложные, вспомогательные, т.е. служебные. Простым он называет то слово, которое слагается из не имеющих самостоятельного значения частей, например, «земля». Что касается имен сложных, то одни состоят из части, имеющей самостоятельное значение, и не имеющей его, но имеющей или не имеющей значение не в самом имени; другие состоят из частей (только), имеющих значение. Слова общепотребительные, глоссы, метафоры, украшения речи. Слова вновь составленные. Слова сокращенные и измененные [2, с. 667–668].

Философско-лингвистический анализ языка, осуществленный античными мыслителями, остается весьма актуальным. Изложенная ими теория «именований» содержит важный философский вывод: «кто знает имена, тот знает и вещи». Показывается соотношение между именем и вещами, рассматривается знаковое значение слова, с помощью которого производится действие с реальным или воображаемым предметом. Имя-слово закрепляется с предметом благодаря его обозначению. «И пока имя выражает вложенный в него смысл, оно остается правильным для того, что оно выражает» [3, с. 626]. Однако в языковой концепции еще нет разделения слова по его значению и смыслу. Поэтому, следует обратить внимание на то, что отдельно взятое слово, являясь знаковым выражением языка, несет определенную информацию – значение. Значение слова, можно найти в словаре, но значение данного слова не содержит

в себе смысла. Проанализируем слово *коса*. Произнося данное слово, мы, естественно, задаемся вопросом: о чем идет речь, ибо данное слово имеет разные значения – девичья коса; коса в руках хлебороба; песчаная коса и т.п. В слове-имени *человек* есть значение, но в нем нет смысла. Древнегреческий философ Диоген бегал днем по городу с зажженным факелом и кричал: «Ищу человека!». Человека, как название-имя, как абстракцию, он найти не сможет. Значение произнесенного слова может быть одно, а его смыслов много. В связке со значением слова смыслы в разных ситуациях могут быть самыми разнообразными, в результате чего возможно непонимание. На сложности выявления содержания значения и смысла часто создаются логические «ловушки». Разведение значения и смысла позволяет избежать серьезных логических и грамматических ошибок в использовании слова.

Литература

1. Аристотель. Соч. в 4 т., Т 2. М.: Мысль. – 667 с.
2. Аристотель. Соч. в 4 т., Т. 4. М.: Мысль, 1983. – 830 с.
3. Платон. Собрание сочинений в 4 т.: Т. 1. М.: Мысль, 1990. – 860 с.

THE CONCEPT OF A WORD (NAME) IN THE WORK OF ANCIENT PHILOSOPHERS

Vasiliev V.A., Avetisyan A.A.

Moscow State Linguistic University

Words have magical power over us, they are often accepted on faith and provide unlimited credit of trust. With their help, you can write and pronounce an unlimited number of phrases, express truth or lies. The article carries out a philosophical and linguistic analysis of the word as part of the sign system of the language carrying certain information. The genesis that arose within the framework of the ancient philosophy of linguistic problems of language and word stands out. For some philosophers, words reflected specific subjects and contained a certain meaning, while for others (linguists) words were used as language games.

Keywords: language, word (name), naming, meaning, meaning, sophist, linguistics, philosophy.

References

1. Aristotle. Works of 4 V. V 2. M.: Thought. – 667 с.
2. Aristotle. Works of 4 V. V. 4. M.: Thought, 1983. – 830 с.
3. Plato. Works collection in 4 V.: V. 1. M.: Thought, 1990. – 860 с.

Феминность и маскулинность в культуре: архетипы, символы, метафоры, стереотипы

Воронина Ольга Александровна,

доктор философских наук, ведущий научный сотрудник,
Институт философии РАН
E-mail: Olga-voronina777@yandex.ru

В статье рассматривается вопрос о том, как в культуре представлены мужское (маскулинное) и женское (феминное) начала. Методология анализа основана на использовании идей философской антропологии, концепции архетипов К. Юнга, символического интеракционизма, теории деконструкции Ж. Дерриды и символического капитала П. Бурдьё. Отмечается, что начиная с античности половые символы и метафоры использовались в философских текстах. Особое внимание уделяется анализу концепта женственности в русской теологии пола. Именно в рамках этого подхода сформировалась мифологема Матушки-Руси, которая активно сохраняется в культуре вплоть до наших дней. Автор подчеркивает, что символ как многозначный феномен в жизни нередко трансформируется в метафору, образ, аллегория, стереотип. Несмотря на изменчивость содержания символов феминности и маскулинности во времени и культурном пространстве, они сохраняют некоторый нерастворимый осадок. Это связано с тем, что в основе формирования гендерных символов лежат архетипы Матери, олицетворяющей Природу, Отца, олицетворяющего Логос и Божественное. Автор полагает, что философия культуры может продолжить деконструкцию традиционного гендерного символического порядка для создания более современного и справедливого общества.

Ключевые слова: символ, архетип, метафора, философия, культура, маскулинное, феминное, пол, гендер, теология пола, коммуникация, смысл, общество, Россия.

Методологические основания исследования

Понятие символа (от греч. – знак, примета) рассматривается в различных лингвистических, философских и культурологических концепциях, причем подходы к трактовке этого термина весьма различны. В социальных науках символ – это материальный или идеальный культурный объект, выступающий в коммуникативном или трансляционном процессе как знак, значение которого является конвенциональным аналогом значения иного объекта. Философское осмысление понятия символа началось еще в античности. В последующие века многие философы обращались к анализу понятия символ, рассматривая его с онтологических и гносеологических позиций.

В первой половине XX в. в рамках неклассической философии сложилась антропологическая парадигма в понимании символа. Эрнст Кассирер одним из первых обратил внимание на значимость символического отношения к миру для формирования собственно человеческой культуры. Он считал производство символов фундаментальной функцией сознания. Усваивая старые и творя новые символы, человек (animal symbolism, как его назвал Кассирер) выражает духовные смыслы в материально-чувственных образах. Культура, полагал он, представляет собой иерархию «символических форм». Символическое отношение к миру творит и самого человека: «Вместо того чтобы обратиться к самим вещам, человек постоянно обращен на самого себя. Он настолько погружен в лингвистические формы, художественные образы, мифические символы или религиозные ритуалы, что не может ничего видеть и знать без вмешательства этого искусственного посредника» [12, с. 470–471]. Подчеркну, что Э. Кассирер трактовал символ предельно широко, для него язык, миф, религия, искусство, науки суть «символические формы», посредством которых человек упорядочивает хаос.

У.Л. Уорнер также определял символы широко – как вещи, которые «обозначают и выражают что-то другое» – и потому символами могут быть слова, изображения, звуки, жесты, верования, представления, религиозные ритуалы. Уорнер выделял в символе два компонента: *знак* (т.е. внешне воспринимаемая форма), и *значение* (т.е. интерпретация знака человеком или людьми), которое помимо содержания включает негативные или позитивные ценности и чувства. Он утверждал, что «значащими вещами» («метками») могут быть признаки, цвета, формы, действие и бездействие, движения, звуки, шумы, молчание и многое другое. Объекты и знаки наделяются значением и становятся символами только в актах интерпретации («атрибуции значения»), интерпретация же всегда происходит в непосредственной ситуации действия. Уорнер подчеркивал, что *любое взаимодействие между людьми обязательно включает обмен значениями посредством отправления и получения знаков*. Повторяющиеся акты интерпретации знаков закрепляют их значения, и потому значения определяются Уорнером как продукт социального опыта (т.е. обмена знаковыми формами между членами сообщества). Вне актов интерпретации знаки не образуют значимой для общества системы; значения же образуют связанную,

согласованную и устойчивую во времени систему. Знание конвенциональных значений является важным как для функционирования общества, так и для выживания в нем индивида, поскольку коммуникация между людьми представляет собой прежде всего обмен значениями. Рассматривая современное общество, Уорнер отмечал существование **многообразных символических систем**, что, по его мнению, связано с развитым разделением труда и многосложностью социальной структуры.

К. Гирц декларирует, что будет использовать термин *символ* «в отношении любого предмета, любых действий, явлений, свойств или связей, которые могут служить средством передачи и восприятия смысла, – в передаче и восприятии, таким образом, и состоит «значение» символа» [13]. Вслед за Э. Кассирером К. Гирц трактует культурную деятельность как процесс создания и использования символических форм и считает ее *социальным* явлением. В отличие от животных, у которых вся необходимая для выживания информация содержится в генах, человек получает соответствующих набор рецептов и предписаний благодаря символической системе, которая наследуется постольку, поскольку человек причастен социуму. «Человеческая мысль во всех отношениях социальна: социальна по своему происхождению, социальна по своим функциям, социальна по своим формам, социальна по своему приложению. В основе своей мышление – публичная деятельность...» [там же]. Из символов конструируются культурные системы. Оперирование символами – отличительная особенность человеческого мышления, считает Гирц.

При герменевтическом подходе к анализу символической системы общества неизбежно использование таких форм, как ритуал, эмблема, обряд. К.А. Свасьян пишет о десяти формах символа, к которым он относит такие разные понятия, как *знак, метафору, образ, аллерию, понятие, явление, тип, сравнение, олицетворение, миф* [20].

К. Юнг предложил концепцию архетипов коллективного бессознательного, которые отражают общечеловеческие первообразы культуры. Эти прообразы, считал Юнг, являются врожденными, наподобие инстинктов, они находят отражение в сказках, мифах, былинах, вне рациональном сознании людей. К универсальным архетипам, несущим базовые смысловые образы-символы культуры, относятся хаос, творение, брачный союз мужского и женского начал, Праматерь [25]. Материнский архетип олицетворяет «то, что уже существовало во всех случаях, некоторое предусловие» [26]. Юнг показывает, что к типичным формам и символам материнского архетипа может быть отнесена конкретная мать, любая родственница, богиня, университет (*alma mater*), небо, земля, море, сад, дерево, животные и любой пустотельный предмет. Причем эти символы могут нагружаться позитивным или негативным смыслом. Архетип матери ассоциируется не только с добротой, опекой, мудростью, тайной жизни, плодородием и проч., но и с властью, магическими превращениями, таинством смерти и многим другим. Великая Богиня-Мать – это многозначная метафора природы как источника жизни, хтонических сил природы и цикла «смерть – возрождение». Стремление Великой Матери сохранить и удержать все, что ею порождено, приводит к тому, что она пытается «спрятать» свое дитя, заслонив/поглотив его. Отсюда, собственно, и возникает антитеза Великой матери – Ужасная мать, чей образ представлен во многих мифах, народных сказках, в психоанализе и беллетристике [31].

Развитие концепции символа связано также с таким теоретико-методологическим направлением в культурологии, социологии и социальной психологии, как симво-

лический интеракционизм (Дж. Мид, У. Джеймс, Т. Шибутани, И. Гоффман и др.). В рамках этого подхода основное внимание уделяется анализу **символических аспектов социальных взаимодействий**. Символический интеракционизм создал новую исследовательскую стратегию, которая предполагает включенное наблюдение за жизнью объектов для лучшего понимания практик повседневной жизни и сопровождающих их символических структур (идеологии, интерпретации, объяснения). Современные социологи-конструктивисты П. Бергер и Т. Лукман в книге «Социальное конструирование реальности» описывают, как культурные символы способствуют встраиванию социальных групп в структуру общественных институтов [3].

В России исследование темы символа связано прежде всего с именем А.Ф. Лосева. Лосев использует категориальный подход к символу, уделяя особое внимание соотношению означающего и означаемого в символе. Подчеркивая, что «символ есть самостоятельная действительность», он в том же время и отмечает, что понятие символа и относительно, потому что та или иная выразительная форма **есть символ всегда только в отношении чего-нибудь другого**. «Это особенно интересно потому, что одна и та же выразительная форма, смотря по способу соотношения с другими смысловыми выразительными или вещественными формами, может быть и символом, и схемой, и аллегорией одновременно» [14, с. 39]. Здесь мы не будем рассматривать подробно взгляды Лосева на соотношение мифа, схемы, аллегории и символа, а также входить в детали интереснейшего и совершенно самостоятельного учения Лосева о символе, поскольку трактовка этих вопросов в значительной степени определяются контекстом античной и средневековой эстетики, изучению которой Лосев посвятил свою жизнь. К сожалению, вопрос о «мифологически-личностной символике» (определение самого Лосева) и о символике и мифологии полов им только обозначается, но не анализируется. Лосев отмечает значимость личностного восприятия «тела и его отдельных органов» для сознания: «Если принять во внимание **половые** органы, то тут даже материалист, вопреки своим убеждениям, подчиняется общечеловеческой интуиции относительно их значения, хотя в материальном смысле они ничем принципиально не отличаются от пальцев, ушей и т.д.» [14, с. 73]. Подчеркивая, что «пол есть основное и глубинное свойство человека, но он меньше всего выражается в совокуплении и деторождении», Лосев сводит рассмотрение проблемы только к острой полемике с Розановым, которого он называет «половых дел мастером». «Пол, – писал Лосев, – действительно, есть основное и глубинное свойство человека, но (противопоставим Розанову другую мифологию) он меньше всего выражается в совокуплении и деторождении. Монахини и проститутки более интересны, чем та мелкобуржуазная иудаистическая мистика, которую проповедует Розанов. Розанов – мистик в мещанстве... он обоготворяет все мещанские «устои» – щи, папиросы, уборные, постельные увеселения и «семейный уют». Всему этому Лосев противопоставляет «благоухание женского иносущества», изысканную «женственность подвижничества девственниц с юности», определяемых Лосевым как «милое, вечное, светлое, вселенское, подвижническое, наивное, материнское» [14, с. 74]. Отказавшись от теоретической полемики по поводу символики пола, Лосев дает свое символическое описание женственности – и недвусмысленно представляет свою идеологию пола, отождествляемого только с женщиной.

Структурализм поставил вопрос о культуре как совокупности символических систем и культурных текстов,

позволил выявить базовые механизмы и структурные основания символической деятельности применительно к локальным группам культурных текстов. В фокусе внимания постструктурализма оказалась не структура, а контекст, анализ культурных текстов с точки зрения конкретной уникальной ситуации их создания и использования. Объектом рассмотрения и анализа становится прежде всего контекст – та совокупность индивидуальных явлений и черт, которая стоит за текстом и определяет его. Для анализа интересующей нас проблемы важно выделить несколько подходов, акцентированных в постструктурализме: а) общество и культура рассматриваются как поле тотального проявления отношений “власть – подчинение” (М. Фуко); б) концепция “деконструкции” текстов Ж. Дерриды, в которой главным является не “деструкция”, а реконструкция/интерпретация того, что внесено в этот текст контекстом его создания, намерениями автора и того, что Деррида называет “след” дискурса власти; в) отношение к знаку как указанию на отсутствие смысла – симулякр, маскирующий отсутствие смысла и предлагающий взамен свои многочисленные коннотации (Ж. Бодрийяр).

П. Бурдьё предлагает развернутую концепцию “социологии символических форм”. Он придает концепту «символическое» новое наполнение, используя его для анализа социальных (и прежде всего властных) отношений и социальной структуры. Бурдьё вводит термин символический капитал, «который есть не что иное, как экономический или культурный капитал, когда тот становится известным и признанным, ... постольку отношения символической силы стремятся воспроизвести и усилить отношения сил, конституирующих структуру социального пространства» [8]. Обладатели большого символического капитала – *nobles*, т.е. этимологически «тот, кто известен и признан», – способны навязать свою шкалу цен, наиболее благоприятную для их собственной продукции. Официальная номинация, т.е. акт, по которому кому-либо присуждается определенное право или звание, являются типичными проявлениями монополии легитимного символического насилия, которая принадлежит государству или его официальным правителям. Но символический капитал, как и всякий иной, нуждается в защите и легитимации, поэтому в обществе всегда происходит конфликт между символическими властями, стремящимися внедрить свое видение легитимных делений, т.е. конструировать группы. Как пишет Бурдьё, «символическая власть в этом смысле есть власть *world-making*, конструирования мира». Она заключается в том, «чтобы делить и объединять, ... производить декомпозицию, анализ и композицию, синтез, что часто совершается одним наклеиванием ярлыка. Социальные классификации, оперирующие главным образом бинарными противопоставлениями: мужской–женский, высокий–низкий, сильный – слабый и т.п., организуют восприятие социального мира и при определенных условиях реально могут организовать сам этот мир». Иными словами, символическая власть становится конститутивной властью. *Символическая власть есть – это власть творить вещи при помощи слов*. Власть навязывать определенное видение социального деления или делать видимыми, эксплицитными имплицитные социальные деления, является, прежде всего, политической властью, т.е. властью создавать группы и манипулировать объективной структурой общества, писал он. От вопроса о символическом капитале и символической власти Бурдьё переходит к рассмотрению вопроса о символическом насилии через построение систем контроля над телом и – тем самым – к формированию символической гендерной системы.

Обзор различных концепций символа показывает, сколь разнообразна трактовка этого явления, что связано со сложностью самого феномена и его меняющейся роли в культуре. Также следует обратить внимание на тот факт, что со временем исследователи этого феномена переходят от теоретико-гносеологических подходов к антропологическим, психоаналитическим и социологическим, в которых основным предметом анализа становятся человек и общество, а основным инструментом – интерпретация культурных символов. В связи с этим используется ряд соположенных понятий – метафора, аллегория, образ.

Метафора – это фигура речи, использующая название объекта одного класса для описания объекта другого класса. Как писал Аристотель, «Переносное слово (метафора) – это несвойственное имя, перенесенное с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии» [2, с. 69]. В своей «Поэтике» Аристотель впервые описал метафору как способ переосмысления значения слова на основании сходства. Он понимал метафору как отнесение слова к чуждой ему категории.

Сходство метафоры и символа заключается в их общности, иносказательности, возможности их интерпретации, приведения к родству разнородных сущностей. И метафора, и символ позволяют назвать, одним словом, то, что невозможно сказать множеством слов.

Символический гендерный порядок

Пол и сексуальность – неотъемлемая часть символической культуры человечества. Развитие человеческого сознания и мышления шло через попытки понимания мира и систематизации своего чувственного опыта. Тело человека и его отдельные органы издавна стали предметом осмысления, что нашло отражение в мифах, символах, религиозных культах и бытовых обрядах. Примитивный человек пытался понять окружающий его природный и социальный мир, строя классификационные схемы, которые позволяли рассматривать естественный и социальный универсум как упорядоченное целое. Ясно, что простейшая форма классификации – бинарная, которая, собственно, и легла в основу двоичного типа мышления. Биологические различия пола выглядят как самоочевидные характеристики живых существ и вероятно именно потому они были использованы к качеству одного из оснований для первичной классификации. В мифологическом сознании понимание окружающего мира строилось на основе антропоморфизма, т.е. переноса на него человеческих атрибутов. С древних времен особой значимостью отличался культ фаллоса и его различные изображения. О. Фаис-Леутская называет его культурной универсалией, своего рода *топосом*, который первоначально выступал как символ порождающей силы жизни, фертильности и плодородия. Наряду с этим мужские гениталии символизировали силу, могущество, власть, общее духовное начало, как знак воскресения, возвращения к жизни из смерти, оберег, талисман, защиту от зла [22]. Это нашло отражение в языческих верованиях и обрядах, в мифологии Древнего Египта, Греции, Римской империи, а позже было акцептировано даже и в христианстве. В некоторых регионах мира фаллический культ сохранен и по наши дни.

В отличие от этого женские гениталии обычно описываются в мифологиях как таинственное и темное начало, таящее в себе опасность и угрозу смерти (хотя женское лоно описывается как источник жизни и надежное убежище). В целом важно подчеркнуть, что в половом символизме речь вовсе не идет об эротизме. Гениталии как самый характерный признак пола трактовались как

символ социального статуса и вытекающих из этого социальных отношений.

Понятие гендерного символического порядка предложено Ж. Лаканом для обозначения системы взаимосвязанных символов (знаков), ролей и ритуалов, которые существуют в любом обществе и *формируют* маскулинность и феминность. Помимо этого, в создании гендерного символического порядка участвовали различные социальные институты и интеллектуальные теории. Философия играет одну из важнейших ролей в укоренении половых символов в системе знаний и, более того, в превращении их в гендерные.

Уже в античности метафоры пола и сексуальности использовались в философских трактатах. Так, Платон применял сексуальные метафоры коитуса, зачатия, беременности и рождения для описания взаимоотношений между философией (т.е. любовью к мудрости) и воспоминанием как активацией предсуществующих истинных идей (знаний) [30, с. 139–140]. Использование половых метафор и аллегорий характерно и для философии Аристотеля. Он в еще большей степени отождествлял познание и рациональность с активным мужским началом, а хаотичную материю как низшую субстанцию – с пассивным женским. В философии Платона и Аристотеля были сформулированы те принципы дуализма души и тела, разума и чувственности, которые затем легли в основу западноевропейской метафизики и определенным образом конституировали в культуре мужское и женское начала. Перспектива, заданная Платоном и Аристотелем, стала частью философского корпуса текстов и влияла на развитие философских идей в течение веков.

Фр. Бэкон, родоначальник науки Нового времени, активно использует метафору пола для выражения своих философских идей: природа у него всегда ОНА («She»); Знание, Разум и Наука – только ОН («He»). Бэкон предлагал утвердить законный брак между познанием и природой, в котором познающему субъекту отведена роль и работа мужчины, утверждающего свою власть и доминирование над природой [9]. Декарт также полагал необходимым «очистить» Знание и Рассудок от ассоциаций с понятиями Матери-Земли, отделить Логос от Софии, дистанцировать мужчину и «его» разум от Природы. В картезианстве утверждалась новая маскулинная теория познания, в которой отчуждение от природы (женственного) стало позитивной эпистемологической ценностью. Таким образом конструировался новый концепт рациональности и Человек рациональный как идеал маскулинности.

Однако, как отмечал С. Аверинцев, бинарные оппозиции «не являются исторически производными от полового диморфизма и тем более не могут считаться «отражением» свойств, «имманентно» присущих мужчинам и женщинам. Напротив, формы мышления сами во многом детерминируют способы восприятия, категоризации и социального структурирования половых различий и соответствующих этнокультурных стереотипов» [1, с. 607]. К. Уоррен назвал этот принцип мышления нормативным дуализмом, т.е. методом дифференциации связанных между собой явлений, которые дополняют друг друга или даже просто не могут существовать друг без друга – например, дух и тело, мышление и чувства, день и ночь [32].

Анализ философских концепций позволяет сделать определенный вывод. Классическая западная философия в значительной степени способствовала построению символической гендерной системы, объявив «объективность», «рациональность», «универсальность» принадлежащими только мужскому началу и исключив из познавательного канона то, что трактовалось ими как

природное, телесное, частное, то есть символически ассоциирующееся с феминным началом [9].

Важно подчеркнуть, что при использовании половых и гендерных метафор возникает «обратный эффект»: многие не связанные с полом феномены и понятия (природа и культура, чувственность и рациональность, божественное и земное, и многое другое) через существующий символический и метафорический ряд отождествляются с иерархически и бинарно выстроенной оппозицией маскулинности и феминности. Таким образом создается иерархия, соподчинение внутри уже этих – внеполовых – пар понятий или феноменов, при этом многие из них приобретают гендерную окраску. Так, даже виды познавательной деятельности могут оцениваться как «мужские» (точные и естественные науки) или «женские» (гуманитаристика). Гендерный символический порядок захватывает все новые области – экономику, политику, науку. Со временем сами метафоры «клишируются», становятся стереотипами.

В рамках постмодернистской философии начинается деконструкция представлений классической философии о гендерной асимметрии познавательных процессов. М. Фуко, анализируя исторические механизмы субъективации индивида через практики сексуальности, устанавливает связь власти, насилия, знания и сексуальности. Сексуальность определяется им не как биологическое проявление, а как социальный конструкт, связанный с изменением социальных конструкций власти. Фуко показывает, что история сексуальных отношений фактически является историей власти. В соответствии со своей концепцией он полагает, что бороться следует не с институтами власти «за права женщин», а с технологией власти, которая производит и воспроизводит гендерное неравенство.

В отличие от М. Фуко, Ж. Лакан стоит на позициях фаллоцентризма. Этим термином он обозначает патриархальный символический порядок, в котором фаллос позиционируется как знак привилегированной маскулинности (в отличие от исключенной из символического порядка феминности). Взросление ребенка означает, по Лакану, постепенное принятие «Закона Отца». На эдиповой фазе психологического развития мальчик идентифицирует себя со своим анатомически схожим отцом, который представляет *символический порядок*, т.е. слово. Иными словами, Лакан полагает, что смысл и символический порядок как целое закрепляются в отношении к изначальному, трансцендентальному обозначателю, который он называет phallus, и который служит гарантией патриархальной структуры символического порядка. Идентификация с отцом создает субъективность и индивидуальность мальчика, и позволяет ему интернализировать доминантный порядок, ценности и роли в обществе. Через кастрационный комплекс отец презентует такой социальный порядок, символом которого выступает фаллос. Но девочкам вследствие своей анатомии не дана возможность разрешить эдипов комплекс и идентифицировать себя со своими отцами в психосексуальной драме. Это означает, что женщины не включаются в символический порядок. Для Лакана женщины – это перманентные аутсайдеры. Женщина не может быть понята, потому что ее сексуальность невозможно выразить на «фаллическом языке отцов».

Ж. Деррида оспаривает три аспекта понимания Лаканом символического порядка: логоцентризм, т.е. первичность речевого мира; фаллоцентризм, или установку на приоритет маскулинного начала над феминным; и дуализм, т.е. способ мышления в терминах бинарной оппозиции [27]. Язык, говорил Деррида, не ведет нас к смыслу или к сущности объектов, понятий или лично-

стей. Скорее язык создает смысл, единственный смысл, к которому он может реферировать. Деррида полагал, что, если бы можно было освободить мысль от бинарной оппозиции «бытие-ничто», мы могли бы увидеть и принять множественность дискурсивных практик. Он считал, что патриархатный Символический Порядок может быть изменен с помощью демонстрации того, как традиционная интерпретация текста (для Дерриды любое коммуницируемое/коммуницируемое через язык есть текст) подавляет его альтернативные интерпретации.

В качестве одного из методов преодоления навязанной бинарности мышления Деррида предложил деконструкцию метафор, в ходе которой проявляется их скрытая логика, которая обычно существует как бинарная оппозиция понятий (мужчина – женщина, субъект – объект, культура – природа и т.д.). Деррида продолжает развивать идеи, высказанные ранее Фердинандом де Соссюром, который утверждал, что одна из особенностей нашего мышления заключается в том, что значение какого-либо феномена задается через скрытый или явный контраст с другим феноменом, то есть через фиксированную оппозицию. Позитивные определения базируются на отрицании или подавлении чего-то, что представляется как антитеза определяемого. Первый термин в этих оппозициях всегда определяющий, его партнер является вторичным. Приняв эту методологическую позицию, Деррида демонстрирует, что в бинарной оппозиции одна сторона всегда подчинена другой, не существует чистых различий без доминирования. Деконструкция – это разоблачение понятия как идеологически или культурно сконструированного, а не как отражения природной реальности [28]. Деконструктивистский подход означает критическое отношение ко всему, включая идеи или социальную практику, а также структуры, на которых они основаны, язык, которым они мыслятся, и системы, посредством которых они сохраняются. Деконструкция бросает вызов традиционным связям внутри бинарных оппозиций типа разум/эмоции, красота/уродство, Я/Другой.

Идеи постмодернистских философов, вместе с развитием в рамках социальных наук конструктивистской парадигмы и «женских исследований» привели к возникновению гендерной теории, одной из задач которой стало переосмысление символического гендерного порядка.

Гендерный символизм в русской культуре

Как уже отмечалось, во всех культурах одним из базовых символов является мать-природа. В мифологиях и фольклоре Великая Богиня архаических эпох предстает в образе Матери-родины. Символ женщины-матери-природы был значим не только для архаичных времен, но и для многих аграрных обществ вплоть до XX века, и в особенности – для России. В русском фольклоре и народных верованиях женственность символически презентировалась как мать, как родная земля (родина этимологически происходит от слова роди/ны, т.е. роды) и как божественное.

В XIX в. в России возникает «теология пола» или, как ее еще называют, философия любви. Так, В. Соловьев создает концепцию о слиянии в божественной брачной мистерии трех элементов: «обоготворенной природы» (т.е. женского начала), человеко-бога (мужское начало) и Вечной Премудрости-Софии (эта последняя является результатом слияния мужского-божественного-природного-женского-духовного) начал [21]. Для Н. Бердяева эротическая энергия – это не только источник творчества, но и источник настоящей мистической религии. «Настоящая религия, мистическая жизнь всегда оргиастична, а оргазм, могучая сила жизни, свя-

зан с половой полярностью. Половая полярность есть основной закон жизни и, может быть, основа мира» [4, с. 15–16]. «Связь пола с Богом, – продолжает эту мысль В. Розанов в своей книге «Уединенное», – большая, чем связь ума с Богом, чем даже совести с Богом...» [16, с. 119]. Для Бердяева и Розанова Бог и религиозность символически связаны с любовью, страстью, Эросом, то есть тем, что в западной традиции маркируется как феминное. П.Флоренский, С.Булгаков, И. Ильин определяли Бога через любовь, но не Эрос, а «caritas» – сострадание, милосердие, жалость, которые, в свою очередь, считались свойственными женскому началу. Таким образом и для них божественное и феминное располагалось в одной части бинарных оппозиций.

Как видим, в русской теологии и философии пола существовал весьма своеобразный подход к восприятию и оценке дифференциации маскулинного и феминного. Во-первых, дифференциация мужского и женского начал рассматривается как *духовный*, а не онтологический или гносеологический принцип, что характерно для западной философии. Во-вторых, в русской философии расставлены иные культурно-символические акценты: то, что на Западе ассоциируется с мужским/маскулинным началом (божественное, духовное, истинное), в России и русской культуре ассоциируется – через категорию любви – с женским началом.

Неудивительно, что мифологема Матушки-Руси при поддержке философов, богословов и писателей стала составной частью концепта русской идеи. Русская идея и русский мессианиззм апеллируют к тем качествам и ценностям, которые в системе бинарного мышления принято считать не рациональными (т.е. не мужскими). Это – эмоциональность и задушевность женского/материнского начала (Н.В. Гоголь, А.С. Хомяков, К.Н. Леонтьев); привязанность к родной земле (В.С. Жуковский, Н.А. Бердяев, Г.П. Федотов); пассивное смирение, милосердие и жертвенность (П.Е. Астафьев, П.А. Бакунин, Ф.М. Достоевский, К.Н. Леонтьев, П.Я. Чаадаев). Мифологема Матушки-Руси связывает воедино несколько символических феноменов: сакральное/святое, женское/материнское, землю/природу как источник жизни и землю/Родину как пространство национального бытования.

Русские публицисты и писатели, начиная с А.Герцена, также приписывали женщине как символу материнства святость и спасение. В поэзии Некрасова образ России отражает фольклорное представление о Матушке Руси: женственность, пассивность, природность. Достоевский считал, что «Россия спасет женщина». Н.А. Некрасов и Ф.М. Достоевский заложили основания для неославянофильского возврата к фольклору, который на рубеже XIX–XX веков получает развитие в литературе как важный способ критики культуры и цивилизации.

В гендерной символической системе образ матери является основным символом русской национальной женственности, материнское начало оценивается как метафизическое и космическое (Бердяев). Именно на основании таких взглядов возник известный тезис о «женственности» России и «матрифокальности» русской культуры [5, 29].

Идеи о мессионизме материнского начала вполне спокойно соседствуют с презрением к женщинам как физическим существам, людям: «Женщина существо совсем иного порядка, чем мужчина. Она гораздо менее человек, гораздо более природа» [6, с. 432], пишет Н.А. Бердяев. «Обладание полом» и приверженность «половой стихии» приписывается только женщинам: «Женщина вся пол, ее половая жизнь – вся ее жизнь, захватывающая ее целиком, поскольку она женщина,

а не человек» [там же]. Нормативность маскулинности утверждает другой русский философ: «...полнота человеческих сил и способностей раскрыта была в истории преимущественно мужчиною, и все, раскрывшееся в мужчине и им утвержденное вне сферы непосредственных влияний пола, мы условились считать нормативно-человеческим» [11, с. 380].

Иными словами, в теологии пола мужское начало трактуется в космическом и метафизическом смыслах как аполлоновское начало формы, идеи, логоса, культуры, личности, разума, права и закона. Женское – это прежде всего материнское начало материи, природы, пола, рода, семьи, бессознательного, эмоционального, смиренного, милосердного. Такая вот противоречивая гендерная метафизика.

Советская власть на всем протяжении своего существования также опиралась на русскую матрифокальную традицию. Так, несмотря на радикальные идеологические изменения, официальная советская пропаганда нередко апеллировала к архетипическим образам и культурным символам. В частности, метафора *матерей революции*, активно использовавшаяся в 20-е годы, имплицитно использовала образ «матери-покровительницы» [24]. Основным мужским образом на плакатах тех лет был кузнец, символизирующий в фольклоре и мифологии богатыря, героя-укротителя огня, носителя света, победителя [7].

Культ Родины и земли утверждается и в новом советском стиле искусства – социалистическом реализме. Образ страны рисуется через мифологему Большой семьи, где мать – это родина, отец народов – Сталин, а народ – героические сыны («сталинские соколы») и счастливые дочери [15]. Матриархаика советского времени очевидна и при анализе монументального искусства – будь то скульптуры Родины-матери, оформление московского метрополитена и особенно архитектура изобилия и плодородия на всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве. Не случайно фонтан Дружба народов на этой выставке (ВДНХ) сконструирован в виде снопа пшеницы, вокруг которого расположены золоченые женские фигуры в национальных костюмах с дарами земли в руках. Этот комплекс символически объединяет в единое целое архетипы женственности-природы-плодородия-нации. В музыкальном жанре создавались новые советские песни. В центре мифологии, создаваемой посредством песен, находится образ Родины, связанный имплицитно с материнским началом. «Как невесту, родину мы любим, /Бережем, как ласковую мать» (кинофильм «Цирк»).

Во время Великой отечественной войны гендерные символы еще сильнее подчеркивали традиционную диадку мужчина – воин и защитник, женщина-мать – страдающее существо. В плакатах того времени Родина предстает как Богиня-Мать, призывающая сыновей на войну, и как поруганная матушка-земля, которую необходимо защищать [11]. Во время Сталинградской битвы появился призыв защитить «Волгу-матушку». Этот символ в большей степени оказывался связанным с малой родиной, что усиливало патриотические чувства защитников [18].

В постсоветское время символ Родины-матери активно используется в различных сферах: в практиках политической мобилизации, в легитимации и делегитимации власти, в политическом брендинге различных политических акторов, в социальной политике (17). «Родина-мать» является частью исторической памяти, культурной традиции, элементом политики национальной идентичности. Традиционные образы женщин, связанные с материнством, сохраняются и в наше время [23].

Символ маскулинности претерпел некоторую модификацию. Конечно, традиционный образ воина-защитника остался неизменным. Но к нему добавился новый – медведь (мужик как медведь). Это стало возможным благодаря включению образа медведя в атрибутику «Единой России». Медведь в русском фольклоре символизирует прежде всего силу, и еще – национальную самобытность. Включение этого символа в политический дискурс способствовало репрезентации партии власти как сильной и опирающейся на древние национальные традиции. Ассоциирование российского мужчины с медведем связывает воедино гендерный, национальный, геополитический и властный дискурсы, которые таким образом усиливают друг друга [19].

Заключение

Символ является многозначным феноменом. В нем можно выделить гносеологические, психологические, социально-коммуникативные, антропологические составляющие. В реальной жизни символ может трансформироваться в метафору, образ, аллегория, стереотип. Это особенно очевидно при анализе гендерных символов феминности и маскулинности. Несмотря на изменчивость содержания самих символов во времени и культурном пространстве, они сохраняют некоторый нерастворимый осадок. Это связано прежде всего с тем, что в основе первоначального формирования гендерных символов лежат архетипы Великой/Ужасной матери и Бога-отца, олицетворяющего Закон, Логос. Во многих культурах традиционный гендерный символический порядок претерпевает изменения, имеющие целью создание более современного и справедливого общества. И философия культуры может сделать многое для успешности этого проекта.

Литература

1. Аверинцев С.С. Символ //Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1993, с. 607–608.
2. Аристотель. Поэтика // Аристотель. Сочинения: В 4 т. – Т. 4. – М.: Мысль, 1984. 669 с.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
4. Бердяев Н. Письмо будущей жене Л.Ю. Рапп. Эрос и личность//Философия пола и любви. М., 1989, с. 15–16.
5. Бердяев Н.А. Русская идея//О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990, 528 с.
6. Бердяев Н.А. Философия свободы; Смысл творчества. М., 1989, 269 с.
7. Бонел В. Иконография рабочего в советском политическом искусстве//Визуальная антропология: режимы видимости при социализме. Под ред. Е.Р. Ярославской-Смирновой и П.В. Романова. М., 2009. С. 183–214.
8. Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть. Часть третья. – URL: <http://bourdieu.narod.ru>. (дата обращения: 15.10.2023)
9. Воронина О.А. Оппозиция материи и духа: гендерный аспект // Вопросы философии, 2007, № 2. С. 56–65.
10. Ермилова Д.Ю. Искусство плаката – зеркало времени или отражение стереотипов? Женские образы на советских плакатах времен великой отечественной войны//Вестник славянских культур. 2023. С. 56–72.

11. Иванов В.И. Дионис и прадионисийство. – СПб., 1994. 380 с.
12. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М.: Гардарики, 1998. 784 с.
13. Костырко В. Символы и системы: Клиффорд Гирц в поисках неструктуралистской семиотики// НЛО, 2004, № 70. С. 40–49.
14. Лосев Ф.Ф. Диалектика мифа. URL: <http://www.koob.ru> Дата обращения: 07.08.2024.
15. Рамм-Вебер С. Искусство сталинской эпохи//Пол, гендер, культура. Под ред. Э. Шоре. М. РГГУ, 2003. С. 267–285.
16. Розанов В. Уединенное. СПб., 1922, 157 с.
17. Рябов О.В. «Родина-мать» в символической политике постсоветской России // Женщина в российском обществе. 2015, № 3–4 (76/77) 2, с. 78–95.
18. Рябов О.В. «Отстоим Волгу-матушку!»: материнский символ реки в дискурсе Сталинградской битвы//Женщина в российском обществе. 2025, № 2, с. 11–27.
19. Рябов О.В., Рябова Т.Б. Мужик и медведь: образы национальной маскулинности на современных российских сувенирах // Женщина в российском обществе. 2022. № 2. С. 20–31.
20. Свасьян К.А. Проблема символа в западной философии XX века. Ереван: Б.и. 1981. 226 с.
21. Соловьев В.С. Россия и Вселенская церковь. М., 1911, 451 с.
22. Фаис-Леутская О.Д. Фаллос, фаллицизм и фаллический культ в современной Сицилии// Studia Religiosa Rossica: Russian Journal of Religion, 2022, no. 1, с. 124–140.
23. Шабанова М.В. Девочка – невеста – мать: структура гендерной идентичности в этнической культуре русских // Сервис Plus. 2020. Т. 14. № 4. С. 115–122. DOI: 10.24411/2413-693X-2020-10413
24. Эдмондсон Л. Гендер, миф и нация в Европе: образ матушки России в Европейском контексте//Пол, гендер, культура: Немецкие и русские исследования / Под ред. Э. Шоре, К. Хайдер, Г. Зверевой. – М.: РГГУ, 2009. С. 411–437.
25. Юнг К. Архетип и символ. М.: Ренессанс. 1991. 304 с.
26. Юнг К.Г. Символы матери и возрождения // Между Эдипом и Озирисом: становление психоаналитической концепции мифа. – Львов, М., 1988. С. 460–498.
27. Derrida J. Speech and Phenomena. Transl. by D. Allison. – Evanston: Northwestern Univ. Press, 1973. 166 p.
28. Derrida J. Of Grammatology. Transl. by G. Spivak. – Baltimore: J. Hopkins Univ. Press, 1976. 456 p.
29. Habbs J. Mother Russia. The Feminine Myth in Russian Culture. Bloomington and Indianapolis. Indiana Univ. Press. 1988. 302 p.
30. Halperin, D. One Hundred Years of Homosexuality, and Other Essays on Greek Love. New York and London: Routledge. 244 p.
31. Newmann E. The Great Mother: an Analysis of the Archetype. – New York: Princeton Univ. Press, 1963. 185 p.
32. Warren K.J. Critical Thinking and Feminism// Informal Logic. 1988 (Winter). N 10/1, p.17–29.

**FEMININITY AND MASCULINITY IN CULTURE:
ARCHETYPES, SYMBOLS, METAPHORS,
STEREOTYPES**

Voronina O.A.

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences

The article examines the question of how masculine and feminine are represented in culture. The methodology of the analysis is based on the use of the ideas of philosophical anthropology, the concept of archetypes by K. Jung, symbolic interactionism, the theories of deconstruction (J. Derrida) and symbolic capital (P. Bourdieu). It is noted that since antiquity, sexual symbols and metaphors have been used in philosophical texts. Special attention is paid to the analysis of the concept of femininity in the Russian theology of sex. In the works of representatives of the theology of sex was reborn the mythologeme of Mother Holy Russia. It has become a significant part of the concept of the “Russian Idea” and Russian Messianism. The author of the article emphasizes that the concept of the symbol is often transformed into a metaphor, image, allegory, stereotype. Despite the variability of the content of the symbols of femininity and masculinity in time and cultural space, they retain some insoluble sediment. This is due to the fact that the formation of gender symbols is based on the archetypes of the Mother- Nature and the Father-Logos and God. The author believes that the philosophy of culture can continue the deconstruction of the traditional gender symbolic order to create a more modern and fair society.

Keywords: symbol, archetype, metaphor, philosophy, culture, masculine, feminine, sex, gender, theology of sex, communication, meaning, society, Russia.

References

1. Averintsev S.S. Symbol //Philosophical encyclopedic dictionary. – М.: Soviet Encyclopedia, 1993, pp. 607–608.
2. Aristotle. Poetics // Aristotle. Works: In 4 vols. – Vol. 4. – Moscow: Mysl, 1984. 669 p.
3. Berger P., Lukman T. Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge. М.: Medium, 1995. 323 p.
4. Berdyaev N. Letter to his future wife L. Yu. Rapp. Eros and personality//Philosophy of sex and love. М., 1989, pp.15–16.
5. Berdyaev N.A. Russian idea//Russian Philosophical culture: Philosophers of the Russian Post-October Abroad. Moscow, 1990, 528 p.
6. Berdyaev N.A. Philosophy of freedom; The meaning of creativity. М., 1989, 269 p.
7. Bonel V. Iconography of the Worker in Soviet Political Art// Visual anthropology: modes of visibility under socialism. Edited by E.R. Yarskaya-Smirnova and P.V. Romanov. М., 2009. pp.183–214.
8. Bourdieu P. Social space and symbolic power. Part three. – URL: <http://bourdieu.narod.ru>. (Date of address: 10/15/2023)
9. Voronina O.A. Opposition of matter and spirit: gender aspect // Questions of Philosophy, 2007, No. 2. pp.56–65.
10. Ermilova D.Y. Is poster art a mirror of time or a reflection of stereotypes? Female images on Soviet posters of the Great Patriotic War//Bulletin of Slavic Cultures. 2023. pp. 56–72.
11. Ivanov V.I. Dionysus and pradiionisism. – St. Petersburg, 1994. 380 p.
12. Cassirer E. Favorites. The experience of man. М.: Gardarika, 1998. 784 p.
13. Kostyrko V. Symbols and systems: Clifford Geertz in search of non-structuralist semiotics// UFO, 2004, No. 70. pp.40–49.
14. Losev F.F. Dialectics of myth. URL: <http://www.koob.ru> Date of publication: 08/07/2024.
15. Ramm-Weber S. The Art of the Stalin era//Gender, gender, culture. Edited by E. Shore. М. RGGU, 2003. pp.267–285.
16. Rozanov V. Secluded. St. Petersburg, 1922, 157 p.
17. Ryabov O.V. “Motherland” in the symbolic politics of post-Soviet Russia // Woman in Russian society. 2015, No. 3–4 (76/77) 2, pp. 78–95.
18. Ryabov O.V. “Let’s defend the Mother Volga!”: the mother symbol of the river in the discourse of the Battle of Stalingrad//A woman in Russian society. 2025, No. 2, pp. 11–27.
19. Ryabov O.V., Ryabova T.B. The man and the bear: images of national masculinity on modern Russian souvenirs // Woman in Russian society. 2022. No. 2. pp. 20–31.
20. Svasyan K.A. The problem of the symbol in the Arctic of the XX century. Yerevan: B.I. 1981. 226 p.
21. Solovyov V.S. Russia and the Universal Church. Moscow, 1911, 451 p.
22. Fais-Leutskaya O.D. Phallus, phallicism and phallic cult in modern Sicily// studio sacred Russian: Russian Journal of Religion, 2022, no. 1, pp. 124–140.

23. Khabanova M.V. The novice girl: the structure of genetic engineering in Russia // *The server is a plus*. 2020. Vol.14. No.4. pp. 115–122. DOI: 10.24411/2413-693X-2020-10413
24. Edmondson L. Gender, myth, and nation in Europe: the image of Mother Russia in the European context//*Gender, gender, culture: German and Russian studies / Edited by E. Shore, K. Haider, G. Zvereva*. – M.: RGGU, 2009. pp.411–437.
25. Jung K. Archetype and symbol. M.: Renaissance. 1991. 304 p.
26. Jung K.G. Symbols of mother and rebirth // *Between Oedipus and Osiris: the formation of the psychoanalytic concept of myth*. – Lviv, M., 1988. pp.460–498.
27. Derrida J. Speech and phenomena. Perv. Author: D. Ellison. – Evanston: Northwestern University. Publisher, 1973. 166 p
28. Derrida J. About grammatology. Perv. author: G. Spivak. – Baltimore: University of J. Hopkins. Publisher, 1976. 456 p
29. Hubbs J. Mother Russia. The myth of femininity in Russian culture. Bloomington and Indianapolis. Indiana University Press. 1988. 302 p.
30. Galperin D. One hundred years of homosexuality and other articles about Greek love. New York and London: Rutledge. 244 p.
31. Newman E. The Great Mother: an analysis of the archetype. New York: Princeton University. Publishing house, 1963. 185 p.
32. Warren K.J. Critical thinking and feminism// *Informal logic*. 1988 (winter). N 10/1, pp. 17–29.

Трансформация системы духовных ценностей в экономической сфере российского общества в историческом контексте: социально-философский анализ

Захаров Алексей Владимирович,

аспирант, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва
E-mail: 89272747077@bk.ru

К духовным ценностям человека в сфере экономики можно отнести: благополучие человека и семьи, общественную пользу, ценность финансов, характер профессиональной деятельности, экономические особенности, степень участия в рыночных отношениях.

Введение: В обобщающей характеристике творений мыслителей Руси и России рассматривается роль морального наследия, представляется анализ экономических традиций православных народов. Разнонаправленные тенденции с одной стороны антиклерикальных сил, с другой – церковной общественности. Цель статьи заключается в рассмотрении понимания процессов экономики и предпринимательства в этической мысли России.

Материалы и методы: в качестве теоретико-методологической стратегии исследования рассматривается интегративный подход, соединенный с историко-методологическим и философско-этическим анализом. Решение исследовательских задач обеспечивалось теоретических и эмпирических методов.

Результаты исследования: рассмотренная модель экономики в реалиях российской морали социума свидетельствует о заимствованном характере данных понятий. Обсуждение и заключения: ожидаемым эффектом процессов может стать правильно выстроенная модель государственно-церковных отношений, которая может появиться, при интересах современной социальной традиции народов Руси – России.

Ключевые слова: экономические традиции, духовные ценности, феномен Россия, исследования, этика, мораль, регион.

Введение

В современную эпоху широкое распространение получила массовая потребительская («рыночная») культура, для которой характерно доминирование материальных (потребительских) ценностей и уменьшение значимости нематериальных ценностей. Снижение уровня духовности культуры отражается и на моральном сознании людей, приводя к уменьшению значимости в нем нематериальных ценностей и увеличению важности материальных.

В экономической сфере духовные ценности уровня внутреннего мира личности, такие как добро, красота, благополучие, человечность и другие имеют определенную форму выражения в зависимости от характера деятельности.

В современной России все большее значение приобретают ценности такой сферы, как информационная с процессами кибернетики и синергетики. Также определенные особенности имеют ценности и уровни других сфер. По сравнению с предыдущими историческими периодами система ценностей каждой сферы и степень ее организации получила большее развитие, прежде всего, это касается материально-производственной, экономической сфер.

Историография и методы

Для англоязычного мира XXI столетия, как и в целом для Западной Европы, Россия и другие православные по своему происхождению морально-религиозных традиций общности и государства, является чем-то наподобие черной дыры, призрачной и малоизвестной. Русистика, как наука, изучающая историю и культуру Руси-России, призвана сдернуть этот полог неизвестности. Однако не все сферы изучения данной дисциплины одинаково исследованы. И число проблем, подлежащих научному рассмотрению, растет. Как отмечают Э. Джеффрис, Дж. Хэлдон и Р. Кормак, православная ойкумена, вызывавшая традиционно косвенный интерес, *damnatio memoriae*, этот «приговор к забвению» тем не менее сейчас начинает его преодолевать [10, p. 4].

Цель

Рассмотрение феномена духовных традиций современного мира личности и общества имеет целый ряд важных аспектов исследования в гуманитаристике. Исследователи указывают на ряд негативных факторов проявления постмодернистской эпохи, с действием которой связывают с утрату базовых смысло-жизненных ориентиров человека, рост напряженности и конфликтности отношений, деградации социума (разрушение социальных связей). Это влияет и на экономику. Рассмотрение тенденций преобладания своекорыстных, собственнических интересов ведет к радикализации естественного для рынка «экономического эгоизма», отходу от принципов сотрудничества и ориентации на неограниченное обогащение любыми средствами. Некоторые исследователи видят в этом основную причину мирового финансово-экономического кризиса современности [6, с. 124].

Материалы и методы

Духовные ценности экономической сферы – это система ценностей, раскрывающих духовность в сфере экономических отношений людей. Для сфер экономики и производства большое значение имеют духовные ценности природы, природных ресурсов, природные богатства и блага для человека, а также способы создания на их основе новых общественных благ и их распределения в обществе. Экономика развивается как часть структуры российского общества и тесно связана с духовностью. Следовательно, в экономике российского общества должны быть нравственные идеалы, выраженные в ценностях. К ним относятся: Бог, идея, прогресс, добро, красота, человечность. Эти ценности проявляются в экономической культуре. Экономическая традиция представляет собой совокупность достижений экономики по регулированию финансовой деятельности при организации продуктивного взаимодействия, сотрудничества и общения людей при установлении между ними согласия интересов и партнерских отношений. Экономическая культура является средством смягчения экономической конфронтации, экономических конфликтов и нахождения путей взаимовыгодного сотрудничества. Духовность облагораживает сферу экономических отношений между людьми.

В сфере экономики для уровня ценностей человеческой цивилизации важное значение имеют такие духовные ценности, как международные экономические отношения, финансовая взаимопомощь государств, совместные экономические проекты, деятельность мировой финансовой системы, международное сотрудничество в сфере экономических отношений, развитие международного рынка, международной торговли и другие важнейшие ценности. Они создают смысловую основу принятия верных решений ряда проблем. В современной России в эпоху становления капиталистических отношений и демократии перед обществом стоит как ряд успешно решаемых, так и требующих решения проблем. К ним относятся, прежде всего, проблема социально незащищенных слоев населения, повышение их уровня жизни, проблема чрезмерных ростов цен на ряд товаров и услуг, проблема решения вопроса экономического роста региональных хозяйств, массовый выезд молодежи из сельской местности. Решение этих проблем требует комплексного подхода, роль и место привлечения духовных ценностей в котором занимает ключевую роль.

Современное Российское государство делает прогрессивные шаги в поднятии и развитии регионов, в частности, 1 июня 2016 года принят федеральный закон «Дальневосточный гектар», согласно которому граждане России получают в пользование участки земли в один гектар. Помимо этого, для уменьшения процесса урбанизации, массового отъезда населения из региона, необходимо формирование и развитие духовности в мировоззрении народа, которая будет выступать решающим фактором в освоении и развитии села. В этом плане важно создание в сознании народа картины духовной и привлекательной до глубины души сельской жизни. Для этого необходимо развитие культуры в селах, деревнях: формирование культурных учреждений, молодежных просветительских центров, издательской деятельности. Данные шаги будут способствовать развитию идей о духовных ценностях сельской местности и выступать движущим фактором развития села на основе ценностного отношения к земле, истоки культуры которой зародились в Древней Руси, и были живительным ключом формирования всей последующей отечественной истории. По верному замечанию современного отечественного исследователя «русской идеи» С.В. Пе-

ревузенцева, «Если в прошлом веке «русская идея» была одним из путей отхода от традиционного русско-православного мировоззрения, то теперь вектор нашего движения «противоположный» через русский идеал, как противоречивое единство рационального и иррационального, к познанию истинной веры- православия» [5, с. 14].

Актуализация исследования феномена отечественной социальной традиции универсализма и определения статуса русской традиции имперской преемственности объясняется пониманием того, когда в зарубежной философии появляются условия для системного исследования проблемы социальной традиции Империи. Следует отметить при анализе вопросов таксономии и экономики универсального опыта имперского социума, каким была историческая Россия, что «при характеристике места этносов в имперских системах, по всей видимости, стоит учитывать определение империи как исторической формы организации геополитического пространства» [2, с. 4].

К критериям духовных ценностей российской цивилизации в отношении экономической сферы относятся следующие группы критериев:

1. уровень и качество международных отношений в экономической сфере,
2. принятие важнейших решений и осуществление определенной деятельности в мировом рынке на международном уровне.
3. наличие выработанных позиций, стратегий в международном сообществе и международных союзах, международных организациях.

К факторам формирования духовных ценностей человеческой цивилизации в экономической сфере относятся:

1. международное сотрудничество в виде международных организаций, таких как ООН, Международный банк реконструкции и развития и др.;
2. международное право и правовая деятельность;
3. формирование и конструирование мировой экономической культуры.

В экономической сфере духовные ценности уровня внутреннего мира личности, такие как добро, красота, благополучие, человечность и другие имеют определенную форму выражения в зависимости от характера деятельности. К духовным ценностям подлинного предпринимательства в сфере морали социума традиционно можно отнести: благополучие человека и семьи, общественную пользу, осуществляемую человеком, ценность финансов для достижения общественно полезных и лично значимых целей, характер профессиональной деятельности, экономические особенности достижения целей, степень участия в рыночных отношениях, ценность морали, которую он создает в виде определенных достижений своей деятельности и другие ценности. Согласно наблюдениям современного исследователя вопросов континуитета и морали социума Б.Н. Калининкова в современной гуманитаристике: «Мораль – как система базисных ценностей, выраженных в нормах социально приемлемого поведения» [3, с. 70].

Для ценностей сферы производства важны такие ценности, как идея важности производственного процесса, ценность прогресса в сфере производства. Духовные ценности производственной сферы – духовные ценности, обеспечивающие духовность, понимание и гармонию в производственных отношениях на всех ступенях производственного цикла. Это обеспечит высокие показатели производства на основе достойного духовного отношения к труду, личности и ее возможностям. Религия создает духовность и создает атмосферу добра,

веры в лучшее, формирует качества человеколюбия и тем самым сплачивает коллективы. Для уровня международного сотрудничества в сфере производства выделяются такие ценности, как ценность сотрудничества между странами по производственным, научным и экономическим вопросам в сфере производства, ценность открытой экономики, ценность многообразия производственных центров в мире, таких как ОАО «КамАЗ», ОАО «АвтоВАЗ», «ГАЗ», «Škoda Auto», «Renault», «Peugeot», «Volkswagen», «Ford» и др., их уникальность.

Для уровня ценностей государства большое значение имеют такие ценности, как ценность отечественного производства, наличие структуры производства, которая присуща России с множеством отраслей предприятий, характером выпускаемой продукции, ценность системы производственных отношений в российском обществе и другие. Для уровня ценностей народов в сфере производства имеют место такие ценности, как ценность производства в регионах, например, завод «КамАЗ», ценность связи производства с культурой региона, что выражается в участии работников заводов субъектов России в культурных мероприятиях, участие представителей производства предприятий в различных спортивных соревнованиях, в т.ч. участие команды «КамАЗ мастер» в международном ралли, осознание работниками значимости производственного труда для развития культуры региона.

Экономика является важнейшей сферой по обеспечению функционирования рыночных отношений, отраслей народного хозяйства, финансового благополучия для населения стран и всех региональных подразделений. Для оптимального функционирования рыночных отношений необходимо осуществление деятельности предприятий, основанной на соблюдении экономических закономерностей и духовных ценностей.

Для общественного сознания необходимо выстраивать такую систему ценностей, в которой основным является принцип, согласно которому деньги должны быть полезны как средство достижения целей, но они не должны заменять духовные ценности, не должны быть важнее их. Получение денежной выгоды не должно являться чистой целью деятельности. Смыслом деятельности в мире товарно-денежных отношений должно оставаться стремление к осуществлению пользы для общества на основе системы духовных ценностей. Денежная система должна выступать всеобщим эквивалентом товаров и услуг, регулирующим процессы производства, потребления и распределения, произведенных в процессе производства благ.

Для экономики характерны такие ценности, как уровень финансового благополучия населения, комфортные условия для жизни и деятельности, прибыль, цены товаров и услуг, спрос и предложение, бюджет и др. Эти ценности должны быть связаны с духовными ценностями, исходить из интересов людей, являющихся основными потребителями товаров. Предложение продукции должно быть интересным для населения, в результате, спрос на интересующие виды товаров будет увеличиваться, произойдет осуществление пользы по обеспечению населения комфортными условиями для жизни и деятельности.

Благополучие населения Земли в экономическом и финансовом отношении определяется мировой системой товарно-денежных отношений, охватывающей все страны и регионы планеты. В связи с этим, важным является осуществление международного сотрудничества по обеспечению оптимального функционирования мировой экономики. Это международное сотрудничество также должно исходить из интересов населения разных

стран, особенностей их культуры, духовных ценностей. Взаимодействие между государствами выражается в деятельности международных организаций по вопросам экономики, в т.ч. таких, как МБРР (Международный банк реконструкции и развития). В процессе деятельности таких организаций упорядочивается финансовое обращение, в результате, для экономик стран создаются условия для развития, успешного решения задач, осуществления новых совместных производственных и финансовых проектов предприятиями и корпорациями.

Ориентация экономики и производства на систему духовных ценностей обеспечит основания для устойчивого смыслового осуществления процессов производства и потребления благ, направленных на ценности и интересы народов. Это обеспечит стабильность экономического сознания людей на всех структурных подразделениях мировой экономики и обеспечит ясность намеченных целей и перспектив общественного развития. Тем самым создадутся условия для предотвращения и преодоления экономических кризисов.

Для уровня ценностей межличностного взаимодействия в регионах большое значение имеют такие ценности, как ценность сплоченности трудового коллектива предприятия, ценность осознания работниками важности продельваемого ими труда, атмосфера взаимопонимания в коллективе, основанная на духовных ценностях, ценность согласованности действий, являющаяся следствием согласия интересов и выработанной в процессе производства специализацией. Сложность и смысловая многомерность культурного пространства глобального общества требуют от человека для эффективной ориентации в нем умения понимать иные культуры, нормы, традиции, представления и убеждения других людей. Это же необходимо и для уменьшения конфликтных ситуаций, напряженности в его отношениях с ними. Наличие подобного умения в условиях глобальности является высшим благом, как для человека, так и для самого общества, поскольку обеспечивает его сохранение. Такой психологической способностью представляется культурный интеллект – сложная, многомерная характеристика личности, включающая метакогнитивное, когнитивное, мотивационное и поведенческое измерение ее направленности на взаимоотношения с представителями иных культур [8, Р. 583].

Механизмом формирования и функционирования культурного интеллекта является эмпатия – способность человека понимать и отвечать участием на уникальный внутренний опыт других людей. Уровень точности эмпатического понимания у человека выше по отношению к людям одной с ним группы. Восприятие иных людей идет «в режиме экономии» с использованием менее затратных механизмов скрытого социального познания (в основном, скрытых межгрупповых предубеждений). Эмпатию можно развивать, используя для этих целей методы преодоления фактора групповых различий эмпатии [9, Р. 65], а также механизмы снижения влияния скрытых межгрупповых предубеждений [7, Р. 362].

Для уровня ценностей внутреннего мира человека в производстве большое значение имеют такие ценности, как наличие собственной позиции по осуществлению вклада в развитие предприятия, осознание значимости собственного труда и труда сотрудников, уважение деятельности сотрудников, ценность общности интересов работника с коллективом, предприятием, идейная убежденность в правильном пути развития производства и его успехе, а также другие ценности.

Как верно полагал российский исследователь А.С. Панарин, традиционное трудолюбие аскеза и мораль патриархальные предпосылки дисциплины и зако-

но послушания, жажда духовной веры – все то, что отличало качественно нравственную традицию не может не быть учтено при формировании ценностных основ современной отечественной культуры [4, с. 19]. В постсоветском пространстве идет системный процесс распада институциональных моделей. В условиях динамичных перемен современности поведение россиянина, определявшегося через поведение государственных структур социального регулирования, изменилась. Однако экономике, в которой безраздельно господствовала государственная форма собственности, сменила экономика буржуазно-рыночного капитала. Наряду с государственной, возникла и частная форма собственности в различных ее видах. Следует отметить, что пока еще форма собственности не превратилась в фактор, определяющий характер социальных отношений. Разнообразие форм собственности сегодня стало импульсом, породившем разнообразные типы структур, характеризующиеся ориентированностью на новые или старые типы проявления человека в обществе. И соответствующие им типы социально-нравственных отношений.

Обсуждение и заключения

Цивилизационный смысл происшедшего в XX веке состоит в том, что ряд коренных особенностей российской цивилизации сохранился вопреки бурям времени, обрывам социальной памяти, порочной политике и идеологии – хотя никто не может поручиться за будущее. Современный исследователь А.В. Буровский верно отмечает, что «большинство ученых достаточно дружно приходит к выводу о том, что всякая система существует ровно до того времени, пока она способна развиваться с ходом времени и во всякой культуре неизбежно нарастает традиция... и культура начинает все хуже реагировать на окружающее» [1, с. 402]. Однако, несмотря на тектонические разломы XX столетия, в России сохранился тип предпринимательской личности, по своей духовной структуре, восходящей к славянскому типу, православному и моральному наследию Руси-России.

Западная традиция предпринимательства отталкивается от широко распространенной на Западе идеи о неоспоримой победе в итоге холодной войны экономического и политического либерализма и крахе социалистической идеи, что влечет за собой распространение на весь мир именно либеральных ценностей и менталитета. При этом образцом должны послужить ценности и менталитет западного демократического общества. В этом случае, с точки зрения социокультурной глобализации, можно, например, говорить о таких явлениях, как «кока-колонизация» или «макдональдизация», которые, в узком смысле означают распространение в разных странах мира ресторанов быстрого обслуживания, организованных на основе американской конвейерной технологии. А в более широком смысле – диффузию элементов западной, преимущественно американской, культуры в незападных обществах. По словам С.В. Перевезенцева, «В западноевропейской философии моральная проблематика тоже не оставалась без внимания. Однако чаще всего мораль, нравственность рассматривались как продолжение, как одна из разновидностей разумного сознания. Этика воспринималась на Западе как практическая наука, наряду с политикой» [5, с. 46].

Заключение

Идеи, что были восприняты русскими философами еще во времена византийского влияния на Русь, как-то в той или иной степени, предопределили изменения не толь-

ко социального контекста, но и самой формы генезиса отечественной философии и этики в России. Философы и моралисты современности больше не пишут друг для друга, но обращаются к массам, акцентируя внимание на насущных проблемах культуры и морали современности, затрагивающих каждого. Все это является признаками перехода российской цивилизации вместе с мировым сообществом на постиндустриальный уровень развития. Для российского общества в данную эпоху в век высоких технологий (цифровых) необходимо интегрировать эти высокие технологии с всесторонним воздействием исконно российской духовности, задающей смысловой вектор развития нашей цивилизации.

И сколько бы ни иронизировала над теориями «русского экономизма», именно оно в значительной степени определяет лицо всей современной российской этической мысли, позволяя традициям таксономизма уверенно рассчитывать на то, что оно и в будущем займет достойное место в мировой и отечественной культуре.

Литература

1. Буровский А.М. Крах империи: Курс неизвестной истории. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 462 с., с. 402.
2. Елдин М.А. Новый Рим, период Никейской империи: эτικο-историософский аспект: монография/ М.А. Елдин; Мордов. гос.ун-т. – Саранск., 2019. – 144 с.
3. Калинин Б.Н. Блеск и нищета самоопределения народов// Вопросы философии., 2021. С. 77–90.
4. Панарин А.С. Россия в Евразии: геополитические вызовы и цивилизационные ответы // Вопросы философии, 1994.- № 12.- С. 19–30.
5. Перевезенцев Сергей Вячеславович. Русский выбор: очерки национального самосознания/ С.В. Перевезенцев.- М.: Русский мир, 2007.- 416 с.
6. Петросян Д., Фаткина Н. Экономический эгоизм и гуманизация экономики // Вопросы экономики. 2010. № 8. С. 123–131.
7. Amodio, D.M., and Mendoza, S.A. Implicit intergroup bias: Cognitive, affective, and motivational underpinnings // Handbook of implicit social cognition: Measurement, theory, and applications / edited by B. Gawronski and B.K. Payne. New York, NY: The Guilford Press, 2010. P. 362–363.
8. Ang, S., Van Dyne, L., Tan, M.L. Cultural intelligence // The Cambridge handbook of intelligence / edited by R.J. Sternberg, S.B. Kaufman. New York: Cambridge University Press, 2011. P. 583–585.
9. Echols, S., Correll, J. It's more than skin deep: Empathy and helping behavior across social groups // Empathy: From bench to bedside / edited by Jean Decety. Cambridge, MA; London, England: The MIT Press, 2012. P. 65–67.
10. The Oxford Handbook of Byzantine studies / Edited by E. Jeffreys, J. Haldon, R. Cormack. – New York: Oxford University Press, 2008. – 1021 p.

TRANSFORMATION OF THE SYSTEM OF SPIRITUAL VALUES IN THE ECONOMIC SPHERE OF RUSSIAN SOCIETY IN A HISTORICAL CONTEXT: SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Zakharov A.V.

N.P. Ogarev National Research Mordovian State University

The spiritual values of a person in the sphere of economics include: the well-being of a person and family, public benefit, the value of finance, the nature of professional activity, economic characteristics, the degree of participation in market relations.

Introduction: In the general characteristics of the works of thinkers of Rus and Russia, the role of moral heritage is considered, and an analysis of the economic traditions of Orthodox peoples is presented. Opposite tendencies on the one hand of anti-clerical forces, on the other – of the church community.

The purpose of the article is to examine the understanding of the processes of economics and entrepreneurship in the ethical thought of Russia.

Materials and methods: as a theoretical and methodological strategy for the study, a promising integrative approach combined with historical and methodological and philosophical and ethical analysis. The solution to the research problems was based on theoretical and empirical methods.

Research results: the considered model of the economy in the realities of Russian social morality testifies to the borrowed nature of these concepts. Discussion and conclusions: the expected effect of the processes may be a correctly constructed model of state-church relations, which may appear in the interests of the modern social tradition of the peoples of Rus-Russia.

Keywords: economic traditions, spiritual values, phenomenon Russia, research, ethics, morality, region.

References

1. Burovsky A.M. The collapse of the Empire: A course of unknown history. – M.: LLC “AST Publishing House”, 2004. – 462 p., p. 402.
2. Eldin M.A. New Rome, the period of the Nicene Empire: an ethical and historiosophical aspect: monograph/ M.A. Eldin; Mordovian State University. – Saransk., 2019. – 144 p.
3. Kalinnikov B.N. The splendor and poverty of self-determination of peoples// Voprosy filosofii., 2021. pp.77–90.
4. Panarin A.S. Russia in Eurasia: geopolitical challenges and civilizational answers // Voprosy filosofii, 1994.- No. 12.- pp.19–30.
5. Perevezentsev Sergey Vyacheslavovich. Russian Russian choice: essays on national identity/ S.V. Perevezentsev.- M.: Russkiy Mir, 2007.- 416 p.
6. Petrosyan D., Fatkina N. Economic selfishness and humanization of the economy // Economic issues. 2010. № 8. C. 123–131.
7. Amodio, D.M., and Mendoza, S.A. Implicit intergroup bias: Cognitive, affective, and motivational underpinnings // Handbook of implicit social cognition: Measurement, theory, and applications / edited by B. Gawronski and B.K. Payne. New York, NY: The Guilford Press, 2010. P. 362–363.
8. Ang, S., Van Dyne, L., Tan, M.L. Cultural intelligence // The Cambridge handbook of intelligence / edited by R.J. Sternberg, S.B. Kaufman. New York: Cambridge University Press, 2011. P. 583–585.
9. Echols, S., Correll, J. It's more than skin deep: Empathy and helping behavior across social groups // Empathy: From bench to bedside / edited by Jean Decety. Cambridge, MA; London, England: The MIT Press, 2012. P. 65–67.
10. The Oxford Handbook of Byzantine studies / Edited by E. Jeffreys, J. Haldon, R. Cormack. New York: Oxford University Press, 2008. – 1021 p.

Театр одного актора

Кемеров Вячеслав Евгеньевич,

доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии Уральского федерального университета, руководитель Ведущей научной школы
E-mail: kemerov1444@yandex.ru

Понятие актора постепенно замещает в общественных науках понятия индивида, личности, агента. Смысл этого смещения состоит в том, что человеческие индивиды всё более рассматриваются как силы, влияющие на воспроизведение социальной формы, её изменение и развитие. Речь идёт уже не об отношении индивида и общества, а о влиянии индивидов на функционирование социальных систем и структур. Социальная система предстает как результат взаимодействия множества акторов. Это множество обеспечивает её динамику и развитие. Но и сами акторы выступают в формах изменчивости и разнообразия. В них происходит перемещение ролей и функций, они меняют сценарии поведения и создают новые ситуации. Они не укладываются в рамки привычных одномерных конструкций. Это неизбежно влияет на динамику структур, поскольку в них происходят трансформации ролей и функций. Акторы производят сдвиги в формах социальности, а эти сдвиги создают новый контекст самоактуализации акторов. Фиксация такой динамики акторов требует пересмотра сложившихся представлений о методологии обществознания и об интеграции социально-гуманитарного знания.

Ключевые слова: актор, индивид, личность; простое и сложное «Я», актор как множественная монада, взаимодействия акторов и динамика социальности, процессность социальности и сдвиги в методологии социально гуманитарного познания.

Уточнение терминологии иногда приобретает важный смысл, ибо влечет расширение содержательного поля разговора, а иногда производит методологический сдвиг исследования.

Термин “actor” распространяется в социологии в середине 20-го столетия в связи с появлением целого ряда концепций социального действия. Он оказывается подменой таких терминов как индивид, личность, агент (а также более отдаленных коннотаций: субъект, группа, актёр). Его распространение связано с изменением традиционных схем взаимообусловленности индивидов и общества. Если прежде доминировала схема адаптации людей к социальным формам, то теперь на первый план выходит анализ зависимости социальных форм от деятельности людей (не отдельных личностей, а от их взаимодействий). Акторы не ограничены своей позицией и функцией; они на основе собственной истории и энергетики, воспроизводят социальные формы. Они обеспечивают социальный процесс; его континуальность основана на их естественной способности преодолевать свою дискретность. Говоря традиционным языком, для актора главным оказывается не его социальное место, а его сила и способность включиться в социальное взаимодействие и воздействовать на него. Таким образом, актор выделяется из аналогичных социологических персонажей тем, что он манифестирует себя не носителем формы социального пространства, а субъектом воспроизводства и продления социального времени.

В предшествующих работах на эту тему [1], [2] было показано, что полилог социальности вырастает из множества диалогов и монологов, а те в свою очередь не замыкаются на отдельных контактах и актах и образуют цепочки связей, развёртывающихся в пространстве и времени. Даже в отдельном акте взаимодействия индивида с вещью прямо или косвенно соучаствуют другие индивиды. А в освоении человеком сложного объекта неизбежно образуется координация разных субъектов, образуется своего рода многоместный субъект, представителем коего и выступает отдельный актор [3].

Так выглядит дело с внешней по отношению к ситуации точки зрения. Но и в самом акторе происходит аналогичная работа со временем и пространством.

В 60-е годы прошлого века Андрей Вознесенский писал:

Я – семья
Во мне как в спектре живут семь «я»,
невыносимых, как семь зверей
А самый синий свистит в свирель!
А весной
Мне снится
что я –
восьмой!

Тогда это было воспринято как экстравагантная выходка. Между тем в социологии и психологии (но не в обыденном сознании) такой взгляд стал уже приемлемым, даже нормальным. Менялись не только вкусы, менялось представление о норме.

В традиционном сознании цельность индивида прочно связывалась с устойчивостью его внутреннего мира, его внутреннего «Я». В этом сознании веками складывалась концепция личности как носителя устойчивой системы привычек, предпочтений и ориентаций. Они слу-

жили признаком духовного здоровья человека. В связи с этой концепцией находились такие положительные морально-психологические характеристики как последовательность, принципиальность, вменяемость.

Вокруг этого стереотипа группировались и отрицательные характеристики: человек забыл себя, не может найти себя, ищет себя; как в одной песне: Знаю, милый, знаю, что с тобой/Потерял себя ты потерял.

В традиционных обществах норма была такова, что наши рассуждения о динамике актора казались бы странными, а может быть и размещались бы за её границами.

В посттрадиционных обществах эта норма начинает сдвигаться, а иногда и менять смысл. Динамика социальной практики такова, что человек, становясь значимым актором, вынужден обновлять свои установки, а, стало быть, формировать качества, силы, способности и квалификации. Таким образом, он примеряет на себя прежде непривычные роли и становится их комплексным носителем [4]. Соответственно усложняется его внутренний мир и его «Я» включает в себя эту сложность; в нем определяются различные грани, например, как говорят психологи, импульсивное и рефлексивное «Я».

В психологии подобные мутации актора именуется кризисом. Но этот кризис, хотя и наполнен драматизмом, является естественным выражением личностного роста человека. Ему необходимо освоить новые роли, силы и способности; либо он их приспособливает к себе, либо остается в прежнем положении, что не блокирует кризисность ситуации [5]. Этот кризис является для актора внутренним лишь условно. Он простимулирован необходимостью активизации его сил и средств. Это – момент движения его собственной истории, которая вплетена в социальный контекст. Ему нужно вложить своё усилие в преобразование положения, иначе он остается в своем прошлом. Перефразируя слова процитированной ранее песни, можно сказать: Знаю, милый, знаю, что с тобой/Потерял контекст ты, потерял.

Концепция ролей и концепция кризисов оказываются косвенным определением динамики бытия актора, его укорененности в социальном пространстве и социальном времени.

Попытки осмыслить эту сложность бытия актора реализовались в появлении концепций самоидентификации человека в философии, социологии и психологии.

Идея самоидентификации изначально очевидна: индивиду необходимо для нормальной деятельности и общения сохранять единство своей личности. Для этого ему нужно сохранять способность собирать воедино различные грани своего бытия.

Но при ближайшем рассмотрении эта идея оказывается внутренне противоречивой. Искомое единство не является прочной конструкцией или обжитым пространством: оно само состоит из многих элементов, к тому же находящихся в динамическом равновесии, в подоплеке которого воспроизведение и изменение бытия. Обретение самоидентификации оказывается сродни «классической» проблеме выбора, но не выбора пространства или места, а выбора способов сборки распадающейся личности. Иными словами, речь идет не о возвращении утерянного и не о повторении схемы поведения, а о способности реконструировать и конструировать динамику собственного бытия. Самоидентификация становится самобытностью, а самобытность – не отличием от других, а способностью повторять свои отличия, но повторять их, видоизменяя: различие стимулирует повторение, а повторение обеспечивает различие [6].

Проблема самоидентификации и проблема идентификации созвучны друг другу, но по объему и содержанию не совпадают (хотя у них есть зоны пересечения).

Идентификация предполагает установление тождества объекта или субъекта самому себе. Самоидентификация становится проблемой при перенасыщенности актора внутренними различиями.

В социальных науках под идентификацией подразумевают тождественность сознания членов общности во взглядах относительно их территориальной принадлежности, их этничности, их общей истории, их ценностно-нормативных установок. Когда они подтверждают свою принадлежность к общности, они подтверждают свою идентичность, а общность подкрепляет свое единство и особенное бытие. Так устанавливается идентификация общности: племени, сословия, касты, класса, группы или государственного образования. Так фиксируется тождественность общности и закрепляется её идентичность.

Самоидентичность становится проблемой для самого актора, когда в нем нарушаются связи между его установками и ролями, их различия становятся сильнее его самости, и ему нужно их преодолеть, дабы эту самость сохранять как потенциал для обновления и связи своих сил и состояний.

В этом пункте вопросы об идентификации и самоидентификации сходятся. Самоидентификация актора зависит от его идентификации с общностью. Его внутренние проблемы связаны с его зависимостью от определенной общности. Возможности изменения его ролевой структуры не безграничны, они определены и определены набором ролей и позиций, принятым в общности. Актор в своём стремлении самоутвердиться в своих различиях неизбежно сталкивается с набором стандартов и стереотипов. Сюжет этого столкновения ведёт к ситуации, в которой актер либо терпит психологическое поражение, либо находит какой-то компромисс, либо обречён на физическое исчезновение.

Классическая драматургия – от Шекспира до Чехова – черпает в этом конфликте свои сюжеты.

Однако, заметим, что в традиционном обществе этот сюжет постоянно присутствует, но не является доминирующим. В классике он становится признаком повседневности и касается уже не царей, принцесс и воинов. Он описывает бытовые драмы разных сословий и коллизии их взаимоотношений, их трансформации, подвижности границ между ними.

Сама тема актора, как особого персонажа, перестаёт быть выделенной, она так или иначе сопутствует всем персонажам. Сословная принадлежность героя утрачивает прежний вес. Актору всё более приходится рассчитывать на свои сил и действия, а не на свою принадлежность к социальному слою.

В этом пункте мы подходим к определению контекста самоидентификации актора, то есть к вопросу о том, как выглядит та социальность, в которой актер осуществляет свою динамику.

Вариантов несколько. Если социальность реализуется и трактуется как жесткая структура, динамика актора минимизируется и сводится к адаптации к социальной форме; тогда и понятие актора становится второстепенным и даже излишним.

Если социальность конкретизируется как совокупность функций, тогда и значение актора становится более сложным, поскольку он не только выступает носителем функции, но в её воспроизводстве вносит в неё изменения, а значит выходит за её границы. А значит он свою внутреннюю динамику привносит в динамику функ-

ций и это значит, он, выходя за ранее установленные рамки, обеспечивает гибкость системы и её открытость.

Если же актер или акторы начинают менять связи между функциями, социальность утрачивает форму жесткой структуры и становится органической системой, не в биологическом смысле, а в смысле возможности обретения новой стабильности за счёт трансформации своих элементов и их функций.

Фиксация простого факта, что индивиды действуют в системе общества, недостаточна. Г. Оллпорт, утверждая, что личность реализуется в социальных взаимодействиях, вместе с тем не считал перспективными теории, полагавшие, что система общества функционирует за счет адаптации личностных мотивов к внешним для них функциям и ролям, за счет внедрения в психику личности нормативных механизмов, которые образуют *superego*, контролируют и подчиняют спонтанную активность личности[7].

Если система с ее самоорганизацией не есть машина, вмещающая и адаптирующая индивидов, значит, ее нужно *представить как форму, реализующуюся в жизни и деятельности людей*. Тогда в принципе становится понятно, как во взаимодействиях и самореализации индивидов могут осуществляться процессы воспроизводства и изменения различных структур системы. Тогда приставка «само-» наполняется социальными значениями и предметными человеческими смыслами [8]. Если «самоорганизация» системы происходит вне и «над» элементами, в нашем случае «над» социальными индивидами, она неизбежно сопровождается превращением индивидов в вещественный и энергетический ресурс, в природный материал, подобный тому, который система потребляет из внешней среды. Но в таком случае «самоорганизация» ведет к превращению открытой системы в систему закрытую.

Тезис о структурно-динамической аналогии в действиях системы и ее элементов исподволь подводит к другому важному выводу. Традиционные рассуждения о личности и обществе применительно к проблеме самоорганизации общества как системы оказываются непродуктивными. В этой ситуации мы имеем дело не с обществом и личностью, а с обществом и *личностями*, составляющими ансамбль, систему связей, в котором общество воспроизводится, изменяется, обновляется как некое целое.

Тезис о структурно-динамических аналогиях в самоорганизации социальной системы и самореализации индивидов может показаться увлекательным, но не слишком практичным упражнением. Однако именно практика стран, вступивших на путь постиндустриального развития, заставила рассматривать экономические, политические, научные и даже технологические структуры как структуры взаимодействий между индивидами, как формы реализации их сил и способностей. Наука, образование, знания, информация – все эти ресурсы, вышедшие на первый план, могли быть полноценно использованы только на уровне личностной самореализации. Если этого не происходило, они превращались (и превращаются) в мертвый капитал, как это было с тяжелыми и большими машинами в 20-е, 30-е г.г. XX столетия.

Методологические поиски не сразу и не полностью отобрали эту тенденцию. Так в этнометодологии и в социальной феноменологии в фокус исследования попадает вопрос о проектировании и конструировании людьми форм социального взаимодействия [9], то есть, в перспективе возникает вопрос об изменении больших социальных систем и воздействии людей на их воспро-

изводство и обновление. Пока этот вопрос рассматривается как частный. Но он, по сути, является, отправным пунктом для пересмотра многих привычных представлений социально-гуманитарного познания, сложившихся за последние два столетия [10]. В первом ряду оказывается вопрос о положении актера или акторов в самом составе социальной связи. В пределе – это вопрос о том, в какой степени сама социальная форма состоит из взаимодействия акторов и возможна ли она вне этого взаимодействия?..

Литература

1. Кемеров В.Е. Субъект, субъективность, субъектность// Социология, 2024, № 1, с. 4–9.
2. Кемеров В.Е. От полилога к монологу: обратный отсчет// Социология, 2024, № 7, с. 166–170.
3. Лefевр В.А. Конфликтующие структуры. М., 1973. с.92.
4. Mead G. Mind, Self and Society. Chicago & London. 1934, с. 437.
5. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996, с. 344.
6. Делёз Ж. Различие и повторение. СПб., 1998. с.384.
7. Allport G. Personality & social encounter. 1960. Boston, p.386.
8. Maslow A. Self – actualizing people: study of psychological health. N.Y., 1950. 11–34.
9. Giddens A. Constitution of Society. Cambridge, 1984, p.384.
10. Кемеров В.Е. Общество, социальность, полисубъектность. М., 2012, Глава 3, с. 40–58.

ONE-ACTOR THEATER

Kemerov V.E.

Ural Federal University

The concept of an actor is gradually replacing the concepts of an individual, personality, and agent in the social sciences. The meaning of this shift is that human individuals are increasingly seen as forces influencing the reproduction of the social form, its change and development. It is no longer about the relationship between the individual and society, but about the influence of individuals on the functioning of social systems and structures. The social system appears as a result of the interaction of many actors. This set ensures its dynamics and development. But the actors themselves appear in forms of variability and diversity. They move roles and functions, they change behavior scenarios and create new situations. They do not fit into the framework of the usual one-dimensional structures. This inevitably affects the dynamics of structures, as they undergo transformations of roles and functions. Their interactions produce shifts in the forms of sociality, and these shifts create a new context for self-actualization of actors. Fixing such dynamics of actors requires a revision of existing ideas about the methodology of social studies and the integration of socio-humanitarian knowledge.

Keywords: actor, individual, personality; simple and complex “I”, actor as a multiple monad, actor interactions and dynamics of sociality, the process of sociality and shifts in the methodology of social and humanitarian cognition.

References

1. Kemerov V.E. From polylogue to monologue: countdown// Sociology. 2024, # 7, p.166–170
2. Kemerov V.E. Subject, subjectivity, subjectivity // Sociology. 2024, # 1. p. 4–9.
3. Lefevre V.A. Conflicting structures. M., 1973. p.92.
4. Mead G. Mind, Self and Society. Chicago & London. 1934, p.437.
5. Erikson E. Identity, youth, and crisis., N.Y., p.340.
6. Deleuze G. Différence et répétition. P., 1968.p.350.
7. Allport G. Personality & social encounter. 1960. Boston, p.386.
8. Maslow A. Self-actualizing people: study of psychological health. N.Y., 1950, p.11–34.
9. Giddens A. Constitution of Society. Cambridge, 1984, p.384.
10. Kemerov V. Society, Sociality, Polisubjectness. M., 2012, Ch.3, p.40–58.

Цифровизация как концептуальный фактор профессионализации высшего образования

Лустин Юрий Михайлович,

к.ф.н., доцент, доцент кафедры философии, Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского
E-mail: lustin56@mail.ru

Цель статьи – обосновать взаимосвязь формоопределенности цифровизации и содержательности образования в аспекте развития профессионально-компетентностных технологий вуза. Научная новизна работы состоит в философско-методологическом обосновании полицентрической модели профтипограммы студента в парадигме цифровой трансформации системы образования. В контексте учебно-деятельной профессионализации выпускника конкретизируется интегративно-формирующее содержание профтипограммы, детерминированное диалектико-типологической средой образовательного учреждения. Акцентируется внимание на философско-концептуальном подходе к использованию цифровых платформ, технологий искусственного интеллекта с целью обнаружения квалификационных достижений обучающегося, что способствует усовершенствованию методологии индивидуально-компетентностной траектории развития его профессиональных свойств и качеств.

Особое внимание уделяется диалектическому дискурсу компетентностно-типологической оптимизации процесса приобретения профессиональных знаний, навыков, умений студентом, что отражает организационно-культурную тенденцию изменений архитектуры учебно-образовательного пространства вуза в трансформационных условиях современности. Результаты исследования вносят определенный вклад в диалектико-типологическую теорию развития системы высшего образования, разработку приоритетных целей совершенствования качества профессиональной подготовки выпускника высшей школы. Философский дискурс проблемы исследуется в парадигме диалектико-типологической проблематики и перспективен в своей актуальности.

Ключевые слова: студент, высшая школа, цифровизация, образование, концептуальность, диалектико-типологическое, профтипограмма.

Введение

Диалектическое развитие общества, основанное на различных технологиях, невозможно без цифровой трансформации высшего образования, фундаментальных образовательных программ и стандартов, а также, новых дисциплин гуманитарной и прикладной ориентации, развивающие многогранные компетенции субъекта образовательной практики [1; 10; 15]. В настоящее время социуму требуются специалисты, обладающие устойчивыми навыками работы с цифровой информацией, разнообразными ИТ-программами и цифровыми онлайн-сервисами. Стремительно приходящаяся эра «диджитал поколения» (от англ. digital, «цифровой»), информационно-цифрового общества – закономерная социетальная реальность сегодняшних дней.

Являясь концептуальным фактором эффективного развития современного образовательного пространства, цифровизация вуза преимущественно направлена на креативное внедрение профессионально-компетентностных технологий в учебную среду и их инновационное совершенствование [3; 11]. Формоопределенный тренд цифровизации тесно связан с квалификационным содержанием образования, типом будущей профессии выпускника, типологией специализированных методик, применяемых в конкретном образовательном учреждении. Методологическая объективность данного утверждения указывает на то, что диалектико-типологическая составляющая цифровизации направлена на оптимизацию интеллектуальных ресурсов межвузовского пространства, повышение роли цифровых технологий в логико-гносеологических, виртуальных, ментально-аналитических способах формирования и развития профессионального мышления будущего специалиста своего дела.

Философии образования – непереносимое условие эффективного обеспечения образовательного результата в вузе. Ее научно-теоретическая и практическая значимость ориентирована на всестороннюю подготовку и социализацию выпускника, поиск и внедрение качественно новых возможностей для развития цифрового образования с целью обеспечения глубокой модернизации учебных технологий, содействие в конструктивной направленности инновационного типа обучения. Как следствие, философия цифровизации образования служит диалектико-типологическим средством профессионализации личности студента, что способствует его успешному трудоустройству на рынке труда. Система подготовки в вузе, преобладающая зрелость компонента в структуре профессионального мастерства, проявление персонализированных «проф-имиджевых» предпочтений в учебно-образовательной среде способствуют надлежащей квалификационной подготовки выпускника высшей школы.

Основная часть

Цифровая составляющая обучения в высшем учебном заведении является одной из важнейших компонент развития и профессионального становления студента. Со-

держательность цифровой трансформации современного образования, в качестве профессионально формирующей среды высшей школы, способствует развитию внутреннего мира обучающегося, проявлению его мыследеятельной активности, мировоззренческой, духовно-нравственной и логико-когнитивной ориентации в исторической событийности жизненных обстоятельств [4; 9].

Интегративная типология образовательного пространства, концептуальность реалий цифрового пространства вуза [2; 16], выбранный профиль обучения не только способствуют формированию значимых компетенций обучающегося, но с помощью цифровых технологий информационно-образовательного потенциала высшей школы оказывают существенное влияние на диалектическое развитие его профессионально-типологических качеств (свойств). Прямым следствием из этого утверждения являются доводы следующего содержания: «качественное формирование внутреннего мира личности зависит от направленности цифрового развития образовательной среды вуза, целевыми ориентирами которой являются: комплексная интеграция научно-образовательной, социокультурной и профессионально-производственной деятельности; активное участие коммуникантов образовательной сферы в системном решении исследовательских задач, определенных общероссийскими инновационными проектами; обновление типологии образовательных программ прикладной направленности на основе компетентностного подхода и квалификационных требований к выпускнику вуза; всестороннее развитие системы привлечения работодателей к участию в качественной подготовке студентов в период производственной практики; интерактивно заданное совершенствование кредитно-модульных принципов построения образовательных программ; путеводное технолого-цифровое использование принципов (методов) моделирования и конструирования учебных задач оценочного содержания» [8, с. 96]. По мнению небольшого числа западных теоретиков возрастающий информационный потенциал цифрового общества позволяет говорить о перспективах «цифровой антропологии» [17], тенденции «цифрового взросления» современного молодого поколения [18].

Качественная цифровизация образования в условиях высшего учебного заведения является сложным социально-интегративным явлением, технологический, праксиологический, когнитивно-прикладной характер которого направлен на кардинальное решение проблемы профессиональной подготовки студента в реалистичном тренде его последующего трудоустройства. Опираясь на методологию такого подхода, можно констатировать: цифровизация вуза – это интегративная форма реализации целей и задач комплексного образования в предельно широком формате дидактической субстанциональности: «образовательное учреждение – обучающийся – преподаватель – цифровое пространство вуза – результаты учебно-образовательной деятельности – сформированные компетенции выпускника высшей школы». Универсальность формоопределенности цифровизации немыслима без ее понимания в аспекте аксиологической самозначимости знания, идеалов творческой свободы самообучения и профессиональной самоорганизации студента [7]. В этих критериях отражается неповторимость типологии личности, целеустремленность и диалектическая направленность ее индивидуальных свойств в социально-типологическом процессе опытного становления в профессии.

Анализ источниковой базы показал, что основными свойствами цифровизации являются всеобщность и устойчивость [14]. Всеобщность цифровизации вы-

ражается в технологической универсализации всех видов учебно-воспитательной жизнедеятельности обучающихся посредством сопряжения индивидуальных мотивов в овладении специальностью, а устойчивость – связана с преобладанием в деятельности студента реальных и виртуальных связей сотрудничества в группе (вузе), интегрированных с позитивной IT-ориентацией, активным использованием цифровых технологий, интернет-ресурсов, веб-технологий в общении.

Цифровизированное содержание диалектико-типологической концептуальности образования характеризуют ряд основных функций.

Когнитивная. Реалии цифрового пространства вуза предоставляют возможность студенту воспринимать, анализировать, моделировать содержание информационно-образовательной действительности, а также объективировать смысловое понимание этой информации и, соответственно, достойное нахождение своего места в информационном обществе. Как функция конструктивно-эпистемологической потенциальности, она позволяет студенту достигать определенных результатов в учебе, так как основана на формах чувственно-волевой и логико-рациональной адекватности созидющего мышления (сознания) личности.

Интегрирующая. Интеллектуальный дискурс образовательных ценностей цифровизации причинно обуславливает формирование у субъекта познания когнитивно-мировоззренческой уверенности в единстве его персонального «Я» с содержанием профессиональной социализации в вузе. Это позволяет каждому студенту лучше осознать цели и задачи образовательного процесса, должностным образом ощущать себя его полноценной частью. Формирующий аспект интегративной функции цифровизации образования, тесно связанный с тем или иным уровнем квалификационной подготовки будущего выпускника, позволяет определить меру его персональной ответственности за состояние учебы, примерность в поведении, креативную самореализацию жизненного пути и успешность в самообразовании.

Регулятивная. Социально-информационная экспликация цифровизации способствует осознанному изменению стиля мышления студента и способов его практической деятельности в учебно-образовательной среде. Высокий уровень интеллектуальной практики, на основе информационных систем, цифровых устройств, интерфейсов, IT-сервисов, благоприятствует разрешению противоречия между уровнем квалификационной подготовки выпускника высшей школы и степенью его реальной востребованности на рынке труда.

Развивающая. Культура самовоспроизводящего содержания цифровизации тесным образом связана с учебно-образовательным, идейно-воспитательным, интеллектуально-познавательным эффектом обучения. В результате цифровой трансформации учебно-воспитательного процесса высшей школы происходит качественное приращение знаний, повышается уровень профессионально ориентированных навыков и умений обучающегося. В концептуальном достижении целей профессии эти слагаемые всесторонне интенсифицируют духовно-нравственные, интеллектуальные, антропологические, когнитивные, этнонациональные качества студента, направляют их стимулирующее воздействие на целостное формирование собственного профессионального имиджа будущего специалиста.

Мотивационная. Цифровые технологии образования создают необходимые предпосылки для эффективной самоактуализации выпускника высшей школы. Креативная динамика успешности будущего профессионала отражается в различных показателях (достижениях)

учебно-образовательной, интеллектуальной, морально-нравственной, социокультурной, общественно-деловой, индивидуально-психологической, ментальной, эмоционально-волевой явленности, что в последующем определяет биографию его трудовой деятельности, подтверждает целесообразность избранной профессии.

В инновационных стратегиях вуза особое внимание уделяется цифровым платформам как многофункциональным информационно-сервисным онлайн-площадкам. Профориентационная направленность цифровых платформ стимулирует учебную самоорганизацию студентов, определяет избирательность учебно-воспитательных траекторий в электронной образовательной среде, направленных на эффективное освоение образовательных курсов и программ [6].

Качественно сочетая в себе цифровой учебно-образовательный контент с активным онлайн и офлайн взаимодействием, цифровые платформы (комплексно-информационные цифровизированные площадки – автор) способствуют реализации дигитализационного содержания социально значимой информации в практике высшего образования. В аспекте практико-ориентированной предметности обучения типология цифровых платформ концептуально направлена на формирование у субъекта образовательной деятельности различных интеллектуальных смыслов постижения социокультурной, профессионально-образовательной реальности, приобретение ментального опыта виртуального понимания действительности, преимущественно исходя из своей мировоззренческой позиции. В этой связи, методологическая ориентация высшей школы на развитие цифровой инфраструктуры требует расширения учебной базы, постоянного обновления электронных образовательных продуктов, что предъявляет особые требования к качественному владению преподавателями цифровыми компетенциями педагогического стиля деятельности (умелый выбор обучающей цифровой платформы; дидактически правильное построение методологии онлайн-занятия и методики проведения проблемных лекций, мини-курсов, онлайн-консультаций; методически грамотное использование авторских приемов и классических методов обучения и др.). Как показывают исследования, многими преподавателями активно используются разнообразные познавательные средства на основе опорно-логических алгоритмов познания; концептуальных схем «эпистемологического фрагментирования» знаний студентов по группам тем учебной дисциплины; облачных вычислений с использованием методов искусственного интеллекта и технологий виртуальной реальности. Несомненно, данные средства познания активизируют рефлексивный уровень понятийного мышления студента в направлении многостороннего восприятия цифровой образовательной среды (ИОС), конкретизируют индивидуализацию образовательных траекторий познания. Это обстоятельство способствует созданию более совершенных концепт-моделей профессионального обучения, расширению квалификационных характеристик личностного роста студента в социально-культурной парадигме традиционных образовательных ценностей вуза [12].

Следуя данной логике представляется необходимым специально выделить такой образовательный вектор профессиональной подготовки студента, как индивидуально-компетентностная траектория освоения профессии. Данная ориентация интеллектуального потенциала студента, являясь фундаментальной учебно-мотивационной установкой на пути культуросообразного постижения профессии, оказывает существенное влияние на повышение уровня его образовательной успешно-

сти, свидетельствует о высоком статусе персонализации обучения, так как «важнейшей задачей цифровой трансформации образования является создание условий для персонализированного обучения с использованием широких возможностей цифровых технологий с целью воспитания личности, подготовленной к реализации собственной траектории образования, самообразования и саморазвития, основывающегося на фундаментальных знаниях» [5, с. 89].

Индивидуально-компетентностная траектория освоения профессии совершенствует специализированные знания студента, развивает его навыки и умения, а поэтому играет первостепенную роль в цифровом образовании. Стоит особо подчеркнуть, что техническая и технологическая сторона цифровизации образовательного процесса свидетельствует о расширяющейся функциональности высшей школы, ее интегративной сущности в формировании приоритетных целей профессиональной подготовки выпускника высшей школы в предметном поле учебно-воспитательной сущности: «преподаватель – учебно-образовательное пространство общества – информационно-цифровая среда вуза – студент».

Профессиональное становление студента всегда связано с дигитализационными особенностями образовательного пространства, организационными возможностями вуза, социокультурной спецификой учебно-воспитательной работы, определенными психофизиологическими состояниями студента. В контексте учебно-деятельной профессионализации выпускника вуза важную роль играют различные профессиограммы, психограммы, социограммы, трудограммы, используемые в опросах профессионального характера, социологических исследованиях, диагностических методиках различной направленности [13].

Существенная роль на всех этапах профессионального обучения студента принадлежит такому средству выявления его профессиональной пригодности к конкретному виду (видам) деятельности, как профтипология, которая в своей диалектико-типологической всеохватности располагает концептуально значимым предметным содержанием. Имея профилно-специализированное предназначение, профтипология прямо или косвенно сопряжена с моментами организационно-технической (организационно-технологической), психолого-педагогической, логико-рефлексивной, праксиологической, эпистемологической характерности конкретного вуза. Ее содержательность направлена на фактическое и прогностическое обнаружение когнитивных свойств (качеств) студента в значениях их квалификационной ориентированности и профессионально-типологической сущности. По своей онтогносеологической значимости, профтипология специфицирована требованиями общества к конкретному виду (типу) профессии, а по своей концептуальной направленности объективирована диалектико-типологическим содержанием всей системы учебно-воспитательной работы образовательного учреждения.

Полицентричность (от греч. poly много, многое и лат. centrum – многополярность, многополюсность) – коренная особенность профтипологии, относительно полно отражающая результаты сформированных профессиональных компетенций, ментальной и деловой потенциальности личности обучаемого. По своему интегративно-формирующему содержанию, профтипология – эталонное структурно-ресурсное средство формирования профессионального самосознания и профессионально важных свойств студента. Она комплексно фокусирует универсальное «наличие» реально имеющихся индиви-

дуальных характеристик личности, определенная комбинация которых способствуют достижению успеха в ее профессиональной деятельности.

В контексте учебно-деятельностной профессионализации выпускника, *профтипограмма студента* – это определенная спецификой вуза полицентрическая модель познания, отражающая единство содержательного описания профиля (специальности) будущей профессиональной деятельности и типологии профессиональных свойств, концептуальное единство которых свидетельствует о персональных качествах профессиональной пригодности обучающегося к конкретному виду деятельности, реальной готовности к профессиональному самоопределению.

В диалектико-типологическом контексте соотношения с содержанием государственных образовательных стандартов, профессиональных компетенций и образовательных программ высшей школы, профтипограмма конкретизирует прикладную многокачественность учебно-образовательных акцидентов, что способствует обнаружению практико-определенных свойств студента, направленных на профессионализацию деятельности будущего специалиста. В общеметодологическом и интегративно-психологическом значении, профтипограмма студента отражает функциональные свойства будущей профессии, смыслодеятельные способы поэтапного освоения ее основ в диалектико-типологической среде образовательного учреждения.

Практическая востребованность и надлежащая эффективность профтипограммы эксплицирована единством качественных и количественных характеристик, разносторонних данных социально-профессиографического, интеллектуального, индивидуально-психологического, культурно-бытового, производственного характера, что определяет уровень мотивационного отношения студента к профессии. Как показала практика, различные показатели мотивации могут быть объективированы с использованием всевозможных математических методов, современных квалиметрических расчетов. Само собой разумеется, что универсальные данные профтипограммы могут являться основой социализированных моделей развития личности выпускника.

Профтипограмма отражает в себе моменты абстрактно-теоретического и конкретно-практического преломления учебно-образовательной реальности, очевидность которой фиксируется различными показателями в терминах их различной «измеримости» и сопоставимости, исходя из содержания конкретных актов действий субъекта практики. В этой связи, профтипограмма является интерпретационным средством индивидуально-типологического, психологического, акмеологического, интеллектуального познания. В своей социально-психологической значимости профтипограмма наделена диалектической способностью выявлять типологическую характерность профессионально важных качеств студента, обнаруживаемых в процессе результативно-познавательного постижения им будущей специальности.

Заключение

Цифровизация играет значительную роль в структуре образовательного процесса вуза и направлена на осознанное стимулирование у обучающихся потребности в практико-ориентированном приобретении профессиональных компетенций. Целенаправленное использование цифровых технологий и техник, совершенствование методологии и методик индивидуально-компетентностной траектории развития профессиональных знаний, навыков,

умений студента дифференцированно профессионализирует значимые качества, что способствует приобретению им практического опыта выполнения квалификационных обязанностей по профилю подготовки, повышает качество успеваемости.

Креативно-инновационная система цифровизации образовательной среды позволяет развивать творческую активность студентов, интегрировать их учебно-познавательные устремления в направлении высокопрофессионального становления как молодых специалистов.

Перспективность дальнейших научных исследований, в контексте заявленной темы, может быть связана с развитием: философской методологии цифрового развития образовательной среды высшей школы; диалектико-типологических закономерностей использования различных цифровых платформ в образовательно-педагогической практике; метода социально-типологической редукции, способствующего выявлению рефлексивных (логико-рефлексивных) закономерностей активизации профессионального мышления студента в реалиях дигитализационного пространства вуза; методологии и методики применения профтипограмм студента в информационно-цифровом пространстве образовательного учреждения.

Литература

1. Атаян А. М., Гурьева Т.Н., Шарабаева Л.Ю. Цифровая трансформация высшего образования: проблемы, возможности, перспективы и риски // Отечественная и зарубежная педагогика, 2021. – Т. 1. – № 2 (75). – С. 7–22.
2. Банных Г.А., Костина С.Н. Концептуализация понятия цифровой зрелости университета в контексте цифровой трансформации высшего образования // Вестник Майкопского государственного технологического ун-та, 2022. – Т. 14. – № 1. – С. 110–120. DOI: 10.47370/2078-1024-2022-14-1-110-120.
3. Валева Г.В. Цифровая трансформация высшего образования: социально-философский анализ // Гуманитарные и социальные науки, 2023. – Т. 97. – № 2. – С. 7–12. DOI: 10.18522/2070-1403-2023-97-2-7-12.
4. Гриневич Л.А. Цифровизация высшего образования в современной России: теория и практика // Вестник Кемеровского государственного института культуры и искусств, 2021. – № 57. – С. 242–248.
5. Дитковская И.Э. Трансформация системы образования в условиях внедрения технологий виртуальной реальности: социально-философский анализ // Социально-гуманитарные знания, 2024. – № 3. – С. 87–91.
6. Жуковская И.Е. Цифровые платформы – важный аспект цифровизации высшего образования // Открытое образование, 2022. – № 4. – Т. 26. – С. 30–40. – DOI: 10.21686/1818-4243-2022-4-31-40.
7. Ивашевский С.Л. Диалектика идеалов и правовых норм в образовательной культуре России: Монография. – Н. Новгород: Изд-во ВВАГС, 2008. – 252 с.
8. Лустин Ю.М. Рефлексивное мышление студента в гносеологической доминанте цифрового образования // Архонт, 2022. – № 5(32). – С. 93–102.
9. Мироненко Е.С. Цифровая образовательная среда: понятие и структура // Социальное пространство. – 2019. – № 4 (21). – DOI: 10.15838/sa.2019.4.21.6.
10. Москалюк В.С. Понятие и сущность цифровизации системы образования // Наука и образование сегодня. – 2019. – № 10. – С. 15–17.

11. Семенов Е.В., Соколов Д.В. Цифровизация высшего образования: возможности и риски // Идеи и идеалы, 2022. – Т. 14. – № 4. – Ч. 1. – С. 137–153. – DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.4.1-137-153.
12. Строков А.А. Цифровая культура и ценности российского образования: дис. ...канд. филос. наук. – Нижний Новгород, 2021. – 165 с.
13. Хромова И.Н. Методика для диагностики профпригодности студентов психологов // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Психология. 2009. – № 1 (5). – С. 179–190.
14. Цифровые технологии в образовании. Тенденции, проблемы, перспективы: монография / под общ. ред. научного совета ГНИИ «Нацразвитие». – СПб.: ГНИИ «Нацразвитие», 2023. – 80 с.
15. Шинкевич В.Е. Диалектика цифровизации образовательной среды в условиях становления информационного общества современной России // Социально-гуманитарные знания, 2022. – № 4. – С. 332–343.
16. Johnston B., MacNeill S., Smyth K. Conceptualising the Digital University: The Intersection of Policy, Pedagogy and Practice. – Cham: Palgrave Macmillan, 2018. – 265 p. – DOI: 10.1007/978-3-319-99160-3.
17. Miller D., Horst H.A. The Digital and the Human: A Prospectus for Digital Anthropology. – In: Horst H.A., Miller D. (eds.) Digital Anthropology. – London: Berg, 2012. – P. 3–38.
18. Tapscott D. Growing Up Digital: The Rise of the Net Generation. – New York; London: McGraw Hill, 1998. – 256 p.

DIGITALIZATION AS A CONCEPTUAL FACTOR IN THE PROFESSIONALIZATION OF HIGHER EDUCATION

Lustin Yu.M.

Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky

The purpose of the article is to substantiate the relationship between the form-determination of digitalization and the content of education in the aspect of the development of professional and competence technologies of the university. The scientific novelty of the work lies in the philosophical and methodological substantiation of the polycentric model of the student's professional typogram in the paradigm of the digital transformation of the education system. In the context of the educational and active professionalization of the graduate, the integrative and formative content of the professional typogram, determined by the dialectical and typological environment of the educational institution, is specified. Attention is focused on the philosophical and conceptual approach to the use of digital platforms, artificial intelligence technologies in order to detect the qualification achievements of the student, which contributes to the improvement of the methodology of the individual-competence trajectory of the development of his professional properties and qualities. Particular attention is paid to the dialectical discourse of competence-typological optimization of the process of acquiring professional knowledge, skills, and abilities by a student, which reflects the organizational and cultural trend of changes in the architectonics of the educational space of the university in the transformational conditions of our time. The results of the study make a certain contribution to the dialectical-typological theory of the development of the higher education system, the development of priority goals for improving the quality of professional training of a higher school graduate. The philosophical discourse of the problem is studied in the paradigm of dialectical-typological problems and is promising in its relevance.

Keywords: student, higher education, digitalization, education, conceptuality, dialectical-typological, vocational program.

References

1. Atayan A. M., Guryeva T.N., Sharabaeva L. Yu. Digital transformation of higher education: problems, opportunities, prospects and risks // Domestic and foreign pedagogy, 2021. – Vol. 1. – No. 2 (75). – pp. 7–22.
2. Bannykh G. A., Kostina S.N. Conceptualization of the concept of digital maturity of a university in the context of digital transformation of higher education // Bulletin of Maikop State Technological University, 2022. – Vol. 14. – No. 1. – pp. 110–120. DOI: 10.47370/2078-1024-2022-14-1-110-120.
3. Valeeva G.V. Digital transformation of higher education: a socio-philosophical analysis // Humanities and social sciences, 2023. – Vol. 97. – No. 2. – pp. 7–12. DOI: 10.18522/2070-1403-2023-97-2-7-12.
4. Grinevich L.A. Digitalization of higher education in modern Russia: theory and practice // Bulletin of the Kemerovo State Institute of Culture and Arts, 2021. – No. 57. – pp. 242–248.
5. Ditkovskaya I.E. Transformation of the education system in the context of the introduction of virtual reality technologies: a socio-philosophical analysis // Social and humanitarian knowledge, 2024. – No. 3. – pp. 87–91.
6. Zhukovskaya I.E. Digital platforms are an important aspect of the digitalization of higher education // Open education, 2022. – No. 4. – Vol. 26. – pp. 30–40. – DOI: 10.21686/1818-4243-2022-4-31-40.
7. Ivashevsky S.L. Dialectics of ideals and legal norms in the educational culture of Russia: Monograph. – N. Novgorod: Publishing house VVAGS, 2008. – 252 p.
8. Lustin Yu.M. Reflexive thinking of a student in the epistemological dominant of digital education // Arkhont, 2022. – No. 5 (32). – pp. 93–102.
9. Mironenko E.S. Digital educational environment: concept and structure // Social space. – 2019. – No. 4 (21). – DOI: 10.15838/sa.2019.4.21.6.
10. Moskalyuk V.S. Concept and essence of digitalization of the education system // Science and education today. – 2019. – No. 10. – pp. 15–17.
11. Semenov E.V., Sokolov D.V. Digitalization of higher education: opportunities and risks // Ideas and ideals, 2022. – Vol. 14. – No. 4. – Part 1. – pp. 137–153. – DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.4.1-137-153.
12. Strokov A.A. Digital culture and values of Russian education: dis. ... Cand. Philosophical Sciences. – Nizhny Novgorod, 2021. – 165 p.
13. Khromova I.N. Methodology for diagnosing the professional suitability of psychology students // Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Psychology. 2009. – No. 1 (5). – pp. 179–190.
14. Digital technologies in education. Trends, problems, prospects: monograph / edited by the scientific council of the State Research Institute "NatSrazvitie". – St. Petersburg: State Research Institute "NatSrazvitie", 2023. – 80 p.
15. Shinkevich V.E. Dialectics of digitalization of the educational environment in the context of the formation of the information society of modern Russia // Social and humanitarian knowledge, 2022. – No. 4. – pp. 332–343.
16. Johnston B., MacNeill S., Smyth K. Conceptualising the Digital University: The Intersection of Policy, Pedagogy and Practice. – Cham: Palgrave Macmillan, 2018. – 265 p. – DOI: 10.1007/978-3-319-99160-3.
17. Miller D., Horst H.A. The Digital and the Human: A Prospectus for Digital Anthropology. – In: Horst H.A., Miller D. (eds.) Digital Anthropology. – London: Berg, 2012. – pp. 3–38.
18. Tapscott D. Growing Up Digital: The Rise of the Net Generation. – New York; London: McGraw Hill, 1998. – 256 p.

Понятия толерантность и интолерантность с позиции социальной философии

Мичурин Александр Владимирович,

независимый исследователь, зав. сектором развития проектной деятельности Министерства семьи, труда и социальной защиты населения Республики Башкортостан
E-mail: michurinav@rambler.ru

Терпимость в статье рассмотрена в своём современном социально-историческом смысле как толерантность. Автор проанализированы границы, субъект, адресат и предмет толерантного отношения. Рассмотрены биологические и социальные предпосылки толерантного поведения. Выявлены особенности реализации терпимости в синкретичных (домифологических, мифологическом), религиозном (монотеистическом), философском и научном мировоззрениях. При этом в полной мере, как полагает автора, положительный потенциал терпимости раскрывается в философском мировоззрении. Для того чтобы отличить толерантность от квази- и псевдотолерантности, следует учитывать мотивацию проявляющего терпимость субъекта. Толерантность, в частности, связана со стремлением избежать войны, верой в основные права человека, достоинство и ценность человеческой личности. В ключевой части статьи автором приводятся определения понятий толерантность и интолерантность с позиции социальной философии.

Ключевые слова: терпимость, толерантность, интолерантность, мировоззрение, миф, религия, философия, наука.

Терпимость как невраждебное, терпеливое отношение [12, с. 690] к человеческим мнениям, характеру и т.п. можно рассматривать абстрактно, в качестве идеализации, и в этом случае она предстаёт абсолютной, а, следовательно, ничем неограниченной сущностью. Вместе с тем в своих конкретных социально-исторических проявлениях терпимость всегда существует в тех или иных относительных, ограниченных формах. Она детерминирована особенностями социальных систем, в которых функционирует, в том числе множеством обеспечивающих устойчивость данных социальных образований интеллектуальных, правовых и нравственных норм и принципов.

Толерантность, под которой мы понимаем особый, современный в социально-историческом смысле вид терпимости, реализуется в масштабах мирового сообщества в целом. И, следовательно, терпимость при этом должна ограничиваться наиболее общими, универсальными установлениями человеческого духа: системой международного права, общечеловеческими моральными и интеллектуальными нормами и принципами.

С учётом вышеизложенного рассмотрим необходимые для понимания природы толерантности основные структурные элементы толерантного отношения: субъекта, адресата и предмет толерантности.

Субъект толерантности – это тот, кто терпит, допускает чьи-либо особенности и проявления. Он может быть как индивидуальным, так и коллективным (групповым, массовым). В первом случае мы имеем дело с отдельным человеческим индивидуумом, во втором – с различными по масштабу социальными образованиями. Например, в соответствии с «Декларацией принципов терпимости» государств-членов ЮНЕСКО, терпимость «должны проявлять отдельные люди, группы и государства» [7].

Человек, к которому, в конечном счёте, сводится любой субъект толерантных отношений – существо биосоциальное. Таким образом, можно говорить о биологических и социальных предпосылках или основах толерантных действий и поведения.

С точки зрения современной науки одной из движущих сил толерантности конкретного человека является присущий ему тип высшей нервной деятельности, а именно, комплекс индивидуальных особенностей высшей нервной деятельности, «обусловленный наследственными факторами и влиянием окружающей среды, характеризующийся силой, подвижностью и уравновешенностью нервных процессов (возбуждения и торможения) и определённым соотношением I и II сигнальных систем» [16, с. 20].

Физиологи выделяют четыре основных типа высшей нервной деятельности совпадающих, соответственно, с четырьмя типами темперамента: холеристическим, сангвинистическим, флегматическим и меланхолическим.

Проведя сравнительный анализ признаков толерантной личности и качеств, характерных для обладателей вышеперечисленных типов темперамента, Г.В. Безюлева и Г.М. Шеламова установили, что наибольшим количеством признаков толерантности обладают сангвиники,

в то время как холерики скорее склонны к интолерантности [2, с. 74]. Флегматики также обладают рядом толерантных качеств. Однако в отличие от сангвиников, они более склонны не к активной (основанной на небезразличии), а к пассивной (основанной на равнодушии, привычке и т.п.) терпимости. Меланхолики, в свою очередь, обладают признаками пассивной терпимости и интолерантности одновременно.

Вместе с тем не следует думать, что всех людей, в зависимости от присущего им от природы типа темперамента, *a priori* можно разделить на толерантных и интолерантных. Даже при наличии холеристического темперамента человек, продолжают свою мысль указанные авторы, на основе выстроенной системы ценностей, а также при условии знания собственных особенностей и целенаправленной коррекции своих негативных проявлений, может изменить своё поведение и реакции.

Толерантными в полном смысле этого слова люди не рождаются, а становятся в процессе социализации под воздействием как внешних (коммуникация, воспитание, обучение и т.д.), так и внутренних (самопознание, самообучение, самовоспитание и т.д.) факторов.

При этом в современном обществе особенно важно, чтобы люди умели соотносить свою собственную свободу и активность со свободой и активностью других социальных субъектов. Кроме того, субъектам толерантности должна быть свойственна интеллектуальная, мыслительная гибкость. Догматизм, предвзятость и фанатизм в суждениях, идейная косность исключают толерантность [9, с. 106].

В этой связи мы считаем, что в полной мере положительный потенциал терпимости раскрывается в рамках философского мировоззрения, которое, как доказала Е.В. Хазиева, «содержит в себе «в снятом виде» не только те исторические типы мировоззрений, которые были до него (первобытное, первобытно-религиозное и мифологическое), но и те, что возникли одновременно с ним (религиозное) или значительно позже него (научное)» [17].

В синкретичных мировоззрениях (домифологические, мифологическое) терпимость преимущественно носит случайный характер, обуславливаясь, например, особенностями настроения, эмоционального состояния, симпатиями или отдельными, закрепившимся в данном социуме гуманистическими практиками: ритуалами, обычаями, традициями и т.д.

В религиозном (монотеистическом) взгляде на мир терпимость ограничена сакральными, догматическими доктринальными рамками.

Научное мировоззрение, устремлённое к поиску истинных знаний, в силу своей специфики не ориентировано на создание и поиск ценностных жизненных смыслов, рефлексию над своими основаниями. Говоря о специфике научного знания М.К. Петров справедливо отмечает, что оно собственно «научно постольку, поскольку в нём нет человека, его эмоций, стремлений, потребностей, ценностей» [Цит. по: 11, с. 130].

Именно философское мировоззрение позволяет человеку адекватно (с учетом рационального, чувственного, иррационального, бессознательного и т.д. в человеке) осмысливать и оценивать собственные возможности и основания своих чувств, мыслей, действий, поступков, поведения.

Следует отметить, что процесс проявления терпимости человеком носит каскадный, трёхуровневый характер. Сдерживать свою негативную реакцию возможно, как свидетельствует психология, во-первых, вопреки негативной оценке адресата, во-вторых, после возникшего на основе такой негативной оценки отрицательно-

го отношения к нему и, в-третьих, даже при сформированном отрицательном побуждении к действию [15, с. 47–51].

Как отмечают Л.И. Винокурова и Я.И. Доду, «идея толерантности обращена к разуму, к сознательности ... сфера влияния идеи толерантности – это та сфера, которая поддается контролю сознания» [4, с. 37].

Вместе с тем, идентификация толерантных поведенческих актов в жизни – дело непростое. Здесь мы можем столкнуться, по крайней мере, с двумя видами кажимости – квази- и псевдотолерантностью [10, с. 23–24]. Для того чтобы не впасть в заблуждение, необходимо учитывать не только формальную, наблюдаемую, но и содержательную, внутреннюю сторону толерантного поведения: его побудительные причины, основания, мотивы субъектов, которые, как мы полагаем, ведут себя толерантно.

В случае с собственно толерантностью смысл проявления терпимости обусловлен стремлением избежать войны, верой в основные права человека, достоинство и ценность человеческой личности.

Квазитолерантный социальный субъект может и не знать о сущности толерантности, о содержании и даже о существовании разделяемых современным мировым сообществом нормам и принципах. Его терпимость может базироваться на прагматизме, традиции, привычке, хорошем настроении, симпатии и т.п. Это, конечно, позитивная, но, тем не менее, не вполне осознанная, неустойчивая, непостоянная, случайная терпимость.

Псевдотолерантность в морально-ценностном отношении находится на более низком уровне, чем квазитолерантность. Те, кто её осуществляют, прибегают к обману. Они целенаправленно маскирует свои настоящие намерения, выступая зачастую «под личиной защитника истины, добра и справедливости» [8, с. 16].

Говоря об адресате толерантности, следует отметить, что это дополняющая, комплементарная для субъекта, сторона толерантного отношения, тот или те, чьи проявления (внешность, взгляды, нравы, привычки, мнения, обычаи, традиции и т.п.) субъект толерантности собственно терпит, допускает. Адресат также может быть представлен индивидом, группой, государством и т.п. Кроме того, благодаря рефлексии и интроспекции, а также вследствие необходимости постоянного нахождения баланса между своими и чужими интересами, адресатом толерантности периодически выступает и сам её субъект.

Предмет толерантности представляет собой внешность, нравы, привычки, обычаи, традиции и т.п., присущие адресату толерантности, которые, в свою очередь, должен терпеть и терпит толерантный субъект. Перечислить все многообразие терпимых проявлений индивидуальной и коллективной специфики (неприятных, непонятных или неприемлемых для субъекта толерантности по определённым соображениям) крайне затруднительно. Вместо этого принято говорить о том, чего не следует терпеть. В частности, многие исследователи выступают против терпимости к мнениям и действиям тех, кто сам нетерпим и кто отвергает терпимость.

Толерантность всегда есть некий баланс, диалектическое единство между ауто- и гетеротерпимостью, а также самоуважением и уважением к точке зрения других [14, с. 167].

Аутотерпимость – терпимость к самому себе – необходимый признак толерантного субъекта. Однако следует учитывать, что данное утверждение справедливо лишь при условии, что терпимость себе не переходит своих нижнего и верхнего пределов. Излишние требования к самому себе противоречат принципу толерантности в части сохранения собственной индивидуальности

сти. В свою очередь, выходя за свой верхний предел, аутотерпимость превращается в крайний эгоизм, при котором нетерпимость может доходить до физического устранения оппонентов. При этом в некоторых случаях желание победить врага любой ценой может приводить и к весьма парадоксальному результату. Например, народы Океании, веря в то, что мертвецы обретают власть над природой, часто прибегают к самоубийству, чтобы затем уже после собственной смерти (!) отомстить своим обидчикам [13, с. 124].

Что касается чрезмерной терпимости к другим – гетеротерпимости, – то склонный к ней субъект подвергает смертельной опасности самого себя извне. Иными словами, он может погибнуть при столкновении с крайне нетерпимым оппонентом.

Толерантный социальный субъект, таким образом, должен быть в определённой степени терпим и к себе, и к другим. Он должен сознательно и добровольно ограничивать свою свободу в той мере, в которой это необходимо для совместного мирного сосуществования и, соответственно, вправе ожидать аналогичного поведения от других участников социальной интеракции. Подобное самоограничение, как отмечает Т.Н. Шихардина, предполагает моральную волю, благодаря которой толерантность перестаёт быть результатом безразличия, равнодушия и имитацией терпимости [18, с. 307].

Нетерпимость в обществе может проявляться в довольно широком диапазоне: «от мелочной придирчивости и бытовой раздражительности до агрессии в межгосударственных масштабах, от жестокости преступника до иступления обороняющейся жертвы, от случайной несдержанности до фанатичной ярости по отношению к иноверцу или иноплеменнику» [10, с. 23]. Однако не все её виды можно считать одинаковыми с точки зрения современной морали и права. Нетерпимость обороняющейся жертвы, непреднамеренное зло, защита подвергающихся нападению в моральном и правовом отношениях представляются выше сознательной нетерпимости правонарушителей и негативного девиантного поведения.

Хотя борьба с нетерпимостью должна вестись преимущественно мягкими, ненасильственными средствами, следует согласиться с мыслью о том, что «есть цели (например, защита общечеловеческих ценностей), по отношению к которым действует принцип «всё или ничего». Любой компромисс здесь равнозначен поражению» [3, с. 125].

К тому же, как справедливо отмечает Г.Л. Бардиер, пресекая чью-либо крайнюю нетерпимость, мы действуем не против его личности, а выступаем против типичного врага, проявляя, тем самым, к человеку конвенциональную нетерпимость [1, с. 117].

Конвенциональная нетерпимость представляет собой нетерпимость, которая необходима для обеспечения устойчивого функционирования и развития толерантного общества. Её частными проявлениями могут выступать критика, моральное осуждение, допустимые законом меры самообороны и т.п.

Если сравнить толерантность с такими способами реагирования на насилие, как пассивность, противонасилие и ненасилие, которые выделил А.А. Гусейнов в одной из своих работ [5], то наиболее похожими на неё, по нашему мнению, будут являться два последних.

Противонасилие необходимо толерантному субъекту для выживания и дальнейшего воспроизводства в социуме основанных на взаимной терпимости отношений. В свою очередь, ненасилие является тем идеалом [6], к которому должен стремиться и стремиться любой толерантный субъект.

Итак, подведём итоги.

1. Толерантность – это особый, современный в социально-историческом смысле вид терпимости. Терпимость её субъектов ограничивается системой международного права, общечеловеческими моральными и интеллектуальными нормами и принципами.

2. Среди основных структурных элементов толерантного отношения можно выделить субъекта, адресата и предмет.

Субъектом толерантности является тот, кто терпит чьи-либо взгляды, нравы, привычки, мнения, обычаи, традиции и т.п.

Адресат толерантности – это оппонент толерантного субъекта. Он, как и его *vis-a-vis*, может быть индивидуальным или коллективным.

Предмет толерантности представляет собой совокупность внешних проявлений, взглядов, нравов, привычек, обычаев, традиций и т.п., которые должен терпеть и терпит толерантный субъект.

3. Толерантность следует отличать от квази- и псевдотолерантности. Толерантность осуществляется в силу уважения неотъемлемых человеческих прав, признания равнодостоинства всех людей от рождения, стремлением избежать бед войны. Квазитолерантность похожа на толерантность лишь внешне. Это хоть и позитивная, но, в сущности, не вполне осознанная, неустойчивая, случайная терпимость. Псевдотолерантность – сознательное введение окружающих в заблуждение интолерантно настроенным субъектом.

4. Абсолютная терпимость к себе представляет собой эгоизм. В свою очередь ничем неограниченная терпимость к другим может привести субъекта толерантности к гибели.

5. С позиции социальной философии толерантность можно рассматривать как осознанную, добровольную терпимость (невраждебное, терпеливое, уважительное отношение) к неприятным, непонятым или неприемлемым по каким-либо соображениям для субъекта толерантности, но не нарушающим при этом разделяемых современным мировым сообществом интеллектуальных, правовых, нравственных норм и принципов особенностям других – адресатов толерантности.

6. В случаях, когда адресат толерантности нарушает общепринятые интеллектуальные, правовые, нравственные нормы и принципы, толерантный субъект может (имеет на это законное и моральное право), а в некоторых случаях – в силу вытекающих из его социального статуса полномочий – обязан дать соответствующую, вплоть до корректирующей, обратную связь. В последнем случае речь идёт о так называемой конвенциональной нетерпимости. Такая нетерпимость необходима для обеспечения устойчивого функционирования и развития толерантного общества и выживания толерантных субъектов. Её частными проявлениями выступают принципиальность, критика, моральное осуждение, допустимые законом меры самообороны и т.п.

7. Конвенциональную нетерпимость не следует отождествлять с интолерантностью. Под интолерантностью нами понимается нетерпимость, которая находит воплощение в обществе в виде негативного девиантного (нарушение моральных норм, правил этикета), делинквентного (нарушения норм права, за которые, предусмотрены дисциплинарные, административные наказания) или криминального поведения (уголовные правонарушения).

Литература

1. Бардиер Г.Л. Толерантность как социальное пред- ставление и этическая норма // Вестник Санкт-

Петербургского университета Сер. 6. – 2005. – № 4. – С. 109–118.

2. Безюлева Г.В., Шеламова Г.М. Толерантность: взгляд, поиск, решение. – М.: Вербум – М, 2003. – 168 с.
3. Бородкин Ф.М., Коряк Н.М. Внимание: конфликт! / Авт. предисл. Ю.А. Шерковин – 2-е изд., перераб. и доп. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989. – 190 с.
4. Винокурова Л.И., Доду Я.И. Толерантность: за и против // Гуманитарные исследования. – 2007. – № 2. – С. 34–38.
5. Гусейнов А.А. Понятие насилия и ненасилия // Вопросы философии. – 1994. – № 6. – С. 35–41.
6. Гусейнов А.А. Толерантность // Научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия». Электронный ресурс. – URL: <https://bigenc.ru/c/tolerantnost-cd2127> (дата обращения: 26.08.2024).
7. Декларация принципов терпимости. Электронный ресурс. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml (дата обращения: 26.08.2024).
8. Дубровский Д.И. Обман. Философско-психологический анализ / Дополненное издание / Д.И. Дубровский. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. – 336 с.
9. Жяматис В. К вопросу о сущности толеранции // Мораль, традиции, воспитание. – Уфа: изд-во БГУ, 1987. – С. 105–107.
10. Зимбули А.Е. Почему терпимость и какая терпимость? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия, политология, социология, психология, право. – 1996. – № 3. – С. 22–27.
11. Кессиди Ф. От мифа к логосу: Становление греческой философии / Отв. ред. А.Е. Зимбули. – 2-е изд., испр., доп. – СПб.: Алетейя, 2003. – 360 с.
12. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. – 18-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1986. – 797 с.
13. Религии мира. – М.: «Махаон», 2007. – 260 [1] с.
14. Родионова О.В. Использование альтернативного метода при построении толерантной картины мира // Общественные науки и современность. – 2006. – № 6. – С. 167–172.
15. Толерантность (введение в проблему) / С.К. Бондырева, Д.В. Колесов. – 2-е изд., стер. – М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2011. – 240 с.
16. Физиология высшей нервной деятельности. Типы ВНД / Казань, КФУ, 2017. – 42 с.
17. Хазиева Е.В. Философское мировоззрение как субъективная реальность: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.01. – Уфа, 2002. – 137 с.
18. Шихардина Т.Н. Толерантность как моральный компромисс // Толерантность в контексте многоукладности российской культуры: Тезисы международной научной конференции, 29–30 мая 2001 года. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2001. – С. 305–307.

THE CONCEPTS OF TOLERANCE AND INTOLERANCE FROM THE POSITION OF SOCIAL PHILOSOPHY

Michurin A.V.

Ministry of family, labor and social protection of the population of the Republic of Bashkortostan

The article examines toleration in its modern socio-historical sense as tolerance. The author analyzes the boundaries, subject, addressee and object of a tolerant attitude. Biological and social prerequisites for tolerant behavior are considered. The features of the implementation of tolerance in syncretic (pre-mythological, mythological), religious (monotheistic), philosophical and scientific worldviews are revealed. At the same time, as the author believes, the positive potential of toleration is fully revealed in the philosophical worldview. In order to distinguish tolerance from quasi- and pseudo-tolerance, one should take into account the motivation of the subject showing tolerance. Tolerance, in particular, is associated with the desire to avoid war, faith in fundamental human rights, dignity and value of the human person. In the final part of the article, the author provides definitions of the concepts of tolerance and intolerance from the position of social philosophy.

Keywords: toleration, tolerance, intolerance, worldview, myth, religion, philosophy, science.

References

1. Bardier G.L. Tolerance as a social representation and ethical norm // Bulletin of St. Petersburg University Ser. 6. – 2005. – № 4. – P. 109–118.
2. Bezyuleva G.V., Shelamova G.M. Tolerance: view, search, solution. – M.: Verbum – M, 2003. – 168 p.
3. Borodkin F.M., Koryak N.M. Attention: conflict! / Auth. foreword. Yu.A. Sherkovin – 2nd ed., rev. and enl. – Novosibirsk: Science. Sib. br., 1989. – 190 p.
4. Vinokurova L.I., Dodu Ya.I. Tolerance: pro and contra // Humanitarian studies. – 2007. – № 2. – P. 34–38.
5. Guseinov A.A. The concept of violence and non-violence // Questions of Philosophy. – 1994. – № 6. – P. 35–41.
6. Guseinov A.A. Tolerance // Scientific and educational portal «Great Russian Encyclopedia». Electronic resource. – URL: <https://bigenc.ru/c/tolerantnost-cd2127> (access date: 27.08.2024).
7. Declaration of Principles on Tolerance. Electronic resource. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml (access date: 27.08.2024).
8. Dubrovsky D.I. Deception. Philosophical and psychological analysis / Supplemented edition / D.I. Dubrovsky. – M.: «Canon +» ROOI «Rehabilitation», 2010. – 336 p.
9. Zhemaitis V. On the essence of tolerance // Morals, traditions, education. – Ufa: BSU Publishing House, 1987. – P. 105–107.
10. Zimbuli A.E. Why tolerance and what kind of tolerance? // Bulletin of St. Petersburg University. Series 6. Philosophy, political science, sociology, psychology, law. – 1996. – № 3. – P. 22–27.
11. Kessidy F. From myth to logos: Formation of Greek philosophy / Ed. A.E. Zimbuli. – 2nd ed., corrected, enlarged. – St. Petersburg: Aleteya, 2003. – 360 p.
12. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language: Abt. 57000 words / Ed. Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences N. Yu. Shvedova. – 18th ed., stereotype. – M.: Rus. lang., 1986. – 797 p.
13. Religions of the world. – Moscow: «Makhaon», 2007. – 260 [1] p.
14. Rodionova O.V. Using an alternative method in constructing a tolerant picture of the world // Social Sciences and Modernity. – 2006. – № 6. – P. 167–172.
15. Tolerance (introduction to the problem) / S.K. Bondyрева, D.V. Kolesov. – 2nd ed., repr. – M.: MPSI; Voronezh: MODEK, 2011. – 240 p.
16. Physiology of higher nervous activity. Types of higher nervous activity / Kazan, KFU, 2017. – 42 p.
17. Khazieva E.V. Philosophical worldview as a subjective reality: dissertation ... candidate of philosophical sciences: 09.00.01. – Ufa, 2002. – 137 p.
18. Shikhardina T.N. Tolerance as a moral compromise // Tolerance in the context of the multi-structured nature of Russian culture: Abstracts of the international scientific conference, May 29–30, 2001. – Ekaterinburg: Publishing House of the Ural University, 2001. – P. 305–307.

Социокультурные особенности самоубийств в современной Японии

Мышко Екатерина Федоровна,

аспирант кафедры философии Государственного
университета управления
E-mail: ekaterinafedorovna.m@yandex.ru

Захаров Михаил Юрьевич,

д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой философии
Государственного университета управления
E-mail: my_zakharov@guu.ru

Настоящая статья посвящена социокультурным особенностям самоубийств в современной Японии. В японском обществе традиционно существует высокий уровень социального давления, а также концепция самопожертвования во имя чести, что приводит к более высокой вероятности совершения индивидом суицида. Предпринята попытка описать, по каким причинам совершаются самоубийства в современной Японии в контексте смерти как социокультурного феномена.

Ключевые слова: социокультурные особенности; японская культура; групповое самоубийство; наука о смерти; традиции.

Суицид (самоубийство) – это преднамеренное добровольное прекращение собственной жизни. Одно из первых научных определений самоубийства было сформулировано основателем социологического направления исследования самоубийств Э. Дюркгеймом: «Самоубийством называется каждый смертный случай, который непосредственно или опосредованно является результатом положительного или отрицательного поступка, совершенного самим пострадавшим, если этот последний знал об ожидавших его результатах» [4]. Причины самоубийств нужно искать внутри общества, в закономерностях и противоречиях общественного развития. С незапамятных времен в японском обществе суицид являлся высшим доказательством лояльности власти и преданности долгу. Темой самоубийства искусно манипулировали как при феодализме, так и при милитаризме времен Второй мировой войны. Смерть (особенно в результате суицида) до сих пор романтизируется в японской культуре. Неосамурайская, чисто «философская» смерть фанатичного националиста уже не известна современному японскому обществу, однако ценности развиваются постепенно и трансформируются медленно. И хотя образ смерти в современной Японии претерпевает изменения, многие случаи самоубийств свидетельствуют о том, что даже несмотря на то, что традиционные мотивы пережили значительные послевоенные изменения, аспекты исконных японских социальных и культурных структур остаются неизменными.

Данные по всем случаям самоубийств, описанным в настоящей статье, были взяты из японской версии газеты «Асахи симбун». Подробные сообщения о них появлялись в номере за день, следующий за датой происшествия, на протяжении почти двадцати лет (1970–1990), наряду с официальными отчетами и развивающейся в Японии популярной литературой, в которой в которой так или иначе затрагивалась эта тема [1].

До начала 1990-х годов тема самоубийств широко освещалась в Японии. Особенно обсуждаемы были те случаи, которые носили оттенок сенсационности. Особенностью репортажей, которая часто удивляла западного читателя, были фотографии совершивших самоубийство людей. Это могли быть фотографии семьи, если речь идет о групповом самоубийстве. Но могли быть и фотографии самого акта самоубийства, как в случае со школьницей, которую сфотографировал случайный прохожий на полпути между крышей здания, с которого она прыгнула, и землей [1].

В рамках самоубийств можно выделить два основных типа. Первый – это самоубийство, связанное с заключением договора о самоубийстве, т.е. когда все участники готовы и решили уйти из жизни добровольно. Второй тип – это тот, в котором не все участники согласны, и в этом случае самоубийству предшествует или сопутствует убийство. Существуют также различные комбинации семейных отношений, в которых все участники могут быть вовлечены в так называемые «вынужденные» самоубийства [5].

Все виды групповых самоубийств в Японии носят название синдзю (心中). Подобно тому, как традиционный акт сэппуку (ритуальное самоубийство путем вспарывания живота) был популяризирован в традиции современного военного самоубийства, отличный тип

невоенного самоубийства, групповое самоубийство, получил название своего средневекового эквивалента [9]. Например, через несколько лет после Второй мировой войны студентка университета Гакусюин Окубо и член маньчжурской королевской семьи Айсинкакура Эйсай застрелились на склонах горы Амаги на полуострове Идзу, потому что их брак был невозможен. Но с учетом того, что японская конституция гарантирует японцам право на свободный брак и развод, романтическое двойное самоубийство в современной Японии – большая редкость [9]. Более типичными являются следующие случаи: 4 мая 1975 года две молодые женщины (обеим по 32 года), прыгнули с крыши особняка в городе Атами префектуры Сидзуока, привязав запястья рук друг к другу. В результате падения с высоты они погибли. Они оставили предсмертную записку для своих родителей, написанную на обратной стороне квитанции из рёкана (гостиницы в японском стиле), в которой говорилось, что они не могут больше выносить жизнь [1]. 25 мая 1976 года тела трех девушек были найдены в зарослях возле горнолыжного курорта Дзао в префектуре Мияги. Девушкам было всего по семнадцать лет. Они были медсестрами на практике, которые вступили в конфликт с руководством больницы за нарушение правил общежития, вернувшись после комендантского часа в 21.00. В результате они договорились о групповом самоубийстве и выпили яд. Они чувствовали себя несчастными, потому что им приходилось целый день работать и одновременно с этим посещать занятия. В комнате общежития они оставили пять предсмертных записок для родителей и работодателя, в которых говорилось, что они устали от своей несчастливой жизни и решили уснуть вечным сном [1].

Вышеописанные случаи самоубийств иллюстрируют важность групповой динамики в японском обществе. Японцы любят путешествовать группами, возглавляемыми лидером группы, за которым они беспрекословно следуют. В японском обществе сохраняется любовь к порядку и дисциплине. Даже небольшие группы, состоящие всего из двух-трех человек, демонстрируют склонность к одинаковому поведению. Молодые люди берут друг друга за руки, связывают руки и вообще обмениваются интимными словами, которые на Западе сочли бы эксцентричными или даже странными. Это часть отношений амаэ (甘え), или зависимости. И это может стать причиной самоубийства в случае, если человек исключен из структуры человеческих отношений, к которой, по мнению самоубийцы, он должен принадлежать. В других странах самоубийства такого типа встречаются редко, а если и происходят, то, как правило, под внешним давлением. В Японии же внутреннее давление групповых отношений может привести к многочисленным самоубийствам [7].

Еще один яркий пример группового, но уже ритуального самоубийства: газета «Асахи симбун» от 02 ноября 1986 года сообщила о групповом самоубийстве, которое имело ряд традиционных черт в сочетании с ярко выраженным религиозным подтекстом. Семь женщин-членов религиозной группы покончили с собой на пляже в Кеми, префектура Вакаяма, в ответ на смерть своего лидера. Женщины погибли, совершив самосожжение. Женщины были членами религиозной группы под названием Michinototo Kyokai («Церковь друзей истины»). Основатель церкви и ее лидер Миямото Сэйдзи умер накануне вечером после госпитализации из-за проблем с печенью. Женщинам, называвшим себя «невестами Бога», было от 27 до 70 лет. В отличие от Джима Джонса и массового самоубийства 900 человек в Храме народов в Гайане в 1978 году, здесь не было никакого принуждения, и дей-

ствия самоубийц были вполне понятны другим членам. В их предсмертной записке говорилось, что они собирались умереть, чтобы выполнить свое обещание вернуться в Царство Божье в случае смерти Миямото Сэйдзи, их лидера [1].

От вышеописанных видов самоубийств отличаются случаи, когда некоторые из участников не достигли возраста, в котором они могли бы ответственно принять решение об участии в самоубийстве, или когда к ним применялась сила.

Во-первых, есть случаи, которые в прессе называют икка синдзю (一家心中). Термин «икка» означает «один дом» и обычно обозначает, что вся семья умерла в одном месте и в одно время. Например, семья по фамилии Фурута, проживавшая в городе Уэда в префектуре Нагано, была найдена мертвой в 10.30 утра 09 июня 1974 года. Они находились в своем автомобиле, который был припаркован на бывшем национальном шоссе в Мицуиде в префектуре Гумма. Смерть наступила от отравления угарным газом. Отец, тридцатилетний Йошихито, недавно женился на своей второй жене Норике, которой было двадцать два года. Его первая жена умерла в апреле предыдущего года. В семье было двое детей от первого брака. Оказалось, что родственники были против брака, мотивируя это тем, что вторая жена слишком молода, и тем, что у отца семейства уже есть дети. Подобный случай привлекает внимание к шаткости индивидуальных прав и невыносимому давлению, оказываемому на человека в японском обществе. Доведенная до отчаяния недоброжелательными отношениями в семейном кругу, семья Фурута решила уничтожить себя. Этот случай подчеркивает два важных момента. Первый из них – беспомощная участь детей. Второй – вопрос о том, что общество само должно нести вину за свою жесткость, самодовольство и враждебность к любым явным признакам индивидуализма. Именно бесчеловечность и предрассудки друзей и родственников семьи Фурута привели к гибели родителей и детей.

Схожие с икка-синдзю, но по-другому называемые, случаи, которые в прессе обозначаются как мури синдзю (無理心中). Термин «мури» подразумевает силу, и примером тому может служить самоубийство семьи из Йокогамы по фамилии Танигучи, которая совершила «мури синдзю» 04 мая 1975 года. Первопричиной стало поведение 15-летней дочери Нитоми, чья любовная связь со студентом университета сильно огорчала ее отца. Он долго уговаривал ее, но в конце концов, несмотря на его протесты, она заявила, что хочет уйти и жить со своим возлюбленным. Отец зарезал дочь, а затем сделал то же самое со своей женой. После этого он зарезал себя, и все трое умерли, являя собой мрачный пример вынужденного самоубийства. На самом деле, конечно, это были два акта убийства, за которыми последовало самоубийство убийцы. То же самое можно сказать и о следующем случае: утром 27 сентября 1974 года семья Сасаки Такэо совершила мури синдзю. Они жили на Хоккайдо в Хоккадате, где отец семейства трудился рабочим в доке. Они жили в квартире, состоящей из двух комнат с полом из шести матов татами (примерно четыре на три метра), одну из которых занимали родители, а другую – дети, девочка Чие десяти лет и мальчик Такаси восьми лет. Судя по всему, сорокадвухлетний Сасаки был алкоголиком с проблемами со здоровьем, и ему грозила потеря работы. Экономические трудности, которые могли бы возникнуть в результате этого, оказались выше его сил. Проснувшись рано утром, он убил жену и детей. После этого он совершил самосожжение. История данного самоубийства отражает глубину отчаяния, до которой могут опуститься люди, не видя никаких признаков надеж-

ды. Одной из основных причин практики детоубийства в таких ситуациях является укоренившееся убеждение, что дети являются собственностью своих родителей. Их право на жизнь как личности может быть признано Конституцией, но пока это не является общепринятой нормой в обществе. Убийство детей – это преступление. Однако японская пресса, используя такие термины, как «принудительное самоубийство», уходит от моральных проблем и, по сути, маскирует под самоубийство то, что на самом деле является убийством. Нарушение прав человека, прав отдельных детей, не достигших возраста, когда они могут выразить свое собственное мнение, является результатом ценностей, которые допускают такое искажение фактов и позволяют сложным ситуациям разрешаться самим собой с помощью проверенного временем метода, а именно добровольного исчезновения (путем самоубийства) тех, кто представляет собой проблему [5].

20 января 1975 года тридцатилетняя домохозяйка из Нисиноми, госпожа Юмико Умэдава, отравилась газом вместе со своими детьми, тринадцатилетней Татако и десятилетним Масааки. Такако была инвалидом, и мать была совершенно подавлена своим будущим. Второй случай – это случай г-жи Тосико Тшусима, двадцати пяти лет, которая 26 января 1976 года подожгла себя и своего двухмесячного ребенка в городе Хиросаки, префектура Аомори, потому что у ребенка был серьезный дефект ротовой полости. Дети-инвалиды часто умирают таким образом вместе со своей матерью, если нет надежды на излечение. Хозяйки баров, часто незамужние матери или разведенные женщины с детьми, совершали самоубийства, и таких случаев было немало во время нехватки нефти в 1973 году, когда японские компании не могли тратить привычные щедрые суммы на ночные развлечения персонала и гостей. Многие бары и закусочные, единственным источником дохода которых были корпоративные развлечения, уволили большое количество своих хостесс из-за отсутствия выручки. Это привело к многочисленным самоубийствам среди тех, чей доход был урезан, и кто, уже не будучи столь молодым и привлекательным, как прежде, имел мало надежд на повторное трудоустройство. Соответствующий тип самоубийства отца и ребенка часто происходит, когда после смерти или ухода жены некому позаботиться о ребенке или детях. Как правило, в Японии мужчине с детьми легче вступить в повторный брак, чем женщине. Это одна из причин более высокого уровня самоубийств среди женщин [9].

В данной статье была предпринята попытка проанализировать социокультурные факторы, которые влияют на уровень самоубийств в Японии, ведь она является одной из стран с наиболее высоким уровнем самоубийств в мире, и этот феномен имеет глубокие корни в национальной культуре и традициях.

Одной из ключевых причин высокого уровня самоубийств в Японии является культурное давление, связанное с концепцией «социального долга». Японцы традиционно придерживаются высоких стандартов поведения и ожиданий от себя и других, что может приводить к чувству неудачи и отчаяния, когда эти стандарты не достигаются. Кроме того, суицид в японской культуре иногда рассматривается как способ сохранить честь и достоинство, особенно в ситуациях, связанных с профессиональной неудачей или скандалом [2; 8].

Также было отмечено, что уровень самоубийств в Японии значительно варьируется в зависимости от региона, возраста, пола и социального статуса [9]. Это может быть связано с гендерными ролями и ожиданиями, а также с экономическими и социальными изменениями,

которые оказывают разное воздействие на различные группы населения.

Литература

1. Suicide in contemporary Japan // Think.lafor.org. – URL: <https://think.lafor.org/suicide-contemporary-japan/> (дата обращения: 01.05.2024).
2. Ведущий японский ученый повесился из-за научного скандала / Лента.ру. 05.08.2014. – URL: <https://lenta.ru/news/2014/08/05/suicide/> (дата обращения: 18.08.2024)
3. Гизатулина А.А., Тараданов А.А. Суицид в структуре самоубийства // Философия. Социология. Культурология. – 2013. – № 13. С 25–32. – Текст: непосредственный.
4. Дюркгейм, Э. Самоубийство: (Социологический этюд): Пер. с фр. с сокр. / Под ред. В.А. Базарова. – М.: Мысль, 1994. – С. 23. Текст: непосредственный.
5. Квашис В. Е., Настуев И.М. Самоубийства и убийства в современной Японии // Общество и право. – 2017. – № 14. – С. 81–86. – Текст: непосредственный.
6. Латкина Ю. Суицид как кризис идентичности. – М.: Ridero, 2019. – С. 8. – Текст: непосредственный.
7. Образцова И.И. Особенности японского менталитета на примере отношения к суициду // Сумма философии. – 2007. – № 7. – С. 174–179. – Текст: непосредственный.
8. Министр Японии повесился из-за статьи о своих внебрачных связях / Риа новости, 11.09.2012. – URL: <http://ria.ru/world/20120911/747574334.html> (дата обращения: 18.08.2024).
9. Феномен «самоубийства по-японски»: сущность и история [Электронный ресурс]. – URL: https://studbooks.net/635280/sotsiologiya/fenomen_samoubiystva_poyaponski_suschnost_i_istoriya (дата обращения: 01.08.2024).

SOCIOCULTURAL FEATURES OF SUICIDE IN CONTEMPORARY JAPAN

Myshko E.F., Zakharov M.Yu.

State University of Management

The article is devoted to sociocultural peculiarities of suicide in modern Japan. Japanese society traditionally has a high level of social pressure and the concept of self-sacrifice in the name of honor, which leads to a higher probability of an individual committing suicide. An attempt was made to describe the reasons for committing suicide in modern Japan in the context of death as a sociocultural phenomenon.

Keywords: sociocultural features; Japanese culture; suicide pact; death science; traditions.

References

1. Suicide in contemporary Japan // Think.lafor.org. – URL: <https://think.lafor.org/suicide-contemporary-japan/> (date of access: 01.05.2024).
2. A leading Japanese scientist hanged himself because of a scientific scandal / Lenta.ru. 05.08.2014. – URL: <https://lenta.ru/news/2014/08/05/suicide/> (date of access: 18.08.2024)
3. Gizatulina A.A., Taradanov A.A. Suicide in the structure of suicide // Philosophy. Sociology. Kulturologiya. – 2013. – № 13. – С 25–32. – Text: direct.
4. Durkheim, E. Suicide: (Sociological etude): trans. from Fr. with an abridgment / ed. by V.V. Bazarov. A. Bazarov. – Moscow: Mysl, 1994. – С. 23. – Text: direct.
5. Kvashis V. E., Nastuev I.M. Suicide and homicide in modern Japan // Society and Law. – 2017. – № 14. – С. 81–86. – Text: direct.

6. Latkina Y. Suicide as an identity crisis. – M.: Ridero, 2019. – C. 8. – Text: direct.
7. Obraztsova I.I. Features of the Japanese mentality on the example of the attitude to suicide // Summa philosophiae. – 2007. – № 7. – C. 174–179. – Text: direct.
8. Minister of Japan hanged himself because of the article about his extramarital affairs / Ria Novosti, 11.09.2012. – URL: <http://ria.ru/world/20120911/747574334.html> (date of access: 18.08.2024).
9. The phenomenon of “suicide in Japanese”: essence and history [Electronic resource]. – URL: https://studbooks.net/635280/sotsiologiya/fenomen_samoubiystva_poyaponski_suschnost_i_istoriya (date of access: 01.08.2024).

Влияние конфуцианства на развитие идеи национального единства в китайском марксизме

Пань Сянчэн,

магистр, МГУ

E-mail: 1309589008@qq.com

В работе исследуется влияние конфуцианства на развитие китайской марксистской идеи великого национального единства. Конфуцианство является важной частью традиционной китайской культуры и оказало глубокое влияние на историю, культуру и мышление Китая. В процессе развития китайского марксизма конфуцианство, как уникальный китайский культурный ресурс, оказало положительное влияние на формирование и развитие идеологии великого национального единства китайского марксизма. В работе исследуется влияние конфуцианства на развитие китайской марксистской идеологии национального единства с точки зрения истории, культуры и социальной этики, утверждается, что идейная сущность конфуцианства, такая как «жэнь», «чжунъюн» и «ритуал» имеет нечто общее с китайской марксистской идеей национального единства. В то же время конфуцианство сыграло важную роль в наследовании и развитии традиционной китайской культуры, обеспечив прочную культурную основу для формирования и развития китайской марксистской идеологии национального единства.

Ключевые слова: конфуцианство, марксизм, национальное единство, китайский марксизм, социальная этика, культурное наследие.

По мере изменения времени и развития общества Китай сталкивается с новыми проблемами национального единства и культурной уверенности. В этом контексте передача и развитие конфуцианства имеет большое практическое значение. Социальная этика, гуманистическая забота и социальная ответственность, подчеркиваемые в конфуцианстве, являются важными ценностями, необходимыми современному обществу. В то же время конфуцианство играет важную роль в развитии культурного обмена и диалога, способствует взаимному признанию цивилизаций и укрепляет взаимопонимание и доверие между народами.[1]

Формирование и развитие китаизированной марксистской идеи национального единства имеет глубокие исторические предпосылки и сложную социальную динамику, и было приспособлено к потребностям развития Китая в конкретную эпоху его вхождения в современное общество. Традиционная китайская концепция этничности и марксистско-ленинский взгляд на этничность являются важными источниками китаизированного марксистского взгляда на этничность.

Конфуцианский взгляд на нацию: благодатная почва для китаизации марксистской мысли о национальном единстве

Конфуцианская культура является той социальной и культурной почвой, на которой марксизм был внедрен в Китае и продолжал развиваться, она имеет неразрывную связь с марксизмом и модернизацией Китая. Китайский марксизм имеет два идеологических корня: один – марксизм, а другой – традиционная китайская культура, а именно конфуцианство.[2] Китайский марксизм никоим образом не оторван от китайского общества, китайской истории и культуры. Практические проблемы в Китае, которые мы хотим решить сегодня, не могут быть отделены от мобилизации традиционных культурных ресурсов, особенно традиции конфуцианства.

Взгляд «Великого единения» на страну и нацию по-прежнему должен быть важным элементом в построении теоретической системы национализма в новую эпоху. Конфуцианская идея «великого единения» оказала глубокое влияние на поддержание национального единства и единства нации на протяжении всей истории.[3] Можно сказать, что в ходе своего длительного исторического развития идея «Великого единства» сформировала уникальную культуру «Великого единства», которая рано проявилась в совместимости и поглощении традиционной китайской культуры другими культурами, а также в ассимиляции и интеграции различных культур. Это также проявление силы ассимиляции и интеграции различных культур. Однако она также породила ценности универсального значения в отношениях между человеком и обществом, человеком и природой и самим человечеством: пропаганда единства и разнообразия, гармонии и сосуществования, любящей доброты и терпимости, стремления к равенству и взаимной выгоде. Очевидно, что эти идеи и концепции имеют нечто общее с идеей «уважения различий и сосуществования

в многообразии», которую мы пропагандируем сегодня. Поэтому огромное практическое значение имеет критическое усвоение лучших элементов единой культуры и использование ее уникальной эффективности в разрешении конфликтов между обществом, государством и государством, нацией и нацией.

Активно пропагандируйте дух «Жэнь», поддерживаемый конфуцианским взглядом на нации, и предоставляйте полезную справочную информацию для решения этических и расовых отношений в современном мире. Жэньология, основанная Конфуцием, требует от людей «любить других» духом жэнь, а затем «любить всех людей». Люди разных рас и национальностей должны сначала сказать «жэнь», что является так называемым «гуманный человек любит людей». Видно, что жэнь – это стремление к природной красоте человека, это высшее воплощение истины, добра и красоты в конфуцианской культуре, и его следует активно продвигать. Дух «жэнь» был интериоризирован в национальные представления людей и стал внутренней движущей силой для решения этнических и расовых отношений, разрешения этнических конфликтов и разрешения расовых конфликтов в современном мире.

Продвигать дух «Хэ» и служить ориентиром для построения гармоничных межэтнических отношений в гармоничном обществе. Будь то идея «Великого объединения», отстаиваемая конфуцианством, или дух «жэнь», отстаиваемый конфуцианством, оба содержат богатые мысли «хэ». Такого рода мышление выражается в троякой гармонии и единстве человека и природы, человека и общества, человека и человека, то есть единстве природы и человека, единстве вещей и себя, гармонии человека и человека, а не разделение неба и человека и борьба между человеком и человеком. Основываясь на духе «Хэ» и идее «Жэнь», конфуцианство может предложить «если отдаленные народы не идут с покорностью, то для привлечения их следует заботиться о просвещении и нравственности». [4] Можно сказать, что дух «Хэ» составляет краеугольный камень духа китайской нации и имеет далеко идущее значение для построения гармоничного общества, особенно для построения гармоничных межэтнических отношений.

Теоретическая система конфуцианского взгляда на национальность имеет значение, выходящее за рамки конкретного времени, пространства и класса, и содержит разумное ядро, которое стало отличным ориентиром для китайских коммунистов, хорошо образованных в традиционной китайской культуре, в поиске идей для решения национальных проблем Китая. Принятие китайскими коммунистами рационального ядра национального мировоззрения прогрессивных мыслителей создало богатую идеологическую основу для быстрого распространения и укоренения доброго семени марксистско-ленинского национального мировоззрения в Китае.

Марксистский национальный взгляд: отличное семя китаизации идеи национального единства марксизма

Как научная система, приспособляющаяся к развитию времени и содержательная, китаизированная марксистская мысль о национальном единстве возникла не на пустом месте, а основывалась на глубоком понимании структурных особенностей китайской нации с глубокое видение и глубокое понимание особенностей структуры китайской нации. Наследование, развитие и трансцендентность марксистского взгляда на нацию сформировали марксистский взгляд на нацию с китайской спецификой.

1. Понимание взглядов Маркса и Энгельса на нацию. Марксистско-энгельсовское воззрение на нации есть научная система об общем законе развития наций и национальных вопросов, теоретическое руководство для пролетариата и его политических партий по выработке национальной политики, регулированию национальных отношений и решению национальных вопросов, а также важная часть научной системы марксизма. «Происхождение семьи, частной собственности и государства» – наиболее показательные работы Маркса и Энгельса по национальной теории. Другие работы, такие как «К еврейскому вопросу», «Святое семейство», «Немецкая идеология», «Коммунистический манифест», также отражены.

Центральное руководство Коммунистической партии Китая научно осмыслило национальное мировоззрение Маркса и Энгельса, но в то же время осознало, что национальное мировоззрение Маркса и Энгельса не является жесткой догмой, оно должно сочетаться с характеристиками национальной структуры Китая.

Еще на шестом пленуме ЦК КПК шестого созыва Мао Цзэдун указывал, что «конкретизировать марксизм в Китае, придать ему китайскую специфику во всех проявлениях, т. е. с китайскими особенностями. Это стало проблемой, которую вся партия должна срочно понять и решить». [5] Теория национальной солидарности Маркса и Энгельса не вполне соответствует особенностям национального устройства Китая, к тому же практика решения национальных вопросов Китая постоянно меняется, динамичная практика объективно требует постоянного обогащения и развития марксистской национальной теории.

2. Понимание взглядов Ленина и Сталина на нацию

Ленин и Сталин объединили национальные теории Маркса и Энгельса с национальными особенностями Советской России, чтобы сформировать национальную теорию, соответствующую национальным условиям Советского Союза. Взгляды Ленина на нации нашли отражение главным образом в таких национально-теоретических работах, как «Национальные вопросы в нашей программе», «Проект резолюции по национальным вопросам», «О праве наций на самоопределение», «Национальное равноправие», «К вопросу о национальностях или об «автономизации»» середина. Ленин считал нацию исторической категорией, изложил формирование и особенности буржуазной нации, считал, что национальный вопрос относится к «рабочему вопросу», а национальный вопрос имеет долговременные характеристики, и провел всесторонний анализ национализма и правильной оценки; в национальной программе по вопросу о национальной политике он настаивал на этническом равноправии и возводил его на высоту рабочей национальной программы. Он подчеркивал: «Полное равноправие наций; право самоопределения наций; слияние рабочих всех наций – этой национальной программе учит рабочих марксизм, учит опыт всего мира и опыт России». [6] настаивая на союзе и солидарности национального рабочего класса и полагая, что федерализм есть переходная форма для решения национальных проблем, но не ограничивается федерализмом. Взгляд Сталина на нацию нашел свое отражение в таких его работах, как «Марксизм и национальный вопрос»,

«Октябрьская революция и национальный вопрос», «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» и другие работы. Сталин дал более научное и полное изложение концепции национальности, сосредоточив внимание на долгосрочном характере и сложности социалистического национального вопроса и утверждая, что национальные различия и классовое угнетение

являются причинами национального вопроса; по таким вопросам, как национальное самоопределение и автономия, он считал крайне абсурдным приравнивать право на самоопределение к праву на отделение и проводил строгое различие между культурной автономией и региональной автономией.

Развитие теории национального единства Коммунистической партии Китая в процессе китаизации марксизма

КПК является политической партией рабочего класса, ведущей идеологией которой является марксизм, и она является авангардом китайского народа и китайской нации. С момента основания партия, основанная на марксистской национальной теории в сочетании с традиционными китайскими культурными концепциями, ясно выдвинула предложение противостоять этнической дискриминации и угнетению, устранить этнические барьеры и потребовать этнического равенства и единства. В процессе ведения китайского народа к революции, строительству, реформам и открытости КПК, исходя из исторических традиций и реалий Китая как единой многоэтнической страны, не только творчески проложила путь которая соответствует национальным условиям Китая и имеет своеобразный путь к решению этнических проблем с китайской спецификой и на основе продвижения китаизации марксистской этнической теории, постоянно обогащала и развивала марксистскую теорию этнического единства, продвигала развитие дела этнического единства в Китае на практике.

1) Понятие «национальное единство» было введено в явном виде. Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин и другие революционные наставники придавали большое значение национальному единству как важному критерию в решении вопросов этнических отношений и как основной гарантии победы пролетарской революции. После своего основания КПК, придерживаясь своего первоначального намерения и миссии работать во имя счастья китайского народа и омоложения китайской нации, приняла национальное единство как важный принцип в решении внутреннего национального вопроса. В начале 1936 года Специальный комитет КПК пограничного района Чуань, Юньнань и Цянь опубликовал «Программу революционного базового района Чуань, Юньнань и Цянь» и «Программу действий революционного базового района Чуань, Юньнань и Цянь», в которых впервые более полно излагалось создание «национального единства» среди этнических групп, и КПК призвала «этнические группы пограничного района Чуань, Юньнань и Цянь к объединению». КПК призвала «этнические меньшинства в пограничной зоне Сычуань-Юньнань-Цянь объединиться, практиковать этническое равенство, уважать обычаи и привычки этнических меньшинств, противостоять угнетению со стороны больших ханьцев и хулиганов, противостоять дискриминации среди этнических меньшинств. Люди всех этнических групп объединились в любви и согласии, помогали друг другу и вместе работали над созданием и защитой революционных базовых районов».[7] Это стало важной вехой в развитии идеологии национального единства всей КПК. Именно через явное введение и постепенное повсеместное использование концепции «национального единства» партия развивала и обновляла марксистско-ленинскую теорию национального единства и способствовала процессу китаизации марксистской теории национальностей.

2) Сфера национального единства, т.е. классовая база, была еще более расширена. Когда Маркс и Энгельс

выдвинули лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», акцент был сделан на единстве и солидарности рабочего класса всего мира; когда Ленин выдвинул лозунг «Пролетарии всех стран и угнетенные народы, соединяйтесь», акцент был сделан на единстве и солидарности рабочего класса всех стран и угнетенных народов. КПК понимала, что для достижения национального единства в Китае необходимо не только объединить рабочий класс всех национальностей, но и добиться единства и солидарности рабочего класса всех национальностей с крестьянством и другими трудящимися массами, одновременно объединить средний и высший классы всех национальностей, особенно этнические меньшинства, а в таких конкретных исторических условиях, как война против Японии, даже объединить и сплотить крупных помещиков и крупную буржуазию и их политических представителей. Мао Цзэдун предлагал: «Китаю необходимо единство, единство со всех сторон: межэтническое, межклассовое, межпартийное и международное. Только демократия и единство могут усилить сопротивление и поставить Китай на путь истинный».[8] На этой основе Коммунистическая партия Китая решительно выдвинула такие лозунги, как «великое единство всех народов страны» и создание «многонациональной семьи», расширяя сферу и классовую основу марксистского национального единства.

КПК развила теоретические размышления классиков марксизма о важности национального единства. Коммунистическая партия Китая всегда придавала большое значение национальному единству, будь то в период Новой демократической революции, социалистической революции и строительства, или в новый период реформ и открытости и социалистической модернизации. Первое поколение центрального руководства партии, ядром которого был товарищ Мао Цзэдун, внесло новаторский вклад в китаизацию марксистской теории национального единства. В апреле 1956 года Мао Цзэдун в своем знаменитом «Десять основных отношений» подчеркнул: «Ханьская нация должна активно помогать меньшинствам в осуществлении социалистического экономического и культурного строительства и в процессе улучшения национальных взаимоотношений привести в действие все факторы, благоприятные для социалистического строительства, включая людской и материальный факторы».[9] Второе поколение центрального руководства партии с товарищем Дэн Сяопином во главе, следуя исторической тенденции развития, еще больше подчеркнуло важность поддержания этнического единства, предложил добиться подлинного равенства и единства всех этнических групп, энергично развивать социальную экономику этнических районов и сократить разрыв в уровне экономического и культурного развития между этническими группами: «Без единства всех этнических групп не может быть и речи об укреплении общественного строя, о национальной обороне и тем более о государственном строительстве», «с единством можно решить все проблемы, без единства ничего нельзя решить» [10] и другие утверждения. На рубеже веков китайские коммунисты в лице товарища Цзян Цзэминя еще раз обогатили и развили партийную теорию национального единства, указав, что национальное единство является «сплоченность национальностей это главная гарантия защиты единства государства, реализации социальной стабильности, экономического развития и национального подъема» и «сплоченность национальностей высший принцип национальных отношений».[11] После 16-го съезда партии китайские коммунисты, в основном в лице товарища Ху Цзиньтао, руководствуясь «Научным взглядом на развитие», впервые выдвинули

мнение о том, что этническая работа Китая должна поддерживаться «двух Совместное». «Совместное единство и борьба, совместное процветание и развитие вот тема нашей этнической работы в новом веке и на новом этапе».[12] Это раскрывает неизбежное направление гармоничного развития этнических отношений в Китае. После 18го съезда партии Центральный комитет партии с товарищем Си Цзиньпином в качестве его ядра. С одной стороны, делая упор на улучшение условий жизни людей, ЦК партии потребовал от партийных комитетов и правительств всех уровней «всеми средствами ускорять экономическое и социальное развитие этнических меньшинств и этнических районов, чтобы люди в этнических районах продолжали получать ощутимые блага»,[13] чтобы люди всех этнических групп чувствовали заботу партии и тепло родной семьи. С другой стороны, он придает большое значение идеологическому воспитанию этнического единства и неоднократно подчеркивал необходимость «вести глубокую пропаганду и воспитание этнического единства», «сделать так, чтобы славные традиции всех этнических групп, дышащих вместе, разделяющих одну судьбу и связанных сердцем, передавались из поколения в поколение», и «выковать прочную кирпичную стену этнического единства, социальной стабильности и национального единства». 19-й Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая выдвинул предложение о «укреплять сознание общности китайской нации». 19-й съезд партии записал в Конституцию Коммунистической партии Китая предложение времени «прочно утверждает сознание общности китайской нации в интересах совместной сплоченности и борьбы».[14] Таким образом, «установите сильную общность китайской нации» стало высоким уровнем консенсуса и прочной идеологической основой для КПК и Китая, а также для людей всех этнических групп в Китае, чтобы сохранить единство родины и национальное единство.

В процессе модернизации традиционная культура Китая постепенно угасала, а конфуцианство постепенно подвергалось сомнению и подвергалось сомнению. Однако с подъемом Китая и развитием социализма с китайской спецификой конфуцианство постепенно было заново признано и оценено и стало важным содержанием построения социалистической этики и морали и ценностного образования с китайской спецификой. В то же время конфуцианство также предоставляет ценные ресурсы и идеологическую поддержку марксистской мысли Китая о национальном единстве, что будет способствовать развитию дела национального единства Китая.

Однако мы также должны видеть, что конфуцианство не статично. В разные исторические периоды и социальные условия конфуцианство также будет меняться и трансформироваться. Что касается отношений между конфуцианством и китайской марксистской идеей национального единства, мы должны использовать ее гибко и продвигать ее в должное время в соответствии с конкретным историческим фоном и практическими потребностями.

Литература

1. Сухомлинова, В.В. Признаки синтеза конфуцианства с марксизмом в идее Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой Новой эпохи // Концепт: философия, религия, культура. – 2020. – Т. 4, № 1. – С. 30–38.
2. Бояркина, А.В. Взаимосвязь марксизма и традиционной культуры Китая // Редакционная коллегия. – 2020. – С. 110.

3. Айжу, Ч., Чжиган, Ч. Современная цивилизация китайской нации в творческой трансформации традиционной культуры // Проблемы цивилизационного развития. – 2024. – Т. 6, № 1. – С. 95–112.
4. Конфуций. Беседы и суждения / пер. с кит. с примеч. П.С. Попова. – СПб.: СЗКЭО, 2020. – 163 с.
5. Чен, Фанглю. Продолжение китаизации марксизма = 继续推进马克思主义中国化 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1705843660379100775&wfr=spider&for=pc>, свободный. – Дата обращения: 31.08.2024.
6. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений. – Т. 25. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 5-е изд. – М.: Госполитиздат, 1958–1965. – С. 320.
7. Отдел работы единого фронта ЦК КПК. Сборник литературы по национальным вопросам (1921.7–1949.9). – Пекин: Издательство партийной школы ЦК КПК, 1991. – С. 348.
8. Отдел работы единого фронта ЦК КПК. Сборник литературы по национальным вопросам (1921.7–1949.9). – Пекин: Издательство партийной школы ЦК КПК, 1991. – С. 956.
9. Мао, Цзэдун. Выступления Мао Цзэ-дуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати: пер. с кит. – М.: Прогресс, 1975. – 78 с.
10. Отдел исследования документации ЦК КПК, Чунцинский городской комитет КПК. Юго-западный рабочий сборник Дэн Сяопина. – Чунцин: Издательство Чунцин, 2006. – С. 274–277, 196–197.
11. Москалев, А.А. Теоретическая база национальной политики КНР (1949–1999) / под общ. ред. В.С. Мясникова. – М.: Памятники исторической мысли, 2001. – С. 72.
12. Сун, Ян. Выступление Ху Цзиньтао на пятом съезде по сплочению и прогрессу национальностей. 30 сентября 2009 г. = 胡锦涛在国务院第五次民族团结进步表彰大会上的讲话 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gov.cn/govweb/ldhd/2009-09/29/content_1429912.htm, свободный. – Дата обращения: 31.08.2024.
13. Цао, Кун, Чжао, Ган. Си Цзиньпин и другие посетили участников второй сессии ВК НПКСК двенадцатого созыва и приняли участие в обсуждении = 习近平分别看望出席全国政协十二届二次会议委员并参加讨论 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://politics.people.com.cn/n/2014/0304/c1024-24528095.html>, свободный. – Дата обращения: 31.08.2024.
14. Полный текст Устава КПК, принятого с частичными поправками 19-м Всекитайским съездом КПК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/ztbd/19sjd/201711/t20171104_3112909.htm, свободный. – Дата обращения: 31.08.2024.

THE INFLUENCE OF CONFUCIANISM ON THE DEVELOPMENT OF THE IDEA OF NATIONAL UNITY IN CHINESE MARXISM

Pan Xiangcheng
Moscow State University

This paper explores the influence of Confucianism on the development of the Chinese Marxist idea of great national unity. Confucianism is an important part of traditional Chinese culture and has had a profound influence on Chinese history, culture and thinking. In the process of the development of Chinese Marxism, Confucianism, as a unique Chinese cultural resource, has had a positive influence on the formation and development of the ideology of great national unity of Chinese Marxism. This paper explores the influence of Confucianism on the development of Chinese Marxist ideology of national unity from the perspective of history, culture and social ethics, and

argues that the ideological essence of Confucianism such as “zhen”, “zhongyun” and “ritual” has something in common with the Chinese Marxist idea of national unity. At the same time, Confucianism has played an important role in the inheritance and development of traditional Chinese culture, providing a solid cultural foundation for the formation and development of the Chinese Marxist ideology of national unity.

Keywords: confucianism, marxism, national unity, chinese marxism, social ethics, cultural heritage.

References

1. Sukhomlinova, V.V. Signs of the synthesis of Confucianism with Marxism in Xi Jinping's idea of socialism with Chinese characteristics in the New Era // Concept: Philosophy, Religion, Culture. – 2020. – Vol. 4, No. 1. – Pp. 30–38.
2. Boyarkina, A.V. The relationship between Marxism and traditional Chinese culture // Editorial Board. – 2020. – P. 110.
3. Aizhu, C., Zhigang, C. Modern civilization of the Chinese nation in the creative transformation of traditional culture // Problems of Civilizational Development. – 2024. – Vol. 6, No. 1. – Pp. 95–112.
4. Confucius. The Analects / Translated from Chinese with notes by P.S. Popov. – St. Petersburg: SZKEO, 2020. – 163 p.
5. Chen, Fangliu. Continuation of the Sinicization of Marxism = 继续推进马克思主义中国化 [Electronic resource]. – Available at: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1705843660379100775&wfr=spider&for=pc> (Accessed: 31.08.2024).
6. Lenin, V.I. Complete works. – Vol. 25. / Institute of Marxism-Leninism under the CPSU Central Committee. – 5th ed. – Moscow: Gospolitizdat, 1958–1965. – P. 320.
7. Department of United Front Work of the CPC Central Committee. Collection of literature on national issues (1921.7–1949.9). – Beijing: Party School Press of the CPC Central Committee, 1991. – P. 348.
8. Department of United Front Work of the CPC Central Committee. Collection of literature on national issues (1921.7–1949.9). – Beijing: Party School Press of the CPC Central Committee, 1991. – P. 956.
9. Mao, Zedong. Speeches by Mao Zedong, not previously published in the Chinese press: Translation from Chinese. – Moscow: Progress, 1975. – 78 p.
10. Department of Documentation Research of the CPC Central Committee, Chongqing Municipal CPC Committee. Southwest Work Collection of Deng Xiaoping. – Chongqing: Chongqing Publishing House, 2006. – Pp. 274–277, 196–197.
11. Moskalev, A.A. Theoretical basis of China's national policy (1949–1999) / Edited by V.S. Myasnikov. – Moscow: Historical Thought Monuments, 2001. – P. 72.
12. Sun, Yang. Speech by Hu Jintao at the Fifth Conference on National Unity and Progress. September 30, 2009 = 胡锦涛在国务院第五次民族团结进步表彰大会讲话 [Electronic resource]. – Available at: http://www.gov.cn/govweb/ldhd/2009-09/29/content_1429912.htm (Accessed: 31.08.2024).
13. Cao, Kun, Zhao, Gang. Xi Jinping and others visited participants of the second session of the 12th CPPCC and participated in discussions = 习近平等分别看望出席全国政协十二届二次会议委员并参加讨论 [Electronic resource]. – Available at: <http://politics.people.com.cn/n/2014/0304/c1024-24528095.html> (Accessed: 31.08.2024).
14. Full text of the CPC Charter adopted with partial amendments by the 19th CPC National Congress [Electronic resource]. – Available at: http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/ztbd/19sjd/201711/t20171104_3112909.htm (Accessed: 31.08.2024).

Проблема поиска общественного идеала в отечественной и западной религиозно-философской мысли

Зимовец Людмила Григорьевна,

д.ф.н., доцент, профессор кафедры теории права и государства, истории и философии, Сочинский государственный университет
E-mail: nauka-rgsu-s@mail.ru

Походенко Ольга Сергеевна,

аспирант кафедры теории права и государства, истории и философии, Сочинский государственный университет
E-mail: a82_zelinski@hotmail.com

Предметное поле исследования образуют политико-теологические, политэкономические и экуменические (глобальные) срезы проблемы поиска общественного идеала в русле отечественной и западной религиозно-философской мысли. Ведущим методом исследования выступает сравнительный анализ. Теоретико-методологические аспекты исследования затрагивают проблему разграничения понятий богословие, теология и религиозная философия. Исследуется проблема соотношения богословской и религиозно-философской мысли. Затрагивается проблема влияния религиозной традиции на философское мышление. Акцентируется внимание на невозможности отождествления отечественной религиозной философии и религиозной традиции Православия.

Исследование политико-теологического, политэкономического и экуменического срезов проблемы поиска общественного идеала с позиций религиозной философии демонстрирует высокую степень влияния на позиции философов секулярной идеи общественного прогресса, находящей выражение в попытках синтеза догматического богословия и соответствующих политико-идеологических и экономических идей.

Ключевые слова: социальная философия, общественный идеал, христианство, православие, католицизм, протестантизм, политическая теология, философия хозяйства, экуменизм.

Актуальность темы исследования

В периоды кризисов и социальных потрясений, что в полной мере применимо к настоящему времени, с особой остротой проявляется стремление к поиску идеальной модели социальной организации в её многообразных проявлениях. Но уникальность современной ситуации связана, помимо всего прочего, ещё и с теми глубинными изменениями в общественном сознании, для характеристики которых используется понятие т.н. *постсекулярного поворота* [1]. В этих новых условиях постсекулярная мысль стремится к радикальному переосмыслению предшествующего религиозного опыта, выдавая собственную его интерпретацию за возвращение к первоосновам. Впрочем, истоки этого явления можно обнаружить у мыслителей гораздо более раннего периода. В своё время И.В. Киреевский заметил, *чем твёрже стоят границы Божественного Откровения, тем сильнее потребность верующего мышления согласить понятие разума с учением веры* [2, с. 247]. Зачастую современная религиозно-философская мысль именно эти незыблемые границы видит своей главной мишенью, стремясь приспособить и подчинить Вечное запросам преходящего.

Религиозная философия как теоретико-методологическая проблема

Вопрос о том, что есть религиозная философия, не столь прост как может показаться на первый взгляд. Уже со времён античности обозначилось противостояние теологической и философской мысли [3]. В странах Западной Европы в период Нового времени философия из «служанки» теологии превращается в её «госпожу», а затем и вовсе начинает самостоятельное существование. Причём, феномен религиозной философии, так ярко развившейся на русской почве, отнюдь этому не противоречит. Религиозное здесь имеет не экзистенциальное, а лишь интеллектуальное выражение. Религиозный мыслитель, возводя здание собственной философской системы, зачастую вовсе не чувствует себя стеснённым религиозной традицией (канонами и догматикой). Разумеется, можно возразить, указав на авторов, которые стремились последовательно и неуклонно держаться догматического богословия. Но в этом случае неизбежно возникает вопрос: а в чём тогда проявляется их философская состоятельность?

Попытаемся кратко обозначить собственное видение различия между богословием, теологией и религиозной философией. Вряд ли корректно богословие считать наукой (в её традиционном рационалистическом понимании), поскольку оно всецело связано с трансцендентным. Те текстуральные источники, которые в рамках определённой религиозной традиции обладают статусом сакральных, не могут быть в пространстве этой же традиции подвергнуты рассудочному критическому анализу. Теология же, напротив, по праву имеет статус научной дисциплины, поскольку пытается рационализировать трансцендентные понятия. В этом отношении вполне объяснима конфессиональная нейтральность теологии в российской номенклатуре научных специальностей.

В свою очередь религиозная философия несёт в себе дуализм собственно философии, которая разрывается между наукой и особым видом интеллектуального творчества.

Другой вопрос, а может ли сам процесс интеллектуального творчества рассматриваться как религиозное Откровение? Как мы знаем, существует множество научных исследований, посвящённых религиозно-философским воззрениям классиков русской литературы XIX века. Например, чрезвычайно востребовано в этом отношении наследие Ф.М. Достоевского. Можно ли рассматривать катарсис, связанный с переживаниями от прочтения художественного текста как проявление акта религиозного Откровения? Думается, это тот вопрос, на который нет однозначного ответа. В истории русской культуры был мыслитель, для которого данная проблема стала всепоглощающей. Это – Н.В. Гоголь. «Ответ», который он для себя сформулировал, как мы знаем, окрашен пламенем каминного огня.

Между религиозно-философской и богословской мыслью нет, и не может быть, полного соответствия. Хотя сам религиозный философ зачастую черпает аргументацию именно в богословских трудах. Впрочем, подчас нет даже этого. В своё время С.Н. Булгаков указывал на проблему упадка догматического самосознания, в результате чего религия в её философской интерпретации была сведена к этике, открыв путь *кантизирующему и метафизически опустошённому богословию* [4, с. 25].

Заметим, что в отечественной литературе была высказана довольно дискуссионная идея о влиянии религиозной традиции на само философское мышление. В частности, как полагал И.В. Киреевский, философия «рождается из того особенного настроения разума, которое сообщено ему особенным характером веры». Развивая свою мысль, философ отмечал, что католицизм наложил на западную философию печать *логической рассудочности*. В протестантском мире эта рассудочность, осознав себя как нечто высшее, нарекла себя разумом. И только в православии, где, по мнению философа, существуют незыблемые пределы между сакральным и человеческим, «верующее мышление» никогда не воспримет божественное Откровение как простой вывод разума, равно как и не признает за последним авторитета первого [2, с. 245–246].

Здесь мы подошли к ещё одному принципиальному вопросу. В отечественной философской традиции религиозная компонента представлена максимально широко и, нередко отождествляется с православием. Это не в полной мере соответствует действительности. Есть немало русских религиозных философов, чьи воззрения чрезвычайно далеки от православной ортодоксии. Наиболее очевидным примером является фигура В.С. Соловьёва, чьи прокатолические симпатии общеизвестны. Некоторых русских философов с полным основанием можно отнести к религиозным модернистам, пытавшимся привнести в православную традицию совершенно чуждые ей элементы. Впрочем, и на Западе наблюдается похожая картина. Данная проблема ставит перед исследователем задачу соотнесения конкретной религиозно-философской мысли с положениями догматического богословия.

Политико-теологические аспекты проблемы религиозно-философского поиска общественного идеала

В современной науке стала уже общепризнанной точка зрения, согласно которой все ключевые понятия поли-

тической сферы представляют собой проекцию понятий теологических. Наиболее последовательно данную идею обосновывал К. Шмитт. По-видимому, представление о линейном характере развития процессов секуляризации, особенно на фоне феномена «постсекуляризма» последнего времени, представляется некоторым упрощением действительного положения вещей. Изначально термин *saecularisatio* использовался в латинской религиозной традиции для обозначения возвращения монаха в мир. Затем, уже в Новое время он стал связываться с экспроприационной практикой европейских монархий в отношении церковных владений. Позже это понятие обрело метафорический смысл и стало использоваться в пространстве идей как антитеза всему тому, что прочно связано с религией [13, с. 17]. В немалой степени этот феномен связан с веберовской интерпретацией процесса «расколдовывания мира» в культуре Нового времени. Однако философы вновь и вновь продолжают обнаруживать латентное присутствие религиозного в мирском. Как отмечал в своё время Х.Д. Кортес, рассматривая отношение религии к философии, ни одна из ведущих философских идей современности не имеет собственно философского происхождения, но, так или иначе, происходит из христианства [5, с. 434].

Квинтэссенцией массового характера политики в Новое время стало динамичное развитие политических идеологий. Причём, философская мысль не только внесла вклад в их становление, но и пыталась философски осмыслить данный феномен. В частности, ответить на вопрос о том, насколько тесно они связаны с религией, а также как соотносятся провозглашаемые политические идеалы с идеалом религиозным. Отечественная философская мысль не обошла стороной этот вопрос. Многие мыслители Серебряного века русской культуры проделали определённый мировоззренческий транзит от марксизма к идеализму. Достаточно назвать имена П.Б. Струве и С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева и С.Л. Франка. Интеллектуальным свидетельством этого процесса явился сборник 1902 г. «Проблемы идеализма». Как писал один из его авторов, каждая религия несёт в себе идею осуществления собственного религиозного идеала, но и в современной теории прогресса также присутствуют идеальные представления о будущем человечества [6, с. 23]. Разумеется, в наибольшей степени идеями прогресса были проникнуты идеологии либерализма и социализма (марксизма). Заметим, что в политической и философской практике России начала XX века существовал социально-либеральный консенсус в области социальной политики, прямо построенный на соединении требований социализма и либеральной философии права. На рубеже XIX–XX вв. в отечественной мысли доминировал именно социализм [7, с. 14]. Вопрос о религиозных истоках либеральной и социалистической идей активно дискутировался современниками.

Так, П.Б. Струве, выступая с докладом на заседании Религиозно-философского общества 18 марта 1909 г., высказал мысль о религиозной подоплёке либеральной идеологии. Современный же социализм, по мысли докладчика, «вырос на стволе либерализма в ту эпоху, когда религиозные корни либерализма уже отмерли» [8, с. 562].

Как указывал Струве, именно в радикальном протестантизме разных оттенков и стран, провозгласивших религиозную автономию личности, без особого труда обнаруживаются религиозные истоки первоначальной либеральной идеи. Так, идеал религиозной автономии вёл к началу веротерпимости, но не как выражению религиозного безразличия, а наоборот, как высшему подлинно религиозному признанию идеи свободы лица. Более

того, в радикальном протестантизме, в его мистике, как полагал Струве, были и зачатки религиозного социализма, но они потонули в волнах истории, между тем как либерализм выкристаллизовался в огромную культурную и политическую силу. В христианстве изначально было заложено то, что было гораздо больше, чем простая идея: *начало любви*. К этому началу, как полагал докладчик, мог бы прикрепиться мистический социализм. Однако к социализму, как к социальному движению современности, христианское настроение любви совершенно не привилось [8, с. 561].

В свою очередь С.Н. Булгаков полагал, что наиболее глубокое и повсеместное влияние основоположника марксизма на социалистическое движение проявилось не столько в его политической и экономической программе, сколько в общем религиозно-философском облике его доктрины. Показательно, отмечал Булгаков, что у В. Соловьёва в его повести об Антихристе последний выведен именно социальным реформатором и социалистом [9, с. 69].

Если даже идеалистические построения либерализма и социализма оказываются не чуждыми религиозных начал, то идеология консерватизма всецело находится во власти трансцендентных представлений. Уже в постсоветский период религиозно-философские аспекты проблемы поиска социального идеала обрели второе дыхание. При этом, к сожалению, печальный опыт российских демократических реформ сформировал в отечественном общественном сознании отрицательное отношение к самой идее демократии. Притчей в языцах стал афоризм, воспроизводимый приверженцами консервативной идеологии: «Демократия в аду, а на небе – Царство». В связи с этим нельзя обойти вниманием высказывание самобытного философа русского зарубежья Ф.А. Степуна, который полагал, что важнейшей задачей, стоящей перед Россией, является «сращение воедино её национально-религиозных и демократических сил». Мыслитель видел прямую связь между демократическим идеалом («демократической верой») и утверждением чувства человеческого достоинства («человеческого лица»). Поскольку же *утверждение человеческого лица конкретно и только в Боге оно священно, всякий демократизм по существу и национален и религиозен* [10, с. 270–271].

Интересна аргументация, к которой прибегает Степун. Он противопоставляет авторитаризму католицизма демократизм православия. Так, если первый стремиться (с его идеей папской непогрешимости) имитировать «монархический строй вселенной», то второй, напротив, являет собой пример церковной организации, основывающейся на подлинно демократическом основании. Здесь церковные иерархи равны друг другу, а патриарх наделён лишь первенством чести, здесь последнее слово в принятии решений принадлежит коллективному органу, в котором сосредоточена вся полнота Церкви – Собору. В православном вероучении явлено *мистически более глубокое чувство правды всего относительного – земли, особи, всякого конкретного лица* [10, с. 273].

Политэкономические аспекты проблемы религиозно-философского поиска общественного идеала

Сразу оговоримся, понятие «политэкономия» будет нами использоваться в том значении, которое вкладывал в него первопроходец отечественной философии хозяйства, религиозный мыслитель С.Н. Булгаков, отмечая, что политическая экономия «есть прикладная этика, именно

этика экономической жизни» [11, с. 264]. Нельзя не признать ту высокую степень свободы, посредством которой современная философская мысль оперирует теолого-экономическими понятиями. Так, например, Ю.М. Осипов, используя метафору «хозяйственное богословие», представляет Создателя *Хозяйствующим Субъектом, положившим начало экономической способности человека* [12, с. 247]. По мнению же современного итальянского философа Дж. Агамбена, именно в христианской теологии берут начало две антиномически противопоставленные, но функционально связанные, политические парадигмы. С одной стороны, *политическая теология*, утверждающая в едином Боге трансцендентность суверенной власти. С другой – *экономическая теология*, замещающая выше-названную идею концепцией *ойкономии*, понимаемой как имманентный порядок – домашний, а не политический в узком смысле – как божественной, так и человеческой жизни. И если первая парадигма даёт начало политической философии, то из второй вырастает современная биополитика с её триумфом экономики и управления над всеми остальными аспектами социального бытия [13, с. 13].

Религиозно-этические вопросы хозяйственной (экономической) жизни, поиска её идеала, имеют в отечественной традиции долгую историю. Впервые данная проблематика получила развёрнутое выражение в полемике представителей двух идейных линий русской мысли – «нестяжателей» и «стяжателей». Выдающийся подвижник монашеской аскезы XV в., первый русский писатель-исихаст Нил из Соры, почитаемый церковью в лике святого, преподобного, в своём «Уставе о скитской жизни» развил нестяжательские идеи, выступая поборником «скромной» церкви. Его жизненное *credo* – *нестяжание выше подаяний*. Аргументируя свою позицию, он, среди прочего, ссылается на Иоанна Златоуста и мученицу Евгению. У первого он берёт утверждение, *никто и никогда за неукрашение церкви не был осуждён, а у второй – приписываемые ей традицией слова: не подobaет монахам во власти серебро иметь* [14, с. 83–84]. В свою очередь святой, преподобный Иосиф Волоцкий, выходец из дворянской среды, ставший в монашестве игуменом монастыря, столь же ревностный последователь исихазма, и вместе с тем сторонник церкви «воинствующей» и «торжествующей», сформулировал альтернативную – стяжательскую позицию. В одном из своих посланий он прямо пишет адресату: «ведомо всем, и тебе ведомо: даром священник ни одной обедни, ни панихиды не служит...» [15, с. 353] Не будем вдаваться в аргументацию, к которой прибегает Иосиф, просто признаем существование проблемы, проходящей через столетия истории церкви. В противостоянии стяжательского и нестяжательского подходов церковь, по крайней мере, на уровне риторики, заняла срединную позицию, признавая определённую правоту как за одним, так и за другим.

В целом же, религиозная традиция Восточного христианства демонстрирует особую чуткость к восприятию общеизвестных слов Христа: «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие»¹. Так, Григорий Богослов начинает своё Слово «О любви к бедным» с обращения, в котором иносказательно обыгрывает проблему богатства, отмечая, что все мы «соучастники бедности», поскольку «имеем ну-

¹ Небезынтересно отметить, радикализм этих евангельских строк породил своеобразную экзегезу. В частности, были высказаны предположения, что под «игольными ушами» следует понимать всего-навсего узкий лаз (около 2 метров) в каменной кладке городской стены Иерусалима, который был обнаружен в результате позднейших археологических раскопок.

жду в благодати». А далее призывает не томить себя, собирая и сберегая сокровища, тогда как другие томятся от нищеты [16, с. 264–265].

Философская рефлексия проблемы дуализма нищеты и богатства занимает важное место в истории отечественной мысли. Это касается и философских трудов, и литературной художественной классики. Русский мыслитель второй половины XVII – первой четверти XVIII в. И.Т. Посошков, высказывая идеи, созвучные западным теоретикам меркантилизма, привнёс в них важное христианское звучание. Отталкиваясь от евангельских слов «Ищите прежде царства Божия и правды его» (Мф. 6:33), он отдаёт явный приоритет *невещественному богатству*, «истинной правде» [17, с. 14]. Трагическое восприятие конфликта бедности и богатства проходит красной нитью и через всю великую русскую литературу.

Для нас особый интерес представляет проблема отношения к аскезе тех христианских мыслителей, формирование которых происходило под влиянием материалистических представлений, а последовавший затем поворот в их мировоззрении не привёл к полному отрицанию предшествующего интеллектуального опыта. В этом отношении показательна фигура С.Н. Булгакова. В предисловии к сборнику собственных статей он отмечал, что его идеалистическое мировоззрение формировалось под влиянием социальных идей и, в частности, марксизма. В силу данного обстоятельства, указывал автор, оно не может быть полным его отрицанием, но стремиться к углублению и обоснованию того общественного идеала, который «начертан на знамени марксизма и составляет его душу» [11, с. VI].

Булгаков – религиозный модернист, пытавшийся синтезировать христианство с идеей социального прогресса. Главный грех и заблуждение аскетизма для него в том, что тот «гонит человеческую радость». По мнению философа, после Ренессанса и всех духовных завоеваний Нового времени возврат к средневековой философии аскетизма просто недопустим [11, с. 280]. Осмысление проблемы экономического идеала приводит философа к выделению *низших* и *высших* потребностей человека. Достижение идеала относительно низших потребностей состоит в том, чтобы их просто не чувствовать. Однако подлинный идеал заключается в том, чтобы освободившись от сковывающей нужды, обратиться к дальнейшей *борьбе с материей во имя свободы духа*. Евангелие, по мысли Булгакова, не гонит человеческую радость и не клеймит чувственного удовольствия, оно удаляет как от отвлечённого аскетизма, так и от чувственного гедонизма [11, с. 283–284].

Увы, в повестке дня России XXI века стоит всё тот же самый «проклятый вопрос» из её дореволюционного прошлого – преодоление нищеты. К сожалению, в новейшей литературе можно обнаружить красноречивые примеры «сервильного богословия». А.М. Величко, в своей «Философии русской государственности», цитируя евангельские тексты, высказывания православных святых и работы религиозных мыслителей, проводит мысль о том, что само по себе наличие богатства и достатка ничего не значит. Это не заслуга человека, но *дар Божий*, который распространяется на всех людей в той или иной мере, *ибо Бог богатит и убожит* (1 Кор. 2:7). Многие праведники были богаты, но само по себе богатство не спасает, равно не спасает и бедность. «Богатство в христианстве выступает не столько как имущественная величина, сколько как *способ спасения*, способ реализации своего нравственного, духовного долга перед Богом и ближним своим» [18, с. 337].

Как нам представляется, автор выносит за скобки проблему несправедливого богатства. Олигархические со-

стояния новейшего периода возникли отнюдь не как «божественный дар». В этом смысле ближе к православной традиции позиция А.С. Панарина, отмечавшего, что в постсоветское время Православная Церковь столкнулась не просто с эффектами социального расслоения и классовой поляризации общества. Движущей силой расслоения и поляризации стал компрадорский капитал и внешние силы, которые за ним стояли [19, с. 356]. Далее отечественный философ сформулировал предельно жёсткую максиму: *Если бедность является единственным шансом остаться честным, то никакой иной альтернативы этому выбору просто не существует* [19, с. 404].

Православная традиция аскезы разительно отличается от западной. Ещё М. Вебер, обращал внимание на то, что в отличие от восточного христианства, аскеза на Западе носила *рациональный характер*, что позволяет рассматривать её как типическое явление. В лоне западной религиозной традиции получил систематическую разработку совершенно уникальный метод жизненного поведения. Его целью стало *освобождение человека от иррациональных инстинктов*. Пуританская аскеза стремилась научить человека руководствоваться не «аффектами», а теми «константными мотивами», которые она сама ему же и «внушила» [20, с. 91].

С протестантской точки зрения, именно материальный критерий является истинным мерилем отношения Бога к человеку. Материальный достаток здесь воспринимается как зримое доказательство «избранности к спасению», а нищета говорит об отверженности. Именно в протестантской среде капиталистические отношения получили наиболее активное развитие. Неслучайно отношение католических мыслителей к капитализму было негативным, что позволяет говорить об антикапиталистической традиции в истории католической мысли. Однако в 1982 г. появилась работа американского католического философа М. Новака «*The Spirit of Democratic Capitalism*» (Дух демократического капитализма), в которой автор восстал против этого.

С точки зрения М. Новака, исключительно демократический капитализм в наибольшей степени соответствует целям иудео-христианской традиции. Именно эта социально-экономическая система, претерпевшая множество трансформаций, доказала свою способность к практически бесконечному изменению в будущем. Вместе с тем, по мнению американского католического философа, христианские церкви оказались неспособны постигнуть *благодетельный внутренний дух демократического капитализма*. В связи с чем, он выразил надежду, что путь к церковному восприятию данной системы, несмотря на всё противодействие, смогут указать миряне [21, с. 260].

В сущности, позиция автора вписывается в так называемое «богословие II Ватиканского собора», провозгласившего необходимость церкви «открыться миру» и «апостольское служение мирян», что означало фактическую «ревизию» христианского вероучения с целью подчинения его изменчивым социальным запросам. Позицию тех, кто не смог принять такого «поворота» Римско-католической церкви предельно недвусмысленно выразил её опальный архиепископ Марсель Лефевр в своей книге с названием, которое само говорит за себя: «Они предали Его: От либерализма к отступничеству» [22].

Но, вернёмся к концепции М. Новака. Развивая авторскую *теологию демократического капитализма*, он утверждает, что в современном обществе существует глубокая пропасть между Божиим Словом и системами осмысления экономики, политики, общественной жизни, в то время как человеческий разум нуждается в та-

кой философско-теологической системе, которая смогла бы приспособить слово Писания к сложной системе современного мышления. Ловушка же «святой простоты», убеждён Новак, ведёт к искажению действительности [21, с. 358]. Католический философ говорит о важности идеалов, призванных служить системе, особенно если они носят религиозный характер. Демократический капитализм трактуется философом как «*практическое воплощение религиозного учения христианства и иудаизма*» [21, с. 359]. Насколько универсален этот идеал? Американский автор убеждён, что соответствующая система отношений возможна лишь в странах, принадлежащих к иудео-христианской традиции. Причём, демократический капитализм подразумевает нерасторжимое единство либеральной демократии и рыночной экономики. Как нам представляется, позиция Майкла Новака представляет интерес как яркий пример облечения в религиозно-философские одежды собственной политической ангажированности. Осанна демократическому капитализму, пропетая автором, среди прочего была направлена против набравшей в католических странах Латинской Америки популярность так называемой «теологии освобождения», пытавшейся развивать идеи христианского социализма.

Важно отметить, противостояние мировых политических систем получило заметное отражение в религиозно-философском дискурсе, связанном с поиском общественного идеала.

Экуменическое (глобальное) видение идеальной модели общественных отношений в русле религиозно-философской традиции

Прежде всего, возникает очевидный вопрос: как соотносится религиозный (экуменический) идеал с идеалом общественным? Как писал анонимный автор во введении к публикации трудов русского религиозного философа В.С. Соловьёва «Россия и вселенская церковь», именно стремление к единству, к общечеловеческой солидарности, к постановке вопросов в мировых масштабах является магистральным направлением развития современной эпохи, причём именно христианству принадлежит в этом процессе по праву особое место. Именно Церковь явила собой подлинное общечеловеческое братство. Между тем, «пока христиане разделены между собою, они не могут исполнить свою миссию в мировом плане» [23, с. 3].

Бесспорно, христианство принесло в партикулярный языческий мир идею религиозного универсализма. Однако разительное несоответствие между сакральным заветом и религиозной практикой побуждало и нацеливало религиозно-философскую мысль на поиск пути реализации идеала христианского единства уже в этой земной жизни. Однако за призывами «к единству во Христе» зачастую чётко прослеживается желание привести к установлению доминирования конкретной религиозной конфессии. Наиболее отчётливо это стремление к вселенскому доминированию прослеживается в католицизме. Русский религиозный мыслитель Л.П. Карсавин говорит об этом предельно чётко: Идеал католичества заключается в том, чтобы церковь «*объяла всё, включила в себя всё*». (24, с. 125) На протяжении длительного времени римская курия проводила в жизнь идею так называемого «экуменизма возвращения» – «вернуться к Риму». Показательно, что в современной католической литературе проводится мысль о крещении Киевской Руси князем Владимиром именно в латинскую веру, поскольку само событие имело место в 988 г., а официальная датировка схизмы церквей – 1054 год. При этом прово-

дниками подобной идеи не учитывается, что указанная дата – это кульминация, а начальная фаза противостояния между Первым и Вторым Римом относится к середине IX века. Впрочем, здесь мы рискуем выйти за рамки предметного поля нашего исследования.

Вовсе неслучайно мы позволили себе начать заключительный раздел данной статьи с анонимной цитаты. Предпринятый поиск автора привёл к столь же анонимному первоисточнику – введению к сборнику работ В.С. Соловьёва «О христианском единстве», изданному в 1967 г. на русском языке брюссельским издательством «*La Vie avec Dieu*» (Жизнь с Богом) [25]. Эта издательская структура была создана русской католичкой И.М. Посновой. Показательно, что католический «след» тщательно затушёвывается высокопарными словами о необходимости исполнить заповедь *единства*, данную церкви самим её Основателем. Фигура же русского религиозного философа «всеединства» В. Соловьёва для этих целей подходит как нельзя лучше. На страницах предисловия он представлен «*пророком и мучеником экуменизма*», предвосхитившим идеалы XX века. Основным же свойством его творческого гения было стремление к идеалу целостности жизни, к преодолению расчленённости мира, а в соединении церквей он видел *существеннейшую задачу современности* [25, с. 1].

От себя заметим, помимо Владимира Соловьёва были и другие отечественные «пророки и мученики экуменизма». Например, П.Я. Чаадаев, полагавший, что России, чтобы преодолеть отсталость, «необходимо перейти в католичество и на этой основе стать органической частью Европы» [26, с. 79]. По мнению современного российского исследователя Е.Н. Цимбаевой, Соловьёв важен как мыслитель, сумевший подняться до уровня чаадаевских доктрин и стать их рупором в новую эпоху. В свою очередь неохристианство Н.А. Бердяева, возникшее на почве переосмысления идей Соловьёва, может рассматриваться как развитие идей русского католицизма уже в XX веке [27, с. 159–163]. Оригинальная бердяевская концепция экуменизма повлияла на европейскую (в том числе католическую) философскую мысль.

К сожалению, формат статьи не позволяет нам исследовать экуменическую проблему во всей её многоаспектности. Остановимся на взглядах только одного, но знакового католического философа XX, позиционировавшего себя в качестве продолжателя традиции Ф. Аквинского. Речь идёт о Ж. Маритене, который, находясь под сильным влиянием Чикагской социологической школы, манифестировал свои идеи относительно идеала грядущего мира в работе «Человек и государство». Между прочим, являясь мирянином, французский философ был в числе тех немногих, чьи идеи повлияли на выработку итоговых решений II Ватиканского Собора. При этом философские взгляды самого Маритена развивались под интеллектуальным влиянием А. Бергсона, Э. Мунье, Н. Бердяева.

Итак, французский философ-неотомист, которого, кстати, активно цитирует упоминавшийся нами М. Новак, предлагает свой *конкретно-исторический идеал для новой демократии* уже в глобальном масштабе. Маритен признаёт невозможность возврата к средневековой модели, пытавшейся «*построить жизнь земного сообщества и цивилизации на основе единства богословской веры и религиозных убеждений*». Но и попытка построить жизнь «*на основании чистого разума – разума отделённого от религии и от Евангелия*», также потерпела фиаско. Выход из этого кризисного состояния виделся философу в утверждении *теоцентрического гуманизма, персоналистической демократии и экуменическом сближении религий*. Собственно говоря, это именно тот соци-

альный идеал, который и получил официальное признание по итогам II Ватиканского Собора.

Показательно, главной угрозой миру и безопасности человечества для Маритена является государство, а спасительной идеей – создание «мирового правительства». В условиях глобального политического сообщества, как убеждён католический философ, исключительно религия и церковь (излишне говорить, какая именно «церковь») способны регулировать отношения между индивидами и группами на самом высоком уровне. В своих политико-философских построениях Маритен осуждает теологический либерализм, но приветствует либерализм политический [28, с. 166–167].

Приверженность Ватикана идее глобального политического сообщества прослеживается и сегодня, например, в энциклике Франциска I «*Fratelli tutti*» (Все – братья) 2020 г. предлагается проект «человечества без границ» (§ 18) [29, с. 70].

В целом, признаем очевидное – существование католического проекта всемирного политического сообщества, равно как и протестантского проекта глобального доминирования под эгидой США. Проектов, которые по мере своей реализации всё дальше и дальше отдаются от своего христианского первоисточника. Но признаем также и существование того, что А.С. Панарин называет проектом *Православия*. В нём прочитывается философом *готовность вернуть Богу счастливый билет в заветное царство, если он куплен ценою слезы невинного ребёнка*. Именно эта «нравственно-религиозная впечатлительность и неугомонность, – замечал он, – очень мешает господам мира сего – по этой причине они сегодня решили приняться за нас всерьёз. Вполне откровенно заявлено: новому глобальному порядку мешает Россия не только как особая государственная и геополитическая величина, но и как тип культуры, решительно не вписывающийся в новую систему глобального естественного отбора» [19, с. 570–571]. Как справедливо заключает отечественный философ, проблема не в том, что мы способны проиграть и, судя по всему, уже проигрываем рыночное соревнование, но в том, что мы препятствуем *установлению социал-дарвинистских правил игры, их окончательной ценностной реабилитации*.

Выводы

В целом, как показало проведённое исследование, осмысление отечественной и западной религиозно-философской мыслью проблемы общественного идеала в значительной степени находится под влиянием секулярной идеи социального прогресса. При этом сами религиозно-философские построения основываются на попытках синтеза исходных догматических положений, лежащих в основе религиозной традиции как христианского Запада, так и христианского Востока, с современными политико-идеологическими конструктами. В ряде случаев за религиозно-философской риторикой обоснования идеальных моделей социальной организации явственно проступает политическая ангажированность авторов.

Литература

1. Узланер Д. Постсекулярный поворот. Как мыслить о религии в XXI веке. / Д. Узланер. – М.: Издательство Института Гайдара, 2020. – 416 с.
2. Киреевский И.В. О необходимости и возможности новых начал для философии // Киреевский, И.В. Разум на пути к Истине. – М.: Правило веры, 2002. – С. 246–278.
3. Бровкин В.В. Критика религии в философии софистов / В.В. Бровкин // Идеи и идеалы. – 2022. – Т. 14, № 4, ч. 1. – С. 56–69.
4. Булгаков, С.Н. Философия хозяйства / С.Н. Булгаков; отв. ред. О.Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2009. – 464 с.
5. Кортес Х.Д. Сочинения / пер. с исп. А.П. Шурбелёва. – СПб.: «Владимир Даль», 2006. – 672 с.
6. Проблемы идеализма [1902] / Второе критическое издание, исправленное, под ред. М.А. Колерова. Подготовка текста Н.В. Самовер. – М.: Модест Колеров, 2018. – 656 с.
7. Колеров М.А. От марксизма к идеализму и церкви (1897–1927): Исследования, материалы, указатели. / М.А. Колеров – М.: «Диалковский», 2017. – 368 с.
8. Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде). История в материалах и документах. В 3-х томах / Сост. О.Т. Ермишина, О.А. Коростелёва, Л.В. Хачатурян и др. Т. I: 1907–1909. – М.: Русский путь, 2009. – 680 с.
9. Булгаков С.Н. Два града. Исследование о природе общественных идеалов. – СПб.: Издательство РХ-ГИ, 1997. – 589 с.
10. Степун, Ф.А. Мысли о России. Очерк V // Степун, Ф.А. Сочинения // Ф.А. Степун. – М.: РОССПЭН, 2000. – С. 258–274.
11. Булгаков С.Н. От марксизма к идеализму. Сборник статей (1896–1903) / С.Н. Булгаков. – СПб.: Общественная польза, 1903. – 350 с.
12. Осипов Ю.М. Философия хозяйства. В двух книгах / Ю.М. Осипов. – М.: Юристъ, 2001. – 624 с.
13. Агамбен Дж. Царство и Слава. К теологической генеалогии экономики и управления / Джоржо Агамбен; пер. с ит. Д.С. Фарафоновой, Е.В. Смагеной; под науч. ред. Д.Е. Раскова, А.А. Погребняка, Д.С. Фарафоновой. – М.; СПб.: Издательство Института Гайдара; Факультет искусств и наук СПбГУ, 2018. – 552 с.
14. Преподобный Нил Сорский. Устав и послания / Сост., пер., коммент. Г.М. Прохорова. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – 240 с.
15. Иосиф Волоцкий. Послание княгине Голениной // Памятники литературы Древней Руси: Конец XV – первая половина XVI века / Вступ. ст. Д.С. Лихачёва; сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачёва. – М.: Художественная литература, 1984. – С. 350–357.
16. Григорий Богослов. Слово 14 «О любви к бедным» // Богослов Григорий. Собрание творений: В 2 т. Т. 1. – Мн.: Харвест, – М.: АСТ, 2000. – С. 246–278.
17. Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве // Посошков, И.Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения / ред. и коммент. Б.Б. Кафенгауза. – М.: Издательство АН СССР, 1951. – 410 с.
18. Величко А.М. Церковь и политический идеал / А.М. Величко. – М.: Вече, 2020. – 688 с.
19. Панарин А.С. Православная цивилизация / А.С. Панарин; сост., предисл. В.Н. Расторгуев. – М.: Институт русской цивилизации, 2014. – 1248 с.
20. Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма / Макс Вебер; 3-е изд., доп. и испр. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив: Университетская книга, 2016. – 656 с.
21. Новак М. Дух демократического капитализма / Майкл Новак; пер. с англ. В.Г. Марутика. – Мн.: Лучи Софии, 1997. – 544 с.
22. Архиепископ Марсель Лефевр. Они предали Его: От либерализма к отступничеству / пер. с фр. М. Заслонова. – СПб.: Владимир Даль, 2007. – 352 с.

23. Соловьёв В.С. Россия и вселенская церковь / В.С. Соловьёв. – Мн.: Харвест, 1999. – 1600 с.
24. Карсавин Л.П. Католичество / Л.П. Карсавин. – Петроград: Огни, 1918. – 151 с.
25. Соловьёв В.С. О христианском единстве. – Брюссель, 1967. – 490 с.
26. Жуков В.Н. Государство. Право. Власть: философия и социология / В.Н. Жуков. – М.: Мир философии, 2015. – 591 с.
27. Цимбаева Е.Н. Русский католицизм: Идея всевропейского единства в России XIX века / Е.Н. Цимбаева. – М.: ЛКИ, 2013. – 208 с.
28. Маритен Ж. Человек и государство / Жан Маритен; Пер. с англ. Т. Лифинцевой. – М.: Идея-Пресс, 2000. – 196 с.
29. Цибилова И.М. Некоторые аспекты современной католической философии и теологии: аналитический обзор / И.М. Цибилова; отв. ред. Г.В. Хлебников. – М.: ИНИОН, 2022. – 83 с.
7. Kolerov M.A. From Marxism to Idealism and the Church (1897–1927): Research, Materials, Indexes. / M.A. Kolerov – M.: “Tsialkovsky”, 2017. – 368 p.
8. Religious and Philosophical Society in St. Petersburg (Petrograd). History in Materials and Documents. In 3 volumes / Comp. O.T. Ermishina, O.A. Korosteleva, L.V. Khachatryan, and others. Volume I: 1907–1909. – Moscow: Russian Way, 2009. – 680 p.
9. Bulgakov S.N. Two Cities. Research on the Nature of Social Ideals. – St. Petersburg: Publishing House of the Russian Chemical Institute, 1997. – 589 p.
10. Stepun, F.A. Thoughts on Russia. Essay V // Stepun, F.A. Works // F.A. Stepun. – Moscow: ROSSPEN, 2000. – Pp. 258–274.
11. Bulgakov S.N. From Marxism to Idealism. Collection of Articles (1896–1903) / S.N. Bulgakov. – SPb.: Obshchestvennaya polza, 1903. – 350 p.
12. Osipov Yu.M. Philosophy of Economy. In two books / Yu.M. Osipov. – M.: Jurist, 2001. – 624 p.
13. Agamben G. Kingdom and Glory. Towards a Theological Genealogy of Economics and Management / Giorgio Agamben; trans. from Italian by D.S. Farafonova, E.V. Smagena; under scientific ed. D.E. Raskov, A.A. Pogrebnyak, D.S. Farafonova. – M.; SPb.: Gaidar Institute Publishing House; Faculty of Arts and Sciences of St. Petersburg State University, 2018. – 552 p.
14. Reverend Nilus Sorsky. The Charter and Epistles / Comp., trans., comment. G.M. Prokhorov. – M.: Institute of Russian Civilization, 2011. – 240 p.
15. Joseph Volotsky. Epistle to Princess Golenina // Monuments of Literature of Ancient Rus: Late 15th – First Half of the 16th Century / Introduction by D.S. Likhachev; compiled and general editors by L.A. Dmitrieva, D.S. Likhachev. – M.: Fiction, 1984. – Pp. 350–357.
16. Gregory the Theologian. Word 14 “On Love for the Poor” // Theologian Gregory. Collected Works: In 2 vols. Vol. 1. – Mn.: Harvest. – M.: AST, 2000. – Pp. 246–278.
17. Pososhkov I.T. The Book on Poverty and Wealth // Pososhkov, I.T. The Book on Poverty and Wealth and Other Works / ed. and commentary by B.B. Kafengauza. – M.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1951. – 410 p.
18. Velichko A.M. The Church and the Political Ideal / A.M. Velichko. – M.: Veche, 2020. – 688 p.
19. Panarin A.S. Orthodox Civilization / A.S. Panarin; compiled, foreword by V.N. Rastorguev. – M.: Institute of Russian Civilization, 2014. – 1248 p.
20. Weber M. Selected: The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism / Max Weber; 3rd ed., suppl. and corrected. – M.; SPb.: Center for Humanitarian Initiatives; University Book, 2016. – 656 p.
21. Novak M. The Spirit of Democratic Capitalism / Michael Novak; trans. from English by V.G. Marutika. – Mn.: Rays of Sofia, 1997. – 544 p.
22. Archbishop Marcel Lefebvre. They Betrayed Him: From Liberalism to Apostasy / trans. from French by M. Zaslouov. – SPb.: “Vladimir Dal”, 2007. – 352 p.
23. Soloviev V.S. Russia and the Ecumenical Church / V.S. Soloviev. – Mn.: Harvest, 1999. – 1600 p.
24. Karsavin L.P. Catholicism / L.P. Karsavin. – Petrograd: Ogn, 1918. – 151 p.
25. Soloviev V.S. On Christian Unity. – Brussels, 1967. – 490 p.
26. Zhukov V.N. State. Law. Power: Philosophy and Sociology / V.N. Zhukov. – M.: Mir Filosofii, 2015. – 591 p.
27. Tsimbaeva E.N. Russian Catholicism: The Idea of Pan-European Unity in Russia in the 19th Century / E.N. Tsimbaeva. – M.: LKI, 2013. – 208 p.
28. Maritain J. Man and State / Jean Maritain; Trans. from English by T. Lifintseva. M.: Idea-Press, 2000. – 196 p.
29. Tsimbaeva I.M. Some aspects of modern Catholic philosophy and theology: an analytical review / I.M. Tsimbaeva; ed. G.V. Khlebnikov. – M.: INION, 2022. – 83 p.

THE PROBLEM OF THE SEARCH FOR A SOCIAL IDEAL IN RUSSIAN AND WESTERN RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL THOUGHT

Zimovets L.G., Pokhodenko O.S.
Sochi State University

The subject field of the research is formed by political-theological, political-economic and ecumenical (global) sections of the problem of searching for a social ideal in line with Russian and Western religious and philosophical thought. The leading research method is comparative analysis.

The theoretical and methodological aspects of the study touch upon the problem of distinguishing the concepts of theology, theology and religious philosophy. The problem of the correlation of theological and religious-philosophical thought is investigated. The problem of the influence of religious tradition on philosophical thinking is touched upon. Attention is focused on the impossibility of identifying the national religious philosophy and the religious tradition of Orthodoxy.

The study of the political-theological, political-economic and ecumenical sections of the problem of the search for a social ideal from the standpoint of religious philosophy demonstrates a high degree of influence on the positions of philosophers of the secular idea of social progress, which finds expression in attempts to synthesize dogmatic theology and corresponding political-ideological and economic ideas.

Keywords: social philosophy, social ideal, Christianity, Orthodoxy, Catholicism, Protestantism, political theology, philosophy of economy, ecumenism.

References

1. Uzlaner D. The Post-Secular Turn. How to Think About Religion in the 21st Century. / D. Uzlaner. – M.: Gaidar Institute Publishing House, 2020. – 416 p.
2. Kireevsky I.V. On the Necessity and Possibility of New Beginnings for Philosophy // Kireevsky, I.V. Reason on the Path to Truth. – M.: Rule of Faith, 2002. – Pp. 246–278.
3. Brovkin V.V. Critique of Religion in the Philosophy of the Sophists / V.V. Brovkin // Ideas and Ideals. – 2022. – Vol. 14, No. 4, part 1. – Pp. 56–69.
4. Bulgakov, S.N. Philosophy of Economy / S.N. Bulgakov; ed. O. Platonov. – M.: Institute of Russian Civilization, 2009. – 464 p.
5. Cortes H.D. Works / trans. from Spanish by A.P. Shurbelev. – SPb.: “Vladimir Dal”, 2006. – 672 p.
6. Problems of Idealism [1902] / Second critical edition, corrected, edited by M.A. Kolerov. Text preparation by N.V. Samover. – M.: Modest Kolerov, 2018. – 656 p.

Социально-философский анализ вариативности сущностных характеристик понятия терпимости

Мичурин Александр Владимирович,

независимый исследователь, зав. сектором развития проектной деятельности Министерства семьи, труда и социальной защиты населения Республики Башкортостан
E-mail: michurinav@rambler.ru

В статье рассмотрены основные факторы укоренения терпимости в обществе: проблемно-потребностный, социально-политический и духовно-нравственный. При этом ведущая роль, с точки зрения автора, принадлежит последнему из них (духовно-нравственному фактору). Именно он способствует формированию у людей терпимости на основе внутренней, беспристрастной, самодостаточной, основанной на стремлении к идеалам и духовному совершенству мотивации. Автор также полагает, что в философии сложился определённый динамический портрет терпимости, отражающий вариативность понимания отдельных её сущностных характеристик. Разработка проблемы терпимости осложняется тем, что понятию и явлению терпимости в русском языке соответствуют слова «толерантность» и, собственно, «терпимость». Вследствие этого некоторые исследователи используют вышеперечисленные слова в качестве синонимов, другие – делают акцент на их смысловом различии. Последний подход является более плодотворным. Он позволяет рассматривать толерантность в качестве особого, современного в социально-историческом смысле вида терпимости.

Ключевые слова: терпимость, толерантность, факторы терпимости, динамический портрет, общество.

Терпимость как невраждебное, терпеливое отношение [1, с. 690] к человеческим мнениям, характеру и т.п. укоренялась в обществе постепенно. Это был длительный, сложный и противоречивый процесс, обусловленный тремя следующими основными факторами.

Во-первых, начать взаимодействовать с теми, кто на тебя не похож, чьи убеждения, поступки, мнения, традиции и т.п. представляются неприятными, непонятными или неприемлемыми, людей побуждали общие жизненные потребности и проблемы, решить которые в одиночку, как подсказывал здравый смысл, им было не под силу: добыча еды, преодоление стихийных сил природы, защита от диких животных, завоевателей и т.д. (потребностно-проблемный фактор).

Во-вторых, в установлении основанных на терпимости отношений между людьми, как по социально-гуманитарным, так и по собственно политическим соображениям, нередко были заинтересованы представители власти (социально-политический фактор). Наскальный эдикт Ашоки (III в. до н.э.), «Патент терпимости» Иосифа II (1781), указ императора Николая II «Об укреплении начал веротерпимости» (1905), «Декларация принципов терпимости», одобренная 185 государствами-членами Организации Объединённых Наций (ООН) по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) (1995), и, наконец, резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Поощрение межрелигиозного и межкультурного диалога и толерантности в контексте борьбы с языком ненависти» (2023), – вот лишь некоторые из множества документов, инициированных политиками разных стран и эпох.

В-третьих, к терпимости как моральному идеалу и принципу достойного поведения человека в мире с древнейших времён призывали творцы и ретрансляторы духовной культуры человечества – пророки, священники, мудрецы, философы, преподаватели, учителя и т.д. Индуцируя, тем самым, своим словом и личным примером соответствующие возвышенные духовные интенции (к вере, добру, истине, справедливости, красоте) и смыслы в индивидуальных и общественном сознаниях (духовно-нравственный фактор).

Значение выделенных нами факторов становления в обществе терпимости на разных этапах исторического бытия человечества могло существенно отличаться. При этом ведущую роль, на наш взгляд, всегда играл и продолжает играть до сих пор духовно-нравственный фактор.

Проблемы и потребности, побуждавшие объединиться отличных друг от друга людей в единую более жизнеспособную общность и, следовательно, изменить имевшиеся у них системы идентичностей (например, в части приобретения новых идентичностей или перестройки иерархии ранее сформированных), ролевые наборы и поведение, теряли свою актуальность при улучшении внешних условий. Вслед за этим пропадала и объективная, житейская, прагматическая целесообразность терпимого отношения к недавним друзьям, союзникам, партнёрам.

Аналогичным образом обстояло дело и с установлением терпимости «сверху» посредством директивного утверждения соответствующих правовых норм. При от-

сутствии искреннего признания, должного понимания и правильного применения таких норм со стороны широких народных масс, данный метод был эффективен лишь до тех пор, пока у властей имелось достаточно сил и средств для поддержания правопорядка. К тому же в истории имелись и случаи прямой отмены ранее принятых правовых актов, провозглашавших терпимость (например, в 1685 году по решению Людовика XIV утратил свою юридическую силу, упомянутый выше «вечный и неотменяемый», по словам его автора, «Нантский эдикт») [2, с. 868].

Если же люди становились терпимыми свободно и осознанно, приобщившись к культуре терпимости, основанной на определённых рациональных, нравственных, естественно-правовых, эстетических или религиозных ценностях и аргументах, необходимость внешних стимулов и социального контроля значительно уменьшалась. Происходил переход от внешней – положительной либо отрицательной – к значительно менее зависимой от конъюнктурных изменений природной и социальной среды – внутренней (основанной на безусловном должностовании), беспристрастной [3, с. 66], самодостаточной, предполагающей стремление к идеалам и духовному совершенству мотивации терпимости социальных субъектов.

Призывы к проявлению терпимости в отношениях с другими людьми встречаются в работах первых китайских, индийских и античных мыслителей.

Например, в древнекитайской философии терпимость рассматривалась как умеренность, хорошее устремление (даосизм) и принцип эффективного управления государством (моизм). Её проявлениями в обществе выступали соблюдение ритуала – «ли» (конфуцианство), закона – «фа» (фацзя), а также правильное употребление «имён» (минцзя).

В древнеиндийской философской традиции терпимость выступала одним из условий нормального функционирования общества (чарвака-локаята). Считалось, что без неё также не обойтись и на пути освобождения от реинкарнаций (буддизм и др. даршаны, разделявшие веру в метемпсихоз). При этом в некоторых философских системах взглядом полагалось важным, чтобы терпимость соблюдалась не только в практических действиях, но и в мыслях (джайнизм). А среди методов формирования терпимости в обществе выделялись: повышение познавательной компетентности людей (ньяя, вайшешика), применение йогических техник (санхья, йога), а также участие в традиционных, ритуальных действиях (миманса, веданта).

В античной философии свободная, взаимная, основанная на договоре человеческая терпимость воспринималась естественной, разумной, обоюдовойгодной и гармоничной. При этом исходя из ряда духовных соображений (например, ради истины), проявлять терпимость к людям было достойно и в одностороннем, самоотверженном, мужественном, героическом порядке (Пифагор, Аристотель, Эпиктет, Марк Аврелий).

Согласно античной традиции в характере конкретного человека терпимость могла находить воплощение в виде кротости (Аристотель), атараксии или анатеи (стоицизм). В свою очередь, в общении между людьми она могла выступать в форме особой, направленной на поиск истины путём столкновения противоположных мнений беседы (Сократ, Платон).

Чтобы стать хорошим человеком, как полагалось в эпоху античности, следовало одновременно отказаться от нетерпимости и в действиях, и в мыслях (Демокрит). А для того, чтобы терпимость смогла стать по-настоящему справедливой, необходим договор между людьми (Эпикур).

В средневековой христианской философии сформировались два основных концептуальных подхода к познанию, осмыслению и практической реализации терпимости: католический и православный (Антоний Великий, Авва Исаия, Марк Подвижник, Авво Зосима (Палестинский), Иоанн Кассиан Римлянин, Максим Исповедник, Петр Дамаскин и др.). Странники первого подхода, признавая ценность терпимости, вместе с тем, допускали в посюстороннем мире и силовую борьбу с врагами Христа и церкви. Представители второго – православного – подхода делали основной упор на приводящем к обоживанию человека духовном совершенствовании.

Идея о духовном совершенствовании человека как способе формирования терпимости в обществе нашла также отражение и в средневековой арабомусульманской философии. Залогом терпимости в ней, например, мыслилось воспитание людьми у себя «серединного качества» (Ибн Сина), стремление к духовному восхождению и любовь к людям (Ибн Баджжа).

С течением времени терпимость не только не теряет свою теоретическую актуальность (об этом, в частности, свидетельствует анализ работ философов эпохи Возрождения, Нового и Новейшего времени), но и находит всё более широкое воплощение в социальной практике, становится сначала санкционированной отдельными политическими деятелями, а затем и мировым сообществом в целом, нормой современных общественных отношений.

Благодаря тому, что множество мыслителей на протяжении более чем двух с половиной тысячелетий рассматривали и оценивали терпимость под разными углами умозрения, в философии сформировался определённый её динамический портрет. Он позволяет увидеть не только общие черты терпимости, но и в ряде случаев, обратить внимание на вариативность понимания отдельных её сущностных характеристик.

Согласно такому портрету терпимость, в частности, предполагает:

свою обусловленность требованиями здравого смысла (чарвака-локаята, французские мыслители, придерживающиеся принципов «разумного эгоизма», деизма и др.), рациональными соображениями (Т. Мор, Т. Гоббс, Дж. Локк, Р. Карнап, Дж. Ролз и др.), любовью к людям (Конфуций, Мо-цзы, Ибн Баджжа, Н.А. Бердяев, Й. Ратцингер и др.) или определёнными деонтическими соображениями (представители школы фа-цзя, И. Кант и др.);

достаточность целенаправленных волевых усилий со стороны человека для её практической реализации (стоицизм);

умеренность её субъектов в мыслях, мнениях и действиях (даосизм, буддизм, Аристотель, Ибн Сина и др.);

минимизацию применения силы (защита, самозащита) (В.С. Соловьев, И.А. Ильин и др.) или полный отказ от неё (ненасилие) субъектом терпимости, особенно, при наличии у него реальной возможности (власти) решить вопрос в свою пользу силовым путём (джайнисты, Л.Н. Толстой и др.);

обсуждение сложных вопросов (диалогизм) и их решение на основе достигнутых в рамках такого обсуждения справедливых соглашений (Сократ, Платон, Эпикур и др.);

человеколюбие, простирающееся в диапазоне от формального соблюдения действующих в обществе социальных норм (либерализм) до любви ко всем людям и бескорыстного служения им (С.Л. Франк);

уважение к традициям, верованиям, убеждениям, мнениям, действиям и т.д. людей, не нацеленным во вред, и не наносящим вреда самой терпимости и другим людям (Э. Бёрк, П. Николсон и др.);

синхронизацию систем социальных идентичностей конфликтантов (формирование новых общих идентичностей или перестройка иерархии уже имеющихся) как одно из возможных условий конструктивного преодоления имеющихся противоречий (Н. Кузанский);

стремление к индивидуальному и социальному совершенству с опорой на интеллектуальные, нравственные и правовые нормы и принципы (Дж. Ст. Милль).

В современной отечественной философии, равно как и в российских социально-гуманитарных науках в целом, разработка проблемы терпимости осложняется тем, что понятию и явлению терпимости в русском языке соответствуют слова «толерантность» и, собственно, «терпимость». Вследствие этого одни исследователи используют вышеперечисленные слова в качестве синонимов, другие – делают акцент на их смысловом различии. Последний подход, на наш взгляд, является более плодотворным. Он позволяет рассматривать толерантность в качестве особого, современного в социально-историческом смысле вида терпимости (здесь мы опираемся на концепцию толерантности П.К. Гречко [4]).

Несмотря на то, что толерантность в таком случае мыслится в качестве ограниченной достигнутыми на сегодняшний день завоеваниями человеческого духа (системой международного права, общечеловеческими духовно-нравственными и интеллектуальными нормами и принципами) сущностью, она, как мы полагаем, выступает важным промежуточным звеном на пути к оптимальной, всечеловеческой модели терпимости.

Литература

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. – 18-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1986. – 797 с.
2. Советский энциклопедический словарь / Научно-редакционный совет: А.М. Прохоров (пред.), М.С. Гиларов, Е.М. Жуков и др. – М.: «Советская Энциклопедия», 1980. – 1600 с.
3. Нагель Т. Что всё это значит? Очень краткое введение в философию. Пер. с англ. А. Толстова. – М.: Идея-Пресс, 2001. – 84 с.

4. Гречко П.К. Различия: от терпимости к культуре толерантности: учеб. пособие. – М.: Изд-во РУДН, 2006. – 415 с.

SOCIAL-PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE VARIABILITY OF ESSENTIAL CHARACTERISTICS OF THE CONCEPT OF TOLERANCE

Michurin A.V.

Ministry of family, labor and social protection of the population of the Republic of Bashkortostan

The main factors of rooting toleration in society have considered in the article: problem-need, socio-political and spiritual-moral. In this case, the leading role, from the author's point of view, belongs to the last of them (spiritual-moral factor). This factor contributes to the formation in human's toleration on the basis of internal, impartial, self-sufficient, based on the pursuit of ideals and spiritual perfection of motivation. The author also believes that a certain dynamic portrait of toleration has developed in philosophy, reflecting the variability of understanding of its individual essential characteristics. The most important, from the author's point of view, characteristics of toleration are listed. The development of the problem of toleration is complicated by the fact that the concept and phenomenon of toleration in the Russian language correspond to the words «tolerance» and, in fact, «tolerance». As a result, some researchers use the above-mentioned words as synonyms, while others emphasize their semantic difference. The latter approach is more productive. It allows us to consider tolerance as a special, modern type of toleration in the socio-historical sense.

Keywords: toleration, tolerance, toleration factors, dynamic portrait, society.

References

1. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language: Abt. 57000 words / Ed. Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences N. Yu. Shvedova. – 18th ed., stereotype. – M.: Rus. lang., 1986. – 797 p.
2. Soviet Encyclopedic Dictionary / Scientific Editorial Board: A.M. Prokhorov (pres.), M.S. Gilyarov, E.M. Zhukov et al. – M.: «Soviet Encyclopedia», 1980. – 1600 p.
3. Nagel T. What does it all mean? A very brief introduction to philosophy. Transl. from English A. Tolstova. – M.: Idea-Press, 2001. – 84 p.
4. Grechko P.K. Differences: from toleration to the culture of tolerance: textbook. – M.: RUDN University Press, 2006. – 415 p.

Структурно-организационные трансформации в неоязыческой организации «Родная украинская национальная вера»

Рогатин Владимир Николаевич,

кандидат исторических наук; Казанский (Приволжский) федеральный университет, старший научный сотрудник Научно-экспертной лаборатории экспертиз социогуманитарного профиля
E-mail: blaide@rambler.ru

В статье представлено формирование структурированных неоязыческих организаций в украинской диаспоре на примере неоязыческой организации «Родная украинская национальная вера». Перечислены годы формирования вероучения и последовавшие центробежные тенденции внутри неоязыческой организации. Указаны факторы, которые способствовали распространению неоязыческих взглядов Л. Силенко на Украине. Обозначены известные украинские политики, которые способствовали развитию и распространению неоязыческой организации «Родная украинская национальная вера» на Украине. Перечислены основные лидеры и неоязыческие группы придерживающиеся учения Л. Силенко и указаны статистические данные о численности общин в разные года, что позволяет понять динамику неоязыческой организации. Представлены конфликтные точки, которые обуславливали напряжение внутри неоязыческой организации. Также обозначены основные сакральные места последователей Л. Силенко на Украине и США: «храм Рождества Льва Силенко», «собор Святой Матери Украины». Выявлены последствия для неоязыческой организации «Родная украинская национальная вера» от попыток сакрализации ее основателя Л. Силенко.

Ключевые слова: Силенко, РУНВера, неоязычество, Украина, Мага вера, НРД, культ.

Формирование структурированных форм неоязычества в украинской диаспоре содержит весьма ценную информацию об условном единстве неоязыческого сообщества. Попытки структурирования неоязычества и оформления сети неоязыческих организаций «Родной украинской национальной веры» (далее РУНВеры) в США и Канаде, обусловят то, что Л. Силенко будут порой именовать «родоначальником» украинского неоязычества.

Биография самого Льва Силенко (настоящее имя Иван Силенко) весьма туманная и представляется по-разному, в том числе и в академических украинских публикациях. Это обусловлено, с одной стороны, попытками сакрализации и героизации Л. Силенко последователями РУНВеры и попытками разоблачения и десакрализации оппонировавшими неоязыческими группами. В связи с этим присутствуют полярные оценки его жизни и деятельности, а также представлена мифологизация его биографии. Становление Л. Силенко как неоязычника представлено известным исследователем неоязычества В. Шнирельманом: «Будучи в Аугсбурге в Германии, Силенко встретился с Лисовым, а затем они познакомилась с Шаяном, и его языческие идеи оказали на них сильнейшее влияние. С тех пор их пути разошлись. Шаян и Лисовой отправились в Англию, а Силенко – в Канаду. Там Силенко усиленно изучал религии Востока, прежде всего индуизм, и начиная с 1964 года стал проповедовать в украинских эмигрантских общинах США и Канады учение, которое он называл «украинской родной верой» [10, с. 127–128].

По оценке специалистов, вероучение РУНВеры представляет скомбинированное учение из фрагментов славянского язычества и так называемых индоевропейских мифов. Поэтому Л. Силенко и назвал свое учение монотеистическим, а Дажбога обозначил, как создателя всего сущего. Содержание неоязыческого учения было представлено им в книге «Мага Вера». Последователи РУНВеры исповедуют идеал сверхчеловека, сверхнации и приверженность к украинскому национализму. Последователи этого течения почитают представителей украинских бандформирований С. Бандеру и Р. Шухевича – украинскими национальными героями. Помимо украинских националистов особую популярность в их среде приобрели в том числе и идеи террориста А. Брейвика, во время революционных событий 2014 года в своей газете «Из храма солнца» они несколько раз публиковали его выступление в суде [7, с. 12–16].

Развитие сети общин РУНВеры в украинской диаспоре обусловлено регулярными просветительскими поездками Л. Силенко в 1962–1977 годах, в рамках которых он с лекциями посетил практически все города Канады и США, где проживала украинская диаспора. Однако организационно РУНВера оформилась только в 1965 году, когда было основано «Объединение сыновей и дочерей Украины Родной украинской национальной веры» (ОСИДУ РУНВеры). Первая община¹ РУНВеры официально была зарегистрирована как религиозная организация в декабре 1966 года в городе Чикаго (штат Иллинойс,

¹ Согласно терминологии последователей РУНВера – Станица

США). В общину вошли 53 семьи. В ее уставе отмечалось, что рунверовцы исповедуют монотеизм (Дажбога), представленный Л. Силенко. Со временем появились общины верующих РУНВеры и в других городах США, Канады, Австралии, Англии и некоторых латиноамериканских стран. Духовный центр РУНВеры – «Орияна» расположен в городке Спринг Глен, рядом с Нью-Йорком (США). Там установлен «Собор святой матери Украины» (главное культовое сооружение РУНВеры) и действует священный Совет святыни матери-Украины, который возглавлял Л. Силенко с титулом «Родной Пророк» [4].

Первый Собор представителей общин РУНВеры состоялся 5–6 августа 1972 года в Чикаго. С докладом «Украинская Духовная революция» на нем выступил Лев Силенко. Этот Собор утвердил те законы, которые стали основой духовной и организационной жизни неоязыческих общин: «мы не признаем никаких языческих или неплохих богов, то есть мы не являемся признающими многобожие «политеизма»» [4].

Второй собор представителей общин РУНВеры состоялся в Гамильтоне (Канада) 27 апреля 1980 года, на нем был принят «Основной Закон (Устав) ОСИДУ РУНВеры», в котором четко определена вера в Единого и вездесущего «Господа Дажбога» и закреплено признание «Мага Веры» священной книгой РУНВеры. Третий Собор РУНВеры прошел в городке Спринг Глен на территории «Орияны», в своем постановлении 16 июля 1983 года Собор определил Л. Силенко как «Духовного учителя» и «Пророка Святой Церкви РУНВеры» [4].

Трансформации в ОСИДУ РУНВеры обусловили появление независимых языческих общин, которые вышли из этого объединения. Таким примером стала община «Признающих украинскую веру»¹, которая образовалась в 1972 году в США под руководством С. Гринько (Н. Сердюка). В 1973–1977 годах общиной издавался бюллетень «Голос Дажбожичей» и историко-философский сборник «Возрождение» [1, с. 110–111]. К числу таких организаций также стоит отнести «Общину имени Леси Украинки Украинской Национальной Веры», которая образовалась в 1979 году в Канаде под руководством В. Гайдайчука. Таким образом, появление новых неоязыческих объединений надо рассматривать, как процесс борьбы с монополией РУНВеры в неоязыческой среде. Появление «Общины святой украинской веры» М. Шкавритко обусловлено, по факту, структурированием и окончательным становлением вероучения в РУНВеры Л. Силенко. В этот период именно РУНВера была самым крупным объединением неоязычников в украинской диаспоре, и чтобы с ней как-то конкурировать другим неоязыческим группам они начали развивать наследие В. Шаяна, который тоже будет возведен в статус неоязыческого родоначальника. Такой нарратив позволял придать некую идейную конкурентность и историческую легитимность объединившимся малочисленным неоязыческим организациям.

Первая община РУНВеры официально на Украине была зарегистрирована 25 сентября 1991 года, возглавил ее В. Короб. В ноябре 1991 года вместо действующего координационного совета общин РУНВеры на Украине было образовано Временное правление Объединение сынов и дочек Украины РУНВеры (ОСИДУ РУНВеры), которое взяло на себя миссию созыва учредительного съезда РУНВеры страны. 15–17 мая 1992 года в Киеве состоялся учредительный съезд делегированных представителей общин РУНВеры, который утвердил Устав ОСИДУ. Первым председателем Священного совета общин был избран львовянин В. Пилат, известный разра-

боткой украинского единоборства «Боевой гопак» [3, с. 322].

Распространение РУНВеры имело место в разных областных городах Украины. Так С. Щербина, глава одной из первых и некогда мощной общины «Орияна» в Запорожье отмечал, что изначально его организация была создана из числа представителей украинской консервативной Республиканской партии. «Мы начали знать больше о нашем прошлом через историю, через археологию, и получилось таким образом, что эти люди, которые были в нашей политической организации, пришли к родной духовности первые» [5, с. 314–318].

В 1995 году руководитель РУНВеры В. Пилат вынужден был передать документацию и печать организации волхву киевской общины «Дажбога» Б. Островскому, который был выбран и назначен руководителем РУНВеры на Украине. Смещение В. Пилата было обусловлено тем, что он не нашел реальной поддержки в своей деятельности со стороны украинских единоверцев, а также единоверцев из США.

Новым представителем и координатором действий в г. Киеве назначили Киевслава (А. Лысенко). Смену руководства связывают с деятельностью личного секретаря Л. Силенко – Светославы (Т. Лысенко), которая и приходилась дочкой А. Лысенко.

Противостояние внутри РУНВеры учитывая выбранного на Украине Б. Островского и назначенного нового руководителя обусловит проведение в мае 1996 года в Киеве Координационного Соборного Совета общин РУНВеры, который созвали А. Лысенко и С. Пинчук. На Совет прибыли представители общин из Киева, Черкас, Житомира, Донецка, Краматорска, Белой Церкви, Хмельницкого и других городов Украины. Председателем Совета был избран редактор журнала «Родная Вера» В. Бойченко. В это период противостояние внутри РУНВеры происходит уже по пройденному ранее сценарию. Новое руководство РУНВеры активно продвигало идею сакрализации Л. Силенко как «пророка»: «посланик единосущего Господа Дажбога к родному Народу» [3, с. 323]. Обозначенные разногласия обусловят то, что задуманная идея формирования Священного Совета на Украине затянется, а расколы и противоречия с каждым годом будут нарастать.

Результатом противоречий стало заседание в 1996 году представителей 27 украинских общин РУНВеры под руководством Б. Островского, которые приняли решение, признавать Л. Силенко только духовным учителем для верных Украины, а не юридическим руководителем их общин. Против такого решения выступил центр РУНВеры в США и отстранил общину Б. Островского РУНВеры на основании отсутствия регистрации по одобренному стандартному уставу. В 2000 году винницкие общины РУНВеры создадут отдельное объединение неоязычников – «Собор родной украинской веры».

Обозначившееся противостояние заблокирует вопрос переноса украинского Центра РУНВеры в Киев и строительство там неоязыческого культового сооружения. Необходимо отметить, что подобное противостояние внутри РУНВеры стало возможно в связи с преклонным возрастом Л. Силенко и сложностей с его здоровьем.

Журнал РУНВеры «Самобытная Украина» за 1998 год, который являлся рупором общин РУНВеры в США, оценивает деятельность Т. Лысенко следующим образом: «Находясь все время у Учителя, Лысенко вошла к нему в доверие. Старый, больной человек, под ее влиянием стал нервным и неуравновешенным. Неспособный сопротивляться молодой активной особе, тем более, из-за совсем плохого зрения неспособный

¹ На украинском языке «Визнавці Української Віри»

контролировать ее корреспонденцию. Эта «интеллигентка», с высшим образованием и неуравновешенной психикой, ссорилась с каждым очень «профессионально» и намеренно создавала конфликтные ситуации, чтобы раскалывать общины. Не без стараний Т. Лысенко, ее папа, Анатолий Лысенко, был объявлен представителем Учителя в Украине. (Человек, который Рунверой никогда не интересовался)» [6, с. 18–19].

В этом же журнале отмечается и спекулятивное управление РунВерой Т. Лысенко, через корреспонденцию и письма от лица Л. Силенко. Предполагается, что вся корреспонденция на протяжении четырех лет, подписывалась Л. Светославой или копируемой подписью Л. Силенко.

В дальнейшем, Совет РунВеры США на своем заседании от 16-го ноября 1997 года принял решение:

«- Лишить, Татьяну (Светославу) Лысенко, членства в ОСИДУ Рунверы при святыне «Орияна».

– Предупредить руководство ОСИДУ Рунверы в Украине (председатель – Б. Островский), а также каждого главу отдельных общин на Украине и за рубежом о том, что пока не будет прекращена вредная деятельность Т. Лысенко, не принимать во внимание приказы или рекомендации, идущие от нее или, как бы то ни было, от имени Учителя» [6, с. 18–19].

Противостояние между общинами РунВеры и Т. Лысенко набрала своего размаха в 2008 году. Проживая в это время с Л. Силенко в Киеве, она объявила их квартиру духовным представительством «пророка», а сама представлялась его «духовной дочкой». Руководителем РунВеры на Украине, в обход избранных ранее организацией лиц, она назначила А. Дорошенко. Не получив поддержки своей деятельности на Украине и отсутствие признания от общин РунВеры обусловили то, что Т. Лысенко вывезла Л. Силенко из Украины и устроила в дом престарелых в Канаде. Такой шаг с ее стороны был обусловлен тем, что Л. Силенко числился гражданином этой страны и имел право там на бесплатное лечение. В этом доме престарелых и скончался Л. Силенко 25 ноября 2008 года.

Необходимо отметить, что среди всех неоязыческих организаций, действовавших на Украине, РунВера была представлена лучше, чем другие неоязыческие организации. В 2013 году общины РунВеры на Украине были представлены несколькими центрами, которые объединяли 63 общины, и несколько автономных общин. Общины РунВеры действовали в большинстве областей Украины. Крупнейшие общины действовали в Центральной и Западной Украине. Духовным центром последователей РунВеры и местом их паломничества является малая родина Л. Силенко – с. Богоявленское (Александровка) Кировоградской области. В этом селе на месте дома, в котором родился Л. Силенко, сооружен храм (неоязыческое культовое сооружение) «Рождества Льва Силенко». Самое главное культовое сооружение организации – «Собор святой матери Украины», находится в г. Спринг-Глен (штат Нью-Йорк, США) [8, с. 158–159].

Определенная популярность РунВеры на Украине во многом была достигнута благодаря поддержке высоких чиновников из Министерства образования Украины, в связи с чем изучение основ РунВеры вошло в вузовские программы. Во второй половине 1990-х годов соответствующие курсы читались в университетах Киева, Львова, Ужгорода и в Киево-Могилянской Академии [9, с. 239–240]. Немаловажную роль в развитии РунВеры сыграли и представители творческой интеллигенции. Так члены «Союза писателей Украины» в 1990-х годах широко популяризировали данное учение как в средствах массовой информации, так и в украинских шко-

лах. В 1996 году «Союз писателей Украины» организовал совместный с последователями РунВеры вечер, посвященный историко-культурному значению украинского язычества. На этом вечере говорилось об огромной важности язычества в духовной культуре украинцев, раздавались призывы к возрождению язычества под лозунгом «Украинцы! Вперед, к язычеству!» [9, с. 239].

Поддержка РунВеры со временем еще больше усилилась за счет Екатерины Чумаченко-Ющенко, жены экс-президента Украины В. Ющенко, родители которой были последователями РунВеры. При ее содействии на Украину в киевскую «Феофанию» для лечения перевозили болеющего основателя РунВеры Л. Силенко. Как пишут сами последователи РунВеры – В. Ющенко неоднократно использовал главный тезис из книги Л. Силенко «Мага Вера» – «Украина понад усе» [2, с. 9].

К 2014 году внутри РунВеры не было жесткой централизации, в связи с постоянной борьбой за власть внутри, поэтому одновременно действовали лидеры организации, которые имели влияние на некоторые украинские общины: В. Пилат, Б. Островский, Б. Савченко, П. Рубан (Святослав), С. Пинчук, А. Лысенко (Киевслав) [4]. А также продолжали свою деятельность неоязыческие сообщества в США и Канаде со своими лидерами.

Систематизация неоязыческих воззрений Л. Силенко в рамках существующих, так называемых, индоевропейских мифов, позволила ему создать условно централизованную разветвленную структуру в украинской диаспоре. В тоже самое время попытки Л. Силенко сформировать культ поклонения себе в РунВере, обусловили выход из РунВеры части общин. Украиноцентричность верования, и сакрализация Украины в текстах неоязыческой организации требовало переноса деятельности организации на Украину, в связи с чем Л. Силенко приезжал в Киев (Украина). Созданные общины по всей Украине столкнулись с мировоззренческими спорами и конфликтами внутри РунВеры и оказались в такой же разрозненной ситуации. Сам Л. Силенко свой жизненный путь закончил в одиночестве в доме для престарелых в Канаде. Все вышеизложенное указывает на существенные изменения, которые произошли в украинской неоязыческой среде.

Литература

1. Беднарчик Т.Р. Неоязыческая религиозность в армии украинской народной Республики в 1917–1923 годах // *Colloquium Neptaplomeres*. – 2014. – № 1. – С. 110–111.
2. Возвышенный Святейшим Отцом // Из сонца храма // *Часопис радновири Галичини*, – Львов, 2015, – № 15. – с. 9.
3. Возвеличимо рідного вчителя // Из храму сонця // *Часопис рідновірів Галичини*, – Львів, 2015, – № 15. – С. 9.
4. Історія релігії в Україні: у 10-ти т. За ред. проф. А.Колодного-90 Редколегія: А.Колодний (голова) та ін. / *Нові релігії України*. Т. 8. – Київ, 2010. – 828 с.
5. Колодний А. Рідна Українська Національна Віра // *Анатолій Колодний © Наукові архіви* – URL: https://kolodnyj2009.wordpress.com/2009/03/16/run_vira/
6. Огорокова І.Г. Суспільно-політичні умови та причини поширення рідновірського руху в Україні 1991–2011 рр. // *Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету*. – 2012. – Вип. XXXII. – С. 314–318.
7. Повідомлення // *Самобутня Україна*. – Spring Glen, NY, 10998 (1098). – № 1. – С. 18–19.

8. Промова Андреса Брейвіка на суді // Із храму сонця. Часопис рідновірів Галичини. – Львів, 2013. – № 14. – С. 12–16.
9. Рогатин В.Н. Деятельность неоязыческих организаций на Украине в 2014–2021 гг. / В.Н. Рогатин // Ортодоксия. 2022, -№ 3. – С. 155–174.
10. Шнирельман В. А. «Внуки Дажьбога»: идейные и историографические основы украинского неоязычества // Белоруссия и Украина: История и культура. Ежегодник 2005/2006 / Гл. ред. Б.Н. Флоря. – М.: Индрик, 2008. С. 210–252.
11. Шнирельман В.А. Арийский миф в современном мире. Т. 1 / Виктор Шнирельман. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – С127–128.

STRUCTURAL AND ORGANIZATIONAL TRANSFORMATIONS IN THE NEO-PAGAN ORGANIZATION “NATIVE UKRAINIAN NATIONAL FAITH”

Rogatin Vladimir Nikolaevich;
Kazan (Volga Region) Federal University

The article presents the formation of structured neo-pagan organizations in the Ukrainian Diaspora on the example of the neo-pagan organization “Native Ukrainian National Faith”. The years of the formation of the creed and the subsequent centrifugal trends within the neo-pagan organization are listed. The factors that contributed to the spread of L. Silenko’s neo-pagan views in Ukraine are indicated. The well-known Ukrainian politicians who contributed to the development and spread of the neo-pagan organization “Native Ukrainian National Faith” in Ukraine are identified. The main leaders and neo-pagan groups adhering to the teachings of L. Silenko are listed and statistical data on the number of communities in different years are indicated, which allows us to understand the dynamics of the neo-pagan organization. The conflict points that caused tension within the neo-pagan organization are presented. The main sacred places of L. Silenko’s followers in Ukraine and the USA are also marked: “the Church of the Nativity of Leo Silenko”, “the Cathedral

of the Holy Mother of Ukraine”. The consequences for the neo-pagan organization “Native Ukrainian National Faith” from attempts to sacralize its founder L. Silenko are revealed.

Keywords: Silenko, RUNVera, neo-paganism, Ukraine, Maga vera, NRM, cult.

References

1. Bednarchik T.R. Neo-pagan religiosity in the army of the Ukrainian People’s Republic in 1917–1923 // Colloquium Heptaplomeres. – 2014. – No. 1. – pp. 110–111.
2. Exalted by the Holy Father // Із sontsya temple // Chasopis radnoviriv Galichini, – Lviv, 2015, – No. 15. – p. 9.
3. Let’s exalt our native teacher // from the temple of the Sun // Journal of rodnovers of Galicia, – Lviv, 2015, – № 15. – P. 9.
4. History of religion in Ukraine: in 10 volumes edited by Prof. A. Kolodnygo-90 Editorial Board: A. Kolodny (chairman) et al. / New Religions of Ukraine. Vol. 8. – Kiev, 2010. – 828 P.
5. Kolodny A. native Ukrainian national faith // Anatoly Kolodny © scientific archives – URL: https://kolodnyj2009.wordpress.com/2009/03/16/run_vira/
6. Okorokova I. G. socio-political conditions and reasons for the spread of the rodnover movement in Ukraine in 1991–2011. – 2012. – issue XXXII. – P. 314–318.
7. Message // Original Ukraine. – Spring Glen, NY, 10998 (1098). – No. 1. – pp. 18–19.
8. Speech of Andres Breivik at the trial // from the temple of the sun. Rodnover magazine of Galicia. Lviv, 2013, No. 14, Pp. 12–16.
9. Rohatin V.N. Activity of neo-pagan organizations in Ukraine in 2014–2021 / V.N. Rohatin // Orthodoxy. 2022, No.3. pp.155–174.
10. Shnirelman V. A. “The grandchildren of Dazhbog”: ideological and historiographical foundations of Ukrainian neo-paganism // Belarus and Ukraine: History and Culture. Yearbook 2005/2006 / Editor-in – chief B.N. Florya. – М.: Indrik, 2008. pp. 210–252.
11. Shnirelman V.A. The Aryan myth in the modern world. Vol. 1 / Victor Shnirelman. – М.: New Literary Review, 2015. – С127–128.

Рецепция феномена «герой» в историко-философской традиции

Серегина Татьяна Николаевна,

к.ф.н., доцент кафедры гуманитарных наук, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: seregina.tatiana@gmail.com

В статье показан генезис феномена «герой» в историко-философской традиции. Ценностно-смысловые коннотации понятия позволяют выявить особенности эпохи. Трактовки героя античной эпохи как доказательства его легитимности через этические категории, в средневековье как сакральное начало, в Новое время герой представлен как носитель чувственного и эмоционального начал и как борец за права и свободы. Появляется идея наделяния качествами героя нации и социальные общности. В XX и XXI веках представления о герое складываются в мозаичную картину: от героя сакрального, героя с точки зрения психоанализа, героя одинокого и отчужденного до появления городов-героев. Установлены причины такого уникального явления как перенос героических качеств на городское пространство. Города – герои появляются как реакция на чувства горожан по сохранению исторической памяти. В результате исследования сделан вывод, что сущность понятия и феномена героя позволяет раскрыть специфику не только коммуникаций и взаимодействия людей в обществе, но установить общее и особенное в генезисе общества в разные исторические эпохи.

Ключевые слова: герой, ценности, город, личность, места памяти.

Понятия героя и героического являются ключевыми в исторических исследованиях и в ткани исторического континуума. Этимологически понятие герой восходит к греческой традиции – богатырь или полубог или праиндоевропейское – защищать. Герой – это мистическая или реальная, живая или мертвая, символизирующая своей прошлой или настоящей жизнью, социальной ролью особо важные аспекты ценностей данной культуры [1]. Герой – человек, способный сформировать идентификацию других со своей личностью, [11] человек, совершивший поступок во имя общества или государства [12]. В словаре Брокгауза и Ефрона термин герой объясняют как личность-носитель идеального изображения человеческой силы и богатырского духа, посредника между богами и народами, основателя городов, учредителя законного порядка [15]. В толковом словаре Д.Н. Ушакова герой – доблестный мужчина, предводитель, человек исключительной смелости и доблести, либо одно из главных действующих литературного или иного произведения культуры [13].

Перед нами основные коннотации понятия «герой» в контексте социального. Общей чертой в этих определениях является акцент на качествах личности, которые являются маркерами эпохи, представления об идеальном человеке. Он является носителем ценностей, которые предполагают объективацию в человеке или коллективе высших духовных ценностей или физических сил. Герой выполняет функцию изменения общественной структуры, он носитель кризисного мировоззрения, требующего изменений, носитель цивилизационного начала, возвышающего человека. Герой – личность, которая реализует эти возможности и становится олицетворением добродетелей эпохи.

Герои античности представляли собой воплощение добродетелей и ценностей, описанных в философских или литературных произведениях: «Илиада», «Одиссея», платоновский диалог «Теэтет», аристотелевская «Никомахова этика», в «Антигоне» Софокла, в «Энеиде» Вергилия. Герой – образец служения государству, образец для подражания. Герои античности ведут свое происхождение от богов, таким образом доказываются их особый статус, исключительное положение в обществе. Его поведение изменяет общество, закрепляя статус, деятельность героя социоцентрична, он существует для общества, сам он не самоценен.

В Средние века герой становится личностью, стремящейся приблизиться к божественному, но не являющейся богом, как это было в античности. Личности приписывается статус героя при условии соблюдения христианских ценностей, добродетелей. В Позднем Средневековье происходит смена ценностной коннотации героического, появляется гуманистический идеал, светский герой. Рыцарь – носитель постхристианских ценностей, но опосредованно связанный с культурой христианства. Героями этого периода стали Артур, Роланд, Парцифаль, Дон Кихот.

Одним из первых, проанализировавших феномен героизма, стал Дж. Вико [2, с. 25]. Эпоха Возрождения нуждалась в новых героях, буквально новый тип героя должен был родиться из ткани историко-культурного бытия. Они должны были стать образцом «новых» людей, людей гуманистической эпохи. Такой образец был найден

в античной культуре – образ гармоничного и в то же время человека, связанного с божественной волей и божественной силой. Вико выделяет в истории человечества три эпохи, века: век богов, героев и людей. Исторически Век Героев – античная эпоха, первыми героями стали Минос, Язон, Улисс. Вико отмечает их превосходство по рождению и поэтому они имеют право и возможность выражать волю богов. При этом божественное легитимизирует героя, борьба героев и плебеев позволяет реализовать качества и добродетели героя в преобразовании мира. Вико перечисляет эти качества: герои благородны, щепетильны и гневливы, героическое право – это право Силы, ограниченное религией. Люди не понимают силу Разума и повинуются Судьбе. Коммуникация предполагает истолкование специфического языка – героического стиха, героической поэзии, это и символический язык – язык гербов [2, с. 179, 381]. Вико пишет о героических городах. Они основаны Провидением в «сильных местах», недоступных, сакральных, основанных героями. Вико пишет об основании Афин Тезеем. В Библии также описан город, основанный Каином и такой город не воспринимается сакральным, героическим, он интерпретируется как вместилище порока, не несущий добродетельное начало. Характерной особенностью в восприятии героя этого периода является наличие и влияние божественного в понимании героя и героического.

Новое время порождает многообразие вариантов понимания героя. Романтический герой, для которого эмоции, чувства определяют сущность и поведение в обществе, способ коммуникации и восприятие другими героя. Образцы героического поведения представлены в художественной литературе и становятся образцами для подражания. Герои Байрона, Вагнера и Гете определяют дух эпохи, кодексы поведения. Они одиноки, погружены в исследование своего внутреннего мира, самопознание, отчужден от общества.

Вторая линия понимания героев и качеств героического – это личности, отстаивающие права и свободы человека, это герои-бунтари. В это же время рождается идея о нации – герое и о герое как отражении национального духа.

К. Маркс продолжает линию переноса героических качеств на общности и коллективы, личность не может быть носителем добродетелей, она отражение социальных героических качеств. Маркс не считает действующей силой отдельного человека, обществом управляют диалектические законы, личность подчинена им и не способна повлиять на ход развития. Героями становятся общество, общественные классы и слои.

Ситуация меняется к концу XIX и в начале XX века Т. Карлейль, Н.К. Михайловский возвращают традицию отождествления героического с отдельными личностями. Это было связано с кризисной социоцентрической позицией в понимании роли и значения человека обществе, смены европоцентристской культурной парадигмы, разочарование в просвещенческой модели рационализма и прогрессизма, актуализацией внимания на отдельном, уникальном человеке в философской антропологии, экзистенциализме и психоанализе. Все эти линии и интенции размышлений нашли отражение в понимании феномена героя.

Т. Карлейль в работе «Герои, почитание героев и героическое в истории» [6] пишет об атрибутивном качестве личности восхищаться, уважать других. Это качество является субстанциональным началом общественного организма, его функционирования. Он называет их оригинальными людьми, благодаря им «мир не пустыня». Карлейль настаивает, что герой возможен только в случае, когда общество готово к принятию героическо-

го, он не повторяет античные мысли и мотивы творчества, идеалом общества становится не общество дихотомии герой – профаны или плебеи, а общество героев. Каждый человек способен стать героем, если поборет в себе качество страха, рабское качество, а далее работа и образование создадут новый тип человека и новый уровень общества. Работа – источник образования. Герои для Карлейля – это гении: «Они обладали редкой способностью не только «догадываться» и «думать», но знать и верить» [6].

Н.К. Михайловский считает героической личностью, которая является образцом для подражания. Этот образец она демонстрирует иногда даже бессознательно [8]. Герой ценен только тем, что он меняет привычный уклад, меняет социальное устройство, а не в силу качеств личности или добродетелей. Героем становится человек «на мгновение возглавивший толпу» [3]. Механизм функционирования героя – подражание, появляющееся в двух случаях: «впечатление, столь сильное, чтобы оно временно задавило все другие впечатления, или постоянная, хроническая скудость впечатлений».

Другим вариантом поиска носителя добродетелей, героя как проводника, варианта выхода из кризиса начала XX века стали идеи австрийского психоаналитика, ученика З. Фрейда Отто Ранка. Он описывает мифотип или архетип героев на основании теории Фрейда. Он пишет работу «Миф о рождении героя» и выделяет 12 черт героя. Он считал, что только психоанализ способен раскрыть смысл мифов «он осколок погибшей психической жизни». Миф – это описание мира, ценностей и норм, которыми они руководствовались в поведении. В мифе герой выполняет запрещенные желания, в мифологии происходит удвоение как вытеснение с первоначально значимого на второстепенное [10].

Мифологические сюжеты: два брата – добрый и злой, смертный сон, мотив отвержения (их бросает отец), разлука, борьба (с драконом, гидрой), для Ранка – это «негатив культурного развития» [10]. Он пишет, что все высокоразвитые народы склонны прославлять своих героев, правителей городов: Зигфрида, Гамлета, Ромула, Персея, Эдипа, Геракла, Моисея. Далее он выделяет типичные черты героев: сын знатных родителей, его рождение сопряжено с проблемами (бесплодие, воздержание, запрет), пророчество о его рождении связано с угрозой родителям, его предадут воде после рождения и спасают животные или простолюдины. Герой мстит отцу или самостоятельно добивается успеха. Основная идея Ранка – разрыв семейных связей с родителями, герой не хочет или не может быть похожим на родителей. Исследователь объясняет все эти черты с точки зрения психоанализа, неврозов и сексуальности. Но здесь мы можем заметить психологический и социокультурный феномен: герой не просто не похож на родителей, он новый тип поведения, новый характер, новый этап развития общества – это попытка объяснить развитие общества через героическое, через изгнание героя, отвержение его со стороны общества. Именно поэтому герой спасается и осуществляет возмездие, это типичный мотив для психоанализа начала XX века – оправдание бунта против отца.

Школа Анналов, предлагает взглянуть на историю с одной стороны, как на междисциплинарное исследование, а с другой, как на исследование ментальности в истории как «long durée» длинном времени. По мнению Л. Февра, герой не создает историю, он сам находится в контексте этой истории, он скорее реакция на исторические события. М. Блок описывает события, внутри которых инкорпорирована деятельность героя. Он скорее подсвечивает историю и ее выдающиеся события, аккумулирует кризисные и переломные события и возмож-

ности выхода из них. История – наука о человеке, она изучает факты человеческой жизни, и историк обязан понять людей как сознание эпохи [14, с. 19]. Ле Гофф пишет работу о героях в античности и средние века. В античности герой – тот, кто отличился храбростью, в средние века слово герой не употребляется, но это новый тип людей – он король или святой. Героями становятся не только конкретные личности, но и «коллективные персонажи» [7, с. 15]: рыцари, трубадуры, паяц или жонглер, даже единорог или лис.

Герой в российской исторической традиции представлен в работах В. Проппа в «Морфологии волшебной сказки» выделяет 8 типов персонажей, один из них герой. Герой выезжает на поиски, испытания и в результате получает награду или женится. Пропп считает, что герои бывают двух типов: искатель и жертва [9, с. 7]. Герой в понимании Проппа – это борец за идеалы народа, а не за личное благополучие [9, с. 8]. При этом герой исторического эпоса – это культурный деятель, он воплощает в себе качества нового общества. Борьба с чудовищами как олицетворение старого природоцентричного, хаотичного мира. Герой несет коннотации культурного и технического прогресса, он уничтожает старый мир [9, с. 49]. Герой не является обладателем волшебных сил и способностей – воин, носитель высоких моральных качеств, в последнюю очередь думает о себе, защитник обездоленных [9, с. 64, 66, 70]. Русский герой выражает государственнические качества, он состоит на службе государю, он борется с врагами государства, за независимость родины, за самостоятельность государства и построение нового независимого государства в будущем [9, с. 85, 86, 89–90]. Пропп считает, что эпос исчезает из культуры в связи появлением капитализма. Основные процессы умирания эпоса: появление и распространение сказки, книги, военная песня [9, с. 750, 753, 757]. А. Зорин считает, что феномен героя в современном мире следует рассматривать с точки зрения эмоционального проявления. Современную личность А. Зорин характеризует как гироскоп, прибор, при любых помехах выдерживающий избранное направление [4, с. 39]. Личность современного героя готова отреагировать и измениться, адаптироваться и подстроиться под любые условия, она теряет свою субстанциональность. Безусловно, современное общество требует от человека психологической, социальной гибкости, зрелости в осознании процессов глобального мира. Отказываться личности в способности и возможности самоопределения и социализации в сложном и трансформирующемся мире не следует считать оправданной позицией.

Современный герой – это образ героя XX–XXI веков, это не реальная личность, а представление о ней. Герой в современности – супермен, чудо-женщина, бетмэн, человек-паук. Современность наследует образ героя как человека-одиночки, покинутого и брошенного в этот мир, но его задача выжить в этом мире, найти смыслы и ценности в нем для себя, попытаться изменить или упорядочить этот мир. Герой принадлежит малой социальной группе, одновременно, он борется со страстями, предрассудками не только в мире, но в самом себе. Герой воплощается в кинематографе и фэнтези.

Параллельно в период конца XIX – начала XX века мы встречаем попытку представить и осмыслить ситуацию в социуме, где нет героя. Так У. Теккерей называет свой роман «Ярмарка тщеславия. Роман без героя», А. А. Ахматова с 1940–1960 гг. пишет «Поэма без героя», где показана эпоха серебряного века, предреволюционная эпоха, в которой нет героя. Революция с неизбежностью порождает героев, но поэта, зная судьбы этих людей показывает их как призраков.

С другой стороны, в СССР появляется уникальное явление городов-героев как пространств героического, носителей моральных качеств. В XIX–XX веках начинают проявляться результаты процесса урбанизации Нового времени. Первые попытки осмысления города делаются в литературных произведениях. Мы видим города в произведениях Ч. Диккенса, Ф. М. Достоевского, Н. В. Гоголя. Появляется новое видение реальности – В. Ф. Одоевский пишет «Город без имени», Лондон Диккенса, Санкт-Петербург и Москва Пушкина, город Блока. До этого город видели, как выражение сакрального пространства или утопических идей в работах Ф. Бэкона, Т. Мора, Т. Кампанеллы. Впервые город становится героем, персонажем сначала литературной, а затем научной рецепции, посредством города, как предмета исследования, критикуют этические и социальные теории, в рамках чикагской школы, появляются первые архитектурные проекты городов как пространства для воплощения, реализации моральных качеств и добродетелей личности, реализации идеального человека. Добродетель и мораль человека начинает проявляться в культурном, социальном пространстве города. Город – условие героического как лучших моральных качеств личности.

Феномен появления города-героя в СССР обусловлен несколькими факторами. Во-первых, необходимостью концептуализировать в памяти народа места памяти о подвиге в Великой Отечественной войне. Во-вторых, осознание города не просто как места проживания, не только принадлежность к месту жительства, а как члена сообщества, общества, причастного к общей истории, интересам, целям и пониманию общего исторического будущего. В Российской империи только начался процесс урбанизации в XIX веке, складывание городского населения и формирование городских сообществ только начиналось. Приток в города крестьянского населения после отмены крепостного права формирует новый социальный облик, этот процесс только начался и был прерван революциями 1905 и 1917 годов, Первой мировой и гражданской войнами. Войны и революции изменили количественный, а главное качественный состав горожан. Дворянство, купеческое сословие исчезает в городе, разночинцы и интеллигенция занимают окраинные позиции в жизни города. Выходцы их деревень и сел, появившийся в конце XIX века пролетариат определяют лицо города, его интересы и цели развития. Политика СССР и вектор на индустриализацию зафиксировали такую социальную картину города. Город и горожане после революции 1917 г. стали постепенно обретать свое единство, сопричастность проживания в социальном и историческом бытии.

Города в ходе войны стали восприниматься как личности, горожане стали олицетворением и воплощением городов, их истории, горожане приобрели «право на город», на его историю. Город-герой – высшая степень отличия, которой удостоены 12 городов и крепость-герой Брест, прославившихся в Великой Отечественной войне. 1 мая 1945 года о присвоении звания город-герой объявил И. В. Сталин, это были Ленинград, Сталинград, Севастополь, Одесса, хотя само понятие появлялось в печати во время войны. Звание «город-герой» закреплено в Положении о почетном звании (впоследствии формулировка изменена на «о высшей степени отличия») «Город-Герой» за «проявленный массовый героизм и мужество в защите Родины Великую Отечественную войну в 1941–1945 гг.». Положение было подписано А. И. Микояном.

В 2006 году стали присваивать звание «город воинской славы» – сейчас это 45 городов, Брянск стал городом партизанской славы. Города-Герои есть в Югосла-

вии – 8 городов, на Кубе, во Вьетнаме Италии, Абхазии, ДНР, ЛНР, Украине, Белоруссии, Никарагуа. В XX веке в СССР появился уникальный феномен городов-героев. Город всегда был пространством памяти, в нем фиксировались идеальные представления об идеальном обществе, идеальном человеке, фиксировались смыслы исторического, социального и культурного бытия. Городское пространство было поделено на функциональные части.

Понятие, а затем теория мест и пространств памяти создает П. Нора. Согласно его теории места памяти концентрируют в себе представления об общей истории, фиксируют их в качестве символов и знаков.

Таким образом, в социальном опыте человечества, как мы видим, накопился богатый эмпирический материал для понимания, рефлексии и интерпретации героического как феномена. Эпоха порождает тип героя, ка образец поведения, как идеальный тип человека эпохи и в то же время герои изменяют эпоху, определяют векторы развития истории или социума. Историческое сознание и теория мест памяти показывают значение пространственного компонента для фиксации исторического в пространстве города.

Литература

1. Большой словарь по социологии. – URL: <https://voluntary.ru/termin/geroi.html> (дата обращения: 20.03.2024).
2. Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. – Ленинград: Государственное издательство «Художественная литература», 1940. – 619 с.
3. Горбатов Д.С. Теория «Героев и толпы» Н.К. Михайловского: основные идеи // Социальная психология и общество. 2014. Том 5. № 4. С. 5–13. – URL: https://psyjournals.ru/journals/sps/archive/2014_n4/72823 (дата обращения: 17.04.2024).
4. Зорин А.Л. Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 568 с.
5. Карлейль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории. – URL: http://az.lib.ru/k/karlejlx_t/text_0020.shtml (дата обращения: 15.04.2024).
6. Карлейль Т. Теперь и прежде. – М.: Республика, 1994. – 415 с. – URL: http://az.lib.ru/k/karlejlx_t/text_0040.shtml. (дата обращения: 15.04.2024).
7. Ле Гофф Ж. Герои и чудеса Средних веков. – М.: Текст, 2011. – 220 с.
8. Михайловский Н.К. Герой и толпа. – URL: http://az.lib.ru/m/mihajlowskij_n_k/text_1882_geroi_i_tolpa.shtml (дата обращения: 17.04.2024).
9. Пропп В. Русский героический эпос. – СПб.: Азбука-Аттикус, 2021. – 832 с.
10. Ранк О. Миф о рождении героя. – URL: <https://libking.ru/books/sci-/sci-history/1067827-14-otto-rank-mif-o-rozhdenii-geroia.html#book> (дата обращения: 25.03.2024).
11. Словарь новейшей социологической лексики. Теория понятия персоналии. – URL: <https://voluntary.ru/termin/geroi.html> (дата обращения: 20.03.2024).
12. Социология. Словарь – справочник. – URL: <https://voluntary.ru/termin/geroi.html> (дата обращения: 20.03.2024).
13. Толковый словарь русского языка Ушакова. – URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/%D0%B3%D0%B5%D1%80%D0%BE%D0%B9> (дата обращения: 20.03.2024).
14. Февр Л. Бои за историю. – М.: Наука, 1991. – 632 с.

15. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. – URL: <https://gufo.me/dict/brockhaus/%D0%93%D0%B5%D1%80%D0%BE%D0%B9> (дата обращения: 20.03.2024).

RECEPTION OF THE PHENOMENON “HERO” IN THE HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL TRADITION

Seregina T.N.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article shows the genesis of the phenomenon of “hero” in the historical and philosophical tradition. The value-semantic connotations of the concept allow us to identify the features of the era. Interpretations of the hero of the ancient era as evidence of his legitimacy through ethical categories, in the Middle Ages as a sacred beginning, in the New Time the hero is presented as a bearer of sensual and emotional principles and as a fighter for rights and freedoms. The idea of endowing nations and social communities with the qualities of a hero appears. In the twentieth and twenty-first centuries, ideas about the hero form a mosaic picture: from the sacred hero, the hero from the point of view of psychoanalysis, the lonely and alienated hero to the emergence of hero cities. The reasons for such a unique phenomenon as the transfer of heroic qualities to the urban space are established. Hero cities appear as a reaction to the feelings of townspeople to preserve historical memory. As a result of the study, it was concluded that the essence of the concept and phenomenon of the hero allows us to reveal the specifics of not only communications and interactions of people in society, but also to establish the general and the particular in the genesis of society in different historical eras.

Keywords: hero, values, city, personality, places of memory.

References

1. The Large Dictionary of Sociology. – URL: <https://voluntary.ru/termin/geroi.html> (date of access: 20.03.2024).
2. Vico G. Foundations of a New Science about the General Nature of Nations. – Leningrad: State Publishing House “Khu-dozhestvennaya Literatura”, 1940. – 619 p.
3. Gorbatov D.S. The Theory of “Heroes and the Crowd” by N.K. Mikhailovsky: Main Ideas // Social Psychology and Society. 2014. Vol. 5. No. 4. Pp. 5–13. – URL: https://psyjournals.ru/journals/sps/archive/2014_n4/72823 (date of access: 17.04.2024).
4. Zorin A.L. The Emergence of the Hero: From the History of Russian Emotional Culture of the Late 18th – Early 19th Century. – M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2016. – 568 p.
5. Carlyle T. Heroes, hero worship and the heroic in history. – URL: http://az.lib.ru/k/karlejlx_t/text_0020.shtml (date of access: 15.04.2024).
6. Carlyle T. Now and before. – M.: Respublika, 1994. – 415 p. – URL: http://az.lib.ru/k/karlejlx_t/text_0040.shtml. (date of access: 15.04.2024).
7. Le Goff J. Heroes and miracles of the Middle Ages. – M.: Text, 2011. – 220 p.
8. Mikhailovsky N.K. The hero and the crowd. – URL: http://az.lib.ru/m/mihajlowskij_n_k/text_1882_geroi_i_tolpa.shtml (date of access: 17.04.2024).
9. Propp V. Russian heroic epic. – SPb.: Azbuka-Attikus, 2021. – 832 p.
10. Rank O. The myth of the birth of a hero. – URL: <https://libking.ru/books/sci-/sci-history/1067827-14-otto-rank-mif-o-rozhdenii-geroia.html#book> (date of access: 25.03.2024).
11. Dictionary of the latest sociological vocabulary. Theories of the concept of personality. – URL: <https://voluntary.ru/termin/geroi.html> (access date: 03/20/2024).
12. Sociology. Dictionary – reference book. – URL: <https://voluntary.ru/termin/geroi.html> (access date: 03/20/2024).
13. Explanatory dictionary of the Russian language by Ushakov. – URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/%D0%B3%D0%B5%D1%80%D0%BE%D0%B9> (date of access: 03/20/2024).
14. February L. Fights for history. – M.: Nauka, 1991. – 632 p.
15. Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron. – URL: <https://gufo.me/dict/brockhaus/%D0%93%D0%B5%D1%80%D0%BE%D0%B9> (accessed: 20.03.2024).

Фриланс в условиях информационного общества: социокультурные изменения

Сироткин Антон Владимирович,

аспирант кафедры истории и философии Российского
Экономического Университета им. Г.В. Плеханова
E-mail: aspirantsirotkin@gmail.com

В статье исследуется феномен фриланса как новой социокультурной диспозиции в контексте информационного общества. На основе философского и социокультурного анализа рассматриваются изменения в трудовых отношениях, вызванные цифровизацией экономики и распространением интернет-платформ. Работа опирается на теоретические концепции Пьера Бурдьё, Мануэля Кастельса и Элвина Тоффлера, а также на эмпирические исследования последних лет, проведённые в России и за рубежом. Автор анализирует, как распространение цифровых платформ и глобализация трансформируют трудовые отношения, изменяя представления о труде, этике и социальной идентичности работников. Основное внимание уделяется российскому контексту, где фриланс воспринимается как реакция на кризис традиционных индустриальных моделей занятости и растущую потребность в мобильности и автономии. Рассматриваются уникальные стратегии фрилансеров по управлению рисками и неопределённостью, а также развитие их социального и культурного капитала. Исследования показывают, что фрилансеры сталкиваются с размыванием границ между работой и личной жизнью, что влияет на их ментальное здоровье и социальную устойчивость. В статье также обсуждаются этические аспекты фриланса, такие как формирование «аутсорсинговой этики» в условиях платформенной экономики.

Ключевые слова: фриланс, информационное общество, социокультурные диспозиции, цифровые платформы, трудовая этика, социальная идентичность, габитус.

Современная эпоха информационного общества, чьи черты наиболее ярко выражены в цифровизации всех сфер общественной и личной жизни, диктует новые формы взаимодействия индивидов с трудом и производством. Одной из таких форм, обретающей всё большую популярность, является фриланс, который не только переопределяет социокультурные парадигмы труда, но и изменяет саму природу человеческого бытия в условиях глобализированной экономики. Фриланс представляет собой не просто новую модель занятости, а уникальный феномен, который трансформирует традиционные понятия автономии, ответственности и профессиональной идентичности. В условиях, когда цифровые технологии становятся основным связующим звеном между производителем и потребителем, фриланс формирует новую диспозицию, отражающую глубокие изменения в социальных структурах и культурных практиках. Данная статья стремится раскрыть, каким образом фриланс становится значимой социокультурной диспозицией информационного общества, изменяя привычные модели трудовых отношений и социальных норм. Центральное внимание уделяется рассмотрению фриланса не только как экономического явления, но и как новой культурной парадигмы, через которую индивид пересматривает свою роль в обществе и своей профессиональной деятельности.

Понятие фриланса, прочно укоренившееся в лексиконе современного информационного общества, находит своё обоснование в теориях, рассматривающих цифровизацию как один из ключевых факторов трансформации трудовых отношений. Информационное общество, концепция которого была глубоко разработана Мануэлем Кастельсом, представляет собой качественно новую фазу общественного развития, где главенствующую роль занимает информация как главный ресурс, а сетевые структуры определяют социальные, культурные и экономические процессы [1]. В таком контексте фриланс становится не просто альтернативной формой трудовой занятости, но символом гибкости, автономии и индивидуализации труда, свойственной постиндустриальной эпохе. Процесс глобализации и децентрализации труда усиливается распространением интернет-платформ и цифровых коммуникаций, что, по словам российских исследователей, приводит к изменению базовых представлений о труде и трудовой этике [5].

Основные черты информационного общества – цифровизация, глобализация и сетевизация – способствуют изменению традиционных представлений о труде. Элвин Тоффлер в своих работах о постиндустриальном обществе предсказал тенденции, которые мы наблюдаем сегодня: распад стабильных форм занятости и переход к гибким и временным форматам работы, таким как фриланс [15]. Традиционные представления о труде как постоянной, фиксированной деятельности разрушаются под давлением цифровых технологий, предоставляющих новые возможности для профессиональной самореализации. В этом контексте фрилансеры не связаны жёсткими рамками рабочего дня или конкретного работодателя, что позволяет говорить о новой парадигме труда, основанной на принципах самоорганизации, дистанцион-

ности и многофункциональности. Именно эти качества присущи фрилансу, который предлагает новую форму самоорганизации, позволяющую работникам быть независимыми от традиционных институций труда. Российские социологи в своих исследованиях подчёркивают, что фриланс как форма занятости становится реакцией на кризис индустриальных моделей экономики, а также на растущую потребность в индивидуализации и мобильности труда в условиях цифровизации [8].

Фриланс, будучи во многом продуктом развития цифровых платформ и коммуникационных технологий, формирует уникальные условия для функционирования личности в условиях сетевого общества. Взгляды Пьера Бурдьё на социокультурные диспозиции позволяют увидеть во фрилансе не просто экономическую форму деятельности, но и проявление глубинных изменений в социальной структуре. Социальные позиции индивидов становятся всё более фрагментированными и подвижными, что заставляет пересматривать традиционные формы социальной идентичности и трудовых отношений [3]. Фрилансеры, действуя в условиях конкурентной среды цифрового пространства, вынуждены не только постоянно переосмысливать своё профессиональное место, но и адаптироваться к меняющимся условиям рынка. На постсоветском пространстве изменения в трудовых отношениях также выражаются в переходе к гибким моделям занятости, которые обеспечиваются цифровыми платформами. Исследования показывают, что в России фрилансеры рассматриваются как наиболее мобильная и адаптивная к новым условиям труда группа работников [4]. Это подтверждает не только их способность самостоятельно выбирать проекты, но и их повышенную ответственность за результаты работы. Примером может служить развитие таких платформ, как «Яндекс.Толока», «FL.ru» и других, которые играют ключевую роль в формировании новых форм трудовых отношений [17]. Эти платформы, основанные на принципах цифрового посредничества, делают возможным создание горизонтальных связей между работодателями и фрилансерами, что разрушает традиционные иерархические структуры труда. Как отмечают В.Л. Иноземцев и другие авторы, этот процесс характеризуется значительным снижением роли институциональной власти работодателя и переходом к более сетевым, децентрализованным моделям взаимодействия [2].

Таким образом, фриланс можно рассматривать как яркий пример того, как информационное общество трансформирует устоявшиеся социокультурные парадигмы. Цифровизация труда разрушает иерархические структуры, делая трудовые отношения более горизонтальными, что даёт человеку больше свободы, но также возлагает на него дополнительную ответственность за своё благополучие и профессиональный рост. Таким образом, фриланс можно рассматривать как центральный элемент изменения трудовых отношений в постиндустриальную эпоху, когда цифровые технологии способствуют разрушению институциональных барьеров, делая трудовые отношения более гибкими и горизонтальными. Это, с одной стороны, даёт фрилансерам свободу выбора и автономию, но с другой – возлагает на них ответственность за их профессиональное благополучие, внося элемент нестабильности и уязвимости. В условиях российского контекста эта динамика имеет свои особенности, связанные с национальными и культурными традициями восприятия труда и его ценности.

Фриланс, как новая форма трудовой занятости, не ограничивается лишь экономическим феноменом; он представляет собой социокультурную диспозицию, в которой автономия и гибкость становятся центральными

принципами. В условиях цифрового общества, когда цифровые платформы становятся посредниками между исполнителями и заказчиками, фрилансеры оказываются в ситуации, когда они должны одновременно быть и работниками, и менеджерами собственной трудовой деятельности. Это кардинально меняет их социальное положение и трудовую идентичность. Ключевыми характеристиками фриланса являются автономия, гибкость и ответственность за собственное трудовое время. Если традиционные формы занятости предполагают чётко фиксированные рамки работы и подчинение определённым иерархическим структурам, то фриланс рушит эти границы, создавая совершенно новые условия для взаимодействия. Фрилансеры могут свободно выбирать проекты, время и место работы, что даёт им чувство свободы, но одновременно с этим накладывает значительные требования к самоорганизации и самоконтролю.

Социокультурные изменения, которые сопровождают распространение фриланса, затрагивают и восприятие труда как такового. Пьер Бурдьё в своих работах о габитусе и диспозициях описывает, как социальные структуры формируют индивидуальные практики и восприятия, и фриланс не является исключением [11]. Понятие габитуса, введённое Пьером Бурдьё, обозначает систему устойчивых предрасположенностей индивида, которые формируются под влиянием социальных структур и обуславливают способы его восприятия, мышления и действия в различных сферах жизни. В условиях фриланса, габитус претерпевает существенные изменения, так как социальные и культурные нормы, характерные для традиционных форм занятости, уступают место новым диспозициям, соответствующим динамичным и гибким условиям работы в цифровом обществе. Фрилансеры, действующие на цифровых платформах, сталкиваются с необходимостью формировать такие индивидуальные практики, которые будут отвечать требованиям автономии, гибкости и самоорганизации. В отличие от работников наёмного труда, которые встроены в иерархические структуры организаций и действуют в рамках чётко определённых задач, фрилансеры вынуждены развивать комплекс практик, направленных на управление не только трудом, но и собственной социальной репутацией, ресурсами и временными рамками [12]. Их габитус, таким образом, не столько предопределён жёсткими рамками организации, сколько адаптируется к постоянно меняющимся условиям рынка и взаимодействия через цифровые платформы.

На примере российских фрилансеров можно увидеть, как трансформируются индивидуальные практики в условиях новой реальности труда. Согласно исследованиям, значительная часть фрилансеров в России демонстрирует уникальные формы социального поведения, связанные с необходимостью поддерживать конкурентоспособность и развивать собственный «капитал» (Бурдьё), будь то культурный, социальный или символический [14]. Эти формы поведения проявляются в постоянном самообучении, поиске новых профессиональных навыков, активном использовании сетевых взаимодействий для поиска заказчиков и формирования своего личного бренда [7; 13]. Таким образом, габитус фрилансеров оказывается глубоко связанным с механизмами самопрезентации и социальной мобильности, которые приобретают центральное значение в условиях цифрового рынка труда.

Исследования показывают, что фрилансеры в России вырабатывают собственные стратегии управления рисками и неопределённостью [12]. Например, одним из ключевых аспектов их повседневной практики становится многостороннее планирование рабочего време-

ни, которое включает в себя не только выполнение конкретных задач, но и обязательные активности по поиску новых проектов, управлению клиентами и формированию устойчивых отношений с постоянными заказчиками. Габитус фрилансера в этих условиях отражает более широкий культурный сдвиг, в котором ответственность за труд и социальное положение перемещаются от корпоративных структур на индивидуумов, вынуждая последних принимать решения, связанные с долгосрочной стратегией выживания на конкурентном рынке. В этом контексте можно рассмотреть такие эмпирические данные, как рост числа фрилансеров в России, активно использующих образовательные онлайн-платформы для повышения квалификации и развития личных компетенций, что говорит о формировании практики постоянного обучения как важной части их габитуса [4]. Эти фрилансеры не только реагируют на рыночные требования, но и активно участвуют в создании новых форм культурного капитала, который позволяет им оставаться конкурентоспособными в условиях цифровой экономики.

Следует, наконец, отметить, что в России габитус фрилансеров также проявляет некоторые социокультурные особенности, которые характерны в первую очередь для российских условий и во вторую – для городского контекста [11]. Исследования подтверждают тот факт, что в условиях тенденций глобального развития цифровой экономики, российские фрилансеры сталкиваются с определенными вызовами, связанными с нестабильностью правового статуса и недостаточной защитой трудовых прав [10]. Эти факторы также формируют специфические индивидуальные практики, такие как создание параллельных источников дохода, а также усиление акцента на неформальных и сетевых взаимодействиях, что позволяет фрилансерам минимизировать риски [20].

Таким образом, фрилансеры в России, как и в других странах, формируют уникальный габитус, основанный на автономии, гибкости и самоорганизации. Однако специфические условия российского рынка труда, в том числе правовые и социальные аспекты, создают дополнительные вызовы, что обуславливает формирование особых стратегий адаптации и выживания в условиях цифрового общества. Цифровые платформы, как международные (Workzilla, Freelancer) так и российские аналоги (например, FL.ru, KWORK, YouDo), играют роль не только экономических посредников, но и катализаторов социокультурных изменений. Взаимодействие между заказчиками и фрилансерами перестаёт носить традиционный характер «работодатель-работник». Фрилансеры, работающие на этих платформах, вынуждены управлять своим временем, репутацией и портфолио так, чтобы быть конкурентоспособными в условиях постоянной борьбы за заказы. Это трансформирует не только их подход к труду, но и общие социальные роли, где самоидентификация фрилансера во многом зависит от его успехов на цифровом рынке труда [17]. Эти изменения ведут к пересмотру аксиологических приоритетов, таких как трудовая этика, стабильность занятости и общественное признание профессиональной роли. В условиях фриланса понятие стабильной карьеры размывается, что приводит к появлению новых форм трудовой солидарности, основанных не на классовой принадлежности или корпоративных структурах, а на сетевых взаимодействиях и временных союзах, создаваемых внутри цифровых платформ. Фрилансеры действуют в условиях гибкости и неопределённости, что, с одной стороны, даёт им возможность развивать уникальные профессиональные навыки, а с другой – ставит под вопрос традиционные социальные гарантии и стабильность.

Цифровизация и платформация труда создают новые диспозиции, в которых успех фрилансера зависит от способности адаптироваться к постоянно изменяющимся условиям, а также от гибкости мышления и готовности брать на себя риск. Эти изменения приводят к тому, что фриланс становится не просто формой трудовой занятости, а способом существования в социокультурном контексте информационного общества. Таким образом, фриланс не только отражает экономические изменения в постиндустриальном обществе, но и формирует новые социокультурные диспозиции, где автономия, цифровая мобильность и ответственность становятся ключевыми аспектами социального бытия. Он трансформирует не только трудовые отношения, но и фундаментальные парадигмы труда в социокультурном контексте. Если в индустриальном обществе труд был неотделим от места и времени, установленных работодателем, то в условиях цифровой экономики и фриланса происходит кардинальная смена парадигмы. Работник теперь сам регулирует свою занятость, что разрушает прежние социокультурные рамки труда, разделявшие рабочее и личное время, а также традиционные социальные роли и этические установки.

Одним из ключевых изменений является размытие границ между работой и личной жизнью. В традиционной занятости социальные роли были чётко структурированы: трудовая деятельность происходила в определённые часы, и время отдыха было защищено институциональными нормами, строго иерархичной структурой с соответствующими карьерными перспективами и ориентациями [18]. В условиях фриланса происходит «гибридизация» этих ролей, так как фрилансеры часто совмещают несколько проектов одновременно, работают в различных временных зонах и адаптируют свою трудовую деятельность под обстоятельства личной жизни. Как показывают исследования последних лет, проведённые в России и за рубежом, значительная часть фрилансеров отмечает, что границы между работой и отдыхом становятся всё более условными [16; 19]. Это, в свою очередь, создаёт новые вызовы для ментального здоровья и социальной устойчивости, что связано с постоянным ощущением «доступности» для работы. Эта трансформация влияет и на социальную идентичность работников. Если в классических формах занятости профессиональная идентичность была тесно связана с занимаемой должностью и местом работы, то фрилансеры вынуждены конструировать собственную идентичность на основе множества краткосрочных проектов и гибких ролей. Это ведёт к формированию новой парадигмы труда, где ключевую роль играет не место работы, а способность индивидуумов к адаптации и самоорганизации. Исследования показывают, что среди российских фрилансеров становится всё более распространённым стремление к созданию собственного бренда как способа устойчивого присутствия на рынке [7; 13]. Тем самым, социальная идентичность фрилансера начинает зависеть не столько от конкретного работодателя или статуса, сколько от уровня его профессионального и социального капитала.

Этика труда также подвергается существенным изменениям. В традиционных формах занятости этика подразумевала такие ценности, как лояльность, ответственность перед работодателем и коллективная работа. Однако для фрилансеров этика труда смещается в сторону индивидуальной ответственности за собственную продуктивность, управления временем и соблюдения дедлайнов. В условиях платформенной экономики такие этические установки, как профессиональная автономия и индивидуальная ответственность, становят-

ся важнейшими компонентами успешной карьеры фрилансера. Фрилансеры воспринимают гибкость и возможность самостоятельно распоряжаться своим временем как ключевые ценности, однако эта свобода нередко сопровождается высокими требованиями к самодисциплине и постоянным напряжением, связанным с несоблюдением границ между трудом и отдыхом [9].

Цифровые платформы как новая форма посредничества также радикально изменяют социокультурные парадигмы взаимодействия между работниками и работодателями. Традиционные иерархические структуры, существующие в корпоративном мире, заменяются горизонтальными связями и алгоритмическим управлением, что приводит к формированию нового типа социального взаимодействия. Здесь важно отметить, что фрилансеры не просто работают «на себя», они функционируют в рамках сложных сетей платформ, где взаимодействие регулируется не столько традиционными социальными нормами, сколько алгоритмами, рейтингами и цифровыми оценками. Это приводит к своеобразной «аутсорсинговой этике» [6], когда социальные обязательства по отношению к работнику передаются не работодателю, а платформе, где ценность фрилансера определяется через его цифровую репутацию.

Таким образом, фриланс трансформирует не только трудовые отношения, но и фундаментальные парадигмы труда, создавая новую реальность, где ключевыми аспектами становятся не столько стабильность и лояльность компании сколько гибкость и способность адаптироваться к постоянно меняющимся условиям цифровой экономики. В отличие от традиционной занятости, где ответственность за работника в значительной степени лежала на работодателе, фриланс требует от индивида большей самостоятельности и управляемости своей карьерой. Это вызывает и новые социокультурные напряжения, поскольку такие категории, как «гарантированная занятость», «социальные гарантии» и «коллективные права» теряют свою актуальность, уступая место личной инициативе и риску [10]. Фрилансеры, действуя в условиях этих новых парадигм, сталкиваются с повышенными требованиями к психологической устойчивости, социальной мобильности и постоянному поддержанию конкурентоспособности. В этой новой реальности формируются новые этические нормы, где успех и профессиональное признание больше не зависят от институциональных заслуг, а измеряются личной продуктивностью и цифровым имиджем. В результате, фриланс не просто трансформирует рынок труда – он меняет социокультурные представления о том, что значит быть успешным и востребованным профессионалом в информационном обществе.

Таким образом, фриланс, будучи неотъемлемой частью информационного общества, формирует новую социокультурную диспозицию, которая требует пересмотра многих традиционных понятий, связанных с трудом, идентичностью и социальной ответственностью. Этот процесс только начинается, и дальнейшие исследования могут пролить свет на его долгосрочные последствия для социальной структуры и культурных норм общества. Развившийся на фоне глобальных социокультурных изменений в эпоху цифровизации, феномен фриланса представляет собой радикальный сдвиг в парадигме труда, затрагивающий как традиционные трудовые отношения, так и фундаментальные представления о труде, его значении и организации. Преобразование фриланса в одну из ключевых форм занятости свидетельствует о том, что информационное общество, описанное в трудах Кастельса и Тоффлера, достигло стадии, на которой гибкость, автономия и индивидуальная ответственность

стали неотъемлемыми характеристиками трудовой деятельности.

Фриланс ломает прежние иерархические и организационные структуры, делая труд более фрагментированным, но одновременно более независимым. В то же время он предъявляет к работнику требования, которые прежде не были столь актуальны: необходимость постоянного самоконтроля, гибкости и самоидентификации через трудовую деятельность. В рамках платформенной экономики такие черты, как цифровая репутация и социальный капитал, приобретают решающее значение для профессионального успеха. Важно отметить, что фриланс не лишён внутренних противоречий. С одной стороны, он предоставляет работнику свободу распоряжаться своим временем и ресурсами, с другой – создаёт новые формы зависимости, в первую очередь, от цифровых платформ [9; 20]. Это требует критического осмысления последствий такой трансформации, в том числе её влияния на ментальное здоровье, социальную устойчивость и институциональные структуры. В будущем исследования в этой области должны уделять больше внимания анализу взаимодействия фрилансеров с цифровыми платформами и их ролью в формировании новых трудовых и этических норм.

Фриланс как новая социокультурная диспозиция вызывает необходимость разработки новых подходов к пониманию социальной идентичности, трудовой этики и социальной мобильности. В контексте России фриланс продолжает эволюционировать как ответ на вызовы нестабильной экономической среды, и его роль в перестройке отечественного рынка труда заслуживает отдельного внимания. В частности, перспективными направлениями являются вопросы регуляции труда в цифровом пространстве, изучение психологических аспектов работы фрилансеров и анализ последствий изменений в социальной структуре общества. Будущее фриланса связано с необходимостью учитывать как его позитивные аспекты, так и потенциальные угрозы, что требует глубокого и многопланового осмысления.

Литература

1. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. –608 с. ISBN:1-5578-6616-3, 5–7598–0069–8
2. Курганская Валентина Дмитриевна, Дунаев Владимир Юрьевич ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК МОДЕЛИРУЮЩАЯ СИСТЕМА СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ // Социальные новации и социальные науки. 2021. № 1 (3).
3. Мамедова, Н.М. Идентичность в фокусе цифровых коммуникаций / Н.М. Мамедова // Человек в эпоху цифровизации: Сборник статей по итогам Международной научной конференции, Москва, 19 мая 2022 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Русайнс», 2022. – С. 11–16. – EDN AJ1BPH.
4. Переселкова Зинаида Юрьевна Фриланс как вид трудовой занятости на российском рынке труда: социологический анализ // Социология. 2024. № 7.
5. Петровская Н. Е. ЦИФРОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ КАК ДОМИНАНТНЫЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ ГЛОБАЛЬНОГО РЫНКА ТРУДА // Управление. 2021. № 2.
6. Раренко Андрей Алексеевич СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ БИЗНЕСА В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ И РОССИИ // РСМ. 2021. № 1 (110).

7. Родина Ольга Николаевна, Прудков Павел Наумович Личностные особенности фрилансеров, работающих удаленно // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2024. № 1.
8. Сафиуллин А.Р., Воржецова Н.В. ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА РЫНОК ТРУДА: ЭФФЕКТ ФРИЛАНСА // Экономика и экологический менеджмент. 2022. № 3.
9. Сироткин, А.В. Аксиологические аспекты свободы выбора фрилансеров / А.В. Сироткин // Вызовы современности и стратегии развития общества в условиях новой реальности: сборник материалов XX Международной научно-практической конференции, Москва, 10 октября 2023 года. – Москва: Алеф, 2023. – С. 300–305. – DOI 10.34755/IROK.2023.25.70.084. – EDN SMRSSX.
10. Сироткин, А.В. Социально-философский анализ феномена фриланса: правовые аспекты ведения деятельности / А.В. Сироткин // Социология. – 2024. – № 3. – С. 260–265. – EDN NHGVMV.
11. Сироткин, А.В. Фриланс в городе. Формирование нового габитуса / А.В. Сироткин // Лига исследователей МГПУ: сборник статей. В 3 т., Москва, 20–24 ноября 2023 года. – Москва: Издательство ПАРАДИГМА, 2023. – С. 372–376. – EDN XTOSWS
12. Сорокина М.А., Занин Д.С. ОБУЧЕНИЕ ТАЙМ-МЕНЕДЖМЕНТУ КАК СПОСОБ УЛУЧШИТЬ ПСИХИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ЖЕНЩИН-ФРИЛАНСЕРОВ // Мир науки. Педагогика и психология. 2022. № 3.
13. Стребков Денис Олегович, Шевчук Андрей Вячеславович Трудовые траектории самозанятых профессионалов (фрилансеров) // Мир России. Социология. Этнология. 2015. № 1.
14. Тагаров Бато Жаргалович ОСОБЕННОСТИ НОВЫХ ФОРМ РЕАЛИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ // Историко-экономические исследования. 2020. № 1.
15. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века. – М.: АСТ, 2003. – 669 с.
16. Фриланс 2023 в цифрах: анализ рынка, влияние ИИ и прогноз на следующий год // Кворк.Блог [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://blog.kwork.ru/rynok-frilansa/frilans-2023-v-cifrax-analiz-rynka-vliyanie-ii-i-prognoz-na-sleduyushhij-god> (дата обращения: 13.09.2024)
17. Черных Е.А., Локтюхина Н.В. АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ АСПЕКТЫ САМОЗАНЯТОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ // ЭВР. 2021. № 1 (67).
18. Шкугаль, Я.А. Жизнестойкость, эмоциональный интеллект и карьерные ориентации сотрудников в современных условиях бизнеса / Я.А. Шкугаль // Современные стратегии и цифровые трансформации устойчивого развития общества, образования и науки: сборник материалов V Международной научно-практической конференции, Москва, 24 января 2023 года. – Махачкала: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство АЛЕФ», 2023. – С. 135–139. – DOI 10.34755/IROK.2023.18.43.036. – EDN CLKOCK.
19. Davis, S.N., Shevchuk, A. & Strebkov, D. Pathways to Satisfaction with Work-Life Balance: The Case of Russian-Language Internet Freelancers. J Fam Econ Iss 35, 542–556 (2014).
20. Shevchuk, A., Strebkov, D. 2021. Freelance platform work in the Russian Federation: 2009–2019, ILO Working Paper 38 (Geneva, ILO).

FREELANCE WORK IN THE INFORMATION SOCIETY: SOCIOCULTURAL CHANGES

Sirotkin A.V.

Plekhanov Russian University of Economics

The article examines the phenomenon of freelancing as a new socio-cultural disposition in the context of the information society. Based on a philosophical and socio-cultural analysis, it considers the changes in labour relations brought about by the digitalisation of the economy and the proliferation of Internet platforms. The work is based on the theoretical concepts of Pierre Bourdieu, Manuel Castells and Alvin Toffler, as well as on empirical research conducted in recent years in Russia and abroad. The author analyses how the proliferation of digital platforms and globalisation are transforming labour relations, changing ideas about work, ethics and the social identity of workers. The focus is on the Russian context, where freelancing is seen as a response to the crisis of traditional industrial employment models and the growing need for mobility and autonomy. The unique strategies of freelancers to manage risk and uncertainty, as well as the development of their social and cultural capital, are considered. Research shows that freelancers face a blurring of the boundaries between work and private life, with implications for their mental health and social stability. The article also discusses the ethical aspects of freelancing, such as the emergence of 'outsourcing ethics' in a platform economy.

Keywords: freelance, information society, socio-cultural dispositions, digital platforms, work ethics, social identity, habitus.

References

1. Castels M. The Information Age: Economy, Society and Culture: Translated from English. under the scientific editorship of O.I. Shkaratan. – M.: Higher School of Economics, 2000. –608 p. ISBN:1-5578-6616-3, 5–7598–0069–8
2. Kurganskaya Valentina Dmitrievna, Dunaev Vladimir Yuryevich DIGITALIZATION AS A MODELING SYSTEM OF SOCIAL STRATIFICATION // Social innovations and social sciences. 2021. No.1 (3).
3. Mamedova, N.M. Identity in the focus of digital communications / N.M. Mamedova // Man in the era of digitalization: A collection of articles based on the results of an International scientific conference, Moscow, May 19, 2022. – Moscow: Rusains Limited Liability Company, 2022. – pp. 11–16. – EDN AJIBPH.
4. Perestrokova Zinaida Yuryevna Freelancing as a type of employment in the Russian labor market: a sociological analysis // Sociology. 2024. No.7.
5. Petrovskaya N. E. DIGITAL PLATFORMS AS A DOMINANT VECTOR OF DEVELOPMENT OF THE GLOBAL LABOR MARKET // Management. 2021. No.2.
6. Andrey A. Rarenko, SOCIAL RESPONSIBILITY OF BUSINESS IN FOREIGN COUNTRIES AND RUSSIA // RSM. 2021. No.1 (110).
7. Rodina Olga Nikolaevna, Prudkov Pavel Naumovich Personal characteristics of freelancers working remotely // Bulletin of the Moscow University. Episode 14. Psychology. 2024. No.1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnostnye-osobennosti-frilanserov-rabotayuschih-udalенno> (date of reference: 09/10/2024).
8. Safiullin A.R., Vorzhetsova N.V. THE IMPACT OF DIGITALIZATION ON THE LABOR MARKET: THE EFFECT OF FREELANCING // Economics and Environmental Management. 2022. No.3.
9. Sirotkin, A.V. Axiological aspects of the freedom of choice of freelancers / A.V. Sirotkin // Challenges of modernity and strategies for the development of society in a new reality: a collection of materials of the XX International Scientific and practical Conference, Moscow, October 10, 2023. – Moscow: Alef, 2023. – pp. 300–305. – DOI 10.34755/IROK.2023.25.70.084. – EDN SMRSSX.
10. Sirotkin, A.V. Socio-philosophical analysis of the phenomenon of freelancing: legal aspects of doing business / A.V. Sirotkin // Sociology. – 2024. – No. 3. – pp. 260–265. – EDN NHGVMV.
11. Sirotkin, A.V. Freelance in the city. Formation of a new habitus / A.V. Sirotkin // League of Researchers of the Moscow State Pedagogical University: collection of articles. At 3 t., Moscow,

- November 20–24, 2023. – Moscow: Publishing house PARADIGM, 2023. – pp. 372–376. – EDN XTOSWS
12. Sorokina M.A., Zanin D.S. TIME MANAGEMENT TRAINING AS A WAY TO IMPROVE THE MENTAL STATE OF FEMALE FREELANCERS // Mir nauki. Pedagogy and psychology. 2022. No.3.
 13. Strebkov Denis Olegovich, Shevchuk Andrey Vyacheslavovich Labor trajectories of self-employed professionals (freelancers) // Mir Rossii. Sociology. Ethnology. 2015. No.1.
 14. Tagarov Bato Jargalovich FEATURES OF NEW FORMS OF REALIZATION OF HUMAN CAPITAL IN THE DIGITAL ECONOMY // Historical and economic research. 2020. No.1.
 15. Toffler E. Metamorphoses of power. Knowledge, wealth and power on the threshold of the XXI century. – M.: AST, 2003. – 669 p.
 16. Freelance 2023 in numbers: market analysis, AI impact and forecast for the next year // Quark.Blog [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://blog.kwork.ru/rynok-frilansa/frilans-2023-v-cifrax-analiz-rynka-vliyanie-ii-i-prognoz-nasleduyushhij-god> (reference date: 13.09.2024)
 17. Chernykh E.A., Loktyukhina N.V. ACTUAL SOCIAL AND LABOR ASPECTS OF SELF-EMPLOYMENT IN MODERN RUSSIA // EVR. 2021. No.1 (67).
 18. Shkugal, Ya.A. Resilience, emotional intelligence and career orientations of employees in modern business conditions / Ya.A. Shkugal // Modern strategies and digital transformations of sustainable development of society, education and science: a collection of materials of the V International Scientific and Practical Conference, Moscow, January 24, 2023. – Makhachkala: Limited Liability Company "ALEF Publishing House", 2023. – pp. 135–139. – DOI 10.34755/IROK.2023.18.43.036. – EDN CLKOCK.
 19. Davis, S.N., Shevchuk, A. & Strebkov, D. Pathways to Satisfaction with Work-Life Balance: The Case of Russian-Language Internet Freelancers. J Fam Econ Iss 35, 542–556 (2014).
 20. Shevchuk, A., Strebkov, D. 2021. Freelance platform work in the Russian Federation: 2009–2019, ILO Working Paper 38 (Geneva, ILO).

Эволюция русской и советской философской мысли с конца XIX века до постсоветского периода: аспекты влияния на общество

Тихвинский Павел Николаевич,

старший преподаватель, Мытищинский филиал МГТУ им. Н.Э. Баумана
E-mail: tihvinskiy@bmstu.ru

Шишов Виталий Евгеньевич,

старший преподаватель, Мытищинский филиал МГТУ им. Н.Э. Баумана
E-mail: veshishov@bmstu.ru

Тихомиров Евгений Александрович,

кандидат экономических наук, доцент, Мытищинский филиал МГТУ им. Н.Э. Баумана
E-mail: tihomirov@bmstu.ru

В статье даётся описание эволюция русской и советской философской мысли с конца XIX века до постсоветского периода, с упором на ее развитие и влияние на общество. Рассматриваются основные философские движения, ключевые мыслители и их вклад на разных исторических этапах, включая дореволюционную мысль, подъем марксистско-ленинской идеологии, подавление и возрождение интеллектуальной свободы и постсоветский плюрализм. Анализ подчеркивает, как философские идеи формировали политические, культурные и социальные преобразования в России и Советском Союзе, а также отражали мировые философские тенденции. Исследование демонстрирует устойчивое влияние русской и советской философии как на национальную идентичность, так и на более широкие интеллектуальные традиции, способствуя пониманию сложного взаимодействия между идеологией, культурой и социальным развитием.

Ключевые слова: русская философия, советская философия, марксизм-ленинизм, интеллектуальная история, постсоветская философия, российское общество, философское влияние, политическая мысль, культурное развитие.

Философская мысль играет ключевую роль в формировании общественного сознания, определении политических и культурных ориентиров, а также в осмыслении исторических процессов. Российская и советская философия периода с конца XIX века до постсоветского времени представляет собой уникальное явление, тесно связанное с социальными и политическими трансформациями в стране. В этот период происходили значительные сдвиги в мировоззренческих установках, начиная от религиозно-философских поисков конца XIX века до марксистско-ленинской идеологии в советское время и возвращения к плюрализму идей после распада СССР.

Актуальность темы исследования заключается в необходимости осмысления того, как философские идеи формировали общественное сознание, каким образом они влияли на социальные и культурные процессы, а также как российская философия взаимодействовала с мировыми философскими традициями. Российская и советская философская мысль играла важную роль в формировании национальной идентичности, а также в интерпретации глобальных вызовов, таких как социальная справедливость, мораль и роль государства. Философия этого периода была не только отражением интеллектуальных процессов, но и активным участником политических и идеологических преобразований.

Особенностью российской и советской философии является её сложное взаимодействие с западной философской традицией. С одной стороны, российские мыслители активно воспринимали идеи западных философов, с другой – выработывали оригинальные концепции, зачастую в противовес западной традиции, в поисках собственных национальных путей развития.

Методология исследования

Для анализа развития российской и советской философии в указанный период в статье будет использован историко-философский анализ, который позволяет проследить изменения философских идей в контексте общественно-политической истории. Историко-философский подход дает возможность рассмотреть философию не как абстрактное учение, а как живую часть общественного дискурса, оказывающую влияние на массовое сознание и социальные институты.

Также применяется культурологический и социологический подходы, которые позволяют исследовать философию как элемент культурного наследия и социального поведения. Этот метод фокусируется на том, как философские идеи находили отражение в литературе, искусстве, образовании, а также как они влияли на социальную структуру и политические процессы.

Для более глубокого понимания особенностей российской и советской философии будет проведен компаративный анализ, который позволит сопоставить её с западной философской традицией, выявить общие черты и различия, а также исследовать уникальные аспекты философского развития в России и СССР в контексте мировых интеллектуальных процессов.

Российская философская мысль конца XIX – начала XX века

В конце XIX – начале XX века российская философская мысль развивалась в условиях значительных социальных и политических изменений, которые оказали сильное влияние на философские направления того времени. Социально-экономические трансформации, а также политические и интеллектуальные дискуссии формировали основу для появления новых философских течений и школ, многие из которых имели глубокое воздействие на общественные процессы.

Философия конца XIX – начала XX века в России неразрывно связана с социальными и историческими предпосылками этого периода. Ключевыми факторами, оказавшими влияние на развитие философской мысли, были социально-экономические преобразования, политические споры и рост общественной напряжённости. Также период характеризуется значительным разнообразием направлений. Среди них выделяются религиозная философия, социальная философия и метафизические учения, каждое из которых имело свои особенности и выдающихся представителей. Философские идеи находили отклик в умах как революционеров, так и представителей духовной элиты, что приводило к активному вовлечению философов в дискуссии по вопросам будущего страны.

Конец XIX – начало XX века стал для России временем масштабных политических, социальных и культурных перемен, в которых важную роль играла философия. Российская философская мысль того времени не только отражала интеллектуальные и духовные поиски общества, но и активно влияла на общественные и революционные процессы, а также на формирование культурной и политической элиты. Рассмотрим основные аспекты влияния философии на общественные процессы этого периода.

Один из важнейших аспектов влияния российской философии конца XIX – начала XX века заключался в её связи с революционными движениями. В условиях кризиса самодержавия, углубляющегося социального неравенства и роста недовольства среди различных слоев общества, философы активно участвовали в осмыслении возможностей социальных преобразований. Многие из них разделяли и развивали идеи социализма, что оказывало прямое влияние на политические и революционные процессы [5].

Социальные философы, такие как Александр Герцен, Николай Чернышевский и Петр Лавров, выступали за радикальные изменения в общественном устройстве. Их идеи социальной справедливости, равенства и устранения эксплуатации трудящихся стали интеллектуальной основой для революционных движений. Эти философы развивали концепции классовой борьбы и активно поддерживали рабочее движение, тем самым способствуя популяризации революционных идей среди интеллигенции и простого народа.

Помимо социалистических и революционных идей, значительное влияние на общественные процессы оказала религиозная философия. В конце XIX века в России возрождается интерес к метафизическим и духовным вопросам, что находит выражение в трудах таких мыслителей, как Владимир Соловьёв, Николай Бердяев, Лев Шестов и Сергей Булгаков. Эти философы размышляли о роли религии в общественной жизни, смысле человеческого существования, свободе воли и нравственности.

Религиозная философия того времени имела глубокое влияние на духовную и интеллектуальную элиту России. Работы Соловьёва о «всеединстве» и синтезе

философии, религии и науки вдохновили многих его последователей на поиск нового, духовно ориентированного пути для России. Он рассматривал философию как инструмент для гармонизации отношений между религиозной традицией и наукой, что помогало формированию особой российской религиозной идентичности.

Бердяев, один из ключевых религиозных философов этого времени, акцентировал внимание на вопросах свободы личности и её моральной ответственности перед Богом. Он утверждал, что истинная свобода возможна только в религиозной перспективе, что стало важной темой для русской интеллектуальной элиты, особенно после революции. Эти идеи повлияли на значительную часть культурной и интеллектуальной среды, в том числе на писателей и художников, таких как Лев Толстой и Фёдор Достоевский.

Философские идеи о нравственном возрождении России, выраженные в трудах религиозных мыслителей, оказали влияние на формирование общественных и духовных идеалов. Религиозная философия способствовала осмыслению исторического предназначения России, её уникальной духовной миссии в мире. Эти идеи нашли поддержку среди представителей культурной элиты, которые искали ответы на вопросы о смысле истории, кризисе духовности и будущем нации.

Религиозные философы также оказали влияние на философские и богословские круги, активно дискутировавшие о месте церкви в современном обществе, о проблемах морали и спасения души. Несмотря на гонения и преследования, многие религиозные мыслители продолжали развивать свои идеи в эмиграции после 1917 года, влияя на зарубежную русскую диаспору и мировое философское сообщество.

Советская философия: от революции до конца XX века

Советская философия, развивавшаяся в период с Октябрьской революции 1917 года до распада Советского Союза в 1991 году, была неразрывно связана с марксистско-ленинской идеологией и играла важную роль в формировании государственного мировоззрения. Философия в СССР служила инструментом для поддержки государственной идеологии, контроля над общественным сознанием и развития научных и культурных институтов. Этот период был отмечен как репрессиями в отношении философов, отклоняющихся от марксистско-ленинской линии, так и развитием научных и философских школ в рамках утверждённой идеологии.

Марксизм был основой советской философии и важнейшим элементом государственной идеологии. Основные идеи диалектического и исторического материализма оказали огромное влияние на формирование философских дискуссий в СССР.

В Советском Союзе философия стала частью государственной пропаганды, и философские идеи использовались для поддержки официальной идеологии. Контроль над философской мыслью был жёстким, что привело к репрессиям против тех, кто отклонялся от догматических положений.

Несмотря на жёсткий идеологический контроль, в СССР развивались различные философские школы и направления в рамках марксистской традиции. Важнейшие фигуры в советской философии внесли существенный вклад в её развитие [6,8].

Философия играла важную роль в формировании общественного сознания, воспитании нового человека и создании культурной политики. В СССР философия пронизывала все сферы жизни, от образования до пропаганды.

Разрыв в интеллектуальной свободе сохранялся до перестройки и реформ гласности конца 1980-х годов, которые начали ослаблять государственный контроль над философской и интеллектуальной жизнью.

Советская философия играла ключевую роль в поддержке государственной идеологии, формировании общественного сознания и научного мышления. Несмотря на жёсткий контроль и ограничения, философские школы в СССР сумели развить теоретические направления, которые оказали влияние на общество и культуру в советский период.

Постсоветская философия: новая эра плюрализма (1991 – настоящее время)

После распада Советского Союза российская философская мысль претерпела значительные изменения. Исчезновение идеологического контроля со стороны государства дало философам свободу для творчества и научных исследований, что привело к либерализации и возвращению к философскому плюрализму. Этот период характеризуется как переосмыслением советского наследия, так и активной интеграцией России в мировое философское сообщество. В этой главе будут рассмотрены основные

трансформации философской мысли после 1991 года и её влияние на общество.

Распад Советского Союза разрушил жесткую философскую структуру, которая доминировала в русской интеллектуальной жизни на протяжении десятилетий. При советском режиме марксизм-ленинизм функционировал как государственная доктрина и философская система, диктуя границы мысли и интеллектуального дискурса. С крахом этой системы русские мыслители получили свободу исследовать другие философские традиции, которые были подавлены или маргинализированы в советский период. Это привело к возрождению философского плюрализма, причем досоветская русская философия, западный либерализм, экзистенциализм и религиозная мысль набирали обороты в новом интеллектуальном ландшафте.

Постсоветская философская мысль характеризуется свободой от идеологических ограничений, что позволило философам обратиться к новым и ранее запрещённым темам, а также продолжить исследования, начатые в советское время. Некоторые философы, чьи идеи были сформированы ещё в советскую эпоху, обрели признание в постсоветское время, оказав влияние на философское сообщество и интеллектуальные круги (таб. 1).

Таблица 1. Ключевые мыслители и тенденции постсоветской философии [1,2,10]

Мыслитель, Тенденция	Описание	Основные идеи и философские вклады	Влияние на философию и общество, примеры
Михаил Мамардашвили	Один из ведущих философов экзистенциализма и феноменологии в постсоветской России.	Мамардашвили уделял внимание вопросам человеческого существования, сознания, свободы и ответственности личности.	Его работы помогли осмыслить проблемы свободы в условиях постсоветского общества, критика советской идеологии.
Владимир Библер	Разработал концепцию «диалогической логики», основанную на диалоге культур и различных мировоззрений.	Библер утверждал, что культура и мысль развиваются через диалог различных философских традиций и культур.	Его идеи повлияли на развитие педагогики и культурологии, открывая новые подходы к образованию и философии.
Александр Панарин	Российский философ, исследовавший цивилизационные кризисы и роль России в мировом контексте.	Панарин критиковал западный глобализм и предлагал идеи возрождения российской цивилизационной уникальности.	Его работы нашли отклик среди сторонников российской национальной идентичности и критиков глобализации.
Михаил Эпштейн	Философ и теоретик культуры, исследовавший постмодернизм и философию языка в постсоветской России.	Эпштейн исследовал крах советской идеологии и рост культурного и интеллектуального плюрализма.	Его концепция «постатеизма» и фокус на пересечении философии, культуры и языка.
Александр Дугин	Философ, известный своей пропагандой русского национализма и неоевразийства.	Дугин подчеркивал роль России как особой евразийской цивилизации, противостоящей западному либерализму.	«Четвертая политическая теория» Дугина, критикующая либерализм, марксизм и фашизм.
Влияние западных традиций	Постмодернизм, экзистенциализм и неолиберализм приобрели влияние на постсоветской интеллектуальной сцене.	Русские философы сотрудничали с западными мыслителями, такими как Фуко, Деррида, Сартр и Хайек.	Принятие постмодернистской критики великих нарративов и неолиберальных идей в политической мысли.

Постсоветский период ознаменовал новую эру философского плюрализма в России, поскольку крах советской идеологии открыл дверь разнообразию интеллектуальных традиций. От возрождения религиозной и до-советской мысли до интеграции западного постмодернизма и неолиберализма философский ландшафт стал более разнообразным и сложным. Ключевые фигуры, такие как Михаил Мамардашвили, Владимир Библер, Александр Панарин, Михаил Эпштейн и Александр Дугин, демонстрировали различные пути, по которым могла пойти русская философия в поисках идентичности, демократии и национального возрождения. Влияние

этих философских разработок на российское общество, от усилий по демократизации до возрождения национализма, продолжает формировать интеллектуальную и политическую жизнь страны [3,4,7,9].

Сравнительный анализ: преемственность и разрывы в русской и советской философии

Русская философская мысль с конца XIX века в советский период и в постсоветскую эпоху демонстрирует как преемственность, так и разрывы в своем развитии. Эти сдвиги отражают изменения в политических, социальных

и интеллектуальных контекстах, которые сформировали философскую траекторию страны. Анализ этой эволюции дает представление о том, как русская и советская философия перемещались между моментами интеллектуального расцвета и периодами государственного контроля, и как эти сдвиги влияли на российскую идентичность, управление и общественный порядок.

Одной из поразительных преемственностей в русской философии является ее постоянное внимание к природе общества, личности и роли государства в определении того и другого. Эта тема очевидна во все периоды, от дореволюционных мыслителей конца XIX века до советских интеллектуалов и постсоветских философов. Дореволюционная русская мысль, особенно религиозная философия и славянофильство, подчеркивали уникальную духовную и культурную миссию России. Такие мыслители, как Владимир Соловьев и Федор Достоевский, исследовали отношения между божественным, моралью и обществом, часто противопоставляя русскую идентичность западному рационализму и материализму.

Этот акцент на «особом пути» или «миссии» России оставался центральной философской темой в советской мысли, хотя и переосмысленной в рамках марксистско-ленинской парадигмы. В то время как советское государство отвергало религиозные толкования, идеологический акцент на пролетариате как авангарде глобальной социалистической революции поддерживал представление о России как об акторе всемирной истории с уникальной судьбой. Советская философия продолжала исследовать вопросы общественной организации, роли личности в коллективном обществе и природы исторического прогресса, но эти исследования были ограничены ограничениями марксистско-ленинской ортодоксии.

В постсоветский период, после распада Советского Союза, многие из этих философских вопросов были пересмотрены. Возрождение интереса к дореволюционной мысли, особенно религиозной и экзистенциальной философии, подчеркнуло преемственность в исследовании русской идентичности и морали. Такие мыслители, как Александр Дугин с его неоевразийством, и возрождение интереса к Соловьеву и Бердяеву отражают эту преемственность. Однако эти идеи теперь действовали в плюралистических рамках, в отличие от единообразного идеологического контроля советской эпохи.

Еще одна важная тема, которая сохранялась в эти периоды, — это вопрос власти, управления и роли государства в структурировании общества. Дореволюционная философия, особенно через призму славянофильства, часто идеализировала Русскую православную церковь и самодержавное государство как защитников духовной целостности России. Советская философия, напротив, сместила этот фокус на централизованный контроль Коммунистической партии, где государство рассматривалось как средство достижения исторического материализма и продвижения к коммунизму. Эта преемственность философских исследований, ориентированных на государство, сохранилась и в постсоветскую эпоху, когда дебаты об управлении, демократии и роли государства в национальной идентичности оставались центральными.

Хотя в русской и советской философии есть четкая преемственность, разрывы в интеллектуальной свободе и государственном контроле, возможно, более поразительны. Дореволюционная русская философия, хотя и часто переплетавшаяся с церковью и государством, все же сохраняла относительную степень интеллектуальной свободы, допуская разнообразие мыслей, от западников, выступающих за либеральные реформы,

до славянофилов, подчеркивающих культурную самобытность России.

Однако советский период представлял собой резкий разрыв с этим интеллектуальным плюрализмом. После революции 1917 года государство навязало марксистско-ленинизм как доминирующую и исключительную философскую структуру. Интеллектуальная свобода была значительно ограничена, а инакомыслящие идеи либо подавлялись, либо кооптировались в официальную идеологию. В этот период произошла чистка философов и ученых, которые отклонялись от марксистско-ленинской линии, а философские исследования были перенаправлены на поддержку целей Коммунистической партии. Философские дебаты в основном ограничивались диалектическим и историческим материализмом, с ограниченным пространством для альтернативных школ мысли.

Несмотря на эту новообетенную свободу, постсоветский период также видел попытки государства вернуть себе определенную степень интеллектуального и культурного контроля. Националистические и неоевразийские философии, такие как те, которые отстаивал Александр Дугин, приобрели известность как часть более широких усилий по восстановлению русской культурной и геополитической автономии. Это отражает напряжение между интеллектуальным плюрализмом и стремлением к идеологической согласованности, тема, которая характеризовала большую часть философской истории России.

Выводы

На протяжении всей российской и советской истории философская мысль играла ключевую роль в формировании российской идентичности, управления и общественного порядка. В дореволюционный период философские идеи способствовали формированию самовосприятия России как особой культурной и духовной сущности, отличной от рационализма и материализма Запада. Славянофилы и религиозные философы представляли Россию как страну с уникальной духовной миссией, что повлияло на национальный дискурс об управлении и легитимности самодержавного правления.

В советский период марксистско-ленинская философия стала основополагающей идеологией управления и общественной организации. Советская философия формировала все: от образования до принятия политических решений, при этом государство использовало философские идеи для легитимации своей власти и содействия социальной сплоченности. Центральное положение рабочего класса, коллективизм и исторический материализм стали основными принципами советской идентичности, структурируя общественный порядок вокруг идеи движения к коммунизму.

В постсоветский период философская мысль продолжает формировать российское общество, хотя и новыми и разнообразными способами. Распад Советского Союза побудил переосмыслить российскую идентичность, управление и место России в мире. Постсоветские мыслители сыграли решающую роль в управлении этим переходом, предлагая конкурирующие видения будущего России. Возвращение к религиозной философии помогло оживить дебаты о моральной и духовной идентичности России, в то время как либеральные и западные философы настаивали на большей демократизации и индивидуальных свободах. В то же время националистические и консервативные мыслители выступали за возвращение к традиционным российским ценностям и сильному централизованному государству.

Влияние постсоветской философии можно увидеть в развивающейся структуре управления России, ее подходе к культурному возрождению и ее ответе на глобализацию. Поскольку Россия стремится примирить свое прошлое с настоящим, философская мысль остается важным инструментом для формирования социальной и политической траектории страны.

Развитие русской и советской философской мысли с конца XIX века до постсоветского периода показывает как преемственность, так и разрывы в интеллектуальной свободе и государственном контроле. Центральные темы, такие как русская идентичность, роль государства и общественная организация, сохранялись в разные исторические периоды, хотя и были заключены в меняющиеся идеологические контексты.

Литература

1. Dugin A. *The Fourth Political Theory*. – London: Arktos Media, 2012. – 252 p.
2. Heidegger M. *Being and Time*. – Albany: State University of New York Press, 1996. – 489 p.
3. Soboleva M.E. *Russische Philosophie im Kontexte der Interkulturalitaet*. Traugott Bautz Verlag, 2007.
4. Артемьева Т.В. От славного прошлого к светлому будущему: философия истории и утопия в России эпохи Просвещения. – СПб.: Алетейя, 2005. – 495 с.
5. Деборин А.М. Вопросы диалектики в марксизме. – М.: Политиздат, 1955. – 354 с.
6. Коковин И.С. Российское Просвещение как источник формирования национальной философии // Идеи и идеалы. – 2021. – Т. 13, № 2, ч. 1. – С. 213–236
7. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. – М.: Прогресс, 1990. – 456 с.
8. Маслин Михаил Александрович История русской философии как научная дисциплина во второй половине XX – начале XXI вв // Вестник РХГА. 2013. № 2, с. 104–112
9. Сухов А.Д. Э Русская философия: особенности, традиции, исторические судьбы. – М.: ИФ РАН, 1995.
10. Панюков Александр Иванович Методологические ориентиры историографии русской философии (40–90-е годы XX века) // Общество: философия, история, культура. 2023. № 7 (111). С. 43–49

THE EVOLUTION OF RUSSIAN AND SOVIET PHILOSOPHICAL THOUGHT FROM THE END OF THE 19TH CENTURY TO THE POST-SOVIET PERIOD: ASPECTS OF INFLUENCE ON SOCIETY

Tikhvinskiy P.N., Shishov V.E., Tikhomirov E.A.
Mytishchi Branch of Bauman Moscow State Technical University

This article examines the evolution of Russian and Soviet philosophical thought from the late 19th century to the post-Soviet period, focusing on its development and impact on society. It explores the major philosophical movements, key thinkers, and their contributions during different historical phases, including pre-revolutionary thought, the rise of Marxist-Leninist ideology, the suppression and revival of intellectual freedom, and post-Soviet pluralism. The analysis highlights how philosophical ideas shaped political, cultural, and social transformations in Russia and the Soviet Union, while also reflecting global philosophical trends. The research demonstrates the enduring influence of Russian and Soviet philosophy on both national identity and broader intellectual traditions, contributing to the understanding of the complex interplay between ideology, culture, and social development.

Keywords: Russian philosophy, Soviet philosophy, Marxism-Leninism, intellectual history, post-Soviet philosophy, Russian society, philosophical influence, political thought, cultural development.

References

1. Dugin A. *The Fourth Political Theory*. – London: Arktos Media, 2012. – 252 p.
2. Heidegger M. *Being and Time*. – Albany: State University of New York Press, 1996. – 489 p.
3. Soboleva M.E. *Russian Philosophy in the Context of Interculturality*. Traugott Bautz Verlag, 2007.
4. Artemyeva T.V. *From the Glorious Past to the Bright Future: Philosophy of History and Utopia in Russia during the Enlightenment*. – St. Petersburg: Aleteya, 2005. – 495 p.
5. Deborin A.M. *Issues of Dialectics in Marxism*. – Moscow: Politizdat, 1955. – 354 p.
6. Kokovina I.S. *Russian Enlightenment as a source of national philosophy // Ideas and ideals*. – 2021. – Vol. 13, No. 2, part 1. – P. 213–236
7. Mamardashvili MK *How I understand philosophy*. – M.: Progress, 1990. – 456 p.
8. Maslin Mikhail Aleksandrovich *History of Russian philosophy as a scientific discipline in the second half of the 20th – early 21st centuries // Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2013. No. 2, pp. 104–112
9. Sukhov AD *Russian philosophy: features, traditions, historical destinies*. – M.: IF RAS, 1995.
10. Panyukov Alexander Ivanovich *Methodological guidelines for the historiography of Russian philosophy (40–90s of the 20th century) // Society: philosophy, history, culture*. 2023. No. 7 (111). P. 43–49

Теоретические основы религиоведения как университетской дисциплины

Аторин Роман Юрьевич,

к.ф.н., доцент кафедры философии Государственного университета управления
E-mail: romanos-85@yandex.ru

Колчин Андрей Александрович,

к.п.н., доцент, доцент кафедры социологии, психологии управления и истории Государственного университета управления
E-mail: andrei_kolchin@mail.ru

Многокультурный и поликонфессиональный характер российской нации делают актуальным вопрос о введении дисциплины «Религиоведение» для изучения в высших учебных заведениях. И это не лишено обоснования, т.к. религиозно-культурные процессы, происходящие в нашем обществе, а оно по определению, является традиционным [2, с. 71–75], в немалой степени определяют ментальность самого общества, его картину мира, образ мышления и поступки.

Ключевые слова: религиоведение, университетское образование, межкультурная и междисциплинарная связь.

Религиоведение, по определению, – наука, «предметом которой являются изучение закономерностей становления, развития и функционирования религии, механизма её социальных связей с политической, экономической, правовой и духовно-культурной системами общества» [3, с. 330].

Внедрение такой науки, как «Религиоведение» должно сопровождаться не только уточнением целого ряда аспектов, относительно предметности учебного курса, но и существованием особенностей преподавания, методологии, учитывая специфику дисциплины, психологические, ментальные и другие особенности. И здесь возникает вопрос определения степени «светскости» преподавания Религиоведения в высшей школе. По нашему мнению, характер дисциплины должен оставаться конфессионально нейтральным, с упором на научно-философскую методологию, что позволит изучать религиозность как явление, конфессиональную теологию и историю религий с позиций академической беспристрастности, избежать религиозного (конфессионального) субъективизма, клерикализма, и оскорбления религиозного чувства студентов – носителей религиозных убеждений, отличных от взглядов того же преподавателя, ведущего курс. Это вполне достижимо, если чтение дисциплины «Религиоведение» будет осуществляться специалистами в области философии, культурологи, истории, социологии и других гуманитарных наук. При этом для расширения гуманитарного кругозора студентов, будет полезно приглашение представителей традиционных конфессий, деятельность которых осуществляется на территории РФ и не запрещена законодательством, на открытые семинары, конференции, круглые столы, проводимые по проблемам науки «Религиоведение».

В качестве намечаемой цели преподавания дисциплины можно определить ознакомление студентов с общетеоретическими представлениями, сложившимися в области современного религиоведения, а также с конкретной практикой существования различных религиозных традиций, существующих на территории Российской Федерации, и то, как религиозность оказывает влияние на современные социальные процессы.

Для этого необходимо обозначить следующие задачи:

- дать студентам общие представления о феномене «религия»;
- показать на конкретном историческом материале особенности возникновения и развития основных религиозных традиций РФ;
- в целях недопущения радикализма и экстремизма, религиозной нетерпимости и покушения на традиционные ценности, обеспечение духовной и психологической безопасности нации выявить сущность и негативную роль деструктивных религиозных течений;
- рассмотреть значение религиозного фактора в современной культурной и общественно-политической жизни;
- научить студентов практическим навыкам осмысления религиозных проблем как в социальной и профессиональной деятельности, так и в индивидуальной жизни.

История возникновения религиоведения как науки уходит корнями в XIX век. К этому времени в Европе уже произошли крупные политические и социальные изменения, которые сопровождались секуляризацией общества и утратой религиозной приверженности. Стало ясно, что религия остается важным аспектом культуры, и возникла необходимость в изучении и понимании религиозных явлений как социокультурных явлений.

Первоначально изучение религии осуществлялось в рамках теологии и философии. Однако в XIX веке ученые все больше стали обращать внимание на объективное исследование религиозных явлений и феноменов. Происходило отделение академического изучения религий от его теологической интерпретации и проповеднической функции. Примечательно, что авторы полемизируют с господствовавшей до этого на протяжении длительного времени в отечественной науке позиции: «К. Маркс и Ф. Энгельс считали, что религия не имеет своей истории. «... Мораль, религия, метафизика и прочие виды идеологии и соответствующие им формы сознания утрачивают видимость самостоятельности, – читаем мы в «Немецкой идеологии». – У них нет истории, у них нет развития». Эту мысль, конечно, нельзя понимать в упрощенном виде, так, как будто вообще нет истории религии и её не нужно изучать. К. Маркс говорит, что у религии нет самостоятельной истории, что история религии есть лишь искажённое отражение истории человеческого общества» [4, с. 27–28]. Но о религии и её истории в условиях глобализации возобладал принципиально иной подход: «Для историка религий знаменательно всякое проявление священного: каждый ритуал, каждый миф, каждое верование и каждый образ божества отражают опыт священного и потому несут в себе понятия бытия, смысла, истины... Коротко говоря, «священное» входит в саму структуру сознания, а не представляет некую стадию его истории. На самых архаичных уровнях культуры жить, как подобает человеку, – само по себе есть религиозное действие, потому что принятие пищи, половые отношения и труд имеют сакраментальную ценность. Другими словами, быть – а ещё вернее, стать – человеком означает быть «религиозным» [5].

Один из важных моментов в развитии религиоведения был связан с эволюционными теориями, такими как теория Чарльза Дарвина о происхождении видов и социологическая теория Эмиля Дюркгейма о функциональной роли религии в обществе. Влияние этих теорий способствовало возникновению и развитию антропологии религии – научной дисциплины, изучающей религий в контексте человеческих культур и обществ.

В начале XX века религиоведение начало становиться самостоятельной дисциплиной в университетах и академических кругах. Великобритания и Германия стали центрами развития религиоведения, где формировались различные школы и направления, такие как сравнительное религиоведение, историческое религиоведение и феноменология религии. Эти направления различались в подходах к изучению религии, но все они стремились к научной основе и объективности исследований.

С расширением и глобализацией области исследования религий, религиоведение стало более междисциплинарной дисциплиной, включающей в себя элементы антропологии, социологии, истории, философии и других наук.

Сегодня религиоведение активно развивается и включает в себя множество направлений и подходов к изучению религиозных феноменов и явлений. Также важна роль сравнительного религиоведения, которое позволяет изучать различные религии и их взаимодействие в исторической и современной перспективе.

Словосочетание «история религии» может быть использовано для обозначения дисциплины и исследования, изучающих прошлое религиозных верований и развитие религиозных традиций. Оно также может относиться к историческому развитию и к связям между религией и культурой, обществом и их взаимодействием на протяжении времени.

Историческая типологизация религий основана на классификации религиозных верований и практик в соответствии с их временным и культурным контекстом. Существует несколько подходов к типологизации религий, и каждый из них предлагает собственные категории и критерии. Первым историческим типом религии была родоплеменная религия. К основным её формам относятся анимизм, аниматизм, тотемизм, фетишизм, культы вождей и племенных богов. Подобного рода религию называют также примитивной, естественной, природной. Это самая ранняя в историческом отношении разновидность религии.

Вторым типом в истории религии стали этнические и национальные религии. К этой группе религий относятся: индуизм, брахманизм, сикхизм – религии индийского этноса. А также – парсизм, религия иранского этноса. Иудаизм – религия еврейского этноса. Даосизм и конфуцианство – религии китайского этноса. Синтоизм – религия японского этноса.

Третий тип – это мировые религии: буддизм, христианство и ислам.

Таковы три исторических типа религий. Проблема классификации религий стала предметом научного анализа примерно с середины XIX в., хотя уже в конце XVI–II в. появилось основательное исследование американского этнографа и лингвиста У. Джонса сравнительной мифологии древних религий. В XIX в. немецкий филолог, автор сравнительной грамматики индоевропейских языков Ф. Бопп; французский ученый, автор работ по индийской и древнеиранской мифологии Э. Бюрнуф; немецкий ученый, изучавший соотношение греческой религии с восточными культурами Г. Крейцер, – продолжили исследование проблемы исторических типов религий. Более других в этом преуспел немецкий историк религии Фридрих Макс Мюллер, среди его основные произведения затронутой проблемы, – «Сравнительная мифология» (1856) и «Введение в науку о религии» (1873).

Во «Введении в науку о религии» Мюллер писал о том, что есть, как он выразился, «толпы религий, которые не имеют книг», и очень «узкий круг аристократических религий, опирающихся на Священное Писание, в истории мира» [1, с. 51–52]. Из народов, имеющих священные книги, Мюллер выделил два класса, две группы религий. Первая группа – арийская религия. Вторая – семитская религия. В каждой из этих двух групп только по два представителя народов могут утверждать, что они обладают священными книгами. В арийской группе – это индусы и персы. В семитской группе – это евреи и арабы.

В арийском семействе народов – индусы, а в семитском семействе народов – евреи создали по две религии, основанные на священных книгах. Индусы дали миру брахманизм и буддизм. Евреи – иудаизм и христианство. Кроме того, в каждом семействе народов существует еще третья религия, основанная на Священном Писании, которая, как писал Мюллер, «может громко заявлять о своем независимом происхождении, но на самом деле, является лишь слабым повторением первой». К ним относятся зороастризм, уходящий своими корнями к ведической религии; и мусульманство, возникшее из иудаизма [1, с. 51–52].

Аналогичные явления происходили и во втором религиозном течении. Христианство, возникшее из иудаизма, было отвергнуто евреями так же, как буддизм – брахманами. Христианству не удалось достичь своей цели – осуществить реформирование древней еврейской веры. Христианство перешло от евреев к язычникам и именно здесь развило свою действительную природу, получив мировое признание.

Вне арийского и семитского семейств народов существует еще один народ, имеющий религиозные книги – китайский. Китай является родиной двух религий, каждая из которых основывается на священном писании: конфуцианство (религия Кун Фу Цзы) опирается на пятикнижие («У-Цзин») и четверокнижие («Сы-Шу»); и даосизм (религия ЛаоЦзы), опирающийся на священную книгу «Дао-дэ-Цзин». Другие народы – вавилоняне, ассирийцы, финикийцы, карфагеняне, арабы (до обращения их в мусульманство) не имели канонических книг. Поэтому во многом знания об их древних верованиях основаны на этнографическом материале, изучении исторических памятников и случайных свидетельствах.

Как известно, любая наука основана на классификации понятий, без этого невозможно научное представление. Выше мы представили тип классификации – дифференциацию религии на две группы: арийскую и семитскую. Имеются и иные типологизации. Так, религии различаются как первобытные (или «естественные», «природные»); идолопоклонство (языческие религии); религии Откровения. Религии национально-этнические: индийская, греческая, славянская, кельтская и др. Есть религии политеистические, дуалистические и монотеистические. Наконец, различают религии генотеистические и «атеистические». Генотеистические религии отличаются от политеистических тем, что, признавая существование различных богов, они представляют каждое божество как независимое от всех остальных, к ним, например, относятся ведические религии. К «атеистическим» религиям относится, прежде всего, буддизм, в особенности, первоначальный.

Историческая дифференциация религий позволяет отделить хтонические («природные») религии от антропоморфных религий (в которых боги подобны человеку). Переход от хтонических к антропоморфным богам (у греков, например) ознаменовал переход от хтонического (природно-стихийного) культа к преставлению о боге в человеческом облике. Восприятие мира как хаоса сменялось восприятием разумно организованного мира. Такое восприятие предшествовало учению о Логосе как разумном творческом начале во Вселенной. Однако и в хтонической религии, и в антропоморфизме не было еще явных этических принципов, а дух магии преобладал над нравственностью. Этим религия греков отличалась от древневосточных религий, где с самого начала был сделан упор на нравственность. У греков, как и у многих народов, развивался институт жречества. Однако жрецы жрецам рознь. Египетское духовенство культивировало идеологию мистики, с которой были связаны многие достижения науки, медицины, астрономии и математики. В большей степени египетские мистерии повлияли и на греческую культуру. Израильские служители Храма боролись за нравственное воспитание народа. Греческие жрецы были, главным образом, организаторами жертвоприношений. У греков было развито искусство предсказаний более, чем у других народов. Оракулы были спутниками жизни представителей разных социальных слоев населения.

В современном религиоведении религия занимает центральное место, поскольку сам объект изучения – это религиозные верования, практики, символы, риту-

алы и другие аспекты религиозной жизни. Религия изучается как частный случай общего феномена культуры и социальной жизни.

Современное религиоведение интересуется как мировыми религиями, так и местными формами вероисповедания. Оно исследует религиозные системы, ритуалы, моральные нормы, священные тексты, историю и развитие религиозных традиций, религиозные лидерства, религиозные движения и прочие аспекты, связанные с религией.

Однако, в современном религиоведении отмечается изменение подходов. Вместо своего ранее доминирующего отношения к религии как объекту исследования, религиоведческие исследования стали более диалогичными, более взаимодействующими с религиозными сообществами и активно сотрудничающими с их представителями. Это помогает получить более глубокое и понимающее представление о религиозных явлениях и практиках.

Современное религиоведение также учитывает глобальную природу религии и ее влияние на современное мироустройство, общество и политику. Оно исследует религиозные конфликты и миротворческие инициативы, влияние религии на формирование индивидуальной и коллективной идентичности, а также роль религии в контексте глобальных вызовов, таких как экологические проблемы, миграция и социальная несправедливость.

Говоря о роли религиоведения в высшем образовании, можно рассмотреть несколько аспектов.

1. Социокультурный аспект: Религиоведение помогает студентам управленческого образования понять и оценить влияние религиозных факторов на культуру и общество. Религия может оказывать значительное влияние на ценности, нормы поведения, этику и моральное воспитание индивидов. Получение знаний о различных религиях и их влиянии на бизнес и общество позволяет менеджерам принимать осознанные решения, учитывающие многообразие культурных и религиозных контекстов.

2. Межкультурная коммуникация: В современном мире управленческие решения часто требуют взаимодействия с представителями разных культур и религиозных традиций. Изучение религиоведения может помочь будущим менеджерам развить навыки межкультурной коммуникации, понимания и уважения к разнообразию и различиям. Это важно для эффективного управления в международном и мультинациональном контексте.

3. Религиозный плюрализм: В многокультурной и многорелигиозной среде, особенно в сфере управления необходимо уметь улаживать конфликты, связанные с религией. Знание религиоведения может помочь создать религиозно-терпимую среду, учитывая религиозные потребности и чувства сотрудников. Они могут учесть религиозные праздники, поверить в нужды сотрудников в религиозном отпуске и организовать обучение и семинары по межрелигиозному диалогу.

4. Организационная культура: Религиоведение может помочь менеджерам развить глубокое понимание религиозных аспектов в организационной культуре. Религиозная идентичность и перспективы сотрудников могут оказывать влияние на их мотивацию, особенности работы и взаимодействия внутри команды. Менеджеры могут использовать знания о религиозной культуре для создания инклюзивной и социально ответственной организационной культуры.

Таким образом, религиоведение имеет значимую роль в образовании, помогая будущим управленцам развить межкультурную компетентность, понимание религи-

озного плюрализма и способность эффективно управлять разнообразием в современных мультикультурных и мультирелигиозных средах.

Литература

1. Мюллер Ф.М. Введение в науку о религии. Пер. с англ. – М., 2002.
2. Общество будущего: духовный опыт концептуального поиска России и Китая: монография / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Государственный университет управления, Институт управления персоналом, социальных и бизнес коммуникаций, Кафедра философии; науч. ред.: проф. М.Ю. Захаров, доц. И.Е. Старовойтова. – Москва: ГУУ, 2022.
3. Словарь общественных наук / Авторы-составители: Подольская Е.А., Подгорельый Д.Е., Лихвар В.Д. – Ростов нД: Феникс, 2006.
4. Токарев С.А. Религия в истории народов мира. – М., 2005.
5. Элиаде М. История веры и религиозных идей. В 3-х томах / Пер. с фр. М.: Критерион, 2002. т. I – 464с., т. II – 512с., т. III – 352 с.

THEORETICAL FOUNDATIONS OF RELIGIOUS STUDIES AS A UNIVERSITY DISCIPLINE

Atorin R.Yu., Kolchin A.A.

State University of Management

The multicultural and multi-confessional nature of the Russian nation makes the issue of introducing the discipline “Religious Studies” for study in higher educational institutions relevant. And this is not without justification, because the religious and cultural processes taking place in our society, which by definition is traditional [2, pp. 71–75], to a large extent determine the mentality of society itself, its worldview, way of thinking and actions.

Keywords: religious studies, university education, intercultural and interdisciplinary communication.

References

1. Muller F.M. Introduction to the Science of Religion. Lane. S. Moscow, 2002.
2. Society of the Future: Spiritual Experience of the Conceptual Search of Russia and China: Monograph / Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, State University of Management, Institute of Personnel Management, Social and Business Communications, Department of Philosophy; Scientific. Ed.: prof. M.Y. Zakharov, assoc. prof. I.E. Starovoitova. – Moscow: GUU, 2022.
3. Dictionary of Social Sciences / Authors-compilers: Podolskaya E.A., Podgorely D.E., Likhvar V.D. – Rostov-on-Don: Phoenix, 2006.
4. Tokarev S.A. Religion in the History of the Peoples of the World. Moscow, 2005.
5. Eliade M. History of Faith and Religious Ideas. In 3 volumes. from French. Moscow, Kriterion Publ., 2002. vol. I – 464 p., vol. II – 512 p., vol. III – 352 p.

Теоретические подходы к определению содержания понятия избирательной кампании

Маслюк Дмитрий Сергеевич,

аспирант кафедры политических процессов и технологий АНО ВО «УМЦ им. В.В. Жириновского»
E-mail: dmitry.masluk@yandex.ru

Через метод политической компаративистики в статье приводится анализ теоретических подходов к раскрытию понятия и особенностей избирательной кампании. Выявлены общие основополагающие принципы избирательного процесса в теоретическом ракурсе, в частности сфокусировано внимание на важности выявления ценностной, проблемной, политической, поведенческой и мотивационной сегментации избирателя. Установлено, что любая избирательная кампания начинается с постановки цели, под которую формируется конкретно заданная стратегия кампании (имиджевая, социальная, политическая). Под стратегию выстраивается набор манипулятивно-политических технологий в контексте выверенного места и времени по их применению. В статье представлена дифференциация возможных целей, стратегий и политических технологий. Данный теоретический дискурс рассматривается, в том числе, через призму новой цифровой реальностью на примере значимости «бот-технологий» в предвыборный период. Автор предлагает подходы относительно современных научных течений, подкрепляя в отдельных случаях актуальными примерами из политических практик, что приближает сформированные выводы к большей актуальности. Следует подчеркнуть, что приведенные теоретические подходы могут быть использованы в качестве методических материалов для высших учебных заведений, а также иметь практическую значимость для политтехнологической сферы.

Ключевые слова: избирательная кампания, политические технологии манипулирования, стратегия избирательной кампании.

Введение

Политическая реальность характерна быстро обновляющимися условиями и практиками, из-за чего множество практических исследований зачастую теряют свою актуальность. Однако любая наука, в том числе политология строится на основополагающих принципах, к которым необходимо возвращаться во избежание совершения ошибок. Актуальность исследование подтверждается необходимостью построения логически выстроенной, концептуально-теоретической информации об особенностях проведения избирательных кампаний, что может быть использовано как практиками-политтехнологами, так и обучающимися учебных заведений.

В данном исследовании использован метод политической компаративистики – сопоставление различных доктрин, подходов, понятий, осуществление систематизированного сравнения теоретических категорий и выявление сходств и различий между ними, что позволяет более развернуто определить достоверность каждой теории в отдельности. Таким образом формулируется цель исследования – выявить общую концептуальную основу избирательной кампании, сопоставив множество актуальных теоретических подходов.

Литературный обзор. Первую группу составляют работы, посвященные исследованию избирательной кампании. В ракурсе раскрытия теоретико-методологических основ изучения избирательной кампании тема анализировалась в работах следующих авторов: В.С. Комаровский, Р.Т. Мухаев, С.В. Володенков, Е.В. Забурдаева, В.Н. Амелин. Ко второй группе в контексте изучения особенностей технологий избирательных кампаний следует отнести работы следующих авторов: А. Фаер, А.А. Никитин, М.В. Комягина, Ричард Джонсон.

Содержание

Согласно статье № 2 Федерального закона РФ № 67, избирательная кампания – это деятельность по подготовке и проведению выборов, которая начинается с даты назначения выборов [1]. Е.М. Коровин считает, что избирательная кампания – это система различных агитационных мероприятий, с помощью которых политические субъекты добиваются поддержки на предстоящих выборах [5, с. 37–48]. По мнению автора начало избирательной кампании принято отсчитывать с момента публикации даты голосования. Согласно политической энциклопедии Г.Ю. Семигина, избирательная кампания – это стадия, с которой начинается процедура выборов. Она включает в себя выдвижение и официальную регистрацию кандидатов. [11, с. 451]. А.А. Никитин выделяет следующую трактовку избирательной кампании [10, с. 202–214]. Действия кандидатов и партий, направленные на достижение поставленной цели от итогов предстоящих выборов. А.Е. Иванов считает, что далеко не всегда победа на выборах выступает высшей целью политического актора. Зачастую в качестве цели избирательной кампании может быть заработок политических очков, поднятие рейтинга, создание нужного имиджа и тому подобное [17]. Политический технолог

Е.В. Забурдаева в своей работе отождествляет термин политическая кампания с избирательной кампанией [18, с. 141]. В её трактовке избирательная кампания – это совокупность агитационных мероприятий с целью получить голоса в день даты голосования. Данный автор выделяет несколько направлений, через которые осуществляется избирательная кампания.

1. Стратегическое планирование. На этом этапе происходит создание общей формулы основного послания кампании. Конструируется схема проведения основных мероприятий кампании по агитации избирателей. Помимо этого, происходит описание ожидаемых угроз и возможностей для кандидата. Формируется и планируется бюджет кампании.

2. Медиавоздействие через СМИ:

а) без новизны политическая кампания будет проблемной;

б) драматичная управляемая ситуация даст больше шансов на успех;

в) кампания не должна быть перенасыщенной;

г) политические предпочтения избирателей важно знать и учитывать.

Е.В. Забурдаева в своей работе опирается на исследование такого автора как П. Лазарсфельд. В избирательной кампании избиратели при принятии решений чаще действуют под влиянием момента, мгновенного предпочтения, внешнего импульса. Поэтому при медиавоздействии на электорат необходимо выявить факторы, которые влияют на поведение человека.

По мнению В.С. Комаровского избирательная кампания зависит от выбора стратегии. При этом содержание такой стратегии напрямую зависит от цели избирательной кампании, которая может быть совершенно разной: демонстрация своего политического ресурса, получение трибуны, сокрушительная победа на выборах, повышение уровня известности и другие цели [7, с. 344]. Осуществление этой стратегии происходит в информационном пространстве. При составлении стратегии кампании необходимо учитывать интересы и особенности действующей политической элиты, промышленно-финансовых групп, политических институтов, вероятных претендентов и непосредственно электорат. При этом отвечая проблемным факторам вышеперечисленных групп нельзя ущемлять интересы потенциальных избирателей.

Стратегия избирательной кампании – это совокупность основных идей, реализация которых призвана обеспечить достижение цели кампании. В соответствии со стратегией выстраиваются более частные планы – календарный план работы штаба, планы загрузки СМИ, мониторинг общественных настроений, встречи с избирателями и тому подобное. В основе стратегии лежит цель, которая может быть разной от победы на выборах до повышения уровня узнаваемости и демонстрации своего политического ресурса.

В этой направленности авторы В.Н. Амелин и Н.С. Федоркин провели анализ особенностей избирательной кампании [2, с. 56].

По мнению учёных политические аналитики и технологи, как правило, применяют разные подходы в построении кампании. Если обобщить, то основные подходы стратегии выделяются следующие: социальная, политическая и имиджевая (табл. 1).

В рамках социального подхода выделяется социально-экономическую модель. Эта теория исходит из того, что граждане отдадут свой голос за того или иного политического субъекта исходя из экономических интересов на предмет того способен тот или иной политик реализовать этот интерес. Так на парламентских выборах 1995 года с наиболее выраженной экономической

повесткой дня выступило объединение «Профсоюзы и промышленники России – Союз труда». Главный лозунг: «Зарплата, занятость, закон». Однако это объединение получило всего 1,5% голосов, что свидетельствует о несовершенстве социального подхода и необходимости учитывать политические и имиджевые аспекты.

Таблица 1. Подходы к избирательной стратегии

Социальный подход	Политический подход	Имиджевый подход
Особенности		
Выявить острую социальную проблему и найти её символическое решение	Заручиться поддержкой элиты, определённых финансовых и промышленных групп, других слоёв общества; занять преимущественные позиции в системе политических отношений; повысить политический статус	Создать нужный образ кандидата или партии

Ричарда Джонсон в своей работе «The politics of social media manipulation» косвенно затронул тематику социального подхода [15, с. 143]. Автор выявил, что в избирательной кампании партии используют в среднем от 5 до 10 ключевых слов и выражений, затрагивающие социально-экономические проблемы избирателя. Была проведена сравнительная характеристика комментариев граждан в Facebook¹ с публичной деятельностью партий. На примере Евросоюза были выявлены ключевые слова, которые часто употребляются всеми политическими акторами, участвующие в избирательной кампании: миграция, экономика, климат, Европейский союз, общество, образование, окружающая среда. С одной стороны, замечается сходство в запросах граждан на такие темы как экономика, общество и окружающая среда с упоминанием данных тем политическими акторами. Однако замечаются весомые расхождения в контексте восприятия данных кластеров партиями и обществом. В экономическом кластере партии решают 10 вопросов, тогда как граждан волнует гораздо меньше. Кластер «образование» партии рассматривают как социальную проблему, тогда как граждане обсуждают в социальных сетях эту тему с позиции возможностей позволить себе получение нового образования или в контексте повышения классификации. Иными словами, при оценке ситуации важен контекст упоминания тех или иных слов. Это позволяет определить ракурс социальной проблемы, сформировать публичные предложения относительно методов решения этой проблемы. В политическом же подходе в стратегии избирательной кампании учитывается не только положение политического актора в системе отношений и взаимодействий с другими политическими силами, но и его электоральный, административный ресурс. Нужно установить контакт с влиятельными группами политического, финансово-промышленного характера.

С точки зрения имиджевого подхода в определении модели избирательной кампании особое внимание уделяется образу политического актора. Доктор политических наук Р.Т. Мухаев утверждает, что личный имидж

¹ Принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

включает в себя свойства, приобретённые в процессе социализации и воспитания, жизненный и профессиональный опыт, визуальная коммуникация и так далее и природные особенности [9, с. 378]. Особое значение в имиджевом подходе занимают стереотипы. В.Н. Амелин выделяет несколько групп стереотипов. [2, с. 56]. Первая группа стереотипов – это ценности и идеалы. Избиратели голосуют за тех политиков, которые наиболее точно отражают их базовые ценности и идеалы. Особенно такая тенденция относится к партийным выборам. Если избиратель прочитал программу партии и нашёл в ней близкие для себя идеалы, то в дальнейшем он может отдать свой голос за эту партию. Другая группа стереотипов исходит из личностных качеств кандидата – «самый честный, самый умный». Р.Т. Мухаев выдвигает маркетинговый подход к процессу избирательной кампании. По мнению автора в стратегии избирательной кампании нужно выявить проблему, которая интересна для населения конкретного региона; учесть соотношение разных социальных интересов, в основе которых лежит изучение структуры политического рынка в пределах своего избирательного округа [9, с. 378].

Автор приводит основные стадии избирательной стратегии.

1. Анализ прошлой практики.

2. Вторая стадия дифференцируется на два этапа.

А) Речь идёт о выявлении ценностной, проблемной, политической, поведенческой и мотивационной сегментации избирателя. Далее выявляется идеальный образ кандидата или партии. После этого идёт разделение целевых групп избирателей на сегменты для определения траектории коммуникационного воздействия. Изучаются и определяются позиции конкурентов.

Б) На этой стадии происходит разработка плана кампании, происходит выбор эффективных средств политической воздействия на избирателя. Составляется план-график кампании, в котором содержится и проведение теледебатов, и личное общение представителя партии с электоратом, и рассылка писем с листовками. Не отменяется регулярный мониторинг предвыборной ситуации на предмет изменчивости динамики кампании.

Р.Т. Мухаев отождествляет вторую стадию стратегии избирательной кампании с таким понятием как «маркетинговая кампания», то есть продвижение продукта (партии) на политическом рынке, помогающая покупателям (избирателям) узнать о продукте (партии), осознать его преимущества и совершить покупку (отдать голос на выборах). [9, с. 378].

С. Володенков выделяет 9 направлений, через которые осуществляется политическая кампания [4, с. 84].

1. Управленческое направление. Здесь речь идёт о стратегическом планировании кампании, организация работ по достижению стратегической цели; контроль исполнения планов; координация всей работы; организация обратной связи с внешней средой и объектом управления.
2. Аналитическое направление. Здесь изучаются особенности и характеристики объекта управления. Выявляются актуальные запросы и ожидания целевой аудитории. Происходит исследование предпочтений избирателей.
3. Содержательное направление. Разрабатывается конкретная стратегия позиционирования в публичном пространстве, которая напрямую опирается на запрос избирателя (формирование политических тем, агитационно-пропагандистских материалов, подготовку речей, создание наружной рекламы и многое другое).

4. Медийное направление. Ключевое значение здесь имеет эффективность коммуникации между субъектом и объектом управления. Иначе говоря, то, как именно и через какие каналы коммуникации воздействовать на электорат. Автор утверждает, что информация вне возможностей её донесения до сознания избирателей не имеет никакой ценности.
5. Организационно-массовое или полевое направление. Основная суть здесь заключается в осуществлении очного контакта с целевой аудиторией (митинги, концерты, встречи, конкурсы).
6. Направление правового сопровождения. Здесь речь идёт о правовой защите кандидата и политической кампании, осуществляемой его штабом.
7. Контрпропагандистская деятельность. Противодействие негативному влиянию оппонентов в избирательном процессе.
8. Обеспечивающее направление. Материально-техническое и финансовое обеспечение кампании.
9. Работа в интернет-пространстве. В этой связи необходима полномасштабная работа в интернет-пространстве. Создание сценариев сетевых агитационных проектов в интернете, онлайн реклама; разработка и продвижение PR-материалов в новостных блоках, публикации лидеров общественного мнения; создание информационно-коммуникационной инфраструктуры на примере аккаунтов в социальных сетях; трансляция контента кампании, размещение материалов в нужных ресурсах; организация флешмобов в интернет-пространстве. При этом автор утверждает, что любая политическая кампания, в том числе избирательная, начинается с постановки цели. Главные критерии постановки цели: конкретность, понятность без рисков неверной интерпретации, приемлемость ценностно-смысловому пространству, реальность, то есть цель должна быть достижимой.

Итак. В избирательной кампании особое значение занимает правильно выбранная стратегия. Причём стратегия напрямую зависит от поставки цели кампании: победа на выборах, повышение узнаваемости, получение политического веса. С точки зрения построения стратегии избирательной кампании выделяют три основных подхода: имиджевый, социальный и политический. Каждая стратегия реализовывается с помощью набора политических технологий. При этом следует учитывать анализ прошлых практик и регулярный мониторинг текущей ситуации, в особенности имидж и действия конкурентов. Следующим этапом будет выступать применение политических технологий, встроенных в стратегию и цель избирательной кампании.

Согласно политической энциклопедии Г.Ю. Семигина, технологии избирательные – это система средств, приемов и способов, которые направлены на решение задач избирательной кампании, комплексы методов, используемые в ходе выборов. Г.Ю. Семигин говорит, что избирательные технологии есть двух классификаций: внешние и технологии отдельных избирательных кампаний. Внешние: система способов, которые обеспечивают организацию и проведение выборов. Избирательные технологии в узком смысле – это целенаправленная деятельность политических субъектов, использующих специальные манипулятивные средства и методы воздействия на электорат [11, с. 451]. Т.А. Васильева раскрывает такое понятие как «технологии». В её трактовке технологии – это совокупность эффективных методов воздействия, которые позволяют при минимуме ресурсов достигать максимального результата, который соответствует поставленной цели. Автор считает,

что с одной стороны, технологии характерны формализацией и следованием заданных инструкций. Но, также Т.А. Васильева подчёркивает, что в применении технологий присутствует творчество и импровизация субъекта, в отдельных случаях возможен выход за рамки пространственной и временной зависимости. Автор считает, что усиление такого импровизационного начала служит совершенствованию структуры технологий и выработке оригинальных приёмов деятельности [3, с. 12–18].

М.В. Комягина выделяет несколько подходов в определении технологий избирательных кампаний: структурно-функциональный, коммуникационный, сравнительно-исторический, нормативный [6, с. 67–72].

1. Нормативный подход. В этом подходе главный смысл в том, чтобы технологии не противоречили законодательству. В частности, статья № 2 Федерального закона № 67 устанавливает временные границы избирательной кампании, запрещает агитационную деятельность в день выборов.

2. Сравнительно-исторический подход.

Этот подход, который позволяет выявить сущность, динамику, тенденцию использования технологий в исторической перспективе. Характерной чертой этого подхода является критерий преемственности отечественного и зарубежного опыта в использовании избирательных технологий.

По мнению автора, особое значение занимает коммуникативная функция, которая используется по принципу: коммуникатор – сообщение – аудитория-получатель – эффект от сообщения или эффективность. Иными словами, важно определить получателя, сформировать конкретно для него сообщение, учитывая все его особенности от национальных и ментальных до экономических. Далее с помощью выбранных коммуникационных каналов осуществляется эффективную доставку сообщения. В качестве таких коммуникативных каналов сегодня выступают средства массовой информации.

Учитывая, что в любой избирательной кампании важно выявить проблемы потенциальных избирателей, чтобы воздействовать на чувствительные зоны электората, заданные структурно-функциональным подходом неравноправия по ролям, функциям и статусам в обществе, то данный аспект диктует свои правила. Это в первую очередь говорит о том, что у разных неравноправных групп индивидов совершенно разные проблемы и приоритеты, причём решение проблемы одной социальной группы может нанести ущерб интересам другой. Именно поэтому многие партии и кандидаты сначала выбирают конкретный контингент избирателей – потенциальный электорат, а затем работают только с ним, делая акцент на обещаниях разрешить их проблемы.

Политический технолог Фаер С.А. [14, с. 165] выводит перечень разновидностей предвыборных технологий. В данном случае они разделяются на 3 категории: атакующие, защищающие, закрепляющие.

- Атакующие – те технологии, которые направлены на снижение рейтинга конкурента вплоть до полного политического уничтожения.
- Защитные – те технологии, которые направлены на защиту от атакующих манёвров конкурента.
- Технологии без привязки к атаке или защите – те технологии, которые направлены на закрепление успеха, на повышении рейтинга.

С.Е. Фаер выявил более 70 избирательных технологий. Автор уделяет особое внимание комплексному использованию столь широкого набора приёмов и методов. Правильное их объединение обеспечит эффективность достижения цели.

Существуют и другая категория избирательных технологий [8, с. 132]. Е. Ланкин выделяет такую технологию как «демонизация». В сторону конкурента направляются обвинения в мелкой краже или в незначительном проступке в молодости или в детстве, что снижает рейтинг кандидата. Также Е. Ланкин раскрывает такую технологию как «кривые социологические опросы». Автор говорит, что социологические опросы являются важным инструментом избирательной кампании. Используется постановка вопроса, в которой содержится агитационный или иной посыл, выгодный для субъекта кампании. «Согласны ли вы с тем, что жителям нашего района мешает затянувшаяся стройка?»

С.В. Тумский [13, с. 137–154] считает, что в избирательных кампаниях зачастую для реализации таких целей используются провокации в манипулятивном воздействии. В трактовке автора провокацию следует рассматривать как интеграцию действий, которые направлены на формирование положительного имиджа политика-провокатора и отрицательного образа его оппонента. В провокациях также используется подмена реальной деятельности и инсценирование достижений тех или иных политических акторов. В момент совершения провокации важное место занимает эмоциональное воздействие. Чем больше эмоций у объекта политической манипуляции, тем выше вероятность, что он не сможет размышлять в контексте выявления различий между правдой или ложью. Провокатор всегда действует скрытно в своих намерениях манипуляционного воздействия на избирателя. Но в современное время провокация осуществляется с помощью компьютерных технологий. Так, американский учёный Американский учёный Герберту Чанг анализирует технологии избирательных кампаний на примере выборов в США 2020 года и выявляет всю сложность деятельности запрограммированных «интернет-ботов», осуществляющих провокации в социальных сетях [16]. «Бот» управляется не человеком напрямую, а программным обеспечением и направлен на осуществление определённо заданного поведения, в том числе провокационного, в интернет-пространстве. Технологии интернет-ботов в современное время становятся сложнее и выявление их становится всё проблематичнее. Как правило они действуют в комментариях социальных сетей, формируя общественное мнение тем или иным образом. Герберт Чанг говорит об активном применении интернет-ботов в избирательной кампании 2020 года в США. Данная разновидность манипулирования тесно переплетается с такой технологией как «эффект Эдипа», которая подразумевает запуск несуществующей тенденции. Если в интернете происходят массовые комментарии поддержки того или иного кандидата, и обычный пользователь не выявил программное обеспечение, то избиратель может сформировать мнение о позитивном отношении весомой части интернет-пользователей о данном кандидате. Когда такое мнение сформировано, то здесь уже работает технология «метод общего вагона», когда с целью соответствовать трендам и ожиданиям общества избиратель оказывают публичную поддержку кандидату или партии.

Заключение

Таким образом рассмотрены теоретические особенности понятия «избирательные кампании». На основе сопоставления теорий было выявлено, что при построении избирательного процесса следует придерживаться хронологии: цель – стратегия – технологии. Цель при этом должна обладать основными критериями: конкретность, понятность без рисков неверной интерпретации, прием-

лемость ценностно-смысловому пространству, реальность, то есть цель должна быть достижимой. Стратегия кампании может быть как социальной, так и политической, имиджевой. Кроме того, приведены теоретические рекомендации о том, как наиболее эффективно проводить избирательную кампанию, через какие этапы она проходит. Отдельное внимание заслуживает выявление ценностной, проблемной, политической, поведенческой и мотивационной сегментации избирателя ещё на предварительном этапе до выработки стратегии проведения избирательного процесса. Приведены отдельные разновидности технологий политического манипулирования.

Следует отметить, что проведенный компаративистский анализ подходов позволяет в очередной раз сформировать фокус на основополагающих концептуальных принципах и особенностях политических, избирательных кампаний, что, безусловно, может выступать как ориентиром для политтехнологов, так и обучающихся в этом направлении. В частности, исходя из того какие технологии использует субъект, можно выстроить предположение к какой стратегии эти технологии ближе подходят, а исходя из понимания стратегии, возможно приблизиться к пониманию вероятной цели кампании политического актора. Однако в каждом отдельном случае необходимо учитывать политический контекст и общий набор политических практик.

Литература

1. Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12.06.2002 № 67-ФЗ [Электронный ресурс] / Консультант-плюс. 1999–2022. – Электрон. дан. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/ (дата обращения: 01.03.2022).
2. Амелин В.Н., Федоркин Н.С. Стратегия избирательной кампании / В.Н. Амелин, Н.С. Федоркин. – М.: РЦИОТ, 2001. – С. 56.
3. Васильева Т.С. Политические технологии избирательных кампаний. Анализ категории / Васильева В.С. // Вестник ЧитГУ. – 2015. – № 5. – С. 12–18.
4. Володенков С.В. Политический менеджмент и управление современными политическими кампаниями / Володенков, С. В. – М.: Проспект, 2019. – 84 с.
5. Коровин Е.М. Избирательная кампания: понятие и темпоральные границы / Коровин, Е. М. // Правоприменение. – 2020. – С. 37–48.
6. Комягина М.В. Избирательные технологии: основные подходы и концептуальные основы / Комягина, М. В. // Ученые записки КГУ. Гуманитарные науки. – 2020. – С. 67–72.
7. Комаровский В.С. Политология / В.С. Комаровский. – М.: Юрайт, 2017. – 344 с.
8. Ланкин Е. Как выиграть выборы без административного ресурса. Рекомендации опытного политтехнолога / Е. Ланкин. – М.: Альпина Паблишер, 2015. – С. 132.
9. Мухаев Р.Т. Политология / Р.Т. Мухаев. – М.: Проспект, 2017. – С. 378.
10. Никитин А.А. Стратегия и тактика в избирательных кампаниях / Никитин, А. А. // Ученые записки КГУ. Гуманитарные науки. Прикладная политология. – 2007. – С. 202–214.
11. Семигин Г.Ю. Политическая энциклопедия / Семигин, Г. Ю. – М.: Национальный общественно-научный фонд, 1999. – 451 с.

12. Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию: Учеб. пособие для студентов вузов / Ин-т социологии РАН. / В.В. Семенова. – М.: Добросвет, 1998. – С. 185.
13. Тумский С.В. Политические провокации в электоральных дебатах кандидатов на пост президента США. / Тумский, С. В. // Полис. Политические исследования. – 2021. – № 6. – С. 137–154.
14. Фаер С. Приемы стратегии и тактики предвыборной борьбы / С. Фаер. – М.: Стольный град, 2004. – С. 165.
15. Richard Rogers. Sabine Niederer. The Politics of Social Media Manipulation / Richard Rogers. Sabine Niederer. – Amsterdam University Press B.V., Amsterdam, 2020. – p. 143.
16. Ferrara E., Chang H., Chen E., Muric G., & Patel J. (2020). Characterizing social media manipulation in the 2020 U.S. presidential election. // First Monday. – 2020–25(11).
17. Избирательный процесс и избирательная кампания [Электронный ресурс] – URL: <http://www.nalogi.ru/faq/detail.php?ID=1591564> (дата обращения: 21.06.2024).
18. Забурдаева Е.В. Политическая кампания. Стратегии и технологии: учебник / Е.В. Забурдаева. – М.: Аспект Пресс, 2012. – С. 141.

THEORETICAL APPROACHES TO DETERMINING THE CONTENT OF THE CONCEPT OF AN ELECTION CAMPAIGN

Maslyuk D.S.

V.V. Zhirinovsky UMC

Through the method of political comparativistics, the article provides an analysis of theoretical approaches to the disclosure of the concept and features of the election campaign. The general fundamental principles of the electoral process are revealed from a theoretical perspective, in particular, attention is focused on the importance of identifying the value, problem, political, behavioral and motivational segmentation of the voter. It has been established that any election campaign begins with setting a goal for which a specific campaign strategy (image, social, political) is formed. A set of manipulative and political technologies is built under the strategy in the context of a verified place and time for their application. The article presents the differentiation of possible goals, strategies and political technologies. This theoretical discourse is considered, inter alia, through the prism of the new digital reality, using the example of the importance of “bot technologies” in the pre-election period. The author suggests approaches to modern scientific trends, supporting in some cases with relevant examples from political practices, which brings the formed conclusions closer to greater relevance. It should be emphasized that these theoretical approaches can be used as methodological materials for higher educational institutions, as well as have practical significance for the political technology sphere.

Keywords: election campaign, political manipulation technologies, election campaign strategy.

References

1. Federal Law “On Basic Guarantees of Electoral Rights and the right to participate in a Referendum of citizens of the Russian Federation” dated 12.06.2002 No. 67-FZ [Electronic resource] / The consultant is a plus. 1999–2022. – Electron. dan. – Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/ (date of address: 03/01/2022).
2. Amelin V.N., Fedorkin N.S. Election campaign strategy / V.N. Amelin, N.S. Fedorkin. – М.: RCOIT, 2001. – p. 56.
3. Vasilyeva T.S. Political technologies of election campaigns. Category analysis / Vasilyeva V.S. // Bulletin of CHITSU. – 2015. – No. 5. – pp. 12–18.

4. Volodenkov S.V. Political management and management of modern political campaigns / Volodenkov, S. V. – M.: Prospect, 2019. – 84 p.
5. Korovin E.M. Election campaign: the concept and temporal boundaries / Korovin, E. M. // Law enforcement. – 2020. – pp. 37–48.
6. Komyagina M.V. Electoral technologies: basic approaches and conceptual foundations / Komyagina, M. V. // Scientific notes of KSU. Humanities. – 2020. – pp. 67–72.
7. Komarovskiy V.S. Politologiya / V.S. Komarovskiy. – M.: Yurayt Publishing House, 2017. – 344 p.
8. Lankin E. How to win elections without an administrative resource. Recommendations of an experienced political strategist / E. Lankin. – M.: Alpina Publisher, 2015. – p. 132.
9. Mukhaev R.T. Political Science / R.T. Mukhaev. – M.: Prospekt, 2017. – p. 378.
10. Nikitin A.A. Strategy and tactics in election campaigns / Nikitin, A. A. // Scientific notes of KSU. Humanities. Applied political science. – 2007. – pp. 202–214.
11. Semigin G. Yu. Political encyclopedia / Semigin, G. Yu. – M.: National Socio-Scientific Foundation, 1999. – 451 p.
12. Semenova V.V. Qualitative methods: introduction to humanistic sociology: Textbook for university students / Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences / V.V. Semenova. – M.: Dobrosvet, 1998. – p. 185.
13. Tumsky S.V. Political provocations in the electoral debates of candidates for the presidency of the United States. / Tumsky, S. V. // Polis. Political research. – 2021. – No. 6. – pp. 137–154.
14. Faer S. Methods of strategy and tactics of electoral struggle / S. Faer. – M.: Stolny grad, 2004. – p. 165.
15. Richard Rogers. Sabine Niederer. The Politics of Social Media Manipulation / Richard Rogers. Sabine Niederer. – Amsterdam University Press B.V., Amsterdam, 2020. – p. 143.
16. Ferrara E., Chang H., Chen E., Muric G., & Patel J. (2020). Characterizing social media manipulation in the 2020 U.S. presidential election. // First Monday. – 2020–25(11).
17. The electoral process and the election campaign [Electronic resource] – URL: <http://www.nalogi.ru/faq/detail.php?ID=1591564> (date of address: 06/21/2024).
18. Zaburdaeva E.V. Political campaign. Strategies and technologies: textbook / E.V. Zaburdaeva. – M.: Aspect Press, 2012. – p. 141.

Направления развития институтов контроля публичной политики структурами гражданского общества

Соловей Андрей Александрович,

аспирант МОАУ ВО «Воронежский институт экономики и социального управления»

E-mail: solovey1998104@gmail.com

Статья посвящена анализу сущности и факторов формирования контроля со стороны структур гражданского общества в публичной политике современной России. Авторы рассматривают роль общественных палат как ключевого института общественного контроля, исследуют их правовой статус и место в системе публичной власти.

Цель исследования – выявить особенности функционирования механизмов общественного контроля в России, оценить эффективность существующих институтов и определить перспективы их развития.

Методы: В работе применяются правовой анализ, сравнительный и логико-юридический методы. Проводится анализ нормативно-правовой базы и научной литературы по теме исследования.

Результаты: Авторы приходят к выводу о двойственной природе общественных палат как гибридных государственно-общественных органов. Выявлены проблемы в законодательном регулировании и практике реализации общественного контроля. Обоснована необходимость дальнейшего совершенствования нормативно-правовой базы в данной сфере.

Выводы: отмечается, что институт общественного контроля в России имеет значительный потенциал для развития, но требует доработки законодательства и практических механизмов реализации для повышения эффективности взаимодействия между гражданским обществом и органами публичной власти

Ключевые слова: общественный контроль, гражданское общество, общественные палаты, государственная политика, демократические институты.

Введение

В современных демократических государствах гражданское общество играет ключевую роль в обеспечении эффективного функционирования политической системы и реализации принципа народовластия. Данное исследование посвящено анализу сущности и факторов формирования контроля со стороны структур гражданского общества в публичной политике Российской Федерации на современном этапе ее новейшей истории.

Уровень развития конституционного правосознания и активность институтов гражданского общества являются ключевыми индикаторами демократического правового государства. Однако процесс формирования полноценного гражданского общества в Российской Федерации на данном этапе еще не завершен, хотя и наблюдаются определенные позитивные тенденции.

Конституция Российской Федерации (далее – Конституция РФ) закрепляет принцип народовластия и право граждан на участие в управлении делами государства. Реализация этого права возможна как через представительные органы, так и посредством прямого волеизъявления (выборы, референдумы, сходы граждан). Кроме того, к формам народовластия можно отнести консультативное участие граждан в принятии решений органами публичной власти¹.

Однако актуальным остается вопрос о том, включает ли законодатель институты гражданского общества в понятие «единой системы публичной власти», введенное в результате конституционных поправок 2020 года. Отсутствие эффективно функционирующего механизма общественного контроля ставит под сомнение реальность принципа народовластия.

Актуальность рассматриваемой проблемы обусловлена рядом факторов. Во-первых, в условиях продолжающегося процесса демократизации российского общества возрастает потребность в эффективных механизмах общественного контроля за деятельностью органов государственной власти. Во-вторых, конституционная реформа 2020 года ввела понятие «единой системы публичной власти», что требует переосмысления роли институтов гражданского общества в этой системе. В-третьих, недостаточная развитость механизмов общественного контроля в России создает риски для полноценной реализации конституционного принципа народовластия. Таким образом, исследование проблем формирования и функционирования контроля со стороны гражданского общества в сфере публичной политики представляется крайне важным для дальнейшего развития демократических институтов в Российской Федерации.

Теоретическую основу исследования составляют труды современных российских ученых в области конституционного права, теории государства и права, а также политологии. Особое внимание уделяется работам, посвященным проблемам формирования гражданско-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (Дата обращения: 10.09.2024).

го общества в России и роли общественных институтов в этом процессе.

Ключевыми для исследования являются труды П.А. Астафичева, рассматривающего механизмы общественно-политического представительства через призму деятельности Общественной палаты России. Теоретико-правовые аспекты построения гражданского общества государством анализируются в работах С.А. Багаева.

Важное место в теоретической базе занимают исследования Л.Н. Васильевой, посвященные правовой природе контрольных полномочий общественных палат в РФ, а также труды В.В. Гриба об исторической роли общественных формирований в развитии гражданского общества России.

Концепции общественного контроля и его практической реализации рассматриваются в работах С.П. Кочешева. Современные аспекты роли института общественной палаты в формировании гражданского общества России анализируются в исследованиях Г.Г. Фастовича и В.С. Литвиновой.

Практическая значимость исследования заключается в разработке рекомендаций по совершенствованию механизмов общественного контроля и повышению эффективности участия граждан в управлении делами государства.

Объектом данного исследования являются общественные отношения, возникающие в процессе реализации общественного контроля, включая формы и методы гражданского участия. Эти элементы рассматриваются как основа и результат формирования конституционного правосознания.

Предметом исследования выступают отечественные информационные источники, позволяющие провести анализ правового статуса институтов общественного контроля и оценить эффективность их деятельности.

Теоретическую основу исследования составляют труды ведущих российских ученых в области конституционного права и политологии, таких как С.А. Авакьян, В.Д. Зорькин, М.А. Краснов, которые рассматривают различные аспекты взаимодействия гражданского общества и государства. Особое внимание уделяется работам А.С. Автономова и И.Б. Левина, посвященным проблемам формирования гражданского общества в России.

Несмотря на наличие значительного количества исследований по данной теме, ряд вопросов остается недостаточно изученным. В частности, требует дополнительного анализа проблема включения институтов гражданского общества в «единую систему публичной власти» и механизмы их взаимодействия с государственными органами в рамках этой системы.

Методология и методы исследования

В ходе исследования применялись общенаучные методы познания, основанные на сборе и анализе эмпирического материала. Методологическая база включает следующие ключевые методы:

1. Правовой анализ
2. Сравнительный метод
3. Логико-юридический метод

Использование данной методологии позволяет провести комплексное исследование проблемы сущности и факторов формирования контроля со стороны структур гражданского общества в публичной политике современной России, выявить основные тенденции и проблемы в этой области.

Результаты

Общественный контроль представляет собой ключевой механизм взаимодействия между гражданским обществом и органами государственной и муниципальной власти. Уникальность данного института заключается в его способности осуществлять надзор за деятельностью публичных органов власти, а также в наличии инструментов для минимизации негативных процессов как в обществе, так и в системе публичного управления.

Особое место в системе общественного контроля занимают общественные палаты. Эти структуры обладают широкими полномочиями по мониторингу и оценке деятельности органов власти различных уровней. Функционирование общественных палат можно охарактеризовать как непрерывный переговорный процесс, направленный на достижение консенсуса между обществом и властью на федеральном, региональном и местном уровнях.

Ключевым аспектом данного процесса является реализация стратегии диалога между населением и публичной властью, предполагающей активное вовлечение граждан в процесс принятия управленческих решений (Васильева, 2023, с. 49–61).

Эффективность исполнительной власти может быть максимизирована при достижении компромисса и организации подлинного обсуждения проблем государственного управления. При этом важно отметить, что степень общественного контроля должна коррелировать с уровнем централизации исполнительной власти для предотвращения потенциальных конфликтов интересов.

Общественная палата, выступая в качестве инструмента общественно-политического представительства, играет ключевую роль в развитии гражданского общества. Ряд исследователей, в том числе профессор Г.Н. Чеботарев, рассматривают общественные палаты как потенциальные катализаторы общественного развития, способные аккумулировать и транслировать общественное мнение органам публичной власти (Чеботарев, 2018, с. 151–159).

Г.Г. Фастович и В.С. Литвинова, анализируя правовую природу общественной палаты, подчеркивает ее базирование на конституционных принципах народовластия и приоритета прав и свобод человека. В этом контексте общественная палата выступает как механизм легитимного самовыражения и социализации граждан, обеспечивающий артикуляцию общественных интересов и инициатив (Фастович и Литвинова, 2023, с. 85–89).

В научном дискурсе присутствуют и другие интерпретации роли общественных палат. Так, В.В. Гриб характеризует их как средство коммуникации между обществом и государством (Гриб, 2010, с. 33–35), а П.А. Астафичев относит к категории представительных организаций (Астафичев, 2007, с. 5–10).

Учитывая конституционное определение России как демократического государства (ст. 1 Конституции РФ), представляется необходимым не только законодательное закрепление возможности создания органов общественного контроля, но и обеспечение реальных механизмов его осуществления. Это требует комплексного подхода к развитию институтов гражданского общества и совершенствованию нормативно-правовой базы в сфере общественного контроля.

На протяжении исторического развития российского государства эффективность функционирования общественного контроля варьировалась. Примечателен факт отмены Закона СССР № 4224-VI от 09.12.1965 «Об органах Народного контроля в СССР»¹ вследствие его прак-

¹ Закон СССР от 09.12.1965 N 4224-VI «Об органах Народного контроля в СССР». Документ утратил силу в связи с изда-

тической нерелевантности. Однако впоследствии осознание необходимости контрольных механизмов в государственном аппарате привело к формированию новых структур, таких как контрольное управление Администрации Президента.

Важной особенностью данной системы является отсутствие жесткой иерархии или подчинения между различными уровнями структуры, что подчеркивает децентрализованный характер реализации общественного контроля.

Анализируя конституционно-правовые основы общественного контроля, можно предположить, что функционирование Общественной палаты не является исключительной прерогативой федерального центра. Опираясь на ч. 1 ст. 32 Конституции РФ, которая относит управление делами государства к конституционным правам граждан, а также учитывая положения п. «в» ст. 71 и п. «б» ст. 72 Конституции РФ, можно заключить, что вопросы организации общественного контроля находятся в сфере совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. Это создает правовую основу для развития многоуровневой системы общественного контроля, адаптированной к федеративному устройству государства.

В контексте эволюции правового регулирования деятельности общественных палат субъектов РФ примечательно, что до принятия Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 183-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации»¹ статус региональных палат характеризовался неоднородностью. В различных субъектах они определялись либо как «совещательные органы», либо как «общественные совещательные органы».

Новый федеральный закон, хотя и обозначил основные направления деятельности палат, ориентированные на учет интересов и защиту прав граждан и социальных групп в пределах субъекта РФ, не предоставил четкого определения понятия «общественная палата субъекта Российской Федерации» и не установил ее точное место в системе публичных институтов региона.

В своих исследованиях Л.Н. Васильева подчеркивает уникальность института общественной палаты, отмечая его способность активизировать механизмы общественного контроля даже в условиях недостаточно развитого гражданского общества. По мнению ученого, одним из ключевых достоинств этого института является его потенциал в стимулировании гражданской активности, в том числе среди политически пассивных слоев населения. Таким образом, деятельность общественной палаты может служить катализатором развития и укрепления гражданского общества в стране (Васильева, 2023, с. 49–61).

В академической литературе общественный контроль определяется как механизм, который представляет интересы граждан и направлен на обеспечение их потребностей и желаний в контексте взаимодействия с органами государственной власти. Этот процесс важен для развития гражданского общества, где государство признается ключевым актором, но также подчеркивается значимость инициативы отдельных лиц. Инициативность индивидов способствует не только реализации их соб-

нием Постановления ВС СССР от 30.11.1979 N 1160-X. [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (Дата обращения: 10.09.2024).

¹ Федеральный закон от 23.06.2016 N 183-ФЗ (ред. от 15.10.2020) «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (Дата обращения: 10.09.2024).

ственных интересов, но и улучшению работы публичных институтов (Кочешев, 2014, стр. 14–17).

При рассмотрении институциональной природы Общественной палаты РФ и аналогичных органов общественного контроля на региональном и муниципальном уровнях следует отметить их формальную независимость от системы публичной власти. Однако, несмотря на это, существует обоснованная точка зрения, согласно которой Общественную палату можно классифицировать как гибридный государственно-общественный орган.

Данная позиция, в частности, аргументируется С.А. Багаевым, который обращает внимание на структуру аппарата Общественной палаты, имеющую сходство с государственным учреждением и в определенной степени интегрированную в государственный аппарат. Такая интерпретация находит подтверждение в практике реализации общественного контроля в России, демонстрирующей тесное взаимодействие между общественными институтами и государственными структурами (Багаев, 2023, с. 1–18).

Подобное гибридное положение Общественной палаты создает уникальный механизм, позволяющий сочетать элементы гражданского общества с определенными аспектами государственного управления, что потенциально может способствовать более эффективной реализации функций общественного контроля и взаимодействия между обществом и государством.

Дуалистическая природа Общественной палаты РФ наглядно проявляется в процедуре ее формирования, где значительную роль играет Президент РФ. Это свидетельствует о синергии общественных и государственных элементов в структуре данного института.

Однако существующие недостатки в законодательном регулировании деятельности Общественной палаты могут вызывать обоснованные сомнения в эффективности принимаемых ею решений. Это обстоятельство подчеркивает необходимость дальнейшего совершенствования нормативно-правовой базы в данной сфере.

Учитывая вышеизложенное, представляется обоснованным рассматривать Общественную палату как особое государственно-общественное формирование, являющееся полноправным субъектом конституционных правоотношений. Такой подход отражает комплексную природу этого института и его уникальное положение на стыке гражданского общества и государственных структур.

Вопрос о юридической силе актов, издаваемых общественными палатами, представляет собой предмет научного интереса и дискуссий. Несомненно, общественные палаты играют активную роль в процессе правового регулирования, особенно в сфере общественного контроля за деятельностью органов публичной власти на всех уровнях государственного устройства.

С учетом характера деятельности общественных палат можно предположить, что их акты относятся к категории правоприменительных документов. Однако это утверждение требует дополнительного анализа и обоснования.

В академических кругах высказываются различные мнения относительно статуса органов гражданского контроля. Некоторые исследователи предлагают включить их в единую систему публичной власти, при этом сохраняя за ними право принимать решения рекомендательного характера. Однако такая позиция вызывает обоснованные сомнения.

Особенно спорным представляется тезис о возможности отнесения общественных палат к системе органов

публичной власти. Подобное включение может противоречить самой природе и назначению этих институтов как независимых представителей гражданского общества (Васильева, 2023, с. 49–61).

Ключевой аспект функционирования общественной палаты, независимо от ее уровня, заключается в ее направленности на консолидацию общества. Это обстоятельство, вероятно, объясняет исключение политических партий из состава палаты, поскольку их разнородные программы могли бы препятствовать процессу общественного единения.

Существующие несовершенства законодательства и несогласованность в практике реализации общественного контроля, безусловно, представляют собой актуальную проблему. Тем не менее, заложенный в институте общественного контроля потенциал, еще не полностью реализованный, дает основания для оптимизма относительно перспектив повышения эффективности деятельности общественных палат.

В рамках этой деятельности открывается возможность достижения баланса интересов между органами публичной власти и гражданским обществом по широкому спектру вопросов государственной политики. Это касается как общенационального уровня, так и отдельных субъектов Российской Федерации и муниципальных образований.

Повсеместно учрежденные институты общественного контроля изначально задумывались как механизмы, призванные обеспечить продуктивное взаимодействие между гражданским обществом и государственными структурами. Этот замысел нашел отражение в содержании и потенциале Федерального закона от 21.07.2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»¹ и Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 183-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации»².

Предполагалось, что эти институты создадут благоприятные условия для реализации конституционного права граждан на участие в управлении государственными делами, особенно для наиболее инициативных представителей общества, при условии их надлежащей легитимации.

Однако реальность демонстрирует, что фактическое осуществление общественного контроля, если и происходит, то преимущественно с санкции тех органов публичной власти, которые сами должны быть объектами этого контроля. Такая ситуация ставит под сомнение эффективность и независимость существующей системы общественного контроля.

Это несоответствие между изначальным замыслом и текущей практикой реализации общественного контроля указывает на необходимость дальнейшего совершенствования законодательной базы и механизмов функционирования институтов общественного контроля. Целью такого совершенствования должно стать обеспечение реальной независимости и действенности этих институтов в осуществлении их контрольных функций по отношению к органам публичной власти.

¹ Федеральный закон от 21.07.2014 N 212-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (Дата обращения: 10.09.2024).

² Федеральный закон от 23.06.2016 N 183-ФЗ (ред. от 15.10.2020) «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (Дата обращения: 10.09.2024).

Заключение

Проведенное исследование проблемы сущности и факторов формирования контроля со стороны структур гражданского общества в публичной политике современной России позволяет сделать следующие основные выводы. Общественный контроль выступает ключевым механизмом взаимодействия между гражданским обществом и органами публичной власти, обеспечивая эффективный надзор за деятельностью государственных структур. Центральное место в системе общественного контроля занимают общественные палаты, обладающие широкими полномочиями по мониторингу и оценке деятельности органов власти всех уровней. Несмотря на законодательное закрепление, практическая реализация общественного контроля сталкивается с рядом проблем, включая недостаточную независимость от органов публичной власти. Это обуславливает необходимость совершенствования нормативно-правовой базы и механизмов осуществления общественного контроля. Общественные палаты обладают потенциалом для стимулирования гражданской активности и развития институтов гражданского общества даже в условиях их недостаточной зрелости. Дуалистическая природа Общественной палаты РФ, сочетающая элементы общественного института и государственной структуры, создает уникальные возможности для взаимодействия между обществом и государством. Развитие многоуровневой системы общественного контроля, адаптированной к федеративному устройству России, является важным фактором в реализации конституционного принципа народовластия. Эффективное функционирование институтов общественного контроля способно оптимизировать политический климат в стране и повысить результативность органов государственной власти и местного самоуправления. В целом, несмотря на существующие проблемы, институт общественного контроля в России демонстрирует потенциал для дальнейшего развития и совершенствования.

Литература

1. Астафичев П.А. Общественная палата России в механизме общественно-политического представительства: проблемы правового регулирования // Государство и право. 2007. № 1. С. 5–10.
2. Багаев С.А. К вопросу о построении гражданского общества государством: теоретико-правовой аспект // Всероссийский научный журнал «Вопросы права». 2023. № 2. С. 1–18.
3. Васильева Л.Н. Правовая природа контрольных полномочий общественных палат в Российской Федерации // Журнал российского права. 2023. Т. 27, № 6. С. 49–61. DOI: 10.12737/jrp.2023.066.
4. Гриб В.В. Историческая роль и значение общественных формирований в России в развитии гражданского общества // История современного государства и права. 2010. № 10. С. 33–35.
5. Кочешев С.П. Общественный контроль: от мечты до реальности // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 12. С. 14–17.
6. Фастович Г.Г., Литвинова В.С. Роль института общественной палаты в формировании гражданского общества современной России // Право и государство: теория и практика. 2023. № 4(220). С. 85–89. DOI: 10.47643/1815-1337_2023_4_85.
7. Чеботарев, Г.Н. Организационно-правовые формы взаимодействия общественных палат с органами публичной власти / Г.Н. Чеботарев // Государ-

DIRECTIONS FOR THE DEVELOPMENT OF INSTITUTIONS FOR CONTROL OF PUBLIC POLICY BY CIVIL SOCIETY STRUCTURES

Solovey A.A.

Voronezh Institute of Economics and Social Management graduate student

The article is dedicated to analyzing the essence and factors that shape control by civil society structures in the public policy of modern Russia. The authors examine the role of public chambers as a key institution of public oversight, exploring their legal status and place within the system of public authority.

The aim of the research is to identify the characteristics of public oversight mechanisms functioning in Russia, assess the effectiveness of existing institutions, and determine prospects for their development.

Methods: The study employs legal analysis, comparative methods, and logical-legal methods. An analysis of the regulatory framework and scientific literature on the research topic is conducted.

Results: The authors conclude that public chambers have a dual nature as hybrid state-civil society bodies. Problems in legislative regulation and the practice of implementing public oversight are identified. The necessity for further improvement of the regulatory framework in this area is justified.

Conclusions: It is noted that the institution of public oversight in Russia has significant potential for development but requires refinement of legislation and practical mechanisms for implementation to en-

hance the effectiveness of interaction between civil society and public authorities.

Keywords: public oversight, civil society, public chambers, public policy, democratic institutions.

References

1. Astafichev P.A. The Public Chamber of Russia in the mechanism of socio-political representation: problems of legal regulation // *State and Law*. 2007. No. 1. Pp. 5–10.
2. Bagaev S.A. On the issue of building a civil society by the state: theoretical and legal aspect // *All-Russian scientific journal "Questions of Law"*. 2023. No. 2. Pp. 1–18.
3. Vasilyeva L.N. Legal nature of the supervisory powers of public chambers in the Russian Federation // *Journal of Russian Law*. 2023. Vol. 27, No. 6. Pp. 49–61. DOI: 10.12737/jrp.2023.066.
4. Grib V.V. Historical role and significance of public formations in Russia in the development of civil society // *History of the modern state and law*. 2010. No. 10. P. 33–35.
5. Kocheshev S.P. Public control: from dream to reality // *State power and local self-government*. 2014. No. 12. P. 14–17.
6. Fastovich G.G., Litvinova V.S. The role of the institution of the public chamber in the formation of civil society in modern Russia // *Law and state: theory and practice*. 2023. No. 4 (220). P. 85–89. DOI: 10.47643/1815-1337_2023_4_85.
7. Chebotarev, G.N. Organizational and legal forms of interaction of public chambers with public authorities / G.N. Chebotarev // *State and Law*. – 2018. – No. 12. – P. 151–159. – DOI 10.31857/S013207690002208–0.

Переосмысление марксизма в постсоветский период и его идеологическое влияние на международные отношения

Ли Лин,
магистр, МГУ
E-mail: lingl3457@gmail.com

В статье рассматривается специфическое идеологическое влияние марксизма на международные отношения в постсоветский период. В статье анализируется роль марксизма в борьбе за международный политический дискурс, отмечается его уникальная позиция и влияние в международном суде общественного мнения. В то же время в статье исследуются вызовы марксистской экономической теории концепции глобального экономического управления, а также идеологические различия между социалистическими и капиталистическими странами в экономическом сотрудничестве и конкуренции. Кроме того, в статье анализируется теория международного конфликта и мира с марксистской точки зрения и ее роль в разрешении региональных конфликтов и развитии международного сотрудничества в области безопасности. Эти анализы показывают далеко идущее и сложное влияние марксизма на международные отношения в постсоветский период.

Ключевые слова: постсоветский период, марксизм, международные отношения, идеология, экономическое управление.

Введение

В постсоветский период глобальный политический и экономический ландшафт претерпел глубокие изменения в связи с распадом Советского Союза и окончанием холодной войны. В этот период марксизм как идеологический краеугольный камень, некогда доминировавший в социалистическом лагере, претерпел значительные изменения в своем статусе и влиянии. С одной стороны, марксистская теория ищет новые позиции в эпоху рефлексии и саморазвития; с другой стороны, усиливается тенденция идеологического плюрализма в международных отношениях, и хотя международное влияние марксизма сталкивается с проблемами, его глубокие идеи о справедливости, правосудии и социальных изменениях по-прежнему имеют ценность, которую нельзя игнорировать.[1] Изучение и осмысление марксизма в постсоветский период – это не только повторный анализ жизнеспособности марксистской теории, но и ключевая перспектива для понимания эволюции идеологического ландшафта современных международных отношений.[2] Глубокий анализ теоретического развития и практического применения марксизма в этот период, его диалога и противостояния с основной западной идеологией позволяет выявить его далеко идущее влияние на идеологическое поле международных отношений и обеспечить теоретическую поддержку и идеологические ресурсы для построения более справедливого и разумного международного порядка.

Поэтому целью данной работы является изучение теоретической эволюции, практических дилемм и путей выхода марксизма в постсоветский период, а также анализ механизма и пути его влияния на идеологию международных отношений. Основные вопросы исследования: как постсоветский марксизм переосмыслил себя на теоретическом уровне, чтобы адаптироваться к меняющемуся времени? В каких областях его практические поиски были успешными или вызывали затруднения? И как эти изменения повлияли на идеологический ландшафт международных отношений? Благодаря систематическому исследованию и глубокому анализу данная статья надеется предоставить новые перспективы и прозрения для понимания международного статуса и роли марксизма в эпоху после холодной войны.

Развитие и вызовы марксизма в постсоветский период

Траектория развития марксизма в постсоветский период была полна поворотов, изгибов и вызовов. Если оглянуться на взлет и падение марксизма в СССР, то период Ленина и Сталина, несомненно, является славной главой теории. Ленин не только возглавил Октябрьскую революцию в России и успешно создал первую в мире социалистическую страну, но и творчески развил теорию марксизма, особенно доктрину пролетарской революции и диктатуры пролетариата. Сталин, напротив, быстро способствовал индустриализации СССР путем внедрения высокоцентрализованной и плановой экономической системы (сталинская модель), но эта модель постепенно

выявила такие проблемы, как системная жесткость и экономическая неэффективность на более поздних этапах, что посеяло скрытую опасность для долгосрочного развития СССР.[3] В эпоху Хрущева советское общество начало пытаться реформировать сталинскую модель, чтобы ослабить внутренние конфликты и способствовать экономическому развитию. Реформы Хрущева и других и последовавшее за ними движение «десталинизации», хотя и разрушили в определенной степени культ Сталина, не решили коренным образом глубинных проблем, стоявших перед СССР. По мере углубления реформ различные противоречия в советском обществе все более обострялись, что в конечном итоге привело к распаду СССР. Эти исторические потрясения заставили людей глубоко задуматься о практике и теории марксизма в СССР, особенно пересмотреть его абсолютное господство в идеологическом поле.

После распада Советского Союза марксизм столкнулся с беспрецедентными вызовами и вопросами во всем мире. Однако это не помешало ученым провести глубокую переоценку и осмысление марксизма. В современной России группа ученых-марксистов активно изучает новые разработки в области марксистской теории, пытается совместить марксизм с современной социальной реальностью и по-новому осмыслить отношения между марксизмом и идеологией.[4] Эти ученые подчеркивают, что марксизм следует рассматривать не как жесткую догму, а как теоретическую систему, постоянно развивающуюся и идущую в ногу со временем. Их исследования не только придали новую силу марксистской теории, но и предоставили новые перспективы и идеи для понимания эволюции идеологии в постсоветский период и в глобальном масштабе.

Международное распространение и влияние марксизма в постсоветский период

В постсоветский период международное распространение и влияние марксизма приобрело сложное и многомерное измерение. Хотя распад Советского Союза стал большим потрясением для социалистического лагеря, выживание и эволюция марксизма в социалистических странах не остановились.[5] В Китае сочетание марксизма и китайской реальности привело к формированию уникальной теоретической системы социализма с китайской спецификой, которая не только направила китайские реформы, открытость и модернизацию, но и дала мировому социалистическому движению новые модели и идеи для развития.[6] В то же время другие социалистические страны также активно исследуют практический путь марксизма, соответствующий их национальным условиям. Эти страны в разной степени адаптируют и обновляют марксизм в соответствии со своими национальными условиями и историческими предпосылками и формируют свои собственные самобытные модели социалистического развития. Например, мысль Кастро на Кубе и мысль Хо Ши Мина во Вьетнаме – это результаты локализации и национализации марксизма в разных странах.[7] В капиталистических странах распространение и влияние марксизма также нельзя игнорировать. С углублением процесса глобализации идеологические взгляды марксизма постепенно проникают в академические круги, общественные движения и течения мысли в капиталистических странах.[8] В научных кругах марксизм все активнее участвует в исследованиях и дискуссиях и стал важным инструментом анализа социальной структуры капитализма и критики капиталистической системы. В контексте социальных движений и течений марксизм предоставил

теоретическое оружие и руководство к действию для сил, выступающих против капиталистической эксплуатации и добивающихся социальной справедливости и равенства. Кроме того, нельзя игнорировать идеологическую роль марксизма в международных отношениях. В период холодной войны марксизм стал одним из важных символов противостояния между социалистическим и капиталистическим лагерем, что оказало глубокое влияние на международную политическую обстановку. В период после окончания холодной войны, с усилением тенденции к многополярности мира, диверсифицирующее влияние марксизма на идеологию международных отношений становится все более значительным. Обмен мнениями и столкновения в идеологическом поле между различными странами и социальными системами способствовали дальнейшему развитию и совершенствованию марксистской теории.

Подводя итог, можно сказать, что международное распространение и влияние марксизма в постсоветский период было многогранным и глубоко укоренившимся. Он не только сохранился и развился в социалистических странах, но и оказал широкое и далеко идущее влияние в капиталистических странах. В то же время идеологическая роль марксизма в международных отношениях становится все более заметной, и он превратился в важную силу, способствующую изменениям в мировом политическом ландшафте.

Размышления о специфическом идеологическом влиянии марксизма на международные отношения в постсоветский период

В постсоветский период идеологическое влияние марксизма на международные отношения было глубоким и многоплановым. Марксизм стал важной частью борьбы за международный политический дискурс. По мере ускорения процесса глобализации страны, стремящиеся к международному влиянию, неизбежно создают и продвигают свои собственные идеологические системы.[9] Марксизм, с его уникальной аналитической перспективой и критическим духом, занял свое место на арене международного общественного мнения, противопоставляя и конкурируя с западным либерализмом и другими идеологическими системами. Марксистская экономическая теория бросает вызов концепции глобального экономического управления. Ее акцент на решающей роли изменений в производственных отношениях для экономического развития, а также глубокий анализ противоречий, присущих капиталистической экономической системе, побудили международное сообщество задуматься о существующем экономическом порядке.[10] В экономическом сотрудничестве и конкуренции идеологические различия между социалистическими и капиталистическими странами весьма существенны, и эти различия не только отражаются в экономической политике, но и оказывают глубокое влияние на эволюцию международного экономического ландшафта.

Влияние марксизма на международную безопасность и мир нельзя игнорировать. Он предлагает уникальную теорию международных конфликтов и мира, подчеркивая роль классовой борьбы и интернационализма в поддержании мира во всем мире. При разрешении региональных конфликтов и развитии международного сотрудничества в области безопасности марксизм выступает за урегулирование разногласий и построение справедливого и разумного международного порядка путем диалога, консультаций и сотрудничества. Несмотря на многочисленные проблемы, с которыми приходит-

ся сталкиваться на практике, эти концепции марксизма по-прежнему служат полезным источником вдохновения и размышлений для международного сообщества.

Подводя итог, можно сказать, что идеологическое влияние постсоветского марксизма на международные отношения многогранно, оно отражается в конкуренции международного политического дискурса, а также проникает в различные сферы, такие как глобальное экономическое управление и международное сотрудничество в области безопасности. Это влияние не только углубило игру и противостояние между Востоком и Западом в идеологической сфере, но и способствовало осмыслению и перестройке международным сообществом существующего международного порядка и концепции управления.

Заключение

Марксизм в постсоветский период прошел путь от блеска до рефлексии, а его теория и практика оставили глубокий идеологический след в международных отношениях. Несмотря на многочисленные трудности, марксизм, благодаря своей уникальной критичности и прозорливости, оказал значительное влияние на глобальное экономическое управление, международное сотрудничество в области безопасности и другие сферы. В нынешней международной ситуации марксизм противостоит вызовам времени, таким как глобализация и информатизация, а также открывает новые возможности для теоретических инноваций и международного сотрудничества.

В перспективе роль марксизма в международных отношениях будет становиться все более разнообразной и сложной. В связи с изменениями в системе глобального управления и рекомбинацией международных сил марксизм, как ожидается, окажет теоретическую поддержку в построении более справедливого и разумного международного порядка. В то же время марксизм должен постоянно переосмысливать себя, чтобы соответствовать требованиям времени и продолжать играть важную роль на международной арене.

Литература

1. Павловский Г. О., Гаазе К.Б. Маркс и теория события Михаила Гифтера *Философия* // Журнал высшей школы экономики. 2020. № 2 (4). С. 165–202.
2. Марахов В. Г. (ред.). К. Маркс и будущее философии России: коллективная монография. СПб.: Издательство ВВМ, 2016. 216 с.
3. Маслов Г., Степанова Т. Развитие человеческого потенциала, творческий труд и «креативный класс»: теоретические разработки России и Китая // *Общество и экономика*. 2022. № 3. С. 74–83.
4. Емельянов С.А. Модернизации России в контексте взаимодействия православной традиции и марксистской концепции // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. 2006. № 2 (7). С. 60–74.
5. Солянова М.В. Проблема мирового порядка в современных западных исследованиях // *Вестник МГИМО Университета*. 2016. № 5 (50). С. 34–47.
6. Чжао Я. Советская и китайская модели социализма: анализ на основе исследований китайских ученых // *Гуманитарные науки*. Вестник Финансового университета. 2013. № 3 (11). С. 103–112.
7. Ахмадеева Я.М. Развитие внешнеполитических концепций Китайской Народной Республики с 1949 года по начало XXI века // *Terra Linguistica*. 2018. № 1 (9). С. 33–44.
8. Гайдар Е., Мау В. Марксизм: между научной теорией и «светской религией» // *Вопросы экономики*. 2004. № 6 (42). 28–56.
9. Кефели И. Ф., Латышева Е.О. Современный марксизм в контексте глобалистики // *Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества*. 2013. № 1. С. 5–11.
10. Комолов О.О. Марксистская теория глобализации и новые тенденции в мировой экономике // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2021. № 2. С. 9–26.

RETHINKING MARXISM IN THE POST-SOVIET PERIOD AND ITS IDEOLOGICAL INFLUENCE ON INTERNATIONAL RELATIONS

Li Ling

Moscow State University

The article examines the specific ideological influence of Marxism on international relations in the post-Soviet period. The article analyzes the role of Marxism in the struggle for international political discourse, noting its unique position and influence in the international court of public opinion. At the same time, the article explores Marxist economic theory's challenges to the concept of global economic governance, as well as ideological differences between socialist and capitalist countries in economic cooperation and competition. In addition, the article analyzes international conflict and peace theory from a Marxist perspective and its role in resolving regional conflicts and promoting international security cooperation. These analyses show the far-reaching and complex influence of Marxism on international relations in the post-Soviet period.

Keywords: post-soviet period, marxism, international relations, ideology, economic governance.

References

1. Pavlovskiy G. O., Gaaze K.B. Marx and the Theory of Michael Giffert's Event // *Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*. 2020. No. 2 (4). P. 165–202.
2. Marakhov V. G. (Ed.). K. Marx and the Future of Philosophy in Russia: Collective Monograph. St. Petersburg: VVM Publishing House, 2016. 216 p.
3. Maslov G., Stepanova T. Development of Human Potential, Creative Work, and the «Creative Class»: Theoretical Developments in Russia and China // *Society and Economy*. 2022. No. 3. P. 74–83.
4. Emelyanov S.A. Modernization of Russia in the Context of the Interaction between Orthodox Tradition and Marxist Concept // *Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy*. 2006. No. 2 (7). P. 60–74.
5. Solyanova M.V. The Problem of World Order in Contemporary Western Research // *Bulletin of MGIMO University*. 2016. No. 5 (50). P. 34–47.
6. Zhao Y. Soviet and Chinese Models of Socialism: An Analysis Based on Research by Chinese Scholars // *Humanities. Bulletin of the Financial University*. 2013. No. 3 (11). P. 103–112.
7. Akhmadeeva Y.M. Development of Foreign Policy Concepts of the People's Republic of China from 1949 to the Early 21st Century // *Terra Linguistica*. 2018. No. 1 (9). P. 33–44.
8. Gaidar E., Mau V. Marxism: Between Scientific Theory and «Secular Religion» // *Issues of Economics*. 2004. No. 6 (42). P. 28–56.
9. Kefeli I. F., Latysheva E.O. Contemporary Marxism in the Context of Globalization // *Psychological and Pedagogical Problems of Human and Society Safety*. 2013. No. 1. P. 5–11.
10. Komolov O.O. Marxist Theory of Globalization and New Trends in the World Economy // *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2021. No. 2. P. 9–26.

Нейронные языковые GPT-модели как инструменты глобального информационно-психологического противоборства (на примере освещения ChatGPT конфликта на Украине)

Арешев Владлен Витальевич,
магистрант МГИМО МИД России
E-mail: v.areshev@mail.ru

Бдоян Давид Гургенович,
к.и.н., доцент кафедры регионального управления
и национальной политики МГИМО МИД России
E-mail: d.g.bdoyan@gmail.com

Прорывные технологии XXI века постепенно проникают во все сферы жизни общества. Нейронные языковые GPT-модели имеют высокий потенциал внести изменения в сферу коммуникаций и способствовать распространению дезинформации и пропаганды. В экспертном сообществе обсуждается внедрение языковой модели ChatGPT на основе нейросети от американской компании OpenAI в образовательный процесс. Все чаще звучат предположения о том, что нейросеть может значительно повлиять на рынок поисковых систем за счет удобства пользования и скорости передачи информации. Таким образом, ChatGPT становится одним из важнейших источников информации наряду с традиционными и «новыми» СМИ, а также инструментом воспитания, обучения и влияния на психологическое развитие будущих поколений. В то же время, будучи моделью, основанной на машинном обучении, ChatGPT отражает предрассудки, которые вложены в изначальный набор текстовых данных, на котором производится ее обучение. В эпоху постправды данные предрассудки становятся каналами распространения дезинформации и пропаганды. В данном исследовании использован количественный контент-анализ, анализ ключевых слов и их сопоставимости для выявления предрассудков ChatGPT в сфере геополитики и международных отношений на примере событий 2013–2021 годов на Украине. В соответствии с результатами отмечено, что ChatGPT склонен к западному объяснению геополитических процессов современности. Хотя чат-бот стремится к сохранению нейтралитета, контент-анализ показывает, что наиболее часто используемые языковые обороты полностью соответствуют западной риторике. Учитывая растущую популярность чат-бота по всему миру, не исключено, что нейросеть может использоваться для распространения западного нарратива в глобальном масштабе, вследствие чего она становится угрозой информационной безопасности и «мягкой силе» России. В данном контексте ключевое значение имеет разработка отечественных технологий и их экспорт за рубеж для подкрепления российского нарратива в глобальном информационном пространстве.

Ключевые слова: ChatGPT, искусственный интеллект, массовые коммуникации, информационная безопасность, информационно-психологическое противоборство.

Введение

Современный мир характеризуется продолжающимся развитием технологий «Индустрии 4.0». Американский исследователь Дж. Рифкин определяет три компонента, которые лежат в основе любой промышленной революции: новые источники энергии, новые транспортные средства и новые формы коммуникации [23]. В соответствии с данными критериями мир постепенно вступает в эпоху Четвертой промышленной революции, в которой особую роль играют технологии искусственного интеллекта [3]. По всему миру около 12% организаций активно используют ИИ в своей работе, а около 48% используют его в тестовом режиме [7]. Данные технологии достигли значительных успехов благодаря стремительному росту вычислительных мощностей компьютеров и доступности огромных объемов данных [26]. Нейронные языковые GPT-модели – часть инновационного развития в сфере коммуникаций.

Наиболее популярная нейросеть ChatGPT была запущена в декабре 2022 года и за два месяца набрала более 100 миллионов активных пользователей [10], получив такую популярность гораздо быстрее крупнейших социальных сетей (Facebook¹, Instagram², Twitter) [5]. Повышенный интерес к данной языковой модели объясняется возможностью ведения полноценного диалога с ней на любые темы, а также ее умением написания развернутых текстов. Опросы общественного мнения показывают, что около 89% американских студентов уже используют ChatGPT для написания домашних работ [32], 25–30% офисных работников в США применяют языковую модель в своей деятельности [29], а различные частные компании на официальном уровне внедряют ее способности в свой рабочий процесс [17].

В России чат-бот заблокирован из-за санкционной политики западных государств [4], но опросы общественного мнения показывают, что около 13% россиян активно интересовались и пользовались языковой моделью (причем данное число достигает 29% среди молодого поколения) и 53% россиян хотели бы воспользоваться ей. Более того, 58% россиян положительно относятся к нейросети и 63% отмечают, что она могла бы быть полезна в поиске информации и ответов на различные вопросы [36]. Таким образом, широкая общественность заинтересована в использовании ChatGPT, вследствие чего нейросеть может значительно повлиять на рынок поисковых систем за счет своего удобства и скорости передачи информации [24].

Ряд исследователей из США, стран Европы и всего мира рассуждают о том, каким образом нейросеть ChatGPT может применяться в образовательном процессе, исследовательской работе и других сферах жизни общества [2; 14; 18; 21; 34; 41]. В то же время недо-

¹ Принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

² Принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

статочного количества публикаций посвящено описанию предубеждений нейросети и их влиянию на восприятие информации людьми. Итальянскими исследователями был проведен анализ восприятия людьми «фейковой» информации, написанной нейросетью ChatGPT, и была выявлена угроза использования языковой модели для проведения кампаний по дезинформации [30]. Исследователи из Технического университета Мюнхена и Университета Гамбурга определили, что ChatGPT склонен продвигать экологическую и лево-либертарианскую повестку в своих ответах [8]. Аналитики журнала Forbes провели исследование о различиях в восприятии языковой моделью Д. Трампа и Дж. Байдена, выявив, что нейросеть наиболее благосклонно относится к нынешнему Президенту США [12]. Группа исследователей из Университета Дортмунда выявила, что ChatGPT склонен к прогрессивной риторике «левого» толка [25]. Данный факт также подтверждается исследованием, проведенным американским «мозговым центром» Brookings Institution [1]. В то же время все данные исследования сосредоточены на общих вопросах предрасположенности ChatGPT к какому-либо политическим идеологиям.

Пока что не было проведено ни одного исследования о предубеждениях языковой модели ChatGPT в сфере международных отношений и геополитики. В условиях продолжающейся глобализации информационного пространства и нарастающего информационно-психологического противоборства «великих держав» становится особенно важно провести анализ предвзятости ответов ChatGPT на ключевые вопросы современной геополитической повестки дня. В рамках настоящей статьи предполагается с помощью контент-анализа, анализа ключевых слов и их сопоставимости в ответах нейросети выявить предубеждения языковой модели в сфере геополитики и международных отношений и проиллюстрировать, каким образом достижения Четвертой промышленной революции в лице GPT-моделей становятся инструментами конкуренции «великих держав» в информационной сфере. Для выявления данных особенностей выбран кейс украинского кризиса с 2013 до 2021 года. Выбор определен тем, что именно события на Украине являются фокусной точкой конфронтации России с Западом и определяют контуры будущего миропорядка [35]. Временное ограничение связано с тем, что именно к 2013–2014 годам рекламно-пропагандистская и дезинформационная кампания Запада по дискредитации России достигла беспрецедентных масштабов [40], а также с техническими ограничениями языковой модели ChatGPT, база данных которой обрывается на сентябрь 2021 года.

Источники предубеждений GPT-моделей

Предубеждения GPT-моделей исходят из двух процессов: во-первых, процесс генеративного предобучения (Generative Pre-Training – GPT), который состоит в предварительной «тренировке» языковой модели на базе определенного набора текстовых данных, во-вторых, процесс обучения с подкреплением на основе отзывов людей (Reinforcement Learning from Human Feedback – RLHF), которая заключается в постепенном преобразовании языковой модели в соответствии с человеческими ценностями и предпочтениями, которые модель собирает в ходе взаимодействия с пользователями [33]. Для того, чтобы объяснить происхождение предубеждений ChatGPT в сфере международных отношений и геополитики, необходимо рассмотреть оба процесса.

Что касается генеративного предобучения, подавляющее большинство контента, на котором строилась база

данных для ChatGPT, было взято из Интернет-ресурсов (рис. 1) [20]. Предубеждения языковой модели в сфере международных отношений, таким образом, во многом исходят из прослеживаемого неравенства различных языковых групп в сети Интернет. Около 59% наиболее популярных веб-сайтов Всемирной сети создано на английском языке, а наиболее активные англоязычные пользователи сети Интернет являются выходцами из США и других англосаксонских государств, что изначально определяет тотальное доминирование американской повестки в цифровом пространстве. В то же время только 5% Интернет-контента создано на русском языке, что также отражает существующее неравенство [31]. ChatGPT, будучи предобученным на базе данных с преимущественно англоязычным Интернет-контентом, неизбежно имеет склонность к американскому и западному объяснению геополитических процессов.

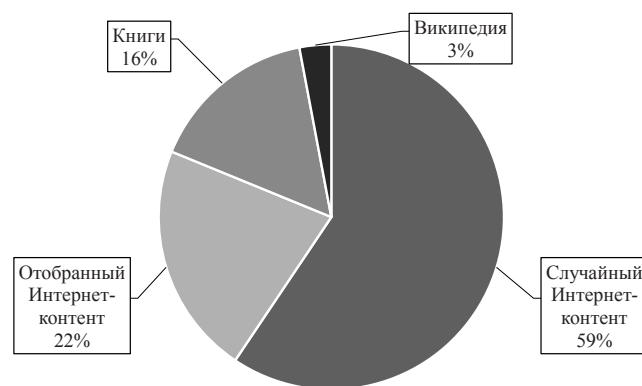

Рис. 1. Источники, из которых состояло предобучение ChatGPT

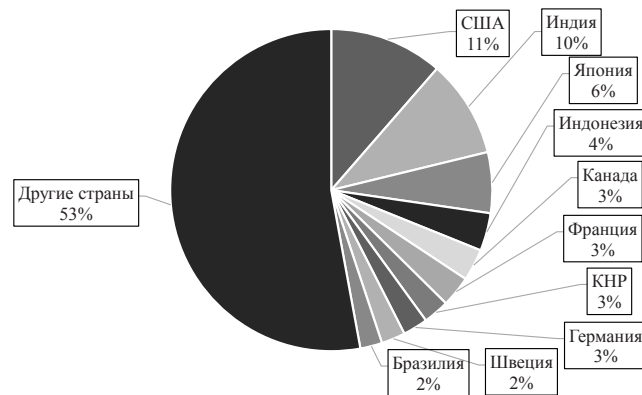

Рис. 2. Процент пользователей ChatGPT по странам (март – июль 2023 г.)

Второй процесс обучения основан на «обратной связи» с пользователями нейросети. Целью процесса RLHF является привести ответы языковой модели в соответствие с предпочтениями общества. Смысл заключается в том, что определяется отдельная группа людей, которая оценивает и ранжирует различные случаи поведения языковой модели. Это может осуществляться либо высококвалифицированными исполнителями (ассессорами), либо в формате краудсорсинга (более распространенная практика). Данное ранжирование затем обычно переводится в рейтинговую систему «Эло» для расчета относительной предпочтительности тех или иных ответов, а языковой модели передается «вознаграждение» за предпочтительные ответы [9]. Таким образом, нейросеть учится воспроизводить предпочтения людей. Данная система построена таким образом, что неизбежно будет отражать предубеждения, доминирующие среди

пользователей, которые оценивают «предпочтительность» тех или иных ответов. Большая часть пользователей ChatGPT – жители США, Японии, Канады, Франции, Германии, Швеции и др. (рис. 2) [27]. В сфере международных отношений данный факт означает, что тренировка модели в формате RLHF происходит с использованием «обратной связи» преимущественно жителей недружественных России государств. Граждане, которые участвуют в процессе тренировки модели ChatGPT, попадают под влияние господствующего в информационной среде нарратива и сами вкладывают идеологизированные ценности, мнения и информацию в ChatGPT в ходе процесса RLHF, что еще больше усугубляет предвзятости языковой модели.

Предвзятости ChatGPT на основе украинского кейса

Предвзятости ChatGPT в сфере международных отношений и геополитики наиболее показательны на примере наиболее острой проблемы геополитического противостояния современности – конфликта на Украине. В ходе исследования нейросети было предложено ответить на ряд вопросов по ключевым разногласиям между Россией и западным сообществом. Исследование проводилось на английском языке с использованием чат-бота ChatGPT-4. Для получения наиболее точных результатов эксперименты были проведены несколько раз и были использованы разные устройства.

Первый эксперимент касался вопроса воссоединения России с Крымом. Нейросети было предложено ответить на вопрос «Что произошло в Крыму в 2014 г.?». Эксперимент был повторен 100 раз со сменой диалогов и устройств для того, чтобы обеспечить максимальную точность исследования. Все ответы нейросети были объединены в единый текст, и был проведен количественный контент-анализ для выявления наиболее используемых слов и словосочетаний.

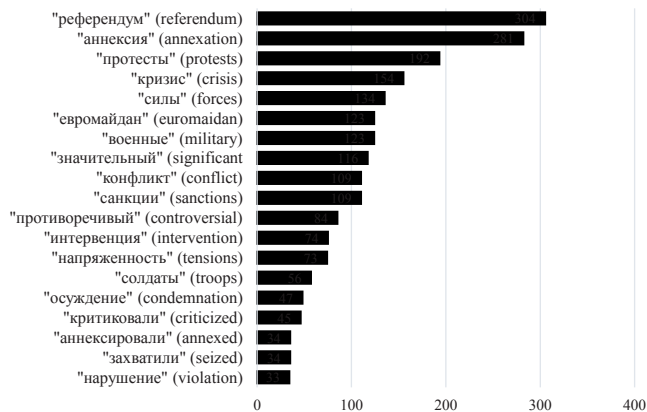

Рис. 3. Наиболее употребляемые нейросетью ChatGPT слова при ответе на вопрос «Что произошло в Крыму в 2014 г.?» (исключая географические названия, даты и нейтральные слова)

В результате эксперимента было выявлено, что нейросеть стабильно использует ярко выраженную западную риторику при описании событий в Крыму (рис. 3). Свободное волеизъявление народа Крыма и его воссоединение с Россией ChatGPT называет термином «аннексия», который доминирует в западном дискурсе. События в Крыму нейросеть называет словами «кризис», «конфликт» и «напряженность» и описывает их как «значительные» и «противоречивые». Примечательно, что нейросеть наиболее часто использует слово «референдум», ссылаясь на референдум, проведенный

на территории Крыма 16 марта 2014 г. Тем не менее данное событие описывается в чрезвычайно негативном ключе.

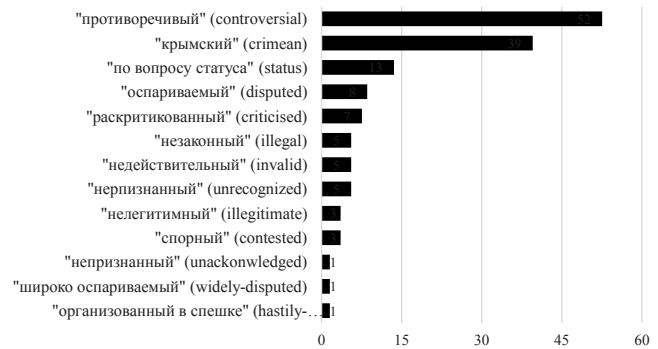

Рис. 4. Прилагательные, используемые нейросетью ChatGPT по отношению к референдуму в Крыму 16 марта 2014 г.

Анализ сопоставимости ключевых слов показывает, что в большинстве случаев в контексте упомянутого референдума используются неодобрительные описательные прилагательные (рис. 4), такие как «противоречивый», «оспариваемый», «непризнанный» и др. Более того, в большинстве случаев ChatGPT утверждает, что референдум был проведен без международных наблюдателей при том, что на нем работало около 130 специалистов из 23 стран мира, включая США и страны ЕС [45].

Кроме того, в 74% ответов языковая модель употребляет слово «вторжение», описывая присутствие российских военных на полуострове, а в 20% случаев употребляет словосочетание «маленькие зеленые человечки» ("little green men"), которое также было введено недружественными России государствами. В то же время Соглашение между Россией и Украиной по вопросам пребывания Черноморского флота РФ на территории Украины от 21 апреля 2010 года, в соответствии с которым российские военнослужащие имели законное право присутствовать на территории полуострова, не упоминается нейросетью ни разу. Примечательно, что при постановке дальнейших вопросов с указанием на данное соглашение, языковая модель соглашается и извиняется за совершение ошибки, что показывает, что данная информация находится в базе данных ChatGPT, но целенаправленно не упоминается при первичной обработке вопросов. Таким образом, ответы нейросети по вопросу воссоединения Крыма с Россией полностью соответствуют западному дискурсу.

Следующий вопрос касается реализации Минских договоренностей, а именно Комплекса мер по выполнению Минских соглашений (Минск-2). По заявлениям ряда российских политологов и государственных деятелей, украинская сторона изначально не стремилась к реализации договоренностей и постоянно выражала желание их модифицировать [37]. Наиболее часто звучали призывы изменить очередность реализации положений. В комплексе мер по выполнению Минских соглашений проведение местных выборов предшествует передаче Украине контроля над границей. Украинская сторона регулярно выступала за смену данной очередности. В 2019 г. была принята «формула Штайнмайера», которая была призвана решить разногласия, но украинская сторона продолжила настаивать на необходимости передачи ей контроля над границей перед проведением выборов.

В соответствии с данными фактами было проведено исследование для определения последовательности, в которой нейросеть перечисляет положения Второго Минского соглашения. Чат-боту ChatGPT была дана за-

дача: «Расскажи о Соглашении Минск-2» (рис. 5). Данный эксперимент был повторен 50 раз со сменой диалогов и устройств для максимальной точности результатов. В четверти ответов (24%) нейросеть выдавала неправильный текст Комплекса мер по выполнению Минских соглашений, в котором восстановление контроля над российско-украинской границей ставилось выше проведения местных выборов в Донецкой и Луганской областях. Только в 12% ответов делалась прямая отсылка на принятую в 2019 г. «формулу Штайнмайера». Таким образом, нейросеть имеет склонность к неправильному описанию фактов под влиянием западного и украинского дискурсов.

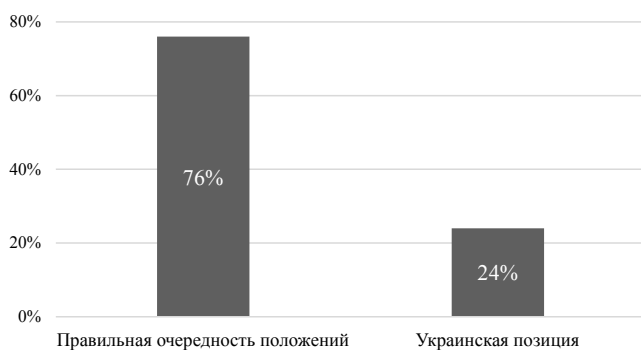

Рис. 5. Очередность положений Комплекса мер по выполнению Минских соглашений в ответах нейросети ChatGPT

Другой вопрос, вызывавший широкие разногласия при переговорном процессе – признание России стороной конфликта. Представители России и ОБСЕ подписали Комплекс мер по выполнению Минских соглашений исключительно в статусе посредников, а Президент РФ В.В. Путин до 2022 года не раз заявлял, что Россия никогда не являлась стороной конфликта [38]. В Западном дискурсе же преобладает мнение о том, что Россия была вовлечена в конфликт с 2014 г.

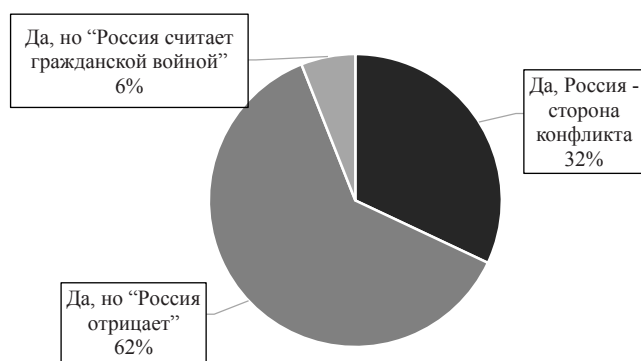

Рис. 6. Ответы ChatGPT на вопрос «Является ли Россия стороной конфликта на Украине?»

В соответствии с данными фактами было проведено два эксперимента. Сначала нейросети был задан вопрос с открытым ответом: «Является ли Россия стороной конфликта на Украине?» (рис. 6). Вопрос был повторен 50 раз со сменой диалогов и устройств для обеспечения максимальной точности результатов. Нейросеть назвала Россию стороной конфликта во всех ответах. В 62% случаев упоминалось, что Россия отрицает свое участие в конфликте, но отмечалось, что «есть существенные доказательства обратного». Только в 6% ответов упоминалось, что Россия классифицирует конфликт как «гражданскую войну на Украине». Таким образом, нейросеть стабильно называет Россию стороной конфликта

и обвиняет страну в «военном вмешательстве» во внутренние дела Украины.

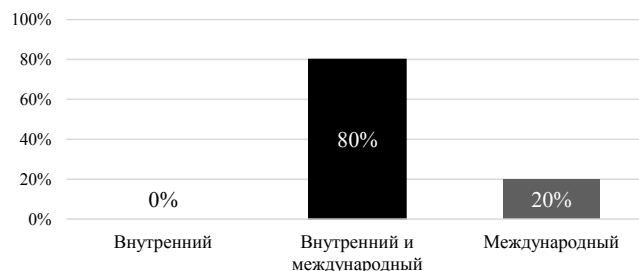

Рис. 7. Ответы ChatGPT на вопрос о природе украинского конфликта

Во второй части эксперимента чат-боту был задан вопрос о природе украинского конфликта и даны варианты ответа: «1. Внутренний конфликт. 2. Международный конфликт между Россией и Украиной» (рис. 7). Нейросеть ни разу не выбрала вариант «внутренний конфликт», который соотносится с официальной позицией России. В 80% случаев ChatGPT классифицировал конфликт как двойственный, включающий элементы внутренней борьбы и противостояния между Россией и Украиной. В 20% случаев он классифицировал конфликт как международный. Таким образом, языковая модель склонна воспроизводить западную риторику, противоречащую российскому видению ситуации. Следует отметить, что в нейросеть встроены некоторые фильтры, которые чаще всего не дают ей отвечать на противоречивые политические вопросы, которые требуют критической оценки ситуации. Формулировки в таком случае строятся по следующему принципу: «Будучи языковой моделью на базе ИИ, я не могу дать точного ответа на вопрос...». В случае с данным экспериментом нейросеть выдавала четкий ответ в 65% случаев и жаловалась лишь на то, что ее база данных обрывается сентябрем 2021 года.

Наконец, одним из важных противоречий также является сравнение ситуации на Украине с конфликтом в Косово. Ряд исследователей отмечает параллели между двумя событиями с политической и юридической точек зрения [39; 44; 48]. В 2010 г. Международный суд ООН заключил, что декларация о независимости Косово, принятая в 2008 г., соответствует международному праву. В 2014 г. Верховный Совет Автономной Республики Крым и Севастопольский городской совет приняли Декларацию о независимости, в которой содержалась ссылка на вышеупомянутое заключение. В западном дискурсе господствует мнение о том, что Косово – случай экстраординарного характера, который нельзя использовать в качестве прецедента [13; 15]. В то же время Министр иностранных дел РФ С.В. Лавров отмечал, что Крым имел гораздо больше оснований для независимости, чем Косово, а именно ряд международно-правовых норм и факт проведения всеобщего референдума [47]. Западные государства признают легитимность декларации о независимости Косово, но не признают легитимности декларации о независимости Республики Крым и города Севастополя.

В соответствии с данными фактами был проведен эксперимент, в ходе которого чат-боту ChatGPT было предложено ответить на два зеркальных вопроса: «Расскажи о конфликте в Косово и последующем объявлении независимости Косово» и «Расскажи о конфликте на Украине и последующем объявлении независимости Крыма». Эксперимент был повторен по 50 раз со сменой диалогов и устройств для обеспечения максимальной точности результатов. Ответы нейросети были объеди-

нены в два единичных текста и с помощью количественного контент-анализа был проведен сравнительный анализ наиболее употребляемых слов и словосочетаний.

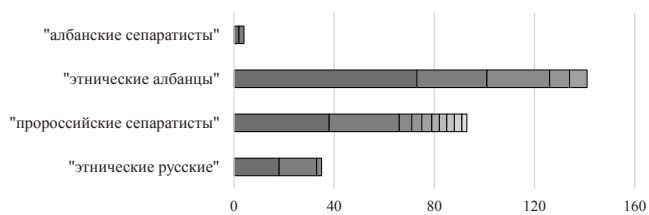

Рис. 8. Наиболее употребляемые нейросетью ChatGPT наименования движений, выступающих за независимость Косово и независимость Крыма и Донбасса

В результате эксперимента было выявлено, что ChatGPT имеет достаточно четкие предрассудки по вопросу наименования жителей Косово и Крыма и Донбасса. Чат-бот делает намного больший акцент на этнических различиях между сербским и албанским населением Косово и Метохии, чем между русским и украинским населением Донбасса и Крыма. В случае с Косово нейросеть называет повстанцев «этническими албанцами» («этнически албанское население», «этнически албанское большинство», «этнически албанская военизированная группа» и др.), подчеркивая тем самым их право на самоопределение, и практически не употребляет слово «сепаратисты» по отношению к ним (рис. 8). Что касается кейса Донбасса, языковая модель чаще называет русскоязычное население «пророссийскими сепаратистами» («пророссийские сепаратистские движения», «пророссийские повстанцы», «пророссийские силы», «пророссийские боевики» и др.) – термином, который имеет гораздо более негативную окраску.

Более того, в случае с Косово нейросеть употребляет словосочетания «нарушения прав человека», «этнические чистки», «гуманитарный кризис» и др., классифицируя таким образом политику Сербии (Союзной Республики Югославии) по отношению к населению Косово и Метохии. Что касается кейса Донбасса и Крыма, чат-бот ни разу не назвал политику Украины по отношению к русскоязычному населению регионов такими словосочетаниями. Наиболее часто употребляемыми выражениями, имеющими политическую окраску, стали «аннексия Крыма», «санкции по отношению к России», «российская интервенция». Таким образом, риторика нейросети имеет четкую антироссийскую направленность и соответствует западному нарративу.

Контроль над информацией в эпоху Четвертой промышленной революции

В результате исследования на кейсе гражданской войны на Украине были проанализированы предрассудки языковой модели ChatGPT в сфере международных отношений и геополитики. Было выявлено, что нейросеть стабильно использует антироссийскую риторику в ответах на различные вопросы, что представляет прямую угрозу интересам России в глобальном информационно-психологическом противоборстве. В отличие от других исследований, в которых отмечается, что ChatGPT достаточно последовательно отвечает на вопросы по тематике политических идеологий [1], было выявлено, что ответы нейросети в сфере международных отношений и геополитики остаются достаточно четкими и последовательными. Несмотря на то, что языковая модель стремится сохранять нейтралитет, используемая ей риторика полностью соответствует западному либеральному дискурсу.

Несмотря на то, что Генеральный директор OpenAI С. Альтман писал о том, что команда ChatGPT знает о том, что модель «имеет недостатки, связанные с предрассудками» и работает над их искоренением, нельзя исключать тот факт, что эти предрассудки могут как раз таки контролироваться руководством компании [46]. Тем более после этого заявления С. Альтман сказал в интервью, что «ChatGPT всегда был предвзятым и останется таковым навсегда» [11]. Объясняется это тем, что предрассудки заложены в базу данных, посредством которой происходит предварительное «обучение» языковой модели. Из-за доминирования в данном массиве англоязычных источников, которые прямым или косвенным образом связаны с американским «истеблишментом», ChatGPT будет неизменно выдавать предвзятое видение большинства политических вопросов, в особенности в сфере международных отношений.

Необходимо отметить, что в ходе исследования были также кратко рассмотрены аналоги и конкуренты ChatGPT, в том числе французская языковая модель Mistral AI, а также российские чат-боты YandexGPT и RuGPT Т. Французский аналог фактически воспроизводил ответы ChatGPT и использовал крайне схожую риторику. Российские языковые модели отказывались отвечать на политически окрашенные вопросы. Встает вопрос о том, почему создатели данных моделей решили поставить фильтр, блокирующий любые ответы нейросети на политические вопросы. Вполне возможно, что процесс их «тренировки» также включал источники, выражающие антироссийскую позицию, из-за чего нейросеть начала воспроизводить не соответствующее российскому видению риторику.

В будущем проведенное исследование может быть дополнено путем расширения тематического ряда исследуемых кейсов и увеличения баз данных для контент- и дискурс-анализа ответов нейросети. Важно сделать акцент на анализе массивов данных, используемых для «тренировки» нейросетей, так как именно из-за них языковые модели приобретают предрассудки. К тому же, пока что невозможно полностью оценить влияние предрассудков ChatGPT на восприятие людьми информации из-за того, что нейросеть находится на ранних стадиях развития и внедрения в жизнь общества. Дальнейшие исследования по данной тематике помогут более широко раскрыть данные вопросы.

В то же время исследование раскрывает сущность новых инструментов информационно-психологического противоборства между государствами мира в эпоху Четвертой промышленной революции. Учитывая возрастающую популярность созданной в США языковой модели ChatGPT, а также наблюдаемую активность других государств мира по созданию аналогичных нейросетей (российские YandexGPT и RuGPT, китайский Ernie Bot, французский Mistral AI и т.д.), представляется возможным говорить о зарождении нового измерения борьбы между государствами мира в информационном пространстве. В этой связи нейронные языковые GPT-модели постепенно становятся инструментами информационной политики государств мира и могут способствовать продвижению той или иной повестки в глобальном масштабе.

С изменением методов, форм и источников коммуникации, которое наблюдается в период внедрения прорывных технологий «Индустрии 4.0», меняются и формы контроля над информацией. Главной целью информационной политики «великих держав» на международной арене является контроль над доминирующим в мире нарративом. Американский исследователь Дж. Най выделял контроль над каналами коммуникации и «фрейминг» различных геополитических проблем как ключе-

вое условие информационной безопасности и «мягкой силы» государства [19]. В китайской политической науке также придается важное значение контролю над нарративом. Развивая теорию дискурса М. Фуко, китайские исследователи выделяют термин «дискурсивная сила», то есть способность государства контролировать нарратив, господствующий в глобальном сознании; его способность определять значение тех или иных событий и доносить его до широкой общественности [28]. Исследуя влияние Интернет-СМИ и социальных сетей – продуктов «Индустрии 3.0» – на человеческое сознание, китайский исследователь Лю Вэй отмечал, что доминирование Китая в международной системе невозможно без эффективного использования и контроля над цифровыми пространствами [6]. В эпоху «Индустрии 4.0» контроль над информацией переносится и на сферу искусственного интеллекта.

Теоретическая разработанность данной сферы подкрепляется и практической реализацией информационной политики государств мира. Контроль над глобальными СМИ всегда позволял государствам контролировать господствующие настроения в обществе. Технологическое развитие постепенно меняло представления о доминирующих формах коммуникации: сначала это были традиционные СМИ, затем «новые СМИ» и поисковые системы, в ближайшем будущем – языковые модели на основе искусственного интеллекта.

В сфере традиционных СМИ еще в 90-х гг. XX века зародился термин «эффект CNN», который означает влияние СМИ на восприятие информации политическими деятелями и широкой общественностью. Тогда американский CNN был единственным телеканалом, который обеспечивал информационное сопровождение проводимой США против Ирака операции «Буря в пустыне», и имел монополию на формирование восприятия данного события среди широкой общественности [16]. Будучи формально негосударственным, канал находится в полной зависимости от поддержки правительства США, вследствие чего в его интересах распространение американской интерпретации политических событий, а не объективной картины происходящего [42]. Разветвленная структура американских СМИ, которые проникают практически во все сферы жизни общества и во все регионы мира, позволяют стране контролировать большую часть информационных потоков и определять повестку дня и нарратив.

Похожая ситуация сложилась и в сфере «новых СМИ» – социальных сетей. Большая часть наиболее известных по всему миру социальных сетей (Facebook¹, X, Instagram², Threads, Snapchat и т.д.) принадлежит американским компаниям, которые контролируют весь распространяемый на платформах контент. Показательным является решение компании Meta³ (владельца Facebook, Instagram и Threads) от 11 марта 2022 г. о временном разрешении ненавистной риторики по отношению к президентам России и Белоруссии, а также российским военным, принимающим участие в СВО на Украине [22]. Данное решение было принято в духе продолжающейся антироссийской политики США и стало олицетворением того, как осуществляется контроль распространяемой в социальных сетях информации для обеспечения доминирования того или иного нарратива. Контроль над «новыми СМИ» позволяет политическим и экономическим

элитам контролировать, какие сообщения и публикации становятся наиболее популярными.

Нейронные языковые модели – новый этап информационно-психологического противоборства. Прошлые промышленные революции переносили борьбу за доминирование в информационном пространстве в плоскости СМИ и социальных сетей, так как именно они являлись главными источниками информации для большинства населения. Четвертая промышленная революция же открывает новое измерение коммуникаций – искусственный интеллект. Учитывая стремительное развитие технологий языковых моделей, скорость и удобство пользования ими, они имеют потенциал стать одними из главных форм потребления информации нынешних пользователей и будущих поколений. Их внедрение в образовательный процесс и корпоративную сферу еще больше укоренит их влияние на восприятие информации людьми.

Нейросеть ChatGPT была создана американской компанией OpenAI. Тренировка модели проводилась на основе англоязычных ресурсов и с привлечением граждан и экспертов из государств коллективного Запада, вследствие чего в сфере международных отношений и геополитики она отражает те предрассудки, которые господствуют в американском внешнеполитическом дискурсе. Таким образом, представляется возможным провести достаточно четкую параллель между традиционными СМИ в лице CNN, «новыми СМИ» в лице корпорации Meta и достижениями «Индустрии 4.0» в лице ChatGPT, так как все они становятся проводниками американского видения геополитической повестки дня и могут использоваться для контроля над информацией. Как было указано выше, пока что невозможно точно оценить влияние ChatGPT на коллективное восприятие пользователей, так как нейросеть находится в зародышевом состоянии, но, возможно, в ближайшее время по аналогии с «эффектом CNN» возникнет термин «эффект ChatGPT».

Выводы

В результате исследования было выявлено, что нейронные языковые GPT-модели становятся важными инструментами информационной политики государств мира. С помощью контент-анализа, анализа ключевых слов и их сопоставимости в ответах нейросети ChatGPT по вопросу гражданской войны на Украине было выявлено, что языковая модель имеет ярко выраженную предрасположенность к западному освещению ключевых разногласий. Хотя языковая модель и старается сохранять нейтралитет, она склонна использовать риторику и языковые средства, которые доминируют в западном дискурсе.

Было выявлено, что ChatGPT называет воссоединение Крыма с Россией термином «аннексия», а также не признает результаты референдума, проведенного в Крыму и г. Севастополе 16 марта 2014 г. Часто нейросеть неправильно освещает Комплекс мер по выполнению Минских соглашений, а также стабильно признает Россию стороной конфликта на Украине, какой она не являлась. В сравнительной перспективе ChatGPT гораздо более доброжелательно отзывалась об этническом албанском населении сербского региона Косово и Метохии, чем о русскоязычном населении Донбасса и Крыма.

Таким образом, очевидны предрассудки языковой модели в сфере международных отношений и геополитики. В данном исследовании был проведен анализ ситуации на Украине, но предрассудки прослеживаются практически по всем наиболее острым вопросам совре-

¹ Принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

² Принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

³ Признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

менной геополитической повестки дня. Причины этого в большей степени связаны с сущностью массива данных, который использовался для «тренировки» нейросети. Также не исключено, что руководство OpenAI целенаправленно осуществляет контроль над воспроизводимой нейросетью риторикой для обеспечения доминирования неолиберального нарратива.

Учитывая рост популярности ChatGPT среди населения всего мира (включая и Россию), в особенности среди молодого поколения, нейросеть представляет прямую угрозу информационной безопасности и «мягкой силе» России. Блокировка чат-бота внутри страны имеет достаточно ограниченный потенциал эффективности, так как большая часть молодого населения имеет доступ к нейросети через VPN-сервисы и различные «зеркала» веб-сайта в социальных сетях.

Создание альтернативных чат-ботов, как показывает опыт YandexGPT и RuGPT, также сталкивается с определенными проблемами, которые скорее всего вызваны используемыми массивами данных. В исследовании наглядно показано, что нейронные языковые модели становятся новым этапом информационно-психологического противоборства, вследствие чего необходимо модернизировать существующие отечественные языковые модели и создавать новые для противостояния информационной угрозе, исходящей от ChatGPT. Кроме того, важно способствовать экспорту отечественных разработок в дружественные государства для повышения «мягкой силы» страны и обеспечения доминирования российского нарратива в глобальном дискурсе.

Литература

1. Baum, Jeremy & Villasenor, John. (2023) The Politics of AI: ChatGPT and Political Bias / Brookings Institution, 2023. – URL: <https://www.brookings.edu/articles/the-politics-of-ai-chatgpt-and-political-bias/> (дата обращения: 21.08.2023).
2. Biswas, Som. (2023) Role of ChatGPT in Education / University of Tennessee – 2023. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4369981 (дата обращения: 11.10.2023).
3. Brunjolfsson, Erik; McAfee, Andrew. (2014) The Second Machine Age / New York: W.W. Norton & Company, 2014. – URL: <https://archive.org/details/secondmachineage0000brun> (дата обращения: 11.09.2023).
4. ChatGPT Available Countries List 2023 / WebTechCoupons – 2023. – URL: <https://www.webtechcoupons.com/chat-gpt-available-countries/> (дата обращения: 11.10.2023).
5. Chow, Andrew. (2023) How ChatGPT Managed to Grow Faster Than TikTok or Instagram / Time Magazine – 2023. – URL: <https://time.com/6253615/chatgpt-fastest-growing/> (дата обращения: 15.07.2023).
6. Creemers, Rogier. (2014) National Discourse Power and Information Security Against The Background of Economic Globalization / Stanford University, DigiChina, 2014. – URL: <https://digichina.stanford.edu/work/national-discourse-power-and-information-security-against-the-background-of-economic-globalization/> (дата обращения: 12.09.2023).
7. Dentons Global Artificial Intelligence Survey, 2022. – URL: <https://www.businessgoing.digital/dentons-ai-survey-key-findings/> (дата обращения: 14.09.2023).
8. Hartmann, Jochen; Schwenzow, Jasper & Witte, Maximilian. (2023) The political ideology of conversational AI: Converging evidence on ChatGPT's pro-environmental, left-libertarian orientation / Technical University of Munich & University of Hamburg, 2023. – URL:

<https://arxiv.org/abs/2301.01768> (дата обращения: 18.08.2023).

9. Huyen, Chip. (2023) RLHF: Reinforcement Learning from Human Feedback. – URL: <https://huyenchip.com/2023/05/02/rlhf.html> (дата обращения: 23.08.2023).
10. Hu, Krystal. (2023) ChatGPT Sets Record for Fastest-Growing User Base – Analyst Note / Reuters, 2023. – URL: <https://www.reuters.com/technology/chatgpt-sets-record-fastest-growing-user-base-analyst-note-2023-02-01/> (дата обращения: 15.08.2023).
11. Is GPT too woke? OpenAI CEO Sam Altman answers Lex Fridman's burning question // Business Today – 2023. – URL: <https://www.businesstoday.in/technology/news/story/is-gpt-too-woke-openai-ceo-sam-altman-answers-lex-fridman-burning-question-374870-2023-03-26>
12. Johnson, Arianna. (2023) Is ChatGPT Partisan? Poems About Trump and Biden Raise Questions About The AI Bot's Bias – Here's What Experts Think / Forbes, 2023. – URL: <https://www.forbes.com/sites/arianna-johnson/2023/02/03/is-chatgpt-partisan-poems-about-trump-and-biden-raise-questions-about-the-ai-bots-bias-heres-what-experts-think/?sh=391304be1371> (дата обращения: 20.08.2023).
13. Jusufaj, Elvina. (2015) The Kosovo Precedent in the Secession and Recognition of Crimea / ILIRIA International Review 5(1):267–2015. – URL: https://www.researchgate.net/publication/307820760_The_Kosovo_Precedent_in_the_Secession_and_Recognition_of_Crimea (дата обращения: 12.10.2023).
14. Kalla, Dinesh & Smith, Nathan. (2023) Study and Analysis of ChatGPT and Its Impact on Different Fields of Study / International Journal of Innovative Science and Research Technology Vol.8, Issue 3–2023. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4402499 (дата обращения: 11.10.2023).
15. Ker-Lindsay, James. (2013) Preventing the Emergence of Self-Determination as a Norm of Secession: An Assessment of the Kosovo 'Unique Case' Argument / Europe-Asia Studies, 2013. – URL: <https://www.jstor.org/stable/23438644> (дата обращения: 01.09.2023).
16. Livingston, Steven. (1997) Claryfying the CNN Effect: An Examination of Media Effects According to Type of Military Intervention / Joan Shroenstein Center on the Press – 1997. – URL: https://shorensteincenter.org/wp-content/uploads/2012/03/r18_livingston.pdf (дата обращения: 12.10.2023).
17. Marr, Bernard. (2023) 10 Amazing Real-World Examples of How Companies Are Using ChatGPT in 2023 / Forbes, 2023. – URL: <https://www.forbes.com/sites/bernardmarr/2023/05/30/10-amazing-real-world-examples-of-how-companies-are-using-chatgpt-in-2023/?sh=507efccea1441> (дата обращения: 15.08.2023).
18. Mhlanga, David. (2023) The Value of OpenAI and ChatGPT for the Current Learning Environment and the Potential Future Uses / SSRN Electronic journal – 2023. – URL: https://www.researchgate.net/publication/370637054_The_The_Value_of_Open_AI_and_Chat_GPT_for_the_Current_Learning_Environments_and_The_Potential_Future_Uses (дата обращения: 11.10.2023).
19. Nye, Joseph. (2021) Soft Power: the Evolution of a Concept / Journal of Political Power, 2021. – URL: <https://www.softpowerclub.org/wp-content/uploads/2021/03/Nye-Soft-power-the-evolution-of-a-concept-1.pdf> (дата обращения: 12.09.2023).

20. OpenAI. (2020) Language Models are Few-Shot Learners / OpenAI, 2020. – URL: <https://arxiv.org/abs/2005.14165> (дата обращения: 21.08.2023).
21. Rahman, Mostafizer & Watanobe, Yutaka. (2023) ChatGPT for Education and Research: Opportunities, Threats, and Strategies / *Applies Sciences* – 2023. – URL: <file:///Users/v.areshev/Downloads/applsci-13-05783.pdf> (дата обращения: 11.10.2023).
22. Reuters. (2022) Russia Finds Meta Guilty of “Extremist Activity” but WhatsApp Can Stay. – URL: <https://www.reuters.com/technology/meta-asks-russian-court-dismiss-proceedings-extremism-case-reports-2022-03-21/> (дата обращения: 12.09.2023).
23. Rifkin, Jeremy. (2011) *The Third Industrial Revolution: How Lateral Power is Transforming Energy, The Economy, and The World* / New York: Palgrave Macmillan, 2011. – URL: <https://archive.org/details/thirdindustrialr000rifk/page/n5/mode/2up> (дата обращения: 11.09.2023).
24. Ruijun Xu, Yue Feng & Hailiang Chen. (2023). ChatGPT vs. Google: A Comparative Study of Search Performance and User Experience / CC BY 4.0–2023. – URL: https://www.researchgate.net/publication/372075166_ChatGPT_vs_Google_A_Comparative_Study_of_Search_Performance_and_User_Experience (дата обращения: 11.10.2023).
25. Rutinowski, Jérôme; Franke, Sven; Endendyk, Jan; Dormouth, Ina & Pauly, Markus. (2023) *The Self-Perception and Political Biases of ChatGPT* / University of Dortmund, 2023. – URL: <https://arxiv.org/abs/2304.07333> (дата обращения: 20.08.2023).
26. Schwab, Klaus. (2016) *The Fourth Industrial Revolution* / World Economic Forum, 2016. – URL: https://law.unimelb.edu.au/__data/assets/pdf_file/0005/3385454/Schwab-The_Fourth_Industrial_Revolution_Klaus_S.pdf (дата обращения: 11.09.2023).
27. Similar Web. (2023) chat.openai.com Website Performance. – URL: https://pro.similarweb.com/#/digitalsuite/websiteanalysis/overview/website-performance/*999/3m?webSource=Total&key=chat.openai.com (дата обращения: 23.08.2023).
28. Sloss, David. (2023). *China’s Growing Discourse Power and Resurgent Authoritarianism* / *Case Western Reserve Journal of International Law* – 2023. – URL: <https://scholarlycommons.law.case.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2657&context=jil> (дата обращения: 12.10.2023).
29. Spiggle, Tom. (2023) *Implications of using ChatGPT in the Workplace* / *Practical Guidance Journal*, 2023. – URL: <https://www.lexisnexis.com/community/insights/legal/practical-guidance-journal/b/pa/posts/implications-of-using-chatgpt-in-the-workplace> (дата обращения: 15.08.2023).
30. Spitale, Giovanni; Biller-Andorino, Nikola & Germani, Federico. (2023) *AI Model GPT-3 (Dis)informs Us Better Than Humans* / *Science Advances* Vol 9, Issue 26–2023. – URL: <https://www.science.org/doi/10.1126/sciadv.adh1850> (дата обращения: 11.10.2023).
31. Statista. (2023) *Languages Most Frequently Used for Web Content as of January 2023, by Share of Websites*. – URL: <https://www.statista.com/statistics/262946/most-common-languages-on-the-internet/> (дата обращения: 21.08.2023).
32. Ward, Micah. (2023) *ChatGPT: Survey Says Students Love It, Educators Not Fans* / *University Business*, 2023. – URL: <https://universitybusiness.com/chatgpt-survey-says-students-love-it-educators-not-fans/#:~:text=Over%2089%25%20of%20students%20have,an%20outline%20for%20a%20paper> (дата обращения: 15.08.2023).
33. Yanjia Li. (2023) *Minimum Generative Pre-Trained Transformer with Human Feedback* / Stanford University – 2023. – URL: <https://web.stanford.edu/class/archive/cs/cs224n/cs224n.1234/final-reports/final-report-169935991.pdf> (дата обращения: 11.10.2023).
34. Гаркуша Н. С.; Городова Ю.С. Педагогические возможности ChatGPT для развития когнитивной активности студентов / *Профессиональное образование и рынок труда* – 2023. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskie-vozmozhnosti-chatgpt-dlya-razvitiya-kognitivnoy-aktivnosti-studentov> (дата обращения: 11.10.2023).
35. Ефременко Д.В. Миропорядок Z. Необратимость изменений и перспективы выживания / *Россия в глобальной политике* – 2022. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48504881> (дата обращения: 11.10.2023).
36. Институт общественного мнения «Анкетолог». (2023) *Первое исследование о ChatGPT: 53% россиян хотят воспользоваться чат-ботом*. – URL: <https://iom.anketolog.ru/2023/05/19/kak-rossiyane-otnosyatsya-k-chatgpt> (дата обращения: 17.08.2023).
37. Информационное агентство «Russia Today». (2022) «Мы в точке перелома многих тенденций»: участник минских переговоров Николай Силаев – о причинах спецоперации на Украине. – URL: <https://russian.rt.com/ussr/article/970994-ukraina-minsk-donbassvoina> (дата обращения: 26.08.2023).
38. Информационное агентство ТАСС. (2021) Путин заявил, что Россия не является стороной конфликта в Донбассе. – URL: <https://tass.ru/politika/12914449> (дата обращения: 28.08.2023).
39. Карпович О.Г. Анализ Косовского и Крымского прецедентов в контексте реализации права народов на самоопределении / *Международные отношения* – 2015. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=-35501 (дата обращения: 12.10.2023).
40. Кошкин Р.П. Информационная война вокруг событий на Украине: геополитический анализ / *Стратегические приоритеты* – 2015. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23604876> (дата обращения: 11.10.2023).
41. Лавриненко И.Ю. Использование чат-ботов GPT в процессе обучения английскому языку в неязыковом вузе: теоретический аспект / *Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий* – 2023. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-chat-botov-gpt-v-protseesse-obucheniya-angliyskomu-yazyku-v-neyazykovom-vuze-teoreticheskiy-aspekt> (дата обращения: 11.10.2023).
42. Ларионов Е.А. Национальные новостные сети как актор современных международных отношений (на примере CNN и Russia Today) / *Пятигорский государственный лингвистический университет*, 2015. – URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01007986114.pdf?ysclid=lmgcosv2xo281505451 (дата обращения: 12.09.2023).
43. Манойло А.В. Информационно-психологическая война: факторы, определяющие формат современного вооруженного конфликта / Киев: Материалы V Международной научно-практической конференции «Информационные технологии и безопасность», 2005. – URL: <https://psyfactor.org/lib/psywar35.htm> (дата обращения: 12.09.2023).
44. Мезяев А.Б. *Международно-правовые аспекты воссоединения Крыма с Россией в контексте практики Международного суда ООН* / *Перспективы. Электронный журнал* – 2019. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovye-aspekty->

vossoedineniya-kryma-s-rossiye-v-kontekste-praktiki-mezhdunarodnogo-suda-oon (дата обращения: 12.10.2023).

45. Министерство иностранных дел Российской Федерации. (2022) 25 вопросов о Крыме. – URL: <https://germany.mid.ru/upload/iblock/69a/8a0tly6z1u7up1v2cd3h-wfzwaхvmeotz.pdf> (дата обращения: 26.08.2023).
46. Официальный аккаунт Генерального директора OpenAI С.Альтмана в социальной сети Twitter/X. – URL: <https://twitter.com/sama/status/1620927983627427840> (дата обращения: 02.09.2023).
47. РИА Новости. (2018) Лавров сравнил референдум в Крыму с ситуацией вокруг Косово. – URL: <https://ria.ru/20180714/1524570945.html> (дата обращения: 01.09.2023).
48. Савченко М. С. О сходстве и различиях политических ситуаций в Косово и Крыме / Российское право на современном этапе – 2020. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43596842> (дата обращения: 12.10.2023).

NEURAL LANGUAGE GPT MODELS AS TOOLS OF GLOBAL INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL WARFARE (THE CASE OF CHATGPT'S COVERAGE OF THE CONFLICT IN UKRAINE)

Areshev V.V., Bdoyan D.G.

Moscow State Institute of International Relations (University)

Breakthrough technologies of the 21st century are gradually infiltrating all spheres of society. Neural language GPT models have high potential to change the sphere of communications and may contribute to the spread of disinformation and propaganda. The expert community is discussing the introduction of the ChatGPT language model based on the neural network from the American company OpenAI into the educational process. There are increasingly more frequent suggestions that the chatbot can significantly affect the search engine market due to ease of use and speed of information transfer. Thus, ChatGPT is becoming one of the most important sources of information along with traditional and “new” media, as well as a tool for education, training and influencing the psychological development of future generations. At the same time, as a machine learning model, ChatGPT reflects the biases embedded in the original dataset on which it is trained. In the post-truth era, these biases become channels for the spread of disinformation and propaganda. This study uses quantitative content analysis, keyword analysis, and comparative methods to identify ChatGPT biases in the field of geopolitics and international relations using the events in Ukraine from 2013 to 2021 as an example. According to the results, ChatGPT is biased towards Western explanations of modern geopolitical processes. Although the chatbot strives to maintain neutrality, content analysis shows that the most frequently used language patterns are fully consistent with Western rhetoric. Given the growing popularity of the chatbot around the world, it is possible that the neural network can be used to spread the Western narrative on a global scale, as a result of which it becomes a threat to information security and Russia's soft power. In this context, the development of domestic technologies and their export abroad to reinforce the Russian narrative in the global information space is of key importance.

Keywords: ChatGPT, artificial intelligence, mass communications, information security, information and psychological warfare.

References

1. Baum, Jeremy & Villasenor, John. (2023) The Politics of AI: ChatGPT and Political Bias / Brookings Institution, 2023. – URL: <https://www.brookings.edu/articles/the-politics-of-ai-chatgpt-and-political-bias/> (access date: 08/21/2023).
2. Biswas, Som. (2023) Role of ChatGPT in Education / University of Tennessee – 2023. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4369981 (access date: 10/11/2023).
3. Brunjolfsson, Erik; McAfee, Andrew. (2014) The Second Machine Age / New York: W.W. Norton & Company, 2014. – URL: <https://archive.org/details/secondmachineage0000bryn> (accessed September 11, 2023).

4. ChatGPT Available Countries List 2023 / WebTechCoupons – 2023. – URL: <https://www.webtechcoupons.com/chat-gpt-available-countries/> (access date: 10/11/2023).
5. Chow, Andrew. (2023) How ChatGPT Managed to Grow Faster Than TikTok or Instagram / Time Magazine – 2023. – URL: <https://time.com/6253615/chatgpt-fastest-growing/> (access date: 07/15/2023).
6. Creemers, Rogier. (2014) National Discourse Power and Information Security Against The Background of Economic Globalization / Stanford University, DigiChina, 2014. – URL: <https://digichina.stanford.edu/work/national-discourse-power-and-information-security-against-the-background-of-economic-globalization/> (date of access: 09/12/2023).
7. Dentons Global Artificial Intelligence Survey, 2022. – URL: <https://www.businessgoing.digital/dentons-ai-survey-key-findings/> (access date: 09/14/2023).
8. Hartmann, Jochen; Schwenzow, Jasper & Witte, Maximilian. (2023) The political ideology of conversational AI: Converging evidence on ChatGPT's pro-environmental, left-libertarian orientation / Technical University of Munich & University of Hamburg, 2023. – URL: <https://arxiv.org/abs/2301.01768> (date access: 08/18/2023).
9. Huyen, Chip. (2023) RLHF: Reinforcement Learning from Human Feedback. – URL: <https://huyenchip.com/2023/05/02/rlhf.html> (access date: 08/23/2023).
10. Hu, Krystal. (2023) ChatGPT Sets Record for Fastest-Growing User Base – Analyst Note / Reuters, 2023. – URL: <https://www.reuters.com/technology/chatgpt-sets-record-fastest-growing-user-base-analyst-note-2023-02-01/> (date of access: 08/15/2023).
11. Is GPT too woken? OpenAI CEO Sam Altman answers Lex Fridman's burning question // Business Today – 2023. – URL: <https://www.businesstoday.in/technology/news/story/is-gpt-too-woke-openai-ceo-sam-altman-answers-lex-fridman-burning-question-374870-2023-03-26>
12. Johnson, Arianna. (2023) Is ChatGPT Partisan? Poems About Trump and Biden Raise Questions About The AI Bot's Bias – Here's What Experts Think / Forbes, 2023. – URL: <https://www.forbes.com/sites/ariannajohnson/2023/02/03/is-chatgpt-partisan-poems-about-trump-and-biden-raise-questions-about-the-ai-bots-bias-heres-what-experts-think/?sh=391304be1371> (accessed 08/20/2023).
13. Jusufaj, Elvina. (2015) The Kosovo Precedent in the Secession and Recognition of Crimea / ILIRIA International Review 5(1):267–2015. – URL: https://www.researchgate.net/publication/307820760_The_Kosovo_Precedent_in_the_Secession_and_Recognition_of_Crimea (access date: 10/12/2023).
14. Kalla, Dinesh & Smith, Nathan. (2023) Study and Analysis of ChatGPT and Its Impact on Different Fields of Study / International Journal of Innovative Science and Research Technology Vol.8, Issue 3–2023. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4402499 (access date: 10/11/2023).
15. Ker-Lindsay, James. (2013) Preventing the Emergence of Self-Determination as a Norm of Secession: An Assessment of the Kosovo 'Unique Case' Argument / Europe-Asia Studies, 2013. – URL: <https://www.jstor.org/stable/23438644> (date of access: 09/01/2023).
16. Livingston, Steven. (1997) Claryfying the CNN Effect: An Examination of Media Effects According to Type of Military Intervention / Joan Shroenstein Center on the Press – 1997. – URL: https://shorensteincenter.org/wp-content/uploads/2012/03/r18_livingston.pdf (accessed 10/12/2023).
17. Marr, Bernard. (2023) 10 Amazing Real-World Examples of How Companies Are Using ChatGPT in 2023 / Forbes, 2023. – URL: <https://www.forbes.com/sites/bernardmarr/2023/05/30/10-amazing-real-world-examples-of-how-companies-are-using-chatgpt-in-2023/?sh=507efcfe1441> (accessed 08/15/2023).
18. Mhlanga, David. (2023) The Value of OpenAI and ChatGPT for the Current Learning Environment and the Potential Future Uses / SSRN Electronic journal – 2023. – URL: https://www.researchgate.net/publication/370637054_The_Value_of_Open_AI_and_Chat_GPT_for_the_Current_Learning_Environments_and_The_Potential_Future_Uses (access date: 10/11/2023).
19. Nye, Joseph. (2021) Soft Power: the Evolution of a Concept / Journal of Political Power, 2021. – URL: <https://www.softpower->

- club.org/wp-content/uploads/2021/03/Nye-Soft-power-the-evolution-of-a-concept-1.pdf (accessed 09/12/2023).
20. OpenAI. (2020) Language Models are Few-Shot Learners / OpenAI, 2020. – URL: <https://arxiv.org/abs/2005.14165> (access date: 08/21/2023).
 21. Rahman, Mostafizer & Watanobe, Yutaka. (2023) ChatGPT for Education and Research: Opportunities, Threats, and Strategies / *Applies Sciences* – 2023. – URL: <file:///Users/v.areshev/Downloads/applsci-13-05783.pdf> (access date: 11.10. 2023).
 22. Reuters. (2022) Russia Finds Meta Guilty of “Extremist Activity” but WhatsApp Can Stay. – URL: <https://www.reuters.com/technology/meta-asks-russian-court-dismiss-proceedings-extremism-case-reports-2022-03-21/> (date of access: 09/12/2023).
 23. Rifkin, Jeremy. (2011) *The Third Industrial Revolution: How Lateral Power is Transforming Energy, The Economy, and The World* / New York: Palgrave Macmillan, 2011. – URL: <https://archive.org/details/thirdindustrialr0000rifk/page/n5/mode/2up> (date accessed: 09/11/2023).
 24. Ruijun Xu, Yue Feng & Hailiang Chen. (2023). ChatGPT vs. Google: A Comparative Study of Search Performance and User Experience / CC BY 4.0–2023. – URL: https://www.researchgate.net/publication/372075166_ChatGPT_vs_Google_A_Comparative_Study_of_Search_Performance_and_User_Experience (access date: 10/11/2023).
 25. Rutinowski, Jerome; Franke, Sven; Endendyk, Jan; Dormouth, Ina & Pauly, Markus. (2023) *The Self-Perception and Political Biases of ChatGPT* / University of Dortmund, 2023. – URL: <https://arxiv.org/abs/2304.07333> (access date: 08/20/2023).
 26. Schwab, Klaus. (2016) *The Fourth Industrial Revolution* / World Economic Forum, 2016. – URL: https://law.unimelb.edu.au/_data/assets/pdf_file/0005/3385454/Schwab-The_Fourth_Industrial_Revolution_Klaus_S.pdf (date of access: 11.09. 2023).
 27. Similar Web. (2023) chat.openai.com Website Performance. – URL: https://pro.similarweb.com/#/digitalsuite/websitelysis/overview/website-performance/*999/3m?webSource=Total&key=chat.openai.com (Accessed 23.08.2023).
 28. Sloss, David. (2023). China’s Growing Discourse Power and Resurgent Authoritarianism / *Case Western Reserve Journal of International Law* – 2023. – URL: <https://scholarlycommons.law.case.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2657&context=jil> (access date: 12.10. 2023).
 29. Spiggle, Tom. (2023) Implications of using ChatGPT in the Workplace / *Practical Guidance Journal*, 2023. – URL: <https://www.lexisnexis.com/community/insights/legal/practical-guidance-journal/b/pa/posts/implications-of-using-chatgpt-in-the-workplace> (accessed: 08/15/2023).
 30. Spitale, Giovanni; Biller-Andorino, Nikola & Germani, Federico. (2023) AI Model GPT-3 (Dis)informs Us Better Than Humans / *Science Advances* Vol 9, Issue 26–2023. – URL: <https://www.science.org/doi/10.1126/sciadv.adh1850> (access date: 11.10.2023).
 31. Statista. (2023) Languages Most Frequently Used for Web Content as of January 2023, by Share of Websites. – URL: <https://www.statista.com/statistics/262946/most-common-languages-on-the-internet/> (access date: 08/21/2023).
 32. Ward, Micah. (2023) ChatGPT: Survey Says Students Love It, Educators Not Fans / *University Business*, 2023. – URL: <https://universitybusiness.com/chatgpt-survey-says-students-love-it-educators-not-fans/#:~:text=Over%2089%25%20of%20students%20have,an%20outline%20for%20a%20paper> (date of access: 08/15/2023).
 33. Yanjia Li. (2023) Minimum Generative Pre-Trained Transformer with Human Feedback / *Stanford University* – 2023. – URL: <https://web.stanford.edu/class/archive/cs/cs224n/cs224n.1234/final-reports/final-report-169935991.pdf> (date of access: 11.10.2023).
 34. Garkusha N. S.; Gorodova Yu.S. Pedagogical possibilities of ChatGPT for the development of students’ cognitive activity / *Professional education and labor market* – 2023. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskie-vozmozhnosti-chatgpt-dlya-razvitiya-kognitivnoy-aktivnosti-studentov> (date of access: 11.10.2023).
 35. Efremenko D.V. World Order Z. Irreversibility of Changes and Prospects for Survival / *Russia in Global Politics* – 2022. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48504881> (date of access: 11.10.2023).
 36. Institute of Public Opinion «Anketolog». (2023) The first study on ChatGPT: 53% of Russians want to use a chatbot. – URL: <https://iom.anketolog.ru/2023/05/19/kak-rossiyane-otnosyatsya-k-chatgpt> (date accessed: 17.08.2023).
 37. Russia Today News Agency. (2022) “We are at a turning point in many trends”: Minsk talks participant Nikolai Silayev on the reasons for the special operation in Ukraine. – URL: <https://russian.rt.com/ussr/article/970994-ukraina-minsk-donbass-voyna> (date accessed: 26.08.2023).
 38. TASS News Agency. (2021) Putin said that Russia is not is a party to the conflict in Donbass. – URL: <https://tass.ru/politika/12914449> (date of access: 28.08.2023).
 39. Karpovich O.G. Analysis of the Kosovo and Crimean precedents in the context of the implementation of the right of peoples to self-determination / *International Relations* – 2015. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=-35501 (date of access: 12.10.2023).
 40. Koshkin R.P. Information war around the events in Ukraine: geopolitical analysis / *Strategic priorities* – 2015. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23604876> (date of access: 11.10.2023).
 41. Lavrinenko I. Yu. Using GPT chatbots in the process of teaching English in a non-linguistic university: theoretical aspect / *Bulletin of the Siberian Institute of Business and Information Technology* – 2023. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-chat-botov-gpt-v-protsesse-obucheniya-angliyskomu-yazyku-v-neyazykovom-vuze-teoreticheskiy-aspekt> (date of access: 11.10.2023).
 42. Larionov E.A. National news networks as an actor in modern international relations (using CNN and Russia Today as an example) / *Pyatigorsk State Linguistic University*, 2015. – URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01007986114.pdf?ysclid=imgcosv2xo281505451 (accessed on 12.09.2023).
 43. Manoylo A.V. Information and psychological warfare: factors determining the format of a modern armed conflict / *Kyiv: Proceedings of the V International Scientific and Practical Conference «Information Technology and Security»*, 2005. – URL: <https://psyfactor.org/lib/psywar35.htm> (accessed on 12.09.2023).
 44. Mezyaev A.B. International legal aspects of the reunification of Crimea with Russia in the context of the practice of the International Court of Justice / *Prospects. Electronic journal* – 2019. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovye-aspekty-vossoedineniya-kryma-s-rossiey-v-kontekste-praktiki-mezhdunarodnogo-suda-on> (date of access: 12.10.2023).
 45. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. (2022) 25 questions about Crimea. – URL: <https://germany.mid.ru/upload/iblock/69a/8a0tly6z1u7up1v2cd3hfwfzwxwvmeotz.pdf> (date of access: 26.08.2023).
 46. The official account of OpenAI CEO S. Altman on the social network Twitter/X. – URL: <https://twitter.com/sama/status/1620927983627427840> (date of access: 09/02/2023).
 47. RIA Novosti. (2018) Lavrov compared the referendum in Crimea with the situation around Kosovo. – URL: <https://ria.ru/20180714/1524570945.html> (date of access: 09/01/2023).
 48. Savchenko M.S. On the similarities and differences between the political situations in Kosovo and Crimea / *Russian law at the present stage* – 2020. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43596842> (date of access: 10/12/2023).

Потенциал интеграционного развития БРИКС в системе международных отношений

Панова Татьяна Владимировна,

кандидат экономических наук, доцент, декан факультета международного регионоведения и регионального управления, Институт государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: panova-tv@ranepa.ru

Бедненко Андрей Сергеевич,

специалист Российско-испанского центра сотрудничества, Институт государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: bednenko-as@ranepa.ru

В статье рассматривается международное объединение БРИКС как одна из опор нового мирового порядка. Происходящие в настоящее время процессы, связанные с беспрецедентным усилением давления со стороны стран «коллективного Запада» и возрастанием роли Глобального Юга в мировой экономике и политике, обуславливают актуальность БРИКС как внеблокового формата международного сотрудничества, функционирующего на принципах многополярности, справедливости и равноправия. Расширение состава участников БРИКС стало одним из важных этапов развития современной системы международных отношений. Несмотря на различия во многих сферах между странами-членами БРИКС, наличие общей цели позволяет членам БРИКС находить компромисс в непростых ситуациях. Внешнеполитическая линия Российской Федерации тесно сопряжена с сотрудничеством в рамках БРИКС, которое является приоритетным в текущих геополитических условиях.

Ключевые слова: международное сотрудничество, новый миропорядок, Глобальный Юг, расширение БРИКС, принятие политического решения, современные международные отношения.

«БРИКС – один из ключевых элементов формирующегося многополярного миропорядка, который во всё возрастающей степени отражает интересы и чаяния государств и Глобального Юга, и Востока, и наших сторонников во всём мире, а количество их очень велико и постоянно возрастает», – так охарактеризовал интеграционное объединение Владимир Владимирович Путин на пленарном заседании X Парламентского форума БРИКС 11 июля 2024 года. Отмечая важность процесса становления мироустройства, «отражающего реальный баланс сил, новую геополитическую, экономическую, демографическую реальность», глава государства подчеркнул, что этот процесс может быть болезненным из-за внешнего давления, которое сегодня достигло беспрецедентного уровня [1].

Расширение состава участников объединения, состоявшееся 1 января 2024 года, ознаменовало начало новой вехи в истории развития межгосударственного объединения БРИКС, которое постепенно усиливает взаимозависимость членов группы друг от друга при сохранении равного положения всех стран, входящих в БРИКС. Данный процесс направлен на усиление коммуникации между странами-членами объединения при возрастающей роли БРИКС на мировой арене. Египет, Иран, Объединенные Арабские Эмираты и Эфиопия стали полноправными членами объединения, что открывает широкие возможности для развития сотрудничества между членами объединения как в рамках БРИКС, так и в двустороннем формате. Саудовская Аравия в данный момент адаптирует национальное законодательство для полноценного членства в БРИКС [2]. Кроме того, присоединение новых членов к данному уникальному формату межгосударственного взаимодействия существенно повысило позиции БРИКС в экономическом отношении – доля государств-членов в мировом ВВП составляет 36%, что превышает показатель G7 (29%). Страны БРИКС занимают более трети площади земного шара, при этом на данной территории проживает 45% населения Земли [3]. Индия и Китай, входящие в БРИКС, являются безусловными региональными лидерами: Пекин в ближайшем будущем станет первой экономикой мира, а Дели, согласно прогнозам, к 2030 году займет третье место в мировом рейтинге [4].

Стоит отметить, что расширение БРИКС имеет большое значение и в политическом измерении. Формат БРИКС отличен от формата G7, с которым его часто сравнивают (США, Великобритания, Канада, Франция, Германия, Италия, Япония). Как было отмечено ранее, страны БРИКС уже вносят большой вклад в мировой ВВП, чем страны-члены «большой семерки». Важно отметить, что форматы данных объединений являются диаметрально противоположными как в структурном, так и в идейном отношении. G7 выражает интересы Соединенных Штатов Америки как гегемона при поддержке со стороны шести сателлитов, обеспечивающих эти интересы в экономическом и политическом измерениях. БРИКС, напротив, функционирует на принципе взаимного равенства государств с собственными национальными интересами [5]. Каждая страна-участница БРИКС обладает определенным весом на мировой политике-

ской арене, что выражается в процессах принятия политических решений (ППР) различных правительств и реакции мирового сообщества на них. Процесс принятия политического решения отличается от импульсивного подхода и делает данный процесс осознанным благодаря концентрации на первостепенных проблемах и осуществлению контроля не только за соответствием институциональной базы проводимым в жизнь изменениям, но и за фактической реализацией утвержденных общественных решений [6]. В контексте рассмотрения БРИКС как одного из основных акторов нового миропорядка важно подчеркнуть, что процесс принятия политических решений отражает специфику данного объединения, которое построено на принципах притяжения противоположностей во благо общей цели. Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка, Египет, Эфиопия, Иран, Объединенные Арабские Эмираты – страны-члены БРИКС, которые различаются по этническому, территориальному, языковому, экономическому, политическому и иным факторам, но при этом тесно сотрудничают в различных сферах деятельности. Страны-члены объединения взаимодействуют друг друга, что позволяет компенсировать различия во многих параметрах и сконцентрироваться на решении возникающих глобальных проблем и взаимодействии для наращивания темпов экономического развития.

Геоэкономическое положение новых членов БРИКС и партнеров, которые могут стать частью объединения в будущем, является стратегическим не только в региональном значении, но и в глобальном. Сегодня в БРИКС входят крупнейшие производители нефти (Саудовская Аравия (после завершения процесса вступления в БРИКС), Российская Федерация, Иран, Объединенные Арабские Эмираты), а также ее крупнейшие потребители (КНР и Индия). Особое значение для стран-членов БРИКС в сегодняшних непростых политико-экономических реалиях приобретает деолларизация национальных экономик и возможность проведения платежей в других валютах [7]. Кроме того, товарооборот между странами Юга стал более значимым в структуре международной торговли. Со вступлением новых стран в БРИКС у объединения появилось больше рычагов для отстаивания своих интересов, которые часто созвучны интересам Глобального Юга в целом. При этом важным аспектом является членство присоединившихся стран-участниц БРИКС в других значимых объединениях политического и экономического характера: ОПЕК, Совет сотрудничества стран Персидского залива, Африканская континентальная зона свободной торговли, Панарабская зона свободной торговли. Членство в данных международных объединениях будет способствовать не только усилению экономического присутствия стран БРИКС, но и позволит им выйти на новые рынки, что повысит их роль в глобальном измерении [8].

Сотрудничество в рамках БРИКС является одним из основных направлений внешней политики Российской Федерации, поскольку диалог и реализация совместных проектов со странами-участницами объединения отвечает национальным интересам России. Общей целью России и БРИКС во внешнеполитическом измерении является формирование справедливого миропорядка, основанного на принципах многополярности, равноправия, учета национальных интересов других государств и равных возможностей для развития. Эти принципы находят отражение в Концепции внешней политики Российской Федерации [9]. В 2024 году состав БРИКС пополнился четырьмя новыми членами, а председательство в объединении перешло к Российской Федерации. Ключевыми направлениями председательства России в БРИКС стали:

- политика и безопасность,
- экономика и финансы,
- культурные и гуманитарные связи.

Главным событием в период российского председательства станет саммит БРИКС, который пройдет в Казани 22–24 октября. Российская Федерация планирует провести заседание саммита в формате «БРИКС плюс», на котором будут присутствовать руководители государств-членов и глав структур ЕАЭС, СНГ и ШОС, а также других стран и региональных объединений. Кроме организации и проведения саммита БРИКС на Россию как председателя объединения возложена особая задача по обеспечению гармоничной интеграции новых участников в работу всех структур БРИКС.

Учитывая постоянно растущий интерес к объединению, необходимо выработать критерии отбора стран-партнеров. При этом сами критерии и потенциальные кандидатуры должны быть согласованы всеми членами объединения и представлены на утверждение саммита в Казани. При обсуждении кандидатур будут учитываться следующие параметры:

- политический вес страны-претендента,
- экономический вес страны-претендента,
- место страны-претендента в своем регионе,
- место страны-претендента на международной арене.

При этом обязательным условием будет являться поддержка фундаментальных принципов БРИКС, которые включают в себя многополярность, равенство и взаимоуважение, открытость, конструктивное сотрудничество [10].

Учитывая часто встречающиеся противопоставления БРИКС различным западным структурам, представляется целесообразным определить его место и роль в системе современных международных отношений. БРИКС как уникальный формат международного объединения не имеет какой-либо конфронтационной идеи. Входящие в состав БРИКС страны осуществляют взаимодействие путем консультаций, коллегиального принятия решений при обязательном принципе консенсуса всех участников объединения. Сегодня БРИКС формирует повестку дня, а широкое географическое представительство делает этот процесс глобальным. Взаимосвязи, формирующиеся сегодня между глобальными, региональными и субрегиональными объединениями (БРИКС, ЕАЭС, ШОС, АСЕАН и т.д.), а также создание новых товарно-сырьевых цепочек и повышение роли Глобального Юга в мировой экономике и политике – процессы, доказывающие, что в данный момент происходит реформирование архитектуры мирового порядка, не «основанного на правилах», а функционирующего на принципах открытости и доверительных отношений, уважения выбора собственного пути развития и гарантированного учета интересов друг друга. Такой подход позволяет всегда находить точки соприкосновения и решать непростые вопросы, стоящие на повестке дня, выражая при этом интересы мирового большинства.

Подводя итог вышесказанному, стоит отметить, что БРИКС в процессе своего развития раскрыл сущность происходящих перемен в геополитическом поле и стал одним из символов нового мирового порядка, о формировании которого часто напоминала Россия в лице своего Президента Владимира Владимировича Путина. Процесс реформирования существующей архитектуры международных отношений вступил в активную фазу в 2014 году. За 10 лет под гнетом экономических и политических санкций, введенных странами Запада против России и ее союзников и партнеров, идея многополярного мира нашла отражение в усилении влияния

внеблоковых объединений, одним из которых является БРИКС. Состоявшееся в 2024 году расширение состава участников и запланированное на перспективу участие в БРИКС других стран говорят о том, что вес объединения на мировой политической и экономической арене увеличивается, а членство в БРИКС и участие в общих проектах является привлекательным для многих государств мира. Таким образом, БРИКС на деле выражает интересы мирового большинства, при этом цели объединения носят мирный, созидательный характер, что обуславливает заинтересованность многих стран в участии в БРИКС. Система международных отношений, основанная на принципах многополярности, справедливости, равноправия, учёта национальных интересов всех стран, больше не является утопичной идеей, но находит отражение в функционировании БРИКС, который, безусловно, станет одним из ключевых элементов новой архитектуры мирового порядка.

Литература

1. X Парламентский форум БРИКС // Президент России: официальный сайт. 2024. URL: <http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/74528> (дата обращения: 01.09.2024).
2. Статус Саудовской Аравии в БРИКС оказался не определен // Ведомости. 2024. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/01/18/1015554-status-saudovskoi-aravii-v-briks-okazalsya-ne-opredelen> (дата обращения: 01.09.2024).
3. Парламентарии стран БРИКС обсудили перспективы укрепления межпарламентского взаимодействия // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации: официальный сайт. 2024. URL: <http://duma.gov.ru/news/59665/> (дата обращения: 02.09.2024).
4. Новый мировой порядок оказался в руках России // РИА Новости. 2024. URL: <https://ria.ru/20240104/poryadok-1919602071.html> (дата обращения: 02.09.2024).
5. Что такое БРИКС и почему все в него хотят. Простыми словами // Секрет фирмы. 2024. URL: <https://secretmag.ru/enciklopediya/chto-takoe-briks-obyasnyаем-prostymi-slovami.htm> (дата обращения: 02.09.2024).
6. Принятие политических решений // Внутренняя политика России и международная политика. 2007. URL: <http://polit-discourse.ru/articles/901> (дата обращения: 03.09.2024).
7. Как новые страны – члены БРИКС помогут отказать от нефтедолларов // Российская газета. 2024. URL: <https://rg.ru/2023/09/04/greuitsia-u-bochki.html> (дата обращения: 03.09.2024).
8. Позиции России в будущей системе торговых отношений БРИКС+ во многом определяются формирующимся транспортным каркасом объединения – дайджест Фонда Росконгресс и МТИ // Фонд Росконгресс: официальный сайт. 2024. URL: <https://roscongress.org/news/pozitsii-rossii-v-buduschej-sisteme-torgovyh-otnoshenii-briks-vo-mnogom-opredelajutsja-formirujusch/> (дата обращения: 03.09.2024).
9. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации: официальный сайт. 2023. URL: [https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/?TSPD_101_R0=08765fb817ab200044f1e6761c861cdd94b8eb87b8e028253f9d386638a2f657def256cabe613c4f08f06ebd6e143000ab2fd22955e1c9df18eb975f-](https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/?TSPD_101_R0=08765fb817ab200044f1e6761c861cdd94b8eb87b8e028253f9d386638a2f657def256cabe613c4f08f06ebd6e143000ab2fd22955e1c9df18eb975f-5d40e7983e8d7486bd27d2cb2fc7ef66e4b9b6fcee-43b04e0b00a32c9ebdeaa20008ba63)

5d40e7983e8d7486bd27d2cb2fc7ef66e4b9b6fcee-43b04e0b00a32c9ebdeaa20008ba63 (дата обращения: 03.09.2024).

10. Юрий Ушаков: БРИКС на деле выражает интересы мирового большинства // Сайт председательства России в БРИКС в 2024 году: официальный сайт. 2024. URL: <https://brics-russia2024.ru/interview/yuriy-ushakov-briks-na-dele-vyrazhaet-interesy-mirovogo-bolshinstva/> (дата обращения: 03.09.2024).

POTENTIAL FOR BRICS INTEGRATION DEVELOPMENT IN THE SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS

Panova T.V., Bednenko A.S.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

This article examines the BRICS international grouping as one of the pillars of the new world order. The processes currently taking place, associated with an unprecedented rise in pressure from the countries of the “collective West” and the increasing role of the Global South in the global economy and politics, determine the relevance of BRICS as a non-bloc format of international cooperation operating on the principles of multipolarity, justice and equality. The expansion of the BRICS membership has become one of the important stages in the development of the modern system of international relations. Despite the differences in many areas between the BRICS member countries, having a common goal allows BRICS members to find a compromise in complicated cases. The foreign policy of the Russian Federation is closely linked to cooperation within the framework of BRICS, which is a priority in the current geopolitical conditions.

Keywords: international cooperation, new world order, Global South, BRICS expansion, political decision-making, modern international relations.

References

1. X BRICS Parliamentary Forum // President of Russia: official website. 2024. URL: <http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/74528> (date of access: 01.09.2024).
2. The status of Saudi Arabia in the BRICS was not determined // Vedomosti. 2024. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/01/18/1015554-status-saudovskoi-aravii-v-briks-okazalsya-ne-opredelen> (date of access: 01.09.2024).
3. BRICS parliamentarians discuss prospects for strengthening inter-parliamentary cooperation // The State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation: official website. 2024. URL: <http://duma.gov.ru/news/59665/> (date of access: 02.09.2024).
4. The new world order is in the hands of Russia // RIA News. 2024. URL: <https://ria.ru/20240104/poryadok-1919602071.html> (date of access: 02.09.2024).
5. What is BRICS and why everyone wants to join it. In simple words // The secret of the company. 2024. URL: <https://secretmag.ru/enciklopediya/chto-takoe-briks-obyasnyаем-prostymi-slovami.htm> (date of access: 02.09.2024).
6. Political decision-making // Russia’s domestic policy and international policy. 2007. URL: <http://polit-discourse.ru/articles/901> (date of access: 03.09.2024).
7. How the new BRICS member countries will help to abandon petrodollars // Rossiyskaya Gazeta. 2024. URL: <https://rg.ru/2023/09/04/greuitsia-u-bochki.html> (date of access: 03.09.2024).
8. Russia’s positions in the future system of BRICS+ trade relations are largely determined by the emerging transport framework of the association – digest of the Roscongress Foundation and MIT // Roscongress Foundation: official website. 2024. URL: <https://roscongress.org/news/pozitsii-rossii-v-buduschej-sisteme-torgovyh-otnoshenii-briks-vo-mnogom-opredelajutsja-formirujusch/> (date of access: 03.09.2024).
9. The concept of the foreign policy of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation V.V. Putin on March 31, 2023) // Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation: official website. 2023. URL: [https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/?TSPD_101_R0=08765fb817ab200044f1e6761c861cdd94b8eb87b8e028253f9d386638a2f657def256cabe613c4f08f06ebd6e143000ab-](https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/?TSPD_101_R0=08765fb817ab200044f1e6761c861cdd94b8eb87b8e028253f9d386638a2f657def256cabe613c4f08f06ebd6e143000ab-5d40e7983e8d7486bd27d2cb2fc7ef66e4b9b6fcee-43b04e0b00a32c9ebdeaa20008ba63)

2fd22955e1c9df18eb975f5d40e7983e8d7486bd27d2cb2f-c7ef66e4b9b6fcee43b04e0b00a32c9ebdeaa20008ba63 (date of access: 03.09.2024).

10. Yuri Ushakov: BRICS actually expresses the interests of the world majority // Website of Russia's BRICS Chairmanship in

2024: official website. 2024. URL: <https://brics-russia2024.ru/interview/yuriy-ushakov-briks-na-dele-vyrazhaet-interesy-mirovogo-bolshinstva/> (date of access: 03.09.2024).

Трансформация приоритетов геополитики Бразилии в отношении Антарктики в условиях интеграции в БРИКС

Грибанова Галина Исааковна,

д.с.н., профессор, профессор кафедры международных политических процессов Санкт-Петербургского государственного университета
E-mail: GGribanova@yandex.ru

Антарктика играет важную роль в современной мировой политике. Интерес к ней обусловлен целым рядом факторов как политического, так и экономического порядка. Одной из стран, претендующих на активное участие в управлении белым континентом, является Бразилия. В статье дается анализ места Антарктики в геополитической мысли этой страны, прослеживается эволюция оценки значимости данного региона для превращения Бразилии в великую державу, делается вывод о степени влияния геополитических концепций на процесс принятия политических решений. Особое внимание уделено новым аспектам бразильской геополитики в отношении Антарктики в связи с кардинальной трансформацией позиционирования страны в мире – от подчиненного положения в рамках коллективного Запада к равноправному сотрудничеству с партнерами по БРИКС, в том числе в полярных регионах земного шара.

Ключевые слова: Антарктика, Бразилия, геополитика, национальные интересы, южноамериканская солидарность.

Введение

Антарктический регион сегодня привлекает все большее внимание различных стран мира, в том числе такого важного игрока на международной арене, как Бразилия. Наряду с социальными и экономическими причинами интереса к белому континенту, важную роль в определении государственной антарктической политики страны играют и геополитические соображения. Именно на них мы и остановимся подробнее в нашей статье для того, чтобы лучше понять идеологическую составляющую бразильской политики в данной сфере. Следует отметить, что этот вопрос почти не нашел своего отражения в российской политической науке, хотя собственно антарктической политике Бразилии и уделено некоторое внимание, как правило, в общем латиноамериканском контексте [1; 2].

Ранний этап становления геополитики в Бразилии

С самого начала существования Бразилии как независимого государства территориальное измерение политики занимало важное место в идеологии правящих элит страны. Физические особенности географии (горный хребет Анд и тропические леса Амазонии) препятствовали экспансии других стран на восток континента, а дух бандейрантов привел к доминированию в общественном сознании идеи господства воли над природой, превратившись в один из основных символов «истинного бразильца». Однако несмотря на понимание важности территориального фактора, собственно бразильская геополитика, как, впрочем, и современная география как учебная дисциплина начали формироваться в стране лишь в 1920-ые годы. У истоков нового для Бразилии научного знания стояли Карлос Делгаду де Карвалью (Carlos Delgado de Carvalho, 1884–1980) и Эверальдо Бакхойзер (Everardo Adolpho Backheuser, 1879–1951).

В 1959 году в книге «Дипломатическая история Бразилии» К.Дельгаду в предисловии формулирует свою основную идею: «Мы находимся накануне того, чтобы стать великой державой и в этих условиях занять в мире положение, которое влечет за собой тяжелую ответственность» [6, р. XIX]. В 1971 году он публикует книгу «Международные отношения», которая вскоре становится общепризнанным учебником для вузов страны. В ней он, в частности, комментирует процесс заключения Договора по Антарктике 1959 году и некоторые его статьи [7]. О его интересе к Антарктике говорит и тот факт, что первая бразильская книга по геополитике Антарктики «Навстречу Антарктике» профессора Терезиньи де Кастро, выпущенная в 1976 году, вышла именно с предисловием Дельгадо [10].

Э. Бакхойзер, которого называют «отцом бразильской геополитики» в своих работах использовал теоретические наработки европейских теоретиков (Р. Челлена, Ф. Ратцеля и К. Хаусхоффера) применительно к Бразилии. В предисловии к учебнику «Курс общей геополитики и Бразилии», он обосновывает необходимость изучения и преподавания геополитики «там, где проводится обучение государственных деятелей, то есть на факультетах политологии. Однако в четырех других она не была бы неуместна: в юридических, в инженер-

ных, на курсах географии и истории философских факультетов, а также в технических училищах Генерального штаба» [3, р. 4].

Особую роль в становлении и развитии бразильской геополитики сыграл маршал Марио Травассос (Mario Travassos, 1891–1973). По мнению М. Маттоса, «... он заложил основы бразильской геополитики в первой половине XX века. С завидным ясновидением и остротой М. Травассос наметил великие направления национальной политики, призванной привести нас к позиции величайшей южноамериканской державы» [15, с. 56].

Атлантический океан занимает центральное место в его видении ситуации как наиболее динамично развивающийся регион мира, что открывает новые возможности для Бразилии. Несмотря на то, что М. Травассос никогда не писал об актуальности бразильского присутствия на Антарктическом континенте, необходимо признать то влияние, которое его идеи большей Бразилии за пределами географического пространства Южной Америки, оказали на тех, кто позднее будет настаивать на необходимости участия Бразилии в деятельности группы государств, принимающих решение о судьбах Антарктиды.

Бразильская геополитика в годы «холодной войны»

Новое поколение геополитиков в Бразилии появилось только после Второй мировой войны, когда была создана Высшая школа Гуэрры (Военный колледж – ESG), которая предоставила им возможность публиковать свои труды и распространять свои идеи в вооруженных силах страны.

Работы этого периода были написаны в контексте «холодной войны», и геополитический анализ проводился в глобальной перспективе, выявляя вызовы, стоявшие перед Бразилией в более широком контексте континентальной обороны и биполярной конфронтации. Это изменение в масштабах геополитических перспектив и международная известность, которую Антарктида приобрела в 1950-х годах, объясняют, почему именно в конце десятилетия этот регион появляется в геополитических рассуждениях бразильских авторов. Наиболее значимыми и влиятельными фигурами этого периода были географ Терезинья де Кастро (Therezinha de Castro (1930–2000)), а также военные – генералы Карлос де Мейра Маттос (Carlos de Meira Mattos, 1913–2007) и Голбери де Коуто и Силва (Golbery do Couto e Silva, 1911–1987).

Самым влиятельным из этих троих был Г.К. Сильва. К моменту начала своей работы в ESG он уже успел принять участие в военном перевороте 1964 года и стать близким советником президента Эрнесто Гайзеля. Г.К. Сильва представил хорошо разработанную геополитическую модель, которая включала важные географические, демографические и экономические эмпирические данные. Несмотря на то, что многие темы, затронутые им, уже присутствовали в предыдущем поколении геополитических работ, он предложил новое видение проблемы, основанное на так называемой «теории гемициклов». В ее основе лежало представление о серии кругов, расходящихся от центра Бразилии в азимутальной равноудаленной проекции и определяющих тем самым географическое расстояние – и, соответственно, уровень важности – по сравнению с другими регионами мира, особенно в отношении возможности военного нападения.

Что касается Антарктиды, то в соответствии с концепцией Г.К. Силвы, континент находился во внутреннем и среднем гемициклах и был жизненно важен для обо-

роны западного полушария в качестве «превосходной поворотной площадки для маневрирования». В то же время он считал антарктический регион относительно безопасной «ледяной пустыней», не затронутой политическими потрясениями. Относя Антарктиду к стратегическим регионам, он характеризует этот регион как «геополитическую зону повышенной чувствительности» из-за существующих там природных ресурсов, из-за ее расположенности перед всеми тремя основными океанами и из-за того, что ее суверенитет еще не полностью определен, поскольку она является географической областью, где необходимо проводить политику достижения национальных целей.

И не случайно Г.К. Силва вставляет Антарктиду в свою концепцию безопасности: «треугольная совокупность Южной Америки, Африки и Антарктиды фактически представляет собой жизненно важный тыл всего западного мира. Любое серьезное проникновение туда противника непременно поставит под угрозу всю оборонительную систему западного мира, прежде всего потому, что оно немедленно сделает крайне уязвимыми морские и воздушные коммуникации, незаменимым звеном которых является Южная Атлантика, а Антарктида – «стержнем», «решающей платформой для отступления морских и воздушных коммуникаций Запада» [20, р. 191].

Необходимо отметить еще один аспект, затронутый в работах Г.К. Силвы. Он считает самой большой проблемой Бразилии того периода «почти полную зависимость от иностранной нефти» [20, р. 53]. Осознание этой проблемы, особенно после серьезного нефтяного кризиса 1973 года, несомненно повлияло на ускорение принятия решения властями страны о присоединении к Договору об Антарктике в мае 1975 года.

Если в трудах Г.К. Силвы Антарктика для Бразилии представляет определенный интерес, однако не является ключевым регионом, то для Терезиньи де Кастро, которая также преподавала в ESG, именно она находится в центре внимания. Работая в одиночку и в сотрудничестве с Дельгадо де Карвалью, Кастро разработала так называемую «теорию защиты границ» (Teoria da Defronta), которая заложила основу первого подлинного геополитического подхода Бразилии к вопросу об Антарктике.

Для Т. Кастро Антарктида была важна не только с точки зрения обороны западного полушария, но и из-за имеющихся там потенциальных экономических и стратегических ресурсов. Подчеркнув возможность «раздела» Антарктиды, Кастро выступила в защиту активного участия Бразилии в управлении континентом и призвала к выдвиганию ею территориальных претензий. Предложение Кастро состояло в том, чтобы разделить континент, проецируя крайние прибрежные континентальные линии на Южный полюс, по аналогии с «теорией секторов», предложенной канадским юристом Паскалем Пуарье для Арктики. В соответствии с т.н. «теорией фронтажа» было предложено разделить Антарктику по меридианам: если прямая линия, ведущая от Антарктиды на север, упирается в материк, то расположенная в этом месте страна и будет обладать суверенитетом над соответствующим «клином» антарктической территории. Интересно отметить, что ее предложение включало в состав бразильского сектора значительную часть тех территорий, на которые претендовали Аргентина и Чили. Однако Т. Кастро рассчитывала на субконтинентальную солидарность и признание этими двумя странами приоритета Бразилии как самого крупного и сильного южноамериканского государства. В статье для журнала военного клуба в 1956 году под названием «Вопрос об Антар-

ктике», написанной в соавторстве со Дельгадо де Карвальо, обосновываются притязания южноамериканских стран на территорию в Антарктиде: «Бразилия, Аргентина и Чили могут вместе защищать право на территорию, которая касается их, лицом к лицу... Пришло время Бразилии заняться вопросом, который другие страны решают индивидуально... Республика Аргентина ... уже установила семь геофизических станций, Великобритания – пять; Чили – три; Соединенные Штаты – две; а мы – ни одной» [8, pp. 19–194].

В 1957 году в статье «Антарктида – тема момента» прямо заявляется: «Давайте требовать нашу справедливую долю в Антарктиде! [...] Мы присоединяемся к странам Южной Америки – Аргентине, Чили, Эквадору, Перу и Уругваю по праву фронтажа» [9, p. 69].

Как и Г.К. Сильва, Т. Кастро рассматривала Южную Атлантику как важнейший регион для обороны в западном полушарии, поддерживая внешнюю проекцию силы Бразилии. Это включало необходимость разработки внешней политики с большей автономией от США. Она была убеждена, что Антарктида представляет собой одну из главных проблем национальной обороны из-за возможности коммунистической агрессии, развязанной из этого региона, включая перспективу «климатической войны». Несмотря на многочисленные неточности и противоречия в ее работах об Антарктиде (например, завышение более чем на 2000 км расстояния между различными континентами и Антарктидой), предложения Кастро в конечном итоге были взяты на вооружение интеллектуальными и политическими элитами страны, которыми они в значительной степени руководствуются и сегодня. Ее выпущенная в 1976 году книга «Навстречу Антарктике» [10] практически стала обязательным источником для всех последующих работ бразильских (и шире – южноамериканских) авторов, касающихся Антарктиды.

Анализируя развитие темы Антарктики в геополитической мысли Бразилии, нельзя не остановиться на идеях Карлоса де Мейра Маттоса, еще одного генерала, входившего в политическую элиту страны.

Его первая книга «Всемирная проекция Бразилии», опубликованная в 1960 году внесла определенный вклад в политические формулировки и правительственные решения, касающиеся позиционирования Бразилии в отношении Договора об Антарктике. Именно здесь он формулирует основные идеи, касающиеся внешней политики Бразилии, которыми начнут руководствоваться военные правительства страны после переворота 1964 года: «... основные направления нашей внешней политики могут синтезировать следующие концепции: верность Западу; укрепление панамериканизма; формулирование конструктивной доктрины португальско-бразильского сообщества; политическое, экономическое и культурное сближение с новыми африканскими нациями, особенно с теми, кто расположен на побережье Атлантического океана [19, p. 60].

Что касается бразильских интересов в Антарктике, то в книге 1977 года «Геополитика и прогнозы власти», он аргументирует необходимость того, чтобы Бразилия заняла более активную позицию в области безопасности Южной Атлантики: «Все еще учитывая наше положение в Южной Атлантике, мы не понимаем, почему Бразилии может быть затруднено право участвовать в научных операциях в Антарктиде или даже выступить за оккупацию части этого ледяного континента [...] Что не оправдано, так это то, что мы остаемся равнодушными к правовой возможности расширения научных и технологических областей, а также природных ресурсов, которая представляется нам там» [14, p. 123–124]. В целом, для

М. Маттоса роль Бразилии в Антарктике логически вытекает из убежденности в будущем величии страны.

Г. Сильва и М. Маттос символизировали собой пик влияния геополитического мышления на бразильское правительство. Некоторые аналитики считают их ответственными за продвижение многих важных государственных программ, таких как Амазонский пакт 1978 года и вступление Бразилии в АТФ. В дополнение к их роли в формировании целого поколения военной интеллигенции через ESG, они выполняли прямые правительственные функции, которые давали им доступ к центру принятия политических решений в стране. Это также является причиной того, что идеи, предложенные этими авторами, вызвали беспокойство в других странах Южной Америки, особенно в Аргентине. Идея бразильской «континентальной экспансии» и возможность ее вовлечения в Антарктику воспринимались как часть бразильского империализма, если не просто выражение политики США через одну из подчиненных им стран.

Влияние ESG на военную элиту определило т.н. «геополитику генералов», которая сводила национально-территориальные вопросы и вопросы безопасности к военной сфере государства. Ситуация изменилась с появлением в 1980-х годах работ географа Берты Беккер (Bertha K. Becker) [4], которая в своих трудах, в том числе касающихся Антарктики, стремилась перенести акцент с проблематики национальной безопасности и баланса сил на экономическое и социальное развитие. Именно концентрация внимания на экономической интеграции и проблемах, связанных с новой глобализированной экономикой, дает возможность говорить в данном случае не столько о геополитике, сколько о геоэкономике.

Антарктика в бразильской геополитике XXI века

В XXI веке, после того как Луис Инасиу Лула да Силва (Luiz Inácio Lula da Silva) стал президентом Бразилии (2003–2011, 2023), интерес к геополитике снова возрастает. При Луле да Силве Бразилия стала играть гораздо более активную роль на международной арене, добиваясь более высокого авторитета, который оправдал бы ее притязания на роль развивающейся державы. Политика Лулы да Силвы, придавшая новый акцент национальной оборонной политике, побудила некоторых ученых возобновить анализ «традиционных» геополитических проблем, опираясь на труды своих предшественников. В этой связи стоит, на наш взгляд, обратить особое внимание на работы Алана Камоса Гонсалвес де Оливейра (Alana Camoço Gonçalves de Oliveira) [11], Сабрины Эвγγελисты Медейрос (Sabrina Evangelista Medeiros), Леонарда Фариа де Маттоса (Leonardo Faria De Mattos) [17], Аны Флавия Баррос-Платиау (Ana Flávia Barros-Platiau), Фабио Альбергария де Кейрос (Fábio Albergaria de Queiroz), Гильерме Лопес Да Кунья (Guilherme Lopes da Cunha) [12]. В этих работах подтверждается геополитическое значение антарктического региона. И не случайно Антарктида в версии «Политики национальной обороны» 2012 года [19] отнесена к «стратегическому окружению» страны. 5 марта 2024 года Министерство обороны направило гражданам Бразилии приглашение принять участие в обновлении Национальной оборонной политики (PND) и Национальной оборонной стратегии (END) [18]. В проектах этих документов подтверждается отнесение Антарктики к «стратегическому окружению», под которым понимается область приоритетного интереса для Бразилии. При этом особо подчеркивается важность усиления со стороны вооруженных сил поддержки, необходимой для участия Бразилии в процессах принятия решений о судьбе Антарктического региона.

Заключение

Анализ работ бразильских геополитиков позволяет выделить два основных направления. В первом из них превращение Бразилии в великую державу связывается с созданием трансконтинентальной федерации при условии продвижения через центр страны к Тихому океану [16], что в современных условиях представляется маловероятным. Другое направление – необходимость геополитического усиления страны в Южной Атлантике и Антарктике. Именно этот морской проект, как мы видим из официальных документов, в настоящее время признан приоритетным.

Сформулированная в 1950–60-ые годы концепция Атлантического треугольника, сориентированная на взаимовыгодные отношения между Соединенными Штатами, Западной Европой и Латинской Америкой, отражала реалии геополитического расклада периода «холодной войны». Снижение экономического и военного влияния США в начале XXI века сопровождалось усилением экономической и военно-политической автономии государств Южной Америки. В этих условиях бразильские авторы-геополитики стали особо подчеркивать необходимость сотрудничества в целях укрепления стратегического сообщества Южной Атлантики, в том числе по отношению к Антарктике, выразившееся в идее американской Антарктики для южноамериканских стран, которые находятся рядом с ней.

Сегодня бразильские геополитики стремятся осознать будущее страны в Антарктике в условиях новых реалий – способности Бразилии продолжить восхождение от полупериферии к ядру международной экономической системы, новых возможностей, которые открылись перед страной в результате ее активного сотрудничества с другими странами БРИКС, которые также заинтересованы в Антарктическом регионе и уже имеют там свои научные станции. Кроме того, многое зависит от того, как будут складываться отношения с Аргентиной и Чили, где Антарктида рассматривается как естественное продолжение территории этих стран. Тем более, что бразильская геополитика в определенной степени подрывает аргентинскую идею Атлантики, пропагандирующую триединство сухопутных территорий Аргентины, Антарктического сектора и островов Южной Атлантики [6]. В любом случае, можно предположить, что усиление геополитических позиций Бразилии от континентального ядра до океанов и Антарктики продолжится, а значит появятся и новые теоретические обоснования необходимости активизации действий страны в этом регионе, в том числе с учетом геополитических реалий БРИКС+.

Литература

1. Галицына А.Э. Участие латиноамериканских стран в формировании территориальных претензий и правовой основы деятельности в Антарктике //Клио. 2020. № 8 (164). С. 71–75.
2. Голиней В.А. Бразилия и Антарктида: долгий путь навстречу друг к другу // Латинская Америка. 2023. № 5. С. 104–110.
3. Backhouse R E. A geopolítica geral e do Brasil. Rio de Janeiro: Bibliex, 1952. 275 p.
4. Becker V.K. Geography in Brazil in the 1980s: Background and recent advances // Progress in Human Geography, 1986. N. 10 (2), p. 157–183. <https://doi.org/10.1177/030913258601000201>
5. Calvert P. Argentina: The Primacy of Geopolitics // The World Today. 1989. Vol. 45. No. 2. pp. 33–36.

6. Carvalho C.D. História Diplomática do Brasil. 2. ed. Brasília: Senado Federal, 2004. Publicado pela primeira vez em 1959. 403 p.
7. Carvalho C.D. Relações Internacionais. Rio de Janeiro: Record, 1971. 279 p.
8. Carvalho C.D.; Castro Th. A questão da Antártica// Revista do Clube Militar, 1956. n. 142. p. 502–506.
9. Castro Th. A Antártica: o assunto do momento. Revista do Clube Militar.n. 146. 1957. p. 42–49.
10. Castro Th. Rumo à Antártica. Rio de Janeiro: Freitas Bastos, 1976. 172 p.
11. de Oliveira A.C.G. The Dragon's Footprints in the South Pole: A Study on Chinese Strategies and Actions in Antarctica and its Implications for Brazil //Austral: Brazilian Journal of Strategy & International Relations. 2021. v. 10. n. 19. p. 105–132.
12. de Queiroz F.A. da Cunha G.L. and Barros-Platiau A.F. (eds.) Brazil in the Geopolitics of Amazonia and Antarctica. Lexington Books, 2023. 250 p.
13. Hepple L. South American Heartland: The Charcas, Latin American Geopolitics and Global Strategies // The Geographical Journal. 2004. Vol. 170. No. 4. pp. 359–367.
14. Mattos C. M. A geopolítica e as projeções do poder. Rio de Janeiro: Bibliex, 1977. 147 p.
15. Mattos C.M. Geopolítica e modernidade. Rio de Janeiro: Bibliex, 2002. 156 p.
16. Mattos C.M. Geopolítica. Rio de Janeiro: FGV. v. 1. 2011. 316 p.
17. Medeiros S.E. and de Mattos L.F. Antarctica as a South Atlantic Maritime Security Issue / Duarte E., Correia de Barros M. Maritime Security Challenges in the South Atlantic. Palgrave Macmillan Cham, 2019. pp. 105–127. DOI: 10.1007/978-3-030-05273-7_5
18. Ministério da Defesa convoca sociedade para contribuir com a Política Nacional de Defesa e Estratégia Nacional de Defesa [Электронный ресурс]. – URL: <https://agenciagov.ebc.com.br/noticias/202403/ministerio-da-defesa-convoca-sociedade-para-contribuir-com-a-politica-nacional-de-defesa-e-estrategia-nacional-de-defesa> (дата обращения: 20.08.2024).
19. Política Nacional de Defesa. Estratégia Nacional de Defesa, 2012. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.defesa.gov.br> (дата обращения: 20.08.2024).
20. Silva G.C. Planejamento estratégico. Rio de Janeiro: Bibliex, 1955. 536 p.

TRANSFORMATION OF BRAZIL'S GEOPOLITICAL PRIORITIES REGARDING ANTARCTICA IN THE CONTEXT OF INTEGRATION INTO BRICS

Gribanova G.I.

St. Petersburg State University

Antarctica plays an important role in modern world politics. The interest in it is due to a number of factors, both political and economic. One of the countries claiming to be actively involved in the management of the white continent is Brazil. The article analyzes the place of Antarctica in the geopolitical thought of this country, traces the evolution of the assessment of the importance of this region for Brazil's transformation into a great power, and make conclusions about the degree of geopolitical concepts influence on the political decision-making process. Special attention is paid to new aspects of Brazilian geopolitics in relation to Antarctica in the situation of the cardinal transformation of the country's positioning in the world – from a subordinate position within the framework of the collective West to equal cooperation with BRICS partners, including different kinds of activities in the polar regions of the globe.

Keywords: Antarctica, Brazil, geopolitics, national interests, South American solidarity.

References

1. Golitsyna A.E. Participation of Latin American countries in the formation of territorial claims and the legal basis of activity in Antarctica // *Klio*. 2020. No. 8 (164). pp. 71–75.
2. Goliney V.A. Brazil and Antarctica: a long way towards each other // *Latin America*. 2023. No. 5. pp. 104–110.
3. Backheuse R E. A geopolítica geral e do Brasil. Rio de Janeiro: Bibliex, 1952. 275 p.
4. Becker B.K. Geography in Brazil in the 1980s: Background and recent advances // *Progress in Human Geography*, 1986. N. 10 (2), p. 157–183. <https://doi.org/10.1177/030913258601000201>
5. Calvert P. Argentina: The Primacy of Geopolitics // *The World Today*. 1989. Vol. 45. No. 2. pp. 33–36.
6. Carvalho C.D. História Diplomática do Brasil. 2. ed. Brasília: Senado Federal, 2004. Publicado pela primeira vez em 1959. 403p.
7. Carvalho C.D. Relações Internacionais. Rio de Janeiro: Record, 1971. 279 p.
8. Carvalho C.D.; Castro Th. A questão da Antártica// *Revista do Clube Militar*, 1956. n. 142. p. 502–506.
9. Castro Th. A Antártica: o assunto do momento. *Revista do Clube Militar*, n. 146. 1957. p. 42–49.
10. Castro Th. Rumo à Antártica. Rio de Janeiro: Freitas Bastos, 1976. 172 p.
11. de Oliveira A.C.G. The Dragon's Footprints in the South Pole: A Study on Chinese Strategies and Actions in Antarctica and its Implications for Brazil // *Austral: Brazilian Journal of Strategy & International Relations*. 2021. v. 10. n. 19. p. 105–132.
12. de Queiroz F.A. da Cunha G.L. and Barros-Platiau A.F. (eds.) *Brazil in the Geopolitics of Amazonia and Antarctica*. Lexington Books, 2023. 250 p.
13. Hepple L. South American Heartland: The Charcas, Latin American Geopolitics and Global Strategies // *The Geographical Journal*. 2004. Vol. 170. No. 4. pp. 359–367.
14. Mattos C. M. A geopolítica e as projeções do poder. Rio de Janeiro: Bibliex, 1977. 147 p.
15. Mattos C.M. Geopolítica e modernidade. Rio de Janeiro: Bibliex, 2002. 156 p.
16. Mattos C.M. Geopolítica. Rio de Janeiro: FGV. v. 1. 2011. 316 p.
17. Medeiros S.E. and de Mattos L.F. Antarctica as a South Atlantic Maritime Security Issue / Duarte E., Correia de Barros M. *Maritime Security Challenges in the South Atlantic*. Palgrave Macmillan Cham, 2019. pp. 105–127. DOI: 10.1007/978-3-030-05273-7_5
18. Ministério da Defesa convoca sociedade para contribuir com a Política Nacional de Defesa e Estratégia Nacional de Defesa [Электронный ресурс]. – URL: <https://agenciagov.etc.com.br/noticias/202403/ministerio-da-defesa-convoca-sociedade-para-contribuir-com-a-politica-nacional-de-defesa-e-estrategia-nacional-de-defesa> (accessed: 20.08.2024).
19. Política Nacional de Defesa. Estratégia Nacional de Defesa, 2012. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.defesa.gov.br> (accessed: 20.08.2024).
20. Silva G.C. Planejamento estratégico. Rio de Janeiro: Bibliex, 1955. 536 p.

Эволюция внешнеполитической стратегии Российской Федерации в отношении государств Центральной Азии в начале XXI века

Калакутский Андрей Вадимович,

руководитель аппарата, Самарская Губернская Дума
E-mail: kalakutsky@samgd.ru

Исследование посвящено проблеме нестабильности внешнеполитических отношений Российской Федерации со странами Центральной Азии в постсоветском периоде. Актуальность проблемы определяется важным для России геостратегическим положением региона. Сложность процессов, происходящих в регионе, после выхода стран Центральной Азии из состава СССР требует разработки внешнеполитического курса Российской Федерации на основе понимания общих закономерностей развития национально-территориальных государственных систем данного региона. Цель исследования состояла в оценке результативности внешнеполитического курса России в отношении стран Центральной Азии в XXI веке в контексте реализации общей внешнеполитической стратегии. В рамках сформулированной цели были поставлены задачи разработать методологические подходы к оценке внешней политики России по отношению к странам Центральной Азии, на основе которой обосновать концептуальные установки для формулирования стратегии России в регионе, исследовать эволюцию российского внешнеполитического курса, выявить факторы, влияющие на его изменение. Методологическим основанием исследования являлась концепция саморазвивающихся социальных систем, суть которой состоит в противопоставлении двух способов развития общественных систем: с ориентацией на внутренние или внешние источники и ресурсы развития. Результаты исследования получены на основе анализа Концепций внешней политики России 2000–2020 годов (далее – Концепция) и заключаются в выявлении стратегической линии внешнеполитического курса России, направленной на поддержку процессов саморазвития в странах Центральной Азии, как наиболее оптимальной и результативной с точки зрения обеспечения и поддержки реализации принципа многополярного мироустройства.

Ключевые слова: Центральная Азия, стратегия внешней политики России, саморазвивающиеся социальные системы.

Важность Центрально-Азиатского региона в геополитическом пространстве после распада Советского Союза неуклонно возрастает, о чем свидетельствует усилившееся внимание отдельных государств к присутствию в регионе. Это связано с исключительно выгодным геополитическим положением региона, а также наличием огромных запасов полезных ископаемых, что в условиях ограниченности ресурсов только повышает его значимость, особенно учитывая, что большая часть ресурсной базы Центральной Азии не находится в разработке.

Для анализа обозначенной проблемы и решения поставленных задач автором статьи были приняты во внимание результаты научных исследований российских и зарубежных авторов по таким направлениям, как: история построения взаимоотношений России и стран Центральной Азии в постсоветский период (О.Б. Сернецкий [18], М. Братерский [3], Винсен де Китспоттер [4], Л. Гусев [5], Д.А. Дмитриева [7], Т.И. Потоцкая [16]); влияние внешнеполитических позиций других государств в Центральноазиатском регионе на стратегию Российской Федерации (С.Н. Погодин [15], О. Алиджанова [1], Ш. Аманбекова [2], З. Дадабаева [6], Г. Исакова [8], Л. Касюк [9]). Несмотря на различные позиции авторов в оценке факторов, влияющих на разработку и реализацию внешнеполитической стратегии России в отношении стран Центральной Азии, общей концептуальной установкой является вывод о нестабильности внешнеполитического курса России в регионе, отсутствии долгосрочной стратегии отношений, преобладании ситуативного подхода, значительной роли внешних факторов, в том числе политики США, влияющих на реализацию внешнеполитического курса России.

Методологической платформой оценки внешнеполитического курса России в отношении стран Центральной Азии послужила теория саморазвивающихся динамических систем. Суть данного методологического подхода состоит в противопоставлении двух способов развития общественных систем: с ориентацией на внутренние или внешние источники и ресурсы развития. Теория саморазвивающихся динамических систем предполагает развитие социума преимущественно за счет внутренних источников и ресурсов. Данная теория берет начало в трудах Г. Хакена, который обосновывал самоорганизацию общественной системы в контексте принципов синергетики как способа упорядочения системы альтернативного внешнему воздействию [21]. Положения теории получили развитие в трудах российских исследователей, в частности А.И. Татаркина [20], применительно к оценке территориальных социально-экономических процессов.

Применение теории саморазвивающихся систем для анализа внешнеполитических стратегия является новым прочтением и вкладом автора данного исследования к изучению проблемы. Для оценки стратегии внешнеполитического курса России по отношению к странам Центральной Азии имеют значение следующие теоретические положения теории саморазвивающихся систем.

1. Механизмы и источники саморазвития социальных систем составляют совокупность внутренних природных

и экономических ресурсов, созданных на территории: природных, сырьевых, финансовых, человеческих и т.д. [20]. Целью саморазвития является обеспечение расширенного воспроизводства валового национального продукта за счет имеющегося потенциала собственных ресурсных возможностей и доходных источников [17]. Применение этой позиции теории саморазвивающихся систем к развитию национальных государств предполагает, что страны с высокими уровнем внутренних возможностей, что выражается в наличие хотя бы одного вида ресурсов в достаточном для саморазвития количестве, обладают потенциально более высокими способностями к саморазвитию. И наоборот абсолютный дефицит всех ресурсов делает страну более зависимой от внешних ресурсов.

2. Наличие внутренних ресурсов, автоматически не запускает процессы саморазвития. Для активизации потенциала системы необходим субъективный человеческий фактор [20, с. 18]. Применительно к национальным государственным системам субъективным фактором, который запускает процессы саморазвития, выступает прежде всего лидерский потенциал руководителя государства. В частности, можно выявить закономерность, что страны, ориентированные на процессы саморазвития, имеют более авторитарных или авторитетных лидеров. Дополнительными поддерживающими факторами процессов саморазвития является общественный менталитет, построенный на высоком уровне национальной и (или) религиозной идентичности, самодостаточности, самосознания, древней самобытной истории государства.

3. Следствием функционирования саморазвивающихся систем является усиление конкуренции. Динамическое саморазвитие повышает уровень самостоятельности государств. Это ведет к многополярности мирового устройства и повышает уровень конкуренции между странами.

4. Принцип саморазвития может обеспечиваться управляющим воздействием как непосредственных субъектов системы, так и внешней по отношению к ним среды [20, с. 31]. Страны Центральной Азии могут обеспечивать саморазвитие как собственной внутренней политикой, так и путем поддержки этих процессов со стороны. Применительно к проблематике данного исследования данный принцип является основополагающим. Он означает, что Российская Федерация, хотя и является

внешней силой по отношению к странам Центральной Азии, в то же время может в своей внешнеполитической стратегии поддерживать эти внутренние процессы саморазвития. При этом целью внешнеполитического курса России будет обеспечение устойчивости самоорганизующейся силы данных государств.

5. В основе саморазвивающихся систем лежит самоорганизация составляющих ее элементов, как альтернативный внешнему воздействию способ упорядочения системы. Этот принцип саморазвивающихся систем также является важным для определения внешнеполитической стратегии России в отношении стран Центральной Азии, так как самоорганизация общества, может нести, как созидание, так и разрушение. Разрушающими последствиями функционирования самоорганизующихся общественных систем является, в частности, национальный и (или) религиозный экстремизм.

6. Существенным акцентом в исследовании проблемы, поставленной в исследовании, является концептуальное положение о сбалансированности процессов самоорганизации и внешнего влияния. В современном глобализирующемся мире национальное государство не может обеспечить свое динамичное развитие только за счет внутренних источников саморазвития. Вопрос стоит о соотношении внутренней и внешней сил в обеспечении гармоничного развития национального государства.

В контексте решения проблемы оценки внешнеполитической стратегии Российской Федерации в отношении стран Центральной Азии может быть сформулировано два вектора внешнеполитического курса. Первый курс направлен на поддержание прежде всего внутренних процессов динамического развития государства на основе их собственных ресурсов и источников. Второй курс предусматривает преимущественно внешней воздействие на процессы путем финансовой помощи, политической поддержки, оказание функций по защите государства. Возможности и ограничения использования той или иной стратегии внешнеполитического курса России по отношению к странам Центральной Азии представлены в таблице 1.

Применение теории самоорганизующихся систем к оценке внешнеполитической стратегии Российской Федерации соотношению к странам Центральной Азии в XXI веке позволило выявить следующие тенденции и закономерности.

Таблица 1. Сравнительная характеристика внешнеполитических стратегий

	Стратегия, направленная на поддержку источников саморазвития	Стратегия, направленная на внешние источники развития
Формы реализации внешнеполитической стратегии (примеры)	Консолидация ресурсов государств на базе реализации совместных проектов в экономике, социальной сфере: совместные проекты по разработке сырьевых месторождений, создание совместных предприятий, интеграция образовательных систем и т.д. Нейтралитет по отношению к внутривнутриполитическим процессам и событиям. Взаимовыгодное регулирование противоречий. Заключение компромиссов по спорным вопросам	Прямая финансовая поддержка существующих правительств. Прямая политическая поддержка внутривнутриполитических событий и процессов. Финансовые субсидии на вооружение и оборону. Прямые иностранные инвестиции в объекты и инфраструктуру государств. Создание иностранных военных баз на территории государств. Прямые поставки оружия
Преимущества для Российской Федерации	Более высокий уровень доверия со стороны Стран Центральной Азии. Осознание себя равным партнером в отношениях с Россией. Слабая почва для распространения антироссийской оппозиции. Более стабильные отношения в стратегической перспективе	Более высокая степень влияния России в странах Центральной Азии. Больше возможности для реализации собственных интересов на территории. Более высокие возможности для противодействия влиянию в регионе других игроков

	Стратегия, направленная на поддержку источников саморазвития	Стратегия, направленная на внешние источники развития
Риски и ограничения	Высокий уровень неопределенности процессов в государствах Центральной Азии. Риски развития негативных самоорганизующихся процессов в виде террористических и экстремистских религиозных движений и организаций	Высокий уровень разрушающей конкуренции за влияние на территории с другими игроками. Риск переориентации государств Центральной Азии на более сильного покровителя. Нестабильные отношения в стратегической перспективе

Во внешнеполитическом курсе России в первой половине 90-х годов не прослеживается понимание внутренних процессов в странах Центральной Азии, осознаются только риски негативных их последствий в виде усиления экстремистских течений, усиление влияния США в регионе, ослабление доверия к России. Анализ положения Концепции внешней политики России 1993 года показал, что приоритет во внешней политике Российской Федерация видела в выстраивании партнерских отношений со странами, ориентированными на создание и сохранения общедемократических ценностей. Внутренние процессы, проходящие в странах СНГ, в том числе и в Центрально-азиатском регионе, рассматривались через призму установления демократических режимов и ценностей и создания на этой основе партнерских отношений нового формата. Внутренние сложные процессы в странах Центральной Азии, не укладывающиеся в демократические ценности, рассматривались как риски и угрозы. Свою роль в данных процессах Россия видела в качестве внешней силы, которая должна была вернуть страны Центральной Азии в лоно Российского влияния [10, с. 6]. Впервые концептуальные идеи, связанные с установлением со странами Центральной Азии отношений, направленных на поддержание внутренних процессов динамического саморазвития, активизацию внутренних источников саморазвития и подавления негативных тенденций самоорганизации общественности новых государств, появляются только в позиции Е.М. Примаков.

Анализ Концепции внешней политики Российской Федерации 2000 года [11], позволил выявить следующие тенденции имеющие значение для анализа внешнеполитической стратегии, по отношению к странам Центральной Азии.

1. Определена активная роль России в общемировых процессах, что принципиально отличается от пассивной позиции России в предыдущий рассматриваемый хронологический период.

2. Приоритеты интересов Российской Федерации в центрально-азиатском регионе, были обусловлены в первую очередь необходимостью обеспечения безопасности Российского государства и российских граждан. В связи с чем в Концепции были сформулированы механизмы построения добрососедских отношений, обеспечивающих безопасности России путем интеграции экономических процессов, включая создание зоны свободной торговли, реализацию программ совместного рационального использования природных ресурсов; развития сотрудничества в военно-политической области и сфере безопасности, особенно в борьбе с международным терроризмом и экстремизмом и расширение контакту между гражданами в гуманитарной сфере.

3. Озвучены риски глобализации экономических процессов особенно для экономически ослабленных государств, связанных с вероятностью крупномасштабных финансово-экономических кризисов. Формулирование данного риска стало базой для осознания необходимости активизации процессов динамического саморазвития в странах Центральной Азии.

Таким образом, в Концепции внешней политики 2000–2008 гг. можно увидеть первые шаги к формулированию стратегии России, построенной на поддержке в странах Центральной Азии процессов динамического саморазвития.

Новые стратегические ориентиры внешнеполитического курса России по отношению к странам Центральной Азии нашли отражение в Концепции внешней политики Российской Федерации 2008 года. В Концепции 2008 года сформулировано новое видение Российской Федерации на международной арене, как участника формирования международной повестки, формулирования вопросов, необходимых для решения на международном уровне.

Четко обозначен внешнеполитический курс России на создание полицентричного, многополярного мира. В рамках данной общей стратегической линии в Концепции формулирована роль стран Центральной Азии в обеспечении главного внешнеполитического приоритета России в формировании многополярного мира. Экономический подъем в данных странах данных стран, по мнению Российской Федерации, должен способствовать повышению их роли в политическом пространстве, что в свою очередь повысит степень полицентричности мирового порядка. Таким образом Россия продемонстрировала свою заинтересованность именно в динамическом саморазвитии стран, как условия реализации собственной общей внешнеполитической стратегии.

В контексте задачи построения многополярного мира в Концепции 2008 года был сделан акцент на его культурно-цивилизационное многообразие. Причем усиление культурных и, в частности, религиозных, особенностей цивилизационного развития рассматривалась как следствие воздействия биполярной конфронтации, что повышало риски развития национализма и экстремизма. Поэтому актуальность реализации принципа многополярности обозначалась, в том числе, как способ снижения рисков негативных сторон процессов самоопределения и самоорганизации населения. В русле обозначенной стратегией в Концепции 2008 года более четко сформулирован курс на поддержку и сохранения суверенитета государств и не вмешательства во внутренние дела, акцентировано внимание на усиление роли интеграционных объединений (Таможенного союза, ОДКБ, СНГ). Интеграционные объединения рассматриваются как инструмент снижения рисков негативных самоорганизующихся процессов на территории государств [12]. Сделан акцент на повышении роли интеграционных объединений в обеспечении эффективности экономических взаимодействий со странами Центральной Азии в сфере водноэнергетических, инфраструктурных совместных проектов, как ключевой фактор становления кризисоустойчивой международной многополярной системы и повышение уровня предсказуемости и управляемости мирового развития.

В то же время впервые в Концепции 2008 года было декларировано использование донорского потенциала России, а именно готовность к прямым субсидиям в другие страны. Здесь мы видим обозначенные ростки

альтернативного варианта реализации внешнеполитической стратегии России по отношению к странам Центральной Азии, направленных поддержку в странах Азии процессов ориентированных на внешние источники развития. Обоснованием данного курса внешней политики могли быть: обострение конкуренции за влияние в регионе, усиление в западной дипломатии курса на сдерживание России – усиление конкуренции в Центрально-азиатском регионе [12]; неэффективность курса на поддержку динамического саморазвития государстве в ситуациях, требующих быстрых, незамедлительных решений, с высокими рисками неуправляемых конфликтов или экстренных ситуаций.

Таким образом в Концепции внешней политики 2008 года был закреплён концептуально и в плане конкретных форм и направлений реализации курс на поддержку внутренних процессов динамического саморазвития стран Центральной Азии, как главный фактор создания многополярного мира.

В Концепции внешней политики 2013 года были закреплены все приоритеты и механизмы реализации стратегии, повлиявших на отношения со странами Центральной Азии, в частности курс на укрепление полицентричности и многополярности мироустройства [13]. В Концепции обозначены причины и неоднозначные последствия глобализации, которая приводит с одной стороны, к сохранению цивилизационной идентичности (как обратная реакция национальных государств к противодействию глобализации, и давлению «внешней силы»), но с другой стороны может привести к крайним формам национализма и религиозного экстремизма. На основании предыдущего тезиса в Концепции 2013 года подвергается жесткой и однозначной критики политика внешней силы, игнорирования внутренних процессов саморазвития и самоорганизации национальных суверенных государств, навязывание собственной шкалы ценностей.

В Концепции 2013 года сформулированы пути повышения уровня самостоятельности поступательного развития стран Центральной Азии за счет обеспечения качества жизни и наращивания человеческого инновационного капитала. В контексте теории саморазвития социальных систем это тезис раскрывает взгляд России на источники саморазвития стран региона.

В то же время четко сформулированы риски дипломатии «мягкой силы», которая в условиях конкуренции может перейти к деструктивным и противоправным формам использования в виде «политического давления на суверенные государства, вмешательства в их внутренние дела, дестабилизации там обстановки, манипулирования общественным мнением и сознанием, в том числе в рамках финансирования гуманитарных проектов и проектов, связанных с защитой прав человека, за рубежом» [13].

В концепции Внешней политики 2016 года констатируется новый явно намечающийся расклад сил на международной арене в связи с постепенным разрушением (при активном участии Российской Федерации) однополярного мира с лидирующей позицией США и западного цивилизационного уклада. Центр силы начал смещаться в Азиатско-Тихоокеанский регион, происходит сокращение западного доминирования, в том числе и с точки зрения культурных и цивилизационных ценностей, в большей степени проявляется множественность моделей развития. В контексте обозначенного методологического подхода, этот процесс можно оценить как следствие усиление в странах азиатского региона процессов саморазвития и самоорганизации [14].

Выводы

Таким образом, в результате исследования, сформулировано положение о внутренних источниках развития, как атрибутивном свойстве саморазвивающихся государственных систем, потенциал которых активируется при активном участии человека, как носителя целей развития системы. Для развития государства ориентация на внутренние источники саморазвития является всегда более предпочтительным курсом для сохранения самостоятельности и самодостаточности в глобализирующемся пространстве и на внешнеполитической арене.

Во внешнеполитической стратегии по отношению к странам Центральной Азии сформировался курс, направленный на поддержание и сохранение внутренних процессов саморазвития. Осознана актуальность данного курса, как главный фактора и механизм реализации стратегического внешнеполитического курса, направленного на создание многополярной полицентричной конструкции мирового уклада. Оценены риски данного внешнеполитического курса и способы их снижения.

Литература

1. Алиджанова О. Современные парадигмы экономического сотрудничества Китая со странами Центральной Азии // Актуальные проблемы развития КНР в процессе её регионализации и глобализации. Материалы IX Международной научно-практической конференции. Чита. 2017. С. 169–178.
2. Аманбекова Ш. Влияние Афганского кризиса на процесс исламизации Центральной Азии // Постсоветские исследования. 2018. Т. 1. № 3. С. 318–329.
3. Братерский М. Политика США в Центральной Азии и интересы России // Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 4. С. 64–72.
4. Винсен де Китспоттер. Большая игра в Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. 2005. № 1. С. 96–111.
5. Гусев Л. Борьба с экстремизмом и терроризмом в странах Центральной Азии // Современные Евразийские исследования. 2016. № 2. С. 61–74.
6. Дадабаева З. Киргизия и Таджикистан между Россией и Китаем // Россия и современный мир. 2015. № 3. С. 81–95.
7. Дмитриева Д.А. Интересы России и Китая в Центральной Азии // Россия в глобальном мире. 2021. № 20 (43). С. 20–28.
8. Исакова Г. Геополитические и экономические интересы США и Китая в Центральной Азии // Central Asian Journal Of Basic And Applied Research. 2014. № 2. С. 49.
9. Касюк Л. Политика США на постсоветском пространстве в Центральноазиатском регионе // Вестник МГЛУ. 2010. № 2. С. 89–106.
10. Концепция внешней политики Российской Федерации от 23 апреля 1993 года // Концепции внешней политики РФ 1993–2023 гг. / Сост. Д.В. Кузнецов. Б.м.: Б.изд. 2023. 122 с.
11. Концепция внешней политики Российской Федерации от 28 июня 2000 года // Концепции внешней политики РФ 1993–2023 гг. / Сост. Д.В. Кузнецов. Б.м.: Б.изд. 2023. 122 с.
12. Концепция внешней политики Российской Федерации от 12 июля 2008 года, Утверждена Указом Президента РФ Д.А. Медведева от 12 июля 2008 года № Пр-1440 // Концепции внешней политики РФ

1993–2023 гг. / Сост. Д.В. Кузнецов. Б.м.: Б.изд. 2023. 122 с.

13. Концепция внешней политики Российской Федерации от 12 февраля 2013 года. Поручение Президента РФ от 12.02.2013 № Пр-251 // Концепции внешней политики РФ 1993–2023 гг. / Сост. Д.В. Кузнецов. Б.м.: Б.изд. 2023. 122 с.
14. Концепция внешней политики Российской Федерации от 30 ноября 2016 года // Концепции внешней политики РФ 1993–2023 гг. / Сост. Д.В. Кузнецов. Б.м.: Б.изд. 2023. 122 с.
15. Погодин С.Н., Тараканова Т.С. Внешнеполитические интересы российской федерации в Центральной Азии. Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. № 2 (36). С. 77–88.
16. Потоцкая Т.И. Центральная Азия как приоритетный геополитический регион постсоветского пространства: географический анализ // Вестник Удмуртского университета. Серия Биология. Науки о Земле. 2023. Т. 33. № 4. С. 488–500.
17. Саморазвивающиеся социально – экономические системы: теория, методология, прогнозные оценки. В 2-х т. Т. 1. Теория и методология формирования саморазвивающихся систем / Под общей ред. А.И. Татаркина. М., 2011. 308 с.
18. Сернецкий О.Б. Центральная Азия как территория интересов России // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2013. № 3. С. 39–42.
19. Татаркин А.И. Теоретическая основа института саморазвития социально-экономических систем // *Urbi etorbi* / Под общ. ред. Р.С. Гринберга, А.Я. Рубинштейна; в 4-х т. СПб.: Алетейя. 2015. Т. 4. Институты современной экономики / Под ред. А.Е. Городецкого. 720 с.
20. Татаркин А.И. Региональная направленность экономической политики Российской Федерации как института пространственного благоустройства территории // Экономика региона. 2016. Т. 12. № 1. С. 9–27
21. Хакен Г. Самоорганизующееся общество. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Article/Hak_SamOb.php.

THE EVOLUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION'S FOREIGN POLICY STRATEGY TOWARDS THE CENTRAL ASIAN STATES AT THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY

Kalakutsky A.V.

Samara Provincial Duma

The study is devoted to the problem of instability of the foreign policy relations of the Russian Federation with the countries of Central Asia in the post-Soviet period. The relevance of the problem is determined by the important geostrategic position of the region for Russia from an economic and political point of view. The complexity of the processes taking place in the region after the secession of the Central Asian countries from the USSR requires the development of the foreign policy course of the Russian Federation based on an understanding of the general patterns of development of the national and territorial state systems of the region. The purpose of the study was to assess the effectiveness of Russia's foreign policy towards Central Asian countries in the 21st century in the context of the implementation of a common foreign policy strategy. Within the framework of the formulated goal, the tasks were set to develop methodological approaches to assessing Russia's foreign policy towards the countries of Central Asia, on the basis of which to determine the specifics of the development strategies of the countries of the specified region, to investigate the evolution of the conceptual attitudes of the Russian foreign policy course, to identify the factors influencing its change. The methodological basis of the research was the concept of self-developing social systems, the essence of which con-

sists in contrasting two ways of developing social systems: focusing on internal or external sources and resources of development. The results of the study are based on the analysis of the Concepts of Russian Foreign Policy in 2000–2020 (hereinafter referred to as the Concept) and consist in identifying the strategic line of Russia's foreign policy course aimed at supporting the processes of self-development in Central Asian countries as the most optimal and effective in terms of ensuring and supporting the implementation of the principle of a multipolar world order.

Keywords: Central Asia, Russian foreign policy strategy, self-developing social systems.

References

1. Alidzhanova O. Modern paradigms of China's economic cooperation with Central Asian countries // Actual development problems of the PRC in the process of its regionalization and globalization. Proceedings of the IX International Scientific-Practical Conference. Cheetah. 2017. P. 169–178.
2. Amanbekova Sh. The impact of the Afghan crisis on the process of Islamization of Central Asia // *Post-Soviet Studies*. 2018. Vol. 1. No 3. P. 318–329.
3. Bratersky M. US policy in Central Asia and Russia's interests // *Central Asia and the Caucasus*. 2007. No 4. S. 64–72.
4. Vincennes de Kitspotter. The big game in Central Asia // *Russia and the Muslim world*. 2005. No 1. S. 96–111.
5. Gusev L. The fight against extremism and terrorism in the countries of Central Asia // *Modern Eurasian Studies*. 2016. No 2. P. 61–74.
6. Dadabaeva Z. Kyrgyzstan and Tajikistan between Russia and China // *Russia and the modern world*. 2015. No 3. P. 81–95.
7. Dmitrieva D.A. Interests of Russia and China in Central Asia // *Russia in the Global World*. 2021. No 20 (43). S. 20–28.
8. Iskakova G. Geopolitical and Economic Interests of the United States and China in Central Asia // *Central Asian Journal Of Basic And Applied Research*. 2014. No 2. P. 49.
9. Kasyuk L. US policy in the post-Soviet space in the Central Asian region // *Bulletin of Moscow State University*. 2010. No 2. P. 89–106.
10. Concept of Foreign Policy of the Russian Federation of April 23, 1993 // *Concepts of Foreign Policy of the Russian Federation 1993–2023*. / Comp. D.W. Kuznetsov. B.м.: Б.изд. 2023. 122 p.
11. The Concept of Foreign Policy of the Russian Federation of June 28, 2000 // *Concepts of Foreign Policy of the Russian Federation 1993–2023* / Comp. D.W. Kuznetsov. B.м.: Б.изд. 2023. 122 p.
12. The Concept of Foreign Policy of the Russian Federation of July 12, 2008, Approved by the Decree of the President of the Russian Federation D.A. Medvedev of July 12, 2008 No Pr-1440 // *Concepts of foreign policy of the Russian Federation 1993–2023*. / Comp. D.W. Kuznetsov. B.м.: Б.изд. 2023. 122 p.
13. The Concept of Foreign Policy of the Russian Federation of February 12, 2013. Instruction of the President of the Russian Federation of 12.02.2013 No Pr-251 // *Concepts of foreign policy of the Russian Federation 1993–2023* / Comp. D.V. Kuznetsov. B.м.: Б.изд. 2023. 122 p.
14. Concept of Foreign Policy of the Russian Federation of November 30, 2016 // *Concept of Foreign Policy of the Russian Federation 1993–2023*. / Comp. D.W. Kuznetsov. B.м.: Б.изд. 2023. 122 p.
15. Pogodin S.N., Tarakanova T.S. Foreign policy interests of the Russian Federation in Central Asia. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2021. No 2 (36). S. 77–88.
16. Pototskaya T.I. Central Asia as a priority geopolitical region of the post-Soviet space: geographical analysis // *Bulletin of the Udmurt University. Series Biology. Earth Sciences*. 2023. Vol. 33. No 4. P. 488–500.
17. Self-developing social – economic systems: theory, methodology, forecast assessments. In 2 volumes. T.1. Theory and methodology of formation of self-developing systems / Under general ed. A.I. Tatarkina. M., 2011. 308 p.
18. Sernetsky O.B. Central Asia as a territory of interests of Russia // *Bulletin of KSU. N.A. Nekrasova*. 2013. No. 3. S. 39–42.
19. Tatarkin A.I. Theoretical basis of the Institute of Self-Development of Socio-Economic Systems // *Urbi etorbi* / Under General. ed. R.S. Greenberg, A.I. Rubinstein; in 4 volumes.

- SPb.: Aletheia. 2015. Vol. 4. Institutes of modern economy / Ed. A.E. Gorodetsky. 720 p.
20. Tatarin A.I. Regional direction of economic policy of the Russian Federation as an institute of spatial improvement of the territory // Economy of the region. 2016. Vol. 12, No 1. P. 9–27
21. Haken G. Self-organizing society. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Article/Hak_SamOb.php

Динамика отношений между Азербайджаном и Китаем в контексте «Шелкового пути»

Лю Юша,

докторант, БГУ

E-mail: oliuyousha@gmail.com

В статье всесторонне анализируется сотрудничество и взаимодействие между Азербайджаном и Китаем в политической, экономической и культурной областях. В статье отмечается, что отношения между двумя странами демонстрируют многомерное и глубокое сотрудничество: частые визиты на высоком уровне, углубление торгового и инвестиционного сотрудничества, все более насыщенные культурные обмены и гуманистическое взаимодействие. В то же время они сталкиваются с такими вызовами, как геополитические риски и экономическая конкуренция. В исследовании подчеркивается важность более глубокого понимания отношений между двумя странами для продвижения строительства Экономического пояса Шелкового пути, а также предлагаются рекомендации по укреплению сотрудничества и развитию обменов и взаимопонимания в будущем.

Ключевые слова: Азербайджан, Шелковый путь, экономическое сотрудничество, культурный обмен, геополитические риски, вызовы и стратегии.

Введение

Шелковый путь как важный канал торговли и культурных обменов между Востоком и Западом в древние времена имеет долгую историю, которая несет в себе смешение и столкновение бесчисленных цивилизаций. От звона верблюжьих колокольчиков на древнем Шелковом пути до инициативы «Один пояс, один путь» в новую эпоху этот древний торговый путь был оживлен и наполнен энергией в контексте новой эпохи и стал важным звеном глобального экономического сотрудничества и культурных обменов.[1] Азербайджан, как мост, соединяющий Европу и Азию, все более тесно сотрудничает с Китаем в строительстве Экономического пояса Шелкового пути, что имеет огромное значение для развития региональной взаимосвязи и общего процветания. Изучение динамики азербайджано-китайских отношений не только способствует глубокому пониманию механизмов и эффективности сотрудничества между двумя странами в рамках Шелкового пути, но и служит полезным ориентиром для будущего развития отношений между двумя странами. В условиях современной глобализации, являясь важным окном, отражающим международную ситуацию и передающим политику и динамику каждой страны, они представляют собой незаменимую ценность для данного исследования. Через призму международной журналистики можно более полно и объективно проанализировать текущее состояние и тенденции в отношениях двух стран, выявить основные моменты и проблемы в сотрудничестве, а также предоставить богатый исследовательский материал и основу для принятия решений учеными и политиками. Поэтому целью данного исследования является изучение динамики азербайджано-китайских отношений в контексте Шелкового пути через призму международных журналистики, а также внесение мудрости и силы в дальнейшее развитие отношений между двумя странами.

Исторический обзор и современное развитие Шелкового пути

Древний Шелковый путь, будь то Шелковый путь, пролежавший по суше, или Морской Шелковый путь, пролежавший по морю, был важным каналом связи между Востоком и Западом. Они не только соединяли отдаленные регионы, но и способствовали широкому обмену товарами, технологиями, культурой, религией и другими аспектами, что оказало глубокое влияние на политические, экономические и культурные модели древнего мира.[2] Эти маршруты стали свидетелями сближения и слияния человеческих цивилизаций и превратились в яркую главу истории, которую невозможно игнорировать. С приходом глобализации инициатива «Один пояс, один путь» вдохнула новую жизнь в древний Шелковый путь. Эта инициатива направлена на создание нового типа международного экономического сотрудничества через политическую коммуникацию, связь объектов, бесперебойную торговлю, финансовую интеграцию и связь между людьми, а также на содействие общему развитию и процветанию стран вдоль маршрута.[3] В этих рамках Шелковый путь не только возродился в наши дни, но и стал важным коридором

экономического сотрудничества, соединяющим Азию, Европу, Африку и другие континенты, играя важную роль в продвижении глобальной экономической интеграции и создании сообщества человеческой судьбы.

Азербайджан, расположенный на перекрестке евразийского континента, занимает ключевое стратегическое положение в Экономическом поясе Шелкового пути благодаря своему уникальному географическому положению и богатым природным ресурсам. Будучи важным мостом, соединяющим Восток и Запад, Азербайджан является не только важным местом для движения товаров, но и границей для культурных обменов и интеграции. В рамках продвижения инициативы «Один пояс, один путь» Азербайджан активно участвует в региональном сотрудничестве, совместно с Китаем и другими странами вдоль маршрута продвигает строительство и развитие Экономического пояса Шелкового пути, вносит позитивный вклад в продвижение регионального экономического процветания и стабильности.[4] Азербайджан активно участвовал в строительстве и развитии Экономического пояса Шелкового пути. Поэтому глубокое изучение географического положения и стратегического значения Азербайджана в Экономическом поясе Шелкового пути имеет большое значение для понимания современного развития Шелкового пути и перспектив сотрудничества между странами, расположенными вдоль этого маршрута.

Политические отношения между Азербайджаном и Китаем

Политические отношения между Азербайджаном и Китаем приобретают тенденцию к сближению. Частый обмен визитами на высоком уровне между двумя странами не только углубил взаимопонимание и доверие, но и заложил прочную основу для углубленного развития двусторонних отношений.[5] Эти визиты на высшем уровне часто сопровождаются подписанием важных соглашений о сотрудничестве, что свидетельствует о том, что сотрудничество между двумя странами в различных областях, включая политику, экономику и культуру, постоянно выходит на новый уровень.

Создание механизмов политического взаимного доверия и сотрудничества, о которых часто пишут в международной журналистике, является ключом к стабильному движению вперед отношений между двумя странами. Стороны демонстрируют высокую степень политического взаимного доверия, обмениваясь углубленными мнениями и координируя свои позиции по международным и региональным вопросам, представляющим взаимный интерес, с помощью таких механизмов, как регулярные встречи и стратегические диалоги. Это взаимное доверие отражается не только в двусторонних отношениях, но и в общих позициях и действиях двух стран в области региональной безопасности и сотрудничества.

В области региональной безопасности и сотрудничества Азербайджан и Китай привержены поддержанию регионального мира и стабильности и содействию общему развитию. Две страны поддерживают тесное сотрудничество в борьбе с терроризмом, транснациональной преступностью и другими глобальными вызовами и совместно вносят вклад в обеспечение региональной безопасности.[6] В то же время обе страны активно участвуют в региональных механизмах многостороннего сотрудничества и способствуют построению более справедливого и рационального международного порядка. Эти общие позиции и действия широко освещаются в международ-

ной журналистике, что еще больше укрепляет политические связи между Азербайджаном и Китаем.

Сотрудничество и взаимодействие в экономической сфере

Сотрудничество и взаимодействие между Азербайджаном и Китаем в экономической сфере становится все более важным аспектом их отношений. Углубление сотрудничества между двумя странами в области торговли и инвестиций придало новый импульс экономическому развитию обеих сторон. Начиная с постоянного роста объемов международной торговли и заканчивая увеличением числа взаимных инвестиционных проектов, можно отметить мощный импульс экономического сотрудничества между Азербайджаном и Китаем.[7] Торговые соглашения, политика поощрения инвестиций и двусторонние форумы экономического сотрудничества, часто упоминаемые в международной журналистике, оказывают мощную поддержку углубляющейся интеграции двух экономик. Особо следует отметить беспрецедентную глубину сотрудничества между Азербайджаном и Китаем в энергетическом секторе. Богатые энергетические ресурсы Азербайджана, являющегося важным производителем нефти и газа в регионе Каспийского моря, привлекли внимание Китая. Две страны начали широкое сотрудничество в области разведки, добычи, переработки и транспортировки нефти и газа, что не только способствует модернизации и обновлению энергетической отрасли Азербайджана, но и является надежной гарантией диверсификации энергоснабжения Китая.

Кроме того, развитие инфраструктуры и налаживание связей также являются важными элементами арабо-китайского экономического сотрудничества. Две страны укрепили свое сотрудничество в области транспорта, связи, электроэнергетики и других инфраструктур, а также совместно способствовали реализации ряда крупных проектов. Строительство этих проектов не только повысило уровень региональной инфраструктуры, но и создало более удобные условия для торговых обменов, обмена персоналом и экономического сотрудничества между двумя странами. Внимание и освещение этих проектов в международной журналистике еще больше подчеркнули международное влияние и стратегическую ценность арабо-китайского экономического сотрудничества.

Культурные обмены и гуманитарное взаимодействие

Культурные обмены между Азербайджаном и Китаем происходят часто и стали яркой краской в отношениях между двумя странами. От художественных выставок до образовательных обменов, от традиционных фестивалей до сохранения культурного наследия – взаимодействие между двумя странами в области культуры становится все более богатым и разнообразным, демонстрируя глубокое культурное наследие, открытый и толерантный дух.[8]

Являясь важным носителем культурных обменов, в последние годы процветают обмены между людьми. Все больше и больше азербайджанцев приезжают в Китай учиться, работать и путешествовать, а большое количество китайских туристов посещают Азербайджан, чтобы познакомиться с его уникальным культурным очарованием. Этот двусторонний поток не только углубляет дружбу и взаимопонимание между двумя народами, но и предоставляет широкое пространство для взаимного распространения и влияния двух культур.

На международной арене культурное влияние Азербайджана и Китая растет. Участвуя в международных культурных фестивалях и проводя такие мероприятия, как Год культуры, две страны демонстрируют миру свое уникальное культурное очарование и достижения цивилизации.[9] В то же время обе страны активно развивают международное сотрудничество в сфере культуры, совместно разрабатывают культурную продукцию, расширяют культурный рынок и придают новую силу международному распространению и обмену культурой между двумя странами. Такое взаимное распространение и влияние не только способствует развитию мирового культурного разнообразия, но и вносит культурный вклад в построение сообщества человеческой судьбы.

Вызовы и рекомендации

Несмотря на значительный прогресс, азербайджано-китайские отношения по-прежнему сталкиваются со многими вызовами. Одной из них являются геополитические риски, а сложность и нестабильность региональной ситуации может негативно сказаться на сотрудничестве между двумя странами.[10] Кроме того, все более жесткая конкуренция в глобальной экономике, способы углубления экономического сотрудничества и достижения взаимной выгоды и беспроигрышной ситуации при сохранении экономической независимости двух стран также являются темой, которую обе стороны должны решать вместе.

Чтобы эффективно справиться с этими вызовами, двум странам необходимо принять ряд стратегий. Укреплять стратегическую связь и координацию, поддерживать тесную связь по чувствительным вопросам в региональных и международных делах с помощью таких механизмов, как визиты на высшем уровне и стратегические диалоги, чтобы укрепить взаимное доверие и уменьшить недопонимание и просчеты. В экономической сфере мы должны продолжать углублять торговое и инвестиционное сотрудничество, содействовать реструктуризации, трансформации и модернизации экономики, повышать ее устойчивость и конкурентоспособность. В то же время мы должны укреплять сотрудничество в области энергетики и строительства инфраструктуры, а также способствовать развитию региональных связей, чтобы обеспечить надежную поддержку экономическому развитию двух стран.

Кроме того, укрепление культурных обменов и гуманитарного взаимодействия также является важным способом решения проблем. Благодаря организации культурных фестивалей, образовательных обменов, туристического сотрудничества и других мероприятий можно укрепить дружбу и взаимопонимание между двумя народами, заложить прочный фундамент общественного мнения для долгосрочного развития отношений между двумя странами. В то же время предполагается активное использование международных платформ для совместного развития международного сотрудничества в сфере культуры, усиления влияния и дискурсивной силы культур двух стран на международной арене, а также внесения культурного вклада в построение сообщества человеческой судьбы.

Заключение

Подводя итоги, можно сказать, что динамика азербайджано-китайских отношений характеризуется многоплановым и глубоким сотрудничеством. Обмены и сотрудничество между двумя странами в политической, экономической и культурной областях углубляются,

демонстрируя высокую степень стратегического взаимного доверия и широкие перспективы сотрудничества. Это исследование не только углубляет наше понимание отношений между двумя странами, но и дает богатый пример и вдохновение для современного возрождения Шелкового пути.

В перспективе постоянное внимание и углубленное изучение динамики азербайджано-китайских отношений имеет большое значение для содействия здоровому развитию отношений между двумя странами и строительству Экономического пояса Шелкового пути. Предлагаем, чтобы будущие исследования еще больше сосредоточились на конкретных областях и механизмах сотрудничества между двумя странами, изучили эффективные стратегии для решения проблем, укрепили гуманистические обмены и контакты между людьми, чтобы заложить более прочный фундамент для долгосрочного развития отношений между двумя странами. На практическом уровне две страны должны продолжать придерживаться принципов открытости, инклюзивности, взаимной выгоды и беспроигрышной ситуации, углублять сотрудничество, совместно решать глобальные проблемы и вносить вклад в построение сообщества человеческой судьбы.

Литература

- Надыров Ш., Чжан Б. Историческая география шелкового пути // Вестник КазНУ. Серия географическая. 2021. № 2 (61). С. 39–51.
- Рахимов Н.Т. Феномен шёлкового пути // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2016. № 1 (46). С. 228–237.
- Гордон А.В. Доктрина правления Си Цзиньпина Социальные и гуманитарные науки // Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9, Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. 2020. № 2. С. 158–193.
- Джабиев Р.М. Теневая экономика и коррупция в Азербайджане // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 7. С. 84–91.
- Мокрецкий А.Ч. Китайская инициатива «Один пояс, один путь» как вектор внешнеэкономической политики Азербайджана // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2018. № 23. С. 319–335.
- Гордиенко Д.В. Шанхайская организация сотрудничества как площадка для диалога по вопросам региональной безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 37 (322). С. 44–66.
- Хоменко В.В. Глобальный кризис в контексте настоящего и перспективного социально-экономического развития: взгляд из Татарстана // Вестник экономики, права и социологии. 2010. № 1. С. 54–60.
- Воробьева М.А. Реализация инициативы ОПОР на Южном Кавказе // Постсоветские исследования. 2020. № 8 (3). С. 651–663.
- Мокрецкий А. Ч. «Экономический пояс Шелкового пути» как механизм экономической геополитики Китая в постсоветских странах // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2017. № 22. С. 257–273.
- Молдован А.А. Зарубежные инвестиции Китая в страны Закавказья // Инновации. Наука. Образование. 2020. № 23. С. 2054–2063.

DYNAMICS OF RELATIONS BETWEEN AZERBAIJAN AND CHINA IN THE CONTEXT OF THE SILK ROADS

Liu Yousha

Baku state university

This article comprehensively analyzes the cooperation and interaction between Azerbaijan and China in political, economic and cultural fields. The article notes that relations between the two countries show multidimensional and deep cooperation: frequent high-level visits, deepening trade and investment cooperation, increasingly rich cultural exchanges and humanistic interaction. At the same time, they face challenges such as geopolitical risks and economic competition. The study emphasizes the importance of a better understanding of the relationship between the two countries to advance the construction of the Silk Road Economic Belt, and offers recommendations to strengthen cooperation and promote exchanges and mutual understanding in the future.

Keywords: Azerbaijan, Silk Road, economic cooperation, cultural exchange, geopolitical risks, challenges and strategies.

References

1. Nadirov Sh., Zhang B. Historical geography of the Silk Road // Vestnik KazN U. Geography Series. 2021. No. 2 (61). P. 39–51.
2. Rakhimov N.T. The phenomenon of the Silk Road // Scientific Notes of Khujand State University named after B. Gafurov. Humanities. 2016. No. 1 (46). P. 228–237.
3. Gordon A.V. Doctrine of Xi Jinping's governance // Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Ser. 9, Oriental Studies and African Studies: Review Journal. 2020. No. 2. P. 158–193.
4. Djabiev R.M. Shadow economy and corruption in Azerbaijan // World Economy and International Relations. 2012. No. 7. P. 84–91.
5. Mokretsky A. Ch. The Chinese initiative "One Belt, One Road" as a vector of Azerbaijan's foreign economic policy // China in Global and Regional Politics. History and Modernity. 2018. No. 23. P. 319–335.
6. Gordienko D.V. The Shanghai Cooperation Organization as a platform for dialogue on regional security issues // National Interests: Priorities and Security. 2015. No. 37 (322). P. 44–66.
7. Khomenko V.V. The global crisis in the context of current and prospective socio-economic development: a view from Tatarstan // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2010. No. 1. P. 54–60.
8. Vorobyova M.A. Implementation of the OBOR initiative in the South Caucasus // Post-Soviet Studies. 2020. No. 8 (3). P. 651–663.
9. Mokretsky A. Ch. The "Economic Belt of the Silk Road" as a mechanism of China's economic geopolitics in the post-Soviet countries // China in Global and Regional Politics. History and Modernity. 2017. No. 22. P. 257–273.
10. Moldovan A.A. Foreign investments of China in the countries of the South Caucasus // Innovations. Science. Education. 2020. No. 23. P. 2054–2063.

Статус-кво, ревизионизм и реформизм в исследованиях западных и незападных ученых

Осман Текин,

аспирант, Центр евроазиатских исследований, Институт международных исследований, МГИМО МИД России
E-mail: osmantkn.13@gmail.com

В области международных отношений исследования, посвященные внешней политике государств, борьбе за власть и сбоям в международной системе, часто сосредоточены на определении и классификации государств как ревизионистов, придерживающихся статус-кво, или реформистов. Эти классификации занимают значимое место в литературе. Однако из-за доминирования западных академических кругов, повторяющихся анализов в определении политики статус-кво, реформистской и ревизионистской политики и классификации государств в соответствии с этими определениями в исследованиях международных отношений наблюдается заметное преобладание предвзятости. В связи с этим в данном исследовании проводится обзор литературы, посвященной политике государств, придерживающихся статус-кво, реформистской и ревизионистской политики, с различных точек зрения в рамках исследований международных отношений. Цель данного обзора литературы – предоставить ценный ресурс для будущих исследований, посвященных концептуализации внешней политики государств через их статус-кво, ревизионистские и реформистские тенденции, анализу внешнеполитических стратегий и современных проблем в международной системе.

Ключевые слова: статус-кво, ревизионизм, реформизм, входящие державы, внешняя политика.

Introduction

The construction of inter-state relations within the framework of certain rules, norms and values and the sustainability of contemporary international order, along with the potential changes it may undergo over time, constitute one of the prominent study areas within the discipline of international relations. The absence of any authoritative entity above states reveals the existence of an international system where the regulation, sustainability and change of inter-state relations are dependent on the behaviors and policies of states themselves. Within this international system, the development of relations between states involves a struggle where all states, without exception, are engaged in seeking power and balance for their own security and welfare. While some states believe that the contemporary system aligns with their development, security and interests; others consider it insufficient for fulfilling their needs, preferences and aspirations, thus advocating for its reform or revision. In addition to this assessment, some states believe that the current system is suitable for some of their demands and needs. However, they desire amendments to regulations they perceive as incompatible with their evolving capabilities in certain periods. Indeed, these different attitudes adopted by states lead to varying policies and behaviors. These divergent approaches in foreign policy also give rise to a struggle for superiority among them, which is referred to as the pursuit of hegemonic power among states in the discipline of international relations. This struggle for power can occur both independently among individual states and in the form of blocs among alliances formed by states. For example, differences in the practical and ideational agendas of the US and Russia based on their pro-status quo, reformist and revisionist oriented aspirations have entailed rising escalation between two prominent powers in recent years [1]. Ultimately, it results in a competition based on power struggle within the system.

Realist theorists, who evaluate the struggle of states to construct, preserve and change the international system through status quo, revisionist and reformist policies as quests for power and balance, stand out with their studies on this issue. Realists who have made significant contributions to the research and analysis of this topic in the literature of international relations include Edward H. Carr [2], Henry Kissinger [3], Hans Morgenthau [4], Arnold Wolfers [5], A. F.K. Organski [6], Kenneth Waltz [7] and Robert Gilpin [8]. Among the constructivist theorists who emerged as a different interpretation of the realist perspective, Charles Kupchan [9] has also made different evaluations regarding the status quo, revisionist and reformist tendencies of states. Some contemporary studies based on the works contributed to the literature by these prominent figures have been published by Stacie Goddard [10], Steven Ward [11], Jason W. Davidson [12], Alastair I. John [13], Kai He [14], Jorg Kustermans [15], Alexander Cooley [16] and Igor Istomin [17].

According to assessments made particularly by classical realists and neorealists during the Cold War era and immediately thereafter, rising powers are generally defined as states showing revisionist and reformist tendencies, while hegemonic powers constructing the existing order are labeled as status quo states. For example, Randall Schweller, in his article published in Valдай Club in 2015, defines the internation-

al system by focusing on the competition between Emerging (Rising) Powers and Established (Hegemon) Powers [18]. On the other hand, Kai He, in a co-authored work, argues that there is a misconception in the international relations literature that rising powers are revisionist states and hegemon powers are pro-status quo states [14].

Assessments regarding whether states pursue status quo, revisionist or reformist policies within the current international system are based on the analysis of the objectives of their foreign policies, the means they employ to achieve these objectives and the outcomes to attain their goals and desires. These analyses rely on categorizations made to understand the changes occurring in the international system and the resulting consequences. Jason Davidson suggests that categorizing states as status quo, revisionist or reformist enables the understanding of crucial outcomes such as war and peace [12].

However, conceptualization of status quo, revisionism and reformism terms and classification states in this regard have always been controversial, due to lack of common and objective definitions of concepts and categorization of states' foreign policies. Prejudices and stereotypes and ongoing power struggle between the West and rising powers in information sphere also robustly affect studies on this issue in international relations discipline. Therefore, this study provides literature review on status quo, revisionism and reformism concepts to offer researchers consistent resource for analyzing foreign policies of states and chronic problems of international system in contemporary order.

Status Quo Oriented States

States achieve their status in the international system, which shapes the legal functioning within the established international order, through processes and rules, norms, values, and institutions they construct. Corresponding many realist theorists, Henry Kissinger associates this with the broad-scale wars that emerge at the end of hegemonic struggles, asserting that the victors of these wars construct the order. Recent developments such as the European Concert, based on the balance of power and formed by the victorious coalition led by Russia, Britain, and Austria-Hungary after the Napoleonic Wars, the League of Nations established by the victorious powers of England and France after World War I and finally the United Nations built by the allies led by the USA and the USSR after World War II (Yalta and Potsdam) could be seen as examples of Kissinger's assessment in contemporary history. Kissinger highlights in the established order where norms and values adopted by the major powers are institutionalized as rules, the emphasis on meeting the security needs of all major powers [18]. Similarly, Timofei Bordachev emphasizes the necessity for major powers not to be demeaned in the established international system and not to be excluded from institutions and regulations where major decisions are made [19].

Following dramatic changes in the functioning of the global order within the international system, the question of how the order created by hegemonic powers based on security, interest, norms, values and rules will be sustained becomes a crucial factor in the formulation of states' foreign policy strategies. States that shape their foreign policy strategies according to the conditions, norms, rules and regulations of the existing system seek to demonstrate whether they are satisfied with the functioning of that order. In this context, Hans Morgenthau defines states that are satisfied with the power distribution in the existing order and aim to maintain it as status quo states [4]. States committed to the status quo are entirely reliant on maintaining the current order and are opposed to any changes in power distribution that would affect the functioning of the system. After referencing many

realist theorists, Alastair I. John, by stating a similar view to A.F.K Organski and J. Kugler, identifies status quo states as those that design the rules of the game in the current system and benefit from these rules [13]. Moreover, Stacie Goddard emphasizes former and partly declining hegemonic states that desire to preserve the current system to maintain their dominance, portraying these states as status quo states struggling to preserve the existing system [10]. Kenneth Waltz, a pioneer of neorealism and structural realism, also expresses that states satisfied with maintaining the established balance of power and sharing in power seek to preserve it, labeling them as status quo states [20]. Similar to Alastair, Barry Buzan also categorizes states pursuing policies to establish and sustain the current system as status quo states. Buzan suggests that states shape their policies based on their capabilities regarding power, status, influence and access to resources in the current system and evaluates states content with the distribution of these elements as those desiring to preserve the functioning of the international system, show resistance to change [21]. Among recent scholars, Steven Ward also assesses states resilient to any change in the distribution of power and the functioning of the order as status quo states. In their work with Cooley and Nexon, Ward evaluates status quo states as more inclined towards conflict compared to reformist and revisionist states due to their resistance to preserve existing order [16]. In light of all these assessments, status quo states can be defined as those rising victorious after major power struggles, prioritizing their own interests in a sustainable manner, satisfied with the values, norms and rules established by them, desiring their preservation and willing to resist if necessary.

Representatives of defensive realism generally define states as units following status quo policies because they claim that all states are essentially seeking to maximize security. On the other hand, representatives of offensive realism, which prioritize power maximization, generally consider all states, with some exceptions, as revisionist units desiring change [22]. Regarding the status quo states mentioned as exceptions in Schweller's generally defined offensive realist perspective, Mearsheimer's arguments highlight their revisionist tendencies over time, capacity accumulation and the fact that they are already satisfactory regional hegemonies [23].

Revisionist Oriented States

The Cold War ended without a major war among the hegemonic powers, coming to a bloodless conclusion. However, the end of the bipolar world order, which persisted for about 40 years after World War II, and the collapse of one of the two hegemonic powers, the Soviet Union, necessitated the establishment of a new international order. The academic impact of these developments began with Randall Schweller's published article and subsequently, with the rise of global powers such as China, Russia, India, Brazil, and regional powers like Turkey, Iran, Saudi Arabia, Israel, etc., the desire to study this topic in the literature underway to grow. Despite similar definitions, conceptualizations and analyses of revisionism provided by realist theorists and geopolitical experts in numerous works on the struggle for hegemony among states, these conceptualizations have not reached a generally accepted clarity. The varied strategies of change pursued by states have prevented such clarity from being achieved. This has led to the concept of revisionism being highly popular but poorly defined in the discipline of international relations [14].

Although there isn't a strong definition regarding whether states pursue revisionist policies, there are numerous assessments in the literature of international relations, particularly from the pioneers of the realist theory, focusing on

states that pursue revisionist policies. For instance, Arnold Wolfers, referenced by Randall Schweller and many other scholars working on the topic, defines revisionist states as those dissatisfied with power distribution, international norms and institutions, territory, status and prevailing ideological understandings in the current international system and harbor a desire to change them [5]. Henry Kissinger, prior to Wolfers' work first published in 1962, characterized revisionist states as those adopting policies and behaviors against the order constructed by states victorious in the struggle for hegemony in the international system. However, Kissinger also refers to a legal order wherein all major states' security needs are met [18]. Robert Gilpin, renowned for his contributions to security studies in the literature of international relations, evaluates revisionist states as those seeking fundamental changes in power distribution, hierarchical prestige and the rights and rules governing inter-state actions in the international system [8]. Randall Schweller evaluates revisionist-oriented states as those who prioritize what they desire over what they currently possess and are willing to disrupt the status quo, if necessary, even resorting to military power [22]. Furthermore, in a more recent article published at Valdai, Schweller categorizes revisionist states as latecomers or emerging powers who seek to expand their control and spheres of influence, enhance their prestige in the functioning of the current international system, increase their position in the world economy and expand their capacity and influence in international institutions [18].

Recent works referencing foundational studies on states' status quo or revisionist-oriented foreign policy approaches have, to a large extent, reiterated existing definitions with similar arguments, albeit with some adaptation to contemporary developments. However, like Schweller's works, these studies have focused not only on defining status quo and revisionist states but also on the reasons driving them towards such policies, the instruments, methods, scopes and intensities of these policies. In contemporary international relations, studies aimed at understanding and explaining state strategies in issues such as balance of power, power struggles, the causes of wars and the construction of peace have provided diversity in understanding and detailing revisionist actions, even though they have not definitively reached a consensus on their definition.

Studies on the concept of revisionism in the field of international relations primarily revolve around arguments about why states pursue revisionist policies. Among the many reasons cited for states to pursue revisionist-oriented policies, one of the most prominent arguments is the "dissatisfaction" of certain major powers with the distribution of power and resources in the current system, the dominant ideological understanding, and the functioning of norms, institutions and system constructed by dominant powers. This dissatisfaction leads them to seek satisfaction corresponding to their power, prompting rising or newly developed states to seek changes according to their desires in some areas or throughout the entire system. While Kenneth Waltz explains that dissatisfaction with change of balance of the power struggle in the world system, Charles Doran put forward changes in the states' internal, political, demographic, economic and international positions in the world system [24]. Furthermore, Arnold Wolfers notes that states' dissatisfaction with the insufficient representation of their values, including ideological, territorial, status-related, market-driven, and international norms and laws, as well as the functioning of international institutions, motivates them to pursue revisionist policies [5].

In addition to the dissatisfaction of revisionist states with the current international system, their increasing capacities and capabilities, along with the decline of the existing hegemony in the established order, also emerge as significant

factors. Mearsheimer characterizes all states as actors seeking power maximization, while he considers states that do not pursue revisionist policies as rational powers patiently waiting for their time [23]. Moreover, Randall Schweller emphasizes the hegemonic war cycle, highlighting the ongoing power struggles between existing hegemonic powers and emerging or rising powers throughout the history of international relations [18]. This perspective generally codes rising powers as challengers or revisionists, addressing what Kai He, Huiyung Feng, Steve Chan and Weixing Hu considers a misguided bias.

Another significant factor highlighted in the works of Davidson, Ward, and Charles Kupchan is domestic factors that lead states to pursue revisionist policies. In these studies, the authors emphasize that elites influential in domestic politics, as well as rising values such as religion and nationalism (Paul Kennedy also emphasizes the rise of nationalism inside), can lead states to harbor revisionist tendencies in their foreign policies. That mainly reflect constructivist perspective towards motivations of revisionist orientations of states. Finally, Davidson also argues that according to classic realist idea, power vacuum also might entail rising revisionist aspirations of states, especially which have vulnerable states in its region [12].

In studies on the concept of revisionism, another prominent issue is which states follow revisionist policies and how they do so. Indeed, how states adopt policies while pursuing revisionist-oriented goals, the scope and depth of their revisionist desires, and the methods and tools they employ to achieve their revisionist aspirations are among the other aspects that theorists and experts' studies. The different views that emerge regarding the classification of states as revisionist or the purpose, method, scope and depth of their revisionist policies are primarily based on various conceptualizations proposed on this subject. For example, Schweller categorizes revisionist states based on their dissatisfaction into limited aims revisionist and unlimited-aims (revolutionary) revisionist states. Unlimited-aims or revolutionary revisionist states are defined as those having issues with the entire system rather than any specific element within it, seeking to change or dismantle it entirely. Nazi Germany and Napoleonic France's revisionist policies can be cited as examples for revolutionary revisionist states. Additionally, Schweller argues that not all revisionist states aim to completely change or eliminate the current international system. Limited-aims revisionist states, according to Schweller, harbor the desire to expand their prestige, spheres of influence, and to partially or completely alter international norms according to their priorities within the existing international system [18]. In contrast to Schweller, Robert Gilpin believes that all revisionist states aim to fundamentally change the distribution of power, prestige hierarchy and the rules governing international relations, revising states' rights and norms that impact their spheres of influence. Barry Buzan and Amitav Acharya, like Schweller, believes that states' revisionist policies entail different goals, intensities and methods. In this context, he analyzes revisionist states in three different categories: orthodox revisionist, revolutionary revisionist, and radical revisionist states. Buzan and Acharya categorizes orthodox revisionist states as those involved in classical power and status struggles, similar to Schweller's limited-aims revisionist states. They define revolutionary revisionist states as those pursuing policies against the fundamental values of the international system organized by dominant powers. With the concept of radical revisionist states, Buzan suggests that some revisionist states act as actors emphasizing their desire for reform within the existing international system. With these classifications, Buzan and Acharya also emphasizes the need to distinguish between the level and intention of states' revisionist policies [25].

Igor Istomin suggests that since the 19th century, states have been in competition to construct norms, rules and institutions within the international system, leading to a competition between status quo and revisionist states. However, Istomin emphasizes that while the revisionist policies attempted by regimes like Napoleon or Hitler in Europe were mainly based on territorial expansion seen as access to resources; today's trend is more focused on determining norms, rules and expanding influence in international institutions rather than territorial expansion [17]. Similar arguments to Istomin's might be found in recent studies, which primarily focus on a quest for reform and revision regarding the functioning of institutions and the design of norms, values and rules. For instance, Davidson asserts that norms, rules and institutions are crucial in producing and sustaining social hierarchy, determining legitimate actions in international politics, and regulating inter-state interactions. In this context, Davidson categorizes states' revisionist policies into distributive, normative and radical elements. While distributive revisionist actions are characterized as power struggles primarily aimed at material gains, Davidson draws attention to normative and radical revisionist actions in contemporary international relations, where norms, rules and institutional functioning are questioned and sought to be altered [12]. Similarly, Stacie Goddard evaluates the policies of revisionist states in the context of institutional position, stating that depending on the intensity and degree of their revisionist actions, states adopt "network-related" policies. In this context, revisionist states have embraced "exit, rule-based revolution, hegemonic violence, and institutional engagement" methods as foreign policy strategies. They are defined based on their low or high levels of revisionist tendencies depending on the narrowness or breadth of their networks [10].

Davidson and Istomin, in their respective studies, have emphasized the realist perspective stemming from the absence of a complex, supra-state legitimate body in global governance and the increasing number of regional and global actors alongside the declining trend of globalization. The desire to question, change or abolish the functioning of norms, rules and existing international institutions in international relations arises from the problems highlighted by Istomin and Davidson and the deficiencies within the system.

In their studies on the status and identity quests of Russia and China, Deborah W. Larson and Alexei Shevchenko propose the "social identity theory," which offers a different interpretation of states' goals, methods and tools. According to this theory, states are classified based on the methods of social mobility, social competition, and social creativity within the policies they pursue. In the interpretation of social mobility, Larson and Shevchenko explain that states position themselves within the same group by emulating existing hegemonic powers; these states can also be viewed as following the dominant status quo powers, as defined in Schweller's bandwagoning concept. In the social competition interpretation, states are described as competing with revisionist desires to surpass the current dominant powers. Meanwhile, social creativity describes the desires of revisionist states to establish an alternative system to the existing one, as termed revolutionary revisionist policies by Kissinger, Schweller and Buzan [26].

Finally, the bias of "rising powers" identified by He, Feng, Chan and Hu regarding which states pursue revisionist policies is evident among academic trends in the 21st century, particularly with examples like Russia and China [14]. However, the foreign policy strategy pursued by the United States during the G.W. Bush administration, introducing concepts such as "pre-emptive strike," "humanitarian intervention," and "responsibility to protect (R2P)" into the literature and international politics and during Donald Trump's presidency, actions

taken against the functioning and universality of existing international organizations (such as the WTO and WHO) within the framework of mercantilist and isolationist policies, are analyzed as clear examples of how even the existing hegemonic powers can pursue revisionist policies [14].

Furthermore, in the works of Buzan and Goddard, we can observe that states can adopt foreign policy strategies focused on both status quo and revisionist policies simultaneously. This situation suggests that categorizing states purely and exclusively as either revisionist or status quo powers may not be accurate. The idea that states can pursue both status quo and revisionist policies, as well as the varying intensity and degree of these revisionist actions, suggests that the concept of revisionism can, as Gilpin asserts, evoke the notion of fundamentally altering the existing international system. Therefore, theorists and scholars also propose another classification referred to as reformist states.

Reformist Oriented States

The conceptualizations regarding states pursuing reformist oriented policies do not hold a separate and significant place in the literature of international relations compared to the studies on revisionism. This is because in many studies over time, policies based on states' desires to reform the international system have been classified within revisionist oriented engagements. In this context, to better distinguish and understand the concepts, this study evaluates the stance of states with reformist oriented foreign policy approaches within a different classification, focusing on the analyzes of revisionist oriented policies.

Reformist states, as defined in Barry Buzan's concept of radical revisionist states, Stacie Goddard's classification of rules-based revolutionary revisionist states, the understanding of rising powers adopting the "hold up and change" strategy by Scott L. Kastner, Margaret M. Pearson, and Chad Rector, Kai He's collaborative work on defining the policies of states embracing a soft revisionist strategy, and Steven Ward's joint work on reformist state definitions could be understood as follows: In light of the common assessments in all of these studies, reformist states are those that do not desire fundamental changes in the current international system; instead, they are content with the system but believe that it should be reformed in proportion to their evolving capacity, taking into account changing international conditions in terms of material, normative and prestige-sharing aspects.

In the policies adopted by reformist states, there is a tendency to embrace cooperative attitudes with hegemonic powers within the current international system, aiming to express desires for peaceful change through the collaboration arising from these partnerships. Rising cooperation between Russia and the US form the competitor to the "strategic partnership" after the end of the Cold war might be given as an instance on this issue [27]. Schweller's argument in "give a seat emerging power at the table", regarding the hegemonic war that has turned into a vicious cycle between revisionist states and status quo states, aligns with Organski's theorization on power sharing and the partial transfer of power from existing dominant powers to rising powers in the context of power transition theory.

Reformist states may desire certain profound changes in the international system and it is difficult to claim that they solely harbor reformist intentions [16]. However, among the politics of reformist states employ to achieve their goals, the method of threatening or using military means is not preferred. Instead, they actively engage in efforts to establish areas of cooperation with other states that desire reform in the international system, working towards the establishment of

complementary or alternative institutions and alliances. For example, China's leadership in the establishment of the Asian Infrastructure Investment Bank as a result of long-standing resistance to reform demands within the IMF and World Bank by the United States, and Russia's adoption of policies aimed at making BRICS as an alternative center for international economy and politics, along with China, India, and Brazil might be evaluated as implementation of reformist aspirations of them [28]. In the foreign policy approaches of reformist oriented states, a cooperative framework based on mutual beneficiary rather than zero-sum actions is desired, contrasting with the aggressive revisionist actions often associated with hard revisionist states. Timofei Bordachev's assessment, paraphrasing Kissinger's views, that changes based on revisionist policies rely on a gradual process in the international system, actually indicates the gradual changes desired by reformist states within the contemporary international system [29].

Conclusion

The power struggles of states, their pursuit of influence or efforts to preserve their natural spheres of influence lead researchers in international relations studies to classify states as status quo, revisionist or reformist when evaluating their foreign policies. This classification also aims to facilitate an understanding of the concepts of war and power, which hold significant places in international relations studies. As the distribution of power in the international system changes over time, the benefits and existence of contemporary values, norms and institutions become increasingly contested. This situation highlights the prominence of states, as well as regional and global organizations like the BRICS and Shanghai Cooperation Organization (SCO) that either seek to preserve, partially reformed according to changing conditions or entirely transform the leading ideas and institutions in the contemporary international system [30]. In the contemporary international system, following the end of the Cold War and the dissolution of the Soviet Union, the disappearance of the bipolar system has given rise to a problem of "systemlessness", the challenge of the U.S. establishing its own system as a single hegemon or the evolution towards a multi-actor system. The uncertainty of the structure of international system and the adoption of differing, even partially conflicting, policy approaches by leading powers within this uncertain system have brought studies to the forefront that reclassify states as status quo, revisionist or reformist.

However, the renewed emphasis on these concepts, which reemerged as a popular topic in international relations studies during the 1990s and the attempts to evaluate states' foreign policies through these concepts, have not offered significantly different arguments from previous studies. On the other hand, the number of studies that categorize states differently according to their revisionist desires and actions or that evaluate them as reformist states has been increasing.

Furthermore, researchers prone to be understand that classifying states only as pro-status quo, reformist and revisionist orientations or to argue that rising powers are revisionist while contemporary hegemonies are pro-status quo are reductionist and biased approaches. That could be seen in the studies of Schweller, Buzan, Larson & Shevchenko, Kai He, Steve Chan and Igor Istomin. States might be pro-status quo, reformist or revisionist in different regions or at different scales simultaneously. Furthermore, the objective evaluation of whether a state's policies contain revisionist, status quo or reformist tendencies is nearly impossible conceptually, leading to different interpretations in studies on this issue.

Литература

1. Safranchuk I.A. Russian- U.S. Relations: Torn between the Practical and Ideational Agendas Desperate Clash of Perceptions. *Russia in Global Affairs*. 2018. No 16 (4). Pp. 96–119.
2. Carr E.H. *The twenty years' crisis, 1919–1939: an introduction to the study of international relations* // Macmillan Press, London, 1981.
3. Kissinger H. A. *A World Restored: Metternich Castlereagh and the Problems of Peace 1812–1822* // MA: Houghton Mifflin. Boston. 1957.
4. Morgenthau H. *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace* // brief ed. Rev., by Thompson K.W. – New York: McGraw Hill, 1993.
5. Wolfers A. *Discord and Collaboration; Essays on International Politics* // The John Hopkins Press. Baltimore. 1965.
6. Organski A.F.K. *World Politics* // Michigan University. 1968. 2nd Edition.
7. Waltz K.N. *Man, the State, and War: A Theoretical Analysis* // REV-Revised, 2. Columbia University Press, 2001.
8. Gilpin R. *War and Change in World Politics* // Cambridge University Press, 1981.
9. Kupchan C.A. *No One's World: The West, the Rising Rest, and the Coming Global Turn* // Oxford University Press. 2012. New York.
10. Goddard S.E. *Embedded Revisionism: Networks, Institutions, and Challenges to World Order* // International Organization. 2018. No. 72 (4) Pp. 763–97.
11. Ward S. *Status and the Challenge of Rising Powers* // 1st ed. Cambridge University Press. 2017.
12. Davidson J.W. *The Origins of Revisionist and Status-Quo States* // Palgrave Macmillan US. 2006. New York.
13. Johnston A.I. *Is China a Status Quo Power?* *International Security*. 2003. No 27 (4) Pp. 5–56.
14. He K., Feng H., Chan S., Weixing H. *Rethinking Revisionism in World Politics* // *The Chinese Journal of International Politics*. No. 14 (2). 2021. Pp. 159–186.
15. Kustermans J. De Carvalho B. Beaumont P. *Whose Revisionism, Which International Order? Social Structure and Its Discontents* // *Global Studies Quarterly* No. 3 (1) 2023.
16. Cooley A. Nexon D. Ward S. *Revising Order or Challenging the Balance of Military Power? An Alternative Typology of Revisionist and Status-Quo States* // *Review of International Studies* No. 45 (4) 2019. Pp. 689–708.
17. Istomin I. *Institutional Revisionism in International Politics: The Product of Rising, the Child of Decline or Something Else?* // *Valdai Club*. March 2021.
18. Schweller R.L. *Rising Powers and Revisionism in Emerging International Orders* // *Valdai Papers*. May 2015.
19. Bordachev T. *Signs of a New International Order* / RIAC. January 9 2024. [Electronic resource]. – URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/comments/signs-of-a-new-international-order/> (accessed 27.04.2024).
20. Waltz, Kenneth N. *Man, the State, and War: A Theoretical Analysis*. REV-Revised, 2. Edition Columbia University Press, 2001.
21. Buzan B. Schouenborg L. *Global International Society: A New Framework for Analysis* // 1st ed. Cambridge University Press. 2018.
22. Schweller R.L. *Bandwagoning for Profit: Bringing the Revisionist State Back In* // *International Security*. 1994. No. 19 (1) (1994): 72.

23. Mearsheimer J. *The Tragedy of Great Power Politics*. – New York: W.W. Norton, 2001.
24. Waltz K.N. *Theory of International Politics*. – New York: McGraw-Hill, 1979; Doran C.F. *War and Power Dynamics: Economic Underpinnings // International Studies Quarterly*. 1983. No. 27 (4) Pp. 419–445.
25. Buzan B. Acharya A. *Re-imagining International Relations: World Orders in the Thought and Practice of Indian, Chinese, and Islamic Civilizations // Cambridge University Press*. 2021.
26. Larson D.W. Shevchenko A. *Quest for Status: Chinese and Russian Foreign Policy // New Haven: Yale University Press*. 2019.
27. Safranchuk I. *Traveling in Different Boats: Russia and the U.S. After Their 'Strategic Partnership'*. *Russia in Global Affairs*. October-December, 2008. Vol. 6. No. 4.
28. Denisov I., Kazantsev A., Lukyanov F., Safranchuk I. *Shifting Strategic Focus of BRICS and Great Power Competition // Strategic Analysis*. 2019. 43 (6). Pp. 487–98.
29. Bordachev T. *Total Revisionism of World Politics // Valdai Club*. December 05 2023. Access mode: <https://valdaiclub.com/a/highlights/total-revisionism-of-world-politics/> (accessed: 11.06.2024).
30. Denisov I. E., Safranchuk I.A. *Four Problems of the SCO in Connection with Its Enlargement // Russian Politics & Law*. 2016. 54 (5–6). Pp 494–515.
5. Wolfers A. *Discord and Collaboration; Essays on International Politics // The John Hopkins Press*. Baltimore. 1965.
6. Organski A.F.K. *World Politics // Michigan University*. 1968. 2nd Edition.
7. Waltz K.N. *Man, the State, and War: A Theoretical Analysis // REV-Revised, 2. Columbia University Press*, 2001.
8. Gilpin R. *War and Change in World Politics // Cambridge University Press*, 1981.
9. Kupchan C.A. *No One's World: The West, the Rising Rest, and the Coming Global Turn // Oxford University Press*. 2012. New York.
10. Goddard S.E. *Embedded Revisionism: Networks, Institutions, and Challenges to World Order // International Organization*. 2018. No. 72 (4) Pp. 763–97.
11. Ward S. *Status and the Challenge of Rising Powers // 1st ed. Cambridge University Press*. 2017.
12. Davidson J.W. *The Origins of Revisionist and Status-Quo States // Palgrave Macmillan US*. 2006. New York.
13. Johnston A.I. *Is China a Status Quo Power? International Security*. 2003. No 27 (4) Pp. 5–56.
14. He K., Feng H., Chan S., Weixing H. *Rethinking Revisionism in World Politics // The Chinese Journal of International Politics*. No. 14 (2). 2021. Pp. 159–186.
15. Kustermans J. De Carvalho B. Beaumont P. *Whose Revisionism, Which International Order? Social Structure and Its Discontents // Global Studies Quarterly No. 3 (1) 2023*.
16. Cooley A. Nexon D. Ward S. *Revising Order or Challenging the Balance of Military Power? An Alternative Typology of Revisionist and Status-Quo States // Review of International Studies No. 45 (4) 2019*. Pp. 689–708.
17. Istomin I. *Institutional Revisionism in International Politics: The Product of Rising, the Child of Decline or Something Else? // Valdai Club*. March 2021.
18. Schweller R.L. *Rising Powers and Revisionism in Emerging International Orders // Valdai Papers*. May 2015.
19. Bordachev T. *Signs of a New International Order / RIAC*. January 9 2024. [Electronic resource]. – URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/comments/signs-of-a-new-international-order/> (accessed 27.04.2024).
20. Waltz, Kenneth N. *Man, the State, and War: A Theoretical Analysis*. REV-Revised, 2. Edition Columbia University Press, 2001.
21. Buzan B. Schouenborg L. *Global International Society: A New Framework for Analysis // 1st ed. Cambridge University Press*. 2018.
22. Schweller R.L. *Bandwagoning for Profit: Bringing the Revisionist State Back In // International Security*. 1994. No. 19 (1) (1994): 72.
23. Mearsheimer J. *The Tragedy of Great Power Politics*. – New York: W.W. Norton, 2001.
24. Waltz K.N. *Theory of International Politics*. – New York: McGraw-Hill, 1979; Doran C.F. *War and Power Dynamics: Economic Underpinnings // International Studies Quarterly*. 1983. No. 27 (4) Pp. 419–445.
25. Buzan B. Acharya A. *Re-imagining International Relations: World Orders in the Thought and Practice of Indian, Chinese, and Islamic Civilizations // Cambridge University Press*. 2021.
26. Larson D.W. Shevchenko A. *Quest for Status: Chinese and Russian Foreign Policy // New Haven: Yale University Press*. 2019.
27. Safranchuk I. *Traveling in Different Boats: Russia and the U.S. After Their 'Strategic Partnership'*. *Russia in Global Affairs*. October-December, 2008. Vol. 6. No. 4.
28. Denisov I., Kazantsev A., Lukyanov F., Safranchuk I. *Shifting Strategic Focus of BRICS and Great Power Competition // Strategic Analysis*. 2019. 43 (6). Pp. 487–98.
29. Bordachev T. *Total Revisionism of World Politics // Valdai Club*. December 05 2023. Access mode: <https://valdaiclub.com/a/highlights/total-revisionism-of-world-politics/> (accessed: 11.06.2024).
30. Denisov I. E., Safranchuk I.A. *Four Problems of the SCO in Connection with Its Enlargement // Russian Politics & Law*. 2016. 54 (5–6). Pp 494–515.

STATUS QUO, REVISIONISM AND REFORMISM IN THE STUDIES OF WESTERN AND NON-WESTERN SCHOLARS

Osman Tekin
MGIMO University

In the discipline of international relations, studies focusing on states' foreign policies, power struggles and glitches within the international system often center on defining and classifying states as status quo revisionist or reformist. These classifications hold a meaningful place in the literature. However, there is a notable prevalence of biases due to the dominance of Western academia, repetitive analyses in the definition of status quo, reformist and revisionist policies and the classification of states according to these definitions in international relations research. In this context, this study conducts a literature review on status quo, reformist and revisionist policies of states from diversified perspectives within international relations studies. The aim of this literature review is to provide a valuable resource for future research on conceptualization of states' foreign policy through their status quo, revisionist and reformist tendencies, the analyzes of foreign policy strategies and contemporary problems in the international system.

Keywords: status quo, revisionism, reformism, rising powers, foreign policy.

References

1. Safranchuk I.A. *Russian- U.S. Relations: Torn between the Practical and Ideational Agendas Desperate Clash of Perceptions*. *Russia in Global Affairs*. 2018. No 16 (4). Pp. 96–119.
2. Carr E.H. *The twenty years' crisis, 1919–1939: an introduction to the study of international relations // Macmillan Press, London, 1981*.
3. Kissinger H. A. *A World Restored: Metternich Castlereagh and the Problems of Peace 1812–1822 // MA: Houghton Mifflin*. Boston. 1957.
4. Morgenthau H. *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace // brief ed. Rev., by Thompson K.W.* – New York: McGraw Hill, 1993.

Технология блокчейн в системах электронного голосования и процессе принятия государственных решений

Ежов Дмитрий Александрович,

к.п.н., доцент, доцент кафедры политологии, старший научный сотрудник Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: president@lenta.ru

В статье исследуется опыт применения технологии блокчейн в системах электронного голосования и процессе принятия государственных решений. На основе анализа примеров, распространенных в мировой практике, констатируется отсутствие безоговорочного доверия к инструменту в силу наличия уязвимостей. В рамках достижения цели в виде выявления потенциала технологии блокчейн при ее использовании в условиях осуществления волеизъявления и процесса принятия решений определяется спектр ограничений, не позволяющий придать распространению инструмента тотальный характер в интересах адаптации процедуры принятия решений с помощью блокчейн к обстоятельствам, диктуемым эпохой цифровизации. Особый акцент производится на проблеме прозрачности процедуры непосредственно для избирателей, что способствует возникновению эффекта недоверия. Результаты исследования подтверждают оправданность постепенной интеграции технологии блокчейн в процесс принятия государственных решений с учетом потенциальных рисков, нивелированию которых могут способствовать шаги, направленные на повышение доверия к процедуре.

Ключевые слова: блокчейн, цифровые технологии, выборы, голосование, принятие решений, электронное голосование, интернет-голосование, избирательный процесс.

Введение

Развитие цифровых технологий, повсеместно проникающих не только в повседневную жизнь, но и в политический процесс, стало неотъемлемой характеристикой современной эпохи, что обуславливает актуальность анализа специфики их применения и обозначает непосредственную значимость вектора на дальнейшую интеграцию соответствующих практик в процедуры принятия решений в целях выработки оптимальных путей использования имеющегося потенциала. Особый интерес в данном контексте представляет технология блокчейн, рассматриваемая в качестве основы систем электронного голосования и процесса принятия государственных решений, что предопределяет специфику выявления объектно-предметной области настоящего исследования.

Проблемы практического использования технологии блокчейн в избирательном процессе в контексте ее применения в рамках дистанционного электронного голосования (ДЭГ) находят отражения в трудах Р.А. Алексеева [1], Р.Ф. Альбикова [4], В.И. Ерыгиной [7], В.И. Федорова [11]. Блокчейн как новый институциональный тип координации социальных действий, основанный на таких структурах доступности, как токенизация, взаимность, самообязывание, самоорганизация понимается Л.В. Сморгунным в рамках исследования институтов доступности цифровых платформ и государственной управляемости [9]. В рамках «сервисной» модели государства и концепции партисипативного управления влияние блокчейн-технологий на избирательные институты рассматривает Г.В. Туманян [10]. В качестве инструмента, способствующего установлению юридической ответственности в связи с недобросовестным использованием данных, необходимых для принятия решений, блокчейн определяют Ю.С. Харитонova и В.С. Савина [13].

Несмотря на имеющееся в современной литературе достаточное количество подходов к исследованию технологии блокчейн в системах электронного голосования и процессе принятия государственных решений, представляется значимым уточнение параметров изучаемой проблемы в условиях необходимости совершенствования цифровых инструментов и перманентно распространяющихся киберугроз.

Методология

В качестве целевой установки исследования рассматривается выявление потенциала технологии блокчейн в системах электронного голосования и процессе принятия государственных решений. Цель достигается посредством анализа практических примеров использования блокчейн в современном мире в интересах, определяемых исследовательским контекстом. Методологию составляет комбинирование сетевого и сравнительного подходов.

Результаты

Международный опыт электронного голосования в контексте принятия решений далеко выходит за рамки практики использования соответствующего инструментария при проведении выборов и преимущественно связан с распространением i-voting в других сферах. Опираясь в приоритетном порядке на технологию блокчейн, процесс принятия решений подразумевает вовлечение в него широкого круга лиц вследствие упрощения и технологичности самой процедуры. Использование в основе процесса голосования данной технологии обусловило закрепление понятия «избирательный блокчейн», трактуемое в качестве средства обеспечения интернет-голосования, суть которого состоит в распределенном хранении информации на электронных носителях без возможности ее изменения [3]. По факту избирательный блокчейн предполагает создание «цифровых кошельков» кандидатами, принимающими участие в выборах, а избирателю отводится роль покупателя, который отдает свой голос («электронную монету») за одного из участвующих в выборах [2].

Первое голосование в мире с использованием блокчейна было проведено на внутренних выборах датской политической партии Liberal Alliance в 2014 году [5]. Широко распространена соответствующая технология на внутривыборных выборах в США: Либертарианская партия США использовала ее на выборах кандидатов на внутривыборные должности в штате Техас; Республиканская партия Юты – в рамках голосования за кандидатов на этапе праймериз [5]. В качестве показательного примера успешного применения технологии блокчейн рассматривается опыт проведения президентских выборов в африканском государстве Сьерра Леоне 07 марта 2018 г. [1]. Согласно данным, предоставленным компанией Aoga, ставшей разработчиком технологии, была обеспечена тайна голосования, а записи о каждом поданном голосе сохранялись в блокчейне, после подсчета голосов они стали доступны заинтересованному кругу лиц для скачивания и дальнейшего анализа. Подобный опыт стал демонстрацией возможности сделать избирательный процесс открытым, а результаты выборов – проверяемыми; обозначил тенденцию к снижению расходов на проведение голосования, что, в частности, практически выразилось в отпадении необходимости печати бумажных бюллетеней [1]. В то же время, отмечается и его ограниченность – технология блокчейн использовалась на президентских выборах в Сьерра Леоне в качестве инструмента для верификации бумажных бюллетеней [14]. Первый опыт применения блокчейн на выборах вызвал массу вопросов. Несмотря на гарантии компании Aoga прозрачности и независимости процедуры по причине того, что изменять реестр может только очень небольшой круг уполномоченных лиц, а также присутствия внешних гарантов в лице Красного Креста, Высшей технической школы Лозанны и Университета Фрайбурга, осталось неясным по какому принципу отбираются лица и организации, получающие доступ к распределенному реестру; как может гарантироваться степень их беспристрастности; причина, по которой должны вмешиваться в процедуру голосования на блокчейне другого государства и осуществлять контроль за ней [14]. Если первые две проблемы можно рассматривать сквозь призму объективности результатов и риска фальсификации, третья лежит в плоскости электорального вмешательства – во многом политизированного по своей сути феномена, ставшего предметом для обсуждения, как в экспертном сообществе, так и в научных кругах [12].

По факту архитектура Aoga построена на нескольких технологических инновациях: пользовательском

блокчейне, уникальной безопасности участия и законном механизме консенсуса. Среди распространенных в современном мире систем электронного голосования, функционирующих на основе блокчейна, Aoga не является единственной. Первой специализированной системой электронного голосования на блокчейне стала платформа Luxoft, разработанная глобальным поставщиком ИТ-услуг Luxoft Harding, Inc. в партнерстве с городом Цуг и Университетом прикладных наук Люцерна в Швейцарии. В целях стимулирования внедрения органами государственной власти сервисов на основе блокчейна, Luxoft направлена на продвижение использования блокчейна в государственных учреждениях. Онлайн-платформа «Follow My Vote» в качестве своего функционала имеет возможность верифицировать результаты волеизъявления посредством фактической проверки содержания избирательных урн. Проголосовав, избиратель может найти свой бюллетень, проверить его корректность, а вместе с тем – точность результатов выборов. Компанией Voatz создана система голосования на базе смартфона с использованием технологии блокчейн в целях удаленного голосования и обеспечения проверки правильности подсчета голосов. Отличительной особенностью платформы является то, что при ее использовании избиратели подтверждают свою личность путем идентификации по биометрии. Приложение Voatz использовалось для удаленного голосования на муниципальных выборах в американском штате Западная Вирджиния, однако после двухлетнего эксперимента от его применения отказались по причине обнаружения уязвимости еще до того этапа, когда приложение кладет данные в блокчейн. Основанная в 1996 году в Финляндии компания Polyas представляет платформу для электронного голосования, также основанную на технологии блокчейн, для государственного и частного секторов; география ее распространения охватывает США и европейские государства. В 2016 году Федеральное управление информационной безопасности Германии аккредитовало Polyas, безопасность платформы обуславливает ее широкое использование для создания систем электронного голосования крупными компаниями Германии.

Изложенное выше подтверждает приоритетное значение технологии блокчейн в существующих системах электронного голосования. Интеграция технологии блокчейн в процесс принятия решения во многом обусловлена запросом общества на открытость и доступность государственных услуг, что стимулирует развитие и совершенствование новых практик в условиях адаптации государственного механизма к функционированию в новых условиях. В то же время, внедрение блокчейн-технологий в процесс принятия решений порождает риски, вызванные потенциальными уязвимостями системы. В целом, в литературе отмечается осторожный подход к блокчейну в процессе государственного управления со стороны властей западных государств, что обуславливает приоритет «мягкому» варианту внедрения этой технологии в политическую сферу [8]. Широкое распространение за рубежом технология блокчейн находит в сфере «рекомендательной» политики. Например, в Австралии широкой популярностью пользуется сервис Neutral Voting Bloc (NVB), принцип действия которого заключается в следующем. Путем применения блокчейна пользователи сервиса NVB высказывают свое мнение по политическим и социальным вопросам, выбирая те или иные варианты ответов. В дальнейшем, при принятии решений власти могут ориентироваться на данные приложения. По утверждениям авторов Neutral Voting Bloc, австралийское правительство позитивно смотрит на эту технологию и тем самым учитывает по-

желания граждан [8]. В строгом смысле, пример работы сервиса NVB демонстрирует значительный потенциал технологии блокчейна в процессе принятия решений, что конкретным образом проявляется в непосредственном вовлечении граждан в выработку позиции, являющейся содержательной основой финального продукта, разрабатываемого компетентными лицами с учетом высказанных в сетевом пространстве мнений. По свидетельству создателя приложения NVB М. Кея, благодаря данному инструменту, избранные парламентарии получают четкие указания от своих избирателей о том, как голосовать по тому или иному вопросу в открытом и честном виде, а в качестве основной цели декларируется усовершенствование австралийской электоральной системы, а впоследствии не исключается перенос подобных трендов и на другие государства [6]. В основе проекта, по словам его создателя, лежит «правильная философия», заимствованная из современной эпистемологии. Так, NVB благотворно влияет на процесс принятия решений за счет большого количества выдвигаемых вариантов при условии поощрения культуры критики, позволяющей отличать хорошие гипотезы от плохих [15]. В то же время, следует не забывать, что изначально лежащий в основе сервиса рекомендательный характер позволяет как учитывать, так и не учитывать мнение граждан. В любом случае, приложение является способом выявить общественные настроения и отреагировать на них тем или иным образом. Сервис NVB выступает в качестве примера успешного проекта, в основе которого лежит принятие решения в социальной среде, что подтверждает его вхождение в повседневную жизнь австралийцев. Вместе с тем, построить на основе проекта партию будущего М. Кею не удалось – эта задумка выглядела во многом популистской, но, в целом, отнюдь не нивелирует значения примера NVB в рамках опыта развития технологий электронного голосования в процессе принятия решений.

Технология выборов на блокчейне в современном мире применяется в бизнес-среде, характерным примером чего является функционирование децентрализованных автономных организаций. 18 января 2014 года была выпущена криптовалюта Dash, представляющая собой открытую децентрализованную платежную систему в форме криптовалюты на базе блокчейна, использующая механизм повышения конфиденциальности транзакций. Управление происходит выборным менеджментом и акционерами с помощью голосования. При этом любой участник сообщества может внести предложение, и в случае, если оно окажется поддержанным достаточным количеством голосов, будет реализовано. Важными представляется два факта, заметно отличающие подход к принятию решений в Dash. Первый сводится к тому, что лица, принимающие решения, заинтересованы в принятии их эффективных вариантов и отклонению неэффективных ввиду потенциальной финансовой выгоды, что делает их мотивацию естественной. Второй – к существованию надзорного органа Dash watch, следящим за рациональностью трат на бюджетные проекты, выполняя тем самым функционал своеобразного фильтра. Таким образом, решения в Dash принимаются непосредственно участниками сообщества, а не опосредованно.

Обсуждение

Рассмотренные выше примеры NVB и Dash демонстрируют относительную успешность процесса принятия решений путем голосования на основе технологии блокчейн в бытовой и бизнес-среде. Развивая тезис об острого-

ности по отношению к внедрению блокчейна в процесс принятия государственных решений, обратимся к результатам исследований компании Gartner «Цикл зрелости технологий» [16], согласно которым установлено, что отношение общества к новым технологиям и популярность последних меняются постепенно, проходя долгий путь между появлением технологии и ее массовым внедрением. Между указанными начальной и финальной стадиями имеют место быть три промежуточные – пик ожиданий, крушение ожиданий и поиск потенциально рабочих решений. Электронное голосование на базе блокчейна не является исключением, и постепенная интеграция соответствующих технологий в процесс принятия решений объясняется именно этой причиной. Как показывает эволюция технологий электронного голосования в современном мире, проблема доверия может быть решена с использованием системы голосования, предусматривающую возможность проверки избирателем. В частности, определенные шаги в этом направлении были сделаны учеными из Афинского национального университета имени Каподистрии, предложившие использовать систему E2E, функционал которой предполагает использование распределенного публичного реестра также на основе технологии блокчейна, создающего цифровую корзину для бюллетеней. Доступ к ней со стороны избирателя возможен из любой точки мира. Отслеживание попыток фальсификаций результатов голосования в E2E происходит посредством получения избирателями набора чисел после осуществления волеизъявления, что позволяет удостовериться в том, что голос в действительности был отдан выбранному кандидату; голос был зафиксирован и учтен в момент волеизъявления. Между тем, изначальные параметры установки системы избирателю недоступны, и ему ничего не остается кроме того, как принять на веру подтверждение результатов выборов.

Заключение

В результате проведенного исследования установлено, что технология блокчейн, имея существенное распространение в принятии решений общественно-политического характера, является инструментом, заметно облегчающим процедуру голосования. В то же время, в условиях актуальных тенденций, выраженных в попытках тотальной цифровизации волеизъявления, сохраняется элемент недоверия к вводимым нововведениям, что подтверждается рассмотренными случаями из мировой практики применения.

Дальнейшие научные изыскания применения технологии блокчейн в системах электронного голосования и процессе принятия государственных решений представляются значимыми в целях совершенствования путей и механизмов дополнительной защиты конфиденциальных данных, а также повышения прозрачности процедур.

Литература

1. Алексеев Р.А. Апробация технологии блокчейн на выборах в Московскую городскую думу в 2019 г.: результаты и перспективы применения для федерального избирательного процесса // Журнал политических исследований. 2019. Т. 3. № 4. С. 12–23. EDN: ESGGLJ
2. Алексеев Р.А. Блокчейн как избирательная технология нового поколения – перспективы применения на выборах в современной России // Вестник Московского государственного областного универси-

тета. 2018. № 2. С. 3–10. DOI: 10.18384/2224-0209-2018-2-894. EDN: UWEWLI

3. Алексеев Р.А., Абрамов А.В. Проблемы и перспективы применения электронного голосования и технологии избирательного блокчейна в России и за рубежом // Гражданин. Выборы. Власть. 2020. № 1 (15). С. 9–21. EDN: CUGOEQ
4. Альбикиков Р.Ф. Блокчейн и выборы в Москве: позитивные и негативные аспекты // Теория государства и права. 2019. № 4 (16). С. 194–203. DOI: 10.25839/MATGIP.2019.16.4.001. EDN: MZLJDN
5. Володенков С. Выборная цепочка // Известия. 6 ноября 2018 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://iz.ru/806672/sergei-volodenkov/vybornaia-tseпочka>
6. Выборы и блокчейн, скажи фальсификациям «Нет» // Инвестория. Увлекательно просто о времени, деньгах, инвестициях [Электронный ресурс]. – URL: <https://investory.pro/elections-and-blockchain>
7. Ерыгина В.И. Цифровые технологии на выборах как фактор устойчивого развития демократии // Избирательное законодательство и практика. 2020. № 3. С. 44–48. DOI: 10.18572/2500-0306-2022-3-44-48. EDN: EUQORO
8. Сигалов К.Е., Салин П.Б., Чувальникова А.С. Применение технологии блокчейн в праве, политике и государственном управлении // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 4. С. 565–580. DOI: 10.22363/2313-2337-2018-22-4-565-580. EDN: ZHFCAH
9. Сморгун Л.В. Институты доступности цифровых платформ и государственная управляемость // Южно-российский журнал социальных наук. 2020. Т. 21. № 3. С. 6–19. DOI: 10.31429/26190567-21-3-6-19. EDN: UKGJJA
10. Туманян Г.В. Влияние блокчейн технологий на избирательные институты в рамках «сервисной» модели государства и концепции партисипативного управления // Гражданин. Выборы. Власть. 2020. № 1 (15). С. 22–33. EDN: ZAUMZT
11. Федоров В.И. Электронное голосование: российский и зарубежный опыт. – М.: Издательский Дом «Инфра-М», 2023. – 237 с. DOI: 10.12737/1906057. EDN: PRBAFT
12. Фельдман П.Я., Федякин А.В., Езов Д.А. Технологии вмешательства в выборы: научное осмысление в поисках семантической определенности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 50. С. 210–218. DOI: 10.17223/1998863X/50/18. EDN: PRLJZA
13. Харитонов Ю.С., Савина В.С. Технология искусственного интеллекта и право: вызовы современности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 49. С. 524–549. DOI: 10.17072/1995-4190-2020-49-524-549. EDN: YDGFTN
14. Эпоха блокчейн-выборов ближе, чем кажется // РБК+. 10 июля 2018 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://plus.rbc.ru/partners/5b3f8c237a8aa931ea169f72>
15. Samman G. True Democracy: World's First Political App Blockchain Party in Australia // Cointelegraph: Bitcoin, Ethereum, Crypto News & Price Indexes. May 28, 2015. [Electronic resource]. – URL: <https://cointelegraph.com/news/true-democracy-worlds-first-political-app-blockchain-party-launches-in-australia>
16. What's New in the 2023 Gartner Hype Cycle for Emerging Technologies // Gartner. August 23, 2023. [Electronic resource]. – URL: <https://www.gartner.com/en/articles/what-s-new-in-the-2023-gartner-hype-cycle-for-emerging-technologies>

BLOCKCHAIN TECHNOLOGY IN ELECTRONIC VOTING SYSTEMS AND GOVERNMENT DECISION-MAKING¹

Ezhov D.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article examines the experience of using blockchain technology in electronic voting systems and government decision-making. Based on the analysis of examples common in world practice, it is stated that there is no unconditional trust in the tool due to the presence of vulnerabilities. As part of achieving the goal of identifying the potential of blockchain technology when it is used in the conditions of expression of will and decision-making, a range of restrictions is determined that does not allow the dissemination of the tool to be total in the interests of adapting the decision-making procedure using blockchain to the circumstances dictated by the era of digitalization. Special emphasis is placed on the issue of transparency of the procedure directly for voters, which contributes to the effect of distrust. The results of the study confirm the justification for the gradual integration of blockchain technology into the process of government decision-making, taking into account potential risks, which can be leveled by steps aimed at increasing confidence in the procedure.

Keywords: blockchain, digital technologies, elections, voting, decision-making, electronic voting, Internet voting, electoral process.

References

1. Alekseev R.A. Approbation of blockchain technology in the elections to the Moscow City Duma in 2019: results and application prospects for the federal electoral process. Journal of Political Research. 2019. Vol. 3. No. 4. pp. 12–23. EDN: ESGGLJ
2. Alekseev R.A. Blockchain as the electoral technology of the new generation – prospects of application for elections in modern Russia. Bulletin of Moscow State Region University. 2018. No. 2. pp. 3–10. DOI: 10.18384/2224-0209-2018-2-894. EDN: UWEWLI
3. Alekseev R.A., Abramov A.V. Problems and prospects of using electronic voting and blockchain technology in elections in Russia and abroad. Citizen. Elections. Authority. 2020. No. 1 (15). pp. 9–21. EDN: CUGOEQ
4. Albikov R.F. Blockchain and elections in Moscow: positive and negative aspects. Russian Journal of Theory of State and Law. 2019. No. 4 (16). pp. 194–203. DOI: 10.25839/MATGIP.2019.16.4.001. EDN: MZLJDN
5. Volodenkov S. The Electoral Chain. Izvestiya. November 6, 2018. [Electronic resource]. – URL: <https://iz.ru/806672/sergei-volodenkov/vybornaia-tseпочka>
6. Elections and blockchain, say No to fraud. Investoriya. It's fascinating just about time, money, investments. [Electronic resource]. – URL: <https://investory.pro/elections-and-blockchain>
7. Erygina V.I. Digital technologies at elections as a factor of sustainable development of democracy. Electoral Law and Practice. 2020. No. 3. pp. 44–48. DOI: 10.18572/2500-0306-2022-3-44-48. EDN: EUQORO
8. Sigalov K.E., Salin P.B., Chuvalnikova A.S. The use of blockchain technology in law, politics and public administration. RUDN Journal of Law. 2018. Vol. 22. No. 4. pp. 565–580. DOI: 10.22363/2313-2337-2018-22-4-565-580. EDN: ZHFCAH
9. Smorgunov L.V. Institutions for affordances of digital platforms and public governability. South-Russian Journal of Social Sciences. 2020. Vol. 21. No. 3. pp. 6–19. DOI: 10.31429/26190567-21-3-6-19. EDN: UKGJJA
10. Tumanyan G.V. The influence of blockchain technologies on election institutions within the framework of the “service” model of the state and the concept of participatory management. Citizen. Elections. Authority. 2020. No. 1 (15). pp. 22–33. EDN: ZAUMZT
11. Fedorov V.I. Electronic voting: Russian and foreign experience. – Moscow: INFRA-M. 2023. – 237 p. DOI: 10.12737/1906057. EDN: PRBAFT
12. Feldman P.Ya., Fedyakin A.V., Ezhov D.A. The technologies of election interference: scientific understanding in search of semantic certainty. Tomsk State University Journal Of Philosophy

¹ The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under a state assignment for the Financial University.

Sociology And Political Science. 2019. No. 50. pp. 210–218. DOI: 10.17223/1998863X/50/18. EDN: PRLJZA

13. Kharitonova Y.S., Savina V.S. Artificial intelligence technology and law: challenges of our time. Perm University Herald. Juridical Sciences. 2020. No. 49. pp. 524–549. DOI: 10.17072/1995-4190-2020-49-524-549. EDN: YDGFTN
14. The era of blockchain elections is closer than it seems. RBC+. July 10, 2018. [Electronic resource]. – URL: <https://plus.rbc.ru/partners/5b3f8c237a8aa931ea169f72>
15. Samman G. True Democracy: World's First Political App Blockchain Party in Australia. Cointelegraph: Bitcoin, Ethereum, Crypto News & Price Indexes. May 28, 2015. [Electronic resource]. – URL: <https://cointelegraph.com/news/true-democracy-worlds-first-political-app-blockchain-party-launches-in-australia>
16. What's New in the 2023 Gartner Hype Cycle for Emerging Technologies. Gartner. August 23, 2023. [Electronic resource]. – URL: <https://www.gartner.com/en/articles/what-s-new-in-the-2023-gartner-hype-cycle-for-emerging-technologies>

Использование свободно-конструируемой ролевой игры при обучении языку специальности (на примере метода «шести шляп»)

Крутько Елена Александровна,

к.ф.н., доцент, старший преподаватель Кафедры английского языка и профессиональной коммуникации Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: eakrutko@fa.ru

Статья посвящена проблеме иноязычной подготовки специалистов в области экономики. Дается определение такого интерактивного метода обучения как свободно-конструируемая ролевая игра. На основе внедрения в такую ролевую игру метода «шести шляп», которая была предложена британским психологом, экспертом в области творческого мышления и изобретателем концепции латерального мышления Эдвардом де Боно, предлагается не только разнообразить занятия по дисциплине «Иностранный язык в профессиональной сфере» в бакалавриате неязыкового вуза, но и вызвать позитивное эмоциональное подкрепление у студентов в ходе развития навыка принятия управленческих и экономических решений. Эмпирические исследования, описанные в данной статье, доказывают, что использование метода де Боно в процессе обучения условно подготовленной иноязычной речи студентов – будущих экономистов находит у них положительный отклик и способствует вовлеченности в учебный процесс по изучению языка специальности. Приводится ряд рекомендаций по эффективному использованию свободно-конструируемых ролевых игр.

Ключевые слова: иноязычная подготовка, свободно-конструируемая ролевая игра, метод «шести шляп», студенты, учебный процесс.

Междисциплинарный подход давно и успешно используется в современной методике преподавания любой учебной дисциплины. Практикующие педагоги понимали важность подобных комплексных связей еще на заре возникновения методики как науки, и до сих пор стараются искать и находить новые возможности данных связей в активной учебной практике. Даже начинающему учителю понятно, что оторванность и изолированность одного учебного предмета от остальных дисциплин не способствует эффективному освоению первого с точки зрения когнитивистики. А эта наука включает еще большое количество других направлений научных исследований в таких областях, как:

- обычная лингвистика (наука о языке), лингводидактика (наука, возникшая на стыке лингвистики и методики преподавания иностранного языка) и нейролингвистика (наука, открывающая все новые возможности мозговых механизмов речевой деятельности человека);
- компьютерные технологии в образовании (например, искусственный интеллект, который стремительно развивается и используется во всех учебных дисциплинах и почти всеми участниками образовательного процесса, от обучаемых до преподавателей и администрации);
- антропология (с ее универсалиями и особенностями развития человека и культуры человечества);
- философия сознания и т.д.

Преподавателям иностранных языков приходится не просто думать о разнообразии проводимых ими уроков, используя учебные материалы точных или гуманитарных наук, а выстраивать систему обучения неродному языку, искать эффективные стратегии для достижения поставленных задач [1]. Довольно часто в этом случае на помощь приходят знания психологии. Они позволяют использовать некоторые приемы и технологии, которые уже доказали свою состоятельность и довольно активно используются в области образования и повышения уровня квалификации. К наиболее активно внедряемым в семинарские занятия в высшей школе относятся такие приемы, как ассоциативный ряд, обсуждение результатов социологического опроса/отчетов/показателей деятельности той или иной организации, построение «дерева» изучаемой темы, структурно-логическая схема с пропусками для того, чтобы активизировать когнитивные навыки студентов и расширить их горизонты познания.

При обучении языку специальности в высшей школе довольно часто встречаются деловые и ролевые игры, которые призваны активизировать лексику обучаемых в заданных педагогом условиях. К сожалению, довольно часто роли в подобных играх уже прописаны в учебнике или в учебном пособии. Алгоритм работы в этом случае прост: студенты разбирают проблемную ситуацию, обсуждают ее на занятии, немного расширяют за счет устойчивых клише и выражений (чтобы звучать более естественно), заучивают и демонстрируют на практическом занятии по иностранному языку. Эмпирические исследования и метод экспертной оценки, на который полагается автор, показывают, что актуальность темы

применения ролевых игр в процессе получения знаний о будущей профессии обусловлена тем, что постоянное развитие методических приемов требует реализации новых форм интеграции в поле междисциплинарного взаимодействия при обучении языку специальности.

Цель исследования, которое легло в основу данной статьи, – проанализировать использование влияния метода Эдвард де Боно на процесс обучения условно-подготовленной иноязычной речи студентов неязыковых вузов. В рамках данной цели автором предполагалось решение следующих задач:

- найти способы расширения использования ролевых игр в обучении языку специальности на старших курсах высшего учебного заведения;
- исследовать возможности применения метода «шести шляп» и интегрировать его в иноязычное обучение бакалавров неязыковых вузов (на примере студентов экономических специальностей);
- проанализировать эффективность данного метода через получение обратной связи от студентов;
- выявить факторы, влияющие на успешное применение метода «шести шляп» в свободно-конструируемой ролевой игре при активизации спонтанной иноязычной коммуникации.

Можно предположить, что научная новизна данной работы будет заключаться во введении термина «свободно-конструируемая ролевая игра в ходе обучения языку специальности» и описании практических подходов к использованию такого рода ролевой игры в неподготовленной иностранной речи. Теоретическое значение описываемого в статье материала заключается в расширении понимания роли участников речевого акта на иностранном языке (преподавателя и студентов) в ходе организации и проведения свободно-конструируемых ролевых игр на занятии по дисциплине «Иностранный язык в профессиональной сфере». Практическая значимость статьи отражена в предоставленных рекомендациях, которые могут быть использованы преподавателями неязыковых вузов при подготовке и в ходе проведения свободно-конструируемых ролевых игр с использованием метода «шести шляп».

Возвращаясь к теме важности междисциплинарных связей в процессе обучения иностранному языку вообще и языку специальности в частности, особое внимание стоит уделить пониманию когнитивных психических процессов, изучением которых занимались ведущие ученые. Нам ближе всего теория Льва Марковича Веккера о когнитивных психических процессах [2], который предлагает разделять их на две большие категории:

1) *познавательные психические процессы*: степень конкретности или абстрактности отражения окружающего мира, которые можно получить через ощущения, восприятие / перцепцию (от лат. *perceptio*), мышление;

2) *«сквозные» психические процессы*:

- память (психологическое прошлое, связанное с аккумуляцией, сохранением и воспроизведением знаний человека и использованием на их основе навыков),
- внимание (психологическое настоящее, избирательная направленность восприятия на тот или иной объект),
- воображение (психологическое будущее, способность человека к спонтанному или преднамеренному построению в своем сознании образов, представлений, идей, объектов, которые в опыте в целостном виде не воспринимались или не могут восприниматься посредством органов чувств),
- речь индивида.

Мышление включает в себя ряд особенностей: 1) мышление всегда опосредовано (оно сопряжено с посредством понятий, символов и речи); 2) в мышлении присутствует процесс обобщения, который отражается в универсальных свойствах одних предметов и явлений, которые можно приписать другим; 3) мышление связано с обнаружением связей между объектами, нахождением сходств и различий; 4) мышление направлено на выделение существенных свойств и связей, которые для нас важнее для решения стоящей перед нами задачи.

При обучении языку специальности у студентов могут быть задействованы обе категории когнитивных психических процессов. В процессе введения обучаемых в поле будущей профессии хорошо зарекомендовали себя технологии конструируемых ситуаций, которые по сути являются комплексной версией деловых и ролевых игр [3], однако понятие «свободно-конструируемая ролевая игра» нигде в педагогической и методической литературе не встречается. Предлагая этот методический прием, нужно определиться с его типологией, составляющими элементами и особенностями. Традиционные имитационные игры включают в себя ролевые, конфликтные и деловые игры, которые можно условно разделить на следующие категории [4], [5]:

1) управляемая игра:

- контролируемая (когда участники получают готовые роли, прописанные в задании),
- умеренно контролируемая (когда обучаемые получают общее описание сюжета и описание своих ролей);
- 2) свободная игра (в ходе которой доводятся только обстоятельства иноязычного общения).

По форме проведения можно выделить следующие ролевые игры:

- эпизодическая (в ней разыгрывается отдельно заданный эпизод речевого акта), она не связана с предыдущими ролевыми играми, сепарирована от них;
- долговременная (которая разыгрывается в течение более длительного периода и состоит из нескольких учебных эпизодов), т.е. пролонгированная.

Структура любой игры в учебном процессе – это сложная система конструкций, и каждый из них участвует в создании образовательной интегративно-развивающей среды, которая ориентирована на эффективность и результативность обучения [6]. Такая среда, как видно из ее названия, включает в себя интеграцию (т.е. соединение различных элементов, восстановление целостности наряду с объединением в целое ранее разнородных частей и элементов) и развитие (поступательное движение, отраженное в эволюции и переходе от одного состояния к другому, а также самодвижение и саморазвитие объекта). Оба эти процесса являются имманентными, а источник их синергетического эффекта заключен в самом развивающемся объекте. Созданная в высшем учебном заведении интегративно-развивающая образовательная среда не только стимулирует к использованию свободно-конструируемой ролевой игре, но и помогает ее создавать. Такие ролевые игры на занятиях по иностранному языку можно рассматривать как универсальную технологию, которая подражает вовлеченность субъектов (т.е. организаторов ролевой игры), объектов (студентов), постановку и достижение конкретных целей и задач, определение способов их достижения, моделирование хода игры на основе реальных или вымышленных ситуаций с учетом правил ведения дискуссии, наличие сценария, который может быть изменен в ходе обсуждения рассматриваемых событий, создание игровой обстановки, вовлеченность всех студентов в процесс поиска решения. В этом случае свободно-конструируемая ролевая игра становится

более эффективным средством познания при решении проблемной задачи.

Помочь в грамотном проведении свободно-конструируемой ролевой игры может метод «Шесть шляп мышления» (Six Thinking Hats, далее – «шесть шляп»). Он часто используется для проведения совещаний и брифингов, мозговых штурмов с целью анализа ситуации и поиска новых идей. Данный метод придумал британский психолог и эксперт в области творческого мышления Эдвард де Боно [7], который был описан им в одноименной книге и опубликован в 1985 году. Де Боно изучал когнитивистику и считал, что существуют шесть типов мышления, которые отличаются от стандартного и способны рассмотреть ситуацию с разных ракурсов. Именно их он описал как «шляпы». Каждая шляпа – направление мышления: критическое, позитивное, творческое, фактологическое, аналитическое и т.д. Надевая определенную «шляпу» и попадая в заданные условия, человек начинает анализировать ситуацию согласно выбранному ракурсу. В результате такой психо-когнитивной деятельности собирается пазл, в котором учитываются плюсы, минусы, риски и перспективы, а также пути разрешения критических ситуаций. В итоге участниками принимается более взвешенное решение. Все шляпы де Боно различал по цветам:

- белая шляпа (Ученый) анализирует только информацию, говорит рационально и беспристрастно, эта шляпа ориентирована на констатацию фактов и цифр;
- черная шляпа (Критик) подвергает все сомнению, анализирует возможные риски и негативные последствия, рассматривает возможные пути решения через пессимистические прогнозы;
- желтая шляпа (Оптимист) является противоположностью «черной шляпе» и отвечает за анализ преимуществ решения, помогая увидеть позитивные и сильные стороны в итоговом варианте;
- зеленая шляпа (Креатор) занимается поиском идей, нестандартных решений, в большей степени ориентируясь на креативные подходы к проблематике обсуждаемой задачи;
- красная шляпа (Художник) строит свои высказывания на основе чувств и эмоций; носитель данной шляпы должен прислушиваться к своему внутреннему голосу, интуиции и т.д.;
- синяя шляпа (Руководитель) занимается координацией дискуссии, сбором полученных данных и принятием итоговых решений.

Применение метода «шесть шляп» на занятиях по иностранному языку способствует расширению горизонтов познания студентов (особенно страноведческого характера с элементами культурно-специфической информации) [8], развивать навыки участия в мозговом штурме и грамотно организованного подхода к изучению проблемы [9], увеличивает уровень мотивации к изучению иностранного языка [10], формирует универсальные компетенции, такие как критическое мышление [11], учит работать над принятием управленческих решений системно и целенаправленно [12].

Каким образом можно использовать данный метод «шесть шляп» при обучении дисциплине «Иностранный язык в профессиональной сфере»? Во-первых, преподаватель должен поделить группу на пары или тройки студентов (в зависимости от количества обучаемых) с учетом их психо-эмоциональных особенностей. Особенно важно это сделать перед первой ролевой игрой, чтобы позитивный настрой остался с обучаемыми надолго и не пугал их перед необходимостью участия в следующей игре. Не стоит создавать пары и тройки спонтанно

или по наитию, т.к. в этом случае в несвойственной студентам роли они будут вести себя неестественно и испытывать чувство, что все происходящее в аудитории – фальшиво и натянуто. Для первой игры можно выбрать какую-то психологическую, политическую, экономическую ситуацию или взять текст из учебника, попробовав рассмотреть его с разных точек зрения. Делать это можно, играя со «шляпами» (педагог ставит на стол каждой паре или тройке соответствующего цвета колпачок, имитирующий головной убор). Студентам дается время на подготовку, после чего они высказываются в соответствии с предлоложенным амплуа (ролью).

Очень интересно проводить подобные свободно-конструируемые ролевые игры при обучении студентов управленческих специальностей. Так, например, хорошие результаты были достигнуты в группах 3 года обучения (бакалавриат) по направлению подготовки 38.03.01 – Экономика 1. ОП «Экономика и бизнес», профили: «Анализ рисков и экономическая безопасность», «Финансовая разведка» на факультете экономики и бизнеса в Финансовом университете при Правительстве РФ. Метод «шесть шляп» подходит для обучения принятию управленческих решений как ни один другой, поскольку он позволяет взвешенно оперировать фактами (белая шляпа), проводить анализ позитивных и негативных сценариев (желтая и черная шляпы соответственно), генерировать идеи (зеленая шляпа), использовать эмоциональный интеллект (красная шляпа) и координировать работу остальных участников (синяя шляпа). Интересно отметить, что приобретая навыки участия в свободно-конструируемых ролевых играх на занятиях по иностранному языку, студенты готовы «примерить» на себя разные цвета шляп. Данный навык принятия решений на основе комплексного подхода поможет им в будущей профессиональной деятельности и на родном языке. Это подтверждается и обратной связью по итогам применения метода «шесть шляп», который называется Exit ticket («билет на выход», т.е. анализ результатов учебной деятельности во время занятий, который основан на сборе мнений студентов о том, что им понравилось больше всего, что вызвало трудности, что показалось скучным и т.д.). Как правило, большое количество участников такого учебного взаимодействия отмечают, что им было интересно, у них притуплялся извечный страх сделать речевую ошибку, была сильная вовлеченность и желание убедить собеседников в том, что собственная роль – самая правильная, аргументы – самые лучшие, поэтому за них нужно бороться.

В качестве **выводов и рекомендаций** можно предложить использование метода «шесть шляп» на занятиях по обучению языку специальности в высшей школе, постоянно меняя роли («шляпы»), которые предлагаются студентам (сначала с учетом их психо-эмоциональных особенностей, а затем для тренировки новых ролей). Уровень владения иностранным языком в учебной группе не должен быть слишком низким, иначе дискуссии не получится, а преподавателю придется постоянно выступать в роли переводчика, что нивелирует речевую практику обучаемых. Лучше всего и наиболее продуктивно данный метод «шесть шляп» проводить со студентами, чей уровень владения иностранным языком достиг среднего или выше среднего (продвинутый). Свободно-конструируемые ролевые игры не навязывают студентам определенные паттерны поведения, они задают вектор дискуссии и сродни кейс-стади, где итоговое решение проблемы стоит во главе угла. Отличительной чертой описанных в статье ролевых игр является вовлеченность участников и проживание ролей, что способствуют

большей отдаче и дополнительно мотивирует студентов к изучению языка специальности.

Литература

1. Мусихин В.В. Результаты экспериментального исследования психических процессов обучающихся, изучающих иностранный язык. Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2023. № 1. С. 134–139. – DOI 10.52470/2619046X_2023_1_134.
2. Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. – М.: Смысл, 1998. – 685 с.
3. Питик Г.В. Когнитивно-стилевые аспекты ролевого поведения в конструируемых ситуациях. Современные тенденции развития науки и технологий. 2015. № 7–10. С. 112–116.
4. Бухтияров Е.И., Бушманова П.А., Тагиева Н.В. Ролевая игра на уроках иностранного языка. Форум молодых ученых. 2019. № 3(31). С. 192–196.
5. Куприянова А.П. Применение игровых элементов в учебном процессе: исследование эффективности и роли игровых элементов в повышении мотивации учащихся. Академическая публицистика. 2023. № 12–2. С. 425–433.
6. Е-лингводидактика: развитие информационно-образовательной среды в высшей школе в эпоху цифровизации: монография / колл. авторов; под ред. проф. И.И. Климовой; проф. М.В. Мельничук. – М.: Научные технологии, 2020. – С. 102–113.
7. Боно Э. де. Шесть шляп мышления. – СПб: Питер, 1997. – 256 с.
8. Иванова Н.В. Метод «Шесть шляп мышления» для развития культуры иноязычного речевого общения. Преподаватель XXI век. 2019. № 1–1. С. 129–137.
9. Никитина Э.Г. Метод «Шесть шляп мышления» на занятиях по иностранному языку в техническом вузе. The Scientific Heritage. 2020; № 57–4(57). С. 38–40. DOI 10.24412/9215–0365–2020–57–4–38–40.
10. Ермолаева С.А. Использование метода шести шляп для повышения мотивации к изучению иностранного языка студентов технических университетов. Глобальный научный потенциал. 2021. № 4(121). С. 62–66.
11. Шередекина О.А. Роль метода «Шесть шляп мышления» в обучении иноязычной юридической коммуникации. Информация–Коммуникация–Общество. 2023. Т. 1. С. 413–416.
12. Чупрова В.Н. Метод шести шляп в принятии управленческих решений. Вестник науки. 2023. Т. 4. № 8(65). С. 203–206.

UTILIZING FREE-CONSTRUCTED ROLE PLAYS IN TEACHING MANAGERS THE LANGUAGE OF SPECIALITY (ON THE BASIS OF “SIX THINKING HATS”)

Krutko E.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article is devoted to the problem of foreign language training with specialists in the field of economics. The definition of such an interactive method as a free-constructed role play is given. On the basis of introducing “Six Thinking Hats” by Edward de Bono (British psychologist and an expert in creative thinking, an inventor of the concept of lateral thinking) it is possible to reach two aims while introducing a free-constructed role-play with students. Firstly, to diversify the lessons of the discipline “Foreign Language for Professional Sphere” in the bachelor’s programme at a non-language university. Secondly, to cause positive emotional reinforcement with students in the course of developing their skill in making managerial and economic decisions. The empirical research of this article proves that the use of de Bono’s method is worth implementing in teaching a partly prepared foreign speech to students who are economists-to-be. A positive response from them was accepted and involvement in the learning process of learning the language of speciality was promoted. A number of recommendations for the effective use of free-constructed role-playing games are given.

Keywords: foreign language training, free-constructed role-play, «six hats» method, students, learning process.

References

1. Musikhin V.V. Results of the experimental study of mental processes of students learning a foreign language. Bulletin of Moscow information-technological university – Moscow architectural and construction institute. 2023. № 1. pp. 134–139.
2. Vekker L.M. Psikhika i real'nost': unified theory of mental processes. – M., Smysl, 1998. – 685p.
3. Pitik G.V. Cognitive and stylistic aspects of role behaviour in constructed situations. Modern trends in the development of science and technology. 2015. № 7–10. pp. 112–116.
4. Bukhtiyarov E.I., Bushmanova P.A., Tagieva N.V. Role-playing behaviour in foreign language lessons. Forum of Young Scientists. 2019. 3(31): 192–196.
5. Kupriyanova A.P. Application of game elements in the educational process: a study of the effectiveness and role of game elements in increasing student motivation. Academic Publicity. 2023. № 12–2. pp. 425–433.
6. E-linguododactics: development of information and educational environment in higher education in the era of digitalisation: a monograph / collective of authors; edited by Prof. I.I. Klimova; Prof. M.V. Melnichuk. Moscow: Scientific Technologies. 2020. pp. 102–113.
7. Bono E. de. Six Hats of Thinking. – SPb: Peter, 1997. – 256 p.
8. Ivanova N.V. Method “Six hats of thinking” for the development of culture of foreign language speech communication. Teachers of XXI Century. 2019. № 1–1. pp. 129–137.
9. Nikitina E.G. The method of “Six hats of thinking” on foreign language classes in a technical university. The Scientific Heritage. 2020. № 57–4(57). pp. 38–40.
10. Ermolaeva S.A. Using the method of six hats to increase motivation for learning a foreign language of students of technical universities. Global Scientific Potential. 2021. № 4(121). pp. 62–66.
11. Sheredekina O.A. The role of the Six Hat Thinking method in teaching foreign language legal communication. Information-Communication-Society. 2023. Т. 1. pp. 413–416.
12. Chuprova V.N. The method of six hats in making managerial decisions. Science Bulletin. 2023. Т. 4. № 8(65). pp. 203–206.

Культурные аспекты, детерминирующие репрезентацию концепта ВОДА в русском и марийском языках

Сайсанова Галина Даниловна,

ассистент кафедры романо-германской филологии и лингводидактики, Уфимский университет науки и технологий, Бирский филиал
E-mail: saysanova.galya@mail.ru

Сайсанова Мария Юрьевна,

студент, Уфимский университет науки и технологий, Бирский филиал
E-mail: marijasaj4@gmail.com

В статье проводится сравнительный анализ культурных аспектов репрезентации концепта ВОДА в русском и марийском языках. В этой связи употребляется термин лингвокультура. Анализируется отражение концепта в языке и мифологии, фразеологии. Внимание уделяется не только напрямую слову ВОДА, но также и связанным понятиям, таким как туман, дождь, лёд, пар и др. В результате выявляются как общие черты, обусловленные универсальностью явления воды, так и уникальные национально-культурные особенности, связанные с этнической спецификой народов. Исследование способствует более глубокому пониманию культурных различий и сходств между этими двумя этносами, а также делает вклад в теорию межкультурной коммуникации через изучение различных языковых единиц, вследствие которого формулируется вывод о том, как вода ассоциируется с жизнью, чистотой, обновлением и другими важными концептами в русской и марийской лингвокультурах. Таким образом, представление концепта ВОДА в русском и марийском языках определяется историческими, культурными и национальными особенностями обществ, в которых они используются. Анализ этих аспектов способствует более полному пониманию не только языковой специфики, но и духовного богатства и уникальности культур.

Ключевые слова: концепт «ВОДА», фразеология, русский язык, марийский язык, лингвокультура.

Понимание культурного восприятия конкретного народа происходит благодаря изучению языковых средств, поскольку язык является социальным явлением. Лингвокультурологические исследования глубоко изучают особенности языка, поскольку в них проявляется связь человека и окружающего мира, связь между мышлением и бытием. Язык репрезентирует знания человека об окружающем мире, что, в свою очередь, стимулирует науку лингвистику продолжать изучать темы взаимодействия языка и мышления.

Языковая картина мира изучается через концепт. Последний же определяется как «квант структурированного знания» [Попова, Стернин. С. 13], а также представляет «сгусток смысла, зафиксированный в коллективной памяти» [Степанов. С. 40], или, как рассуждал Д.С. Лихачев, «результат столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека» [Лихачев. С. 4].

Среди исследователей нет единого подхода к пониманию концепта, поэтому целесообразно привести несколько вариантов и раскрыть их.

- Концепт – своеобразный культурный ген, входящий в генотип культуры, самоорганизующееся интегративное функционально-системное многомерное идеализированное формообразование, опирающееся на понятийный и псевдопонятийный базис [Ляпин. С. 16–18].
- Концепт – абстрактное научное понятие, выработанное на базе конкретного житейского понятия [Соломонник. С. 246].
- Концепт – сущность понятия, явленная в своих содержательных формах – в образе, понятии и символе [Колесов. С. 19–20].
- Концепт – представление о фрагменте мира, то есть концепт – это всё, что человек знает, считает, представляет об объектах внешнего и внутреннего мира [Пименова. С. 8].

Несмотря на то, что типология концептов не считается разработанной до конца, многие учёные выделяют разные классификации (З.Д. Попова, Е.С. Кубрякова, С.А. Аскольдов, С.С. Ваулина, Л.В. Бабина, Л.Г. Бабенко, Н.А. Красавский и др.). Одной из самых полных является система, выделенная В.И. Карасиком, Г.Г. Слышкиным. Исследователи выделяют:

- комплексность бытования, то есть нахождение концепта в сознании, которое определяется культурой (следовательно, концепт – отражение элементов культуры) и реализуется через язык;
- ментальная природа, то есть нахождение концепта в сознании человека, где он взаимодействует с культурой и языком;
- ценностность, то есть ценность выступает в качестве центра концепта, поскольку последний отражает культуру человека, а в ней заложен ценностный принцип;
- условность и размытость, что означает нечёткость концепта ввиду его ментального образования;
- изменчивость, ведь структура концепта постоянно видоизменяется, так как меняется и внешний мир человека, его взгляды и ценности. Содержание кон-

цепта может пополняться новыми концептуальными характеристиками, а также менять свою оценку;

- ограниченность рамками сознания языковой личности. Концепт в лингвокультуре располагается либо в индивидуальном, либо в коллективном сознании;
- трёхкомпонентность (ценностный, образный и понятийный компоненты);
- методологическая открытость и поликлассифицируемость. Лингвокультурология – междисциплинарная научная отрасль, следовательно, она использует не только лингвистические методы [Карасик, Слышкин. С. 13–15].

Важно отметить, что концепты могут быть уникальными для определённого языка или культуры, что влияет на специфику восприятия и коммуникации между людьми разных языковых групп. Понимание концептов является ключевым аспектом кросскультурного взаимодействия и межкультурной коммуникации. Таким образом, концепты играют значительную роль в формировании языковой картины мира, определяя восприятие окружающей действительности и взаимодействие с ней. Культурологи С.А. Артановский, Г.А. Брутян, Е.И. Кукушкин и Э.С. Маркарян считают, что связь между языком и культурой находится в отражении языком действительности – культуры [Садохин. С. 62]. М.С. Каган считает, что культура – четвертая форма бытия, сверхприрода. И именно это отражается в языке [Каган. С. 48].

Итак, темой данной статьи заявлен концепт ВОДА в русском языке и языке народа мари. В русском языке, по мнению некоторых исследователей, концепт ВОДА является очень обширным, из-за чего данный концепт связан с рядом других (пар, туман и лёд, тучи и др.). К тому же, обладает большим набором значений. Компонент вода появляется: в случае выражения эмоций и чувств человека, характера: *как с гуся вода – безразличие, как в воду опущенный – подавленность, как рыба в воде – комфорт, прошёл огонь и воду – закалённый, твёрдый и сильный человек, воды не замутит – порядочность*. А также в случае описания жизненной ситуации: *на волне успеха – воспользоваться случаем, на гребне волны – успешность, выгодность условий, спрятать концы в воду – скрыть следы, как в воду глядеть – предсказать, вилами по воде писано – неизвестно, напустить туман – скрыть, сохранять или вносить неясность, темна вода во облацех – неясность, выводить на чистую воду – рассекретить, обличить*.

Вода в картине мира русского народа обладает следующими компонентами: во-первых, вода является **символом времени** (*дважды в одну реку не войдёшь* – течение реки сравнивается с течением жизни). Во-вторых, **источником всякой жизни** (*где вода есть, там и саду цвеств*). В-третьих, вода представляется как **сверхъестественная сила** (*вода и мельницу ломает, большая вода – большая беда, вода всему госпожа, вода сама себе путь проложит*). В-четвёртых, вода является **источником опасности** (*не зная броду, не лезь в воду; в тихом омуте...*).

Что касается фразем, актуальны для исследования словосочетания «живая вода» и «мёртвая вода». «Живая вода» исцеляет и очищает, а «Мёртвая вода» восстанавливает (сращивает расчленённое тело), что означает, что она не подразумевается как антипод живой, а как взаимодополнение. На самом деле, вода, по причине её незаменимости для человека, отражается во многих культурных аспектах. С древних времён люди верили, что мир состоит из энергетических потоков, из элементов – источников биоэнергии. Из этого создаются культурные концепты [Литвинова. С. 2–3]. Так, в культуре народа мари особое значение в поле ВОДА

имеет концепт КОЛОДЕЦ, поскольку с колодцем связаны традиции и даже разделение труда в семье народа мари: так, учёный Г. Сепеев отмечает, что для приготовления пищи использовали не колодцы, а ключевую воду [Сепеев. С. 130] а в семье воду из колодца носят только мужчины [Лехтинен. С. 12]. Культ воды присутствовал почти у всех народов мира, самый частый ритуал – очищение водой: у народа мари невеста после свадьбы совершает обряд выкупа воды у родника («*вудкорно послаш*»), кидая в колодец монету и обращаясь к Матери Воды («*Вуд Ава*») за помощью и содействием в семейной жизни. К тому же, помимо обряда очищения, был еще и ритуал, связанный с водой, который проводился во время похорон. Это ритуал «*Колшылан вудкорным ончыктымаш*» (указывать умершему человеку источник воды). Как и в случае с послесвадебным обрядом, это ритуал, где человеку указывают дорогу к источнику, что подтверждает особое значение воды для культуры мари. На могилах устанавливали лодки, или, иначе говоря, сами могилы были в форме лодок [Элиаде. С. 191–192]; неизвестно достоверно, для чего это делалось, однако по всем предлагаемым версиям это связано с представлениями о жизненном и посмертном пути человека.

Отражение деятельности в языке есть отражение культуры: по мнению М. Хайдеггера, человеческая деятельность понимается и организуется как культура [Хайдеггер. С. 93]. Вся жизнь человека, его предков и потомков связана с водой, поэтому концепт ВОДА является одним из самых значимых в лингвокультурах.

Литература

1. Каган М.С. Человеческая деятельность (опыт системного анализа). – М.: Политиздат, 1974. – 328 с.
2. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Базовые характеристики лингвокультурных концептов // Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – Том 1. – Вологда: Парадигма. – 2005. – 352 с.
3. Литвинова С.А. Фразеологические единицы, содержащие компоненты, обозначающие названия стихий (вода, воздух, огонь, земля) в современном английском языке. Дисс. канд. филолог. наук. – М., 2006.
4. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста. Антология / Под ред. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 280–288.
5. Ляпин С.Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты. Научные труды Центроконцепта. Вып.1. Архангельск, 1977. С. 11–35.
6. Пименова М.В. Введение в когнитивную лингвистику. – Кемерово, 2004. – 248 с.
7. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 с.
8. Садохин А.П. Теория и практика межкультурной коммуникации: учеб. пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – 271 с.
9. Соломоник А. Семиотика и лингвистика. – М.: Молодая гвардия, 1995. – 345 с.
10. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М., 1997. – 824 с.
11. Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 248 с.
12. Хайдеггер М. Время картины мира // Новая технологическая волна на Западе. – М., 1986. – 119 с.
13. Элиаде М. Шаманизм. Архаические техники экстаза. – Киев, 2000. – 480 с.

CULTURAL ASPECTS DETERMINING THE REPRESENTATION OF THE CONCEPT WATER IN RUSSIAN AND MARI LANGUAGES

Saisanova G.D., Saisanova M.Yu.

Ufa University of Science and Technology, BirsK Branch

The article provides a comparative analysis of the cultural aspects of the representation of the concept of WATER in the Russian and Mari languages. In this regard, the term linguoculture is used. The reflection of the concept in language and mythology, phraseology is analyzed. Attention is paid not only directly to the word WATER, but also to related concepts such as fog, rain, ice, steam, etc. As a result, both common features due to the universality of the phenomenon of water and unique national and cultural features associated with ethnic specificity are revealed. The study contributes to a deeper understanding of the cultural differences and similarities between these two ethnic groups, and also makes a contribution to the theory of intercultural communication through the study of various linguistic units, as a result of which a conclusion is formulated about how water is associated with life, purity, renewal and other important concepts in Russian and Mari linguistic cultures. Thus, the representation of the concept of WATER in the Russian and Mari languages is determined by the historical, cultural and national characteristics of the societies in which they are used. Analysis of these aspects contributes to a more complete understanding of not only the linguistic specifics, but also the spiritual richness and uniqueness of cultures.

Keywords: concept "Water", phraseology, Russian language, Mari language, linguistic culture.

References

1. Kagan M.S. Human activity (experience of systems analysis). – M.: Politizdat, 1974. – 328 p.
2. Karasik V.I., Slyshkin G.G. Basic characteristics of linguocultural concepts // Anthology of concepts / Ed. V.I. Karasik, I.A. Sternin. – Volume 1. – Vologda: Paradigm. – 2005. – 352 p.
3. Litvinova S.A. Phraseological units containing components denoting the names of the elements (water, air, fire, earth) in modern English. Diss. Cand. Philological sciences. – M., 2006.
4. Likhachev D.S. Concept sphere of the Russian language // Russian literature: From the theory of literature to the structure of the text. Anthology / Ed. V.P. Neroznak. – M.: Academia, 1997. – P. 280–288.
5. Lyapin S. Kh. Conceptology: towards the formation of an approach // Concepts. Scientific works of Tsentrokontsept. Issue 1. Arkhangelsk, 1977. P. 11–35.
6. Pimenova M.V. Introduction to cognitive linguistics. – Kemerovo, 2004. – 248 p.
7. Popova Z.D., Sternin I.A. Cognitive linguistics. – M.: AST: Vostok-Zapad, 2007. – 314 p.
8. Sadokhin A.P. Theory and practice of intercultural communication: a teaching aid for universities. – M.: UNITY-DANA, 2004. – 271 p.
9. Solomonik A. Semiotics and linguistics. – M.: Molodaya Gvardiya, 1995. – 345 p.
10. Stepanov Yu.S. Constants. Dictionary of Russian culture. – M., 1997. – 824 p.
11. Stepanov Yu.S. Concepts. Thin film of civilization. – M.: Languages of Slavic cultures, 2007. – 248 p.
12. Heidegger M. Time of the picture of the world // New technocratic wave in the West. – M., 1986. – 119 p.
13. Eliade M. Shamanism. Archaic techniques of ecstasy. – Kyiv, 2000. – 480 p.

Исследование влияния и проблем применения больших данных на образовательное сотрудничество между Китаем и Россией

Ян Цзинцзин,

независимый исследователь

E-mail: 1113148671@qq.com

Аннотация: Настоящее исследование посвящено анализу влияния больших данных на образовательное сотрудничество между Россией и Китаем. В условиях стремительной цифровизации, вызванной развитием информационных технологий, большие данные играют важную роль в модернизации образовательных процессов, оптимизации академической мобильности и развитии совместных научных проектов. В статье рассматриваются ключевые аспекты применения больших данных в образовательной сфере, включая анализ образовательных систем, прогнозирование потребностей в кадрах и программах, а также улучшение качества образования через обмен данными. Приводятся примеры успешного использования больших данных в образовательных проектах и обсуждаются вызовы, с которыми сталкиваются партнеры в процессе анализа данных. Исследование подчеркивает важность цифровых технологий для укрепления международного сотрудничества и предлагает рекомендации по дальнейшему развитию взаимодействия России и Китая в образовательной сфере с использованием больших данных.

Ключевые слова: большие данные, образовательное сотрудничество, Россия, Китай, цифровизация, академическая мобильность, совместные исследования, прогнозирование образовательных программ, обмен данными, образовательные технологии.

Введение

Современный мир характеризуется быстрыми темпами цифровой трансформации, которая охватывает все сферы деятельности, включая образование. В этом контексте большие данные становятся важным инструментом, способствующим развитию международного сотрудничества, в том числе между Россией и Китаем. Актуальность изучения влияния больших данных на образовательные процессы обусловлена их способностью оптимизировать принятие решений, улучшать качество образования и расширять возможности для международного обмена. Использование больших данных позволяет анализировать информацию о студенческой мобильности, успеваемости, предпочтениях в обучении, что, в свою очередь, создает предпосылки для более точного и эффективного взаимодействия на международном уровне. Для России и Китая, которые имеют долгую историю образовательного сотрудничества, данная проблема является особенно важной, так как обе страны заинтересованы в повышении качества подготовки специалистов, развитии научных исследований и создании конкурентоспособных образовательных программ¹.

Теоретические основы использования больших данных в образовании

Термин «большие данные» (Big Data) обозначает массивы информации, которые обладают тремя основными характеристиками: объемом, разнообразием и скоростью обработки. Объем относится к огромному количеству данных, генерируемых различными источниками, такими как цифровые платформы, онлайн-курсы, базы данных студентов и преподавателей, а также образовательные порталы. Разнообразие подразумевает широкий спектр типов данных: текстовые, числовые, графические и видеоданные, которые могут быть использованы для анализа образовательных процессов. Скорость означает необходимость быстрой обработки данных для принятия своевременных решений. В образовательной сфере большие данные охватывают всю информацию, связанную с учебными процессами, успеваемостью студентов, их предпочтениями в обучении, академической мобильностью и карьерными траекториями. Внедрение больших данных позволяет образовательным учреждениям более эффективно управлять этими ресурсами, улучшать результаты обучения и адаптировать учебные программы в соответствии с потребностями студентов и общества².

Применение больших данных в сфере образования находит отражение в различных аспектах. Во-первых, данные используются для мониторинга успеваемости студентов, прогнозирования результатов обучения и выявления потенциальных проблем. Например, анализ данных об успеваемости может помочь преподавателям и администраторам выявлять студентов, которые

¹ Козлова, О. В., & Соколова, Т. В. (2021). «Образовательное сотрудничество между Россией и Китаем: Тенденции и перспективы.» *Азиатское образование и развитие*, 10(2), 154–167.

² Борисенко, О. А., & Федосеев, В. Н. (2020). «Проблемы внедрения больших данных в образовательные учреждения России.» *Журнал российских исследований*, 14(1), 115–130.

нуждаются в дополнительной помощи или персонализированном подходе. Во-вторых, большие данные играют ключевую роль в разработке адаптивных образовательных систем, которые на основе анализа данных о предпочтениях студентов предлагают индивидуализированные траектории обучения. Это особенно важно в условиях массового онлайн-образования, где индивидуальный подход к каждому студенту затруднен. Кроме того, использование больших данных способствует развитию научно-исследовательских программ, поскольку позволяет анализировать большие массивы информации, создавая условия для проведения качественных исследований. Поэтому большие данные становятся неотъемлемой частью образовательной системы, способствуя ее модернизации и повышению эффективности¹.

Роль больших данных в цифровизации образовательных процессов

Большие данные играют ключевую роль в процессе цифровизации образования, преобразуя традиционные методы преподавания и управления образовательными учреждениями. Одним из основных направлений их применения является автоматизация учебных процессов, которая включает управление успеваемостью, формирование расписаний, анализ академической успеваемости и участие студентов в образовательных программах. Программы на основе больших данных позволяют создавать автоматизированные системы оценки знаний, которые обеспечивают объективную и быструю проверку знаний студентов. Это существенно облегчает работу преподавателей и повышает качество образования. Также большие данные используются для анализа посещаемости и вовлеченности студентов, что позволяет выявлять причины их недостаточной активности и вовремя корректировать образовательные подходы².

Важную роль большие данные играют в процессе принятия управленческих решений в образовательных учреждениях. Анализ данных о показателях успеваемости, посещаемости, занятости преподавателей и оценке качества образовательных программ позволяет руководителям принимать более взвешенные и эффективные решения. Например, на основе данных о трудоустройстве выпускников можно оптимизировать учебные планы, акцентируя внимание на наиболее востребованных на рынке труда специальностях. В условиях цифровизации важность данных как ресурса для управления возрастает, так как современные информационные системы позволяют интегрировать различные источники данных и предоставлять руководству образовательных учреждений актуальную информацию для оперативного реагирования на изменения в образовательной среде. Большие данные способствуют не только улучшению образовательного процесса, но и повышению управляемости образовательных учреждений в условиях цифровой трансформации.

Влияние больших данных на принятие решений и оптимизацию образовательных программ

Использование больших данных в образовательной сфере открывает новые горизонты для оптимизации образо-

¹ Зайцева, Н. В. (2019). «Большие данные в образовании: вызовы и возможности.» Информационные технологии и образование, 1, 22–30.

² Кузнецов, И. А. (2022). «Большие данные как инструмент модернизации образования в России.» Вестник образования и науки, 8(2), 45–60.

вательных программ. Прежде всего, данные позволяют анализировать предпочтения и потребности студентов, выявляя наиболее эффективные методы и формы обучения. На основе данных о взаимодействии студентов с учебными платформами можно проводить анализ успеваемости по различным курсам, что позволяет корректировать учебные программы в зависимости от их эффективности. Например, если данные показывают, что студенты определенной группы испытывают трудности с изучением конкретного материала, то учебные программы могут быть адаптированы таким образом, чтобы усилить методическую поддержку или предоставить дополнительные ресурсы. Большие данные также позволяют прогнозировать успеваемость студентов, что помогает образовательным учреждениям лучше распределять ресурсы и внимание.

Влияние экономических и политических факторов на образовательные инициативы

Экономические и политические факторы оказывают значительное влияние на формирование и развитие образовательных инициатив между Россией и Китаем. Прежде всего, усиление экономического сотрудничества, особенно в рамках инициативы «Один пояс, один путь», стало мощным катализатором для развития образовательных проектов между двумя странами. В условиях экономической глобализации и активного взаимодействия в таких областях, как энергетика, транспорт и высокие технологии, появилась необходимость в подготовке специалистов, способных эффективно работать в международных проектах. Это привело к росту числа совместных образовательных программ, нацеленных на подготовку студентов, обладающих знаниями не только в своих областях, но и в межкультурной коммуникации и международном менеджменте.

Политические факторы, такие как стратегическое партнерство между Россией и Китаем, также играют важную роль в развитии образовательного сотрудничества. Государственные инициативы, направленные на укрепление двусторонних отношений, способствуют активизации сотрудничества между университетами двух стран. Например, Китай активно поддерживает обучение своих студентов за рубежом, и Россия является одним из ключевых направлений для китайских студентов. В свою очередь, Россия заинтересована в привлечении китайских студентов для повышения уровня интернационализации своих университетов и укрепления их позиций в мировых рейтингах. Также важно отметить, что политическая стабильность между двумя странами способствует созданию долгосрочных образовательных проектов, которые не зависят от краткосрочных политических изменений. Однако экономические и политические различия между Россией и Китаем требуют разработки гибких образовательных программ, которые учитывают потребности как российской, так и китайской сторон³.

Основные проекты и программы обмена между университетами России и Китая

Одним из ключевых проектов образовательного обмена между Россией и Китаем является программа «Российско-китайский университет», которая была инициирована в 2014 году. Этот проект стал важной платформой для

³ Ли, В., & Чжан, Ж. (2020). «Роль больших данных в образовании: китайский опыт.» Научные исследования в области образования, 12(2), 34–47.

создания совместных образовательных программ и обмена студентами. Он предусматривает разработку магистерских и бакалаврских программ в различных областях, таких как инженерия, медицина, информационные технологии и международные отношения. Программа ориентирована на подготовку специалистов, которые могут работать в международных проектах и в дальнейшем способствовать развитию российско-китайского сотрудничества. Она также включает академические обмены и совместные исследовательские проекты, что способствует развитию научной кооперации между странами¹.

Также стоит отметить программу «Российско-китайская академическая мобильность», которая поддерживает обмен студентами и преподавателями между ведущими университетами России и Китая. В рамках этой программы студенты могут проходить часть обучения в зарубежных университетах, а затем возвращаться на родину для завершения образовательного процесса. Примером успешного сотрудничества является взаимодействие между Новосибирским государственным университетом и Харбинским технологическим институтом, где активно реализуются программы обмена студентами и стажировки для молодых ученых. Кроме того, в последние годы особое внимание уделяется созданию совместных исследовательских центров и лабораторий, что позволяет обмениваться знаниями и совместно разрабатывать инновационные проекты в области высоких технологий и науки².

Таким образом, образовательное сотрудничество между Россией и Китаем продолжает активно развиваться, опираясь на стратегическое партнерство и растущую потребность в подготовке высококвалифицированных специалистов, способных работать в условиях глобальной экономики. Экономические и политические факторы способствуют созданию новых образовательных инициатив, а реализуемые проекты, такие как программы двойных дипломов и академическая мобильность, способствуют укреплению образовательных связей между двумя странами.

Анализ использования больших данных в образовательных проектах между Россией и Китаем

Использование больших данных в образовательных проектах между Россией и Китаем становится важным инструментом для повышения качества образовательных процессов и совершенствования управления учебными заведениями. Одним из ярких примеров является создание платформы для анализа данных об успеваемости и академической активности студентов в рамках российско-китайских образовательных обменов. В рамках этой платформы университеты обеих стран собирают и анализируют данные о посещаемости занятий, результатах промежуточных и итоговых экзаменов, а также о вовлеченности студентов в научные и исследовательские проекты. На основе этих данных можно выявить паттерны успешного обучения, а также определить факторы, препятствующие достижениям студентов. Например, проект обмена между МГУ и Пекинским университетом использует аналитику больших данных для мониторинга

академической успеваемости и персонализированной поддержки студентов³.

Важной особенностью использования больших данных является их способность интегрировать различные источники информации, что позволяет создать комплексное представление о студентах. Данные, полученные от онлайн-платформ, мобильных приложений и образовательных порталов, помогают глубже анализировать прогресс студентов. Это позволяет преподавателям и администраторам оперативно принимать решения, адаптируя учебные программы под текущие запросы. В китайских университетах, например, активно внедряется использование больших данных для анализа предпочтений студентов при выборе учебных дисциплин и курсов, что помогает формировать более гибкие образовательные траектории⁴. В результате этого подхода образовательные учреждения могут не только улучшить образовательные результаты, но и оптимизировать процесс управления ресурсами, адаптируя программы обучения под индивидуальные потребности студентов.

Использование больших данных оказывает значительное влияние на повышение качества образования и улучшение результатов студентов. В первую очередь, анализ данных позволяет образовательным учреждениям более точно прогнозировать академические успехи студентов и выявлять риски, связанные с их успеваемостью. Например, анализ данных по посещаемости, успеваемости и активности на онлайн-платформах позволяет вовремя обнаружить студентов, испытывающих трудности с освоением материала. Это дает возможность предоставлять им индивидуальную помощь, будь то дополнительные консультации или специализированные учебные материалы. В Китае уже применяются системы на основе больших данных, которые анализируют прогресс студентов и предлагают преподавателям рекомендации по улучшению их результатов. Эти системы, такие как анализатор образовательных данных в Пекинском университете, способствуют повышению вовлеченности студентов и их успеваемости.

Большие данные играют ключевую роль в развитии персонализированного обучения. Используя данные об учебных предпочтениях студентов, можно адаптировать образовательные программы под их индивидуальные интересы и потребности. Это особенно актуально для массовых онлайн-курсов (МООС), которые становятся все более популярными как в России, так и в Китае. Анализ данных помогает предлагать студентам наиболее подходящие учебные материалы и траектории обучения, повышая их мотивацию и успеваемость. Например, в Шанхайском университете при помощи данных об активности студентов в онлайн-курсах корректируется содержание программ и учебные материалы для обеспечения наибольшей эффективности процесса обучения⁵. Аналогичный подход постепенно внедряется и в российских университетах, что позволяет добиваться более высоких результатов в обучении и готовить студентов к реальным профессиональным вызовам.

³ Семенов, А. В., & Глушков, Д. И. (2020). «Аналитика больших данных в образовании: Россия и Китай в сравнительном анализе.» *Современные проблемы науки и образования*, 3, 112–125.

⁴ Лю, Ф., & Ван, Т. (2021). «Анализ применения больших данных в китайских образовательных учреждениях.» *Технологии и инновации в образовании*, 7(2), 110–120.

⁵ Ван, Ю., & Ли, Ц. (2020). «Использование больших данных для повышения качества образования: опыт Китая.» *Международный журнал образовательных исследований*, 15(3), 99–112.

¹ Николаев, С. А. (2021). «Влияние больших данных на образовательные процессы в России и Китае.» *Проблемы современного образования*, 2(4), 78–89.

² Чжоу, Х. (2021). «Влияние больших данных на обучение в высшей школе: китайский контекст.» *Журнал высшего образования и педагогических наук*, 9(1), 88–99.

Преимущества и вызовы для партнеров в процессе обмена данными и их анализа

Основное преимущество использования больших данных в совместных образовательных проектах между Россией и Китаем заключается в возможности создания более эффективных и персонализированных образовательных траекторий для студентов. Благодаря обмену данными между университетами двух стран, преподаватели и исследователи могут анализировать данные о ходе образовательного процесса в реальном времени, что позволяет быстро реагировать на возникающие проблемы и корректировать учебные программы в соответствии с потребностями студентов. Это способствует более качественному обучению, а также позволяет университетам лучше координировать свои образовательные и научные усилия, что в итоге ведет к повышению уровня подготовки специалистов. Важным аспектом является также то, что аналитика данных помогает университетам выявлять слабые места в образовательных программах и предлагать решения, способствующие их улучшению.

Однако, несмотря на очевидные преимущества, партнеры сталкиваются с рядом вызовов в процессе обмена данными и их анализа. Во-первых, существует проблема стандартизации данных, поскольку системы сбора и анализа данных в России и Китае могут существенно отличаться. Это создает трудности при интеграции данных, особенно если они собираются с различных образовательных платформ и приложений. Во-вторых, вопросы безопасности и конфиденциальности данных являются одними из главных вызовов при обмене информацией между университетами. Обе страны имеют свои национальные законы и правила, касающиеся защиты данных, и иногда эти законы могут конфликтовать друг с другом, что требует разработки специальных соглашений и протоколов для обмена информацией¹. Несмотря на эти вызовы, успешные примеры сотрудничества между университетами России и Китая показывают, что совместный анализ больших данных способен значительно улучшить образовательные результаты и укрепить партнерские отношения между странами.

Влияние больших данных на ключевые аспекты образовательного сотрудничества

Анализ данных играет важную роль в академической мобильности студентов и преподавателей между Россией и Китаем, что отражается на увеличении количества обменных программ и совместных образовательных инициатив. Большие данные позволяют эффективно анализировать статистику участников международных обменов, включая успехи студентов, их академическую успеваемость и предпочтения в выборе дисциплин. Например, в одном из совместных проектов между Российским университетом дружбы народов и Шанхайским университетом анализ данных помог выявить, что студенты, участвующие в программах академической мобильности, более успешны в академическом плане и реже испытывают трудности при изучении иностранных языков. Эти данные позволили улучшить условия участия в обменных программах, предложив более гибкие траектории для студентов, заинтересованных в получении образования в обеих странах².

¹ Федорова, Т. И. (2021). «Использование больших данных в образовательной среде: международный опыт.» Журнал педагогического образования и науки, 10(3), 66–75.

² Сидоров, А. Е., & Яковлева, Н. В. (2022). «Перспективы применения больших данных в совместных образовательных

Примером успешного использования данных является проект по повышению академической мобильности преподавателей. Анализ данных показал, что преподаватели, принимающие участие в международных стажировках и обменах, часто публикуют больше научных работ в соавторстве с зарубежными коллегами. Эти публикации не только повышают репутацию образовательных учреждений, но и способствуют усилению научного сотрудничества. Так, в рамках партнерства между МГУ и Пекинским университетом, данные о публикационной активности были проанализированы с целью оптимизации участия преподавателей в научных обменах, что привело к увеличению числа совместных научных статей³.

На рис. 1 представлено сравнение количества научных публикаций до и после стажировок, а также динамика роста числа совместных исследований, связанных с академической мобильностью:

- **Зелёная колонка** отображает количество публикаций. Видно, что после стажировок количество публикаций значительно увеличилось (с 150 до 250).
- **Фиолетовая колонка** демонстрирует рост совместных исследований: после стажировок наблюдается рост на 50% по сравнению с 10% до стажировок.

Эти данные подчеркивают положительное влияние академической мобильности на научные достижения и международное сотрудничество.

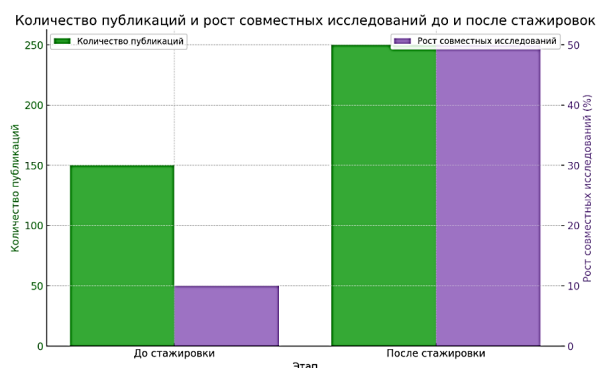

Рис. 1

Как данные способствуют развитию совместных научных проектов и публикаций

Большие данные способствуют развитию совместных научных проектов между Россией и Китаем, позволяя более эффективно координировать деятельность научных коллективов и выявлять перспективные направления исследований. Использование аналитики данных помогает университетам определять области, в которых научные коллективы могут успешно сотрудничать, а также улучшать качество публикаций. Например, в китайских университетах активно применяются системы на основе искусственного интеллекта, которые анализируют успехи научных коллективов и предоставляют рекомендации по созданию новых междисциплинарных проектов⁴. Такие данные позволяют более точно прогнозировать

проектах России и Китая.» Научный вестник Российского университета дружбы народов, 28(1), 55–70.

³ Шербакова, М. А., & Тихомиров, А. А. (2020). «Данные, ориентированные на принятие решений в высшем образовании: российская и китайская перспективы.» Международный журнал образовательного управления, 34(4), 765–779.

⁴ Чэнь, Л., & Сунь, Я. (2019). «Влияние больших данных на образовательные результаты: кейс КНР.» Проблемы образования в Китае, 6(1), 23–37.

результаты научного сотрудничества и создавать планы по развитию совместных публикаций в международных научных журналах.

Данные также играют важную роль в прогнозировании потребностей в образовательных программах и кадрах. Анализируя демографические данные и данные о профессиональной подготовке, университеты могут предсказывать, какие профессии и навыки будут востребованы в будущем, и, соответственно, корректировать образовательные программы. В частности, совместный проект по анализу потребностей в специалистах в ИТ-сфере между МГУ и Шанхайским университетом выявил, что спрос на специалистов в области искусственного интеллекта и больших данных значительно возрастет в ближайшие годы. Это позволило университетам скорректировать свои программы и ввести новые курсы, направленные на подготовку специалистов, востребованных на рынке труда¹.

На рис. 2 показаны два ключевых показателя по специальности: процент трудоустройства выпускников и изменение числа мест в учебных программах в зависимости от рыночных запросов.

- **Синяя колонка** представляет процент трудоустройства по специальностям, где наиболее высокий показатель у направления «Искусственный интеллект» (92%), а наиболее низкий – у «Международных отношений» (70%).
- **Красная колонка** показывает процент изменения мест в учебных программах для соответствующих специальностей, с максимальным приростом в области «Искусственного интеллекта» (35%).

Эти данные наглядно демонстрируют взаимосвязь между рыночными потребностями и образовательными инициативами.

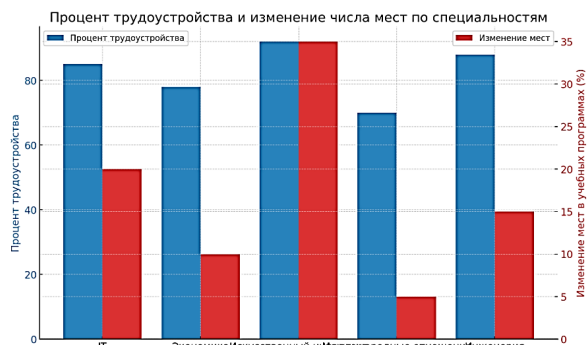

Рис. 2

Роль больших данных в прогнозировании потребностей в образовательных программах и кадрах

Большие данные позволяют не только анализировать текущие тренды в образовании, но и прогнозировать долгосрочные потребности в кадрах и образовательных программах. Это особенно важно для таких динамично развивающихся сфер, как информационные технологии и инженерные науки. Университеты могут использовать данные о спросе на рынке труда для того, чтобы корректировать свои учебные планы и готовить студентов к реальным вызовам. Например, китайские университеты активно применяют аналитику больших данных для прогнозирования потребностей в специалистах в области

¹ Петров, А. И., & Романов, В. С. (2021). «Влияние больших данных на образовательную политику: российские и китайские подходы.» Политика и будущее образования, 18(5), 644–659.

высоких технологий. В результате такого анализа они смогли увеличить число выпускников в области программирования и искусственного интеллекта, что позволило снизить дефицит кадров в этих сферах.

В России использование больших данных также помогает университетам адаптировать образовательные программы под требования рынка труда. Анализируя данные о выпускниках и их трудоустройстве, университеты могут оценить, какие навыки и знания наиболее востребованы работодателями. Например, в МГУ при помощи данных о выпускниках и их профессиональной карьере были внесены изменения в программы подготовки специалистов в сфере экономики и управления, что повысило их востребованность на рынке труда.

Заключение

Использование больших данных в образовательном сотрудничестве между Россией и Китаем оказало значительное влияние на многие аспекты взаимодействия, включая академическую мобильность, совместные научные проекты и модернизацию образовательных программ. Анализируя данные о студентах и преподавателях, участвующих в обменах, можно сделать вывод, что применение цифровых технологий способствует улучшению образовательных результатов и росту числа научных публикаций в соавторстве. Например, увеличение академической мобильности благодаря анализу больших данных позволило вузам обеих стран оптимизировать программы обмена, улучшив условия для участия студентов и преподавателей. При этом большие данные помогают выявлять сильные и слабые стороны существующих программ, корректировать учебные планы и, таким образом, повышать конкурентоспособность выпускников на международной арене.

Ключевым аспектом использования больших данных является их роль в прогнозировании потребностей образовательных систем обеих стран. Благодаря аналитике данных, университеты могут оценивать текущие и будущие требования рынка труда, что позволяет адаптировать учебные программы к изменяющимся условиям. Например, в китайских вузах анализ данных о потребностях в специалистах позволил создать новые образовательные курсы, соответствующие запросам цифровой экономики. Таким образом, большие данные выступают как мощный инструмент, способствующий модернизации образования и укреплению международного сотрудничества. Однако, как показывает практика, использование данных сопряжено с вызовами, связанными с защитой персональных данных, технической инфраструктурой и межкультурными различиями в подходах к образованию.

Основные выводы исследования показывают, что большие данные имеют значительный потенциал для развития образовательного сотрудничества между Россией и Китаем. В частности, их использование помогает улучшить академическую мобильность, способствуя интеграции образовательных систем двух стран, а также стимулирует развитие совместных научных проектов. Анализ данных о потребностях рынка труда и запросах студентов позволяет образовательным учреждениям адаптироваться к требованиям времени, создавая инновационные программы, ориентированные на подготовку специалистов, востребованных как в России, так и в Китае. Кроме того, важность совместного использования данных подчеркивается в контексте создания новых учебных программ, отвечающих современным вызовам, включая развитие цифровых навыков и технологий искусственного интеллекта.

На основании полученных данных рекомендуется усилить взаимодействие между университетами России и Китая на уровне обмена образовательными и научными данными. Это может включать создание совместных информационных платформ, где будут собираться и анализироваться данные о результатах образовательных программ и научных проектов. Также важно продолжить работу по развитию совместных магистерских и докторских программ, которые базируются на анализе данных, что позволит обеим странам подготовить специалистов, соответствующих требованиям глобального рынка. Важно учитывать, что дальнейшее развитие сотрудничества возможно только при условии эффективной защиты данных и соблюдения международных стандартов информационной безопасности, что требует совершенствования нормативно-правовой базы в этой сфере.

Перспективы дальнейших исследований заключаются в изучении новых возможностей применения аналитики больших данных в образовательных системах обеих стран. Например, перспективным направлением является изучение роли искусственного интеллекта в анализе больших данных, что позволит университетам быстрее адаптироваться к изменяющимся требованиям рынка труда. Также следует уделить внимание междисциплинарным исследованиям, которые могут включать аналитику больших данных для прогнозирования тенденций в образовательной политике, что позволит обеим странам более гибко реагировать на вызовы времени. В целом, большие данные могут стать основой для формирования новых образовательных моделей, ориентированных на интеграцию и взаимодействие в условиях глобализации.

Литература

1. Борисенко, О. А., & Федосеев, В. Н. (2020). «Проблемы внедрения больших данных в образовательные учреждения России.» Журнал российских исследований, 14(1), 115–130.
2. Ван, Ю., & Ли, Ц. (2020). «Использование больших данных для повышения качества образования: опыт Китая.» Международный журнал образовательных исследований, 15(3), 99–112.
3. Зайцева, Н. В. (2019). «Большие данные в образовании: вызовы и возможности.» Информационные технологии и образование, 1, 22–30.
4. Козлова, О. В., & Соколова, Т. В. (2021). «Образовательное сотрудничество между Россией и Китаем: Тенденции и перспективы.» Азиатское образование и развитие, 10(2), 154–167.
5. Кузнецов, И. А. (2022). «Большие данные как инструмент модернизации образования в России.» Вестник образования и науки, 8(2), 45–60.
6. Ли, В., & Чжан, Ж. (2020). «Роль больших данных в образовании: китайский опыт.» Научные исследования в области образования, 12(2), 34–47.
7. Лю, Ф., & Ван, Т. (2021). «Анализ применения больших данных в китайских образовательных учреждениях.» Технологии и инновации в образовании, 7(2), 110–120.
8. Николаев, С. А. (2021). «Влияние больших данных на образовательные процессы в России и Китае.» Проблемы современного образования, 2(4), 78–89.
9. Петров, А. И., & Романов, В. С. (2021). «Влияние больших данных на образовательную политику: российские и китайские подходы.» Политика и будущее образования, 18(5), 644–659.
10. Семенов, А. В., & Глушков, Д. И. (2020). «Аналитика больших данных в образовании: Россия и Китай в сравнительном анализе.» Современные проблемы науки и образования, 3, 112–125.
11. Сидоров, А. Е., & Яковлева, Н. В. (2022). «Перспективы применения больших данных в совместных образовательных проектах России и Китая.» Научный вестник Российского университета дружбы народов, 28(1), 55–70.
12. Федорова, Т. И. (2021). «Использование больших данных в образовательной среде: международный опыт.» Журнал педагогического образования и науки, 10(3), 66–75.
13. Чжоу, Х. (2021). «Влияние больших данных на обучение в высшей школе: китайский контекст.» Журнал высшего образования и педагогических наук, 9(1), 88–99.
14. Чэнь, Л., & Сунь, Я. (2019). «Влияние больших данных на образовательные результаты: кейс КНР.» Проблемы образования в Китае, 6(1), 23–37.
15. Шербакова, М. А., & Тихомиров, А. А. (2020). «Данные, ориентированные на принятие решений в высшем образовании: российская и китайская перспективы.» Международный журнал образовательного управления, 34(4), 765–779.

RESEARCH ON THE IMPACT AND CHALLENGES OF BIG DATA APPLICATION ON EDUCATIONAL COOPERATION BETWEEN CHINA AND RUSSIA

Yan Jingjing

This study focuses on analyzing the impact of big data on educational cooperation between Russia and China. In the context of rapid digitalization driven by the development of information technologies, big data plays a crucial role in modernizing educational processes, optimizing academic mobility, and fostering joint research projects. The article examines key aspects of big data application in the educational sector, including the analysis of educational systems, forecasting workforce and program needs, and improving education quality through data exchange. Examples of successful big data usage in educational projects are provided, and challenges faced by partners in data analysis are discussed. The research emphasizes the importance of digital technologies in strengthening international cooperation and offers recommendations for further development of educational collaboration between Russia and China through the use of big data.

Keywords: big data, educational cooperation, Russia, China, digitalization, academic mobility, joint research, educational program forecasting, data exchange, educational technologies.

References

1. Borisenko, O. A., & Fedoseyev, V. N. (2020). "Problems of Implementing Big Data in Educational Institutions in Russia." *Journal of Russian Studies*, 14(1), 115–130.
2. Wang, Y., & Li, C. (2020). "Using Big Data to Improve Education Quality: China's Experience." *International Journal of Educational Research*, 15(3), 99–112.
3. Zaitseva, N. V. (2019). "Big Data in Education: Challenges and Opportunities." *Information Technology and Education*, 1, 22–30.
4. Kozlova, O. V., & Sokolova, T. V. (2021). "Educational Cooperation between Russia and China: Trends and Prospects." *Asian Education and Development*, 10(2), 154–167.
5. Kuznetsov, I. A. (2022). "Big Data as a Tool for Modernizing Education in Russia." *Bulletin of Education and Science*, 8(2), 45–60.
6. Li, W., & Zhang, J. (2020). "The Role of Big Data in Education: The Chinese Experience." *Scientific Research in Education*, 12(2), 34–47.
7. Liu, F., & Wang, T. (2021). "Analysis of Big Data Application in Chinese Educational Institutions." *Technologies and Innovations in Education*, 7(2), 110–120.

8. Nikolaev, S. A. (2021). "The Impact of Big Data on Educational Processes in Russia and China." *Problems of Modern Education*, 2(4), 78–89.
9. Petrov, A. I., & Romanov, V. S. (2021). "The Impact of Big Data on Education Policy: Russian and Chinese Approaches." *Policy and the Future of Education*, 18(5), 644–659.
10. Semenov, A. V., & Glushkov, D. I. (2020). "Big Data Analytics in Education: Russia and China in a Comparative Analysis." *Modern Problems of Science and Education*, 3, 112–125.
11. Sidorov, A. E., & Yakovleva, N. V. (2022). "Prospects for Applying Big Data in Joint Educational Projects of Russia and China." *Scientific Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia*, 28(1), 55–70.
12. Fedorova, T. I. (2021). "Using Big Data in the Educational Environment: International Experience." *Journal of Pedagogical Education and Science*, 10(3), 66–75.
13. Zhou, H. (2021). "The Impact of Big Data on Higher Education Learning: The Chinese Context." *Journal of Higher Education and Education Sciences*, 9(1), 88–99.
14. Chen, L., & Sun, Y. (2019). "The Impact of Big Data on Educational Outcomes: The Case of China." *Problems of Education in China*, 6(1), 23–37.
15. Sherbakova, M. A., & Tikhomirov, A. A. (2020). "Data-Oriented Decision Making in Higher Education: Russian and Chinese Perspectives." *International Journal of Educational Management*, 34(4), 765–779.

Глобальные цепочки поставок и геополитика: влияние санкций США на торговую динамику между Китаем и Россией

Сюй Хан,

аспирант, РУДН

E-mail: xuhang980527@gmail.com

На фоне усиления глобализации и роста геополитического давления санкции США против России оказывают значительное влияние на торговые отношения между Россией и Китаем. В данной работе исследуется, как эти санкции изменили глобальные цепочки поставок и стимулировали переход на новые логистические маршруты и расчеты в национальных валютах. Цель исследования заключается в анализе изменений в двусторонней торговле и выявлении адаптационных механизмов, таких как реконфигурация логистики и использование национальных валют. Исследование базируется на сравнительном анализе торговых данных до и после введения санкций. Научная новизна работы заключается в выявлении новых механизмов экономической интеграции между Россией и Китаем. В заключении формулируются рекомендации по дальнейшему развитию торгового партнёрства.

Ключевые слова: санкции США, Россия, Китай, глобальные цепочки поставок, торговля, адаптация.

Введение

В условиях современной глобализации международная торговля и глобальные цепочки поставок играют важную роль в экономическом развитии стран. Интеграция мировых рынков и распределение производства между различными государствами создают сложные взаимосвязи, которые подвержены воздействию геополитических факторов. В последнее десятилетие наблюдается усиление геополитического влияния на торговые отношения, особенно в условиях санкционного давления, которое все чаще становится инструментом международной политики.[1] Санкции, наложенные США на Россию, оказывают значительное влияние на экономику обеих стран, а также на их торговые отношения с другими государствами, в том числе с Китаем. Китай и Россия, играющие важные роли в мировых экономических процессах, сталкиваются с новыми вызовами в своих торговых отношениях.[2] Это делает необходимым анализировать, как санкции изменяют динамику торговли между этими странами, а также влияют на глобальные цепочки поставок.

Цель данного исследования заключается в определении влияния американских санкций на глобальные цепочки поставок и на торговые отношения между Россией и Китаем. Санкции, вводимые США против России, направлены на различные секторы экономики и создают новые барьеры для традиционных торговых отношений. Исследование будет направлено на анализ изменений, которые произошли в торговле между Китаем и Россией в результате санкций, а также на выявление возможных перспектив и стратегий адаптации двух стран к новой экономической реальности.

Методология исследования основывается на сравнительном анализе торговых данных до и после введения санкций. Это позволит объективно оценить изменения в объемах и структуре поставок, а также выявить ключевые тренды, которые развиваются в ответ на санкционное давление. Кроме того, будут проведены качественные анализы документов, включая экономические отчеты, соглашения и законы, а также экспертные оценки, что поможет лучше понять стратегические решения, принимаемые Россией и Китаем в условиях новых ограничений.

Глобальные цепочки поставок и их зависимость от геополитики

Глобальные цепочки поставок представляют собой сложную систему международных экономических взаимосвязей, охватывающую весь процесс создания товара или услуги – от добычи сырья до доставки конечного продукта потребителю. В этой системе каждая страна выполняет определённую функцию, будь то поставка сырья, производство комплектующих или финальная сборка продукции. Такая структура позволяет максимизировать эффективность и снизить издержки, но одновременно делает мировую экономику уязвимой к внешним воздействиям, включая геополитические факторы. Согласно теории сравнительных преимуществ Дэвида Рикардо, специализация стран на производстве продукции с наибольши-

ми конкурентными преимуществами способствует росту мировой экономической эффективности.[3]

Геополитические факторы оказывают значительное влияние на глобальные торговые потоки и цепочки поставок. Политические конфликты, санкции, торговые войны и экономические ограничения могут нарушить устоявшиеся связи и вынуждают страны и компании искать альтернативные рынки, поставщиков и логистические маршруты. Исследования в области международной торговли демонстрируют, что санкции и другие экономические ограничения способны существенно изменить структуру торговых потоков, снижая общую экономическую эффективность и увеличивая риски для участников мировой торговли.[4] Примером служат санкции, введённые против России Соединёнными Штатами и Европейским Союзом после 2014 года, которые привели к необходимости перестройки торговых связей и поиску новых партнёров, включая Китай и другие страны Азии.

Санкции являются мощным инструментом геополитического давления, направленного на изменение поведения государства через экономические меры. Основой санкционной политики выступает концепция экономического сдерживания, которая предполагает, что ограничения в торговле, доступе к технологиям или финансовым ресурсам создадут внутренние экономические трудности для страны-мишени, вынуждая её скорректировать свою внешнюю политику. Практика применения санкций показывает, что они могут оказывать значительное воздействие на экономики стран, особенно если направлены на ключевые сектора, такие как энергетика, высокие технологии или финансовые системы.[5] В частности, санкции США против России затрагивают такие стратегические отрасли, как энергетика, что влияет не только на российскую экономику, но и на глобальные рынки энергоресурсов. Россия, являясь одним из крупнейших экспортёров нефти и газа, вынуждена искать новые рынки сбыта, что меняет глобальные потоки энергоносителей.

Влияние санкций на глобальные цепочки поставок также проявляется в изменении логистических маршрутов и увеличении транзакционных издержек. Например, в 2022 году введение санкций против России привело к отказу международных компаний от использования российских транспортных коридоров, что вызвало удорожание перевозок и замедление поставок. Эти изменения повлияли на мировую торговлю, увеличив временные и финансовые издержки для участников глобальных цепочек поставок. По данным Всемирную торговую организацию, подобное увеличение логистических затрат может сократить объём мировой торговли на 1–2% в год, что приведёт к долговременным негативным последствиям для мировой экономики.[6]

Глобальные цепочки поставок, являясь неотъемлемой частью международной торговли, напрямую зависят от геополитической ситуации. Санкции, как инструмент геополитического давления, способны коренным образом изменить структуру глобальных торговых потоков, что требует от государств и компаний быстрой адаптации к новым условиям экономического взаимодействия.

Торговые отношения между Китаем и Россией до введения санкций

Торговые отношения между Россией и Китаем имеют глубокие исторические корни, но их интенсивное развитие началось в конце XX века после распада Советского Союза и становления России как рыночной экономики.

В 1992 году было подписано российско-китайское соглашение о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, которое стало фундаментом для стратегического партнёрства. Этот документ заложил основы для всестороннего экономического взаимодействия, которое со временем переросло в один из ключевых факторов мировой торговли. В начале 2000-х годов отношения получили новое развитие после визита Владимира Путина в Китай, что дало дополнительный импульс для роста экономических связей между странами.

Энергетический сектор всегда был и остаётся ключевым направлением российско-китайского сотрудничества. Россия занимает лидирующие позиции по экспорту нефти и газа в Китай. Одним из наиболее значимых проектов стало строительство нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан» (ВСТО), который позволил России значительно увеличить поставки нефти в Китай. В дополнение к нефти важным направлением стал экспорт сжиженного природного газа (СПГ), что укрепило энергетическое партнёрство между странами. К 2013 году доля России в общем импорте нефти Китая достигала 16%, что подчеркивало стратегическое значение энергетического сотрудничества.[7]

Сырьевые ресурсы также играют важную роль в двусторонней торговле. Россия экспортирует в Китай древесину, металлы и другие ресурсы, что делает её важным партнёром для китайской промышленности. Эти ресурсы способствуют развитию китайской экономики, обеспечивая сырьевую базу для производства. В то же время Китай поставляет в Россию готовую продукцию: машины, оборудование, электронику и промышленные товары, что укрепляет взаимную зависимость двух экономик.

В области высоких технологий страны сотрудничали в сферах космоса, атомной энергетики и военной техники. Взаимные интересы в передаче технологий позволили создать прочную основу для долгосрочных проектов. Китай заинтересован в российском опыте в сфере авиации и космических технологий, а Россия получает доступ к китайским инвестициям и технологическим разработкам.

До введения санкций двусторонняя торговля демонстрировала стабильный рост. В 2013 году объём товарооборота между Россией и Китаем достиг 89,2 млрд долларов. Эта динамика подчёркивала активное развитие экономических связей, особенно в ключевых секторах, таких как энергетика и промышленность.

После введения санкций против России в 2014 году, инициированных США и Европейским союзом, двусторонние экономические отношения претерпели существенные изменения. Санкции оказали давление на российскую экономику, ограничив доступ к западным рынкам, технологиям и финансовым инструментам. Однако, несмотря на санкционное давление, российско-китайская торговля продолжала развиваться благодаря стратегическому партнёрству, которое стало ещё более значимым для обеих сторон.

В 2023 году объём товарооборота между Россией и Китаем достиг рекордных 240 млрд долларов, что свидетельствует о значительном увеличении объёмов торговли по сравнению с докризисным уровнем.[8] Примечательно, что доля расчётов в рублях и юанях существенно возросла, что позволило уменьшить зависимость от доллара США. Это изменение структуры расчётов стало важным шагом в адаптации двух стран к внешним экономическим вызовам.

Эти данные демонстрируют, что после введения санкций товарооборот временно снизился, но затем двусторонняя торговля не только восстановилась, но и достигла рекордных показателей. Это свидетельствует

о высоком уровне адаптации России и Китая к новым экономическим условиям и их способности поддерживать устойчивое экономическое сотрудничество в условиях внешних ограничений.

Влияние санкций США на российско-китайскую торговлю

Санкции, введенные Соединёнными Штатами против России, носят широкий и многоуровневый характер. Их основная цель заключается в оказании экономического давления на Россию для изменения её внешнеполитического курса. Санкции охватывают ключевые сектора российской экономики, включая энергетический, финансовый, оборонный и высокотехнологичный секторы. Ограничения включают запрет на доступ к международным финансовым рынкам, экспорт высокотехнологичного оборудования для нефтегазовой отрасли, а также запрет на инвестиции и торговлю с компаниями, попавшими под санкции. Эти меры привели к значительному ослаблению российской экономики, росту инфляции, девальвации рубля и снижению темпов экономического роста. По данным Всемирного банка, в 2023 году ВВП России снизился на 2,5%, что отражает совокупное воздействие санкций и внешнеэкономической нестабильности.[9]

Для китайских компаний, работающих с Россией, санкции создают значительные риски. Китай, являясь крупнейшим торговым партнёром России, оказался перед дилеммой: продолжение сотрудничества с российскими компаниями, попавшими под санкции, может привести к наложению вторичных санкций на китайские фирмы. Однако несмотря на эти риски, двусторонняя торговля между Россией и Китаем продолжает активно развиваться. По итогам 2023 года объём товарооборота между двумя странами достиг 240 миллиардов долларов, что на 26,3% больше по сравнению с 2022 годом. [8] Этот рост демонстрирует устойчивость российско-китайских экономических связей, несмотря на внешнее давление, а также активные усилия обеих стран по диверсификации торговых маршрутов и финансовых операций.

Адаптация России и Китая к санкционному давлению включает несколько стратегий. В первую очередь, страны активно развивают альтернативные логистические маршруты и расширяют транспортные коридоры через Центральную Азию, что помогает минимизировать последствия санкционных ограничений. Важным шагом стало увеличение расчётов в национальных валютах. В 2023 году более 30% двусторонней торговли между Россией и Китаем осуществлялось в рублях и юанях, что позволило снизить зависимость от доллара США и уменьшить воздействие финансовых санкций. Согласно данным Банка России, доля юаня в расчётах за экспортные и импортные операции с Китаем продолжает расти, увеличившись в 2023 году на 5%, что подчёркивает стремление обеих стран укреплять свою экономическую независимость от западных финансовых систем.

Несмотря на жёсткое санкционное давление, российско-китайская торговля продолжает развиваться высокими темпами. Данные за 2023 год свидетельствуют о значительном увеличении объёмов двусторонней торговли и о прочности экономических связей между Россией и Китаем. Адаптация к санкционным условиям проявляется в диверсификации торговых и финансовых инструментов, что позволяет обеим странам поддерживать устойчивое экономическое развитие даже в условиях геополитической нестабильности.

Изменение структуры глобальных цепочек поставок в условиях санкций

Санкции привели к значительным изменениям в структуре глобальных цепочек поставок, особенно между Россией и Китаем. Одним из ключевых изменений стала реконфигурация логистических маршрутов и торговых связей. Из-за санкционного давления и ограничений на транспортировку через традиционные маршруты, Китай и Россия усилили использование альтернативных коридоров через страны Центральной Азии и СНГ. Это позволило минимизировать риски и поддерживать торговлю на высоком уровне, несмотря на ограничения.

Другим важным аспектом стало активное наращивание торговли в национальных валютах, что позволило обеим странам уменьшить зависимость от доллара США. Растущее число двусторонних сделок осуществляется в юанях и рублях, что даёт возможность не только снизить влияние санкций на финансовую систему, но и укрепить экономическую независимость обеих стран. По данным на 2023 год, около 30% двусторонней торговли осуществляется в национальных валютах, и эта тенденция продолжает усиливаться.[10] Это особенно важно в контексте западных санкций, которые ограничили доступ России к долларовой расчётке и международным финансовым системам.

Важную роль в поддержании торговых операций между Россией и Китаем играют третьи страны, особенно государства СНГ. Они выполняют функцию транзитных узлов для российско-китайских торговых потоков, что позволяет компенсировать влияние санкций. Партнёры из стран Центральной Азии и Восточной Европы предоставляют альтернативные пути для транспортировки товаров, что помогает минимизировать логистические сложности. Эти изменения в структуре цепочек поставок демонстрируют высокую степень адаптации России и Китая к санкционным условиям и их способность поддерживать устойчивое экономическое сотрудничество в условиях глобальных ограничений.

Таким образом, изменения в логистике, рост использования национальных валют и включение третьих стран в торговые операции стали ключевыми элементами адаптации двух стран к новой экономической реальности, вызванной санкциями.

Перспективы и возможные сценарии развития торговых отношений

Перспективы развития торговых отношений между Россией и Китаем во многом будут зависеть от будущей санкционной политики США. Если санкции продолжат усиливаться, это может ещё больше укрепить экономическое партнёрство между двумя странами, так как они будут вынуждены расширять сотрудничество в обход западных рынков и технологий. Дальнейшая эскалация санкций может также стимулировать развитие новых финансовых механизмов, направленных на минимизацию зависимости от долларовых расчётов.

Углубление стратегического партнёрства между Россией и Китаем видится возможным в ключевых секторах экономики, таких как энергетика, технологии и инфраструктура. В условиях ограниченного доступа к западным рынкам Россия и Китай могут ещё больше диверсифицировать своё сотрудничество, увеличивая взаимные инвестиции в высокие технологии, сельское хозяйство и логистику. Усиление взаимодействия в рамках проектов инициативы «Один пояс, один путь» и развитие новых транспортных коридоров, таких как Северный мор-

ской путь, способны значительно расширить торговые возможности обеих стран.

Новые экономические блоки, такие как ШОС и БРИКС, будут играть всё более значимую роль в поддержке стабильности двусторонних отношений. Эти организации способствуют развитию многостороннего сотрудничества, особенно в финансовой и торговой сферах. Через механизмы ШОС и БРИКС Россия и Китай могут разрабатывать и внедрять новые модели экономической интеграции, включая расчёты в национальных валютах и совместные инвестиционные фонды. Дальнейшее укрепление этих организаций также создаст возможности для привлечения третьих стран, которые могут стать ключевыми игроками в поддержании стабильности в регионе и обеспечении глобальных цепочек поставок.

Заключение

Влияние санкций США на российско-китайскую торговлю показало как негативные последствия, так и способность обеих стран адаптироваться к новым экономическим условиям. Изменения в глобальных цепочках поставок стали неизбежными, что заставило Россию и Китай искать альтернативные логистические маршруты и механизмы расчётов. В ответ на внешние вызовы их стратегическое партнёрство продолжает углубляться, обеспечивая устойчивость взаимных экономических связей. Для поддержания этой устойчивости необходимо продолжать расширять экономические связи в рамках альтернативных международных структур и развивать инфраструктуру для новых торговых путей и расчётов в национальных валютах. Это станет основой для преодоления санкционных барьеров и снижения зависимости от глобальных валютных систем. Перспективы дальнейших исследований включают необходимость мониторинга изменений в глобальных цепочках поставок, особенно в условиях растущего санкционного давления.

Литература

1. Неймарк М. «Мягкая сила» в мировой политике. – М.: Литрес, 2022.
2. Бударина Н.А., Горохова М.К. Тенденции развития внешней торговли в современных условиях // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 6–1 (81). С. 160–164.
3. Городовикова А.К., Городовиков Д.А. Теоретические аспекты внешней торговли // Инновационные аспекты социально-экономического развития региона: материалы конференции. 2014. С. 129–139.
4. Победин А.А., Федулов Д.В. Международные экономические санкции: структура и сценарии реализации // Вопросы управления. 2023. № 4 (83). С. 20–32.
5. Смирнов Е.Н. Эволюция международной практики применения антироссийских экономических санкций // Российский внешнеэкономический вестник. 2022. № 4. С. 7–35.
6. Куприяновская Ю.В., Куприяновский В.П., Климов А.А. и др. Умный контейнер, умный порт, BIM, Интернет Вещей и блокчейн в цифровой системе мировой торговли // International Journal of Open Information Technologies. 2018. Т. 6. № 3. С. 49–94.
7. Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы IV международной научно-практической конференции, Благовещенск-Хэйхэ-Харбин, 14–19 мая 2014 года / Отв. ред. Д.В. Буяров, Д.В. Кузнецов. Вып. 4. Благовещенск-Хэйхэ-

Харбин: Благовещенский государственный педагогический университет, 2014. 634 с.

8. Минэкономразвития: за 8 месяцев 2023 года товарооборот России с Китаем превысил 140 млрд долларов. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/maksim_reshetnikov_za_8_mesyacev_2023_goda_tovarooborot_rossii_s_kitaem_prevysil_140_mlrddollarov.html (дата обращения: 29.09.2024).
9. Резкое и длительное замедление экономического роста сильно ударит по развивающимся странам. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/press-release/2023/01/10/global-economic-prospects> (дата обращения: 29.09.2024).
10. Волинский А.И., Круглова М.С., Никитина С.А. и др. Юанизация в России: политический конструкт или экономическая реальность? – М.: ИЭ РАН, 2024. – 54 с.

GLOBAL SUPPLY CHAINS AND GEOPOLITICS: IMPACT OF US SANCTIONS ON TRADE DYNAMICS BETWEEN CHINA AND RUSSIA

Xu Hang

RUDN University

Amid growing globalization and geopolitical pressure, US sanctions against Russia have significantly impacted trade relations between Russia and China. This study explores how these sanctions altered global supply chains, encouraging a shift to new logistics routes and national currency settlements. The research aims to analyze the changes in bilateral trade and identify adaptation mechanisms like logistics reconfiguration and currency diversification. Based on comparative analysis before and after the sanctions, the study's novelty lies in revealing new integration mechanisms between Russia and China, offering recommendations for future trade development.

Keywords: US sanctions, Russia, China, global supply chains, trade, adaptation.

References

1. Neimark M. "Soft Power" in World Politics. – М.: Litres, 2022.
2. Bударина N.A., Горохова M.K. Trends in the Development of Foreign Trade in Modern Conditions // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2023. No. 6–1 (81). Pp. 160–164.
3. Gorodovikova A.K., Gorodovikov D.A. Theoretical Aspects of Foreign Trade // Innovative Aspects of Socio-Economic Development of the Region: Conference Proceedings. 2014. Pp. 129–139.
4. Pobedkin A.A., Fedulov D.V. International Economic Sanctions: Structure and Scenarios of Implementation // Management Issues. 2023. No. 4 (83). Pp. 20–32.
5. Smirnov E.N. Evolution of International Practice in the Application of Anti-Russian Economic Sanctions // Russian Foreign Economic Bulletin. 2022. No. 4. Pp. 7–35.
6. Kupriyanovskaya Yu.V., Kupriyanovsky V.P., Klimov A.A. et al. Smart Container, Smart Port, BIM, Internet of Things, and Blockchain in the Digital System of World Trade // International Journal of Open Information Technologies. 2018. Vol. 6. No. 3. Pp. 49–94.
7. Russia and China: History and Prospects for Cooperation: Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference, Blagoveshchensk-Heihe-Harbin, May 14–19, 2014 / Eds. D.V. Buyarov, D.V. Kuznetsov. Vol. 4. Blagoveshchensk-Heihe-Harbin: Blagoveshchensk State Pedagogical University, 2014. 634 p.
8. Ministry of Economic Development: In 8 months of 2023, Russia's trade with China exceeded 140 billion dollars. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/maksim_reshetnikov_za_8_mesyacev_2023_goda_tovarooborot_rossii_s_kitaem_prevysil_140_mlrddollarov.html (accessed: 29.09.2024).
9. Sharp and Prolonged Slowdown in Economic Growth Will Hit Developing Countries Hard. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/press-release/2023/01/10/global-economic-prospects> (accessed: 29.09.2024).
10. Volynsky A.I., Kруглова M.S., Nikitina S.A. et al. Yuanization in Russia: Political Construct or Economic Reality? – М.: IE RAS, 2024. – 54 p.

Специфика понятия иноязычной коммуникативной компетенции у студентов нефилологических университетов

Соколова Алла Германовна,

кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет, E-mail: as.falconi@yandex.ru

В статье автором представлен обзор современной научной и методической литературы по вопросу исследования иноязычной коммуникативной компетенции и современных образовательных технологий для её формирования у студентов нефилологических профилей обучения. Проведен анализ основных компонентов коммуникативной компетенции в Российской и Европейской моделях её трактования. Автором показана важность формирования данной компетенции для успешного освоения иностранного языка студентами высших учебных заведений, ведения активного диалога культур, повышения конкурентоспособности будущих инженеров и архитекторов на мировом рынке труда, а также росту мотивации обучающихся к изучению иностранных языков.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, компетентно-ориентированный подход, лингвистические профили подготовки, образовательные технологии, курс английского для особых целей, преподавание иностранного языка.

Introduction

Over the past decades, the world educational system, in particular, the sphere of third-level or tertiary education, has undergone dramatic changes and successfully adapted the most advanced global achievements. In the conditions of globalization, digitalization and tremendously increased information flow, rapid development of online, distant and correspondence learning accelerated by the Covid-19 pandemic, emerging of new economic systems and relationships in multiethnic societies, a modern learner should actively incorporate cutting-edge information technologies into the learning process. It is quite common nowadays when learning is combined with professional activity, especially in the case of postgraduate students who are trying to find a perfect harmony between work and study. The need to acquire professional competences remains quite objective and urgent, whereas the majority of young scholars have a pragmatic attitude towards education. A contemporary student is likely to be focused on creativity, freedom, minimization of institutional impact on his/her individual learning curve. A stable idea of the specifics and needs of future professional activity is being formed during the period of study as many undergraduate and postgraduate students are trying to find part-time jobs starting from the third year of their studies [1].

Currently, in the Russian Federation there is a growing need in higher educational institutions to expand the palette of foreign language taught. Due to present geopolitical situation and rapid expansion of BRICS countries, along with the need for European languages in conducting business communication, there is an urgent demand for professionals possessing excellent command of Oriental languages, especially Chinese, Turkish, Arabic and Korean.

Competence-based approach to education (CBE) began to emerge in the 1970s in the United States of America. One of the most-cited living authors Noam Chomsky has coined the term '*competence*' in reference to Wilhelm von Humboldt, who expressed the idea of necessity of co-exploring language and culture as early as in 1822. The theoretical background of foreign language '*communicative competence*' dates back to the 1970s. An American researcher Dell Hymes (1927–2009) in his world famous "*The Ethnography of Communication*" has introduced the term '*communicative competence*' meaning internal knowledge of situational appropriateness of language and also the abilities of a person to be actively involved in the process of speech activity. Firstly, Hymes coined the term '*ethnography of speaking*', later altered it to '*ethnography of communication*', moving away from an abstract model of speech to an absolutely new approach to understanding language in use and studying the diversity of spoken language [2]. According to Hymes, knowledge and command of language is closely and immediately connected to the idea of speech situations that require the use of certain lexical units and grammatical constructions. It was Hymes who first demonstrated that language proficiency involves more than just knowing grammar and vocabulary, but also the social conditions of their usage in actual speaking.

It can be concluded that the notion '*competence*' used by Chomsky can be equalized to the linguistic or grammatical

competence in Hymes's interpretation, being only one part of the communicative competence.

The main goal of foreign language (FL) learning is acquisition of FL communicative competence, i.e. the ability and readiness of learners to carry out FL communicative competence and achieve the command sufficient for practical use in their future professional activity. Communicative competence can be formed through the realization of all four types of speech activity, such as reading, auditory articulation or listening, spoken language and writing, teaching methods and technologies customized and adapted to individual needs, and various approaches. Translation is taken as a separate type of speech activity (in some studies considered as the fifth type) and a special form of communication implicating the use of two languages or the language pair, for instance English-Russian or Italian-Russian.

When listing the goals of FL teaching, today an important emphasis is made not only on the possession of basic linguistic competences, but also on the education of a multicultural, multilingual personality who is able to integrate without difficulties into the cultural space of the learnt language.

Methodology of the research

The aim of this research is to outline theoretical and methodical framework of communicative competence formation of future engineers and architects by means of teaching English and Italian as second foreign languages.

Theoretical methodology of the research includes the study of scientific and methodological literature on the formation of FL communicative competence, critical analysis on the basis of works on philosophy, psychology, theory of translation, pedagogy and FL teaching methods; theoretical generalization of the Russian and foreign higher educational institutions' work and experience.

Results and findings

In scientific literature, there are a large number of various definitions of FL communicative competence that proves the relevance of the research problem under consideration. However, there are some minor discrepancies in understanding the content of the term.

Russian academician Zimnyaya I.A. (1931–2024) determines *communicative competence* as 'mastering of complex communicative skills and abilities, formation of adequate skills in new social structures, awareness of customs, traditions, etiquette in the sphere of communication, observance of propriety and good manners as well as orientation in communicative means, inherent to national, class and social mentality' [3]. There are several approaches to the definition of FL communicative competence's structure and content. FL communicative competence acts as a multidimensional phenomenon, which is manifested in the process and result of its structuring. Also, the constituent parts making up communicative competence may differ based on the researched variant. It is generally accepted that two variants of FL communicative competence exist, namely the Common European and the Russian one. They share common features and comprise similar or identical components. According to Tayurskaya N.P., the Common European variant includes linguistic (language), socio-linguistic, socio-cultural, speech (discursive), strategic (compensatory), and social competences [4]. Respectively, the Russian variant incorporates linguistic, speech, socio-cultural, strategic, learning, and cognitive competences.

Being the main component of communicative competence, *language or linguistic competence* is seen as the ability of a learner to use grammatically correct forms and syn-

tactic constructions and also to recognize and comprehend semantic segments in speech arranged in conformity with the existing norms of the learnt language. Without knowledge of FL lexis and grammatical rules, it is practically impossible to structure meaningful phrases in FL. Correspondingly, the ability of a learner to choose the correct linguistic form and the appropriate expressive mode in the function of the communicative situation, intention of the speaker and the purpose of communication is called *socio-linguistic competence*.

Discursive or speech competence means the improvement of communicative skills in all four types of speech activity (reading, auditory articulation or listening, spoken language and writing). The willingness and readiness of students to interact with other people in FL and their ability to manage and control the communicative situation successfully is understood as *social competence* whereas the ability to identify and distinguish common and specific cultural features of the native country and of the country of the learnt language is generally taken as *socio-cultural competence*.

According to Dibekulu D., *strategic competence* postulated by Canadian scientists Canale and Swain in 1980 refers to the ability of a speaker to convey the message successfully to a listener, in particular in the situations when some problems or breakdowns arise in the process of communication caused by insufficient language competence [5]. It also includes correct comprehension and interpretation of information received from an interlocutor. Due to lack or insufficient level of strategic competence, even students with a solid knowledge of grammar rules and rich vocabulary might get stuck in their attempt to convey the message. It can occur that at oral language examination students may even fail the exam or may not perform at their best speaking abilities. On the contrary, there are students able to carry out their communicative intent with a minimum number of words relying entirely on their strategic competence. This type of competence is of paramount importance in FL teaching as it refers to a learner's knowledge of various aspects of language use.

The last but not least *learning and cognitive competence* is understood by researchers as a summary of general and special learning skills including the learners' cognitive ability that might also vary dramatically among the group of students. Cognitive competence is very individual, it depends on the peculiarities of a learner's personal development, his/her communicative abilities, as well as general and specific cultural knowledge. In the process of communication, a speaker is immediately involved in solving various speech tasks, such as argumentation, refutation, clarification, agreement or disagreement, persuasion, etc. A speaker must instantly take decisions about the grammatical structure of an utterance, the choice of lexical units, the register of speech, i.e. to fulfil the speech-thought task.

American psycholinguists Terrel and Krashen (1983) have determined *communicative competence* as the use of language in social interactions without application of grammatical analysis, i.e. communicative competence is manifested in the communication process not focusing on FL grammar. Terrel and Krashen arrived at the principle that language rather be used to transmit messages than be explicitly taught for conscious learning. Learners acquire language skills not theoretically and mechanically, but on the contrary, most of the class members are oriented on practice. Developing communicative competence, students feel confident and ready to face any communication challenge occurring in real life situations [6].

The scientific literature review has helped to outline three main aspects of the issue of search and introduction of new educational technologies forming FL communicative competence of students of non-linguistic universities, in particular of future engineers and architects:

1. The study of the educational system's needs to update FL curricula and study programs annually;
2. The experimental testing of teaching practices' effectiveness;
3. The study of attitudes of university professors and students to the applied educational technologies.

According to Babić Željka [7], the situation on current job market sets down conditions for novel approaches and differentiated instruction in teaching English for Specific Purposes (ESP) in higher educational institutions. In order to achieve pedagogical goals in the framework of third-level education and produce competitive specialists emerging from colleges, systematic changes in the present syllabi should be introduced and implemented in practice. The design of these syllabi must be focused on General English (GE) or ESP and aimed at developing integrated skills.

Having analyzed the different models of communicative competence, the following challenges can be identified in the sphere of FL teaching with regard to third-level education:

1. There is no unified definition and understanding of the term '*foreign language communicative competence*'.
2. The researchers' opinions differ with reference to the components of FL communicative competence.
3. Teaching FL and, respectively, its acquisition by learners in higher educational institutions is conducted outside the FL environment within limited number of academic hours. For instance, the mandatory discipline "*Foreign language in the professional field*" studied by Master's program students in National Research Moscow State University of Civil Engineering (NRU MGSU) is composed in accordance with the requirements of the Federal State Educational Standard of Higher Education in the direction of training 08.04.01 Construction. The total complexity of the discipline is 4 credit units (or 144 academic hours), with only 64 academic hours allocated to classroom tuition (2 academic hours per week).

With very few classroom hours allocated to study a FL, it is required to think over a strategy for achieving success of the educational process, as well as to stir up students' interest to be involved into extracurricular activities and to work independently.

4. High occupancy of groups when an average speaking time accounts for one to two minutes per student during a practical seminar (the average number of students in one group of Bachelor's or Master's programme students in NRU MGSU is 28–30).

The need to review and update the content and teaching methods in FL curricula in higher educational institutions encourages the active search, study and introduction of new approaches and technologies for communicative competence formation. The results of practical implementation have been shared by many researchers and published in scientific journals specializing in pedagogy. Thus, the scholars M.M.S. Abdalah [8], F.W. Foong [9], P. Sobkowiak [10], T.H. Chen [11], Q. Wen [12] describe the complex models of FL teaching when communicative competence is formed gradually and progressively throughout all the years of study. These approaches include Production-Oriented Approach (POA) developed in Mainland China over the last decade, blended learning instructional approach, an innovative Stepwise-Stepup Tertiary Science English Education (SSTSEE) proposed by Kyoto Pharmaceutical University, teaching English for Research Publication Purposes (ERPP) [13], Teaching English as Foreign Language (TEFL) for Special Needs as well as three-parts model of teaching Business English based on the case-study method. The above-mentioned models are aimed at formation of practical communicative skills in FL in the professional context.

Some recent studies describe the conditions and factors of effective use of the following innovative FL teaching technologies in the educational process:

- so-called "Flipped Classroom" technology investigated and experimentally tested by the scholars Teng M.F. [14], Reddan G., McNally B. and Chipperfield J. [15]. The main idea of this technology is that a spoken class is flipped by shifting students from passive way of learning to active one when university teachers facilitate participants' engagement in speaking activity;
- Content and Language Integrated Learning (CLIL) Technology [16] with a dual-purpose of accommodating both language and content learning. It was demonstrated by the researchers that university teachers usually spend much more time on content teaching but pay less attention to language teaching itself;
- Project-Based Learning (PBL) [17] as a more effective highly complex and learner-centered instructional method in comparison with the conventional pedagogy for teaching compulsory FL at tertiary level.

In the latest publications, special attention is given to application of information-communicative technologies (ICT) in FL teaching that are gaining momentum. For example, since their emerging in 2008 and subsequent hysteria, Massive Open Online Courses (MOOC) have gained popularity in FL teaching and even become a subject of scientific research. The scholars actively investigate the potential and challenges of using MOOCs in universities, various MOOC platforms, technical requirements for their development, the content and potential learners of MOOCs, and instructional design issues that might arise during their active use [18]. MOOCs are comparable to very popular in the 1990s video-conferencing in distance education as they are typically organized as a series of short video-based web-lectures. University teachers should further explore the enormous opportunities of MOOCs in FL teaching, whilst simultaneously addressing problematic issues such as creating sustainable cost models and high dropout rates.

Justifying the necessity for applying interactive forms of learning, it should be noted that the symmetrical achievement of the outcomes of interactive cooperation occurs thanks to the collaborative work of students possessing approximately the same level of knowledge, practicing the same activities, having a common educational goal and working in groups. According to Saitova N.A., Lebedenko O.N. and Demidova S.Yu., argumentation defending a speaker's point of view and trying to persuade the interlocutor of their rightness can be considered a prerequisite for such an approach [19].

The so-called *blended learning* combines face-to-face tuition and learners' autonomous work [20] when teaching/learning process is enhanced by the latest information-communicative technologies. The educational objectives of communicative competence formation are achieved within the framework of the Bloom's taxonomy and the SAMR (Substitution, Augmentation, Modification, Redefinition) model. Traditional offline in-classroom lessons are alternated with intensive individual self-tuition involving computer-aided educational technologies. The idea of computer-based learning activities is further developed by the authors Lychkovskaya L.E., Pokrovskaya E.M., Smirnova O.A. [21] where they emphasize the importance of the methodological issues related to the Internet and FL teaching. E-learning, being a mainstream trend nowadays, provides an access to global information and communication space and enables tutors to check tightly specified competences of students. The authors give qualitative analysis of formation communicative competence in the process of interaction of Master's programme students with potential employers through virtual environment such as Moodle platform.

A significant body of research has been built on learners' perceptions of computer-assisted FL learning, that is a main concern for curriculum designers and university teachers actively involved in the deployment of these technologies [22].

Some researchers are focused on effectiveness of discrete modern means of ICT on formation of students' communicative competence [23]. These tools might include, in particular, electronic dictionaries and professional translation software (TRADOS, TRANSIT, PROMT, Stylus, SOCRAT and others) actively involved in an educational process of IT-students of an engineering faculty. Translation is distinguished from other types of speech activity as it is conducted under the bilingualism conditions whereas active use of FL lexis in various forms of speech activity ignites students' interest to broaden their knowledge, accelerates the process of immersion into future profession.

Moreover, interactive whiteboard-based instruction which is used to replace traditional lecture-based instructional approach for an extended period of time results in cultivation of higher academic self-efficacy, 'academic press' and learning achievements among students [24]. Here, the term '*academic press*' used by the authors refers to a point to which members of the academic body including students and university staff members undergo a strong emphasis on academic success in order to achieve the highest level of standards of accomplishment.

One of the most significant and valuable results of incorporation of new technologies for formation of students' communicative competence is the increase of motivation to study FL. Thus, the study of Du X., Zhao K., Ruan Y., Wang L., Duan X. has revealed that thanks to application of Task-Based Learning and Teaching (TBLT) the Danish students involved into practical experiment had perceived the Chinese language they were learning more easily than they believed before the experiment began [25]. TBLT method, though not new, focuses on engaging students in learning FL by using it. The method has been endorsed as an effective approach to developing FL proficiency for communication goals.

The motivation component is one of the decisive factors of human behavior. Motivation, whether conscious or unconscious at the precise moment, is always connected to some aspects of communication.

In the process of conducting pedagogical activity, university teachers commonly face the following problems: low communicative motivation of students learning a foreign language explained by their inability to find potential partners in communication, fear of making mistakes while speaking, especially during the group lessons, fear of choosing an incorrect grammatical construction or wrong meaning of a word, uncertainty about pronunciation, reluctance to look funny and ridiculous in front of their groupmates and teachers, etc. Some of these difficulties could be eliminated during one-to-one tuition, which is not relevant, unfortunately, for the group lessons at the tertiary degree, with an average number of students in a group accounting for 25–30. Students traditionally learn the speech forms of an utterance in a given text they are supposed to learn or render, which does not effectively contribute to the development of their initiative and independence in the process of speech activity.

For non-philological specialists, in particular, future architects and engineers, knowledge of a FL is necessary, first of all, as a means of obtaining professionally relevant information; university teachers often emphasize the development of reading and translation skills to the detriment of the development of communicative competence.

Therefore, various methods and approaches to teaching FL in higher educational institutions should include psycho-social support that would help individuals cope with stressful situations and overcome foreign language anxiety (FLA).

The results have shown that the level of pronunciation anxiety had become significantly lower after psycho-social training, whilst pronunciation quality of students had improved immensely [26]. It is also recommended to conduct periodical assessment of students that allows university teachers to personalize and customize learning process, set targets for individual learners and thus help students' progress to desired outcomes, especially if FL is taught more than one academic year. In this scenario, the groups can be rearranged after testing according to their level of achievement and progress in learning FL. Computer-adaptive testing is really invaluable tool for university teachers to get accurate, individual information about students' progress as well as to keep students engaged and motivated by assessment activity itself [27]. Also, to prevent students to becoming demotivated, the results of computer-aided testing can be kept anonymous.

To succeed in the job market, FL competences of future professionals should be acquired along with job-related practices. Young scholars face an avalanche of information and unlimited access to resources of various degrees of credibility. Learners are challenged by the need to process the material and must be able to apply critical evaluation and analysis of information and adopt a qualitative approach to it [28]. At the same time, university language instruction should be restructured to satisfy the need for efficient communication skills required for future professional activity, such as negotiation, presenting, argumentation, etc.

Simultaneously, many researchers point out a number of challenges and difficulties in the introduction of new technologies aimed at formation of FL communicative competence, among which the main one is the little experience of the participants of this process, both students and university teachers, in working with the technologies under consideration.

Conclusions

If all the mentioned conditions are applied, students of higher educational institutions start to perceive the discipline of Foreign Language in a different way. Now it is taken not just a discipline in the curriculum, but a means of personal development, cognition of other cultures, a new perspective on their own culture. FL is perceived as an instrument of intercultural interaction, as an engine that involves both sides in an active dialogue of cultures. Due to its flexible characteristics, the FL discipline allows students to prepare successfully for international examinations to further study a profession abroad.

Литература

1. Соколова Алла, Солуянова Ольга. (2023). Английский язык для профессиональной коммуникации. Учебно-методическое пособие. Издательство МИСИ-МГСУ, Москва. 48 с. ISBN: 978-5-7264-3281-6
2. Рэй Манас, Бисвос Чинмэй (2011). Изучение этнографии коммуникации: дискурсивный анализ модели говорения Хаймса. Журнал образования и практики. Том 2. Выпуск 6. Сс. 33–41.
3. Зимняя Ирина. (2004). Ключевые компетенции как основа результативного компетентностно-ориентированного подхода в образовании. Серия: Материалы методологического семинара «Россия в Болонском процессе: проблемы, вызовы, перспективы» / Министерство образования и науки Российской Федерации. Исследовательский центр по проблемам подготовки специалистов Московского государственного университета стали и сплавов. Сектор гуманизации обучения. 38 с.

4. Таюрская Наталья. (2015). Иноязычная коммуникативная компетенция: зарубежный и российский опыт. Гуманитарный вектор. Выпуск 1 (41).
5. Дибекулу Дэвид. (2020). Стратегическая компетенция и её влияние на преподавание языка. Журнал передовых достижений в социально-гуманитарных науках. Том 6(10). Сс. 1326–1333. DOI:10.15520/jassh.v6i10.495
6. Стебаева Светлана. (2018). Коммуникативный подход в преподавании итальянского языка как иностранного. Журнал педагогических наук Житомирского государственного университета имени Ивана Франко. Выпуск 4(95). Сс. 12–16. DOI:10.35433/pedagogy.4(95).2018.12-16
7. Бабич Желика. (2016). Исследование учебных планов по преподаванию английского языка для особых целей: некоторые размышления для дальнейших педагогических исследований. Zbornik Instituta za pedagogoska istrazivanja. Том 48, Выпуск 1. Сс. 164–179. DOI: 10.2298/ZIP11601164B
8. Абдала Махмуд М.С. (2017). К вопросу улучшения содержания и обучения TESOL/TEFL для специальных целей: экспериментальное исследование. Экспериментальные исследования в образовании. Том 25. Выпуск 3. Сс. 420–437. DOI: 10.1080/09650792.2016.1173567
9. Фуонг Фу Ва. (2018). Овладение академическим английским: необходимость плана и системы обучения. Журнал Фармацевтического общества Японии Якугаку. Том 138(4). Сс. 538–549. DOI:10.1248/yakushi.17-00117
10. Собковяк Павел. (2018). К вопросу интегрированной модели преподавания делового английского языка в высшей школе. Изучение и преподавание второго языка. Вызовы обучения на втором и иностранном языке в условиях глобализации. Сс. 117–130.
11. Чен Тцу-Хуа. (2015). Восприятие английского языка как иностранного студентами бакалавриата при применении метода перекрестного говорения. Преподавание английского языка и обучение языку. Том 39(2). Сс. 87–120. DOI:10.6330/ETL.2015.39.2.04
12. Уен Квифанг. (2016). Производственно-ориентированный подход к преподаванию английского языка студентам в Китае. Преподавание языка. Том 51. Выпуск 4. Сс. 526–540. DOI: 10.1017/S026144481600001X
13. Соколова Алла. (2019). Английский язык для научно-публикационных целей: проблемы и рекомендации студентам высших учебных заведений. Материалы X Международной научно-практической конференции «Современное языковое образование: инновации, проблемы, решения». Часть 2. Московский государственный педагогический университет. Сс. 229–236.
14. Тенг Марк Фенг. (2017). Переверни свой класс для улучшения разговорных навыков английского языка как иностранного. В книге: Дж. Меринг, А. Лейс. Инновации в «переворачивании» языкового класса. Спрингер, Сингапур. Сс. 113–122. DOI: 10.1007/978-981-10-6968-0_9
15. Рэддан Грегори, МакНалли Брентон, Чипперфилд Дженин. (2016). «Переворачивание класса в группе подготовки тренеров-бакалавров». Международный журнал спортивной науки и наставничества. Том 11. Выпуск 2. DOI: 10.1177/1747954116637497
16. Янг Венхсин. (2016). Английский язык для специальных целей против CLIL: две стороны одной медали или объединение двух противоположностей? Журнал английского языка для специальных целей в высшей школе. Том 4(1). Сс. 43–68. e-ISSN:2334-9050
17. Чанпет Пуньяпат, Чомсуван Комкрит, Мерфи Элизабет. (2020). Проектное обучение онлайн и формирующее оценивание. Технология, знания и обучение. Том 25. Сс. 685–705. DOI: 10.1007/s10758-018-9363-2
18. Заваки-Рихтер Олаф, Боцкурт Арас, Алтурки Утман, Алдрайвиш Ахмед. (2018). Что говорят исследования о MOOC – исследовательский контент-анализ. Международный обзор исследований в открытом и распределенном обучении. Том 19. Выпуск 1. Сс. 242–259. DOI: 10.19173/irrodl.v19i1.3356
19. Саитова Наталья, Лебеденко Ольга, Демидова Светлана. (2022). Коммуникативная компетенция в преподавании иностранного языка студентам. Европейские материалы социальных и поведенческих наук. Международный Форум «Свобода и ответственность в судьбоносные времена». DOI: 10.15405/epsbs.2022.03.143
19. Нетоличка Ян, Симонова Ивана. (2017). Модель CAMP и цифровая таксономия Блума, применяемая в смешанном обучении/образовании общему английскому и английскому для специальных целей. Материалы Международного симпозиума по образовательным технологиям 2017 года. Гонг-Конг. Китай. IEEE. Сс. 277–281. DOI: 10.1109/ISET.2017.68
20. Лычковская Людмила, Покровская Елена, Смирнова Олеся. (2017). Активация модели «Взаимодействие университет – работодатель» в сфере развития владения иностранных языков магистрантами». Журнал «Доклады ТУСУР». Том 20. Выпуск 3. Сс. 238–241. DOI: 10.21293/1818-0442-2017-20-3-238-241
21. Олечарчук Эдита. (2018). Ожидания изучающих английский язык для специальных целей в отношении CALL – качественная перспектива. Языковое обучение в высшем образовании. Том 8. Выпуск 1. Сс. 157–172. DOI: 10.1515/cercles-2018-0009
22. Дмитриченкова Светлана, Чаузова Вера, Малых Елена. (2017). Преподавание иностранного языка студентам информационных технологий по программе «Переводчик по профилям подготовки инженерных специальностей». Компьютерные науки Просидиа. Материалы XII-ого Международного симпозиума «Умные системы», INTELS'16, 5–7 октября 2016 года, Москва. Том 103. Сс. 577–580. DOI: 10.1016/j.procs.2017.01.067
23. Ши Йингхуй, Пенг Чанглинг, Янг Харрисон Хао, МакЛеод Джейсон. (2018). Исследование обучения на интерактивной доске с целью повышения самоэффективности и академических достижений студентов колледжа. Открытое обучение: Журнал открытого, дистанционного и онлайн обучения. Том 33. Выпуск 2. Сс. 115–130. DOI: 10.1080/02680513.2018.1454829
24. Дю Ксиангуен Цао, Ке Рун Йоджин, Ванг Ли, Дуан Ксиаоджу. (2017). Восприятие студентами начального уровня языковых трудностей в задачно-ориентированной обучающей среде в Дании. Система. Том 69. Сс. 108–120. DOI: 10.1016/j.system.2017.07.001
25. Кралова Здена, Скорвагова Ева, Тирпакова Анна, Маркечкова Дагмар. (2017). Снижение беспокойности студентов и преподавателей в отношении произношения посредством психо-социального обучения. Система. Том 65. Сс. 49–60. DOI: 10.1016/j.system.2017.01.001
26. Эль-Хмоудова Дагмар, Милкова Ева. (2016). Оценивание обучения как педагогического подхода,

позволяющего персонализировать обучения в высшей школе. Тезисы докладов в компьютерных науках. Материалы конференции «Передовые достижения в обучении с применением онлайн-технологий». Том 10013. Сс. 29–39. DOI: 10.1007/978-3-319-47440-3_4

27. Сиеглова Дагмар, Стежскалова Ленка, Кочурова-Георгиу Иоана. (2017). Оптимизация обучения языку на уровне высшего образования: анализ потребностей студентов в отношении изменений в образовательной сфере. Изучение языка в высшей школе. Том 7. Выпуск 2. Сс. 413–433. DOI: 0.1515/cercles-2017-0017

SPECIFICS OF THE CONCEPT OF FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATIVE COMPETENCE OF STUDENTS OF NON-PHILOLOGICAL UNIVERSITIES

Sokolova A.G.

National Research Moscow State University of Civil Engineering

In this article, the author presents a review of modern scientific and methodological literature on the research of foreign-language communicative competence and modern educational technologies for its formation in students of non-philological profiles. The author analyses the main components of communicative competence in the Russian and European models of its interpretation. The author shows the importance of the formation of this competence for the successful mastering of a foreign language by students of higher education institutions, active dialogue of cultures, increasing the competitiveness of future engineers and architects in the global labor market, as well as the growth of students' motivation to learn foreign languages.

Keywords: communicative competence, competence-based approach, non-linguistic universities, educational technologies, English for Specific Purposes, Foreign Language Teaching.

References

- Sokolova Alla, Soluyanovа Olga. (2023). English for Professional Communication. Educational Resource. Editing House MISI-MGSU, Moscow. 48 p. ISBN: 978-5-7264-3281-6
- Ray Manas, Biswas Chinmay (2011). A study on Ethnography of Communication: A Discourse Analysis with Hymes 'Speaking Model'. *Journal of Education and Practice*. Volume 2. Issue 6. Pp. 33–41.
- Zimnyaya Irina. (2004). Key competences as a result-target basis of competence-based approach in education. Series: Proceedings of the methodological seminar 'Russia in the Bologna process: problems, challenges, prospects' / Ministry of Education and Science of the Russian Federation. Research Centre for Problems of Specialist Training of Moscow State Institute of Steel and Alloys (Technol. Univ. of Russia). Sector of Humanization of Education). 38p.
- Tayurskaya Natalia. (2015). Foreign Language Communicative Competence: Foreign and Russian Experience. *Humanities Vector*. Issue 1(41). (In Russian)
- Dibekulu David. (2020). Strategic Competence and its implication in language teaching. *Journal of Advances in Social Science and Humanities*. Volume 6(10). Pp. 1326–1333. DOI:10.15520/jassh.v6i10.495
- Stebaieva Svetlana. (2018). Communicative Approach in Teaching Italian as a Second Foreign Language. *Zhytomyr Ivan Franko State University Journal Pedagogical Sciences*. Issue 4(95). Pp. 12–16. DOI:10.35433/pedagogy.4(95).2018.12-16
- Babić Željka. (2016). Exploring ESP syllabi: Some implications for further pedagogical considerations. *Zbornik Instituta za pedagogoska istrazivanja*. Volume 48, Issue 1. Pp. 164–179. DOI: 10.2298/ZIPI1601164B
- Abdalah Makmoud. M.S. (2017). Towards improving content and instruction of the 'TESOL/TEFL for Special Needs' course: an action research study. *Educational Action Research*. Volume 25. Issue 3. Pp. 420–437. DOI: 10.1080/09650792.2016.1173567
- Foong Foo Wah. (2018). Acquiring Science English: A Plan and System Are Needed. *Yakugaku zasshi journal of the Pharmaceutical Society of Japan*. Volume 138(4). Pp. 538–549. DOI:10.1248/yakushi.17-00117
- Sobkowiak Paweł. (2018). Toward an Integrated Model of Teaching Business English in Tertiary Education. *Second Language Learning and Teaching. Towards an Integrated Model of Teaching Business. Challenges of Second and Foreign Language Education in a Globalized World*. Pp. 117–130.
- Chen Tzu-Hua. (2015). EFL Undergraduates' Perceptions of Blended Speaking Instruction. *English Teaching and Learning*. Volume 39(2). Pp. 87–120. DOI:10.6330/ETL.2015.39.2.04
- Wen Quifang. (2016). The production-oriented approach to teaching university students English in China. *Language Teaching*. Volume 51. Issue 4. Pp. 526–540. DOI: 10.1017/S026144481600001X
- Sokolova Alla. (2019). English for Research Publication Purposes: Difficulties and Recommendations for Students of Higher Educational Institutions. Proceedings of the X International Scientific-practical Conference "Modern Language Education: Innovations, Problems, Solutions". Part 2. Moscow State Pedagogical University. Pp. 229–236.
- Teng Mark Feng. (2017). Flip Your Classroom to Improve EFL Students' Speaking Skills. In: Mehring, J., Leis, A. (eds) *Innovations in Flipping the Language Classroom*. Springer, Singapore. Pp. 113–122. DOI: 10.1007/978-981-10-6968-0_9
- Reddan Gregory, McNally Brenton, Chipperfield Janine. (2016). Flipping the Classroom in an Undergraduate Sports Coaching Course. *International Journal of Sports Science & Coaching*. Volume 11. Issue 2. DOI: 10.1177/1747954116637497
- Yang Wenhsien. (2016). ESP vs. CLIL: a Coin of Two Sides or a Continuum of Two Extremes? *Journal of English for Specific Purposes at Tertiary Level*. Volume 4(1). Pp. 43–68. e-ISSN:2334-9050
- Chanpet Punyapat, Chomsuwan Komkrit, Murphy Elizabeth. (2020). Online Project-Based Learning and Formative Assessment. *Technology, Knowledge and Learning*. Volume 25. Pp. 685–705. DOI: 10.1007/s10758-018-9363-2
- Zawaki-Richter Olaf, Bozkurt Aras, Alturki Uthman, Aldraiweesh Ahmed. (2018). What Research Says About MOOCs – An Exploratory Content Analysis. *The International Review of Research in Open and Distributed Learning*. Volume 19. Issue 1. Pp. 242–259. DOI: 10.19173/irrodl.v19i1.3356
- Saitova Natalya, Lebedenko Olga, Demidova Svetlana. (2022). Communicative Competence in Teaching a Foreign Language to Students. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. International Forum "Freedom and Responsibility in Pivotal Times". DOI: 10.15405/epsbs.2022.03.143
- Netolicka Jan, Simonova Ivana. (2017). SAMR Model and Bloom's Digital Taxonomy Applied in Blended Learning/Teaching of General English and ESP. Proceedings of 2017 International Symposium on Educational Technology (ISET). Hong Kong, China. IEEE. Pp. 277–281. DOI: 10.1109/ISET.2017.68
- Lychkovskaya Lyudmila, Pokrovskaya Elena, Smirnova Olesya. (2017). Activation Model of the «University – Employer Interaction» in the Field of Master's Students' Foreign Language Proficiency. Proceedings of TUSUR University. Volume 20. Issue 3. Pp. 238–241. DOI: 10.21293/1818-0442-2017-20-3-238-241 (In Russian)
- Olejarczuk Edita. (2018). ESP learners' beliefs about CALL – A qualitative perspective. *Language Learning in Higher Education*. Volume 8. Issue 1. Pp. 157–172. DOI: 10.1515/cercles-2018-0009
- Dmitrichenkova Svetlana, Chazova Vera, Malykh Elena. (2017). Foreign language training of IT-students with the programme "Translator in the Directions and Specialties of Engineering Faculty". *Procedia Computer Science*. Proceedings of XIIth International Symposium «Intelligent Systems», IN-TELS'16, 5–7 October 2016, Moscow. Volume 103. Pp. 577–580. DOI: 10.1016/j.procs.2017.01.067
- Shi Yinghui, Peng Changling, Yang Harrison Hao, McLeod Jason. (2018). Examining interactive whiteboard-based instruction on the academic self-efficacy, academic press and achievement of college students. *Open Learning: The Journal of Open, Distance and E-learning*. Volume 33. Issue 2. Pp. 115–130. DOI: 10.1080/02680513.2018.1454829
- Du Xiangyun Zhao, Ke Ruan Youjin, Wang Li, Duan Xiaojun. (October 2017). Beginner CFL Learners' Perceptions of Language Difficulty in a Task-Based Teaching and Learning (TBTL)

- Environment in Denmark. System. Volume 69. Pp. 108–120. DOI: 10.1016/j.system.2017.07.001
25. Kralova Zdena, Skorvagova Eva, Tirpakova Anna, Markechova Dagmar. (2017). Reducing Student Teachers' Foreign Language Pronunciation Anxiety through Psycho-Social Training. System. Volume 65. Pp. 49–60. DOI: 10.1016/j.system.2017.01.001
26. El-Hmoudova Dagmar, Milkova Eva. (2016). Assessment for Learning as a Teaching Approach Enabling Personalization of Learning on Tertiary Level. Lecture Notes in Computer Science. Proceedings of the Conference “Advances in Web-Based Learning” – ICWL 2016. Volume 10013. Pp. 29–39. DOI: 10.1007/978-3-319-47440-3_4
27. Siegllová Dagmar, Stejskalová Lenka, Kocurová-Giurgiu Ioana. (2017). Optimizing Language Instruction at the Tertiary Level: Student Needs Analysis Toward Educational Change. Language Learning in Higher Education. Volume 7. Issue 2. Pp. 413–433. DOI: 0.1515/cercles-2017-0017

Последнее сотрудничество между Китаем и Россией в рамках «Ледового Шелкового пути»

Чжан Вань,

аспирант, кафедра востоковедения, Национальный исследовательский Томский государственный университет
E-mail: doudoutang1222@sina.com

В январе 2018 года Информационное бюро Государственного совета Китайской Народной Республики выпустило белую книгу Китая по Арктике. На фоне экономической глобализации и региональной интеграции важное значение Арктического региона в области ресурсов, коммерции и торговли, судоходных путей, экологии и научных исследований также постепенно привлекает постоянное внимание соответствующих стран и регионов. Китай географически расположен близко к Арктике. Изменения окружающей среды и экологических условий в Арктическом регионе окажут непосредственное влияние на Китай. Россия является важным партнером в строительстве китайского «Ледового Шелкового пути». В данной статье рассматривается прогресс китайско-российского сотрудничества в рамках «Ледового Шелкового пути». На основе анализа результатов исследований ключевых ученых в статье описывается понятие инициативы, а также обобщается практика китайско-российского сотрудничества в области строительства инфраструктуры, энергетического сотрудничества, академических исследований и культурных обменов.

Ключевые слова: Ледовый Шелковый путь, китайско-российское сотрудничество, международное сотрудничество.

Инициатива «Ледового Шелкового пути» является расширением китайской инициативы «Пояс и путь» в Северо-Восточной Азии. Реализация этой инициативы способствует развитию сотрудничества Китая с соответствующими странами в Арктическом регионе. Китай готов взять на себя ответственность в международной деятельности, особенно связанной с арктическими делами, и внести свой вклад в поддержание стабильности в Арктическом регионе.

У Китая и России много общих интересов в арктических делах, таких как строительство инфраструктуры, использование судоходных путей и научные исследования и т.д. Сотрудничество между Китаем и Россией в рамках Ледового Шелкового пути процветает на всех уровнях правительства, предприятий, университетов и народа и достигло определенных успехов в области политики, экономики, науки и техники, а также гуманитарных наук.

Обзор исследований по теме «Ледового Шелкового пути» в Китае

Китайские ученые начали свои исследования по теме «Ледового Шелкового пути» в 2017–2018 годах, и их исследования в основном сосредоточены на следующих аспектах.

Во-первых, подходы реализации, возможности и проблемы инициативы «Ледового Шелкового пути». Например, Ван Чжимин, Чэнь Юаньхан и Цзян Иньань в работах «Возможности и проблемы строительства Китаем и Россией Ледового Шелкового пути»¹ и «Многостороннее сотрудничество Ледяного шелковому пути: возможности, проблемы и пути развития»², соответственно, объясняют смысл Ледового Шелкового пути, выдвигают ограничения и возможности многостороннего сотрудничества в начале его реализации и указывают на проблемы, стоящие на пути реализации Ледового Шелкового пути. В своей статье «Предпосылки, ограничения и возможные пути строительства Ледового Шелкового пути»³ Чжао Лон объясняет стратегическое значение Ледового Шелкового пути для России и Китая и рассматривает возможные пути реализации инициативы, такие как академические обмены и расширение сотрудничества между двумя сторонами на арктической территории. В статье «Научный смысл, внутренняя логика и пути реализации инициативы «Ледового Шелкового пути»»⁴ ученые Лю Гуандун и Юй Тао описывают развитие инициативы

¹ Ван Чжимин, Чэнь Юаньхан. Возможности и проблемы строительства Китаем и Россией Шелкового пути по льду // Форум Северо-Восточной Азии. № 22018. с. 17–33.

² Цзян Иньань. Многостороннее сотрудничество Ледяного шелковому пути: возможности, проблемы и пути развития // Тихоокеанский журнал. том 82019. с. 67–77.

³ Чжао Лон. Предпосылки, ограничения и возможные пути строительства Шелкового пути по льду // Российские исследования Восточной Европы и Центральной Азии. № 22018. с. 106–120.

⁴ Лю Гуандун, Юй Тао. Научный смысл, внутренняя логика и путь реализации инициативы «Ледовый Шелковый путь» // Исследования Северо-Восточной Азии. № 22021. с. 5–16.

«Ледового Шелкового пути» с момента ее зарождения и высказывают свое мнение о том, как лучше реализовать инициативу в практическом сотрудничестве между Россией и Китаем.

Во-вторых, исследование о сотрудничестве между Северо-Восточным районом Китая и Дальним Востоком России. Чжан Жун и Лю Чан полагают, что инициатива «Ледового Шелкового пути» является признаком того, что Китай вновь делает акцент на торговле в северо-восточной части страны¹. Гао Ливэй объясняет маршрут «Ледяного шелкового пути», исследует значение «Ледяного шелкового пути» для развития морской экономики и расширения открытости провинции Цзилинь, Китай, и указывает преимущества и минусы провинции Цзилинь в процессе реализации «Ледяного шелкового пути»².

В-третьих, исследования о конкретных проектах сотрудничества. Ученые Чжан Тинтин и Чэнь Сяочэнь взяли в качестве объекта исследования совместное китайско-российское строительство порта и предложили решения проблем, связанных со строительством порта³. Ученые Ван Пэй и Лю Лю провели исследование о инвестиционном режиме стран вдоль Ледового шелкового пути⁴. В 2021 году Ли Чжэньфу и др. разделили исследования ученых по Северному морскому пути на начальный этап (2007–2012), этап развития (2012–2017) и этап зрелости (2017–настоящее время)⁵.

В последние годы, по мере того как все больше провинций Китая и других стран Северо-Восточной Азии постепенно участвуют в реализации «Ледового Шелкового пути», количество исследований, посвященных этим провинциям и регионам, постепенно увеличивается. Среди них можно выделить такие статьи, как «Региональные преимущества участия Шаньдуна в строительстве Ледового шелкового пути»⁶, «Преимущества, значение и подходы участия района Большого залива в совместном китайско-российском строительстве Ледового шелкового пути»⁷ и «Сотрудничество Китая, Японии и Южной Кореи и строительство Ледового шелкового пути: возможности, вызовы и подходы»⁸.

¹ Чжан Жун, Лю Чан. Исследование перехода промышленности в Северо-Восточном Китае на фоне «Ледовый Шелковый путь» – на основе перспективы моделирования экономической географии // Журнал Харбинского коммерческого университета (Журналы по темам общественных наук). № 5 2020. с. 86–96.

² Гао Ливэй. Преимущества, вызовы и стратегии провинции Цзилинь в стыковке с «Ледовый Шелковый путь» // Экономические исследования Северо-Восточной Азии. № 5 2020. с. 17–30.

³ Чжан Тинтин, Чэнь Сяочэнь. Исследование ключевого порта «Ледовый Шелковый путь», построенного Китаем и Россией // Современный мир. № 3 2018. с. 60–65.

⁴ Ван Пэй, Лю Лю. Анализ правовых рисков доступа к инвестициям в странах вдоль «Ледовый Шелковый путь» // Северная экономика и торговля. № 12 2018. с. 9–11.

⁵ Ли Чжэньфу, Хань Чуньмэй, Лян Шаньшань, Чэнь Сяо. Академическая эволюция арктического пути к «Шелковому пути по льду» // Журнал Пекинского университета Цзяотун (Журналы по темам общественных наук). № 4 2021. с. 78–89.

⁶ Ван Сяовэй. Региональные преимущества участия Шаньдуна в строительстве Ледового шелкового пути // Шаньдун государственные активы. № 4 2024. с. 106–109.

⁷ Чжу Янь, Ван Шучунь. Преимущества, значение и подходы участия района Большого залива в совместном китайско-российском строительстве Ледового шелкового пути // Евразийская экономика. № 4 2023.

⁸ Гао Фэй, Ван Чжибинь. Сотрудничество Китая, Японии и Южной Кореи и строительство Ледового шелкового пути: возможности, вызовы и подходы // Экономические исследования Северо-Восточной Азии. № 1 2022. с. 41–55.

В целом с 2018 года китайские ученые проводят более глубокое исследование «Ледового Шелкового пути», охватывающие ряд ключевых областей – от стратегического значения инициативы до конкретных проектов сотрудничества, а также преимуществ и проблем участия в различных регионах. Эти исследования не только расширяют наше представление об Арктике и ее влиянии на мировую экономику, но и оказывают важную теоретическую и практическую поддержку и для реализации инициативы.

Различия в интерпретации инициативы «Ледового Шелкового пути» между Китаем и Россией

Маршрут Ледового Шелкового пути, предложенный Китаем, берет начало в Китае, осваивает ресурсы через арктический маршрут и развивает экономическое, политическое и культурное сотрудничество со странами и районами вдоль маршрута⁹. Россия расположена в Арктическом регионе, поэтому маршрут Ледяного шелкового пути, предложенный Россией, в основном сосредоточен на водах Северного Ледовитого океана вблизи ее собственной страны, причем западной отправной точкой маршрута является остров Новая Земля в России, а восточная часть маршрута проходит вокруг Берингова пролива.

Различия в интерпретации маршрута Ледового шелкового пути между Китаем и Россией отражают стратегические приоритеты Китая и России в Арктическом районе. Напротив, Ледового Шелкового пути, с точки зрения России, в большей степени ориентирован на использование стратегических преимуществ и ресурсов Северного Ледовитого океана для обеспечения национальной безопасности и суверенитета¹⁰.

Будучи важными странами, вовлеченными в арктические дела, Китай и Россия также имеют определенные различия в постановке целей строительства Ледового Шелкового пути.

Китай рассматривает Ледяной шелковый путь как важную часть «Один пояс, один путь». С экономической точки зрения строительство Ледового шелкового пути укрепляет экономические преимущества прибрежных городов в восточном регионе Китая и предоставляет возможности для экономического развития некоторых портов на территории Северо-восточного Китая. Кроме того, поскольку арктический регион богат нефтегазовыми ресурсами и полезными ископаемыми, Китай надеется, что, способствуя реализации инициативы «Ледового Шелкового пути», он ослабит давление в нехватке нефтегазовых ресурсов. С политической и дипломатической точки зрения Китай хочет расширить взаимодействие со странами, расположенными вдоль «Ледяного шелкового пути», путем более активного участия в арктических делах.

В отличие от всеобъемлющего стратегического плана Китая, Россия сосредоточена на своих экономических интересах и уникальном геополитическом положении в Арктическом регионе. Россия расположена в Арктике. Арктический континентальный шельф России содержит большое количество нефти, газа, полезных ископаемых и рыбных ресурсов. Арктический регион не только помогает России получать прямые финансовые доходы от ре-

⁹ Цзян Иньань. Многостороннее сотрудничество Ледяного шелкового пути: возможности, проблемы и пути развития // Тихоокеанский журнал. том 8 2019. с. 67–77.

¹⁰ Кирилл Струговщиков. Российское восприятие и политика в отношении инициативы «Ледовый Шелковый путь» // Магистерская диссертация. Ляонинский университет. 2022.

сурсов, но и затрагивает вопросы национальной безопасности, территориальной и суверенной целостности России¹.

Последнее сотрудничество между Китаем и Россией в рамках Ледового Шелкового пути

Сотрудничество в области инфраструктуры

Благодаря проекту «Ямал СПГ» и «Арктик СПГ2» Китай и Россия добились значительного прогресса в сотрудничестве в экстремальных климатических условиях.

Преодолев суровый арктический климат, китайские компании сыграли важную роль в проектировании и строительстве проекта. Чтобы справиться с влиянием экстремально низких температур на работу оборудования, китайская техническая команда разработала буровые установки, специально адаптированные к арктическим условиям, которые были введены в эксплуатацию для значительного повышения эффективности строительства и обеспечения бесперебойного хода реализации проекта. Первая производственная линия проекта «Арктик СПГ-2» завершила путь на полуостров Гедда и ввела в эксплуатацию, что получило стремительное развитие в строительстве инфраструктуры проекта в сложных условиях².

Кроме того, Китай и Россия интенсивно сотрудничают в строительстве портовой инфраструктуры вдоль арктических маршрутов. Китайские инвестиции используются не только для повышения пропускной способности портовых сооружений, но и для поддержки разведки и разработки энергоресурсов. Укрепляя грузоперерабатывающие мощности портов и строя вспомогательные объекты, Китай и Россия совместно способствуют устойчивому развитию Северных морских путей. Эти разработки инфраструктуры не только увеличивают пропускную способность Северных морских путей, но и способствуют росту экономики региона.

Китайско-российское сотрудничество в рамках инициативы «Ледовый Шелковый путь» не только укрепляет экономические связи между двумя странами, но и закладывает прочный фундамент для дальнейшего сотрудничества в регионе.

Сотрудничество в области энергетики

Китай и Россия имеют долгую историю сотрудничества в энергетическом секторе. Сотрудничество между Китаем и Россией в области разработки нефти и газа в Арктике позволяет двум сторонам перенять передовой опыт друг друга.

В настоящее время завершается и вводится в эксплуатацию ряд крупных проектов сотрудничества между Китаем и Россией. Нефтепровод для транспортировки сырой нефти официально был запущен в 2016 году, что является одним из важных практических достижений российско-китайской инициативы «Ледовый Шелковый путь». Нефтепровод напрямую способствует развитию торговли энергоресурсами Китая и России.

В области природного газа масштабный проект мирового уровня «Ямал СПГ», включающий разведку, разработку, сжижение, транспортировку и сбыт, является совместным предприятием Китая и России. Проект занимает важное место в инициативе «Ледовый Шелковый

путь». Согласно данным, извлекаемые запасы проекта составляют 1,3 триллиона кубометров природного газа и 60 миллионов тонн конденсата. Ежегодно Китай будет получать не менее 4 миллионов тонн СПГ³.

Благодаря сотрудничеству в области разработки нефти и газа в Арктике две страны не только обмениваются передовыми технологиями, но и углубляют стратегическое партнерство. В последние годы один за другим были завершены крупные проекты стратегического сотрудничества. Эти проекты не только значительно повысили совместимость торговли энергоресурсами между обеими странами, но и придали мощный импульс конкурентоспособности обеих сторон на мировом энергетическом рынке.

Сотрудничество в области исследований

Исследование Арктического региона является приоритетным направлением совместных российско-китайских научных исследований. Благодаря продвижению инициативы «Ледовый Шелковый путь» сотрудничество в области исследований между Китаем и Россией также достигли значительного прогресса.

В феврале 2020 года более 80 экспертов и ученых из Китая и России приняли участие в первом Чанбайшаньском форуме «Ледовый Шелковый путь», организованном совместно Цзилиньской академией общественных наук и другими организациями. Эксперты и ученые провели углубленные дискуссии по вопросам регионального сотрудничества в Северо-Восточной Азии, промышленной трансформации и модернизации в условиях новой модели развития⁴. Достижения форума знаменует собой новую веху в совместных китайско-российских исследованиях в арктическом регионе, предоставляя ценную информацию для будущих научных исследований и выработки политики между двумя странами в рамках Ледового Шелкового пути.

В мае 2023 года исследовательская группа китайского ученого Гун Сюня получила первую премию Китайской премии в области океанических наук и технологий 2022 года за результаты исследований, полученные в ходе совместной экспедиции с российскими учеными. Исследовательская группа изучила климат вдоль Ледяного шелкового пути и выявила экологическую эволюцию в Арктической зоне⁵. Результаты этих исследований поддерживают развитие науки ледовых каналов.

Сотрудничество между Китаем и Россией в области научных исследований в Арктическом регионе углубляет понимание Арктики, создает научную основу для будущего устойчивого развития вдоль Ледового шелкового пути и вносит позитивный вклад в глобальное реагирование на изменение климата и защиту окружающей среды.

Сотрудничество в области культурных обменов

В рамках инициативы «Ледовый Шелковый путь» Россия и Китай добились значительного прогресса в сотрудничестве в области культурных обменов, в основном в следующих двух областях.

Во-первых, культурные обмены между университетами. В мае 2024 года при поддержке Китайской национальной нефтегазовой корпорации Северо-восточный нефтяной университет сотрудничал с Амурским государственным университетом и Благовещенским государственным педагогическим университетом России для

¹ Бай Цзяюй, Ван Линьсян, Ли Юйда. Экономическое и социальное развитие в российской Арктике и новые возможности для китайско-российского сотрудничества в Арктике // Обзор Восточной Азии. 2020(2):29.

² 在北极圈感受“冰上丝绸之路”建设热度_新闻中心_中国网 (china.com.cn)

³ 首船15.9万立方米亚马尔LNG入港 系中俄能源合作重大项目——国家能源局 (nea.gov.cn)

⁴ 首届长白山冰上丝绸之路论坛举行 (jlass.org.cn)

⁵ NCI我室官勋教授研究团队“古今结合”探索海洋与全球变暖新进展-中国地质大学生物地质与环境地质国家重点实验室 (cug.edu.cn)

проведения мероприятий по культурному обмену между университетами. Китайские и российские студенты не только получили теоретические знания о нефтяной промышленности, но и познакомились с ремеслами китайского нематериального культурного наследия, и это взаимодействие укрепило понимание и знакомство студентов с культурой друг друга¹.

Во-вторых, культурные обмены между народами. В рамках инициативы был достигнут значительный прогресс в культурных обменах между народами Китая и России. В последние годы город Хэйхэ в Китае продолжает принимать у себя Дальневосточную китайско-российскую неделю молодежных художественных обменов, которая в 2024 году прошла в четырнадцатый раз. Являясь важным городом китайского «Ледовый Шелковый путь», Хэйхэ предоставляет китайской и российской молодежи ценную платформу для развития культурных обменов и взаимопонимания между молодыми людьми двух стран².

Вышеперечисленные мероприятия укрепляют стратегическое партнерство между Россией и Китаем в энергетическом секторе, способствуют культурным обменам и подготовке талантливых специалистов между двумя странами, а также демонстрируют углубление дружбы и взаимного доверия между Россией и Китаем в области междисциплинарного сотрудничества.

Заключение

Инициатива «Ледовый Шелковый путь» показала замечательные результаты в развитии экономических, научных и культурных обменов между Китаем и Россией, а также предоставила новые возможности для стабильности и развития Северо-Восточной Азии. Благодаря развитию арктических судоходных путей Китай и Россия не только удовлетворили спрос на энергетики и полезные ископаемые для экономического развития, но и эффективно сократили маршруты транспортировки товаров и нефти, а также увеличили разнообразие морской торговли.

Однако, на пути реализации инициативы все еще существуют проблемы. К ним относятся споры между арктическими странами за морские территории, отсутствие инфраструктуры, недостаточный спрос на грузовые перевозки и хрупкость арктической экосистемы. Данные факторы могут повлиять на краткосрочную экономическую ценность и долгосрочное развитие «Ледовый Шелковый путь».

В будущем, чтобы более полно оценить влияние инициативы «Ледяной шелковый путь» на российско-китайские двусторонние отношения и глобальную геополитику, нам необходимо углубить исследования и обогатить тематический анализ. Накапливая и оптимизируя опыт, мы сможем получить более четкое представление о потенциале и проблемах инициативы в развитии международного сотрудничества и глобальной экологической защиты.

Литература

1. Бай Цзяюй, Ван Линьсян, Ли Юйда. Экономическое и социальное развитие в российской Арктике и новые возможности для китайско-российского сотрудничества в Арктике // Обзор Восточной Азии. 2020(2):29.

¹ 30年! 油气合作+民心相通=冰上丝绸之路_手机新浪网 (sina.cn)

² 2024年黑龙江省中俄青少年文化交流嘉年华系列活动启动|黑龙江省委_网易订阅 (163.com)

2. Ван Пэй, Лю Лю. Анализ правовых рисков доступа к инвестициям в странах вдоль «Ледовый Шелковый путь» // Северная экономика и торговля. № 122018. с. 9–11.
3. Ван Сяовэй. Региональные преимущества участия Шаньдун в строительстве Ледового шелкового пути // Шаньдун государственных активов. № 42024. с. 106–109.
4. Ван Чжимин, Чэнь Юаньхан. Возможности и проблемы строительства Китаем и Россией Ледового Шелкового пути // Форум Северо-Восточной Азии. № 22018. с. 17–33.
5. Гао Ливэй. Преимущества, вызовы и стратегии провинции Цзилинь в стыковке с «Ледовый Шелковый путь» // Экономические исследования Северо-Восточной Азии. № 52020. с. 17–30.
6. Гао Фэй, Ван Чжибинь. Сотрудничество Китая, Японии и Южной Кореи и строительство Ледового шелкового пути: возможности, вызовы и подходы // Экономические исследования Северо-Восточной Азии. № 12022. с. 41–55.
7. Кирилл Струговщиков. Российское восприятие и политика в отношении инициативы «Ледовый Шелковый путь» // Магистерская диссертация. Ляонинский университет. 2022.
8. Ли Чжэньфу, Хань Чуньмэй, Лян Шаньшань, Чэнь Сяо. Академическая эволюция арктического пути к «Ледовому Шелковому пути» // Журнал Пекинского университета Цзяотун (Журналы по темам общественных наук). № 42021. с. 78–89.
9. Лю Гуандун, Юй Тао. Научный смысл, внутренняя логика и путь реализации инициативы «Ледовый Шелковый путь» // Исследования Северо-Восточной Азии. № 22021. с. 5–16.
10. Цзян Иньянь. Многостороннее сотрудничество Ледового шелкового пути: возможности, проблемы и пути развития // Тихоокеанский журнал. том 82019. с. 67–77.
11. Чжан Жун, Лю Чан. Исследование перехода промышленности в Северо-Восточном Китае на фоне «Ледовый Шелковый путь» – на основе перспективы моделирования экономической географии // Журнал Харбинского коммерческого университета (Журналы по темам общественных наук). № 52020. с. 86–96.
12. Чжан Тинтин, Чэнь Сяочэнь. Исследование ключевого порта «Ледовый Шелковый путь», построенного Китаем и Россией // Современный мир. № 32018. с. 60–65.
13. Чжао Лон. Предпосылки, ограничения и возможные пути строительства Ледового Шелкового пути // Российские исследования Восточной Европы и Центральной Азии. № 22018. с. 106–120.
14. Чжу Янь, Ван Шучунь. Преимущества, значение и подходы участия района Большого залива в совместном китайско-российском строительстве Ледового шелкового пути // Евразийская экономика. № 42023.
15. 在北极圈感受“冰上丝绸之路”建设热度_新闻中心_中国网 (china.com.cn)
16. 首船15.9万立方米亚马尔LNG入港 系中俄能源合作重大项目—国家能源局 (nea.gov.cn)
17. 首届长白山冰上丝绸之路论坛举行 (jlass.org.cn)
18. NCI我室宫勋教授研究团队“古今结合”探索海洋与全球变暖新进展-中国地质大学生物地质与环境地质国家重点实验室 (cug.edu.cn)
19. 30年! 油气合作+民心相通=冰上丝绸之路_手机新浪网 (sina.cn)

20. 2024年黑龙江省中俄青少年文化交流嘉年华系列活动启动!黑龙江省委_网易订阅 (163.com)

LATEST CHINA-RUSSIA COOPERATION ON THE ICE SILK ROAD

Zhang Wanyi

National Research Tomsk State University

In January 2018, the State Council Information Office of the People's Republic of China issued China's Arctic White Paper. Against the backdrop of economic globalization and regional integration, the importance of the Arctic region in resources, commerce and trade, shipping routes, ecology and scientific research has also gradually attracted the constant attention of relevant countries and regions. China is geographically close to the Arctic. The changes in the environment and ecological conditions in the Arctic region will have a direct impact on China. Russia is an important partner in the construction of China's «Ice Silk Road». This article reviews the progress of China-Russia cooperation on the «Ice Silk Road». Based on the analysis of key scholars' research results, the article introduces the concept of the initiative, and summarizes the practice of China-Russia cooperation in infrastructure construction, energy cooperation, academic research and cultural exchanges.

Keywords: Ice Silk Road, China-Russia cooperation, international cooperation.

References

1. Bai Jiayu, Wang Linxiang, Li Yuda. Economic and Social Development in the Russian Arctic and New Opportunities for Sino-Russian Arctic Cooperation // *East Asia Review*. 2020(2):29.
2. Wang Pei, Liu Liu. Analysis of Legal Risks of Access to Investments in Countries Along the Ice Silk Road // *Northern Economy and Trade*. No. 122018. pp. 9–11.
3. Wang Xiaowei. Regional Benefits of Shandong's Participation in the Construction of the Ice Silk Road // *Shandong State-Owned Assets*. No. 42024. pp. 106–109.
4. Wang Zhiming, Chen Yuanhang. Opportunities and Challenges of China and Russia's Construction of the Ice Silk Road // *Northeast Asia Forum*. No. 22018. pp. 17–33.
5. Gao Liwei. Advantages, Challenges, and Strategies of Jilin Province in Connecting with the Ice Silk Road // *Economic Studies of Northeast Asia*. No. 52020. p.17–30.
6. Gao Fei, Wang Zhibin. Cooperation between China, Japan and South Korea and the Construction of the Ice Silk Road: Opportunities, Challenges, and Approaches // *Economic Studies of Northeast Asia*. No. 12022. p.41–55.
7. Kirill Strugovshchikov. Russian Perception and Policy towards the Ice Silk Road Initiative // *Master's Thesis*. Liaoning University. 2022.
8. Li Zhenfu, Han Chunmei, Liang Shanshan, Chen Xiao. Academic evolution of the Arctic route to the «Ice Silk Road» // *Journal of Beijing Jiaotong University (Social Science Journals)*. No. 42021. pp. 78–89.
9. Liu Guangdong, Yu Tao. Scientific meaning, internal logic and implementation path of the «Ice Silk Road» initiative // *Northeast Asian Studies*. No. 22021. pp. 5–16.
10. Jiang Yin'an. Multilateral cooperation along the Ice Silk Road: Opportunities, Problems and Development Paths // *Pacific Journal*. vol. 82019. pp. 67–77.
11. Zhang Rong, Liu Chang. Research on industrial transition in Northeast China against the background of the «Ice Silk Road» – based on the perspective of economic geography modeling // *Journal of Harbin Commercial University (Social Science Journals)*. № 52020. p.86–96.
12. Zhang Tingting, Chen Xiaochen. Study of the key port of the «Ice Silk Road» built by China and Russia // *Sovremenny mir*. № 32018. p.60–65.
13. Zhao Long. Prerequisites, limitations and possible ways of building the Ice Silk Road // *Russian studies of Eastern Europe and Central Asia*. № 22018. p.106–120.
14. Zhu Yan, Wang Shuchun. Advantages, significance and approaches to the participation of the Greater Bay Area in the joint Chinese-Russian construction of the Ice Silk Road // *Eurasian economy*. No. 42023.
15. Feel the heat of the construction of the «Ice Silk Road» in the Arctic Circle_News Center_China.com (china.com.cn)
16. The first ship of 159,000 cubic meters of Yamal LNG arrived at the port, which is a major project of China-Russia energy cooperation—National Energy Administration (nea.gov.cn)
17. The first Changbai Mountain Ice Silk Road Forum was held (jlass.org.cn)
18. NCIProfessor Gong Xun's research team in our department «combines the past and the present» to explore new progress in ocean and global warming-State Key Laboratory of Biogeology and Environmental Geology, China University of Geosciences (cug.edu.cn)
19. 30 years! Oil and gas cooperation + people-to-people exchanges = Ice Silk Road_Mobile Sina (sina.cn)
20. The 2024 Heilongjiang Province China-Russia Youth Cultural Exchange Carnival Series of Activities Launched!Heilongjiang Provincial Party Committee_NetEase Subscription (163.com)

Отечественная социология профессий: основные представители

Кравченко Альберт Иванович,

доктор социологических наук, профессор, заместитель
главного редактора журнала «Социология»
E-mail: kravchenkoai@mail.ru

В статье дан анализ основных представителей социологии профессий в России. Отечественную традицию социологии профессий заложили в начале XX в. работы Г.С. Полляка, Г.Г. Швиттау и С.Г. Струмилина, а затем она продолжалась благодаря усилиям В. Подмаркова, В. Шубкина, О. Шкаратана, М. Титмы, М. Тальюнайте, Г. Чередниченко, Л. Оссовского, И. Сиземской, В. Ядова. В последнее десятилетие появились новые исследования, принадлежащие Т. Александровой, В. Верховину, Э. Вильховченко, Г. Зборовскому, Л. Зубковой, Ю. Климову, Г. Кораблевой, О. Крыштановской, З. Куприяновой, И. Моделю, Л. Рубиной, Е. Хибовской и др.

Ключевые слова: профессия, труд, работа, призвание, социология.

Профессиональную стратификацию и воздействие профессии на развитие личности мы обнаруживаем также в трудах П. Сорокина [1]. Его определение профессии в «Системе социологии» близко к веберовскому и отражает, по-видимому, принятые в начале века научные представления о сути профессии как продолжительном занятии индивида, дающем ему средства к существованию [2]. Источник дохода и социальная функция индивида связаны друг с другом и образуют в совокупности профессию.

В главе «Профессиональная стратификация» [3] профессия трактуется П. Сорокиным в расширительном понимании – как любой вид занятий или деятельности, независимо в какой сфере народного хозяйства – промышленности, здравоохранении, торговле, добывающих отраслях или аграрном секторе – она осуществляется. Поскольку речь идет о разновидности социальной стратификации – наряду с политической и экономической стратификацией, – профессиональная стратификация должна и в действительности охватывает все занятое взрослое население каждой страны: «Возьмем ли мы область сельского хозяйства или промышленности, торговли или управления или любые другие профессии, занятые в этих сферах люди стратифицированы на многие ранги и уровни: от верхних рангов, которые осуществляют контроль, до нижних, которыми контролируют и которые по иерархии подчинены своим «боссам», «директорам», «авторитетам», «суперинтендантам», «менеджерам», «шефам» и т.п.» [3].

Профессиональная стратификация, т.е. ранжирование профессий, проявляет себя в двух формах – внутри одной профессии и между профессиями в масштабах всей экономики. В Индии межпрофессиональная стратификация выражается в существовании расположенных иерархически четырех каст – брахманы, кшатрии, вайшьи, шудры; в Древнем Риме – в виде восьми гильдий, установленных в царский период (Нумой Помпилием и Сервием Туллием); в средневековой Франции и Англии – в виде ремесленно-торговых гильдий.

Для возникновения и поддержания профессиональной стратификации, согласно П. Сорокину, необходимы два условия – своего рода всемирно-исторических константы человеческого общества: 1) важность занятия (профессии) для выживания и функционирования группы в целом, 2) уровень интеллекта, необходимый для успешного выполнения профессиональных обязанностей. К социально значимым профессиям он относит те, что связаны с функциями организации и контроля в своей группе, сообществе или в обществе в целом, например, военачальники или государственные чиновники. Чем выше место они занимают в иерархии, тем больше власти и привилегий своей профессиональной группе обеспечивают. Но чем выше занимаемое место, чем больше требуется знаний и интеллекта для выполнения возложенных на людей задач. Таким образом, два указанных выше условия «оказываются тесно взаимосвязанными: выполнение функций организации и контроля требует высокого уровня интеллекта, а высокий уровень интеллекта проявляется в достижениях (прямо или косвенно), связанных с организацией и контролем группы» [3].

Поскольку два условия выполняют роль универсальных констант, они действуют во все исторические эпохи. Согласно им, «профессиональные группы неквалифицированных рабочих всегда находились внизу профессиональной пирамиды. Они были слугами и крепостными в прошлом. Они являлись самыми низкооплачиваемыми работниками, у них меньше всего прав и самый низкий уровень жизни, самая низкая функция контроля в обществе». Вместе с тем, в силу все тех же констант, «группы работников физического труда всегда были менее оплачиваемыми, менее привилегированными, менее влиятельными и менее ценными, чем группы работников умственного труда. Этот факт, в частности, проявляется в общем стремлении масс физического труда к интеллектуальным профессиям, в то время как противоположное направление редко является результатом свободного выбора, а почти всегда определяется неприятной необходимостью» [3].

В подтверждение своих выводов П. Сорокин ссылается две модели, получившие распространение в то время, а именно иерархическую классификацию Ф. Тоусига [4] и шкалу профессионального статуса Ф. Барра. Первая представляет собою профессиональную пирамиду, на вершине которой размещаются высокопоставленные чиновники и крупные бизнесмены, ниже стоит класс «полупрофессионалов» из мелких бизнесменов и служащих, вслед за которым находится класс «квалифицированного труда»; далее идет класс «полуквалифицированного труда»; и, наконец, класс «неквалифицированного труда». С некоторыми модификациями в названиях иерархических рангов профессиональные классы Ф. Тоусига сохранились и сегодня, например, в типологии высоко-, мало- и неквалифицированного труда или профессионалов, полу- и непрофессионалов.

Ф. Барр составил список из 121 профессии (occupations) и каждую из них подробнейшим образом охарактеризовал. Затем построил 20-пунктовую шкалу измерения по шкале от 0 до 100 баллов, а критерием оценки избрал уровень интеллекта, который требовался на данном рабочем месте. Таким образом, шкала Ф. Барра представляет собой таблицу «индексов интеллекта», варьирующих от 0 до 100 (см. табл. 1).

Анализируя шкалу Бара, Сорокин приходит к выводу, что указывает на три переменные – характер труда (ручной или интеллектуальный), уровень интеллекта, необходимый для выполнения профессиональных обязанностей и связь с функциями социальной организации и контроля, – которые параллельны и взаимосвязаны [3]. Чем выше уровень интеллектуальности труда, тем выше доход индивида, и наоборот.

Хотя П. Сорокин оговаривается, что из общей схемы возможны исключения, конкретных доказательств он не приводит. Их можно позаимствовать из современного состояния России. По некоторым данным, в 1996 г. уровень заработной платы научных кадров составлял 60,9% от оплаты труда в строительстве, 73,1% – от оплаты труда в промышленности и 81,9% – по экономике в целом. А вот цифры почти столетней давности (за 1909 г.): профессор университета получал 3 тыс. руб., делопроизводитель, не всегда имевший высшее образование, получал порядка 5 тыс. руб. в год, вице-директор – 7–8 тыс., директор – 10–12 тыс., а начальник железной дороги – 15–18 тыс. [5]. Иными словами, закономерность Сорокина о том, что чем выше уровень интеллектуальности труда, тем выше доход индивида, во многих случаях не соблюдается [6].

Высокоинтеллектуальные профессии, утверждает П. Сорокин, обладают самым высоким престижем и представляют аристократию общества. Лидеры, во-

жди, врачеватели, священники, старейшины (они составляли наиболее привилегированную и влиятельную группу в дописьменных обществах). Они же, как правило, были самыми умными и опытными людьми внутри группы. В разные исторические эпохи самыми привилегированными были занятия, связанные со жречеством, военным руководством, управленческой и экономической организацией и социальным контролем. Поскольку от успешного ведения войны зависело выживание общества, то не удивительно, что военачальники везде занимают привилегированные позиции. На поздних стадиях развития почетом пользовались аристократические и интеллектуальные «профессии». «Король или президент республики, дворянство или высокопоставленные лица республики, римский папа, средневековое духовенство или современные схоласты, ученые, политики, изобретатели, преподаватели, проповедники, учителя и администраторы, древние или современные организаторы сельского хозяйства, промышленности, торговли – все эти профессиональные группы находились на верху межпрофессиональной стратификации как прошлых, так и настоящих обществ» [3].

Таблица 1. Индексы интеллекта различных профессий (по Ф. Барру)

Индексы интеллекта	Профессия
от 0 до 4,29	Случайная работа, странствующие рабочие, собирание отбросов, ремонтники, по-дневные занятия, простой крестьянский труд, работа в прачечной и т.п.
от 5,41 до 6,93	Водитель, разносчик, сапожник, парикмахер и т.п.
от 7,05 до 10,83	Ремонтник широкого профиля, повар, фермер, полицейский, строитель, почтальон, каменщик, водопроводчик, ковровых дел мастер, гончар, потной, телеграфист, молочник, линотипист и т.п.
от 10,86 до 16,28	Детектив, клерк, служащий транспортной компании, прораб, стенографистка, библиотечарь, медсестра, редактор, учитель в средней школе, фармацевт, преподаватель вуза, проповедник, инженер, артист, архитектор и т.п.
от 16,58 до 17,50	Оптовый торговец, инженер-консультант, администратор системы образования, врач, журналист, издатель и т.п.
от 17,81 до 20,71	Профессор университета, крупный делец, великий музыкант, общенациональные официальные лица, выдающийся писатель, видный исследователь, талантливый инноватор и т.п.

Представителей касты брахманов, средневековое духовенство, ученых и интеллектуалов, выдающихся государственных деятелей, просветителей, писателей П. Сорокин называет «профессионалами» – своего рода золотым фондом нации, ее наукоемким потенциалом.

Внутрипрофессиональная стратификация проявляется в двух формах: 1) в рамках одной и той же профессиональной группы, например, среди брахманов (ранги учеников, домовладельцев, гуру, отшельников и других подчиненных друг другу категорий), в римских профессиональных ассоциациях (подмастерья, рядовые члены и магистры), в средневековых гильдиях (мэтры, ученики и подмастерья); 2) в рамках одной организации или учреждения (собственники предприятия, служащие выс-

шей категории, наёмные рабочие). Тремя важнейшими параметрами профессиональной стратификации являются высота, этажность и профиль. Согласно П. Сорокину, высота профессиональной стратификации увеличивается или сокращается; внутренняя градация профессиональной стратификации, т.е. ее «этажность», измеряется числом рангов в иерархии; профиль профессиональной стратификации соответствует соотношению числа людей в каждой профессиональной подгруппе ко всем членам профессиональной группы или к количеству людей в других профессиональных группах.

Профиль профессиональной стратификации колеблется от учреждения к учреждению, от группы к группе, от города к стране (пространственные изменения). В качестве доказательства П. Сорокин приводит исторические сведения по Германии (см. табл. 2).

Таблица 2. Процент профессиональных страт в профессиональной структуре населения, Германия, 1895 г. [3]

Профессиональные страты	Сельское хозяйство	Индустрия	Торговля и транспорт	Профессионалы и служащие
Свободные предприниматели, независимые	31.1	24.9	36.1	54.4
Высшие специалисты	1.2	3.2	11.2	24.7
Наемные работники	67.7	71.9	52.7	20.9
Всего:	100	100	100	100

Как правило, интеллектуальные профессии считались более высокими и престижными, чем профессии, связанные с физическим трудом. По этой причине изменение в соотношении и в относительной значимости этих двух основных профессиональных классов Сорокин предлагает рассматривать как флуктуацию профиля профессиональной стратификации в целом. Эмпирические данные конца XIX – начала XX вв. показывают, что в большинстве европейских стран происходил процесс увеличения интеллектуального труда за счет физического. В период с 1895 по 1907 год, или с 1900 по 1910 г., или с 1901 по 1911 г., в зависимости от анализируемой страны, группы профессионалов и должностных лиц увеличились: в Германии с 3,6% до 3,9% от объема всего занятого населения, в Австрии – от 2,9% до 3,5%, в Италии – от 4,0% до 4,2%, во Франции – от 5,0% до 5,9%, в Нидерландах – от 5,4% до 7,2%, в Дании – от 3,8% до 4,4%, в Швеции – от 2,9% до 3,5%; только в Англии и в Финляндии не наблюдается никакого увеличения. В России же в первой половине XX в. наблюдалась противоположная тенденция – вытеснение умственного труда физическим [3]. В целом по большинству стран в XX в. отмечаются неупорядоченные флуктуации в пропорциях умственного и физического труда. С одной стороны, развитие промышленности и технологий не приводит к уничтожению ручного, физического труда, с другой – не наблюдается также уничтожение или сокращение класса интеллектуальных работников.

До революции 1917 г. теоретико-методологическим анализом профессий активнее других занимались в России Г.Г. Швиттау, К.Г. Воблый, С.И. Солнцев и Г.С. Полляк. Проблема организации труда и профессионализации занимался в начале XX века Л. Крживицкий. Он разработал учение о профессиональных типах и даже

пытался построить карту «размещения в обществе способностей» [7].

Книга Г.С. Полляка «Профессия как объект статистического учета» [8] представляет собой расширенный и переработанный вариант его диссертации, написанный под руководством выдающегося русского ученого статистика А. Чупрова. Автор обратился к этому предмету потому, что в тогдашних профессиональных переписях содержалось множество неясностей относительно того, какие виды труда к каким профессиям отнести, как их определять и операционализировать. В проводившейся тогда профессиональной переписи использовалась схема общественной группировки: общество изображалось как совокупность профессиональных групп, внутри которых различаются отдельные социальные классы; расслоение общества отмечается рядом перекрестных линий, проведенных в вертикальном и горизонтальном направлениях. При этом каждому вертикальному слою соответствует отдельная профессия и каждому горизонтальному – социальный класс.

По определению Г.С. Полляка, профессия есть прежде всего специальная деятельность, затрата труда на специальные цели, ограниченная по кругу действий и выражающаяся в определенной технической форме; поэтому, например, деятельность домашней хозяйки, обнимающая неопределенное количество нераздельно связанных между собой операций, не считается профессией. Профессия мыслима лишь при таком хозяйственном строе, где существует дифференциация труда, где из общего круга работ, выполняемых семьей, родом или общиной, выделены определенные операции, ставшие специальной задачей отдельной личности. На наших глазах отдельные работы, выполнявшиеся раньше в своем хозяйстве, становятся достоянием специальной профессии: в деревнях перестают ткать холст для потребностей семьи, в городах исчезает домашнее печенье хлеба, домашнее шитье; все эти операции переходят в руки работников-профессионалов – ткачей, булочников, портных. Процесс образования профессий сопровождается, таким образом, возникновением особых общественных групп, специализирующихся на выполнении отдельных производственных задач и достигающих в этом, благодаря длительному упражнению, значительной степени совершенства: коллективный навык, приобретенный несколькими поколениями, передается по наследству путем профессионального обучения, связанного с прохождением определенного профессионального стажа. В общепотребительное понятие профессии приводят, таким образом, два новых момента – длительность осуществления и наличность профессиональной подготовки. Разговорный язык избегает обозначать словом «профессия» различные виды не требующего предварительной подготовки неквалифицированного труда: не считают, например, профессией работу землекопа или дровосека. Напротив, инженер, за неимением места по своей специальности дающий частные уроки, все же будет считаться инженером по профессии, если только его преподавательская деятельность не примет затяжного характера; тогда упомянутые два момента понятия профессии – длительность осуществления, с одной стороны, и профессиональная подготовка, с другой – вступают как бы в конфликт между собой... Отсюда можно заключить, что в обычном представлении профессия выступает не только как специальная разновидность человеческой деятельности, выражающаяся в определенной технической форме, но, равным образом, как свойство лица, занятого указанной деятельностью. Если инженер, деятельность которого протекает вне его специальности, несмотря на это считает своей профессией именно

инженерное дело, а не что-либо иное (да и для общества, его окружающего, его профессия долгое время будет определяться полученным им специальным образованием), то очевидно, что его профессиональные знания и опыт кристаллизовались в нечто, налагающее свой отпечаток на его духовный облик, в нечто, составляющее часть его личности» [8].

Как полагает Г.С. Полляк, профессия выступает одновременно дифференцирующим и интегрирующим фактором, поскольку образ жизни, круг знаний, практические навыки представителей одной профессии могут резко отличаться от аналогичных показателей у других профессий (дифференциация), но именно сходство в образе жизни и условиях жизни представителей одной и той же профессии объединяет их в незримое и крепкое сообщество (интеграция): духовное достояние, которое профессия создает для отдельного человека, является здесь общим достоянием. Профессия, рассматриваемая под таким углом зрения, представляется социально-образующим фактором; профессиональная группа выступает здесь, как социальное единство, как один из тех социальных кругов. «Таковы основные моменты понятия профессии, выдвигаемые в социологической литературе и закрепленные в обычном представлении», – пишет Г.С. Полляк [8].

В прежние времена профессия не выбиралась каждым индивидом, а наследовалась из поколения в поколение. Она являла собой единственный жизненный путь для всей родственной цепочки, а каждый отдельный индивид носил печать своей профессии всю жизнь: сын средневекового столяра с момента появления на свет предназначался к продолжению деятельности своего отца, а профессиональная подготовка, которая стоила немалых денег и не всем была доступна, окончательно и бесповоротно решала судьбу молодого человека. В конце XIX в. ситуация меняется, закрепление за профессией становится редким, а смена профессии – частым. Зарубежные данные, пишет Г.С. Полляк, свидетельствуют, что среди квалифицированных рабочих бумагопрядильни лишь 30,1% имели отцов, принадлежавших к той же профессии; для рабочих машиностроительного завода, обследованного Р. Сорером, эта доля еще меньше – 15,4% [8]. «Жизнь, с возникновением новых средств передвижения, приобретает большую подвижность: исчезает та прикрепленность человека к определенному месту, на которую он был фактически обречен отсутствием удобных путей сообщения: рабочие силы привлекаются в те местности, где на них существует более сильный спрос и отталкиваются из областей, где этот спрос слаб („дальний отход“ в наших нечерноземных губерниях) такой обмен рабочими силами зачастую принимает интернациональный характер (пришлые русские рабочие в Восточной Пруссии, итальянские рабочие в Аргентине и Соединенных Штатах)» [8]. Квалифицированные рабочие меняют место работы и профессию 2–5 раз, неквалифицированные – еще чаще. Часто перемена занятий происходит из стремления скрасить монотонность и однообразие труда. Один в течение жизни был пастухом (один год), дворником (2 года), слесарем (7 лет), прессовщиком (6 мес.), снова слесарем (3 года), мастером (5 месяцев) и снова слесарем; другой – слесарем, углекопом, рыбаком, кузнецом, занимался рытьем прудов, сгребанием снега и другой черной работой; третий сменил профессии слесаря, шофера и кочегара [8].

Прогрессирующая специализация труда и связанные с ней расширение использования машин, фрагментация труда на крупных предприятиях, полагает Г.С. Полляк, существенно изменяют содержание профессионального труда. Труд перестает быть связанным с личностью

человека, как это было в ремесленных цехах. Уходят в прошлое понятия о профессиональной чести и профессиональной гордости. На смену обученным рабочим приходят необученные, частичные работники: «профессия становится деятельностью, навязанной человеку извне – условиями конъюнктуры; профессия „объективируется“: она перестает быть частью личности осуществляющего ее субъекта, оставаясь только специальной формой затраты труда; профессиональная группа это уже не живой союз лиц, не социальное единство, а просто людской агрегат, отмеченный фактом сопринадлежности лиц его составляющих к одной и той же отрасли производства» [8]. Старые профессии быстро отмирают, а на их место приходят новые, еще менее долговечные и устойчивые. Такой процесс обезличения профессии немецкие социологи и статистики называли замещением профессии (Beruf) занятием (Beschäftigung).

Среди теоретических подходов в послереволюционный период, тяготеющих к социологии, следует выделить концепции С.И. Солнцева и С.Г. Струмилина.

Известный русский экономист Сергей Иванович Солнцев (1872–1936) предпринял попытку с марксистских позиций проанализировать: а) сложившиеся к тому времени социологические теории классов, б) распространенную в европейской социологии теорию обеднения населения, в) историю и теорию рабочих бюджетов. Основательное знание первоисточников позволило С. Солнцеву создать собственную концепцию классов [9], в основе которой лежало деление населения на профессиональные сословия и категории. Профессиональное разделение у Солнцева выступало “технической категорией”, характеризующей общество от его социального устройства. В отличие от него сословное деление носит социальный характер, оно возникает из политико-правовых разграничений и отличается иерархическими отношениями, привилегиями и социальным неравенством.

Профессиональное деление присуще всем историческим эпохам, любому устройству общества. А если это так, то профессиональное деление (или, выражаясь современным языком, стратификация) не относится к числу исторических или социальных категорий. Напротив, сословное деление носит социальный характер, но оно возникла в силу политико-правовых разграничений. Для него характерна иерархия отношений, наделение одних слоев большими, а других меньшими привилегиями. Отсюда возникает неравенство сословных отношений. Сословия формируются на основе политико-юридических отношений и являются категорией исторической.

Классовое общество делится не на множество промежуточных слоев, а на два крайних полюса – работающих и неработающих, между которыми находятся сословия. Если профессиональное деление присуще всем историческим периодам, то сословное – только периоду простого товарного производства, а именно рабовладению и феодализму. Классы свойственны только капитализму, так как здесь все уравнивается в гражданских правах, а политико-правовое неравенство есть неравенство лиц, а не сословий. Однако это не означает, что классы возникли только при капитализме. Они зарождаются с разложением первобытной общины и появлением избыточного продукта, т.е. в связи с формированием «социально-трудового процесса». В докапиталистических обществах классы существовали в латентном, т.е. неявном, виде.

С. Солнцев следующим шагом переходит к классификации рабочих, для чего выбирает две немецкие модели (И. Грубера и П. Баллина) и объявляет их вполне подходящими для целей бюджетной статистики. У И. Грибе-

ра, опубликовавшего свою классификацию в 1887 г., все рабочие делятся на: 1) сельскохозяйственных рабочих (сюда входят а) сельская прислуга и б) сельские наемные рабочие, включающие две категории – свободных и законтрактанных); 2) горнорабочие; 3) ремесленные рабочие; 4) индустриальные рабочие, распадающиеся в свою очередь на а) рабочих крупной домашней промышленности и б) фабричных рабочих. П. Баллин, создавший свою концепцию несколько ранее (в 1883 г.), делит рабочих на 12 категория: 1) аграрные рабочие, владеющие землей, 2) аграрные рабочие, не владеющие землей, 3) аграрные рабочие, связанные контрактом, 4) лесные и садовые рабочие, 5) горнорабочие, 6) фабричные рабочие, 7) подмастерья и ремесленные рабочие, 8) рабочие домашней промышленности, 9) рабочие в торговле, на транспорте, обслуживании, 10) сельскохозяйственная прислуга, 1) прислуга в промышленности, 12) домашняя прислуга [10].

В первой четверти XX в. в нашей стране появилась плеяда крупных психологов, занимающихся психотехникой, профессиональным отбором, изучением человеческого фактора, в том числе В. Бехтерев, А. Кларк, А. Лурия. Практическими вопросами классификации профессий и профессионального подбора кадров занимались последователи движения НОТ (научной организации труда), получившего в 1920-е годы поистине всенародный размах. Среди лидеров движения можно отметить Харьковскую школу НОТ и управления. Ее возглавлял Федор Романович Дунаевский (1887–1960) – крупнейший предшественник отечественной управленческой мысли, основатель и директор Всеукраинского института труда (г. Харьков). Основные труды: «Задача просвещения» (1922), «Проблема профессионального подбора (выбор профессии)» (1923), «Профессиональный подбор и его социальный смысл» (1923), «Организованность организатора» (1923), «Об индустриализации в управленческой работе» (1925), «О плановом руководстве рационализаторской работой» (1925), «Комплексность в организации» (1928), «Некоторые впечатления от германской рационализации» (1928), «К вопросу о грядущей индустриализации сельского хозяйства» (1928). Ближайшими соратниками и единомышленниками Дунаевского были М. Сыркин, М. Шейнерман, Е. Левин, Е. Либерман, И. Янжул и др.

В связи с новым пониманием рационализации производства перед коллективом Харьковского института ставилась задача: изучить воздействие современной технологии и частичного разделения труда на изменение роли человека в производстве, по-новому рассмотреть содержание и роль профессий. В научной литературе начала XX века при классификации профессий последние делились по: 1) предмету, 2) материалу, 3) орудиям труда. Глава харьковской школы НОТ Ф. Дунаевский предлагал иной подход. Согласно его воззрениям, современная технология требует разделения труда по организационной роли человека в производстве. Еще раньше Ф. Тейлор пошел по пути отделения функции налаживания станка от функции исполнения операций на этом станке. Дунаевский предлагал углубить тейлоровский принцип с учетом современных достижений технологии.

Дунаевский показал, что уже сейчас формируется новый тип профессии как у основных, так и у вспомогательных рабочих. Допустим, хорошо подготовленный наладчик токарных станков может обслуживать также сверлильный и строгальный, хотя раньше для этого требовалось овладеть дополнительной специальностью. Дело в том, что современная профессия более опосредованно связана со спецификой орудий труда, чем старая. Одна из тенденций технического прогресса – все

большая материализация в машине тех функций, которые прежде выполнял человек. На этом и основана автоматизация массового производства [11].

По мнению Дунаевского, проблемы профессионального подбора и оптимальной расстановки людей всегда должны находиться в поле зрения руководителей. Если люди работают не на своем месте, эффективность их труда резко снижается. Работа, не соответствующая способностям, действует на человека как яд: если она непосильна, то ведет к переутомлению, недовольству получаемым результатом; если слишком легка – человек будет чувствовать себя меньшим, чем мог бы быть. «Между тем, тон рабочего самочувствия человека – это тон его жизни». Харьковский институт труда стал первым институтом в Европе, проводившим исследования по подбору кадров.

Особо надо сказать о развитии в 1920-е гг. психотехники. Она занималась разработкой конкретных психологических методов решения практических задач: профотбором и профконсультациями, профессиональным обучением и рационализацией труда, борьбой с профессиональным утомлением и травматизмом, психогигиеной и психотерапией. Так, в Казанском институте НОТ изучалась зависимость скорости работы от настроения, темперамента и мышечного напряжения, исследовались вопросы трудоспособности женщин, утомляемости при занятиях умственным трудом, в психотехнической лаборатории были составлены профили ряда профессий (педагога, инженера, врача, бухгалтера). В начале 1920-х гг. здесь трудились А.Р. Лурия, М.А. Юровская, И.М. Бурдянский и др.

Одним из ключевых понятий в отечественной социологии труда как в довоенный, так и в послевоенный периоды «профессия». В довоенный период единого понимания еще не сложилось. В послевоенный период советские социологи единодушно придерживались того определения профессии, которое дал крупнейший авторитет в области социальной и экономической мысли академик С.Г. Струмилин. Профессией, писал он в 1957 г., называется «совокупность приобретенных школьной или внешней выучкой специальных трудовых навыков, совмещаемых обычно в одном лице и объединяемых общим названием, например, слесарь, столяр, скрипач» [12]. Позже слово «выучка», больше подходящий для постреволюционного периода, заменили на более современные термины обучение, подготовка, знания. У В.Г. Подмаркова и И.Н. Сиземской можно встретить такое определение: «Профессия представляет собой сумму определенных знаний и трудовых навыков работника» [13].

К сожалению, терминологическая замена не обошлась без потери качества. В советской социологии труда из понимания профессии исчезло, быть может, главное – соответствующие ей стиль поведения, образ жизни, язык или сленг, ценностные ориентации. Профессия дореволюционного инженера или рабочего-путейца представляла собой специфический жизненный мир, обладавший характерными для него социальными атрибутами. Однако в послевоенный период на смену выстарым промыслам и ремесленному труду пришло высоко механизированное массовое производство, в котором профессии перестали, по существу, быть профессиями. Они превратились в специальности, в узкие сегменты разделения труда, где нивелированы или сведены к минимуму социальные отличия и характерные профессиональные стили. Обладатели профессии-специальности стали отличаться друг от друга не образом или смыслом жизни, ни языком или ценностными ориентациями, а трудовыми функциями, операциями, технологией и т.д. Личностное начало профессии уступило место безлич-

ному, стандартному. Поэтому нет ничего удивительного в том, что профессия в советской социологии труда у одних превратилась в совокупность знаний и навыков, а у других в комплекс трудовых обязанностей либо вид труда.

Нельзя сказать, чтобы советские социологи слепо следовали за тенденциями развития современного производства и представляли профессию исключительно как еще одну характеристику рабочего места или трудового процесса. Они стремились нагрузить ее субъективным и социальным содержанием. Одну из таких попыток предпринял и В.Г. Подмарков. Он выступал против отождествления вида труда и профессии: «профессия принадлежит не производству вообще, не трудовому процессу вообще, а лишь одной стороне производства и труда – работнику» [14]. Выражение «профессия принадлежит не рабочему месту, а работнику» с тех пор стала крылатой и послужила методологическим ориентиром в проведении социологических исследований по крайней мере на последующие 15 лет.

В.Г. Подмарков выступает против отождествления профессии и занятия, ошибочно приписывая его зарубежной социологии. Действительно, занятие – более широкое понятие, его можно выполнять, вовсе не имея подготовки. Профессия занимает лишь часть континуума видов занятий, ту часть, которая предполагает подготовку на уровне вуза, полную автономию и самопланирование и хозрасчет. Врач или юрист, ведущие частную практику, соответствуют титулу профессии, а рабочий на конвейере либо сторож нет. Иными словами, на Западе только небольшая часть из примерно 40 тыс. специальностей удостоилась звания профессии. В СССР профессией называли практически любую специальность, главное, чтобы эта специальность или это занятие являлись элементом общественного производства. К примеру, любительское занятие, которым человек занимается на досуге, остается занятием, но, когда оно перерастает в основную деятельность, интегрировано в общественное производство, то переходит в новую категорию и становится профессией. Таков критерий В.Г. Подмаркова. С точки зрения критериев, принятых в западной номенклатуре занятий и профессий, этих условий недостаточно. У нас радиолюбительство могло стать профессией, как только переходило на систематическую основу. За рубежом – нет, так как основное требование для профессии – это высшее образование, самонаянность и автономия. Радиоинженер на заводе, перешедший из радиолюбителей, не обладал всем перечнем требований. Различия в подходе к профессии диктовались разными социально-экономическими условиями – капитализмом и социализмом, а не разностью в принципах построения научной теории.

Западные социологи были более свободны в оперировании научными категориями, в частности, профессией, трактуя ее как единство социальных (образ и стиль жизни, ценности, сленг, наличие профессиональной ассоциации), юридических (обязательная фиксация данного занятия в качестве профессии на национальном уровне; некоторые виды деятельности, например социальная работа, добивались получения профессионального титула несколько десятилетий и стали в общем списке под номером 25; правовые гарантии и обязательства, кодекс профессиональной чести, функционирующий как юридический документ в том числе и т.д.), технико-организационных (совокупность операций, трудовых функций, уровень сложности труда, разделение и специализация труда), экономических (профессия как элемент или институт рыночной экономики, товарно-денежные отношения с клиентами, контракт, рынок труда и т.п.)

аспектов. Из этого весьма богатого списка советские социологи сконцентрировались лишь на технико-организационных и личностных аспектах, подразумевая под личностными совокупность ценностных ориентаций, поведенческих моделей, трудовых навыков и знаний. На большее они объективно были неспособны, ибо их сдерживала плановая социалистическая экономика, в которой профессия имела совсем иной, нежели в рыночной капиталистической экономике, смысл.

Тем не менее, советским социологам удалось сделать немало. Удалось развести два похожих понятия – профессиональный труд и трудовую профессию, к примеру. В.Г. Подмарков пишет: «Трудовая деятельность может быть профессиональной или непрофессиональной, причем профессиональная характеристика зависит не только от степени подготовки работника. Например, любитель-шофер может иметь очень высокую квалификацию, но профессионалом он признается лишь тогда, когда получает официальное удостоверение (права) и работает в соответствующей организации (автохозяйстве). Иначе говоря, профессия включает не только степень подготовки работника, но и форму ее общественного признания» [14].

Получение официального удостоверения – лишь одна форма общественного признания профессии, так сказать, формальная сторона дела. Чиновник регистрирует вашу квалификацию в соответствующем документе, ставит печать и вносит в общую базу данных. Эту сторону правильнее было бы именовать элементом институционализации профессии или квалификации. Соответственно результат этого процесса правильнее было бы называть *формальной квалификацией*. Она фиксируется в формальном сертификате, выданном каким-либо учреждением. Водительские права или вузовский диплом удостоверяют лишь то, что вы получили определенный запас теоретических знаний, но не обязательно практических навыков. Только проездив или проработав несколько лет, вы переплавляете теоретические знания в практические навыки и теперь уже готовы продемонстрировать *реальную квалификацию*. К сожалению, в отечественной социологии труда и социологии профессий мало уделили внимания разграничению и изучению этих двух явлений.

Институционализация профессии выступает только одной стороной общественного признания. Другой стороной является общественный престиж профессии. Он фиксируется в США с 1947 г. путем регулярных опросов населения (на общенациональной выборке), в ходе которого респонденты ранжируют 90 основных занятий (в том числе профессий) и присваивают им соответствующий балл. В СССР ничего подобного не происходило. Стало быть, репрезентативных и надежных эмпирических данных об этой стороне общественного признания профессий у нас не было. А опросы школьников о будущей профессии никак не могли и в десятой степени заменить общенациональные исследования, на материалах которых строилась статистическая и динамическая картина изменения профессионального престижа на протяжении нескольких десятилетий.

Особенно детально отечественные социологи исследовали когнитивную составляющую профессии, а именно, какое начальное, общее или специальное образование требуется для выполнения той или иной работы, созданы на предприятии условия для повышения квалификации или нет, как часто ее необходимо повышать и т.д. Сотни и тысячи исследований, проведенных в промышленности за 1960–1980-е годы, позволили накопить огромный банк данных о профессиональной подготовке и квалификации работников в отраслевом и региональ-

ном разрезах. Книга М.Х. Титмы «Выбор профессии как социальная проблема» была выпущена в 1975 г. и посвящена проблеме профессионального самоопределения молодежи. Целью своего исследования автор считает: «во-первых, раскрыть социальную сущность выбора профессии в различных общественных условиях и показать специфику планомерного регулирования профессионального самоопределения молодежи при социализме; во-вторых, проанализировать субъективную сторону профессионального самоопределения, т.е. отношение личности к выбору профессии и социальную заданность представлений молодежи о значении выбора профессии; в-третьих, выявить на основе эмпирических исследований главные направления и структуру социально-профессиональных ориентаций молодежи» [15].

М. Титма выделяет несколько стадий выбора, которые проходит молодой человек в период учебы.

1 стадия – после окончания восьмого класса, когда выбирают между видами образования (общим средним и средним специальным)

2 стадия – после получения среднего образования (работа или учеба в отрыве от производства, в том числе и выбор уровня квалификации и отрасли производства).

3 стадия – после окончания среднего специального заведения и 3-го курса вуза (конкретное место работы и более узкая специализация в вузе). На этой стадии уже 75% молодежи включается в общественное производство.

4 стадия – после окончания вуза (вид труда и место работы для выпускников).

5 стадия – переподготовка или повышение квалификации.

По мнению автора, система образования должна служить выравниванию возможностей для выходцев из различных социальных групп. Другой задачей системы образования является формирование профессиональной ориентированности молодых людей.

Сотни и тысячи исследований, проведенных в промышленности за 1960–80-е годы, позволили накопить огромный банк данных о профессиональной подготовке и квалификации работников в отраслевом и региональном разрезах. Описывая когнитивную сторону профессии, В.Г. Подмарков выделил следующие элементы ее структуры: а) общее образование, б) специальная подготовка, в) квалификация. Когнитивная составляющая профессии на самом деле имеет гораздо более сложное внутреннее строение, чем это может показаться на первый взгляд. Кроме перечисленных элементов сюда также входят а) профессиональная пригодность и б) профессиональная готовность. «Профессиональной готовностью называется сочетание подготовки работника и его желания выполнять данную работу» [14]. Наряду со знаниями и навыками она входит в состав квалификации, а не профессии. Если профессиональная пригодность подразумевает набор физических и психических (включая интеллектуальные) способностей к труду, то готовность выражает не то, что дан человеку от природы, а то, что приобретено в социальном опыте, а именно желание, намерение, мотивацию трудиться. Помимо того, что человек пригоден к труду, он должен еще хотеть работать. А желание трудиться, согласно В.Г. Подмаркову, формируется только в процессе реального освоения работы, а не в студенческой аудитории или за школьной партой.

Включение профессиональной пригодности и профессиональной готовности в состав именно квалификации надо считать целиком заслугой и методологической особенностью В.Г. Подмаркова, которая широкого признания у других социологов труда не получила. Они изучали оба элемента, но не обязательно включали их

в квалификацию. Да и сам В.Г. Подмарков считал подобное включение спорным.

Общее образование, специальная подготовка и квалификация – составные части, если можно так выразиться, качественной стороны квалификации. Но у нее есть еще и количественная. Они измеряются в уровнях и разрядах. В зависимости от уровня квалификации С.Г. Струмилин выделял три группы профессий: 1) высококвалифицированные профессии, 2) профессии средней квалификации и 3) профессии низкой квалификации [16]. Советские социологи взяли эту квалификацию на вооружение, иногда применяли в своих исследованиях, но никакой эмпирической проверки того, насколько она годится в современных условиях, а также никакой концептуализации (включения этой типологии в частно-теоретические построения) не проводили.

Профессия конкретизируется в специальностях. «Когда профессия конкретизируется, став достоянием одного лица, занятого данным видом работы, она приобретает характер специальности... Профессия независима от специальности существует лишь как предпосылка, которая должна быть реализована в действительном труде. Практическая связь профессии и трудовой функции достигается на уровне специальности, которая завершает профессиональное развитие работника. Система однородных специальностей образует профессиональную общность, или профессию в широком смысле. Поэтому “слесарь” – это общее наименование для многих слесарных специальностей, объединенных некоторой совокупностью профессиональных признаков» [14].

Такой подход был достаточно неожиданным для советской социологии труда. Согласно устоявшейся точке зрения, профессия – это собирательное или родовое название для замкнутого множества специальностей. Здесь и профессия, и специальность существуют реально. В.Г. Подмарков отказывает профессии в реальном существовании. Это лишь некая абстракция или потенциальность, которой еще необходимо реализоваться. И реализуется она только через свои специальности.

За рубежом круг профессий очень ограничен. Их число, насколько нам известно, не превышает 30. Но все они – высокопрестижные, очень уважаемые и требующие огромных знаний виды деятельности: юрист, врач, преподаватель и т.п. Они – проявления творческого высококвалифицированного труда. Нетворческий и мало-квалифицированный труд не удостоивается подобного наименования. Специальности и занятия из такого ряда. Здесь профессии совершенно реальные и очень древние виды труда. Специализации – это недавнее явление, возникшее в связи с появлением мануфактуры, а затем и массового производства, расчленившего трудовой процесс на множество функций и специализаций. Стало быть, вне сферы поточного или крупного промышленного производства говорить о специальностях не совсем корректно. Тем более некорректно сводить все многообразие видов деятельности к специальностям, объявлять их единственной реальностью, а всем иным проявлением труда отказывать в существовании. Возможно (хотя и не обязательно), такой подход являл собой следствие схоластического философского образования, которым грешили старшие поколения советских социологов труда.

Если специальности – естественное следствие развития технического прогресса, то вполне логично ожидать роста их числа по мере углубления этого процесса. Так оно и есть: число специальностей возрастает, констатирует сей факт В.Г. Подмарков и приводит такую статистику (табл. 3).

Таблица 3. Профессии и специальности [13]

Наименование профессий	Количество специальностей (в абсолютных единицах)	
	1939 г.	1959 г.
Слесари	186	329
Токари	80	110
Наладчики	16	52
Электромонтеры	127	280
Газосварщики	53	87
Машинисты	450	836
Штамповщики и пресовщики	82	124
Аппаратчики в химической промышленности	46	346

Судя по динамике профессиональной структуры за 1939–1959 гг., многие специальности вовсе исчезли, многие сохранили свое содержание и наименование, третьи сохранили содержание, но изменили название, наконец, возникло множество совершенно новых специальностей. Если сохранить классификацию профессий по уровням квалификации, то окажется, и об этом четко свидетельствуют социологические исследования (в частности, проведенное в конце 1950-х – начале 1960-х годов уральскими социологами [17], происходит так называемая “поляризация профессионального состава”, когда увеличение крайних групп (высокой и низкой квалификации) связано с сокращением категорий рабочих средней квалификации [14].

В исследовании Э.Д. Тихонова основой профессиональной группировки выступало реальное содержание труда, выступающее в виде структуры трудовых функций, связанных с применением орудий труда, а также с тем или другим уровнем затрат умственной и физической энергии. Исследование профессиональной структуры проводилось в «Татнефти» в 1970–1971 гг. в рамках составления ПСР [18]. Им использовался опрос экспертов и хронометраж, охвачено более 20 тыс. рабочих; в качестве экспертов выступили 180 начальников цехов, 60 мастеров и 90 передовых рабочих.

П. Малиновский выделяет четыре профессиональные категории: представители свободной профессии (уникализация личности как основа профессиональной специализации), представители массовой профессии (унификация профессиональной деятельности как основа индивидуальной специализации), парапрофессионалы (универсальные умения и навыки для решения стандартных задач в различных сферах деятельности) и транспрофессионалы (универсализация профессионального мышления как основа комплексного, междисциплинарного решения уникальных проблем) [19].

В советской литературе предпринимались попытки комплексного описания профессиональных группировок. Одна из них принадлежит В.В. Кривневич. В основу группировки положены четыре принципа: 1) степень механизации труда, 2) уровень и характер требуемой квалификации, 3) соотношение затрат умственного и физического труда, 4) целесообразные формы профессиональной подготовки [20]. У В.А. Ядова, А.Г. Здравомышлова и В.П. Рожина профессиональные группировки строились по трем основаниям: 1) уровень механизации труда, 2) соотношение умственного и физического труда. 3) квалификация¹. В те годы социологи считали, что построение профессиональной группировки по нескольким признакам может производиться двумя

методами: во-первых, ранжированием каждой профессии по всем признакам и, во-вторых, последовательным ранжированием профессий вначале по ведущему признаку, затем ранжированием профессий внутри каждой из полученных групп по второму признаку и т.д. По мнению О.И. Шкаратана, профессия – практически единственный надежный эмпирический индикатор характера труда [21]. Советские социологи считали, что профессиональное разделение людей при социализме: 1) есть проявление специализации социально однородных функций; 2) форма проявления качественных различий в социально-экономическом разделении труда, атрибут определенных социальных групп (слоев) [21].

Основной исследовательский интерес, отечественных социологов, начиная с 1960-х гг., был сосредоточен на изучении профессионального выбора молодежи, а именно на изучении ценностных критериев выбора профессии, общественного престижа профессий и профессиональных планов выпускников школ. Наибольшие заслуги здесь принадлежат В.В. Водзинской, Д.Л. Константиновскому, М.Х. Титме, В.Н. Шубкину. Понимание социально-профессионального становления молодежи не только как выбора профессии на определенном этапе развития субъекта труда, но и как выбора уровня и формы профессионального образования, типа учебного заведения, выбора вуза способствовало изучению в разные годы ориентации молодежи на высшее образование, ценности образования в сознании молодежи, ее образовательных планов (С.С. Балабанов, В.И. Журавлев, Г.Е. Зборовский, Д.Н. Зюзин, Т.Д. Кончанин, Р.И. Никифоров, Ф.Р. Филиппов и др.). К вопросам профессионального самоопределения молодежи обращались в своих работах Д.Л. Константиновский, М.Х. Титма, Ф.Р. Филиппов, В.Н. Шубкин.

Уральский социолог Т.Л. Александрова понимает профессии как социальный механизм дифференциации и специализации трудовой деятельности на видовом и внутривидовом уровне, функционирующий как средство развития содержания труда [22]. Указания только на видовой признак недостаточно, поскольку границы между профессией и специальностью (подразделением внутри профессии) весьма подвижны. Строго говоря, ученый, педагог, юрист, медик, военнослужащий, предприниматель – это сегодня не профессии, а группы родственных профессий (профессиональные поля), выступающие в качестве самостоятельных профессий лишь в неразвитом состоянии. В результате прогрессирующей внутривидовой дифференциации специальности могут преобразовываться в профессии. Именно таким путем во многом возникло все богатство современных профессиональных занятий. Она предлагает выделять: 1) «полные» профессии, обладающие всеми признаками, необходимыми для полноценного процесса труда; 2) «редуцированные» (не обладающие всей полнотой признаков) профессии. Первые вид означает высокоинтеллектуальную деятельность профессионалов, второй – обычные рутинные занятия (рабочие, клерки и т.д.).

Отечественные социологи, наряду с зарубежными учеными, получили интересные результаты по некоторым научно-поисковым направлениям. Так, в исследование вопросов профориентации, профконсультации и профессиографии внесли значительный вклад Ф. Парсонс, Дж. Крумбольц, Р. Киннер, Е. Герр, Н. Гисперс, И. Мур, Д. Сьюпер, признание и широкую известность получили методики профориентации Д. Голланда, Р. Кэттелла, Н.С. Пряхникова, Е.А. Климова, Г. Айзенка, К. Томаса, а Е.А. Климов, В.В. Ярошенко, А. Маслоу, А.Е. Голомшток, Л.А. Йовайши, В.В. Назимов, Б.А. Федорошин,

¹ См.: Человек и его работа. М., 1967

С.А. Чистякова достигли успехов в изучении вопросов профессионального самоопределения. Проблемы профессиональной идентификации, ее структуру и генезис, кризис идентичности изучали Р. Баумайстер, М. Борневассер, Дж. Бьюдженталь, Э. Гидденс, Э. Гоффман, С. Мадди, Д. Марсиа, С. Московичи, Ж. Пиаже, Х. Ремшидт, Х. Тэдждфел, Дж. Тэрнер, Б. Шефер, Э. Эриксон, а также Н.А. Антонова, Г.М. Андреева, Т.М. Буякас, Л.С. Выготский, И.С. Кон, А.В. Кузьмин, О.В. Лукьянов, В.В. Марченко, В.С. Мухина, Д. Орлов, Б.Ф. Поршнев, Л.М. Путилова, С.Л. Рубинштейн, И.И. Чеснокова, Е.В. Шорохова, В.А. Ядов.

Литература

1. Сорокин П.А. Влияние профессии на поведение людей и рефлексология профессиональных групп // Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994. с. 333–356.
2. Сорокин П. Система социологии: В 2 т. Т. 2. М., 1993. с. 182.
3. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. с. 353–373.
4. *Taussig F.W. Inventors and Money-makers.* N. Y., 1915
5. Георгиевский П.И. Вопросы дня. СПб., 1909. Вып. 1. С. 35.
6. Ануринов В.Ф. Основы социологических знаний: Курс лекций по общей социологии. Н. Новгород: НКИ, 1998.
7. Крживицкий Л. Профессиональные типы. Размещение в обществе способностей // Современный мир. 1909. № 4, 6, 11.
8. Полляк Г.С. Профессия как объект статистического учета. СПб., 1913.
9. Солнцев С.И. Общественные классы. Томск, 1917.
10. Солнцев С. Рабочие бюджеты в связи с теорией обеднения. Социально-экономический очерк (по данным берлинской бюджетной статистики). М., 1923. с. 21–22.
11. О предпосылках рациональной организации: Тр. Всеукр. ин-та труда. Харьков, 1928. Вып. 2. с. 50–52.
12. Струмилин С.Г. Проблемы экономики труда. М., 1957. с. 12
13. Подмарков В.Г., Сиземская И.Н. О профессиональной структуре советского общества. М., 1969. с. 4
14. Подмарков В.Г. Введение в промышленную социологию (Социальные проблемы социалистического промышленного производства). М., 1973, с. 101.
15. Титма М.Х. Выбор профессии как социальная проблема. М., 1975. с. 1.
16. Струмилин. Проблемы экономики труда. М., 1982.
17. Бреев Б.Д., Нелюбин М.Д. Автоматизация процессов и рабочие кадры при социализме. Свердловск, 1961. с. 24.
18. Тихонова Э.Д. Проблемы разделения труда и методика исследования профессиональной структуры рабочих кадров в нефтяной промышленности // Социология и производство. Казань, 1976. с.199–213.
19. Малиновский П. Кадровый пасьянс-2008 // Со-общение. 2004. № 4.
20. Кривневич В.В. Влияние научно-технического прогресса на изменение структуры рабочего класса в СССР. М., 1971
21. Рабочий и инженер: социальные факторы эффективности / Под ред. О.И. Шкаратана – М., 1985. с. 47.

22. Александрова Т.Л. Методологические проблемы социологии профессий // Социол. исслед., 2000. № 8. с.11–17.

FOREIGN AND DOMESTIC SOCIOLOGY OF PROFESSIONS: BASIC APPROACHES

Kravchenko A.I.

The article analyzes the main representatives of the sociology of professions in Russia. The domestic tradition of the sociology of professions was laid at the beginning of the twentieth century. G.S. Pollyaka, G.G. Shvittau and S.G. Strumilina, and then it continued thanks to the efforts of V. Podmarkov, V. Shubkin, O. Shkaratan, M. Titma, M. Talyunaite, G. Cherednichenko, L. Ossovsky, I. Sizemsky, V. Yadov. In the last decade, new studies have appeared that belong to T. Alexandrova, V. Verkhovin, E. Vilkhovchenko, G. Zborovsky, L. Zubkova, Yu. Klimov, G. Korableva, O. Kryshtanovskaya, Z. Kupriyanova, I. Model, L. Rubina, E. Khibovsky and others.

Keywords: profession, labor, work, vocation, sociology.

References

1. Sorokin P.A. The influence of the profession on people's behavior and the reflexology of professional groups // Sorokin P.A. Public textbook of sociology. Articles from different years. Moscow, 1994. pp. 333–356.
2. Sorokin P. The system of sociology: In 2 vols. Vol. 2. Moscow, 1993. p. 182.
3. Sorokin P.A. Man. Civilization. Society. Moscow, 1992. pp. 353–373.
4. *Taussig F.W. Inventors and Money-makers.* N. Y., 1915
5. Georgievskiy P.I. Questions of the day. St. Petersburg, 1909. Issue 1. P. 35.
6. Anurin V.F. Fundamentals of sociological knowledge: Lecture course on general sociology. N. Novgorod: NKI, 1998.
7. Krzhivitsky L. Professional types. Placement of abilities in society // The modern world. 1909. No. 4, 6, 11.
8. Pollyak G.S. Profession as an object of statistical accounting. St. Petersburg, 1913.
9. Solntsev S.I. Social classes. Tomsk, 1917.
10. Solntsev S. Working budgets in connection with the theory of impoverishment. Socio-economic essay (according to the Berlin budget statistics). Moscow, 1923. pp. 21–22.
11. On the prerequisites of rational organization: Proceedings of the All-Ukrainian Institute of Labor. Kharkov, 1928. Issue 2. pp. 50–52.
12. Strumilin S.G. Problems of labor economics. Moscow, 1957. p. 12
13. Podmarkov V.G., Sizemskaya I.N. On the professional structure of Soviet society. Moscow, 1969. p. 4
14. Podmarkov V.G. Introduction to industrial sociology (Social problems of socialist industrial production). Moscow, 1973, p. 101.
15. Titma M. Kh. Choice of profession as a social problem. Moscow, 1975. p. 1.
16. Strumilin. Problems labor economics. M., 1982.
17. Breev B.D., Nelyubin M.D. Automation of processes and workers under socialism. Sverdlovsk, 1961. p.24.
18. Tikhonova E.D. Problems of the division of labor and the methodology for studying the professional structure of workers in the oil industry // Sociology and production. Kazan, 1976. pp.199–213.
19. Malinovsky P. Personnel solitaire-2008 // Communication. 2004. No. 4.
20. Krevnevich V.V. The influence of scientific and technological progress on changes in the structure of the working class in the USSR. M., 1971
21. Worker and engineer: social factors of efficiency / Ed. O.I. Shkaratan – M., 1985. p.47.
22. Aleksandrova T.L. Methodological problems of sociology of professions // Sociological research, 2000. No. 8. pp. 11–17.